Е. Спекторскій.

ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

въ XVII столѣтіи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Новое міровоззрѣніе и новая теорія науки.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
—
1910.

~~458~~ № 5/12.

VIII 114 c.e.

Е. Спекторскій.

ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

въ XVII столѣтіи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Новое міровоззрѣніе и новая теорія науки.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
—
1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Е. Ѳ. Карскій*

4-VIII A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
7368

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе, тѣсно связанное съ большинствомъ [1]) прежнихъ работъ автора, вызвано проблемою, занимавшею его еще на университетской скамьѣ. Что такое соціологія? Чѣмъ и какъ ей заниматься? Дѣйствительно ли это — соціальная физика, открывающая или, по крайней мѣрѣ, могущая открыть естественные законы человѣческаго общежитія? Если да, то каковы эти законы и какъ ихъ искать и провѣрять? Если же нѣтъ, то существуетъ ли и можетъ

---

[1]) См. „Къ вопросу о систематизаціи въ обществовѣдѣніи" (Варшава, 1903), „О задачахъ обществовѣдѣнія" (Вопросы философіи и психологіи, книга 72), „Изъ области чистой этики" (тамъ же, книга 78), „Органическая теорія общества" (Записки Общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ, выпускъ 3), „Эргардъ Вейгель, забытый раціоналистъ XVII вѣка" (тамъ же, выпускъ 4; статья эта въ дополненномъ видѣ вошла въ настоящее изслѣдованіе—см. XI главу), „Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка" (Юридическія записки, № 2), „Очерки по философіи общественныхъ наукъ, Выпускъ I: Общественныя науки и теоретическая философія" (Варшава, 1907, см. гл. VI: „Проблема соціальной механики въ XVII и XVIII вѣкахъ", стр. 121 и слѣд.), предисловіе къ сдѣланному А. Б. Ставскимъ русскому переводу „Политическаго трактата" Спинозы (Варшава, 1910).

ли вообще существовать соціологія? Какова цѣнность многочисленныхъ попытокъ осуществленія этой заманчивой, но также и обманчивой науки? Выполняютъ ли эти попытки дѣйствительно серьезную, научную задачу, хотя, быть можетъ, болѣе или менѣе несовершенно? Или же онѣ уклоняются отъ настоящихъ путей строгой науки, представляютъ не болѣе какъ недоразумѣнія, заблужденія, а въ иныхъ случаяхъ даже просто плодъ недомыслія полуученыхъ дилеттантовъ? Не правъ ли Іеллинекъ, называющій соціологію убѣжищемъ научнаго полусвѣта, или же Тардъ, жаловавшійся, что эта дѣвственная научная почва опустошается хищниками, напоминающими знаменитыхъ испанскихъ conquistadores? Быть можетъ, настоящей научной соціологіи еще нѣтъ. Быть можетъ, она должна еще возникнуть. И пока она напоминаетъ гомункулуса въ Гетевомъ „Фаустѣ", который носится со своею ретортою въ тщетныхъ усиліяхъ возникнуть:

Ich sehwebe so von Stell' zu Stelle,
Und möchte gern im besten Sinn entstehn.

Но какъ же ей тогда возникнуть? Да и вообще возникнетъ ли она когда-нибудь? Таковы вопросы, неотступно преслѣдовавшіе автора во всѣхъ его научныхъ занятіяхъ.

Съ точки зрѣнія того Контова пониманія соціологіи и ея задачъ, которое болѣе всего привлекало его широтою своихъ обѣщаній, эта наука должна быть единственною, универсальною наукою о человѣческомъ общежитіи, упраздняющею за ненадобностью и растворяющею въ себѣ безъ остатка всѣ частныя, спеціальныя общественныя науки. Сообразно съ этимъ всякое предпринимавшееся авторомъ изслѣдованіе того или иного вопроса права или государства въ концѣ концовъ сталкивалось съ этою проблемою, оказывалось неосуществимымъ безъ ея предварительнаго разрѣшенія. Сфинксъ соціологіи пожиралъ эти изслѣдованія и продолжалъ ставить свои загадки.

Въ теченіе сравнительно долгаго времени авторъ надѣялся справиться съ ними или путемъ болѣе или менѣе отрицательной критики тѣхъ или иныхъ новѣйшихъ попытокъ рѣшенія соціологической проблемы по существу или путемъ абстрактныхъ и апріорныхъ методологическихъ разсужденій. Въ поискахъ за надежною философскою опорою для такихъ разсужденій онъ въ теченіе нѣкотораго времени находился подъ сильнымъ вліяніемъ неокантіанства, именно его марбургскаго развѣтленія съ Г. Когеномъ и П. Наторпомъ во главѣ. Однако это вліяніе не могло привести къ удовлетворительному разрѣшенію проблемы. Дѣло въ томъ, что въ своихъ разсужденіяхъ о человѣческомъ общежитіи эта школа учитъ не столько о томъ, что есть, сколько о томъ, чего нѣтъ, чего никогда не было, а, можетъ быть, никогда и не будетъ; съ точки зрѣнія нравственно должнаго, рѣшительно и исключительно ею принятой, она нерѣдко не объясняетъ, а просто отвергаетъ эмпирически сущее. Вслѣдствіе этого, очевидно, отъ нея нельзя ожидать прочной опоры въ изслѣдованіи соціологической проблемы какъ чего-то строго позитивнаго.

Убѣдившись въ этомъ, авторъ потерялъ вѣру въ марбургскую школу, а также въ плодотворность совершенно отвлеченной, „транссцендентальной" гносеологіи, по крайней мѣрѣ для разрѣшенія вопросовъ положительнаго обществовѣдѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ все болѣе и болѣе возвращаться къ генетическому изслѣдованію проблемъ науки, свою склонность къ которому онъ до того времени искусственно подавлялъ во имя деспотическихъ требованій отвлеченной гносеологіи. Плодомъ этого разочарованія въ такой гносеологіи и перехода на путь генетическаго изслѣдованія былъ первый выпускъ „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ", предварявшій въ видѣ сравнительно отрывочныхъ историческихъ этюдовъ второй систематическій выпускъ, посвященный генетической методологіи обществовѣдѣнія и подготовляемый къ печати.

Въ связи съ направленіемъ этого труда все еще преслѣдовавшая автора проблема соціологіи превратилась въ проблему чисто генетическую. И рѣшить ее для автора стало значить понять ея генеалогію, понять тѣ вполнѣ конкретныя историческія и психическія условія, которыя вызвали ее къ жизни.

Въ поискахъ за этими условіями оказалось невозможнымъ успокоиться на традиціонномъ признаніи О. Конта родоначальникомъ соціологіи и проблемы соціальной физики. Ближайшее знакомство съ его эпохою, результаты котораго отчасти воспроизведены въ VII главѣ перваго выпуска „Очерковъ", слишкомъ очевидно убѣждаютъ въ томъ, что, хотя теоретики этой эпохи и считали себя родоначальниками настоящей соціальной физики, однако, въ дѣйствительности, они только видоизмѣняли, если даже не искажали примѣнительно къ новому историческому міровоззрѣнію XIX вѣка проблему, возникшую гораздо раньше и въ болѣе естественной связи съ инымъ міровоззрѣніемъ, именно съ физическимъ міровоззрѣніемъ XVII вѣка. Проблема соціальной физики вполнѣ естественно возникла тогда именно, когда физика впервые стала строгою и положительною наукою и когда успѣхи ея не могли не найти отголосковъ также и среди обществовѣдовъ. И дѣйствительно, когда авторъ, отрѣшившись отъ установившагося по традиціи пренебреженія къ этимъ обществовѣдамъ, обратился къ ихъ подлиннымъ сочиненіямъ, онъ окончательно убѣдился, что именно они впервые поставили проблему соціальной физики. И при этомъ они глубже и правильнѣе понимали методологію проблемы, чѣмъ ихъ эпигоны XIX вѣка. Въ сопоставленіи съ ихъ методологическимъ образцомъ, именно съ механикою, пріобрѣлъ совершенно иной смыслъ ихъ раціонализмъ, такъ незаслуженно смѣшиваемый со схоластикою. Пораженный широтою и глубиною цѣлей и средствъ той новой соціальной науки, о которой мечтали обществовѣды XVII в., авторъ не могъ уже раздѣлить обычной пренебрежительной оцѣнки полученныхъ ими результатовъ, даже и тогда, когда послѣдніе дѣйствительно оказывались не особенно удачными. Величіе замысла искупаетъ недостатки выполненія.

Та гражданская философія (philosophia civilis), которую они старались создать, должна была быть вполнѣ аналогична естественной философіи (philosophia naturalis); что за естественная философія имѣлась при этомъ въ виду, можно судить по тому, что знаменитое твореніе Ньютона было озаглавлено: Philosophiae naturalis principia mathematica. Новая гражданская философія должна была состоять изъ ученія de homine и de cive, т. е., изъ раціональной психологіи для объясненія физики индивидуальной жизни человѣка и раціональной соціологіи для объясненія физики общественной жизни человѣка, при чемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ образцомъ служила механика — тоже раціональная наука.

Таковъ былъ замыселъ. Выполнить его въ чистомъ и полномъ видѣ не удалось. Обществовѣдамъ XVII вѣка не удалось построить раціональной психологіи и соціологіи, которая раскрывала бы механизмъ личной и публичной жизни человѣка съ такою же ясностью и точностью, съ какою возникшая тогда же механика въ тѣсномъ смыслѣ установила законы движенія физическихъ тѣлъ въ пространствѣ. Это была очень крупная теоретическая неудача — одна изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи наукъ. Неудача означала невозможность, или, по крайней мѣрѣ, неумѣніе сдѣлать изъ науки о человѣкѣ и его обществѣ науку самаго высокаго въ методологическомъ отношеніи типа, именно раціональнаго. Благодаря историческому духу, господствующему за немногими исключеніями во всѣхъ отрасляхъ обществовѣдѣнія съ начала XIX вѣка, нынѣ почти совсѣмъ утрачена вѣра въ науку такого типа: большинство теоретиковъ отступило назадъ, вернулось отъ высшаго и болѣе совершеннаго методологически, именно, раціональнаго типа науки къ низшему, конкретно-эмпирическому типу, въ своихъ научныхъ стремленіяхъ не поднимаясь выше средняго, абстрактнаго типа науки. Повидимому, такое отступленіе было вполнѣ умѣстно и благоразумно. Но это нисколько не значитъ, что правы тѣ новѣй-

шіе обществовѣды, которые съ мнимой высоты своего методологическаго паденія презрительно отзываются о неудавшихся попыткахъ титановъ XVII вѣка овладѣть вершинами знанія и пониманія. Такое отношеніе тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано, что мечта этихъ великихъ неудачниковъ, именно моральная и соціальная механика, раздѣляется множествомъ обществовѣдовъ и донынѣ, съ тою невыгодною разницею, что они надѣются осуществить ее при посредствѣ исторіи и т. п. средствъ, полезныхъ для эмпирическаго и абстрактнаго познанія человѣческаго міра, но еще менѣе способныхъ создать дѣйствительно аналогичное механикѣ знаніе, чѣмъ раціоналистическіе пріемы теоретиковъ XVII вѣка.

Было бы однако большою несправедливостью утверждать, что ничего, кромѣ неудачъ, не вышло изъ попытокъ обществовѣдовъ XVII вѣка раскрыть механику человѣческаго общежитія. Они вдохнули новый, строго научный духъ въ старое схоластическое обществовѣдѣніе. И не ихъ вина, если у ихъ эпигоновъ этотъ духъ выдохся и выродился въ схоластику и метафизику. Этика, психологія, правовѣдѣніе, политика, экономія, статистика, исторія — всѣ эти области знанія испытали на себѣ въ XVII вѣкѣ благотворное вліяніе проблемы соціальной физики и сообразно съ этимъ пріобрѣли строго научный видъ.

Исторія цѣлей, средствъ и результатовъ проблемы соціальной физики въ XVII вѣкѣ и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія. Согласно плану его, приведенному на стр. 3, оно должно состоять изъ трехъ частей: „Новое міровоззрѣніе“, „Новая теорія науки“ и „Новое обществовѣдѣніе“. Настоящій томъ обнимаетъ только двѣ первыя части и стремится возстановить настоящую историческую картину своеобразнаго *позитивнаго* раціонализма XVII вѣка. Авторъ не проповѣдуетъ научнаго и философскаго рецидива, онъ не провозглашаетъ „назадъ къ XVII вѣку“. Онъ просто стремится исправить установившееся по традиціи неправильное пониманіе научныхъ стремленій этого вѣка и напомнить его

своеобразную манеру мыслить и понимать. Когда, напримѣръ, Гоббесъ разсуждалъ de causis et generatione civitatis, онъ совсѣмъ не разсуждалъ о причинахъ и происхожденіи государства въ нашемъ современномъ смыслѣ. Когда въ XVII вѣкѣ спорили о томъ, какъ слѣдуетъ говорить — „форма“ или „фигура“ шляпы, — то это знаменовало не споръ о пустякахъ, а отраженіе въ житейскомъ обиходѣ той ликвидаціи схоластическихъ causae formales, которая вызывалась новымъ міровоззрѣніемъ. Интуиція, демонстрація значили совсѣмъ не то, что теперь и т. д. Чтобы лучше оттѣнить все своеобразіе XVII вѣка, авторъ, какъ Гирке въ своей работѣ объ Альтузіи, слѣдилъ какъ за предшествовавшею, такъ и за позднѣйшею судьбою проблемъ этого вѣка. Къ сожалѣнію, это настолько расширило двѣ первыя части изслѣдованія, что ихъ пришлось выдѣлить въ особый томъ, отчего несомнѣнно должна пострадать цѣльность впечатлѣнія.

Что касается формы изслѣдованія, то авторъ, памятуя замѣчаніе „Логики“ Поръ-Рояля la pedanterie est un vice d'esprit et non de profession [1]), стремился не отождествлять темноты съ глубиною и не злоупотреблять условнымъ іератическимъ языкомъ профессіональной учености. Не ему конечно судить, дѣйствительно ли это ему удалось и притомъ безъ ущерба для величія разсматриваемыхъ имъ проблемъ.

---

[1]) La logique ou l'art de penser, troisième édition, Paris, 1668, стр. 18.

ЗАДАЧА И ПЛАНЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Обществовѣдами XVII вѣка въ настоящее время мало интересуются. О нихъ судятъ, и не изучая ихъ. И судятъ о нихъ такъ пренебрежительно, что нисколько не приходится спрашивать, почему ихъ не изучаютъ. Именно въ нихъ видятъ безплодныхъ, оторванныхъ отъ всего реальнаго и позитивнаго схоластиковъ и метафизиковъ, предававшихся празднымъ умозрѣніямъ подъ знаменемъ столь же неинтересной въ научномъ смыслѣ раціоналистической философіи этого столѣтія.

Несмотря на всю распространенность такого взгляда, необходимо признать его принципіально несправедливымъ и объективно невѣрнымъ. Въ XVII столѣтіи произошелъ глубокій переворотъ во всѣхъ гуманитарныхъ знаніяхъ. Можно сказать, не преувеличивая, что науки о человѣкѣ и его общежитіи тогда совершенно переродились, если даже не зародились впервые на чисто теоретическихъ и строго научныхъ основаніяхъ. Только тогда, вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе тщетно морализировать по поводу человѣческихъ дѣлъ, былъ поставленъ вопросъ о дѣйствительномъ изученіи человѣка и его общежитія, о созданіи теоретической науки о немъ, ничѣмъ не уступающей въ познавательномъ отношеніи естествознанію, которое въ эту эпоху тоже переродилось и стало совершенно новою на-

укою, совсѣмъ не похожею на традиціонное схоластическое знаніе. При посредствѣ раціоналистической философіи XVII вѣка обществовѣды того времени протягивали руку естествовѣдамъ и ставили себѣ задачею ту проблему соціальной физики, появленіе которой совсѣмъ неправильно связывается съ именами Кетле, Конта и другихъ теоретиковъ начала XIX вѣка. Эта проблема вызвала глубокій кризисъ въ гуманитарныхъ наукахъ. Съ рѣзкостью, не допускавшею никакихъ полуотвѣтовъ, никакихъ компромиссовъ, возникъ вопросъ о томъ, быть или не быть настоящей теоретической наукѣ о человѣкѣ и его общежитіи, возможна ли такая наука рядомъ съ наукою о физической природѣ и послѣ нея, и если да, то каковы ея задачи, ея метода, ея объекты. Необходимо однако замѣтить, что далеко не всѣ обществовѣды XVII вѣка вполнѣ отчетливо сознавали радикализмъ и всѣ теоретическія послѣдствія этого переворота, который нерѣдко увлекалъ ихъ за собою противъ ихъ воли (какъ это, напримѣръ, случилось съ Вико). Многіе изъ нихъ совершенно инстинктивно шли по тому пути, который указывала имъ научная философія эпохи, и не задумывались надъ тѣмъ, какою глубокою пропастью онъ отдѣлялся отъ проторенныхъ традиціонныхъ путей сужденія о человѣческихъ дѣлахъ. И такъ какъ вообще вниманіе умовъ было по преимуществу поглощено успѣхами физическихъ наукъ, то происходившій среди обществовѣдовъ кризисъ остался нѣсколько въ тѣни. Эту тѣнь еще болѣе сгустили позднѣйшія утвержденія, что тогдашніе обществовѣды ничего не знали и знать не хотѣли, кромѣ метафизики и схоластики и, въ сущности, ничѣмъ не отличались отъ своихъ средневѣковыхъ предтечъ. Поэтому, когда въ началѣ XIX столѣтія подъ знаменемъ историзма и борьбы съ раціонализмомъ были поставлены тѣ же самыя проблемы моральной и соціальной физики, которыя занимали умы въ XVII столѣтіи, никто, можно сказать, не догадывался, что, въ сущности, предпринимается не совершенно новое, невѣдомое дотолѣ дѣло, какъ увѣряли тогда, а просто возобновляется дѣло, впервые затѣянное именно этими презираемыми раціоналистами XVII вѣка, которые, быть можетъ, даже глубже и методичнѣе отнеслись къ нему.

Настоящее изслѣдованіе стремится разсмотрѣть обществовѣдѣніе XVII вѣка съ точки зрѣнія только что указаннаго переворота. Оно дѣлится на три части. Въ первой характеризуется связанный съ новымъ естествознаніемъ переворотъ въ міросозерцаніи, именно переходъ отъ моральнаго міровоззрѣнія къ физическому. Вторая посвящена вызванной этимъ переворотомъ новой теоріи науки. Наконецъ, предметъ третьей части — поставленная въ XVII столѣтіи проблема соціальной физики какъ примѣненіе этой новой теоріи къ человѣческому общежитію. Прежде чѣмъ приступить къ этой программѣ, необходимо отвѣтить на два вопроса, которые не могутъ не возникнуть у читателя, привыкшаго къ традиціонному пониманію учености XVII вѣка: если и произошелъ переворотъ въ обществовѣдѣніи, то не случилось ли это гораздо раньше XVII вѣка, именно въ эпоху гуманизма, помимо вреднаго вліянія раціоналистической философіи этого вѣка, и не является ли вліяніе этой философіи именно вреднымъ, ничего общаго не имѣющимъ съ позитивнымъ и оздоровляющимъ мысль вліяніемъ естественнонаучнаго мышленія. Разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ и составитъ предметъ введенія.

Введеніе.

ГЛАВА I.

Гуманизмъ и XVII столѣтіе.

Историки научной и вообще духовной культуры западно-европейскаго человѣчества обыкновенно придаютъ громадное значеніе эпохѣ гуманизма и возрожденія, т. е. XV и XVI вѣкамъ. Для большей выпуклости этой, дѣйствительно замѣчательной эпохи они по большей части или оставляютъ въ тѣни предшествовавшую и слѣдовавшую эпохи, или же при ихъ характеристикѣ сгущаютъ темныя краски, изображаютъ ихъ какъ времена мрака или пустой схоластики и метафизики. По отношенію къ эпохѣ, предшествовавшей гуманизму и возрожденію въ тѣсномъ смыслѣ, эта невольная или вольная ошибка перспективы въ значительной степени уже исправлена изслѣдователями т. н. ранняго возрожденія. Зато по отношенію къ эпохѣ, слѣдовавшей за возрожденіемъ, она и донынѣ часто поддерживается, особенно примѣнительно къ области гуманитарныхъ знаній. По наиболѣе распространенному взгляду эпоха гуманизма — это время, когда человѣческая мысль, познавъ послѣ многовѣкового рабства свою независимость и мощь, сбросила съ себя оковы метафизики и схоластики, развернулась во всю ширь, обнаружила неисчерпаемое богатство своего содержанія и положила начало научнымъ стремленіямъ современнаго человѣка, стремленіямъ, которыя въ XVII столѣтіи будто бы были совершенно заглушены спиритуалистическою метафизикою. На возрожденіе смотрятъ какъ на цвѣтущій оазисъ между схоластическимъ

средневѣковьемъ съ одной стороны и сухимъ, безплоднымъ, лишеннымъ жизненныхъ красокъ XVII вѣкомъ съ другой стороны. И сообразно съ этимъ распредѣляются симпатіи и антипатіи. Всѣ знаютъ, хотя бы только по именамъ, авторовъ возрожденія и гуманизма. Но авторами XVII вѣка пренебрегаютъ. Многимъ ли извѣстны имена Клауберга, Чирнгаузена или Эргарда Вейгеля? У многихъ ли является желаніе читать Пуффендорфа или Конринга, перелистывать словари Гокленіуса и Шовена или же рыться въ „Полисторѣ“ Моргоффа?

А между тѣмъ XVII вѣкъ, взятый со стороны его научныхъ стремленій въ дѣлѣ познанія человѣка, гораздо глубже и богаче содержаніемъ, чѣмъ эпоха гуманизма. Именно въ этомъ вѣкѣ, можно сказать, впервые были вполнѣ ясно сознаны и точно сформулированы тѣ задачи, которыя и донынѣ являются регулятивами всякаго серьезнаго научнаго изслѣдованія въ этомъ дѣлѣ. Быть можетъ, эпоха гуманизма превосходила этотъ вѣкъ если не силою, то новизною своей отрицательной работы, своей критики традиціоннаго догматизма. Зато онъ значительно превосходилъ ее своею положительною работою, своею постановкою проблемы теоретической науки. Знамя гуманизма—это знамя филологіи, изученія текстовъ и восхищенія ими. Знамя XVII вѣка—это знамя абстрактной или раціональной науки. Сообразно съ этимъ въ эпоху гуманизма знатокомъ человѣческаго міра считался ученый или дилеттантъ филологъ, умѣвшій читать и толковать древнихъ авторовъ, наслаждаться ими и болѣе или менѣе удачно подражать имъ въ стихахъ или прозѣ. Въ XVII же столѣтіи знатокомъ человѣческаго міра считался изслѣдователь, свободный какъ отъ терминологическаго реализма схоластиковъ, такъ и отъ филологической и реторической „элегантности“ гуманистовъ; изслѣдователь, стремившійся познать не слова, а вещи, и притомъ такъ, какъ познавала тогдашняя физика, украшенная именами Кеплера, Галилея, Ньютона; изслѣдователь, старавшійся угадать механизмъ личной и публичной жизни людей и такимъ образомъ соподчинить вмѣстѣ съ новою физикою новую моральную и соціальную науку той универсальной, міровой закономѣрности, о которой учили великіе мыслители этого столѣтія. Могутъ ли быть какія-нибудь сомнѣнія относительно того, гдѣ больше глубины и научности, и когда дѣйствительно было сдѣлано то „открытіе человѣка“ [1]), которое даже такой тонкій и чуткій изслѣдователь какъ Геффдингъ [2]), слѣдуя общей традиціи, связываетъ съ гуманизмомъ?

Изъ сказаннаго нисколько не вытекаетъ, что эпоха гуманизма не имѣла никакого значенія для науки или же что съ ея стороны было ошибкою придавать такое большое значеніе филологіи. Она произвела очень крупную критическую работу. И безъ филологіи эта работа не могла бы быть выполнена. Для того, чтобы пошатнуть стройное и, какъ казалось, навѣки непоколебимое зданіе средневѣковой схоластической учености, безусловно необходимы были мѣткіе удары филологической критики.

Объясняется это происхожденіемъ и содержаніемъ этой учености. Главными ея особенностями были вѣра въ авторитетъ и формально-логическая обработка того, что считалось истиною.

Средневѣковая мысль, особенно на первыхъ порахъ, отличалась первобытностью поистинѣ варварскою. Но эта первобытность уже не напоминала непосредственной первобытности древнихъ эллиновъ, вперявшихъ свои удивленные взоры въ сводъ небесный и съ геніальною наивностью вопрошавшихъ живую природу о началѣ всѣхъ началъ, или же древнихъ римлянъ, заключавшихъ контракты съ богами и дѣловито межевавшихъ небесное и земное, справедливое и несправедливое. Первобытность средневѣковыхъ умовъ была первобытностью робкихъ учениковъ и неофитовъ. Поэтому, хотя

---

[1]) J. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, Vierte Auflage, Zweiter Band, Leipzig, 1885, стр. 25 и сл.

[2]) См. Geschichte der neueren Philosophie. I Band, Leipzig, 1895, стр. 9—84.

имъ и приходилось начинать дѣло знанія сначала, они не рѣшались ставить проблемы самостоятельно, хотя бы и наивно. Они получали какъ проблемы, такъ и готовые отвѣты на нихъ въ школѣ. Средневѣковая же школа совсѣмъ не напоминала ни школы Сократа, который останавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ на улицахъ и площадяхъ Аѳинъ и въ живой бесѣдѣ, обильно пересыпанной аттическою солью, училъ ихъ самопознанію, ни академіи упорнаго діалектика и неутомимаго искателя абсолютныхъ идей Платона, ни лицея Аристотеля съ его тѣнистыми аллеями, по которымъ стагиритъ прогуливался, дѣлясь своими наблюденіями и обобщеніями съ сопровождавшею его аудиторіею, ни портика стоиковъ, среди колоннъ котораго они предавались мечтамъ о всечеловѣческомъ единствѣ и о всемірной гармоніи, ни, наконецъ, римскихъ юридическихъ школъ, въ которыхъ будущіе судьи и юрисконсульты учились связывать право съ жизнью и жизнь съ правомъ. Это была школа, въ которой совсѣмъ не искали истины, не потому, чтобы вообще сомнѣвались въ ней, а потому, что считали себя ея счастливыми обладателями: вся ея полнота должна была находиться въ авторитетныхъ книгахъ; и сообразно съ этимъ, если, напримѣръ, возникалъ вопросъ о томъ, сколько зубовъ у человѣка или одинаковое ли число реберъ у него съ правой и лѣвой стороны, то, чтобы получить отвѣтъ на него, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать живого человѣка, раскрывали Аристотеля, справлялись, что у него написано по этому поводу и на этомъ успокаивались. Главнымъ авторитетомъ для схоластики было конечно священное писаніе. Оно принималось безъ всякой раціоналистической или исторической критики, какъ откровеніе Божества, содержащее въ законченномъ, разъ навсегда данномъ видѣ всю полноту доступной человѣческому уму истины. Его не изслѣдовали, но съ благоговѣніемъ комментировали, суммировали и систематизировали. Не въ одно только священное, но и во всякое вообще писаніе, уцѣлѣвшее отъ древности, вѣрили схоластическіе доктора и ихъ ученики. Они совершенно такъ же отнеслись и къ языческимъ памятникамъ — къ Юстиніанову своду римскаго права, этой библіи средневѣкового правовѣдѣнія, къ сочиненіямъ Аристотеля, котораго называли единственнымъ истиннымъ философомъ, наконецъ, просто „философомъ“.

Съ вѣрою схоластики въ авторитетъ, въ получаемую путемъ религіознаго или свѣтскаго откровенія истину связывалось ея стремленіе сводить въ систему содержаніе послѣдняго путемъ соотвѣтственной формально-логической обработки. Основное формальное условіе всякой истины — это отсутствіе самопротиворѣчій въ ней. Сообразно съ этимъ средневѣковые схоластики, не напрасно носившіе почетныя прозвища субтильныхъ, тонкихъ и т. п. докторовъ, не безъ виртуозности старались и успѣвали превратить то нерѣдко пестрое, разновременное и разномѣстное откровеніе, которое заключалось въ ихъ священныхъ книгахъ, въ систему отвлеченныхъ понятій, болѣе или менѣе строго согласованныхъ между собою по правиламъ формальной логики. Изъ содержанія рукописей, пестрѣвшихъ интерполяціями, анахронизмами и нерѣдко поддѣлками, ухитрились образовать систему такъ называвшагося писанаго разума (ratio scripta).

Для того, чтобы поколебать это, казалось, навѣки нерушимое зданіе средневѣковой учености, необходимо было доказать всю его историческую относительность, необходимо было показать, что оно представляетъ не систему чистаго, писанаго разума, а не болѣе какъ сумму суммъ, т. е. компиляцію разновременныхъ и разномѣстныхъ текстовъ. Очевидно, что эта задача могла быть осуществлена только филологическимъ путемъ. Вмѣсто экзегетики и систематики текстовъ необходимо было подвергнуть ихъ критическому изслѣдованію. И поскольку это изслѣдованіе относило къ различнымъ, совершенно опредѣленнымъ моментамъ прошедшихъ или давно прошедшихъ временъ то, что дотолѣ считалось истиною вѣчною, внѣпространственною и внѣвременною, постольку оно, несмотря на всю свою кропотливость производило глубокій переворотъ въ понятіяхъ. Такъ, на-

примѣръ, если мы обратимся къ Куяцію—человѣку XVI вѣка, дышавшему воздухомъ гуманизма и невольно проникшемуся его настроеніемъ,—его скромное желаніе сгруппировать тексты Corpus juris civilis по отдѣльнымъ юристамъ (Папиніанъ, Ульпіанъ и т. д.) и, въ случаѣ разногласія, отдавать преимущество позднѣйшимъ по времени фрагментамъ, словомъ, его стремленіе дать кое какую хронологію законовъ—aliquam veluti chronologiam legum, какъ выразился Балдуинъ, для того, чтобы лучше разобраться въ „книжной синагогѣ“ Юстиніана,—естественно, если не на дѣлѣ, то въ принципѣ, вело къ превращенію полученнаго изъ древняго Рима юридическаго откровенія въ такую же исторически относительную и состоящую изъ разновременныхъ наслоеній истину, въ какую аналогичный пріемъ превращалъ содержаніе традиціоннаго религіознаго откровенія. Путемъ критики текстовъ Лаврентій Валла доказалъ подложность и позднѣйшее происхожденіе т. н. дара Константина. Тѣмъ же путемъ онъ подорвалъ авторитетъ одной изъ средневѣковыхъ „лилій“ правовѣдѣнія, именно Бартолуса. Если, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ біографъ Валла, „эта первая попытка гуманистической экзегезы источниковъ права обезпечила ему мѣсто среди предтечъ современнаго правовѣдѣнія“ [1]), она вызвала въ привыкшихъ къ установившейся традиціи современныхъ ему юристахъ совершенно иную оцѣнку: они грозили растерзать его на улицѣ [2]). Начатое еще Полиціаномъ дѣло критики, хотя бы и чисто филологической, флорентинской рукописи пандектовъ, представляло чрезвычайно дерзкое посягательство на традиціонное юридическое откровеніе.

Такимъ образомъ филологическая критика сильно подрывала догматизмъ школы. И нѣтъ ничего удивительнаго,

---

[1]) J. Vahlen, Lorenzo Valla, Berlin, 1870, стр. 21.

[2]) G. Voigt, Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Zweite Auflage, I Band, Berlin, 1880, стр. 472.

что она сопровождалась доходившимъ до цинизма скептицизмомъ и порождала его—по крайней мѣрѣ въ романскихъ странахъ [1]). Таковъ былъ естественный результатъ ея отрицательной работы. Наиболѣе яркимъ памятникомъ такой работы были творенія Монтэня, который подъ громъ религіозныхъ войнъ въ тиши своего кабинета совершенно разрушилъ традиціонныя понятія и послѣ этого, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ [2]), склонилъ свою хорошо устроенную голову на мягкую подушку скептицизма. Слишкомъ умный, чтобы утверждать, что онъ что-нибудь знаетъ, живя въ такую переходную эпоху, и слишкомъ ученый, чтобы признать, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ, онъ нашелъ компромиссъ и выходъ въ своеобразной литературной формѣ неоконченныхъ „опытовъ“ на разныя темы, въ которыхъ сомнѣніе соперничало съ эрудиціею. Для аналогичныхъ опытовъ Бэйль не могъ найти иной системы, кромѣ порядка алфавитнаго словаря.

Спрашивается, каковы же были положительныя послѣдствія, которыя извлекали гуманисты изъ своей филологической критики. Всякая историческая критика содержитъ, по крайней мѣрѣ принципіально и въ зародышѣ, историческое міросозерцаніе, эволюціонный взглядъ на міръ и человѣчество. Сумѣли ли гуманисты довести до конца начатое ими дѣло, сумѣли ли они проникнуться историческимъ міровоззрѣніемъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Филологія у „филоисториковъ“ того времени не перешла въ настоящую исторію и вмѣсто пониманія историческаго развитія получилось восхищеніе т. н. „древностями“, какъ чѣмъ-то абсолютнымъ, внѣпространственнымъ и внѣвременнымъ. Дѣло, начатое подъ знаменемъ филологіи, было завершено

---

[1]) Въ Германіи, напротивъ, на почвѣ гуманизма выработался особый типъ литературнаго благочестія (litterata pietas), что объясняется вліяніемъ реформаціи.

[2]) Essais, L. III, Ch. XIII, стр. 465, второго тома второго изданія Леклерка.

подъ тѣмъ же знаменемъ. Безусловное предпочтеніе языка и формы сочиненій Цицерона и другихъ античныхъ писателей языку и формѣ католической Библіи и схоластиковъ повело за собою столь же безусловное предпочтеніе и соотвѣтственнаго содержанія. Тотъ неисторическій и ненаучный взглядъ на античный міръ, согласно которому, какъ выразился англійскій историкъ Гротъ, выходило, что всѣ древніе люди будто бы жили вмѣстѣ, въ одно время, согласно которому Ромулъ и Юлій Цезарь, Ликургъ и Клисѳенъ разсматривались въ одной плоскости, согласно которому герои древности изображались не какъ живые люди съ ошибками, страстями, удачами и разочарованіями, а какъ ходячіе пороки или добродѣтели, главнымъ образомъ добродѣтели, этотъ взглядъ раздѣлялся большинствомъ гуманистовъ. Отождествляя, какъ это впрочемъ дѣлали уже и римляне [1]), древнее и почтенное, и за красотою фразы, удачнаго литературнаго оборота не замѣчая существа вещей, гуманисты положили начало той огульной, неразборчивой идеализаціи грекоримскихъ писателей, благодаря которой, напримѣръ, Сенека, этотъ карьеристъ и стяжатель, патетически осуждавшій всякую житейскую суету и богатство, оказался мудрецомъ и учителемъ жизни или реторика трактата Цицерона De officiis была признана образцомъ высокой морали [2]).

---

[1]) См. относящіеся сюда тексты у Forcellini, Totius latinitatis lexicon, tomus I, 1831, стр. 192. Въ этомъ смыслѣ Цицеронъ примѣнялъ слово antiquus къ будущему времени: sed ne dubitaris, quin quod honestius, id mihi futurum sit antiquius (ad Atticum, VII, 3, 3).

[2]) На чрезвычайно интересную реалистическую сторону этого трактата обращено вниманіе только въ новѣйшее время. См. R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, II Band, München, 1901, стр. 487 и O. Neurath, Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III Folge, XXXII Band, 1906, стр. 577 и слѣд.).

Такимъ отношеніемъ къ древности опредѣлялся общій характеръ гуманистической образованности. Изъ тѣхъ трехъ проблемъ—Богъ, человѣкъ, природа,—которыя вѣчно занимаютъ человѣческую мысль, они выбрали вторую, humana studia, и на ней сосредоточились.

Divina studia были совершенно покинуты, мысль и языкъ подверглись полной секуляризаціи: les humanistes escrivent trop peu theologalement, находилъ возможнымъ жаловаться даже Монтэнь [1]). Религіозный вопросъ, т. е. проблема Бога, рѣшался или въ атеистической формѣ—поскольку это возможно было безъ опасности для жизни про наличности инквизиціи и костровъ—или же въ формѣ конечно не искренно благочестиваго, а напускного прославленія античныхъ языческихъ божествъ: даже иные кардиналы эпохи возрожденія славословили Юпитера и Венеру. Во всякомъ случаѣ проблема Бога не занимала гуманистовъ какъ серьезная проблема. Трудно видѣть въ этомъ доказательство ихъ основательности. Отвернувшись отъ теологіи, гуманисты отвернулись вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ одной изъ глубочайшихъ и вѣчныхъ проблемъ человѣческаго духа.

Проблема природы, какъ таковой, начинавшая получать такое глубокое и совершенно новое значеніе въ эпоху возрожденія, мало занимала гуманистовъ. Они переводили сочиненія старыхъ физиковъ, главнымъ образомъ Аристотеля и Ѳеофраста, и были совершенно равнодушны къ новой физикѣ. Новое физическое міровоззрѣніе, начинавшее выясняться уже въ эпоху возрожденія, означало отказъ отъ Аристотеля, отъ его физики. А гуманисты не могли отъ нея отказаться — не потому, чтобы они дорожили ея ученіями по существу, а потому, что она была написана по-гречески и принадлежала автору „Реторики". По такимъ же филологическимъ соображеніямъ они больше дорожили Плиніемъ, чѣмъ современными имъ естествоиспытателями.

---

[1]) Essais, L. I, Ch. LVI, томъ I, стр. 297 изданія Леклерка.

Вмѣсто живой книги природы, они читали мертвыя латинскія и, что было для нихъ предметомъ особеннаго торжества—graeca leguntur!—даже греческія книги о природѣ. Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ не гуманистами былъ поднятъ тотъ знаменитый „споръ древнихъ и новыхъ“, который означалъ новую эру въ наукѣ. И когда въ XVII столѣтіи разгорѣлся этотъ споръ, защитниками древнихъ не только въ литературной, но также и въ другихъ областяхъ оказались филологи, прямые потомки гуманистовъ.

Оставалась проблема человѣка. На ней сосредоточились гуманисты. Humana studia—таковъ былъ ихъ главный интересъ, отъ котораго они и получили свое названіе. Но во что они превратили изученіе человѣка? Въ восхищеніе литературными реликвіями людей античнаго міра, въ увлеченіе человѣческою мумією, какъ энергично выразился одинъ историкъ-государствовѣдъ (J. Weitzel, Geschichte der Staatswissenschaft, Erster Theil, Stuttgart und Tübingen, 1832, стр. 132). • Быть гуманистомъ это значило знать древнихъ авторовъ и умѣть подражать имъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ [1]), по возможности не такихъ макароническихъ, какъ тѣ, которыми пробавлялись средневѣковые виршеслагатели, слѣдовавшіе принципу melius malum latinum quam bonum teutonicum. Черезъ узко понятую филологію наука и знаніе такимъ образомъ выродились въ реторику и стихосложеніе, въ умѣніе бойко читать древнихъ авторовъ. Такъ было положено начало донынѣ еще не оставленному отождествленію гуманистическаго образованія съ филологическимъ, познанія человѣка съ изученіемъ греко-римскихъ древностей. Во Франціи о такомъ изученіи еще и теперь говорятъ faire ses humanités.

---

[1]) Гуманистовъ называли также „поэтами“. См. G. Voigt, Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus, Zweiter Band, zweite Auflage, Berlin, 1881, стр. 399. Въ Германіи происходилъ споръ „теологистовъ“ и „поэтистовъ“.

Такова была образованность гуманизма. Главнымъ ея недостаткомъ было отсутствіе методической науки, а также отсутствіе того абстрактнаго и раціональнаго знанія, котораго, начиная съ XVII вѣка, съ такимъ упорствомъ стало добиваться большинство ученыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей недоставало лучшаго украшенія науки, именно философіи. Гуманисты много философствовали. Но они не дали ни одного философа. Они и въ философіи оставались филологами и, какъ выразился Лаврентій Валла [1]), смотрѣли на нее какъ на солдата, служащаго подъ командою краснорѣчія. Они, повидимому, вполнѣ искренно воображали, что занимаются философіею, когда компилировали цитаты древнихъ писателей о суетѣ всего земного или о неизбѣжности смерти. Несмотря на то, что они много морализировали, не имъ и не ихъ жестокому вѣку суждено было обогатить моральный обиходъ новѣйшаго европейскаго общества гуманностью. Гуманность, человѣчность—это плодъ не гуманизма, а XVIII вѣка и его просвѣтительной философіи и публицистики. Строгая и методическая постановка моральной проблемы совсѣмъ не интересовала гуманистовъ. И піонерами въ этомъ дѣлѣ пришлось быть теоретикамъ XVII вѣка, чуждымъ и даже враждебнымъ гуманистической образованности. Проявлявшееся большинствомъ гуманистовъ равнодушіе и даже презрѣніе къ юриспруденціи [2]), которую, какъ указано выше, имъ удалось поколебать, но которая сама по себѣ ихъ не занимала, вызывалось не однимъ только господствомъ схоластики

---

[1]) См. O Willmann, Geschichte des Idealismus. Zweite Auflage, Braunschweig, 1907, B. II, 596.

[2]) Voigt, II, 482 sq. Stintzing, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft. Erste Abtheilung, München und Leipzig, 1880, стр. 92 и сл. М. Корелинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, Москва, 1892, стр. 647. Извѣстны чрезвычайно обидные комплименты, расточаемые юриспруденціи Эразмомъ Роттердамскимъ въ его „Похвалѣ глупости“.

и любостяжанія среди тогдашнихъ юристовъ, но также и неумѣніемъ гуманистовъ оцѣнить философскую сторону этой абстрактной науки, которую, быть можетъ, не совсѣмъ напрасно Ульпіанъ назвалъ вѣрною, не притворною философіею. Въ памятникахъ римскаго права гуманисты ничего не усмотрѣли и ничего не сумѣли оцѣнить, кромѣ не совсѣмъ корректнаго латинскаго языка. И этого было вполнѣ достаточно, чтобы отвернуться отъ нихъ. Лаврентій Валла былъ недоволенъ не только современными ему юристами, потому что они не воспроизводили подлинныхъ римскихъ юристовъ, но также и подлинными римскими юристами — потому что они не владѣли въ совершенствѣ языкомъ и стилемъ Цицерона, не давали подходящаго матеріала для тѣхъ „элеганцій латинскаго языка“, которыми онъ занимался съ такою любовью. Какъ иронизировали авторы логики Поръ-Рояля по поводу нападокъ Скалигера на Эразма, гуманисты вооружали весь міръ противъ человѣка, недостаточно цѣнящаго Цицерона, какъ противъ врага и нарушителя общественнаго спокойствія [1]). Гуманисты осуждали средневѣковыхъ схоластиковъ, но не за то, что они вмѣсто реальнаго міра и реальныхъ вещей изучали отвлеченныя понятія и ихъ сочетанія, а за то, что они писали объ этомъ stilo Gotico, за то, что они были „тевтонами“, варварами, не владѣвшими языкомъ и стилемъ Цицерона. Они бранили средневѣковыхъ философовъ, особенно схоластическихъ „реалистовъ“, и вообще осуждали раціоналистическое и идеалистическое знаніе. Но такъ какъ они сами ставили знаніе словъ выше знанія вещей, то вся ихъ философія не поднималась выше словесности, вербализма, который, взятый съ философской стороны, представлялъ не болѣе какъ вырожденіе схоластическаго номинализма. И если схоластики по крайней мѣрѣ строго логически выводили и классифицировали свои отвлеченныя понятія, то гуманисты, – faisants honneur à leur memoire aux despens

[1]) La logique ou l'art de penser. Troisième édition, Paris, 1668, стр. 18.

de leur entendement, et faisants honneur à Cicero, à Galien, à Ulpian, et à sainct Hierosme, pour se rendre eulx ridicules, какъ иронически замѣтилъ Монтэнь [1]), вполнѣ удовлетворялись безсистемными „элеганціями языка“, перескакиваніемъ

Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt.

Слѣдуетъ ли удивляться тому, что, по крайней мѣрѣ въ Италіи, которая въ то время въ умственномъ отношеніи опередила всѣ другія страны Европы, уже въ XVI столѣтіи прошло увлеченіе гуманистами [2]) и они сдѣлались предметомъ рѣзкой критики и насмѣшекъ?

Въ XVII вѣкѣ картина образованности существенно мѣняется. Конечно и тогда не было недостатка въ болѣе или менѣе узкихъ филологахъ и „элегантныхъ“ поліисторахъ, поклонникахъ древнихъ языковъ, которые, какъ увѣрялъ Моргофъ [3]), даютъ людямъ не только ноги, но и крылья. Не было недостатка въ авторахъ, или украшавшихъ каждый вопросъ, ими разбиравшійся, цитатами изъ древнихъ авторовъ и прочими цвѣтами реторики [4]) — ut aliquid ornamenti accedat, какъ объяснялъ Гуго Гроцій, весьма искусный въ этомъ дѣлѣ [5]),—или превращавшихъ каждую проблему въ историко-

[1]) Essais, L. II, Ch. XVII, стр. 55 тома II упомянутаго выше изданія.

[2]) См. J. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, Vierte Auflage, Erster Band, Leipzig, 1885, стр. 301 и слѣд.: Sturz der Humanisten im 16. Jahrhundert.

[3]) Polyhistor, literarius, philosophicus et practicus. Editio tertia, Lubecae, 1732, томъ I, стр. 460.

[4]) Теорія этого дѣла очень подробно разрабатывалась. См. у Morhof'a Polyh. т. I, стр. 559—714, разсужденія de excerpendi ratione.

[5]) Très-habile dans les Humanités, et dans tout ce qu'on appelle Philologie. См. A. Baillet, Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs. Nouvelle édition. Tome cinquième, premiere partie, Amsterdam, 1725, стр. 209.

литературную справку, обильно уснащенную текстами [1]). Но рядомъ съ этимъ теченіемъ шло и иное, и притомъ болѣе мощнымъ потокомъ, шло теченіе не гуманистическое въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ, а реалистическое. Открыть, какъ любилъ выражаться Амосъ Коменскій, кромѣ двери языковъ (janua linguarum), также, и притомъ по преимуществу дверь вещей (janua rerum), изучать не слова и не фразы, а реальныя вещи, cognitio rerum —такова была его главная задача. Прежде всего старались познать природу, міръ физическій. Онъ по преимуществу занималъ умы потому, что, какъ тогда выяснилось, традиціонныя физическія представленія, освященныя авторитетомъ Аристотеля и церкви, оказались рядомъ заблужденій, и необходимо было заполнить образовавшуюся вслѣдствіе этого зіяющую пропасть въ наукѣ. Далѣе, старались познать человѣка и притомъ познать совсѣмъ по новому, именно по аналогіи съ физикою, открывавшею естественную закономѣрность вещей. Наконецъ, старались въ той или иной формѣ познать Бога, рѣшить религіозную проблему на болѣе серьезныхъ основаніяхъ, чѣмъ удовлетворявшее и забавлявшее гуманистовъ возрожденіе языческой миѳологіи [2]), въ связи съ новою наукою о природѣ и человѣкѣ и такимъ образомъ выполнить безъ остатка задачу но-

[1]) Apparet—писалъ Чирнгаузенъ о такой образованности— summum et praecipuum scientiae, quam profitentur, splendorem... solum in eo consistere, quod de re oblata per aliquot horas disserere, aut ingens de eadem volumen conscribere valeant. (Medicina mentis, sive artis inveniendi praecepta generalia. Editio nova, Lipsiae, 1695, стр. 26).

[2]) Педагоги XVII вѣка не прочь были совсѣмъ изгнать изъ своего обихода какъ ее, такъ и вообще всю языческую литературу. Амосъ Коменскій предлагалъ gentilium libros aut esse amovendos aut certe cautius quam hactenus tractandos. Didactica magna, Cap. XXV, стр. 184 лейпцигскаго изданія 1894 г. Астрономы того же вѣка упорно боролись съ языческими наименованіями звѣздъ— Марсъ, Венера и т. д. См. R. Wolf, Geschichte der Astronomie, München, 1877, стр. 425 и слѣд.

ваго физическаго міровоззрѣнія, задачу, занимавшую такихъ философовъ, какъ Декартъ, Гоббесъ, Спиноза, Лейбницъ.

Направленіе всѣмъ этимъ работамъ давалось новыми физическими открытіями того времени. Эти открытія съ такою несомнѣнностью обнаруживали превосходство новой науки передъ прежнею, что уже не могло быть и рѣчи о преклоненіи передъ древними. Ratio vicit, vetustas cessit [1]). Если гуманисты порвали со средневѣковою схоластическою традиціею для того, чтобы вернуться къ античной классической традиціи, то теоретики XVII вѣка порвали со всякою традиціею, провозгласили самихъ себя классиками и дѣйствительно оказались таковыми. Вслѣдъ за Декартомъ, умъ котораго какъ выразился его біографъ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ два или три тысячелѣтія способны внушить уваженіе къ заблужденію [2]), древними и въ соотвѣтственной степени умудренными и знающими они признали не античныхъ грековъ и римлянъ, стоявшихъ на первой ступени научной культуры, а самихъ себя—болѣе богатыхъ опытомъ и болѣе смѣлыхъ духомъ. Съ точки зрѣнія новой науки о природѣ ученость Аристотеля оказывалась пустою [3]). И такъ какъ наука дѣлала одно завоеваніе за другимъ и шла безостановочно впередъ, то совершенно измѣнилась историческая пер-

[1]) Девизъ педагога XVII вѣка Ратихія (т. е. Ратке). См. Pädagogische Schriften des Wolfgang Ratichius und seiner Anhänger, Breslau, 1903, стр. 5

[2]) Baillet, La vie de Mr. Ces-Cartes, réduite en abregé, Paris, 1693, стр. 314.

[3]) Авторъ знаменитой „Параллели древнихъ и новыхъ" такъ отзывался объ Аристотелѣ:

Dans cette nuit obscure
Où se cache à nos yeux la secrette Nature,
Quoique le plus sçavans d'entre tous les humains,
Il ne voyoit alors que des phantosmes vains.

(см. Perrault, Parallele des anciens et des modernes, en ce qui regarde les arts et les sciences. Avec le Poëme du Siecle de Louis le Grand. A Paris, 1688).

спектива. Вмѣсто идеализаціи древнихъ, вмѣсто взгляда на исторію какъ на постоянный регрессъ, взгляда, который, какъ замѣтилъ Арно [1]), заставлялъ утверждать, что до потопа были болѣе ученые геометры, чѣмъ Архимедъ и Птолемей, и по которому, какъ выразился Монтескье [2]), люди уже давно должны были бы превратиться въ медвѣдей, возникаетъ вѣра въ прогрессъ. И золотой вѣкъ изъ утраченнаго въ прошломъ рая перемѣщается въ обѣтованный наукою грядущій міръ. Такъ возникла одна, какъ выразился С. Бэвъ, не тридцатилѣтняя, а пятидесятилѣтняя война въ XVII столѣтіи, именно знаменитый „споръ древнихъ и новыхъ". Названіе конечно не точно. Не древніе спорили съ новыми, а двѣ группы образованныхъ людей новаго времени оспаривали другъ у друга умственное и культурное превосходство.

Одну группу представляли филологи и риторы, si savants en beaux mots, какъ иронизировалъ Мольеръ, для которыхъ только scientia loquendi представляла истинную непритворную мудрость [3]), которые упивались золотымъ потокомъ краснорѣчія [4]); эпигоны гуманистовъ, искавшіе и находившіе готовый отвѣтъ на любой вопросъ современности у древнихъ писателей, восхищавшіеся не только языкомъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, но также и ихъ ученостью, утверждавшіе, какъ это дѣлалъ Дасье [5]), что Горацій зналъ все, даже Моисея, оплакивавшіе паденіе литературнаго вкуса, приписывавшіе всю вину новой философіи, особенно картезіанству и утверждавшіе, что эта новая философія—философія Декарта,

[1]) F. Bouillier, Histoire de la philosophie cartésienne, t. I, Paris, 1854, стр. 483.

[2]) Pensées diverses, Oeuvres complètes, Paris, 1835, стр. 628.

[3]) См. Jacobi Perizonii Oratio de usu atque utilitate graecae romanaeque linguae, eloquentiae, historiae, et antiquitatis, in gravioribus disciplinis, Lugduni Batavorum, 1693, стр. 8 и 9.

[4]) Тамъ же, стр. 19: nullum esse augustius praestantiusque ingenii humani ornamentum, quam aureum illud Facundiae flumen.

[5]) H. Rigault. Histoire de la querelle des anciens et des modernes, Paris 1859, стр. 223.

Галилея и Ньютона—распространяла варварство хуже средневѣкового. Они не понимали и не хотѣли понимать этой новой философіи. Вико—который несмотря на то, что новыя идеи XVII вѣка отчасти наложили свой отпечатокъ на его „Новую науку", упорно оставался или по крайней мѣрѣ старался остаться филологомъ и знатокомъ текстовъ—торжествовалъ надъ всею философіею Декарта, найдя у Плавта въ устахъ одного трусливаго солдата изреченіе, почти похожее на знаменитое cogito ergo sum [1]). Онъ же осуждалъ столь распространенную въ XVII вѣкѣ геометрическую методу даже въ ея приложеніи къ физикѣ на томъ основаніи, что она не даетъ возможности украшать соотвѣтственныя разсужденія цвѣтами реторики [2]). Un Geometre, quel fleau pour la Poësie qu'un Geometre! жаловалась также г-жа Дасье въ книгѣ, оплакивавшей порчу вкуса и превозносившей Гомера [3]). Нѣмецкіе университетскіе гуманисты рѣшительно протестовали противъ варварскихъ, по ихъ утвержденію, попытокъ создать новую философію безъ филологіи и классическихъ древностей [4]).

Другую группу образовали теоретики, отрѣшившіеся какъ отъ средневѣковой, такъ и отъ классической эрудиціи гуманистическаго типа. Они съ безразличіемъ, если не съ отвращеніемъ проходили гуманистическую школу. Декартъ несмотря на свои школьные успѣхи въ humanités [5]), от-

[1]) Sed quum cogito, equidem certo sum ac semper fui. См. De antiquissima Italorum sapientia ex linguae latinae originibus eruenda, Neapoli, 1710, стр. 32.

[2]) Geometrica methodus physicas dissertationes... ornare vetat... obstat liberae et amplae dicendi formae (De nostri temporis studiorum ratione, Neapoli 1709, стр 33—34).

[3]) Des causes de la corruption du goût, Amsterdam, 1715, стр. 438.

[4]) См. F. Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. Zweite Auflage, Zweiter Halbband, Leipzig, 1896, стр. 548 и слѣд.

[5]) A. Baillet, La vie de Mr. Des-Cartes, réduite en abregé, Paris, 1693, стр. 7 и слѣд.

зывался безъ всякаго уваженія о пріобрѣтенной имъ такимъ образомъ эрудиціи. Паскаль, котораго отецъ всячески хотѣлъ сосредоточить на гуманитарныхъ наукахъ, и отъ котораго онъ скрывалъ книги по математикѣ и геометріи, уже въ дѣтскомъ возрастѣ отвернулся отъ этихъ наукъ и съ непринужденностью генія своимъ умомъ дошелъ до 32-ой теоремы первой книги Эвклида. Сторонниками превосходства новыхъ передъ древними были мыслители и ученые, гордившіеся тѣмъ, что они или ничего не читали или разстались со всякою книжною ученостью, старавшіеся непосредственно читать въ великой книгѣ природы, называвшіе своими книгами скелеты (Декартъ) или насѣкомыхъ (Мальбраншъ), видѣвшіе главный, верховный источникъ истины въ чистомъ разумѣ, просвѣтленномъ доказательствомъ, и главное ея содержаніе въ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законахъ природы.

Споръ древнихъ и новыхъ—это былъ споръ классическаго и реальнаго міровоззрѣнія, споръ филологіи и естествознанія, споръ lettres и sciences. Филологія являлась наслѣдіемъ гуманизма. Естествознаніе, въ формѣ новой раціональной механики, было новою идеею XVII вѣка. Идея эта сообщила этому вѣку его глубину, его серьезность, его величавость. Все болѣе и болѣе выяснялась закономѣрность міра, его строгій и необходимый порядокъ, при кажущейся хаотичности отдѣльныхъ фактовъ и явленій. Вполнѣ естественно, что мысль теоретиковъ этого времени все болѣе и болѣе отрѣшалась отъ этого хаоса, становилась все болѣе и болѣе отвлеченною, пріобрѣтала все большую и большую чистоту, не теряя однако связи съ реальнымъ міромъ. Все это сообщало наукѣ и философіи XVII вѣка ту строгую величавость, которая такъ рѣзко отдѣляетъ его отъ легкой и фривольной, совсѣмъ не философской эпохи возрожденія съ одной стороны и отъ полуфилософскаго, полужурналистическаго XVIII вѣка съ другой стороны. Эту величавость въ значительной степени создавалъ и поддерживалъ раціонализмъ XVII вѣка.

ГЛАВА II.

Раціонализмъ XVII вѣка.

Неизмѣнною спутницею науки XVII вѣка въ ея поискахъ за реальнымъ знаніемъ была тогдашняя раціоналистическая философія. Не была ли эта спутница ея злымъ геніемъ, не привелъ ли раціонализмъ науку къ схоластикѣ, къ безплодной метафизикѣ?

Нельзя отрицать, что раціонализмъ дѣйствительно весьма часто порождаетъ схоластику и метафизику. Нельзя отрицать и то, что и въ XVII вѣкѣ онъ нерѣдко приводилъ именно къ такому результату. Однако изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что раціонализмъ вообще ненаученъ и что, въ частности, въ XVII вѣкѣ онъ не преслѣдовалъ никакихъ положительныхъ задачъ.

Признать раціонализмъ ненаучнымъ вообще это значитъ отказаться отъ самаго вѣрнаго и могучаго орудія и способа познанія. Отказъ отъ раціонализма равносиленъ отказу мысли отъ самой себя, равносиленъ самоубійству разума и науки. Что такое наука какъ не стремленіе уразумѣть міръ, понять его смыслъ, логику и порядокъ, иначе говоря, раціонализировать данныя опыта? Не является ли вслѣдствіе этого провозглашенный Дунсомъ Скотомъ девизъ omne intelligibile, все познаваемо, все подлежитъ интеллекту и логикѣ—въ сущности вѣчнымъ девизомъ, вѣчнымъ регулятивомъ всякаго вообще научнаго изслѣдованія, независимо отъ

того, какъ относится къ раціонализму какъ къ особому философскому ученію тотъ или иной изслѣдователь? Правда, бывали, бываютъ и, надо полагать, будутъ такіе моменты, когда теоретики начинаютъ какъ бы задыхаться въ слишкомъ чистой, слишкомъ разрѣженной атмосферѣ разума и логики, когда они увлекаются иными, болѣе заманчивыми, зато также и болѣе обманчивыми путями познанія. Но эти моменты означаютъ или временную остановку на безконечномъ пути науки или же ея паденіе, торжество мрака надъ свѣтомъ или по крайней мѣрѣ тумана надъ ясностью.

Что касается раціонализма XVII вѣка—вѣка Декарта, Гоббеса, Спинозы, Лейбница,—то никакъ нельзя отрицать серьезности и глубины тѣхъ теоретическихъ проблемъ, которыя благодаря ему были если и не разрѣшены, то по крайней мѣрѣ поставлены. Если до этого вѣка раціонализмъ по большей части переходилъ въ схоластику, принимавшую, по живописному выраженію Лейбница, солому терминовъ за зерно вещей, если послѣ этого вѣка, особенно въ нѣмецкихъ системахъ начала XIX вѣка, онъ переходилъ въ метафизику, то въ XVII вѣкѣ онъ былъ тѣсно связанъ съ положительною наукою и отчасти вдохновлялся ею, отчасти же и въ свою очередь самъ вдохновлялъ ее. При этомъ тою положительною наукою, съ которою онъ былъ тѣсно связанъ, было возродившееся или, вѣрнѣе, совершенно новое, вновь зародившееся математическое естествознаніе, которое украшали имена Кеплера, Галилея, Ньютона.

Связь эта и особенно ея позитивныя послѣдствія по большей части упускаются изъ виду. Въ этомъ въ значительной степени повинна популярная историко - философская схема, утверждающая, что на зарѣ XVII вѣка обнаружились два теченія: одно, съ Бэкономъ во главѣ, будто бы единственно положительное и научное, основывавшееся на опытѣ и естествознаніи; другое, съ Декартомъ во главѣ, будто бы исключительно метафизическое и спиритуалистическое, внѣ опыта и вопреки опыту строившее безплодныя умозрительныя системы. Этою схемою пользовались уже въ XVII столѣтіи [1]). Въ XIX столѣтіи она была освящена авторитетомъ Гегеля, который усмотрѣлъ въ занимающей насъ эпохѣ рѣзкую противоположность „реалистической и идеалистической философіи [2])“; и первое направленіе онъ связывалъ съ именемъ Бэкона, который будто бы „совершенно оставилъ въ сторонѣ и отбросилъ схоластическій способъ [3])“. Окончательно укрѣпилъ ее въ умахъ Куно Фишеръ [4]).

Какъ ни кажется эта схема естественною, какъ ни удобна она для историко-философскихъ построеній, какъ мастерски ни примѣняютъ ее Гегель и гегельянцы къ характеристикѣ мыслителей XVII вѣка, она всетаки остается не болѣе какъ схемою. И при ближайшемъ разсмотрѣніи она можетъ и должна вызвать много возраженій. Какъ это сознавали уже и въ XVII столѣтіи [5]), Бэконъ не только не былъ новато-

[1]) См., напримѣръ, у Гассенди характеристику Декарта въ его отличіи отъ Бэкона: Non eandem viam est, quam Verulamius ingressus; sed cum Verulamius auxilia a rebus ad perficiendam Intellectus cogitationem petierit, ipse omne rerum cogitatione ablegata censuit in ipsa cogitatione satis esse praesidii, ut Intellectus possit vi sua in omnium rerum etiam abstrusissimarum, hoc est non modo corporum, sed Dei etiam, ac Animae notitiam perfectam venire... Logica Verulamii tota, ac per se ad Physicam, atque adeo ad veritatem, notitiamve rerum germanam habendam contendit (Syntagma philosophicum, стр. 65 и 90).

[2]) Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Dritter Theil, 244 (Werke, XV Band, Zweite Auflage, Berlin, 1844).

[3]) Тамъ же, 253.

[4]) Francis Bacon und seine Nachfolger. Entwicklungsgeschichte der Erfahrungsphilosophie. Zweite Auflage, Leipzig, 1875. Ср. его же „Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе“, стр. 147 русскаго перевода 1906 г.

[5]) In doctrina de methodo multa quoque magnus scientiarum amplificator Baco Verulamius invenisse sibi nova visus est; sed non satis illa distincta atque ad bene ordinatas regulas revocata. Quare obscura pleraque sunt, et planiorem explicationem requirunt... Haec quasi nova quaedam de methodo proponit Verulamius. ...Verum in iis non video, quid magnopere adjuvare vel docentes vel discentes possint: nihil enim hic ex stabilibus solidisque principiis deductum est. (Morhof, Polyhistor, 394).

ромъ въ наукѣ, самостоятельно прокладывавшимъ ей новые пути; онъ даже не былъ, какъ его назвалъ Жозефъ де-Местръ, барометромъ, который показываетъ погоду, но не дѣлаетъ ея. Онъ не только не понималъ зарождавшагося математическаго естествознанія съ его несомнѣнно опытнымъ познаніемъ. Онъ рѣшительно ему противился. Такъ, напримѣръ, онъ отвергалъ астрономическую гипотезу Коперника отчасти на томъ основаніи, что она не соотвѣтствуетъ той эмпирической видимости вещей, дальше которой не шло его пониманіе опытнаго познанія міра, отчасти же и преимущественно по совершенно схоластическимъ соображеніямъ, именно потому, что намъ нельзя узнать causam formalem самопроизвольнаго движенія.

Какъ ни восхищался теоріею науки и методологіею Бэкона Маколей, ни его метода, ни теоріи не оказали, да и не могли оказать существеннаго вліянія на естествознаніе и вообще позитивную науку. Вундтъ нисколько не преувеличивалъ, когда назвалъ чистѣйшимъ миѳомъ взглядъ на Бэкона какъ на великаго законодателя естественно-научной методы [1]). То, что Бэконъ понималъ подъ индукціею, представляло въ сущности, какъ нынѣ сознаютъ и его соотечественники, не болѣе какъ „пустую видимость какой-то методы [2])“. Это была не индукція, а абстракція и притомъ въ схоластическомъ смыслѣ отвлеченія отъ предметовъ ихъ антропоморфныхъ „формъ“ или „природъ“. Главнымъ образомъ Бэконъ предлагалъ искать формы, этотъ, какъ онъ объяснялъ, ссылаясь на Платона [3]), истинный предметъ науки [4]). Его знаменитый афоризмъ vere scire est per causas scire имѣлъ въ

[1]) Logik, II, 1883, стр. 243.

[2]) В. Минто, Дедуктивная и индуктивная логика, стр. 302 четвертаго изданія русскаго перевода.

[3]) На эту связь Бэкона съ Платономъ обратилъ вниманіе Геффдингъ. См. Geschichte der neueren Philosophie. I Band, Leipzig, 1895, стр. 219 и 573.

[4]) Formas esse verum scientiae objectum (De augmentis scientiarum, Lib. III, Cap. IV, Works, I, 565).

виду не столько причинную связь явленій въ современномъ научномъ смыслѣ, сколько causas formales въ средневѣковомъ схоластическомъ смыслѣ. И хотя Бэконъ протестовалъ противъ диктатуры Аристотеля, онъ самъ, какъ замѣтилъ Апельтъ [1]), „въ гораздо большей степени стоитъ на плечахъ Аристотеля, чѣмъ сообщаетъ идущая отъ него традиція“. Собственныя попытки Бэкона примѣнить свою методу къ изслѣдованію природы дали въ общемъ чрезвычайно жалкіе результаты и въ XIX по крайней мѣрѣ столѣтіи получили достойную оцѣнку. Когда Либихъ заинтересовался таблицами Бэкона, посвященными теплотѣ, онъ ничего не нашелъ, кромѣ выписокъ изъ всякихъ книгъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ попадаются слова – теплота, теплый, горячій, жаркій, холодъ, холодный, охлаждающій и т. д; вслѣдствіе этого уксусъ и водка, обжигающіе языкъ, упоминаются рядомъ съ перьями и шерстью, грѣющими тѣло, и конскій пометъ очутился рядомъ съ пламенемъ и солнечными лучами. Альбертъ Ланге усмотрѣлъ „самый легкомысленный дилеттантизмъ въ собственныхъ естественно-научныхъ попыткахъ Бэкона [2])“. И Фулье нисколько не преувеличивалъ, называя „дѣтскою и смѣшною [3])“ ту систему міра, которую Бэконъ противопоставлялъ ошибочной, по его мнѣнію, системѣ Коперника. Плодомъ естественно-научныхъ изслѣдованій Бэкона была его компилятивная Sylva sylvarum - лѣсъ лѣсовъ, дремучая чаща хаотическихъ свѣдѣній и нерѣдко совершенно нелѣпыхъ объясненій: такъ, напримѣръ, поучалъ онъ, перья и шерсть у животныхъ и птицъ происходятъ отъ влаги, которая извнутри просачивается сквозь ихъ кожу; алмазы и рубины происходятъ потому, что камни потѣютъ и т. п. У Бэкона несомнѣнно было много вѣры въ науку и любви къ ней. Но ему не

[1]) Die Theorie der Induction, Leipzig, 1854, стр. 150.

[2]) Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время, стр. 158 второго изданія русскаго перевода Н. Н. Страхова, 1899 г.

[3]) Декартъ, стр. 40 русскаго перевода 1895 г.

удалось оплодотворить ее [1]) и обогатить новыми открытіями. Въ началѣ XVII столѣтія настоящій научный духъ вѣялъ въ теоріяхъ не Бэкона, а Декарта и его эпигоновъ. И не напрасно Гоббесъ, бывшій секретаремъ Бэкона, не только не былъ его продолжателемъ [2]), но, напротивъ, порвалъ съ его школою, болѣе пригодною, по его мнѣнію, для аптекарей, чѣмъ для физиковъ, и для разрѣшенія своихъ несомнѣнно весьма позитивныхъ и реалистическихъ проблемъ нашелъ болѣе подходящую обстановку въ общеніи съ Галилеемъ и съ совопросникомъ Декарта Мерсѣнномъ [3]). Извѣстный знатокъ Гоббеса Тённіесъ нисколько не преувеличиваетъ, сводя все пресловутое вліяніе на него Бэкона лишь къ тому, что послѣдній вообще проложилъ въ Англіи путь свободному мы-

---

[1]) C'est l'eunuque amoureux, писалъ о немъ де-Местръ (Examen de la philosophie de Bacon, Paris, 1836, томъ II, стр. 365). Хорошо понималъ научное безсиліе Бэкона Эдгаръ Кине: On a souvent comparé Bacon a Galilée; je ne trouve que des différences entre ces deux hommes. Le premier montre très-ingénieusement le chemin qu'il faut prendre pour arriver à la vérité; mais, dès qu'il fait un pas pour la trouver, il s'en écarte. Il trace de merveilleuses théories pour découvrir l'inconnu; il ne peut pas le saisir. Au contraire, chez Galilée, point de leçons, et beaucoup de réalité. Tout chez lui est vie, découverte, création. Il ne dit pas comment il faut trouver; il trouve. La différence entre ces deux génies est celle d'un homme qui fait une bonne poétique et d'un autre qui fait un beau poëme (L'ultramontanisme ou l'église romaine et la société moderne. Oeuvres II, 186).

[2]) Въ такой именно перспективѣ излагаетъ его Куно Фишеръ. См. Francis Bacon und seine Nachfolger, Zweite Auflage, стр. 512 и слѣд.

[3]) Даже изслѣдователи, усиленно подчеркивающіе вліяніе Бэкона на философію Гоббеса, принуждены признать, что именно благодаря Галилею и Декарту послѣдній усвоилъ механическое міровоззрѣніе и сообразно съ этимъ переработалъ свою философію. См. Die Naturphilosophie des Th. Hobbes in ihrer Abhängigkeit von Bacon, von Max Köhler (Archiv für Geschichte der Philosophie, Band XV, 398 и слѣд.).

шленію [1]). Вліяніе Бэкона на современниковъ было совсѣмъ не значительно. Какъ замѣтилъ Дюрингъ, даже въ его собственномъ отечествѣ его теоріями не пользовался, можно сказать, никто: Гарвей открывшій кровообращеніе, презиралъ ее, и Ньютонъ, сформулировавшій механику тяготѣнія, нисколько о ней не заботился. Высшее естествознаніе развилось не по Бэконовой методѣ, а вопреки ей. И только низшія, описательныя стороны естествознанія, поскольку онѣ безъ критики нагромождаютъ свой матеріалъ, еще и донынѣ могутъ ссылаться и дѣйствительно ссылаются на индуктивную методу Бэкона [2]). Ремюза имѣлъ полное основаніе приписывать вліянію Бэконовой методы относительную неудачу изслѣдованій Бойля [3]).

Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній отворачиваться отъ раціонализма XVII вѣка на томъ основаніи, что позитивной наукѣ прокладывала пути не эта философія, а Бэконова. Но есть еще одна причина того обстоятельства, что на раціонализмъ XVII вѣка смотрятъ какъ на чистѣйшую метафизику. Это – то двусмысленное положеніе, которое по отношенію къ нему занялъ родоначальникъ новѣйшаго позитивизма Контъ. Съ одной стороны Контъ прославлялъ позитивизмъ этого вѣка, отсутствіе въ немъ метафизики и отмѣчалъ „въ великой эпохѣ Декарта первую прямую попытку образованія полной системы позитивной философіи [4])“. Съ другой стороны онъ же утверждалъ, что именно около половины этого вѣка сложилась метафизика [5]). Въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду естествовѣдѣніе XVII вѣка, во второмъ—его обществовѣдѣніе. Отъ мыслителя, чрезвычайно настойчиво

---

[1]) Hobbes Leben und Lehre, Stuttgart, 1896, стр. 8.

[2]) Kritische Geschichte der Philosophie; Dritte Auflage, Leipzig, 1878, стр. 252.

[3]) См. Histoire de la philosophie en Angleterre depuis Bacon jusqu'à Locke. Paris, 1875, т. II, стр. 172.

[4]) Cours de philosophie positive, томъ III, стр. 530 четвертаго изданія.

[5]) Томъ V, стр. 491.

твердившаго о consensus'ѣ, о согласіи, о взаимной связи и гармоніи между всѣми проявленіями человѣческой жизни, можно было бы ожидать и даже требовать, чтобы онъ поставилъ обществовѣдѣніе XVII вѣка въ связь съ тогдашнимъ естествовѣдѣніемъ или поступилъ наоборотъ, но во всякомъ случаѣ устранилъ только что указанное вопіющее несогласіе и дисгармонію. Между тѣмъ Контъ этого не сдѣлалъ. И такъ какъ подробную оцѣнку раціонализма XVII вѣка онъ пріурочилъ къ своей характеристикѣ общественныхъ теорій того же времени, то и получилось, что съ точки зрѣнія основателя позитивной философіи этотъ раціонализмъ не содержалъ въ себѣ рѣшительно ничего позитивнаго и представлялъ чистѣйшую метафизику. А такъ какъ вмѣстѣ съ раціонализмомъ такой же оцѣнкѣ подверглось и обществовѣдѣніе XVII вѣка, то у всѣхъ, кто прошелъ черезъ школу Конта и вообще позитивизма, и сложился тотъ пренебрежительный взглядъ на это обществовѣдѣніе, который нынѣ можно считать господствующимъ.

Чѣмъ объяснить эту странную двойственность въ сужденіи Конта о XVII столѣтіи и его окончательное предпочтеніе взгляда на это столѣтіе какъ на метафизическую эпоху? Тѣмъ, что, какъ было указано на стр. 198 и слѣд. перваго выпуска нашихъ „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“, Контъ пользовался терминомъ „метафизика“ въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ—научномъ и публицистическомъ. Въ первомъ, научномъ смыслѣ подъ метафизикою онъ понималъ объясненіе явленій „олицетворенными абстракціями [1])“, вродѣ той антропоморфной, трансцендентной „природы [2])“, какъ производящаго фактора всѣхъ вещей, о которой упоминается въ главѣ III настоящаго изслѣдованія. Съ точки зрѣнія такого пониманія онъ не могъ не констатировать отсутствія метафизики въ той умственной атмосферѣ, которую создавали Декартъ, Галилей и имъ подобные теоретики [3]). Во второмъ, публицистическомъ смыслѣ онъ объединялъ общимъ названіемъ метафизики всѣ ученія, подготовившія, какъ ему казалось, французскую революцію и ту преувеличивавшуюся имъ анархію умовъ среди его современниковъ, въ прекращеніи которой, какъ онъ совершенно недвусмысленно и неоднократно заявлялъ [2]), онъ видѣлъ главную задачу своего философскаго предпріятія.

И такъ какъ эта уже внѣнаучная, публицистическая сторона дѣла все болѣе и болѣе поглощала вниманіе Конта, то онъ и сталъ всюду искать и усматривать родоначальниковъ этой анархіи, иначе говоря, „метафизиковъ“. Съ неразборчивостью раздраженнаго, полубольного человѣка, всюду готоваго усматривать козни врага, по поводу всякаго дѣйствительнаго или мнимаго несчастья ищущаго прежде всего виноватыхъ, Контъ приписывалъ эту анархію разрушительному будто бы вліянію легистовъ [3]), протестантовъ [4]), Бэйля [5]), Спинозы [6]), Гоббеса [7]). Всѣ они оказались у Конта „метафизиками“. А между тѣмъ ихъ никакъ нельзя назвать метафизиками въ томъ первомъ теоретическомъ и научномъ смыслѣ, въ которомъ, какъ указано, самъ Контъ понималъ этотъ терминъ. И Бэйль, и Спиноза, и Гоббесъ были самыми рѣшительными противниками объясненія міра и его явленій какими бы то ни было таинственными олицетворенными сущностями

---

[1]) Томъ I, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

[3]) Тамъ же. стр. 20; томъ V, стр. 530.

[2]) См. Opuscules de philosophie sociale 1819—1822, Paris, 1883, стр. 60, 72, 88, 94—96; Cours de philosophie positive, томъ I, стр. 40 четвертаго изданія; Discours sur l'ensemble du positivisme, Paris, 1848, стр 56; Catéchisme positiviste, Paris, 1852, стр. VI; Système de politique positive, томъ III, 1853, стр. X; Appel aux conservateurs, Paris, 1855, стр. 17.

[3]) Cours de philosophie positive, томъ V, стр. 392 четвертаго изданія.

[4]) Тамъ же, стр. 379 и 449.

[5]) Тамъ же, стр. 499.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же и стр. 503.

и, значитъ, были врагами метафизики въ этомъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе Контъ обвиняетъ ихъ въ метафизикѣ. И „настоящимъ ея отцомъ [1])“ оказывается не кто иной какъ Гоббесъ—злѣйшій врагъ какихъ бы то ни было „сущностей“, одинъ изъ самыхъ позитивныхъ и реалистическихъ теоретиковъ, которые когда-либо существовали. Съ точки зрѣнія той борьбы съ анархіею умовъ, въ которой Контъ видѣлъ не только свое публицистическое призваніе, но и главную цѣль своей жизни и дѣятельности, малѣйшая критика общественнаго строя, хотя бы она, какъ у Гоббеса и Спинозы, преслѣдовала задачу объясненія этого строя и притомъ во всей его если не принципіальной, то фактической необходимости, оказывалась уже чѣмъ-то разрушительнымъ—подобно тому какъ Кантъ, разочаровавшись во французской революціи, объявилъ безцѣльными и опасными умствованіями всякія изслѣдованія о происхожденіи государственной власти [2]). И такъ какъ Контъ для обозначенія тѣхъ ученій, которыя онъ считалъ разрушительными, воспользовался совершенно неподходящимъ терминомъ „метафизики“, то и оказалось, что Гоббесъ и Спиноза, позитивисты XVII вѣка, очутились въ метафизикахъ. Если къ этому еще прибавить то некритическое, догматическое отношеніе къ утвержденіямъ отца школы, которымъ, какъ и всякіе ученики и эпигоны, отличались многіе послѣдователи Конта, далѣе, ихъ ошибочное утвержденіе, что онъ былъ публицистомъ только въ опредѣленный, ими отвергаемый періодъ своего авторства и что помимо этого періода онъ былъ строго послѣдовательнымъ ученымъ и только ученымъ, то станетъ совершенно понятнымъ, почему съ легкой руки Конта взглядъ на раціонализмъ XVII вѣка какъ на метафизику пріобрѣлъ авторитетъ позитивности и строгой научности.

Однако если отнестись безъ предвзятыхъ мнѣній къ раціоналистической философіи XVII вѣка, то окажется, что въ

[1]) Тамъ же, стр. 499.

[2]) Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Königsberg, 1797, стр. 174.

ней было гораздо больше эмпиризма, чѣмъ у Бэкона, и гораздо меньше метафизики, чѣмъ увѣрялъ Контъ. Философія эта была тѣсно связана съ наукою. И раціонализмъ философіи вполнѣ гармонировалъ съ наукою, которая тоже была раціональна.

Мы имѣемъ въ виду естествознаніе XVII вѣка. Оно сводило хаосъ явленій природы къ повторенію немногихъ явленій, къ движенію тѣлъ. Эти явленія въ свою очередь оно свело къ немногимъ законамъ, т. е. постояннымъ математическимъ отношеніямъ между точно опредѣленными величинами при повтореніи одинаковыхъ процессовъ въ пространствѣ и времени. Законы же эти устанавливались раціоналистическимъ путемъ, путемъ математическаго доказательства. Логическою вершиною и методологическимъ источникомъ новаго естествознанія была раціональная механика, наука додуктивная и тѣмъ не менѣе чрезвычайно точно объясняющая или, по крайней мѣрѣ, описывающая происходящіе въ дѣйствительности физическіе процессы. Торжество математической физики XVII вѣка было торжествомъ разума надъ природою, торжествомъ идеи надъ матеріею.

Такимъ образомъ первымъ и основнымъ поприщемъ, на которомъ работалъ раціонализмъ XVII вѣка, было математическое естествознаніе, сводившее физическій міръ къ законамъ механики, а законы механики устанавливавшее путемъ дедукціи. Но этимъ дѣло далеко еще не исчерпывалось. Новая метода или теорія, нашедшая плодотворное примѣненіе въ одной научной области, обыкновенно возводится въ мѣрило и правило всякаго вообще научнаго изслѣдованія, а также истолкованія міра какъ цѣлаго. Таково было, напримѣръ, положеніе дарвинизма. Таково положеніе, которое на нашихъ глазахъ начинаетъ занимать энергетика [1]). Таково

[1]) Попытку цѣликомъ распространить ея принципы и выводы на экономическую область см. уже въ книгѣ Die Lehre von der Energie, von Georg Helm, Leipzig, 1887, стр. 72 и слѣд. Дѣлаются попытки подчинить ей даже юриспруденцію. См. Die Weltanschauung der Jurisprudenz, von A. Bozi, стр. 108 и слѣд.

же было и положеніе раціональной механики въ научныхъ и философскихъ кругахъ XVII вѣка. Именно она считалась образцомъ истинной научности. И сообразно съ этимъ тѣ моралисты, юристы и публицисты этого вѣка, которые хотѣли итти въ уровень съ научнымъ движеніемъ своей современности, стремились построить раціональную механику личной и публичной жизни людей, стремились построить раціональную психологію для объясненія индивидуальной жизни человѣка и раціональную соціологію для объясненія факта человѣческаго общежитія. Необходимыми условіями раціональной науки являются, во-первыхъ, наличность немногочисленныхъ основныхъ, совершенно точныхъ и опредѣленныхъ элементовъ, къ которымъ можно было бы свести все разнообразіе изучаемаго круга предметовъ и отношеній, и, во-вторыхъ, выведеніе этихъ отношеній путемъ дедукціи изъ этихъ элементовъ. Сообразно съ этимъ для механическаго объясненія человѣческой жизни необходимо было свести все ея многообразіе, всѣ ея вольныя и невольныя дѣянія, всѣ ея мотивы, настроенія, чувства къ естественному, необходимому, строго закономѣрному движенію основныхъ элементовъ психики. Этими элементами въ XVII вѣкѣ считались страсти (passiones) или, какъ выражался Спиноза, эффекты. Если для объясненія индивидуальной человѣческой жизни старались построить раціональную психологію, то для объясненія взаимодѣйствія между людьми, именуемаго обществомъ, старались построить раціональную соціологію или, какъ выражались тогда, гражданскую философію (philosophiam civilem), которую, какъ объяснялъ Гоббесъ, надлежало понимать по аналогіи съ естественною философіею (philosophia naturalis), т. е. съ тогдашнею физикою. Чтобы построить такую соціологію, какъ естественную науку механическаго типа, теоретики XVII вѣка старались опять таки взойти къ ея основнымъ элементамъ, старались мысленно разложить общежитіе на его составныя части, подобно тому какъ механизмъ разлагается на колеса и пружины (сравненіе это принадлежитъ Гоббесу). Основнымъ элементомъ они считали природу человѣка. Взгляды ихъ на сущность этой природы колебались между утвержденіями Гуго Гроція и Кумберланда, что люди отъ природы тяготѣютъ другъ къ другу, что, какъ выражался Гроцій, homini proprium sociale, и утвержденіями Гоббеса и Спинозы, что, совсѣмъ напротивъ, люди по природѣ отталкиваются другъ отъ друга. Въ обоихъ случаяхъ однако, очевидно, имѣлась въ виду аналогія съ механикою. Такимъ образомъ вторымъ поприщемъ, на которомъ работали раціоналисты XVII вѣка, былъ психическій и моральный міръ человѣка и его общежитія. И работа эта состояла въ стремленіи построить механику этихъ міровъ прежде всего путемъ опредѣленія ихъ основныхъ элементовъ. Теперь принято иронизировать надъ пристрастіемъ теоретиковъ XVII вѣка къ опредѣленіямъ. Однако при этомъ совершенно упускается изъ виду, что если бы дѣйствительно осуществилась ихъ научная мечта и если бы имъ дѣйствительно удалось съ математическою точностью опредѣлить аффекты и вообще свойства человѣческой природы, то они для чтенія загадочной книги человѣческой души обладали бы такимъ же удобнымъ алфавитомъ, какой Галилей, по собственному выраженію, нашелъ въ треугольникахъ, кругахъ и прочихъ геометрическихъ фигурахъ для чтенія книги физической природы.

Наконецъ, третье и самое грандіозное поприще для раціоналистовъ XVII вѣка представлялъ міръ какъ единое цѣлое. Если, какъ подтверждали физическія изслѣдованія, міръ матеріальной природы можетъ быть сведенъ къ раціональной механикѣ и объясненъ ея законами, если, какъ ожидали отъ психологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій того времени, духовный міръ могъ и долженъ былъ тоже свестись къ своего рода механикѣ и, значитъ, какъ выразился Спиноза, не былъ государствомъ въ государствѣ (imperium in imperio), то, слѣдовательно, весь міръ какъ цѣлое представлялъ механическую систему, слѣдовательно, возможна и необходима была mathesis universalis, монистическое механическое міропознаніе, построенное математическимъ или геометрическимъ путемъ. Такимъ образомъ вмѣсто античнаго дробленія

человѣческаго знанія между различными по предметамъ, интересамъ и способамъ изслѣдованія областями знанія логическаго, этическаго и физическаго становилось возможнымъ, по крайней мѣрѣ принципіально, единое универсальное знаніе, при которомъ этическое знаніе строилось бы по аналогіи со знаніемъ физическимъ и оба эти знанія сливались бы въ одномъ общемъ логическомъ знаніи, въ универсальной міровой логикѣ. Сообразно съ этимъ вполнѣ естественнымъ вѣнцомъ раціоналистическихъ изслѣдованій XVII вѣка явились тогдашнія „пансофическія" построенія и въ особенности знаменитая попытка Спинозы ordine geometrico построить систему вселенной, раціональную теорію всего, что въ ней существуетъ и происходитъ, безъ какого бы то ни было остатка, имманентную логику міра.

Такимъ образомъ раціоналисты XVII вѣка стремились создать раціональную механику физическаго міра, раціональную механику духовнаго міра и, наконецъ, раціональную механику міра, какъ цѣлаго. Если бы они осуществили цѣликомъ всѣ эти три задачи, иными словами, если бы они познали міровую закономѣрность съ тою ясностью, отчетливостью и доказательностью, которая образуетъ исключительную привилегію и главную силу чистаго, раціональнаго знанія, то были бы осуществлены самыя смѣлыя научныя мечты. Безъ остатка была бы выполнена программа теоретическаго знанія. Наука перестала бы быть вѣчнымъ imperfectum'омъ. Она дошла бы до своей послѣдней цѣли, т. е. до своего конца. Логика бытія вполнѣ совпадала бы съ логикою мысли. Не было бы болѣе никакихъ преградъ между человѣческимъ разумомъ и абсолютною истиною. Не было бы болѣе тайнъ. Все было бы познано.

Мы видимъ такимъ образомъ, что та задача, которую преслѣдовалъ раціонализмъ XVII вѣка, никакъ не можетъ быть признана ни противонаучною, ни внѣнаучною. Задача эта строго научна. Въ сущности это вѣчная задача всякаго научнаго изслѣдованія. И поскольку раціоналисты XVII вѣка формулировали ее именно какъ задачу, они стояли на

вполнѣ научной и вполнѣ положительной почвѣ. Они вступали на рискованный путь метафизики только тогда, когда они отъ замысла переходили къ исполненію и старались разъ навсегда выполнить вѣчно неосуществленную задачу абсолютнаго знанія при помощи тѣхъ слишкомъ недостаточныхъ для этого данныхъ положительнаго научнаго опыта, которыми они располагали. Для этого они по необходимости должны были заполнять пробѣлы мысли и бытія метафизическимъ, иногда просто терминологическимъ матеріаломъ и такимъ образомъ фактически возвращаться къ той схоластической традиціи, которую принципіально они такъ рѣзко осуждали.

ЧАСТЬ I.

Новое міровоззрѣніе.

ГЛАВА III.

Моральное міровоззрѣніе.

Кризисъ обществовѣдѣнія въ XVII столѣтіи былъ послѣдствіемъ болѣе общаго явленія того же времени, именно, кризиса всей научной философіи, который въ свою очередь вызывался переворотомъ въ тогдашнемъ естествознаніи. Такая связь не представляетъ ничего неожиданнаго. Всякое крупное завоеваніе въ области одной науки вызываетъ надежду на распространеніе его если не рѣшительно на все наше знаніе безъ остатка, то по крайней мѣрѣ на возможно бо́льшій кругъ предметовъ и явленій. Оно оживляетъ и выдвигаетъ на первый планъ вѣчную неосуществленную мечту о единствѣ науки, о сведеніи всего нашего пестраго знанія къ единой формѣ, единому содержанію, единой методѣ. Вотъ почему въ XVII столѣтіи перерожденіе естествознанія, превращеніе его изъ науки схоластической по формѣ и метафизической по содержанію въ математическую физику, производитъ сильное впечатлѣніе во всѣхъ научныхъ сферахъ и всюду вызываетъ стремленіе стать въ просвѣщеніи съ вѣкомъ наравнѣ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ перерожденіемъ, было тѣмъ сильнѣе, что, отчасти въ качествѣ познавательнаго регулятива новаго естествознанія, отчасти въ качествѣ вывода изъ его положительныхъ результатовъ, его сопровождало совершенно новое міровоззрѣніе, чрезвычайно рѣзко порывавшее всякую связь съ установившимися понятіями, не только физическими, но также и психологическими, моральными, метафизическими и т. д. Сущность перемѣны можетъ быть охарактеризована какъ замѣна м о р а л ь н а г о міровоззрѣнія міровоззрѣніемъ ф и з и ч е с к и м ъ. Чтобы оцѣнить эту перемѣну во всемъ ея радикализмѣ, попробуемъ прежде всего выяснить наиболѣе типичныя черты павшаго міровоззрѣнія.

Моральное міровоззрѣніе, освящавшееся авторитетомъ церкви и Аристотеля, состояло въ томъ, что не только человѣческія отношенія, но также и міръ внѣчеловѣческой природы, какъ живой, такъ и мертвой, какъ земной, такъ и небесной, занимали мысль лишь постольку, поскольку вызывали тѣ или иныя соображенія практической морали. Содержаніе же послѣдней, послѣ того, какъ христіанство окончательно восторжествовало надъ язычествомъ, всецѣло опредѣлялось церковнымъ вѣроученіемъ. Средоточіемъ вселенной считалась церковь, и, какъ мѣтко выразился извѣстный историкъ средневѣкового міросозерцанія Г. Эйкенъ [1]), на землю смотрѣли какъ на сцену, на которой происходитъ взаимодѣйствіе Бога, діавола и человѣка. Царство природы разсматривалось или какъ препятствіе, или же, напротивъ, какъ подтвержденіе царства благодати, иначе говоря, съ точки зрѣнія идеи спасенія. Интересъ къ физикѣ, какъ таковой, къ матеріальной природѣ безъ какихъ бы то ни было моральныхъ цѣлей и заключеній считался если не грѣховнымъ дѣломъ, то праздным любопытствомъ, не достойнымъ серьезнаго философскаго изслѣдованія. Лактанцій называлъ безумцами интересующихся величиною солнца, формою луны, подвижностью или непод-

[1]) См. стр. 544 русскаго перевода 1907 г. его „Исторіи и системы средневѣкового міросозерцанія".

вижностью звѣздъ и неба, объемомъ и равновѣсіемъ земли [1]); онъ же недоумѣвалъ, какое блаженство могутъ доставить свѣдѣнія о томъ, откуда вытекаетъ Нилъ [2]). Все физическое оцѣнивалось съ моральной точки зрѣнія, какъ символы или иллюстраціи добродѣтелей или пороковъ. Свинья служила образомъ невоздержности, лилія означала невинность, изумрудъ — вѣру, сапфиръ — надежду и т. д. Подобнаго рода символами наполнялись всѣ средневѣковыя изданія т. н. физіолога и бестіарія. Не довольствуясь однимъ этимъ, шли еще дальше и привлекали всю физическую природу къ прямому и непосредственному участію въ моральной жизни людей. Подъ впечатлѣніемъ проповѣди пророка Іоны царь Ниневіи повелѣваетъ, „чтобы ни люди, ни скотъ, ни волы, ни овцы ничего не ѣли, ни ходили на пастбище и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищемъ люди и скотъ и крѣпко вопіяли къ Богу [3])" — и его повелѣніе приводится животными въ исполненіе. Св. Францискъ Ассизскій обращался съ проповѣдью къ птицамъ и другимъ животнымъ даже охотнѣе, чѣмъ къ людямъ. Разсматриваемая съ моральной стороны, вся физическая природа считалась несовершенною, поврежденною. И это объяснялось моральными причинами — грѣхопаденіемъ человѣка, которое повело за собою проклятіе Божіе. Несовершенства природы, какъ вѣрили, въ отдѣльныхъ случаяхъ могли устраняться при посредствѣ сверхъестественнаго моральнаго акта или чуда. Такой взглядъ конечно исключалъ неизмѣнную закономѣрность физическаго міра. Нерушимымъ и безусловно необходимымъ считался собственно только нравственный законъ, отъ имени Бога предписывающій людямъ то или иное поведеніе и устанавливающій порядокъ моральнаго міра. Что же касается порядка физическаго міра, его естественной закономѣрности, то все еще

[1]) Migne, Patrologia latina, VI, 355: Divinarum institutionum Lib. III (de falsa sapientia philosophorum), Cap. III.

[2]) Тамъ же, 369.

[3]) Книга Іоны III, 7 и слѣд.

господствовалъ ветхозавѣтный взглядъ, обусловливавшій ее соблюденіемъ людьми нравственнаго закона: если они слѣдуютъ ему, то въ награду за это дни и ночи, времена года регулярно смѣняются, не прерываясь никакими катастрофами вродѣ потопа; если они его нарушаютъ, то въ наказаніе за это ниспосылаются гладъ, потопъ, трусъ и т. п. происшествія [1]). Когда случалось землетрясеніе, когда, „горы прыгали, какъ овны, и холмы, какъ агнцы [2])", когда море бѣжало и Іорданъ обращался назадъ [3]), это значило, что Богъ „потрясъ землю и разбилъ ее [4])", иными словами, отринулъ людей, сокрушилъ ихъ и прогнѣвался [5]), или же что земля трепетала предъ лицомъ Господа [6]). Радуга разсматривалась какъ знаменіе завѣта [7]) между Богомъ и людьми.

Моральное міровоззрѣніе вводило въ физику древности и средневѣковья антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ.

Антропорфизмъ проявлялся въ томъ, что не только поступки людей разсматривались какъ послѣдствія воли, намѣреній, вообще душевныхъ актовъ, но и подъ предметы и явленія неодушевленнаго міра подставлялись тѣ или иные душевные и духовные факторы: жизненные духи, духъ - руководитель (spiritus rector—своего рода ангелъ хранитель физическихъ вещей) и т. д. Такъ, напримѣръ, Боденъ училъ, что небо и звѣзды одарены „интеллектомъ [8])", что звѣзды—

[1]) На такое соотношеніе моральнаго и физическаго порядка по библейскимъ представленіямъ, на зависимость послѣдняго отъ соблюденія человѣкомъ завѣта или договора съ Богомъ указалъ Тейхмюллеръ. См. его Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, II Heft, Gotha, 1878, стр. 61.

[2]) Псаломъ 113, ст. 4.

[3]) Тамъ же, ст. 3.

[4]) Псаломъ 59, ст. 4.

[5]) Тамъ же, ст. 3.

[6]) Псаломъ 113, ст. 7.

[7]) Бытія IX, 12 и слѣд.

[8]) Universum Naturae Theatrum, in quo rerum omnium effectrices causae, et fines quinque libris discutiuntur. Lugduni, 1596, стр. 551.

это „войска Божіи", которыя, по повелѣнію небеснаго императора „ополчаются на отмщеніе нечестивыхъ и на спасеніе добрыхъ [1])", и что ко всѣмъ небеснымъ и земнымъ, живымъ и неодушевленнымъ существамъ Богомъ приставлены добрые или злые ангелы, которыхъ онъ называетъ правителями, ликторами, прокурорами и экзекуторами міровой республики [2]). Такое представленіе было до того обычно и казалось до того естественнымъ, что еще Декартъ (родившійся въ годъ смерти Бодена), несмотря на весь свой натурализмъ, продолжалъ приписывать процессы человѣческаго организма какимъ-то жизненнымъ духамъ и такимъ образомъ сохранилъ здѣсь если не сущность, то терминологію моральнаго міровоззрѣнія; а Кеплеръ такъ и не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ вѣры въ одушевленность планетъ. Предполагалось, что у каждаго предмета есть своя „природа", т. е. свой движущій факторъ, внутренній или, еще чаще, внѣшній [3]), и что у всего міра (**natura naturata**) есть особый факторъ—**natura naturans**. При этомъ отношеніе „природы" къ предметамъ понималось совершенно антропоморфно. И объяснить какое бы то ни было явленіе значило указать его антропоморфнаго виновника. Подъ „формою" предметовъ опять таки понимали не ихъ фигуру, какъ теперь, а ихъ производящій факторъ, или, какъ училъ Ѳома Аквинскій, **principium agendi in unoquoque** [4]). Сообразно съ этимъ формѣ противопоставлялось не содержаніе, а матерія, которая изъ потенціальнаго бытія переходитъ въ актуальное благодаря производящей силѣ **causae formalis**. Создателемъ формъ, въ свою очередь считался Богъ—**Deus, creator et dator formarum**, какъ училъ еще Николай Кузанскій [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 614.

[2]) Тамъ же, стр. 632.

[3]) Еще у Монтескье можно найти отголосокъ такого пониманія—въ его ученіи о „природѣ" государствъ (Esprit des lois, II).

[4]) См. R. Eisler, Wörterbuch der philosophischen Begriffe, Zweite Auflage, I Band, Berlin, 1904, стр. 334.

[5]) De venatione sapientiae, Cap. XXIX.

Телеологизмъ проявлялся въ томъ, что весь міръ разсматривался какъ созданный и существующій для тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ моральныхъ цѣлей. Первое яркое выраженіе его мы находимъ въ Платоновомъ „Тимеѣ". Такъ, напримѣръ, кишки, объясняется здѣсь, съ тою цѣлью обвиваютъ желудокъ, чтобы удлиннить процессъ пищеваренія и такимъ образомъ оставить человѣку досугъ для философіи, для музъ и для повиновенія божеству. Христіанство усвоило и развило дальше телеологизмъ языческой физики. По средневѣковымъ представленіямъ человѣкъ созданъ для того, чтобы черезъ церковь возсоединиться съ Богомъ и вступить въ жизнь вѣчную. Страсти существуютъ для того, чтобы ихъ укрощать, чтобы человѣкъ имѣлъ возможность достойно пользоваться своею свободою и, съ помощью благодати, совершенствоваться въ добродѣтели. Все, что существуетъ на землѣ, создано для человѣка, для его пользы, для службы ему—солнце, луна, звѣзды, четыре элемента, птицы, рыбы, животныя, черви, золото, драгоцѣнные камни, пряности, цвѣты, плоды [1]). Но человѣкъ въ свою очередь долженъ служить Богу. Онъ не можетъ и не долженъ быть самъ себѣ цѣлью. Вѣнецъ земного творенія, онъ сотворенъ ради высшихъ цѣлей сотворившаго его. Отчасти его фактически ведетъ къ нимъ провидѣніе. Отчасти онъ долженъ самъ итти къ нимъ, надлежащимъ образомъ пользуясь свободою своей воли подъ руководствомъ даннаго свыше нравственнаго закона.

Іерархизмъ распредѣлялъ всѣ существа, весь міръ по чинамъ и рангамъ. Начало ему было положено еще Платономъ. Онъ не только выдѣлялъ чистыя идеи изъ чувственныхъ предметовъ и воспріятій. Онъ отдѣлялъ ихъ отъ нихъ и противопоставлялъ ихъ имъ какъ самостоятельныя реальности, и притомъ высшаго порядка. Сообразно съ этимъ онъ и помѣщалъ ихъ въ надміровомъ эмпиреѣ, по отношенію къ которому все земное и мірское было имъ объявлено чѣмъ-то

---

[1]) Der Schwabenspiegel, herausgegeben von F. L. A. Freiherrn von Lassberg, Tübingen, 1840, стр. 3.

чрезвычайно жалкимъ и низменнымъ. Начатое Платономъ дѣло іерархизаціи міра было систематически закончено Аристотелемъ. Онъ отказывался считать человѣка наилучшимъ изъ существъ: есть вещи, объяснялъ онъ, гораздо болѣе божественной природы, и самыя очевидныя изъ нихъ—это небесныя тѣла [1]). Такъ какъ они совершенны, то, объяснялъ Аристотель, ихъ движеніе происходитъ въ совершенной формѣ круговъ, въ отличіе отъ несовершеннаго движенія земныхъ тѣлъ, падающихъ внизъ или поднимающихся вверхъ. Небесныя тѣла считались сдѣланными изъ особой, высшей, въ сравненіи съ „элементарными" четырьмя стихіями, субстанціи, именно изъ эфира [2]). Даже въ логикѣ отчасти у Аристотеля, отчасти же и главнымъ образомъ у его позднѣйшихъ, особенно средневѣковыхъ истолкователей, отношеніе рода къ виду понималось не столько въ смыслѣ объема, сколько въ смыслѣ іерархіи, не столько въ смыслѣ отношенія цѣлаго къ части, сколько въ смыслѣ отношенія высшаго (summum genus) къ низшему (infima species). Средневѣковые схоластики ставили идеи выше предметовъ, сущность или „эссенцію" вещей выше ихъ субстанціи; плодомъ такого пониманія явилось, между прочимъ, опровергавшееся св. Бернардомъ, какъ еретическое, ученіе о томъ, что божественность (divinitas) выше Бога (Deus). Въ его лицѣ церковь протестовала противъ искаженія іерархическаго принципа, но никакъ не противъ самого принципа. Совсѣмъ напротивъ, на немъ строилось все ея міросозерцаніе. Христіанское богословіе съ его ученіемъ о различной славѣ солнца, луны и звѣздъ подкрѣпило и расширило унаслѣдованный отъ античнаго міра іерархизмъ. Діонисій Ареопагитъ составилъ подробную табель

[1]) Этика, VI, 7.

[2]) Этотъ взглядъ сохранялся еще въ началѣ XVII столѣтія. Coelum est pars mundi superior aetherea lucida ab elementari parte mundi distincta, читаемъ мы, напримѣръ, въ извѣстномъ словарѣ Гокленіуса. См. Lexicon philosophicum, quo tanquam clave philosophiae fores aperiuntur. Francofurti, 1613, стр. 377.

о рангахъ чиновъ ангельскихъ. Бл. Августинъ подробно и систематически сочеталъ земную іерархію съ небесною и указалъ всякой твари подобающее мѣсто въ стройномъ порядкѣ мірозданія. Понятія верха и низа имѣли не только физическое и притомъ абсолютное [1]), но также и моральное значеніе. Все физически высокое считалось также высокимъ морально и все физически низкое считалось также морально низкимъ. Сообразно съ этимъ рай помѣщался наверху, за небесною твердью, и служилъ мѣстомъ высшей реализаціи добра и добрыхъ стремленій. Для зла отводилась преисподняя, подземный міръ. Адъ внизу. Рай наверху. Посрединѣ земля и человѣкъ. А надъ всѣмъ высочайшее, верховное существо, именно Богъ. Такова была іерархическая картина средневѣкового мірозданія.

[1]) Goclenius, 647: Sursum et deorsum loca naturalia sunt contraria, ac manent fixa.

ГЛАВА IV.

Физическое міровоззрѣніе.

Какъ ни казалось незыблемымъ охарактеризованное выше моральное міровоззрѣніе, какъ ни подтверждалось оно авторитетомъ церкви и эмпирическою видимостью вещей, оно всетаки пало. И пало оно не благодаря моральнымъ сомнѣніямъ въ его непреложности, не благодаря протесту противъ церковнаго авторитета, а благодаря новымъ открытіямъ въ мірѣ чувственной природы, благодаря связанной съ ними новой физической наукѣ, которая совсѣмъ измѣнила традиціонную картину вселенной и положила начало новому міровоззрѣнію, окончательно обозначившемуся въ XVII столѣтіи и еще донынѣ, въ той или иной формѣ, владѣющему умами большинства теоретиковъ, именно міровоззрѣнію физическому. Factum vero fuit a rebus naturalibus initium [1]), объяснялъ поліисторъ Моргофъ появленіе новаторовъ въ философіи. Полный переворотъ произвело открытіе, что земля вращается вокругъ солнца. Если не земля—средоточіе міра, то, значитъ, утрачиваютъ значеніе центральныхъ міровыхъ событій грѣхопаденіе прародителей и сошествіе Сына Божія на землю

[1]) Danielis Georgi Morhofi Polyhistor literarius, philosophicus et practicus. Editio tertia, Lubecae, 1732, т. II, стр. 108. См. вообще всѣ его разсужденія De novatoribus in philosophia, тамъ же, стр. 106 и слѣд.

для искупленія рода человѣческаго—иными словами, краеугольные камни средневѣкового моральнаго міровоззрѣнія. Если нѣтъ неподвижнаго неба надъ землею, если она не увѣнчивается твердымъ куполомъ, то, значитъ, нѣтъ также и того сверхнебеснаго міра, съ которымъ вѣрующая мысль связывала столько надеждъ. Если нѣтъ центра міра [1]), нѣтъ верха, нѣтъ низа, то, значитъ, нѣтъ также ни рая ни ада, по крайней мѣрѣ въ традиціонномъ наивно пространственномъ представленіи. Есть или безконечный, всюду однородный міръ или безчисленные міры, быть можетъ, также обитаемые, какъ и земля. Все это совершенно разрушало схоластически-Аристотелево моральное міровоззрѣніе, помѣщавшее неподвижную землю въ центрѣ вселенной, человѣка—во главѣ земли, надъ землею—рай, подъ землею—адъ, мѣста, которыя, напримѣръ, Данте въ своемъ знаменитомъ хожденіи по мукамъ описывалъ съ такими интересными подробностями. Все это естественно вело за собою отказъ отъ антропоморфизма, телеологизма и іерархизма при объясненіи физической природы.

Все антропоморфное было безжалостно изгнано изъ природы. Она была обездушена:

> Fühllos selbst für ihres Künstlers Ehre,
> Gleich dem toten Schlag der Pendeluhr,
> Dient sie knechtisch dem Gesetz der Schwere,
> Die entgötterte Natur.

Дѣйствіе духовъ и иныхъ сверхъестественныхъ факторовъ на предметы было замѣнено естественными законами механики. Природу перестали понимать какъ производящій факторъ вещей. Сообразно съ этимъ терминъ naturare подвергся проскрипціи даже со стороны старомоднаго Гокленіуса (правда, еще Спиноза пользовался по старой памяти понятіями natura naturans и natura naturata; но они уже являются анахронизмомъ въ его системѣ и, въ сущности, со-

[1]) C'est une sphère infinie dont le centre est partout (Паскаль, Pensées, стр. 118 изд. 1869 г.).

вершенно противорѣчатъ ея духу). „Форма“ вещей изъ ихъ внутренняго производящаго принципа превратилась въ ихъ внѣшній [1]), главнымъ образомъ геометрическій, видъ. Наука рѣшительно отказывалась отъ встрѣчающагося, напримѣръ, еще у Кампанеллы [2]) антропоморфическаго различія между elementa и elementata и вообще отъ субстанціальныхъ формъ и скрытыхъ качествъ [3]). И если наиболѣе благоразумные схоластики довольствовались тѣмъ, что предлагали не умножать безъ нужды таинственныхъ существъ—entia sine necessitate non sunt multiplicanda,—то новые ученые пошли гораздо дальше и совершенно изгоняли эти существа.

Изгнано было также и все телеологическое. Цѣли въ природѣ, causae finales, были объявлены безплодными, подобно дѣвамъ посвященнымъ Богу [4]). Vere scire est per causas scire Настоящимъ знаніемъ было объявлено знаніе причинъ. При этомъ причины понимались уже не въ прежнемъ моральномъ и вообще антропоморфическомъ смыслѣ причиненія, а въ смыслѣ естественно-необходимой связи вещей и явленій, сводившейся въ конечномъ итогѣ къ математическимъ функціямъ, къ естественнымъ законамъ, т. е. къ постояннымъ математическимъ отношеніямъ между точно опредѣленными величинами при повтореніи однихъ и тѣхъ же пространственныхъ процессовъ. Строго говоря, благодаря такому пониманію даже и понятіе причины исключалось изъ строгой науки, какъ объ этомъ подробнѣе упоминается ниже. Тѣмъ менѣе допускались цѣли въ вещахъ, какъ транссцендентныя, такъ и имманентныя.

---

[1]) Мальбраншъ объяснялъ: le miel est sans doute miel par sa forme et c'est ainsi qu'il diffère essentiellement du sel; mais cette forme ou cette différence essentielle ne consiste que dans la différente configuration de ses parties (Recherche de la vérité, L. I, Ch. XVI, Oeuvres, 1877, III, 130).

[2]) Realis philosophiae epilogisticae partes quatuor, Francofurti, 1623, стр. 12.

[3]) По Ньютону настоящая наука должна была missis formis substantialibus et qualitatibus occultis phaenomena naturae ad leges mathematicas revocare.

[4]) Даже полусхоластикъ и компиляторъ Шовенъ поддался въ этомъ отношеніи вліянію новыхъ идей: Finis inquisitio... in Physica sterilis. Finis merito e catalogo causarum physicarum expungitur a viris doctis (Lexicon philosophicum, 1713, стр. 246). Спиноза считалъ даже лишнимъ объяснять и доказывать безцѣльность природы: ut... ostendam, Naturam finem nullum sibi praefixum habere, et omnes causas finales nihil nisi humana esse figmenta, non opus est multis (Ethica, Pars I, Appendix, Opera, edit. II J. van Vloten et J. P. N. Land, I, 68).

Наконецъ, изгнано было также и все іерархическое. Компасъ, приведшій къ открытію новаго материка, расширилъ земной горизонтъ. Телескопъ, приведшій къ открытію новыхъ свѣтилъ, расширилъ небесный горизонтъ. Міръ раздвинулся до безконечности И эта безконечность поглотила традиціонную іерархію. Въ аналогичномъ маятнику біеніи человѣческаго пульса, въ кровообращеніи, открытіе котораго произвело такое сильное впечатлѣніе [1]), въ сокращеніи мускуловъ, въ дыханіи обнаружилось сходство и даже тождество считавшагося высшимъ устройства человѣческаго организма съ организаціею будто бы низшей неодушевленной природы. Въ этой природѣ, въ свою очередь, отвергали традиціонное превосходство легкихъ тѣлъ передъ тяжелыми, превосходство тѣлъ, поднимающихся вверхъ, какъ, напримѣръ, дымъ или паръ, передъ тѣлами, падающими внизъ, какъ, напримѣръ, камни. Болѣе того, стали утверждать, что между обоими родами движенія, считавшимися, по Аристотелю, несовершенными, и совершеннымъ—круговымъ, какъ до тѣхъ поръ предполагали,—движеніемъ небесныхъ свѣтилъ нѣтъ никакой разницы. Паденіе камня на землѣ и движеніе свѣтила на небѣ это сходныя и даже тождественныя явленія. И это утвержденіе было блестяще подтверждено Ньютономъ, который связалъ Галилеевъ законъ паденія земныхъ тѣлъ съ

---

[1]) Circulatio sanguinis maxime ubique celebratur, писалъ еще Шовенъ (Lexicon philosophicum, стр. 103).

Кеплеровыми законами движенія небесныхъ тѣлъ общимъ закономъ всемірнаго тяготѣнія. Шли еще дальше и утверждали, что и неба-то, собственно говоря, нѣтъ, т. е. нѣтъ надземной хрустальной сферы, а есть безконечный міръ, нигдѣ и ничѣмъ не ограниченный, всюду подчиненный однимъ и тѣмъ же законамъ, всюду состоящій изъ одной и той же матеріи [1]). Значитъ, или совсѣмъ нѣтъ неба, или же, напротивъ, небо находится повсюду. Сообразно съ этимъ и земля лишалась значенія центра вселенной, оказывалась однимъ изъ многихъ небесныхъ тѣлъ, словомъ, совершенно выбивалась изъ своей прочной іерархической позиціи. Если Архимедъ выражалъ готовность съ помощью рычага повернуть землю, то Коперникъ сдѣлалъ это даже и безъ рычага. И въ результатѣ вмѣсто космической іерархіи водворялась какая-то всемірная анархія. Впрочемъ анархія была только кажущаяся. Міръ оказался однороднымъ, тождественнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и на всемъ своемъ безконечномъ протяженіи подчиненнымъ строгому порядку и желѣзнымъ законамъ, о несоблюденіи которыхъ, въ отличіе отъ нравственныхъ законовъ, не могло быть и рѣчи. Благодаря этимъ законамъ все въ природѣ совершается съ необходимостью. Но эта необходимость не имѣла уже ничего общаго съ прежнею моральною необходимостью, вродѣ одушевленной необходимости Платонова „Тимея", которая убѣждается аргументами тоже олицетвореннаго высшаго разума и дѣйствуетъ сообразно съ его указаніями, или условной необходимости библейской закономѣрности физическаго міра, которая разсматривалась какъ награда за соблюденіе людьми безусловно необходимаго нравственнаго закона. Новая необходимость была необходимостью естественныхъ механическихъ процессовъ, чуждыхъ какого бы то ни было моральнаго смысла.

[1]) Non aliam esse materiam coeli quam terrae, объяснялъ Декартъ (Principiorum philosophiae, Pars II, XXII. Opera philosophica, Editio secunda, Amstelodami, 1650, стр. 42). Онъ же продолжалъ: Materia itaque in toto universo una et eadem existit (тамъ же, XXIII).

Всѣ эти нововведенія совершенно разстраивали традиціонное міровоззрѣніе. Бэконъ черезчуръ умалялъ значеніе астрономовъ своего времени, когда уподоблялъ ихъ жаворонкамъ, которые, хотя и поднимаются къ небесамъ, однако не приносятъ оттуда рѣшительно ничего. Они приносили совершенно новыя представленія. И это вызвало сильную оппозицію противъ нихъ. Боденъ рѣзко осуждалъ то, что онъ называлъ абсурдомъ Коперника не только потому, что онъ отказывался признать объективно вѣрною геліоцентрическую гипотезу знаменитаго астронома, а главнымъ образомъ и по преимуществу за то, что она „колебала всѣ построенія философовъ и теологовъ, человѣческія чувства и основы всѣхъ наукъ [1])". Если такъ реагировалъ на новое міровоззрѣніе членъ равнодушной къ религіознымъ проблемамъ партіи „политиковъ" XVI вѣка, проявившій въ своемъ Heptaplomeres, какъ выразился Лейбницъ, больше учености, чѣмъ благочестія, то слѣдуетъ ли удивляться пріему, оказанному ему церковью, бывшею дотолѣ властительницею думъ и опиравшеюся на ею же самою созданное или, по крайней мѣрѣ, достроенное моральное міровоззрѣніе? Слѣдуетъ ли удивляться тому, что знакомство съ сочиненіями Коперника для доминиканскаго монаха Джордано Бруно кончилось костромъ? Въ гордомъ сознаніи, что врата адовы не одолѣютъ ея, церковь разсчитывала безгранично впредь до полноты временъ царить надъ умами при посредствѣ богословія и его, казалось, послушной служанки философіи. И вдругъ явилась опасность. Явилась оттуда, откуда менѣе всего можно было ее ожидать—не отъ вратъ адовыхъ, а отъ благочестивыхъ сыновъ церкви, отъ торнскаго каноника и его приверженцевъ, указавшихъ ошибочность общепринятой астрономіи и вслѣдствіе одного этого не оставившихъ камня на камнѣ въ традиціонномъ міровоззрѣніи. Инквизиція не могла молчать. И кто избѣгалъ

[1]) De Republica libri sex, стр. 640 четвертаго латинскаго изданія 1601 г.

костра, тотъ, какъ Галилей, долженъ былъ отрекаться отъ утвержденія, что земля движется. Въ лучшемъ случаѣ, когда сторонникамъ новаго міровоззрѣнія удавалось уклониться отъ инквизиціи и вообще преслѣдованій, отъ нихъ отворачивались съ ужасомъ и отвращеніемъ. Противъ новаго міровоззрѣнія протестовали. И противъ него дѣйствительно можно было протестовать—во имя привычной вѣры, во имя безкорыстной привязанности къ ней, во имя интересовъ, съ нею связанныхъ, вообще во имя авторитета церкви, слишкомъ неосмотрительно взявшей подъ свое покровительство Аристотелевы воззрѣнія, связавшей съ ними свое собственное исповѣданіе и поэтому осуждавшей какъ религіозную, богословскую ересь всякія физическія, основанныя на опытѣ и экспериментахъ поправки къ сочиненіямъ языческаго философа.

Но во имя опыта и разума трудно было протестовать противъ новой науки: она слишкомъ убѣдительно и строго доказывала свои положенія, и они блестяще подтверждались на опытѣ. Несмотря ни на какія затрудненія шествіе ея было побѣдоносно. Становилось очевиднымъ, что книга природы дѣйствительно раскрывается передъ пытливыми изслѣдователями и что только теперь начинается настоящая физическая наука. Съ представителями новаго міровоззрѣнія понемногу стали мириться. Картезіанецъ Клаубергъ уподобилъ ихъ гугенотамъ: когда послѣдніе впервые появились во Франціи, о нихъ распространилось мнѣніе, что это какія-то чудовища, которымъ нѣтъ и не должно быть мѣста среди порядочныхъ людей; но кому приходилось случайно встрѣтиться съ гугенотами, тѣ, къ большому своему удивленію, замѣчали, что это совершенно такіе же люди, какъ и прочіе [1]). Подобнымъ же образомъ постепенно измѣнилось и отношеніе къ піонерамъ новаго міровоззрѣнія. Ихъ по крайней мѣрѣ стали терпѣть. И хотя въ теченіе всего XVII столѣтія въ университетахъ господствовала схоластическая физика [1]) и сообразно съ этимъ научная дѣятельность Кеплера, Декарта, Гоббеса, Спинозы, Ньютона, Локка, Лейбница и другихъ протекала внѣ университетовъ и помимо нихъ,—тѣмъ не менѣе въ этомъ столѣтіи наиболѣе образованные умы считались съ перемѣною міровоззрѣнія уже какъ съ совершившимся фактомъ.

[1]) Differentia inter Cartesianam et in Scholis vulgo usitatam philosophiam, Introitus (Opera omnia philosophica, Amstelodami, 1691, стр. 1219).

Послѣдствіемъ этого факта было совсѣмъ новое умонастроеніе теоретиковъ. У нихъ появилось смѣлое дерзновеніе мысли, появился небывалый дотолѣ радикализмъ какъ теоретическій, такъ и практическій. Теоретическій радикализмъ проявлялся въ отказѣ не только отъ традиціонныхъ знаній, но даже отъ чувственнаго опыта. Какъ то, такъ и другое было вполнѣ естественно въ виду того положенія, въ которомъ находилась тогдашняя физика, наука, опредѣлявшая все научное міровоззрѣніе того времени. Новая физика должна была рѣшительно порвать какъ съ господствовавшими теоріями, такъ и съ тою эмпирическою видимостью вещей, которую эти теоріи несмотря на свою ошибочность объясняли въ общемъ удовлетворительно, хотя въ иныхъ случаяхъ и черезчуръ замысловато [2]). Одни предметы поднимаются, на-

[1]) Для иллюстраціи ея ученій приведемъ нѣсколько тезисовъ изъ одной диссертаціи начала столѣтія (Ch. Salmuthus, Theses philosophicae miscellaneae, Basileae, 1608):

XXV. Nec mundus, nec motus, nec tempus est aeternum.
XXVII. Mundus est ordinata compages ex coelo et terra.
XXXI. Finalis caussa Mundi principalis est gloria Dei: secundaria seu minus principalis Homo.
XXXII. Dividitur porro Mundus in partem Coelestem et Elementarem.
XXXIII. Coelum est corpus naturale, non minus quam alia, estque substantiae simplicissimae et tenuissimae. Еще Шовенъ писалъ: finitudinem mundi probamus (Lexicon philosophicum, 425).

[2]) Это обстоятельство было однимъ изъ поводовъ, побудившихъ нѣкоторыхъ теоретиковъ XVII вѣка заняться вопросомъ о томъ, вытекаетъ ли изъ ложнаго истинное. См. Oeuvres com-

примѣръ, огонь, дымъ, паръ. Другіе, напротивъ, падаютъ, напримѣръ, камни и другія твердыя тѣла. Одни предметы движутся по прямой линіи, другіе, напримѣръ, небесныя тѣла, повидимому, по кругамъ. Надъ землею находится твердый сводъ небесный. И вокругъ нея движутся солнце и другія свѣтила. Такова чувственная картина міра. И именно эту картину объясняли Аристотель и Птолемей. Теорія въ данномъ случаѣ гармонировала съ эмпирическими явленіями, объясняла ихъ и въ свою очередь съ грѣхомъ пополамъ поддерживалась ими. И вотъ оказалось, что не только теорія невѣрна, но и настоящая дѣйствительность совсѣмъ не совпадаетъ съ эмпирическою, чувственною видимостью вещей. Новая физика показала, что движеніе всѣхъ безъ различія земныхъ тѣлъ совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ и что эти законы обязательны также и для небесныхъ тѣлъ, причемъ дѣйствительное движеніе послѣднихъ представляетъ картину прямо противоположную видимости явленій. Очевидно, для того, чтобы познать настоящую истину, необходимо было рѣзко порвать со старыми истинами и даже съ привычнымъ воспріятіемъ явленій. Этимъ объясняется крайній теоретическій радикализмъ изслѣдователей XVII вѣка. Декартъ отрѣшается не только отъ книжной эрудиціи и традиціи своего времени, но даже и отъ всего эмпирически даннаго міра, не исключая и своего собственнаго бытія, поскольку оно не можетъ быть установлено на основаніяхъ болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ чувственный опытъ. Истинно только то, что можетъ быть доказано. Верховнымъ судьею истины является разумъ. Дѣйствительно, объективно существуетъ только то, что онъ признаетъ существующимъ. Все же остальное это не болѣе какъ призраки, созданія нашего воображенія, которымъ не должно быть мѣста въ настоящей наукѣ. Ученый становился философомъ. А философъ становился раціоналистомъ. Сообразно съ этимъ отличіе просто астронома отъ астронома-философа стали видѣть въ томъ, что философъ стремится раціонально обосновать свои теоріи и вычисленія; и на этомъ основаніи Коперника провозгласили философомъ [1]).

Къ теоретическому радикализму присоединялся и практическій. Убѣжденіе въ познавательной силѣ человѣческаго разума соединялось съ вѣрою въ его могущество. Изъ раба онъ превращался во владыку, въ creaturam creaturarum dominam, какъ выразился Амосъ Коменскій [2]). Онъ совершенно освобождался или по крайней мѣрѣ разсчитывалъ совершенно освободиться отъ всѣхъ возможныхъ формъ рабства: отъ рабства метафизическаго, т. е. отъ страха передъ сверхъестественнымъ міромъ, значительная часть котораго подъ смѣлыми ударами его критики обратилась въ прахъ и разсѣялась какъ дымъ; отъ рабства физическаго, т. е. отъ безсилія передъ силами природы, которыя, какъ выяснилось если не на дѣлѣ, то въ принципѣ, изъ владычицъ людей могли стать имъ послушными благодаря тому, что, наконецъ, была разгадана ихъ естественная закономѣрность; наконецъ, отъ рабства моральнаго, т. е. отъ вліянія на человѣческіе поступки чувственности, страстей, предразсудковъ и традицій. Была оставлена традиціонная, возникшая еще въ античномъ мірѣ противоположность теоріи и практики, при которой теорія понималась какъ совершенно бездѣятельная и безплодная спекуляція, а практика какъ болѣе или менѣе грубое эмпи-

---

plètes de Christiaan Huygens, t. I, La Haye, 1888, стр. 187: Caeterum nosti suppositis diversis Hypothesibus Astronomos nihilominus in Eclipsium calculo convenire, ac proinde Astronomo sufficere ut calculum observationibus congruentem exhibeat, ita ut non necesse sit, eas Hypotheses esse veras; Danielis Lipstorpii Lubecensis, Specimina philosophiae Cartesianae, Lugduni Batavorum, 1653, стр. 215: Sphaera Ptolemaica et Copernicana inter se quoad hypotheses contrariae, ostendunt nihilominus easdem in coelo (motuum) apparentias.

[1]) Huygens l. c., Lipstorpius, стр. 212.

[2]) Didactica magna, Cap. X, 3, стр. 64 лейпцигскаго изданія 1894 г.

рическое искусство. Подъ теоріею стали понимать изученіе дѣйствительныхъ отношеній между вещами. А на практику стали смотрѣть какъ на прикладное знаніе, занятое приспособленіемъ результатовъ такого изученія къ нашимъ потребностямъ. Особенно велика была вѣра въ техническое и моральное могущество человѣческаго разума. Вмѣсто теургіи и магіи явилась мысль о технологіи. Не одинъ только Бэконъ, какъ истый англичанинъ и, значитъ, утилитаристъ, ожидалъ отъ новаго естествознанія прежде всего пользы, именно господства человѣка надъ природою. Таковы же были и ожиданія картезіанства: если механизмъ природы познанъ, то его безъ труда можно приспособить къ человѣческимъ потребностямъ. Въ частности, если познана человѣческая „машина“, какъ стали по-французски называть тѣло, то можно сохранять и совершенствовать ее и даже почти создавать искусственнымъ путемъ какъ гомункулуса Гетева „Фауста“. Въ этомъ отношеніи Декартъ оказался родоначальникомъ двухъ идей, которыя обыкновенно связываются съ XVIII столѣтіемъ. Это, во-первыхъ, идея безграничной способности физической природы къ совершенству (perfectibilité), способности, которую онъ, повидимому, склоненъ былъ даже понимать въ смыслѣ возможности сдѣлать человѣка безсмертнымъ, причемъ, какъ увѣряли по крайней мѣрѣ его враги, онъ собирался доказать это на примѣрѣ своей собственной особы [1]);

[1]) Хр. Гюйгенсъ писалъ своему брату вскорѣ послѣ смерти Декарта, въ апрѣлѣ 1650 г.: „въ прошлое воскресенье въ Антверпенской газетѣ было напечатано: въ Швеціи умеръ дуракъ, который говорилъ, что онъ можетъ жить такъ долго, какъ онъ пожелаетъ; замѣтьте, что это—Декартъ“ (см. Oeuvres complètes de Christiaan Huygens, tome I, La Haye, 1888, стр. 127). Уже въ „Разсужденіи о методѣ“ Декартъ высказался о возможности продленія человѣческой жизни. Къ этой мысли онъ неоднократно возвращался и не сомнѣвался въ ея принципіальной правильности: quin autem humana vita prolongari posset, si ejus artem novissemus, dubitari non debet (см. Manuscrit de Goettingen, Revue bourgignonne de l'enseignement supérieur, 1896, стр. 50). Онъ такъ убѣдительно доказывалъ, что если и нельзя сдѣлать человѣка безсмертнымъ, то можно продлить его жизнь до размѣровъ жизни библейскихъ патріарховъ, что нѣкоторые его послѣдователи не допускали и мысли о возможности его смерти. Но за 4 года до своей сравнительно ранней смерти (Декартъ умеръ 54 лѣтъ), онъ въ одномъ письмѣ къ Шаню, вернулся къ старому философскому средству противъ смерти—именно къ отказу отъ страха передъ нею. См. F. Bouillier, Histoire de la philosophie cartésienne, t. I, 1854, стр 52. Ср. A. Baillet. La vie de Mr. Des-Cartes, réduite en abregé, Paris, 1693, стр. 57: apres toutes ses recherches il pouvoit se vanter, non d'avoir trouvé les moïens de conserver la vie, mais celuy de ne pas craindre la mort. Какъ и Декартъ, Николь увѣрялъ: l'homme est immortel selon l'institution de sa nature (См. Pensées de Nicole, въ приложеніи къ парижскому изданію 1842 г. „Мыслей“ Паскаля, стр. 353).

идея эта обыкновенно связывается съ именемъ Кондорсе. Во-вторыхъ, идея человѣка-машины, искусственнаго автомата, который воспроизводилъ бы механически не только физическія отправленія человѣческаго организма подобно Вокансоновой уткѣ, но и продѣлывалъ бы значительную часть душевныхъ актовъ; идея эта обыкновенно связывается съ именемъ Кондильяка [1]). Къ вѣрѣ въ физическую технику присоединялась вѣра въ технику моральную. Четвертая часть Спинозовой „Этики“, озаглавленная: „о человѣческомъ рабствѣ или о силѣ аффектовъ“, въ извѣстномъ смыслѣ не только не противорѣчила пятой части, озаглавленной: „о могуществѣ разума или о человѣческой свободѣ“, но, напротивъ, вполнѣ естественно приводила къ ней. Страсти господствуютъ надъ человѣкомъ только до тѣхъ поръ, пока еще не познанъ ихъ механизмъ. Когда же онъ познанъ, тогда уже не трудно

[1]) Въ этихъ предѣлахъ можно согласиться съ Брюнетьеромъ, подчеркивавшимъ вліяніе Декарта на XVIII вѣкъ. Гораздо болѣе спорнымъ представляется его категорическое утвержденіе, что вообще въ XVII столѣтіи вліяніе картезіанства было ничтожно и что оно обнаружилось только у матеріалистовъ XVIII столѣтія. См. Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française. Quatrième série, deuxième édition, Paris, 1894, стр. 112.

управлять ими. И разумный человѣкъ можетъ и долженъ стать человѣкомъ sui juris, мудро комбинирующимъ свои аффекты. Къ индивидуальной техникѣ Спиноза присоединялъ и соціальную. Исходя изъ положенія, что благоустроенное общежитіе можетъ быть создано только искусственнымъ путемъ—homines enim civiles non nascuntur, sed fiunt [1]), Спиноза въ своемъ „Политическомъ трактатѣ" положилъ начало той идеѣ политическихъ противовѣсовъ, иниціатива которой совсѣмъ напрасно приписывается Монтескье; именно, онъ сочинилъ нѣсколько проектовъ такого государственнаго устройства, чтобы люди velint nolint поступали наилучшимъ образомъ и сообразно съ разумомъ [2]). Вѣра въ моральное могущество разума произвела въ XVII столѣтіи переворотъ въ практической этикѣ и педагогикѣ. Именно въ этомъ столѣтіи, какъ подробнѣе указано ниже, было положено основаніе той автономной этики, свободной отъ какой бы то ни было споры какъ на небѣ, такъ и на землѣ, и находящей свой собственный законъ въ чистомъ родникѣ чистаго разума, которая связывается съ именемъ Канта. Наконецъ, въ этомъ же столѣтіи были положены основанія той педагогики, которая ставитъ своею задачею полное перевоспитаніе людей, созданіе новой породы людей согласно съ требованіями разума и науки.

Gewohnheit verschwind',
Vernunft überwind',
Wahrheit Platz find'!

таковъ былъ девизъ [3]) педагогики XVII вѣка. Между тѣмъ

[1]) Tractatus politicus, Cap. V, § II (Opera, I, 288).

[2]) Cap. VI, § III: Imperium necessario ita instituendum est, ut omnes, tam qui regunt, quam qui reguntur, velint nolint, id tamen agant, quod communis salutis interest, hoc est, ut omnes sponte, vel vi, vel necessitate coacti sint ex rationis praescripto vivere. (Opera, I, 290).

[3]) Онъ принадлежитъ упомянутому выше Ратихію. См. Pädagogische Schriften des Wolfgang Ratichius und seiner Anhänger. Breslau, 1903, стр. 5.

какъ въ древней Греціи педагогомъ именовался приставленный къ дѣтямъ рабъ, скромный дядька, дѣтоводитель, болѣе или менѣе покорно повиновавшійся всѣмъ прихотямъ своихъ юныхъ тирановъ, Амосъ Коменскій видѣлъ въ педагогѣ человѣка, призваннаго создавать людей, примѣнять къ своимъ питомцамъ artem artium, hominem formare [1]).

Съ радикализмомъ новыхъ теоретиковъ, съ ихъ вѣрою въ безграничное могущество человѣческаго разума соединялся ихъ отказъ отъ метафизики, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ познаннаго и познаваемаго. Миновали времена безграничной вѣры въ единую богооткровенную истину. Миновали времена компромисса, двойной истины, богословской и философской. Наступили времена вѣры въ единую истину, но свободную отъ всего таинственнаго и сверхъестественнаго, основанную на доказательствѣ и опытѣ. Отказъ отъ антропоморфизма и іерархизма моральнаго міровоззрѣнія естественно велъ за собою и отказъ отъ всего транссцендентнаго, особенно въ духѣ наивно пространственныхъ, матеріалистическихъ средневѣковыхъ представленій. Исчезла транссцендентность „природы", „формъ", неба какъ чего-то отличнаго отъ земли. Оставлено было Аристотелево ученіе о конечности міра, допускавшее возможность всякаго рода метафизическихъ проэкцій за предѣлами видимаго намъ неба, возможность локализаціи метафизическихъ существъ въ пространствѣ, за хрустальною гранью созерцаемой нами вселенной. Міръ объясняли или по крайней мѣрѣ старались объяснить juxta propria principia, безъ всякихъ сверхъестественныхъ моментовъ, просто какъ систему падающихъ тѣлъ. И, напримѣръ, у Кеплера мистическая проблема мірозданія (mysterium cosmographicum) безъ остатка разрѣшалась, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, небесною физикою (physica coelestis), ничѣмъ не отличавшеюся отъ физики земной и, подобно послѣдней, свободною отъ всего метафизическаго. Естествен-

[1]) Magna didactica, предисловіе.

ная наука—таковъ девизъ теоретиковъ XVII столѣтія. Сообразно съ этимъ отъ науки о чувственномъ мірѣ требовали, чтобы она была естественною наукою или философіею, philosophia naturalis; стали разрабатывать естественное право, естественную мораль, естественную политику; и даже о Богѣ соглашались разсуждать исключительно въ предѣлахъ „естественнаго“ богословія.

Отказъ отъ метафизики велъ за собою позитивизмъ теоретиковъ XVII вѣка. Основатель позитивной философіи XIX вѣка О. Контъ несмотря на свое отмѣченное выше нерасположеніе къ нимъ не напрасно усмотрѣлъ „первую прямую попытку образованія полной системы позитивной философіи въ великой эпохѣ Декарта[1])“. Въ XVII столѣтіи стремились познать природу вещей и міръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно существуетъ. Философія понималась какъ „живой образъ вещей [2])“. Наука чрезвычайно удачно пользовалась тѣмъ „хорошо скомбинированнымъ употребленіемъ разсужденія и наблюденія“, въ которомъ Контъ, въ лучшія времена своего философствованія, видѣлъ существо позитивной методы [3]). Умозрѣніе и дедукція шли рука объ руку съ опытомъ и экспериментомъ, причемъ послѣднее, рѣшающее слово принадлежало нерѣдко послѣднимъ. Галилей работалъ conspirante experentia, какъ выразился о немъ Ньютонъ [4]). И сообразно съ этимъ онъ принялъ Коперникову гипотезу только послѣ того какъ съ помощью изобрѣтеннаго имъ телескопа имъ были открыты спутники Юпитера. Декартъ называлъ своими книгами скелеты, а Мальбраншъ—насѣкомыхъ.

[1]) Cours de philosophie positive, 4 изданіе, томъ III, стр. 530.

[2]) Tota philosophia ita adornanda erit, ut sit viva rerum imago, училъ Амосъ Коменскій (Porta sapientiae reserata, sive pansophiae christianae seminarium, Oxoniae, 1637, стр. 17).

[3]) Cours de philosophie positive, томъ I, стр. 9 четвертаго изданія.

[4]) Philosophiae naturalis principia mathematica, Londini, 1687, стр. 20.

Какъ Декартъ, такъ и Паскаль видѣли превосходство „новыхъ“ передъ древними въ томъ именно, что первые были богаче опытомъ. И къ крайнему удивленію соціолога Эспинаса [1]), пріученнаго къ традиціонному взгляду на мыслителей XVII вѣка какъ на апріорныхъ, оторванныхъ отъ всего реальнаго метафизиковъ, „Политическій трактатъ“ Спинозы начинается восхваленіемъ опытной методы. Не піонеры новаго физическаго міровоззрѣнія, а, напротивъ, защитники стараго моральнаго, вродѣ, напримѣръ, астронома Кремонини, отказывались направить телескопъ на небо, боясь дѣйствительно увидѣть спутниковъ Юпитера и тѣмъ съ очевидностью убѣдиться въ апріорности своихъ утвержденій.

Позитивное вниманіе теоретиковъ XVII вѣка устремляется, наконецъ, прежде всего на познаніе физическаго міра, его закономѣрности, его порядка. Умы работали главнымъ образомъ въ этомъ направленіи. И было что-то почти стихійное въ неудержимомъ влеченіи самыхъ крупныхъ мыслителей этой эпохи къ проблемамъ природы. Это влеченіе начало обнаруживаться уже во второй половинѣ XVI столѣтія. Вмѣсто изученія права, единственной науки, которая въ то время считалась достойною человѣка благороднаго происхожденія, Тихо де Браге, къ ужасу своей знатной родни, сталъ астрономомъ. И онъ съ такимъ жаромъ отдался любимой наукѣ, что въ борьбѣ за нее лишился даже носа на дуэли, вызванной однимъ математическимъ споромъ [2]). Къ своему знаменитому „Разсужденію о методѣ“ Декартъ присоединяетъ „Діоптрику“—образчикъ того, чѣмъ должна быть теоретическая физика, именно математическою наукою [3]),—далѣе „Метеоры“ и „Геометрію“. Онъ съ такимъ усердіемъ

[1]) Соціальная жизнь животныхъ, стр. 23 русскаго перевода 1882 г.

[2]) См. J Bertrand, Les fondateurs de l'astronomie moderne, стр. 71.

[3]) См P. Tannery, Descartes physicien (Revue de métaphysique et de morale, 1896, стр. 480).

и успѣхомъ сосредоточивается на проблемахъ физическаго міра, что изъ его имени Renatus Cartesius составили анаграмму: tu scis res naturae [1]). Какъ ни мало занимался онъ спеціальными физическими опытами, Таннери восхищался имъ какъ образцовымъ директоромъ физической лабораторіи [2]). Одиннадцати лѣтъ Паскаль замѣтилъ за обѣдомъ, что, если стукнуть по блюду ножемъ, раздается звонъ, и что, если приложить къ блюду руку, звонъ прекращается. Это заставило его задуматься надъ причинами этого явленія. И все это кончилось „маленькимъ трактатомъ, который былъ признанъ очень искуснымъ и очень солиднымъ [3])". Вообще его уже съ дѣтства отличало „удивительное умѣніе проникать въ существо вещей и отдѣлять солидныя основанія отъ чисто словесныхъ [4])". „Мой братъ хотѣлъ знать основанія всѣхъ вещей", писала его сестра [5]). При этомъ имѣлись въ виду вещи физической природы. И для того, чтобы облегчить себѣ это познаніе, Паскаль, какъ извѣстно, въ полудѣтскомъ возрастѣ, своимъ умомъ вновь открылъ Эвклидову геометрію. Въ Пизанскомъ соборѣ вниманіе Галилея сосредоточилось не на богослуженіи, а на люстрѣ работы Бенвенуто Челлини. Но въ этой люстрѣ его опять таки занимала не ея красота, не мастерство работы, а ея плавное качанье, наведшее его на законъ колебанія маятника. Наклонная башня того же собора занимала его только какъ удобное мѣсто для изученія паденія тѣлъ. Послѣ того, какъ по его указаніямъ въ Венеціи, издавна славившейся искусствомъ шлифовать стекла,

---

[1]) Chau[illegible], Lexicon philosophicum, 92.

[2]) См. его статью: Encore trois lettres inédites de Descartes à Mersenne (Archiv für Geschichte der Philosophie, V, 476).

[3]) См. Traitez de l'equilibre des liqueurs et de la pesanteur de la masse de l'air, par Monsieur Pascal, Preface (цитируемъ второе изданіе 1664 г.).

[4]) Тамъ же.

[5]) Pensées de Pascal, précédées de sa vie par M-me Perrier, sa soeur. Paris, 1842, стр. II.

была устроена подзорная труба, и послѣ того какъ публика достаточно налюбовалась въ нее съ высоты колокольни Св. Марка на едва замѣтныя на горизонтѣ суда, онъ направилъ трубу на небо, сталъ изучать его и сообщать интересующимся послѣднія новости оттуда въ своемъ знаменитомъ „Звѣздномъ вѣстникѣ". Шлифованныя стекла въ XVII столѣтіи прославляются даже въ стихахъ [1]) (чему впослѣдствіи въ Россіи подражалъ Ломоносовъ). И ихъ умѣютъ изготовлять философы, напримѣръ, Декартъ [2]) и Спиноза, добывавшій, какъ извѣстно, этимъ путемъ средства существованія.

Если дѣйствительно вѣрно, что творить—это видѣть, то ученые и мыслители XVII такъ именно и творили. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они отрѣшались отъ всего чувственнаго и внѣшняго и когда они искали истину въ чистомъ разумѣ, они ее видѣли. Не кто иной какъ Декартъ утверждалъ, что вся человѣческая наука состоитъ только въ томъ, чтобы отчетливо видѣть [3]), и сожалѣлъ тѣхъ кто живетъ и мыслитъ съ закрытыми глазами [4]). Les vrais philosophes ne jugent que de ce qu'ils voient, писалъ другой раціона-

---

[1]) Grand Dieu, depuis le jour qu'un art incomparable
Trouva l'heureux secret de ce Verre admirable
Par qui rien sur la Terre et dans le haut des Cieux,
Quelque éloigné qu'il soit, n'est trop loin de nos yeux,
De quel nombre d'objets d'une grandeur immense,
S'est accruë en nos jours l'humaine connoissance.
Par des Verres encor non moins ingenieux,
L'oeil voit croistre sous luy mille objets curieux,
Il voit, lors qu'en un point sa force est reünie,
De l'Atome au Neant la distance infinie;
Il entre dans le sein des moindres petits corps.
(Perrault, Le siecle de Louis le Grand, изд. 1688 г., стр. 3).

[2]) M. Descartes devint lui-même en peu de temps un grand maître dons l'art de tailler les verres, сообщаетъ его біографъ См. A. Baillet, La vie de M. Des-Cartes, réduite en abregé, Paris, 1693, стр. 69.

[3]) Oeuvres, éd. Cousin XI, 280.

[4]) Clausos habent oculos (см. предисловіе къ Principia philosophiae).

листъ Мальбраншъ [1]). Раціоналисты XVII столѣтія воспитывались на геометріи. Они, по крайней мѣрѣ принципіально, были свободны какъ отъ мистическаго визіонизма, такъ и отъ метафизической спекуляціи. Они признавали истиннымъ только то, что очевидно и ясно, что является предметомъ чистаго воззрѣнія (die reine Anschauung позднѣйшей нѣмецкой терминологіи). Даже юридическія и моральныя отношенія между людьми они, какъ подробнѣе указано въ третьей части настоящаго изслѣдованія, представляли себѣ какъ нѣчто воззрительное, подлежащее созерцанію.

Новое физическое міровоззрѣніе вполнѣ естественно вызвало пересмотръ старыхъ наукъ, пересозданіе ихъ на новыхъ началахъ. Благодаря этому старые предметы изслѣдованія, Богъ, человѣкъ и природа, пріобрѣли совершенно новое освѣщеніе: de subjecto vetustissimo novissimam promovemus scientiam, писалъ Галилей. Въ чемъ же состояла разница?

[1]) Entretiens sur la métaphysique, Premier entretien. Oeuvres, 1877, I, 19.

ГЛАВА V.

Проблема природы.

Wo fass' ich dich, unendliche Natur?

Натурализмъ новаго міровоззрѣнія естественно выдвигалъ на первый планъ понятіе природы. Это, какъ жаловался Гокленіусъ, многозначное понятіе [1]), котораго еще Цицеронъ никакъ не могъ опредѣлить [2]), пріобрѣло въ XVII столѣтіи совершенно опредѣленный и точный смыслъ. Природа утратила связывавшееся съ антропоморфизмомъ и іерархизмомъ моральнаго міровоззрѣнія значеніе транссцендентнаго, внѣшняго или внутренняго [3]), фактора отдѣльныхъ вещей и явленій или же всей ихъ совокупности. Сообразно съ этимъ значеніемъ предполагалось, что у каждаго предмета и явленія есть своя производящая природа, и что, кромѣ того, у всего міра есть такая же правительница природа—nature,

[1]) Natura multa significat (Lexicon philosophicum, 739). Naturae vocabulum est amplissimae significationis, предупреждалъ также и Микраеліусъ въ своемъ словарѣ.

[2]) Naturam ipsam definire difficile est (De inventione, I, 24).

[3]) Въ послѣднемъ случаѣ противопоставлялись природа и искусство, natura et ars: illa internum principium est, haec autem externum (Adoardus Gualandus Pisanus, Moralis philosophiae ac totius facultatis civilis vera et absoluta methodus, Romae, 1604, стр. 333).

le ministre de Dieu et la gouvernante des hommes, какъ выражался въ XVI столѣтіи Ла Боэси [1]). И вотъ натуралисты XVII вѣка порвали съ такимъ схоластическимъ представленіемъ. Въ чувственномъ мірѣ все совершается механически безъ участія какихъ-то таинственныхъ „природъ". Поэтому остается или совсѣмъ обойтись безъ понятія природы или же сохранить за нимъ только одно изъ его многочисленныхъ значеній [2]), именно значеніе всей совокупности существующихъ предметовъ, иначе говоря, всего даннаго намъ міра. Вмѣсто природы надъ міромъ или внутри міра, какъ особой таинственной сущности [3]), стали учить о природѣ, тождественной міру. Природа—это міръ. И извѣстное выраженіе Спинозы Deus sive natura можно продолжить въ духѣ научной философіи того времени: natura sive mundus. Бойль рѣшительно отказывался понимать встрѣчающіяся въ мірѣ тѣла какъ „произведенія природы" и измѣненія въ нихъ какъ „явленія природы", т. е. какъ проявленія какой-то дѣй-

---

[1]) De la servitude volontaire ou le contr'un, стр. 46 изданія Bibliothèque nationale.

[2]) Для примѣра приведемъ значенія, которыя соединялъ съ природою еще Шовенъ: Ut omnis removeatur ambiguitas variae hujus vocis acceptiones sunt exponendae 1) quidem nomine Naturae significatur Mens Divina, quae rerum omnium est opifex... 2) Naturae nomine significatur essentia... 3) Naturae nomen accipitur pro tota rerum creatarum universitate... 4) Naturae nomine designantur causae naturales, quatenus agunt juxta insitam propensionem, aut juxta praescriptas a Supremo Conditore leges... 5) Naturae nomen in animalibus praecipue accipitur pro temperamento... 6) accipitur pro indole aut intrinseco principio propensionum ad quadvis virtutes aut vitia, ad quasdam artes aut exercitia... 7) quae prima fuit institutio, Natura (quasi nascitura, a nascendo dicta) significat id, quod res quaelibet nata est, aut quod est vi suae nativitatis, aut generationis (Lexicon philosophicum, 432, 433)

[3]) Такое пониманіе встрѣчается еще и у Ѳомы Англійскаго, но у него оно уже является анахронизмомъ: naturam dicimus virtutem illam qua conservatur mundus et ordo ipsius. (Euclides Metaphysicus, sive de Principiis Sapientiae, Londini, 1658, стр. 42).

ствующей на нихъ или въ нихъ таинственной производящей силы, какъ продукты „пластическаго начала всѣхъ міровыхъ предметовъ"; природа вообще—это „космическій механизмъ"; а природа въ частности, природа отдѣльныхъ предметовъ—это механизмъ этихъ предметовъ, это приложеніе общей міровой механики къ частнымъ конкретнымъ случаямъ [1]). Разумный человѣкъ, утверждалъ онъ же, при видѣ часового механизма вполнѣ удовлетворяется изученіемъ его составныхъ частей и менѣе всего заботится о томъ, назоветъ ли философія природы этотъ механизмъ существомъ per se или per accidens, припишетъ ли она его движеніе внутреннему или же внѣшнему началу и т. д. [2]). А такъ какъ міръ аналогиченъ механизму, то, значитъ, и при его истолкованіи слѣдуетъ совершенно отказаться отъ метафизической философіи

---

[1]) Tractatus de ipsa natura, Genevae, 1688, 22: Generalem itaque Naturam, Cosmicum voco Mechanismum, hoc est complexionem omnium mechanicarum affectionum, Figurae, Molis, Motus, etc. ad materiam magni Mundi Systematis pertinentium. Atque Naturam hujus aut illius particularis corporis denotem, eam dicam privatum, particularem, aut si mavis, individuum corporis Mechanismum, aut brevitatis gratia, corporis Mechanismum, hoc est essentialem Modificationem, si ita loqui liceat, quo nomine complexionem omnium mechanicarum affectionum in particulari inquam corpore collectarum intelligo, particulari inquam corpore, considerato ut determinate locato in Mundo instar nostri constituto. Mirum forte tibi visum fuerit quod id hac Descriptione praesentem Mundi Fabricam, quasi partem esse velim notionis Naturae a ma traditae, licet Philosophorum plerique aeque ac alii omnes loquantur de ea ut plastico omnium corporum mundanorum principio, quasi scilicet corpora haec ab ipsa fierent, quae propterea Naturae Opera vulgo dicuntur, mutationesque in illis observatae, Phaenomena Naturae.

[2]) Cum quis rotatilis horplogii artificium cognoscit ex inspectione variarum ejusdem partium... is inquam si vir sapiens sit, sat sibi complacuerit in hac effectus propositi notitia, parum caeteroquin solicitus, utrum Naturalis Philosophus instrumentum hoc Chronometricum, ens per se, an ens per accidens esse dixerit, aut utrum moveatur vi principii interni... aut externi и т. д. (Тамъ же, стр. 20).

природы и ограничиться чисто механическою стороною дѣла. Ньютонъ пошелъ еще дальше и объявилъ, что именно эта сторона дѣла и есть настоящая философія природы. Сообразно съ этимъ онъ и озаглавилъ свое знаменитое твореніе— Philosophiae naturalis principia mathematica (въ этомъ заглавіи и principium уже не имѣетъ значенія производящаго фактора, метафизическаго начала всѣхъ началъ, схоластической „формы" міра, тайно или явно образующей и животворящей предметы). Подобно тому какъ древніе римскіе юристы въ лицѣ Ульпіана настаивали на томъ, что именно они и только они, а не метафизически и утопически настроенные стоики, занимаются истинною, непритворною философіею, такъ и новые физики въ лицѣ Ньютона утверждали, что только они дѣйствительно истолковываютъ законы физическаго бытія и что вслѣдствіе этого только они занимаются настоящею, дѣйствительною естественною философіею. Картезіанецъ Клаубергъ рѣзко противополагалъ естественную философію философіи сверхъестественной, т. е. метафизической [1]). То стремленіе лишить понятія естествознанія характера чего-то внутренняго, аналогичнаго понятіямъ психическаго міра, которое начало проявляться уже у Николая Кузанскаго и его учениковъ [2]), привело въ XVII столѣтію къ полной матеріализаціи природы, къ исключенію изъ чувственнаго міра всего психическаго и моральнаго [3]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ такой перемѣны была эмансипація природы, освобожденіе ея отъ воображаемой опеки множества воображаемыхъ существъ и силъ.

Auf Freiheit
Ist sie gegründet.

[1]) Physica est scientia rerum naturalium. Unde et Philosophia naturalis dicitur distincta a supernaturali seu Metaphysica и т. д. См. Disputationes physicae, Disp. II, 1, Opera, 54.

[2]) См. R. Eucken, Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig, 1879, стр. 83.

[3]) Моргофъ писалъ о Декартѣ: natura nihil illi aliud est, quam corpus, quod trinam dimensionem habet (Polyhistor II, 256).

Понятія natura naturans и natura naturata были признаны варварскими и посему были изгнаны изъ научнаго лексикона [1]). Вмѣсто вліянія планетныхъ душъ на планеты стали учить о томъ, что онѣ движутся совершенно свободно. Стали изучать свободное паденіе тѣлъ, свободное, независящее ни отъ какихъ жизненныхъ духовъ, обращеніе крови въ живомъ организмѣ, свободное теченіе воды. Тотъ motus libertatis, ne detur compressio aut extensio praeternaturalis, о которомъ Бэконъ, по обыкновенію, плохо сознавая его научное значеніе, училъ, какъ объ одномъ изъ множества видовъ движенія [2]), оказался общимъ и единственнымъ для всѣхъ случаевъ движенія въ природѣ его видомъ. И сообразно съ этимъ новая наука о природѣ оказалась наукою о свободной природѣ. Какъ объяснялъ впослѣдствіи Даламберъ, механика занимается свободнымъ движеніемъ тѣлъ, изучаетъ то направленіе, которое они должны, „такъ сказать, выбрать между всѣми другими [3])".

Такимъ образомъ въ XVII столѣтіи природа была эмансипирована отъ власти и опеки всякихъ сверхприродныхъ и внѣприродныхъ силъ, была предоставлена самой себѣ, была признана автономною, существомъ sui juris. Вслѣдствіе установившейся въ теченіе вѣковъ привычки приписывать уже одно ея бытіе и сохраненіе особому попеченію о ней такихъ силъ, эта перемѣна естественно вызывала вопросъ о томъ, кто же въ такомъ случаѣ сохраняетъ ее. Единственный отвѣтъ, который можно было дать на этотъ вопросъ, состоялъ въ томъ, что природа сама себя сохраняетъ. Такъ именно говорили теоретики XVII вѣка. Omnis natura est conservatrix sui, училъ Бойль [4]). Каждая вещь, училъ Спиноза, упорствуетъ

[1]) Non video quid opus fuerit barbaris hisce nominibus, писалъ Клаубергъ (Metaphysica de Ente, V, 74, Opera, 295).

[2]) De augmentis scientiarum, Lib. III, Cap. IV, Works, I, 560; ср. Novum Organum, Lib II, Aph. XLVIII, тамъ же, стр. 330.

[3]) Traité de dynamique, стр. XXIV парижскаго изданія 1796 г.

[4]) Tractatus de ipsa natura, Genevae, 1688, стр. 75.

въ своемъ существованіи, въ своемъ положеніи, стремится suum esse conservare, in suo esse perseverare [1]). Въ переводѣ на физическій языкъ это упорство означало инерцію, свойство совершенно свободное отъ антропоморфизма моральнаго міровоззрѣнія [2]).

Далѣе, автономная природа разсматривалась какъ автоматъ. Весь міръ—это какъ бы большая машина [3]), большой автоматъ. И все, что въ немъ находится, всѣ предметы міра—это малые автоматы, заключающіеся въ большомъ [4]); отдѣльные предметы не имѣютъ своихъ собственныхъ „природъ", а представляютъ не болѣе какъ части единой, общей природы, единаго мірового механизма, всюду подчиненнаго однимъ

[1]) Unaquaeque res... semper in eodem statu perseverat. Propositio haec multis tanquam axioma est (Principia philosophiae cartesianae, Pars II, Prop. XIV, Opera, III, 163). Unaquaeque res, quantum in se est, in suo esse perseverare conatur (Ethica Pars III, Prop. VI, Opera, I, 125). Какъ совершенно правильно замѣтилъ Поллокъ, изслѣдователи совсѣмъ напрасно теряются въ догадкахъ относительно страннаго будто бы утвержденія Спинозы, что вещи упорствуютъ въ своемъ существованіи. Вещь для Спинозы—это не болѣе какъ длящаяся группировка извѣстныхъ явленій: res particulares nihil sunt, nisi .. modi (Ethica, Pars I, Prop. XXVI, Corollarium, Opera I, 58). Упорство и вещь—это въ сущности то же самое. И утвержденіе что всякая вещь упорствуетъ въ своемъ бытіи, просто значитъ, что она существуетъ.

[2]) См. у Декарта: Regulae quaedam sive leges naturae.. Harum prima est, unamquamque rem... manere quantum in se est in eodem semper statu (Principiorum philosophiae, pars secunda, XXXVII, Amstelodami, 1650, стр. 51).

[3]) Totum hunc mundum aspectabilem instar machinae describsi, объяснялъ Декартъ въ „Принципахъ философіи" (Pars IV, CLXXXVIII, стр. 290 изданія 1650 г.).

[4]) Magnum Mundi praegnansque, ut ita loquar, Automatum intueor, tanquam.. machinam, quae instar mulieris utero geminos habentis, aut navis antlia tormentis bellicis, etc. instructae, varias alias minores in se complectatur Machinas, училъ Бойль (Tractatus de ipsa natura, Genevae, 1688, стр. 24).

и тѣмъ же законамъ [1]), именно законамъ движенія. Познать—природу—это значитъ познать механически систему движущихся тѣлъ; и такое познаніе совсѣмъ не трудно: quaevis mechanica facile a nobis concipiuntur, писалъ Чирнгаузенъ [2]). Природа—это движеніе, утверждалъ даже Вико [3]); и физика изучаетъ движеніе, предоставляя покой метафизикѣ [4]). Physicus subjectum suum causa motus considerat, училъ Кеплеръ [5]). Міръ, объяснялъ Декартъ, это машина, въ которой нечего разсматривать и изучать, кромѣ фигуръ и движенія ихъ частей [6]). Паскаль протестовалъ противъ подробностей и деталей такого механическаго міропониманія. Но противъ самого міропониманія онъ нисколько не возражалъ—car cela est vrai [7]).

Благодаря такому міропониманію картина физической природы чрезвычайно упрощалась. „Всякое измѣненіе матеріи, или разнообразіе всѣхъ ея формъ зависятъ отъ движенія [8])", училъ Декартъ. При этомъ вмѣсто множества различныхъ родовъ и видовъ движеній, о которыхъ учили схоластики и въ которые еще вѣрилъ Бэконъ [9]), оказалось, что

[1]) Тамъ же, стр. 23: cum enim corpus individuum Mundi tantum pars sit, circumcinctumque aliis magni illius Automati partibus.

[2]) Medicina mentis, sive artis inveniendi praecepta generalia. Editio nova, Lipsiae, 1695, стр. 42.

[3]) Natura enim motus est (De antiquissima Italorum sapientia ex linguae latinae originibus eruenda, Neapoli, 1701, стр. 82).

[4]) Тамъ же: quies res metaphysica est, physica motus.

[5]) Ioannis Kepleri astronomi opera omnia. Edidit Ch. Frisch, Vol. VIII, P. I, Francofurti, 1870, стр. 147.

[6]) Principiorum philosophiae, Pars IV, CLXXXVIII, стр. 290 изданія 1650 г.

[7]) Il faut dire en gros: cela se fait par figure et mouvement, car cela est vrai. Mais de dire quels, et composer la machine, cela est ridicule (Pensées, Ch. XXIV, XCI, стр. 393 изданія 1869 г.).

[8]) Principiorum philosophiae, Pars II, XXIII (Opera, 1650, стр. 43).

[9]) Novum Organum, Lib. II, XLVIII (Works, I, 330); De augmentis scientiarum, Lib. III, Cap. IV (тамъ, стр. 560). Мы здѣсь

существуетъ только одно движеніе [1]). Какъ показалъ Галилей, тѣла различнаго вѣса падаютъ съ одинаковою быстротою. Какъ выразился Ньютонъ [2]), паденіе камня въ Европѣ и въ Америкѣ происходитъ въ одинаковой формѣ и отъ одинаковыхъ причинъ. Законы земного движенія тѣлъ были объединены съ законами движенія небесныхъ тѣлъ какъ частное примѣненіе законовъ движенія тѣлъ вообще. И это универсальное движеніе, какъ показало открытіе Гарвея, объясняло также и жизненные процессы. Значитъ, и живое тѣло оказывалось машиною—machinamentum quoddam, какъ выражался Декартъ,—подчиненною законамъ движенія, и вся вообще жизнь оказалась не болѣе какъ механическимъ движеніемъ: vita motus est perpetuus, объяснялъ Гоббесъ [3]). Notre nature est dans le mouvement, писалъ Паскаль [4]). Такимъ образомъ весь пестрый, живописный міръ природы сводился просто къ пространству и движенію. Дайте мнѣ пространство и движеніе, восклицалъ Декартъ, и я вамъ построю весь міръ. Настоящій видъ этого міра оказался гораздо проще, чѣмъ воображали до тѣхъ поръ. Тѣ 69 заключенныхъ одна въ другую сферъ, съ помощью которыхъ Фракасторъ въ началѣ XVI вѣка такъ запутанно объяснялъ механизмъ вселенной [5]), тѣ многочисленные эпициклы, которые

встрѣчаемъ motum Antitypiae, Nexus, Libertatis, Congregationis, absque termino и даже царственное движеніе: Motus Regius, sive cohibitio reliquorum motuum a motu praedominante (стр. 561).

[1]) Les philosophes supposent... plusieurs mouvements.. comme ceux qu'ils appellent motus ad formam, motus ad calorem, motus ad quantitatem... et mille autres; et moi je n'en connois aucun plus aisé à concevoir que les lignes des géomètres, qui fait, que les corps passent d'un lieu en un autre, писалъ Декартъ (Le monde, Ch. VII, Oeuvres, publiées par V. Cousin, IV, 255).

[2]) Philosophiae naturalis principia mathematica, Londini, 1687, стр. 402.

[3]) De homine, XI, 15.

[4]) Pensées, Ch. XXV, VIII, стр. 399 изд. 1869 г.

[5]) См. J. Bertrand, Les fondateurs de l'astronomie moderne, стр. IX.

астрономамъ такъ трудно было мотивировать Альфонсу Кастильскому, оказались ненужными: обнаружилось, что природа вовсе не такъ замысловата и сложна. Она проста [1]). Она любитъ простоту [2]). И въ этой простотѣ—истина. Simplex sigillum veri. Простота и упорядоченная правильность [3]), таковы были основныя черты природы, руководившія Кеплеромъ въ его цѣнныхъ открытіяхъ.

Простотою природы объяснялся ея порядокъ. Порядокъ во вселенной, который съ точки зрѣнія моральнаго міровоззрѣнія разсматривался какъ нѣчто обусловленное доброю волею Божества и достойнымъ поведеніемъ человѣка, съ точки зрѣнія физическаго міровоззрѣнія оказывался естественнымъ и необходимымъ признакомъ мірозданія. И такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ, какъ выразился Боссюе,—это „другъ разума и его собственный предметъ", то и оказывалось вполнѣ возможнымъ познать міровой порядокъ при посредствѣ человѣческаго разума. Та гармонія мірозданія, которую въ особенности являетъ картина звѣзднаго неба надъ нами, и въ которой еще пиѳагорейцамъ чудились стройные аккорды какой-то неземной музыки, угадывалась уже Николаемъ Кузанскимъ вопреки ученію о поврежденіи природы; но онъ еще считалъ ее необъяснимою для насъ. Для Кеплера она представляла уже математическую проблему [4]), на половину имъ и разрѣшенную. Амосъ Коменскій видѣлъ въ порядкѣ душу вещей [5]). А для физиковъ XVII вѣка порядокъ природы являлся не чѣмъ инымъ какъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же

[1]) Natura enim simplex est, училъ Ньютонъ.

[2]) Natura simplicitatem amat, училъ Кеплеръ (Opera, I, 337).

[3]) Simplicitas atque ordinata regularitas. См. Höffding, Geschichte der neueren Philosophie, I Band, Leipzig, 1895, стр. 184.

[4]) Quantitatum est mirabilis quaedam et plane divina politia rerum divinarum et humanarum communis in iis symbolisatio. (Opera, Vol. V, 223).

[5]) Didactica magna, Cap. XIII, 1, стр. 80 лейпцигскаго изданія 1894 г.

процессовъ. La nature recommence toujours les mêmes choses, писалъ Паскаль [1]). Такой взглядъ вполнѣ естественно вызывался тѣмъ, что новое естествознаніе главнымъ образомъ было озабочено объясненіемъ регулярной смѣны дня и ночи, временъ года и движенія небесныхъ тѣлъ. Ихъ видимый безпорядокъ, замѣтилъ Лейбницъ, совершенно исчезаетъ, если помѣстить нашъ глазъ въ солнце: тогда оказывается, что вина этого мнимаго безпорядка коренилась единственно въ нашемъ умѣ, а никакъ не въ природѣ [2]). Слова „природа", „теченіе природы" и т. п., объяснялъ онъ сообразно съ этимъ, значатъ просто то, что извѣстная вещь совершается обыкновенно или постоянно [3]). Порядокъ и связь вещей—ordo et connexio rerum,—о которыхъ учили философы этого вѣка, означали уже не метафизическую симметрію мірозданія, во имя которой, напримѣръ, пиѳагорейцы выдумали какую-то „противоземлю" (антихтонъ), и не теологическій міропорядокъ, въ который, напримѣръ, бл. Августинъ включалъ и боговоплощеніе [4]), а просто закономѣрное повтореніе одинаковыхъ естественныхъ процессовъ.

Мысль о порядкѣ въ природѣ естественно приводила за собою мысль о ея закономѣрности. Мы до того привыкли къ этой мысли, что считаемъ ее аксіомою, чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, необходимою предпосылкою научнаго отношенія къ природѣ. Если у насъ и возникаютъ какія-нибудь сомнѣнія по поводу закономѣрности, то это происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пытаются распространить ее на міръ

[1]) Pensées, Ch. XXV, X, стр. 399 изд. 1869 г.

[2]) Von dem Verhängnisse (Leibnitz's deutsche Schriften, herausgegeben von Guhrauer, Band II, 52).

[3]) См. по этому поводу стр. 331 книги Э. Кассирера Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902.

[4]) См. кн. Е. Н. Трубецкого, Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ, ч. I, Міросозерцаніе бл. Августина, Москва, 1892, стр. 88.

человѣческій и общественный; и только въ такихъ случаяхъ иногда отрицаютъ закономѣрность. Мы до того утратили сознаніе первоначальнаго моральнаго смысла понятія закона, что спрашиваемъ уже, примѣнимо ли это понятіе къ явленіямъ моральнаго міра и, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, Виндельбандъ и Риккертъ по отношенію къ „культурѣ", даемъ отрицательный отвѣтъ. Въ XVII столѣтіи положеніе было совершенно иное. По традиціи моральнаго міровоззрѣнія законъ означалъ понятіе моральное. И еще Кумберландъ могъ, не вызывая никакихъ недоразумѣній, озаглавить свое чисто моральное разсужденіе—De legibus naturae, о законахъ природы. Въ словарѣ Шовена законъ опредѣляется какъ правило нравственнаго поведенія; въ такомъ же чисто моральномъ смыслѣ упоминается о законѣ естественномъ [1]); законъ же природы въ смыслѣ физическомъ совсѣмъ не упоминается. Какъ учили еще древніе греки, гдѣ законъ, тамъ и порядокъ, гдѣ εὐταξία, тамъ и εὐνομία. Но при этомъ имѣлся въ виду порядокъ моральный и законъ моральный. О физическомъ порядкѣ и о физическихъ законахъ такъ мало помышляли, что, напримѣръ, Аристотель, какъ указалъ одинъ изслѣдователь [2]), всего одинъ разъ, по поводу пиѳагорейцевъ, упомянулъ „какъ бы о законахъ природы". Неизмѣнность приписывалась только Богу, исходящимъ отъ Него нравственнымъ нормамъ и тому порядку, который ими предписывался. Физическая же природа считалась измѣнчивою, случайною. Таково было положеніе понятія закона при возникновеніи новаго физическаго міросозерцанія [3]). Представители этого міросозерцанія, несмотря на свое стремленіе возможно радикальнѣе порвать со взглядами моральнаго міровоззрѣнія, воспользовались понятіемъ закона для обозначенія правильности и порядка физи-

[1]) Lex est regula actionis moralis... Lex naturalis seu recta hominis ratio (Lexicon philosophicum, 353).

[2]) Ch. Huit, La philosophie de la nature chez les anciens, Paris, 1901, стр. 427.

[3]) Ср. сказанное выше, на стр. 40.

ческой природы и заимствовали его отчасти у нравственнаго богословія, отчасти же у правовѣдѣнія: Бэконъ вслѣдъ за Монтэнемъ предлагалъ „интерпретировать" природу вещей. И это понятіе въ новой области настолько привилось, что, напримѣръ, Спиноза разсуждалъ уже совершенно въ духѣ новѣйшаго физицизма, когда утверждалъ, что существуетъ только одинъ способъ научнаго пониманія природы всякихъ вещей—именно, при посредствѣ общихъ законовъ и правилъ природы [1]). Такимъ образомъ мысль о естественной закономѣрности природы, которая для насъ является уже банальностью, въ XVII столѣтіи была крупнымъ нововведеніемъ, вызваннымъ новымъ физическимъ міровоззрѣніемъ, усвоившимъ и даже присвоившимъ первоначально моральное понятіе закона.

Закономѣрность природы вела за собою необходимость происходящихъ въ ней процессовъ. Моральное міровоззрѣніе исключало естественную необходимость физическихъ явленій. Въ лучшемъ случаѣ оно допускало антропоморфную необходимость въ духѣ Платонова Тимея или условную необходимость въ духѣ нравственнаго ученія Библіи. А кромѣ того, благодаря астрологіи, оно поддерживало своеобразный фатализмъ, именно ученіе о зависимости человѣческихъ дѣлъ отъ небесныхъ созвѣздій. Съ точки зрѣнія этого ученія не было ни одного дня, который не управлялся бы звѣздами, не было ни одного дня безъ таинственной астрологической линіи – nulla dies sine linea [2]). Такое ученіе создавало фатальную, роковую связь между линіею человѣческой жизни и линіею планетъ на сводѣ небесномъ. Но и оно выдвигало не столько естественную и необходимую закономѣрность этихъ двухъ рядовъ явленій, сколько, напротивъ, сверхъестественную, полную неожиданностей и случайностей сторону дѣла, благодаря чему результаты всякаго гороскопа такъ безпокоили и такъ волновали заинтересованныхъ въ нихъ людей. Семнадцатый вѣкъ отказывается отъ такого фатализма, отъ такого детерминизма, отказывается отъ fatum Chaldaicum. Символика астрологіи осмѣивается имъ [1]). Онъ признаетъ только одинъ фатумъ, именно физическій [2]), т. е. естественную, строго закономѣрную связь явленій. И въ эту естественную связь, вопреки представленіямъ, имѣвшимъ защитниковъ еще и въ концѣ столѣтія [3]),

[1]) Una eademque... debet esse ratio rerum qualiumcunque naturam intelligendi, nempe per leges et regulas Naturae universales (см. предисловіе къ III части „Этики", Opera I, 119).

[2]) См. Paul Lacroix, Sciences et lettres au moyen âge et à l'époque de la renaissance, Paris, 1877, стр. 116.

[1]) La logique ou l'art de penser, Troisième édition, Paris, 1668, стр. 8: Il y a une constellation dans le Ciel qu'il a plû à quelques personnes de nommer balance, et qui ressemble à une balance comme à un moulin à vent: la balance est le symbole de la Justice: donc ceux qui naîtront sous cette constellation seront justes et équitables. Il y a trois autres signes dans le Zodiaque qu'on nomme l'un Belier, l'autre Taureau, l'autre Capricorne, et qu'on eûst pû aussi bien appeller Elephant, Crocodile, et Rhinocerot: le Belier, le Taureau et le Capricorne sont des animaux qui ruminent: donc ceux qui prennent medicine, lors que la Lune est sous ces constellations, sont en danger de la revomir.

[2]) Chauvin, 540: Fatum Physicum, seu naturale est ordo ac series causarum naturalium ad effectus suos definitarum, quarum necessitas est naturalis... ut Solis et Lunae motus fato efficiunt statas vices temporum: Ignis fato calefaciat, aqua fato humectat. Effectus ejus sunt omnes illi eventus, qui a causis naturalibus per se pendent.

[3]) См., напр., Gothofredi Voigtii Curiositates physicae, Lipsiae, 1698, стр. 40 и слѣд.: Dist. inter Naturale, quatenus opponitur 1) supernaturali, 2) fortuito, 3) violento, 4) voluntario, 5) artificiali. Primo modo Naturale significat illud, quod est secundum communem naturae cursum a causis naturalibus, supernaturale autem, quod Deus efficit in creaturis praeter consuetum naturae ordinem absque creaturarum tamen repugnantia. Sic naturalis est pluvia, naturalis germinatio plantarum; supernaturalis autem cometa, pluvia miraculosa lactis, frumenti etc. Secundo modo Naturale, id notat, quod frequenter et a causa per se fit; fortuitum autem, quod raro et a causa per accidens contingit. Sic naturaliter generantur homines et animalia; fortuito producuntur monstra. Tertio sensu naturale

включали также движеніе кометъ, рожденіе уродовъ и т. п. необычныя явленія. „Если бы люди ясно понимали весь порядокъ природы—писалъ Спиноза, они нашли бы, что все также необходимо, какъ все то, что трактуется въ математикѣ [1])".

Такимъ образомъ новое физическое міровоззрѣніе породило новый взглядъ на матеріальный міръ, на природу. И хотя уже болѣе двухъ тысячелѣтій, начиная съ разсужденій древнегреческихъ „физиковъ" περὶ φύσεως, мысль человѣческая работала надъ проблемою природы, эта проблема только теперь начала пріобрѣтать вполнѣ научный видъ. Только теперь оказалось возможнымъ рѣшеніе ея въ видѣ не сверхъестественной метафизики, а естественной науки, основанной на опытѣ и доказательствѣ.

---

respicit principium motus ab intra; atque sic violentum est, quod a causa externa movetur. Hinc naturaliter descendit pluvia, ascendit ignis, progreditur animal; sed violento motu ignis detruditur, violento motu lapides projiciuntur in altum. Quarto respectu, Naturale innuit, aliquid non procedere ex libero arbitrio, sed inclinatione solius naturae; ut quando bos currit, equus hinnit, canis latrat etc. Voluntarium autem est, quod proficiscitur a libero arbitrio. Sic actiones Dei, angelorum et hominum voluntariae dicuntur. Quinto tandem modo Naturale notat tale, cujus veritas immediate aestimatur ex intellectu Dei; Artificiale autem, cujus veritas immediate aestimatur ex intellectu artificis. Atque hac ratione Ens in Metaphysica distinguitur in Naturale et Artificiale.

[1]) Cogitata metaphisica, Pars II, Cap. IX, Opera, III, 221.

ГЛАВА VI.

Проблема человѣка.

Новое физическое міровоззрѣніе произвело глубокую перемѣну въ традиціонномъ пониманіи человѣка и его жизни. На человѣка, это, казалось бы, столь своеобразное существо, не укладывающееся ни въ какія рамки теоретическаго познанія [1]), представляющее парадоксъ для самого себя [2]), психологи, моралисты и обществовѣды стали смотрѣть такъ, какъ смотрѣли физики на тѣла и фигуры. Перемѣна эта не представляетъ ничего неожиданнаго. Она вполнѣ естественно вызывалась происшедшимъ въ XVII столѣтіи кризисомъ міропониманія. Новое научное движеніе, не оставшееся безъ отголоска даже въ изящной литературѣ [3]), не могла не ко-

---

[1]) „Что за химера человѣкъ—изумлялся еще Паскаль,—какая новость, какое чудовище, какой хаосъ, какой предметъ противорѣчій, какое чудо, судья всѣхъ вещей, безсильный, червь земли, хранитель истины, клоака недостовѣрности и заблужденія, слава и отвращеніе вселенной! Кто разберетъ эту спутанность?" (Pensées, Ch. X, I стр. 218 изданія 1869 г.).

[2]) Тамъ же, 219.

[3]) Que la nature donc soit votre étude unique, поучалъ поэтовъ законодатель тогдашняго Парнасса Буало. Мольеръ какъ

снуться также и моралистовъ, юристовъ и публицистовъ этого вѣка, по крайней мѣрѣ наиболѣе чуткихъ, отзывчивыхъ и широко образованныхъ среди нихъ. Видя, что въ физикѣ традиціонныя представленія смѣло и побѣдоносно ломались и отбрасывались прочь, какъ донаучная схоластика и метафизика, они не могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ въ прежнемъ духѣ и по прежнему способу. Они не могли, какъ хорошо понималъ Гоббесъ [1]), считать хотя бы столь важный въ то время вопросъ о монархической власти дѣйствительно изслѣдованнымъ и объясненнымъ при посредствѣ обычныхъ до тѣхъ поръ соображеній о томъ, что „міръ управляется единымъ Богомъ; древніе предпочитали монархическій строй другимъ, приписывая управленіе боговъ одному Юпитеру; въ началѣ вещей и народовъ мнѣнія правителей считались законами; власть родительская, установленная Богомъ при твореніи, была монархическою; другія правительства возникли изъ монархіи; народъ Божій былъ во власти царей". Они считали себя обязанными стать въ просвѣщеніи съ вѣкомъ наравнѣ, не отстать отъ его научныхъ завоеваній и примѣнительно къ нимъ преобразовать свои спеціальныя изслѣдованія своихъ спеціальныхъ проблемъ.

Новыя или, по крайней мѣрѣ, преобразованныя науки должны были стать естественными науками, причемъ естественность понималась какъ въ смыслѣ отсутствія всего сверхъестественнаго, такъ и въ смыслѣ аналогіи съ физикою, съ естествознаніемъ. Значитъ, должны были возникнуть естественная мораль, естественное право, естественная политика и даже, какъ надѣялись нѣкоторые теоретики, естественная теологія. Предпріятіе смѣлое и новое - вдвойнѣ новое, потому что и физика, т. е. та наука, которая должна

нельзя лучше сформулировалъ его въ программѣ Арманды изъ Les femmes savantes (III, II):

Nous approfondirons, *ainsi que la physique*,
Grammaire, histoire, vers, morale et politique.

[1]) De cive, Cap. X, 3 (Opera, II, 266).

была быть образцомъ, сама только недавно зародилась: physica ergo res novitia est, sed philosophia civilis multo adhuc magis, объяснялъ Гоббесъ [1]). Для того, чтобы уподобиться новому естествознанію, стали стараться такъ же относиться къ психическому и моральному міру, какъ оно относилось къ физическому міру. Сообразно съ этимъ, если оно изгоняло изъ физики моральное міровоззрѣніе, старались и изъ морали изгнать моральное міровоззрѣніе и по возможности водворить на его мѣсто физическое міровоззрѣніе. Изъ морали также, какъ и изъ физики, старались изгнать антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ.

Если дѣйствительно неумѣстно было предполагать, какъ это дѣлали въ средніе вѣка, что подъ каждымъ физическимъ тѣломъ скрывается оживляющій и движущій его духъ, то было бы вполнѣ естественно видѣть въ душевныхъ актахъ человѣка проявленія человѣческой души, т. е. чего-то отличнаго отъ физическихъ тѣлъ и ихъ пространственныхъ движеній. Но такъ какъ физика знала только тѣла или вещи, то и человѣка старались разсматривать не столько морально, какъ лицо, или же психологически, какъ одушевленное существо, сколько физически, какъ тѣло, вещь. Сообразно съ этимъ Спиноза опредѣлялъ, напримѣръ, ревность и любовь, какъ извѣстное отношеніе къ „вещи" [2]). Эргардъ Вейгель, а вслѣдъ за нимъ Пуффендорфъ по тѣмъ же мотивамъ внесли въ правовѣдѣніе ученіе о моральномъ пространствѣ и моральныхъ тѣлахъ.

Вслѣдъ за антропоморфизмомъ изгонялся телеологизмъ. Во-первыхъ, стали вообще отвергать существованіе какихъ бы то ни было трансцендентныхъ цѣлей. Всѣ предразсудки, существующіе на свѣтѣ, увѣрялъ Спиноза, вытекаютъ изъ

---

[1]) Elementorum philosophiae sectio prima. De corpore. Epistola dedicatoria.

[2]) Ethica, III, Propositio XXXV, Scholium: Odium erga rem amatam Invidiae junctum; Propositio XXXIII: rem nobis similem amamus (Opera I, 144, 143).

одного предразсудка, именно изъ предположенія людей, что „всѣ естественныя вещи, подобно имъ самимъ, дѣйствуютъ ради цѣли [1])". Особенно возмущало его предположеніе, что все существуетъ ради цѣли добра. „Я признаюсь—писалъ онъ,—что мнѣніе, которое подчиняетъ все какой-то безразличной волѣ Бога и полагаетъ, что все зависитъ отъ Его благоусмотрѣнія, менѣе уклоняется отъ истины, чѣмъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Богъ дѣлаетъ все ради добра [2])". Во-вторыхъ, шли еще дальше и отрицали даже у человѣка то, о чемъ, повидимому, свидѣтельствуетъ намъ опытъ ежедневной жизни, именно способность задавать себѣ извѣстныя цѣли и болѣе или менѣе успѣшно осуществлять ихъ. Не цѣлями опредѣляются поступки людей, а причинами. „Въ душѣ—объяснялъ Спиноза—нѣтъ совсѣмъ абсолютной или свободной воли: душа къ желанію того или другого опредѣляется причиною, которая въ свою очередь опредѣляется другою причиною, а эта опять иною, и такъ въ безконечность [3])". Какъ пренебрежительно объяснялъ Гоббесъ, только въ древней этикѣ были умѣстны разсужденія о высшей цѣли человѣческой жизни [4]).

Наконецъ, изгонялся іерархизмъ. „Тѣла—училъ Спиноза—различаются другъ отъ друга по движенію и покою, скорости и замедленію, но не по субстанціи [5])". Значитъ, и у людей могутъ быть различны только тѣ или иныя душевныя движенія. Но душа ихъ или ихъ природа по существу совершенно одинакова Это—человѣческая природа вообще, безъ какихъ бы то ни было іерархическихъ различій. „Женщина или мужчина, черный или бѣлый"—все это люди и притомъ одинаковые люди, гласитъ одна изъ аксіомъ Іенскаго философа Эргарда Вейгеля [6]).

[1]) Ethica, I, Appendix (Opera I, 66).
[2]) Ethica, I, Propositio XXXIII, Scholium II (Opera I, 65).
[3]) Ethica, II, Propositio XLVIII (Opera I, 110).
[4]) Leviathan, Cap. XI, Opera latina ed. Molesworth, III, 77.
[5]) Ethica, II, Lemma I (Opera I, 83).
[6]) Grundmässige Aufflösung des militar—Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse? Jena, 1689, Axioma I.

Благодаря такому распространенію физическаго міросозерцанія на психическій и моральный міръ всѣ основныя предпосылки старой этики, собственно говоря, должны были отпасть. Эти предпосылки можно свести къ четыремъ. Во-первыхъ, наличность Бога, какъ источника нравственныхъ предписаній и нормъ. Такъ какъ новая физика, въ отличіе отъ старой, отказывалась на каждомъ шагу прибѣгать къ сверхъестественнымъ моментамъ, то и новая моральная наука должна была обойтись безъ Бога. Вотъ почему, напримѣръ, Гуго Гроцій исключилъ Бога изъ естественнаго права. Вотъ почему Спиноза слилъ Бога съ природою и тѣмъ лишилъ Его самостоятельнаго бытія. Вотъ почему и Лейбницъ, примыкая къ Гроцію, утверждалъ, что юрисконсультъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и математикъ, можетъ быть атеистомъ [1]). Во-вторыхъ, наличность нравственнаго идеала, какъ цѣли, къ осуществленію которой ведутъ эти нормы. Такъ какъ новое естествознаніе отрицало противоположность неба и земли, совершеннаго и несовершеннаго, такъ какъ оно учило, что все небесное осуществляется также и на землѣ и, наоборотъ, все земное встрѣчается также и на небѣ, то и новая моральная наука отказалась отъ традиціонной противоположности между идеаломъ и дѣйствительностью, между совершенствомъ перваго и несовершенствомъ послѣдней: „подъ реальностью и совершенствомъ я понимаю то же самое", объявилъ Спиноза [2]). Даже Паскаль писалъ: la réalité exclut absence et déplaisir [3]). Въ-третьихъ, наличность у человѣка свободной воли, какъ возможности слѣдовать этимъ

[1]) Interim uti atheus potest esse Geometra, ita atheus Jureconsultus esse posset, nec absurde statuit Grotius, intelligi jus naturae, etsi fingatur Deus non esse (Observationes de principio juris, XIII, Opera, ed. Dutens, томъ IV, часть III, стр. 273).
[2]) Ethica II, Definitio VI, Opera I, 73.
[3]) Pensées, Ch. XVII, VII, стр. 289 изд. 1869 г.

нормамъ и осуществлять ихъ. Новая физика учила, что въ природѣ все происходитъ въ силу естественной необходимости. Сообразно съ этимъ и новая моральная наука стала утверждать, что люди — это духовные автоматы [1]), что ихъ поступки вызываются естественною необходимостью и что человѣческая свобода равнозначна свободѣ камня, приведеннаго въ движеніе по законамъ механики и воображающаго, что онъ движется по собственному побужденію (сравненіе Спинозы), или же свободѣ волчка, находящагося въ такомъ же положеніи (сравненіе Гоббеса). Наконецъ, въ-четвертыхъ, санкція нравственныхъ нормъ въ видѣ наградъ и наказаній, земныхъ или загробныхъ. По аналогіи съ новою физикою, видѣвшею въ природѣ естественную цѣпь причинъ и слѣдствій, стали разсматривать и моральный міръ каузально: вмѣсто наградъ или наказаній поступки людей влекутъ за собою свои естественныя послѣдствія; и, значитъ, какъ пришлось констатировать Шекспирову Лиру, нѣтъ болѣе виноватыхъ.

Съ отказомъ отъ четырехъ приведенныхъ предпосылокъ, съ отказомъ отъ того, что Спиноза въ приложеніи къ первой книгѣ своей „Этики" называлъ „предразсудкомъ добра и зла, заслуги и грѣха, похвалы и порицанія", старая этика должна была измѣниться или, вѣрнѣе, совершенно исчезнуть. Изъ транссцендентной она превращалась въ имманентную, изъ деонтологической—въ онтологическую, изъ нормативной—въ психологическую. Психологія же, въ свою очередь, должна была стать физикою человѣческой души. Гоббесъ, какъ онъ самъ сообщилъ въ своей стихотворной автобіографіи, сталъ считаться философомъ въ моральныхъ и политическихъ вопросахъ только съ того времени, когда онъ заинтересовался физическою проблемою движенія [1]), т. е. тою именно проблемою, которою, какъ онъ объяснилъ въ другомъ мѣстѣ, Галилей открылъ дверь универсальной физикѣ [2]).

Такимъ образомъ для тѣхъ теоретиковъ XVII вѣка, которые стремились реформировать науки о личной и публичной жизни человѣка въ духѣ времени, возникла задача построенія физики индивидуальнаго и соціальнаго поведенія человѣка. Для того, чтобы построить ее, надлежало или признать объекты психическаго и моральнаго міра такими же физическими объектами, какъ и пространственныя тѣла, т. е., твердыми или по крайней мѣрѣ протяженными существами, и просто включить ихъ въ общую физику въ качествѣ одной изъ ея частей и подробностей подобно тому, какъ это было сдѣлано съ біологическими процессами (по этому пути пошли матеріалисты, и это завело ихъ въ дебри метафизики), или же, признавая и сохраняя своеобразіе психическихъ и моральныхъ объектовъ, примѣнить къ нимъ физическую методу въ томъ видѣ, въ какомъ тогдашнею теоріею познанія она была возведена на высоту научной логики вообще и методологіи всякаго дѣйствительно научнаго познанія. Такъ именно и поступили тѣ реформаторы моральной философіи XVII вѣкѣ, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Въ осуществленіи своихъ задачъ они слѣдовали раціоналистической методѣ. И въ этомъ обыкновенно видятъ доказательство ихъ дурного вкуса, ихъ непониманія настоящей научности, ихъ тяготѣнія въ метафизикѣ. Но при этомъ обыкновенно упускаютъ изъ виду, что совершенно такова же была и метода тогдашняго естествознанія. Если до того времени раціонализмъ представлялъ не болѣе какъ методологическую мечту, переходившую въ схо-

---

[1]) Превосходство новой науки передъ древнею Спиноза между прочимъ видѣлъ въ томъ, что она разсматривала animam secundum certas leges agentem, et quasi aliquod automa spirituale (Tractatus de intellectus emendatione. Opera, Vol. I, стр. 29).

[1]) Hic ego Mersennum novi, communico et illi
De rerum motu quae meditatus eram.
Is probat et multis commendat; tempore ab illo
Inter philosophos et numerabar ego.
(Opera, edit. Molesworth, Vol. I, XC).

[2]) De Corpore. Epistola dedicatoria.

ластику при попыткахъ осуществить ее на дѣлѣ, если впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ нѣмецкихъ философскихъ системахъ первой четверти XIX вѣка, онъ оказался уже отсталымъ орудіемъ мысли, пригоднымъ лишь для спекулятивной метафизики, то въ ту эпоху онъ былъ самымъ могущественнымъ средствомъ проникновенія въ природу и чтенія ея самыхъ сокровенныхъ тайнъ. Методика раціонализма была методикою механики. И методика раціональной психологіи и соціологіи XVII вѣка была болѣе или менѣе удачною логическою аналогіею этой методики. Слѣдуя этой методикѣ, старались создать, во-первыхъ, механическое ученіе о человѣкѣ, иначе говоря, раціональную психологію физическаго типа, а во-вторыхъ, механическое ученіе о гражданскомъ обществѣ, иначе говоря, раціональную соціологію тоже физическаго типа. Очевидно, такая программа (ближайшая характеристика которой составляетъ содержаніе третьей части настоящаго изслѣдованія) означала крупную революцію въ мірѣ гуманитарныхъ знаній. И столь же очевидно, что эта революція была вызвана новымъ физическимъ міровоззрѣніемъ.

ГЛАВА VII.

Проблема Бога.

Неужели мы перестанемъ говорить о Богѣ?
Платонъ, Законы 890E.

Оставалась еще проблема Бога—самая легкая и самая трудная въ одно и то же время: самая легкая для тѣхъ, кто искренно и не задумываясь вѣруетъ и посему пріемлетъ то или иное ея разрѣшеніе какъ сущую и несомнѣнную истину, а также для тѣхъ, кто столь же искренно и не задумываясь не вѣруетъ и посему отвергаетъ всѣ возможныя ея разрѣшенія, кромѣ чисто отрицательнаго; самая трудная для тѣхъ, кто видитъ въ ней именно проблему и кто болѣе или менѣе мучительно силится познать непознаваемое, доказать недоказуемое, раціонализировать ирраціональное.

Вліянія новаго міровоззрѣнія не избѣжала и эта проблема. Въ отличіе отъ гуманистовъ, мыслители и ученые XVII вѣка чрезвычайно серьезно относились къ ней. Правда, и въ этомъ вѣкѣ, особенно въ первой его четверти было не мало такъ называвшихся „либертиновъ“, эпигоновъ гуманизма, унаслѣдовавшихъ и даже доводившихъ до крайности его беззаботное отношеніе къ вопросамъ вѣры; въ одномъ Парижѣ, о населеніи котораго еще авторъ „Похвалы глупости“ писалъ, что оно „притязаетъ на исключительный авто-

ритетъ въ богословской наукѣ", Мерсеннъ въ первой четверти XVII вѣка съ ужасомъ насчиталъ по крайней мѣрѣ 50 тысячъ атеистовъ [1]). Правда, по окончаніи тридцатилѣтней войны вѣроисповѣдная исключительность нѣсколько смягчилась: еврея Спинозу приглашали на каѳедру въ полупротестантскій полукатолическій Гейдельбергъ; протестантъ Лейбницъ оказывалъ услуги католическимъ дворамъ и православному царю, хлопоталъ о соединеніи церквей. Тѣмъ не менѣе XVII вѣкъ былъ вообще глубоко религіозенъ. Людей цѣнили не столько за ихъ отношеніе къ ближнимъ, сколько за ихъ отношеніе къ Богу. Нравственность измѣрялась благочестіемъ и грѣхъ осуждался строже, чѣмъ преступленіе. Мѣриломъ достоинства людей считалась ихъ религіозность. Вотъ почему XVII вѣкъ былъ гораздо безсердечнѣе слѣдующаго, болѣе легкомысленнаго по отношенію къ Богу, зато болѣе отзывчиваго по отношенію къ людямъ XVIII вѣка. Вотъ почему только въ этомъ вѣкѣ было возможно совмѣщеніе въ лицѣ извѣстнаго поліистора Конринга продажности и даже измѣны собственному отечеству съ искреннею и глубокою религіозностью. Вотъ почему Бэйль прикрывалъ свой скептицизмъ маскою благочестія. Легковѣрный Декартъ въ эпоху своихъ философскихъ исканій совершилъ паломничество въ Лоретто и въ концѣ концовъ призналъ Бога источникомъ и критеріемъ истины и бытія. Когда Мальбраншъ очутился передъ дилеммою: Богъ или міръ, онъ, не задумываясь, пожертвовалъ міромъ ради Бога; когда Спиноза очутился передъ такою же дилеммою, онъ несмотря на атеистическую тенденцію своей системы не рѣшился принять міръ безъ Бога и слилъ ихъ воедино. Когда, наконецъ, Паскалъ очутился передъ дилеммою: Богъ или наука, онъ принесъ всю науку въ жертву Богу и во имя непознаваемаго сталъ скептикомъ по отношенію къ познаваемому. Другъ его Дома, при всемъ своемъ

[1]) Бэйль находилъ это число сильно преувеличеннымъ. См. Continuation des Pensées diverses, écrites à un docteur de Sorbonne. Rotterdam, 1705, I, стр. 66.

раціонализмѣ, остановился только на Богѣ въ своихъ поискахъ за послѣднею и окончательною основою правомѣрности отношеній между людьми [1])—не хуже чѣмъ Боссюе, этотъ, какъ его назвалъ Дамиронъ [2]), „отецъ картезіанской церкви". Ньютонъ снималъ шляпу, упоминая о Богѣ, посвящалъ свои досуги толкованію Апокалипсиса и, какъ бы не желая уступить Мальбраншу, учившему, что мы все видимъ въ Богѣ, называлъ пространство чувствилищемъ Божіимъ.

Тѣмъ глубже былъ переворотъ, произведенный новымъ физическимъ міровоззрѣніемъ въ религіозныхъ понятіяхъ. Оно изгоняло Бога изъ міра. Гдѣ небо, тамъ и Богъ, училъ, напримѣръ, Ѳома Кемпійскій, выражая одно изъ основныхъ положеній іерархизма моральнаго міровоззрѣнія. Между тѣмъ физическое міровоззрѣніе утверждало, что неба нигдѣ нѣтъ. Выходило какъ будто, что, значитъ, и Бога нигдѣ нѣтъ, что для Него нѣтъ мѣста. Далѣе, оно же утверждало, что міръ безконеченъ и всюду, безъ перерыва и скачковъ, подчиненъ естественной закономѣрности. Безконечность, считавшаяся до тѣхъ поръ преимуществомъ Божества передъ міромъ, оказалась однимъ изъ качествъ физической природы [3]). Это опять исключало возможность ставить по традиціи подножіе престола Господня въ надзвѣздномъ эмпиреѣ. Безконечность уничтожала Бога [4]). Далѣе, вмѣсто чудесъ, вмѣсто по-

[1]) Comme c'est Dieu qui est le seul dominateur naturel des hommes, leur juge, leur législateur, leur roi; il ne peut y avoir d'autorité légitime d'un homme sur d'autres, qu'il ne la tienne de la main de Dieu (Le droit public, Livre I, Titre II, Oeuvres, Nouvelle édition, par J. Remy. Paris, 1835, т. III, стр. 19).

[2]) Essai sur l'histoire de la philosophie en France, au XVII-e siècle. Paris, 1846, II, 671.

[3]) См. La vie de B. de Spinosa, par Jean Colerus въ изданіи Inventaire des livres formant la bibliothèque de Bénédict Spinoza, par A. I. Servaas van Roijen, La Haye, 1889, стр. 89.

[4]) Infinitas tollit Deum, объяснялъ Боденъ (Methodus ad facilem historiarum cognitionem, стр. 322 лионскаго изданія 1583 г.).

стоянnаго сверхъестественнаго вмѣшательства Божества въ міръ, все болѣе и болѣе обнаруживалась естественная, необходимая закономѣрность вещей. Значитъ, для Бога не только не оказывалось мѣста въ мірѣ; для Него не оказывалось и дѣла въ немъ. Далѣе, отказъ отъ антропоморфизма велъ за собою также и отказъ отъ традиціоннаго, привычнаго образа Божія. И такимъ образомъ изъ „олицетворенной непонятности", какъ опредѣлялъ Бога Лихтенбергъ, Онъ сталъ просто непонятностью—безъ опредѣленнаго образа, безъ опредѣленнаго мѣста въ мірѣ, безъ опредѣленнаго дѣла. Наконецъ, какъ упоминалось выше, моральное міровоззрѣніе такъ тѣсно сплелось съ традиціонною религіозною догматикою, что отказъ отъ перваго какъ бы естественно обязывалъ также и къ отказу отъ послѣдней. Кто опровергалъ Птолемея или Аристотеля, тотъ опровергалъ не только языческихъ ученыхъ, но также и отцовъ церкви. А между тѣмъ нельзя было не опровергать. Святъ Лактанцій, святъ Августинъ, писалъ, напримѣръ, Кеплеръ, но еще святѣе истина [1]). Для тѣхъ, кто искалъ эту святую истину, непогрѣшимость церкви и ея каноновъ смѣнялась непогрѣшимостью природы и ея естественныхъ законовъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ вполнѣ подтвердилось замѣчаніе Прудона, что всѣ революціи—это теологическія революціи. И если Гете не преувеличивалъ, видя весь смыслъ исторіи въ борьбѣ вѣры съ невѣріемъ, то эта эпоха представляетъ чрезвычайно рѣшительный моментъ борьбы. Быть или не быть Богу или по крайней мѣрѣ вѣрѣ въ Бога при новомъ физическомъ міровоззрѣніи—таковъ вопросъ, который естественно возникалъ въ XVII столѣтіи.

---

[1]) Sanctus ergo Lactantius, qui terram negavit esse rotundam, sanctus Augustinus, qui rotunditate concessa negavit tamen antipodas... at magis mihi sancta veritas (См. статью Хр. Зигварта: Iohannes Kepler, Kleine Schriften. Erste Reihe, Zweite Ausgabe, Freiburg, 1889, стр. 217).

Какъ же отвѣчали на этотъ вопросъ сторонники новаго міровоззрѣнія? Ревнители старины и теологи въ одинъ голосъ обвиняли ихъ въ атеизмѣ [1]). Изъ философовъ эпохи этихъ обвиненій не избѣжалъ Декартъ. Въ большей степени имъ подверглись картезіанцы [2]). Еще въ большей степени испыталъ ихъ Роббесъ. Но въ особенности падали они на Спинозу, признаннаго „княземъ атеистовъ" [3]), главою „натуралистовъ" [4]) и въ соотвѣтственной степени осыпавшагося проклятіями [5]).

Всѣ эти обвиненія, повидимому, имѣли основаніе. Такъ, напримѣръ, то „искреннее, оригинальное, сложное и непостоянное" христіанство Декарта, о которомъ, быть можетъ, слишкомъ категорически говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь [6]), не совсѣмъ напрасно подвергалось сильному со-

---

[1]) См. Friderici Rappolti, Opera theologica, exegetica, didactica, polemica, Lipsiae, 1693, стр. 1383 и слѣд.: Oratio contra naturalistas.

[2]) См. P. van Mastricht: Novitatum Cartesianarum gangraena, Amstelodami, 1677, cap III: De philosophia non ancilla Theologiae. Самого Декарта авторъ выдѣлялъ, не вполнѣ однако довѣряя его искренности:... cujus Modestia (nisi forte fuerit metus et pusillanimitas), qua in alieno solo, tantum sibi non ausus fuerit arrogare, ut Theologiae territorialia invaderet (стр. 34).

[3]) Atheorum Princeps (Historia atheismi, breviter delineata, a Ienkino Thomasio, Cambro-Britanno, Altorfi Noricorum, 1713, стр. 227).

[4]) Qui Naturam, tanquam ultimam omnium rerum et effectuum causam, credunt... Vulgo dicuntur Naturalistae, quorum praecipuus notus ille ex variis scriptis Benedictus Spinosa, Ex-Judaeus ad Christianismum male conversus; Vir alias doctus et Mathematicus insignis (См. комментарій къ книгѣ Пуффендорфа De officio hominis et civis, стр. 65 франкфуртскаго изданія 1715 г.).

[5]) Изъ Бенедикта, благословеннаго, его переименовали въ Маледикта, проклятаго. См. Christiani Kortholti De tribus impostoribus magnis liber, Hamburgi, 1701, стр. 75 и 98.

[6]) M. Blondel, Le christianisme de Descartes (Revue de métaphysique et de morale, 1896, стр. 567).

мнѣнію его современниками и вообще людьми XVII вѣка. Лейбницъ зналъ, что дѣлалъ, когда въ своей Теодицеѣ обвинялъ его въ двуличности [1]). Сочиненія Декарта не напрасно были внесены въ Index librorum prohibitorum подъ условіемъ donec corrigentur. Правда, знаменитая Христина Шведская послѣ его смерти письменно удостовѣрила, что именно онъ обратилъ въ католичество ее, дочь Густава Адольфа, и что именно это было главною цѣлью его злополучной поѣздки въ Стокгольмъ [2]). Но такое заявленіе было ею сдѣлано по просьбѣ французскихъ поклонниковъ Декарта, которымъ духовенство не разрѣшало похоронить его прахъ въ церкви св. Женевьевы въ Парижѣ. И этимъ она, какъ совершенно правильно замѣтилъ Куно Фишеръ [3]), оказала чрезвычайно легкомысленную услугу покойному мыслителю. Декартъ въ лучшемъ случаѣ относился съ холодною корректностью къ традиціонной вѣрѣ. Онъ прошелъ іезуитскую школу и умѣлъ скрывать свои настоящія убѣжденія. И, какъ онъ совершенно откровенно признавался Мерсенну, онъ совсѣмъ не былъ расположенъ страдать за нихъ. Достаточно взглянуть на его портретъ работы Гальса, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній относительно того, что передъ нами совсѣмъ не мученикъ идеи, не фанатикъ своихъ убѣжденій. Вотъ почему, поскольку эти убѣжденія были если не антирелигіозны, то арелигіозны, онъ предпочиталъ скрывать ихъ. Вотъ почему онъ шелъ еще дальше и въ своей философской системѣ отводилъ важное, почти даже господствующее мѣсто

---

[1]) C'étoit apparemment un de ses tours, une de ses ruses philosophiques: il se preparoit quelque echappatoire (Philosophischen Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, VI, 227).

[2]) Il a beaucoup contribué à nostre glorieuse conversion, et la Providence de Dieu s'est servie de luy... à nous faire embrasser la religion catholique apostolique romaine, писала она (см. V. de Swarte, Descartes directeur spirituel, Paris, 1904, стр. 198).

[3]) Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе, стр. 270 русскаго перевода 1906 г.

религіозному моменту. Но при этомъ онъ всегда обнаруживалъ какую-то двойственность. Такъ, напримѣръ, онъ утверждалъ съ одной стороны, что ясныя и отчетливыя идеи, т. е. то именно, что онъ объявилъ источникомъ и критеріемъ истины, происходятъ отъ Бога, съ другой же стороны – что Богъ существуетъ именно потому, что у насъ есть ясная и отчетливая идея о немъ; и такимъ образомъ бытіе Божіе ставилось въ зависимость отъ человѣческаго разума.

Р. Эйкенъ, увѣряетъ [1]), что въ понятіи Бога у Декарта смѣшиваются старое теистически-этическое и новое, которое онъ называетъ пантеистически-онтологическимъ, причемъ доказывается второе, а первое просто сохраняется рядомъ съ нимъ. Мы дѣйствительно находимъ у Декарта новое представленіе, сводившееся къ отождествленію Бога съ природою. Но въ связи съ новымъ физическимъ міровоззрѣніемъ оно пріобрѣтало не столько пантеистическій, сколько атеистическій смыслъ. Для пантеизма міръ – живое цѣлое, одушевленное и одухотворенное, природа—воплощенное божество. Вотъ почему, напримѣръ, пантеистъ Толандъ составилъ подробный ритуалъ почитанія природы, съ особыми обрядами и цѣлою литургіею [2]), а другой типичный пантеистъ Гольбахъ проповѣдовалъ „физическаго Бога" [3]) и приводилъ образцы молитвъ [4]) передъ „алтарями природы" [5]). Представители такого пантеизма сами называли себя жрецами, іерофантами природы [6]) и, какъ это дѣлалъ Толандъ, уподобляли себя друидамъ Подъ

---

[1]) Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig, 1879, стр. 93.

[2]) Pantheisticon sive Formula celebrandae Sodalitatis Socraticae, Cosmopoli (!), 1720.

[3]) Système de la Nature, ou des Loix du Monde Physique et du Monde Moral, par M. Mirabaud, Londres, 1770, томъ II, стр. 182.

[4]) Стр. 411.

[5]) Стр. 186.

[6]) Толандъ писалъ: Naturae Mystae ac Hierophantae merito vocari possunt Pantheistae (Pantheisticon, 77).

природою они съ большею или меньшею степенью сознательности понимали какое-то олицетворенное, таинственное, живое метафизическое существо. Какъ бы ни былъ распространенъ такой пантеизмъ среди матеріалистовъ XVII и XVIII вѣковъ, онъ представлялъ метафизическое искаженіе новаго физическаго міровоззрѣнія. Проведенное же со строгою послѣдовательностью, это міровоззрѣніе безусловно отрицало всякій антропоморфизмъ, всякій теоморфизмъ природы. Она понималась чисто механически. И сообразно съ этимъ отождествленіе Бога съ природою означало отождествленіе Его съ механизмомъ природы, что было равносильно Его отрицанію. Къ такому отрицанію и приближался Декартъ, какъ натуралистъ. Къ такому отрицанію пришелъ и Спиноза, какъ систематикъ новаго міровоззрѣнія.

Романтики и метафизики начала XIX столѣтія прославляли Спинозу какъ мистика, какъ „всеобщее основаніе и опору для каждаго индивидуальнаго рода мистицизма" [1]), какъ „монаха энтузіаста", напоминающаго неизвѣстнаго автора Подражанія Христу [2]). Въ „Рѣчахъ о религіи" Шлейермахеръ предложилъ „посвятить прядь волосъ" Спинозѣ – „полному религіи и полному святого духа" [3]). Новалисъ усмотрѣлъ въ Спинозѣ „богопьянаго человѣка"[4]), искавшаго все въ теологіи[5]), а въ спинозизмѣ — „пересыщеніе божественностью" [6]). Такое пониманіе, вполнѣ гармонирующее съ богоисканіемъ романтиковъ и мета-

---

[1]) Слова Фридриха Шлегеля. См. Athenaeum, стр. 194 новаго изданія (Pan Verlag).

[2]) Слова Кузена. См. Fragments philosophiques pour servir à l'histoire de la philosophie. Cinquième édition. Philosophie moderne, I partie, Paris, 1866, стр. 122.

[3]) Ueber die Religion. Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern. Zweite Rede.

[4]) Schriften, kritische Neuausgabe von Ernst Heilborn, Berlin, 1901, томъ II, часть I, стр. 344.

[5]) Тамъ же, стр. 182.

[6]) Тамъ же, стр. 363.

физиковъ начала XIX столѣтія [1]), рѣзко расходилось съ господствовавшимъ до тѣхъ поръ, и не безъ основанія, взглядомъ на Спинозу какъ на атеиста. Какъ ни плохо знали въ XVIII столѣтіи Спинозу [2]), никто однако не сомнѣвался, что онъ — не пантеистъ, не „космотеистъ" [3]), а прямо атеистъ. Еще болѣе рѣшительно и по еще болѣе вѣскимъ основаніямъ провозгласили Спинозу атеистомъ ревнители вѣры въ XVII столѣтіи [4]). Въ его сочиненіяхъ, особенно въ „Этикѣ" усмотрѣли „широчайшее окно для атеизма" [5]), если не прямо „катехизисъ атеизма" [6]). На него нападали. Его опровергали. И, напримѣръ, какъ по крайней мѣрѣ старался доказать Брю-

---

[1]) Ср. седьмую главу перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ".

[2]) Энциклопедисты XVIII вѣка не видѣли никакой разницы между Богомъ Спинозы и Гоббеса. S'il ne fut pas athée, говорится въ статьѣ Hobbisme о Гоббесѣ, il faut avouer que son dieu differe peu de celui de Spinosa (Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, VIII, 241). Массильонъ нашелъ въ „Этикѣ" Спинозы „непроходимый хаосъ, трудъ запутанности и мрака, гдѣ все непонятно, кромѣ безбожія" (См. Nourrisson, Spinoza et le naturalisme contemporain, Paris, 1866, стр. 123). Въ поэмѣ Les systèmes Вольтеръ характеризовалъ Спинозу какъ математика (ср. прим. 4 на стр. 91). Въ сочиненіи Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseins Gottes Кантъ увѣрялъ, что Богъ Спинозы непрерывно измѣняется: der Gott des Spinoza ist unaufhörlichen Veränderungen unterworfen (Werke, Hartenstein, VI, 24).

[3]) См. Якоби, Werke, томъ IV, часть I, стр 217 и слѣд.

[4]) См. L. Bäck, Spinozas erste Einwirkung auf Deutschland, Berlin, 1895, стр. 9 и слѣд.; M. Grunwald, Spinoza in Deutschland, Berlin, 1897, стр. 25 и слѣд.

[5]) См. письмо Гревія къ Лейбницу (Die philosophischen Schriften von G. W. Leibniz, herausgegeben von C. I. Gerhardt, томъ I, стр. 115).

[6]) См. Пуаре Cogitationum rationalium de Deo, anima et malo libri quatuor. Editio altera, Amstelodami, 1685, стр. 217.

нетъеръ [1]), вторая часть знаменитаго Discours sur l'histoire universelle Боссюе была направлена прямо противъ Спинозы и его атеизма.

Всѣ эти нападки имѣли основаніе. Спиноза пошелъ гораздо дальше, чѣмъ Декартъ, въ дѣлѣ систематики новаго міровоззрѣнія. И если вслѣдствіе приверженности къ этому міровоззрѣнію уже религіозность Декарта подвергалась сомнѣнію, то тѣмъ умѣстнѣе были эти сомнѣнія по отношенію къ Спинозѣ. Его Богъ существенно отличенъ отъ Бога Декарта и даже, какъ увѣряетъ по крайней мѣрѣ Пфлейдереръ [2]), прямо противоположенъ ему. У Декарта Богъ — внѣ міра, трансцендентенъ; и въ Его отношеніи къ міру нѣтъ детерминизма; это отношеніе свободно-волевое. Между тѣмъ Спиноза рѣзко критикуетъ такой взглядъ. Онъ отказывается ставить Бога внѣ міра, уподоблять его земнымъ властителямъ и надѣлять царскою властью [3]) называетъ волю Божію убѣжищемъ невѣжества [4]), признаетъ большимъ препятствіемъ для науки [5]) вѣру въ ея свободу, вѣру въ то, что „Богъ можетъ измѣнять свои декреты" [6]). Богъ—это не трансцендентная, а имманентная причина міра [7]). Творенія міра слѣдуетъ изучать съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ качествъ,

---

[1]) Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, Cinquième série, Paris, 1893, стр. 75.

[2]) O. Pfleiderer, Geschichte der Religionsphilosophie von Spinoza bis auf die Gegenwart, Dritte Auflage, Berlin, 1893, стр. 41.

[3]) Ethica, Pars II, Prop. III, Scholium (Opera, I, 74)

[4]) Dei voluntatem, hoc est ignorantiae asylum, Ethica, Pars I, Appendix (Opera I, 69).

[5]) Magnum scientiae obstaculum, Ethica, Pars I, Propositio XXXIII, Scholium II (Opera I, 63).

[6]) Тамъ же (Opera I, 64). Ср. Eth. Pars I, Prop. XXXII, Corollarium I: Deum non operari ex libertate voluntatis (Opera I, 62).

[7]) Deum enim rerum omnium causam immanentem.. non vero transeuntem statuo. Epistola LXXIII, (Opera II, 411); Ethica, Pars I, Prop. XVIII (Opera I, 54).

а не съ точки зрѣнія могущества творца [1]). Могущество Бога равнозначно силѣ природы. И вообще Богъ ли, природа ли—Deus sive natura—это совершенно безразлично: разница не въ существѣ дѣла, а единственно въ словахъ. Богъ дѣйствуетъ не свободно, а необходимо. И необходимость Его дѣйствій совпадаетъ съ необходимостью законовъ природы, по которой все рѣшительно, безъ остатка и безъ чуда, совершается въ мірѣ. Сообразно съ этимъ утвержденіе Спинозы, что все существующее выражаетъ могущество Божіе [2]), значило просто то, что все существующее подчинено общимъ законамъ природы. Завершая дѣло раціонализма, Спиноза завершалъ также и дѣло атеизма. Декартъ еще ставилъ бытіе міра, его порядокъ, а также все содержаніе истины въ зависимость отъ Бога, отъ Его воли. Лейбницъ шелъ уже дальше и, по крайней мѣрѣ по отношенію къ „вѣчнымъ" истинамъ, отвергалъ мнѣніе Декарта, что есть истины, которыя зависятъ отъ произвола Божія [3]): Богъ, объяснялъ онъ, конечно знаетъ всѣ истины; но не Онъ ихъ дѣлаетъ. Такимъ образомъ у Бога была отнята истина. Спиноза пошелъ еще дальше и не только отнялъ у Бога, кромѣ истины, также и весь міръ, но еще и растворилъ Его безъ остатка въ мірѣ и такимъ образомъ отнялъ у Него самостоятельное бытіе.

Pardonnez - moi, dit - il, en lui parlant tout bas,
Mais je pense, entre nous, que vous n'existez pas [4]).

Если къ этому прибавить стремленіе естественнаго права и естественной морали XVII вѣка построить свое ученіе совсѣмъ безъ Бога, то станетъ совершенно понятнымъ обвиненіе философскихъ новаторовъ въ атеизмѣ. И тѣмъ не ме-

---

[1]) Ego opera ex operis qualitate, non vero ex potentia operatoris aestimo. Epistola XXI (Opera II, 276).

[2]) Quicquid existit, Dei potentiam... exprimit (Ethica, Prop. XXXVI, Demonstratio, Opera, I, 66).

[3]) См. § 46 Монадологіи, Gerhardt, VI, 614.

[4]) Вольтеръ (Les systèmes).

нѣе эти новаторы были въ иныхъ случаяхъ глубоко религіозными людьми, и религіозная проблема сильно ихъ безпокоила. Достаточно прочесть письма Спинозы, чтобы убѣдиться, что главный вопросъ, волновавшій какъ его корреспондентовъ, такъ и его самого, состоялъ въ томъ, какъ примирить логическіе выводы новаго міровоззрѣнія съ Богомъ и вѣрою въ Него. Даже пять частей его „Этики", этой, казалось бы, классической и величаво законченной системы новаго міровоззрѣнія, иногда не безъ основанія сравниваютъ съ пятиактною драмою. Здѣсь дѣйствительно происходитъ драма. И всѣ ея перипетіи вращаются около одной мысли, именно, мысли о Богѣ.

Nec tecum possum vivere, nec sine te

—таково было поистинѣ драматическое положеніе новаторовъ XVII вѣка по отношенію къ Богу.

Они всетаки нашли выходъ изъ этого положенія. И для Бога и религіи нашлось мѣсто также и при новомъ міросозерцаніи—но уже новое мѣсто. Физическое міросозерцаніе измѣнило пониманіе не только природы и человѣка, но также Бога. Въ чемъ же состояла перемѣна?

Прежде всего наука отмежевалась отъ богословія. Въ средніе вѣка философія, какъ служанка богословія, въ принципѣ по крайней мѣрѣ рабски слѣдовала его указаніямъ. Истина считалась единою. И это была богословская истина. Философская истина подчинялась ей и ни въ коемъ случаѣ не могла ей противорѣчить. Свѣтская мысль могла сообщать и дѣйствительно сообщала церковной мысли свою (схоластическую) форму; но свое содержаніе она или непосредственно получала отъ нея или же должна была подчинять ей; не удивительно, что это содержаніе было по преимуществу метафизическимъ. Потомъ, въ видѣ уступки свѣтскому образованію, появилось ученіе о двойной истинѣ—богословской и философской. Оно гласило, что одно и то же утвержденіе объ одномъ и томъ же предметѣ можетъ быть истиннымъ для богословія и ложнымъ для философіи или наоборотъ. XVII вѣкъ былъ слишкомъ прямодушенъ, чтобы мириться съ такимъ компромиссомъ. Онъ считалъ истину единою и не допускалъ двухъ противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. И онъ отъ имени науки заявлялъ гордое притязаніе на познаніе всего реальнаго міра, на все естественное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что, кромѣ реальнаго, есть еще необъятный міръ возможнаго.

Le réel est étroit, le possible est immense.

И онъ отлично сознавалъ, что, пока вмѣсто всевѣдѣнія, вмѣсто единой всеобъемлющей науки люди принуждены будутъ ограничиваться или, вѣрнѣе, напротивъ, не будутъ ограничиваться частными, разрозненными, недовершенными знаніями, до тѣхъ поръ религіозная метафизика всегда будетъ въ состояніи безъ ущерба для науки заполнять своимъ спеціальнымъ сверхъестественнымъ содержаніемъ зіяющія пропасти наличнаго знанія и пониманія.

Eng ist die Welt, und das Gehirn ist weit.

Человѣческое сознаніе достаточно широко, чтобы вмѣстить не только естественное, но еще и сверхъестественное, не только науку, но и теологію. Какъ бы безконечно ни было шествіе науки впередъ, какъ бы ни заставляло оно теологію отступать передъ нею, это шествіе все таки безконечно; и, значитъ, для теологіи всегда найдется много мѣста. У насъ всегда гораздо больше проблемъ, чѣмъ знаній. И загадка міра слишкомъ замысловата, чтобы можно было надѣяться разрѣшить ее безъ остатка исключительно путемъ строгой и точной науки: **uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum.** Въ этомъ сознаніи новаторы XVII вѣка съ удивительнымъ единодушіемъ высказываются за возможность гармоническаго совмѣщенія вѣры и знанія, религіи и науки, сверхъестественнаго и естественнаго. Въ отличіе отъ Бэкона, продолжавшаго, по схоластической традиціи, называть философію „вѣрнѣйшею служанкою богословія" [1]), они отка-

[1]) Fidissima ancilla (Novum Organon, Lib. I, Cap. LXXXIX, Works, I, 197).

зываются видѣть въ научной философіи слугу [1]) или конкуррентку богословія. Свѣтъ научной философіи—это свѣтъ природы, lumen naturae. И въ предѣлахъ міра, освѣщаемаго этимъ свѣтомъ, нѣтъ рѣшительно никакой необходимости въ богословскомъ озареніи; нечего черпать изъ священныхъ источниковъ [2]), нечего выражаться теологическими фразами [3]). Но за этими предѣлами остается еще міръ непознаннаго и вообще непознаваемаго естественнымъ свѣтомъ. По отношенію къ этому міру научной философіи остается только исповѣдовать агностицизмъ. И если богословіе утверждаетъ, что оно знаетъ кое что положительное именно объ этомъ мірѣ, и что эти свѣдѣнія получаются имъ непосредственно изъ него, особымъ внѣнаучнымъ путемъ откровенія, то наука, какъ таковая, отъ этого нисколько не страдаетъ. Ей не о чемъ спорить съ богословіемъ, нечего оспаривать у него. Поэтому ни разуму незачѣмъ вмѣшиваться въ писаніе, ни писанію—въ разумъ [4]). Ни теологія не служитъ разуму, ни разумъ—теологіи [5]); вся пятнадцатая глава „Богословско-политическаго трактата" Спинозы—даже Спинозы—посвящена доказательству этого положенія.

Какъ же наука должна относиться къ содержанію богословскихъ утвержденій? Вопросъ рѣшался различно въ за-

[1]) Philosophiam Theologiae non ancillari, docent Cartesiani, возмущался, напримѣръ, упоминавшійся на стр. 91 Мастрихтъ (Novitatum Cartesianarum gangraena, Amstelodami, 1677, стр. 34).

[2]) Nihil admisceo ex sacris fontibus; totum ex Ratione est, quidquid hic est rivuli, писалъ, напримѣръ, Гейлинксъ въ предисловіи къ своей „Этикѣ".

[3]) Porro velim hic notari—писалъ Спиноза,—nos, dum Philosophice loquimur, non debere Phrasibus Theologiae uti (Epistola XXIII, Opera II, 289).

[4]) Absolute igitur concludimus, писалъ Спиноза, quod nec Scriptura Rationi, nec Ratio Scripturae accommodanda sit (Tractatus Theologico-Politicus, Cap. XV, Opera II, 117).

[5]) Nec Theologiam Rationi, nec Rationem Theologiae ancillari, ostenditur (ib., 113).

висимости отъ степени личной религіозности или осторожности въ вопросахъ вѣры того или иного теоретика Декартъ проявилъ сдержанную почтительность по отношенію къ богословію и даже предоставлялъ ему самому опредѣлять границы своей компетенціи [1]). Гоббесъ со свойственною его сужденіямъ рѣзкостью совѣтовалъ залпомъ проглатывать богословскія истины, какъ прописываемыя врачами горькія, но полезныя пилюли, которыхъ лучше не разжевывать во избѣжаніе рвоты [2]). Лейбницъ дѣятельно защищалъ богословскія истины и доказывалъ, что онѣ не противоразумны, какъ училъ Бэйль, а сверхразумны и посему нисколько не противорѣчатъ разуму и не нарушаютъ его интересовъ.

Такимъ образомъ въ XVII столѣтіи старались примирить науку и богословіе, знаніе и вѣру. Этимъ однако дѣло не ограничилось. Если есть Богъ и вообще міръ метафизическихъ реальностей, или, по крайней мѣрѣ, если и для Его признанія есть мѣсто и основанія въ нашемъ сознанія, то нельзя ли сдѣлать и это предметомъ естественной науки, нельзя ли построить также и естественное богословіе, которое, не конкуррируя съ богословіемъ откровеннымъ, избавляло бы по крайней мѣрѣ людей науки отъ глотанія тѣхъ или иныхъ вѣроисповѣдныхъ пилюль или отъ необходимости, какъ выражался Бэконъ, переходить изъ лодочки человѣческаго разума на корабль церкви [3]),—таковъ вопросъ, который возникъ благодаря новому физическому міровоззрѣнію. Если

[1]) Lumini naturali tamdiu tantum esse credendum, quandiu nihil contrarium a Deo ipso revelatur (Principiorum Philosophiae, Pars I, XXVIII, стр. 10 амстердамскаго изданія 1650 г.).

[2]) Mysteria enim, ut pillulae, quas morbo laborantibus praescribunt medici, si deglutiantur integrae, sanant; mansae autem plerumque revomuntur (Leviathan, Cap. XXXII, Opera philosophica, III, 266).

[3]) De dignitate et augmentis scientiarum, Lib. IX, Cap. I, Works I, 829: exeundum nobis... e Navicula Rationis Humanae, et transeundum in Ecclesiae Navem.

католическое богословіе пользовалось также и человѣческимъ разумомъ и его логическими пріемами для систематизаціи своего ирраціональнаго содержанія, если и протестантская теологія уже просто для того, чтобы имѣть орудіе для борьбы съ іезуитами [1]), тоже выработала цѣлую схоластику и сложную сѣть доказательствъ, то не умѣстно ли и людямъ науки, людямъ доказательнаго знанія, доказывать также и бытіе Божіе какъ нѣчто естественно необходимое и раціональное? Не удастся ли это имъ, быть можетъ, лучше, чѣмъ профессіональнымъ теологамъ, о которыхъ уже давно распространялась ироническая поговорка: magis magnos clericos non sunt magis magnos sapientes? [2]) Если, какъ объяснялъ Паскаль, самъ Богъ открылъ для религіи какъ сердце, такъ и разумъ [3]), то не умѣстно ли, предоставивъ сердцу вѣдаться съ благодатью, извлечь изъ разума доказательства для подтвержденія религіозныхъ истинъ? Wer also von der religion vere sprechen will—писалъ Пуффендорфъ Хр. Томазію [4]),—der muss erstlich ein solidum, perspicuum, adaequatum et demonstrabile systema articulorum fidei fundamentaliter setzen.

Такъ возникла мысль о естественномъ богословіи, которое было бы такою же строгою и доказательною наукою, какъ и естественная физика. Это внѣцерковное, раціональное богословіе было встрѣчено крайне несочувственно профессіональными богословами [5]), не желавшими признавать иной теологіи, кромѣ откровенной [1]). Особенно рѣшительно выступили они противъ тѣхъ представителей новыхъ воззрѣній, которые, не довольствуясь общимъ, безъ всякихъ спеціальныхъ подробностей, доказательствомъ необходимости идеи Бога для законченнаго міропониманія, пробовали прямо-таки доказывать тѣ или иные спеціальные догматы традиціонной религіи, какъ, напримѣръ, троичность Божества. Въ средніе вѣка догматъ этотъ поддерживался логическимъ іерархизмомъ [2]) морального міровоззрѣнія, благодаря которому trinitas разсматривалась не номиналистически какъ простая сумма трехъ лицъ, а реалистически какъ особая и притомъ высшая ипостась со спеціальнымъ, конкретнымъ бытіемъ. Съ утратою вѣры въ схоластическій реализмъ естественно появились и антитринитаріи. И вотъ когда противъ нихъ въ защиту ирраціональнаго догмата выступили раціоналисты, теологи вмѣсто того, чтобы привѣтствовать ихъ какъ друзей, стали открещиваться отъ нихъ, какъ отъ опасныхъ враговъ. Такъ, напримѣръ, они заставили Эргарда Вейгеля отказаться отъ своего намѣренія геометрически доказать бытіе и даже троичность Божества [3]), намѣренія, усвоеннаго также и его ученикомъ Лейбницемъ [4]).

По своему теологи были вполнѣ правы: то, что религіозная метафизика признаетъ истиною, именно существованіе

---

[1]) См. A. Tholuck, Der Geist der lutherischen Theologen Wittenbergs im Verlaufe des 17. Jahrhunderts, Hamburg und Gotha, 1852, стр 55.

[2]) См., напримѣръ, эту поговорку у Монтэня, Essais, L. I, Ch. XXIV.

[3]) La conduite de Dieu, qui dispose toutes choses avec douceur, est de mettre la religion dans l'esprit par les raisons, et dans le coeur par la grâce (Pensées, Chap. XXIV, III, стр. 353 изданія 1869 г.).

[4]) Briefe Samuel Pufendorfs an Christian Thomasius, München und Leipzig, 1897, стр. 52.

[5]) Quis est, qui non intelligat, fictam et vanam esse illorum Theologiam, et a coelesti veritate plane alienam, qui extra Ecclesia pomoeria constitutis solo naturae lumine salutem adjudicant, eo denique comparatam, ut... ad Atheismum patentissimam fenestram aperiat (Friderici Rappolti, Oratio contra naturalistas, Opera theologica, exegetica, didactica, polemica, Lipsiae, 1693, стр. 1403; ср. стр. 2160 и слѣд.: De naturalis theologiae insufficientia).

[1]) Nos Theologiam revelatam unice in pretio habebimus (тамъ же, стр. 1404).

[2]) См. выше, стр. 44.

[3]) G. Frank, Die Ienaische Theologie in ihrer geschichtlichen Entwickelung, Leipzig, 1858, стр. 47.

[4]) См. Nouvelles lettres et opuscules inédits de Leibniz, par A. Foucher de Careil, Paris, 1857, стр. 162.

извѣстныхъ сверхъестественныхъ объектовъ, представляетъ для нея не проблематическій предметъ доказательства, а непосредственно данный эмпирическій фактъ; иначе, въ случаѣ неуспѣха или неубѣдительности доказательства, пришлось бы или совсѣмъ отрицать существованіе этихъ объектовъ или же вмѣстѣ съ Кантомъ признать вопросъ безнадежно діалектическимъ. Дидро едва ли обнаружилъ глубокое пониманіе теоріи религіознаго познанія, когда съ паѳосомъ восклицалъ: „къ чему приставать ко мнѣ съ чудесами, когда достаточно только одного силлогизма, чтобы сокрушить меня? какъ! легче ли для тебя выпрямить хромого, чѣмъ просвѣтить меня?" [1]) Онъ упускалъ изъ виду, что религіозная метафизика, какъ и всякая метафизика, всякая сверхъестественная онтологія эмпиристична и въ своемъ родѣ даже экспериментальна. Бытіе своихъ объектовъ, какъ бы они ни были проблематичны, она признаетъ не только возможнымъ или необходимымъ, но вполнѣ дѣйствительнымъ и дѣйственнымъ. Она считаетъ ихъ подлинными реальностями, истинами факта, и вовсе не измышленіями разума. Это не значитъ, что каждый метафизикъ непремѣнно долженъ дѣйствительно видѣть и вообще дѣйствительно воспринимать свои объекты какъ эмпирическіе факты или же какъ нѣчто чувственное. Такъ далеко идутъ только мистики, утверждающіе, что они переносятся въ эмпирей, или же что эмпирей сливается съ ними. Однако въ концѣ концовъ мистика – это не болѣе какъ послѣднее слово метафизики, ея завершеніе, ея высшая степень. Если мистикъ видитъ, осязаетъ, ощущаетъ сверхъестественное бытіе, сливается съ нимъ, вообще, болѣе или менѣе близко и, такъ сказать, интимно знаетъ его, то метафизикъ вѣритъ въ него, вѣритъ въ то же самое, что и мистикъ. Метафизикъ, если его болѣе или менѣе коснулись скептицизмъ и научный духъ, можетъ отрицать наивную вѣру иныхъ мистиковъ, что нашими обыкновенными органами и путями чувственнаго вос-

[1]) Pensées philosophiques, (Oeuvres, Paris, 1875—77, I, 149).

пріятія мы способны познать сверхъестественное, можетъ не вѣрить въ существованіе у всѣхъ вообще людей или же только у избранныхъ натуръ особыхъ органовъ, особыхъ способностей и путей къ такому познанію – вродѣ Шеллингова „интеллектуальнаго созерцанія" или „интуиціи" Николая Кузанскаго, которая опредѣлялась какъ напряженное выжидательное созерцаніе [1]); болѣе того, онъ можетъ, какъ однажды выразился Шеллингъ [2]), назвать всю метафизику „эмпирическимъ апріоризмомъ". Но въ концѣ концовъ онъ все-таки признаетъ ея объекты существующими эмпирически и болѣе или менѣе матеріально внѣ его сознанія. И къ самымъ фантастическимъ созданіямъ своего воображенія онъ относится какъ легендарный Пигмаліонъ. То, что въ метафизикѣ называется „идеализмомъ", не опровергаетъ, а, напротивъ, подтверждаетъ ея эмпиристическую тенденцію. Каково бы ни было значеніе „идеи" для логики и теоріи познанія, для метафизики это - нѣчто конкретно сущее, нѣчто „увидѣнное" (буквальный смыслъ греческаго слова ἰδέα) или во всякомъ случаѣ созерцаемое, хотя бы болѣе или менѣе сверхъестественнымъ способомъ. Метафизическій идеализмъ есть, въ сущности, особый, такъ сказать, процѣженный или разрѣженный видъ матеріализма. Онъ обыкновенно очень близокъ къ метафизическому спиритуализму, для котораго духъ есть субстанція, никогда вполнѣ не свободная отъ тѣхъ или иныхъ чувственныхъ пространственныхъ и временныхъ аттрибутовъ, для котораго всякія трансцендентныя существа оказываются въ концѣ концовъ, какъ со свойственною ему грубоватостью выразился Геккель, парообразными позвоночными. Такой эмпиристическій и матеріалистическій характеръ всякой вообще метафизики особенно отчетливо обнаруживается въ наиболѣе популярной формѣ метафизическихъ ученій, именно въ историческихъ религіяхъ. Все то, что образуетъ положительное

[1]) Intuitio est visio cum diligenti attentione (Excitationum Lib. V, Opera, 480).

[2]) Philosophie der Offenbarung. Werke, Abt. II, Band III, 130.

содержаніе всякаго религіознаго вѣрованія, носитъ для него опытный характеръ, характеръ фактическихъ истинъ, подкрѣпляемыхъ откровеніемъ, явленіями, знаменіями, преданіемъ, вообще эмпирическими и даже, какъ это происходитъ, напримѣръ, съ чудесами, экспериментальными путями открытія и провѣрки матеріальной истины. Раціоналистическіе элементы если и привходятъ въ метафизику, то въ качествѣ элементовъ вторичныхъ, дополнительныхъ и служебныхъ. И въ средніе вѣка все положительное содержаніе господствовавшей въ Западной Европѣ религіозной метафизики обосновывалось эмпирически—на откровеніи и преданіи, признавалось явленіемъ, въ смыслѣ богоявленія [1]). Тѣ же раціоналистическіе элементы, которые внесла въ эту метафизику схоластика, предназначались только для того, чтобы превратить ея эмпирическое содержаніе въ стройную, по возможности свободную отъ внутреннихъ противорѣчій систему, обработать его формально съ тѣмъ, чтобы матеріально оно осталось совершенно неизмѣннымъ. Теорія религіознаго познанія представляетъ своего рода позитивизмъ. Это особенно отчетливо понималъ Шеллингъ въ послѣдній т. н. „позитивный" періодъ своего авторства [2]).

Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего удивительнаго, что естественное богословіе въ смыслѣ раціональнаго, доказательнаго богословія не встрѣчало сочувствія въ теологахъ и не имѣло успѣха, поскольку оно стремилось быть чѣмъ-то апріорнымъ, выводить бытіе Божіе изъ аксіомъ и доказывать его и даже цѣлый рядъ спеціальныхъ ирраціональныхъ догматовъ вродѣ Тройцы, пользуясь геометрическими пріемами. Но такъ его понимали только Вейгель и его ученики [3]). Другіе пред-

[1]) Theophania, hoc est, Dei apparitio, какъ объяснялъ Іоаннъ Скотъ Эріугена (De divisione naturae, I, 7. Migne, Patrologia latina, CXXII, 446).

[2]) См. стр. 227 перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ".

[3]) Въ томъ числѣ Пуффендорфъ: Cui incommodo (h. e. lubrico

ставители новаго физическаго міровоззрѣнія понимали проблему болѣе эмпирически. И посему они рѣшали ее успѣшнѣе.

Безъ труда находили мѣсто для Бога тѣ изъ нихъ, которые еще не совсѣмъ отрѣшились отъ пониманія причинности въ метафизическомъ смыслѣ стараго міровоззрѣнія. Въ этомъ смыслѣ міръ разсматривался какъ цѣпь причинъ и слѣдствій. Объективная дѣйствительность развертывается отъ причинъ къ слѣдствіямъ, причемъ началомъ этой цѣпи оказывается сверхъестественная первопричина или Богъ. Познаніе идетъ отъ слѣдствій къ причинамъ. Но такъ какъ такое изслѣдованіе не можетъ быть безконечнымъ — infinita inquisitio esse non potest, писалъ еще Тертулліанъ, — то оно и оканчивается абсолютною, безпричинною первовещью (таковъ смыслъ нѣмецкаго понятія Ursache) или перволицомъ. И мысль успокаивается на томъ, что началомъ всего былъ актъ этого лица.

Im Anfang war die That.

Такъ именно и обосновывалъ бытіе Божіе Лейбницъ. Хотя, какъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ Кутюра [1]), основнымъ принципомъ его философіи является принципъ тожде-

ac dissoluto modo, quo Theologia vulgo tradi solet)—писалъ онъ—remedium haud spernendum adferri posse dudum persuasus fui, si Theologia Christiana in formam justae artis per continuas demonstrationes digestae adornetur, ut nempe praemissis necessariis definitionibus, ac, si opus sit, postulatis, tum indubiis axiomatibus, capita Christianae religionis ad salutem necessaria, sufficientia et velut adaequata ad modum propositionum mathematicarum demonstrentur (Samuelis Pufendorfii... epistola ad fratrem Esaiam Pufendorfium super Theologia in formam demonstrationis redigenda; см. Christophi Mathaei Pfaffii, Introductio in historiam theologiae literarum, Tubingae, 1724, томъ I, стр. 399 и слѣд.).

[1]) La logique de Leibniz d'après des documents inédits. Paris, 1901; см. стр. X и слѣд. См. однако возраженія Э. Кассирера (Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902, 541 и слѣд.).

ства, совершенно растворяющій въ себѣ всякія причинныя отношенія, однако въ рядѣ своихъ сочиненій онъ выдвигалъ на первый планъ принципъ достаточнаго основанія, понимавшійся имъ при этомъ не столько логически, сколько метафизически [1]). Сообразно съ этимъ, Лейбницъ въ „Исповѣданіи природы противъ атеистовъ" объявилъ, что какъ ни разлагать тѣла природы, никакъ нельзя остановиться, не прибѣгая къ Богу [2]). Восходя отъ слѣдствій къ причинамъ, мы можемъ остановиться только на Богѣ, на единомъ Богѣ. И только Онъ, какъ послѣднее основаніе, какъ ultima ratio, достаточенъ: il n'y a qu'un Dieu et ce Dieu suffit [3]). Такъ разсуждалъ Лейбницъ въ „Теодицеѣ", этой знаменитой попыткѣ богооправданія и мірооправданія, оправданія Бога міромъ и міра Богомъ.

Трудно было оправдать Бога міромъ тѣмъ представителямъ новаго міровоззрѣнія, которые не склонны были объяснять міръ причинами, которые предпочитали замѣнять ихъ математическими функціями, для которыхъ міръ былъ равенъ природѣ, а природа была безконечнымъ однороднымъ цѣлымъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчиненнымъ неизмѣннымъ естественнымъ законамъ. Но и они нашли мѣсто для Него. И они нашли мѣсто для богословія и притомъ не откровеннаго, а естественнаго.

Этому благопріятствовалъ упоминавшійся выше (на стр. 70) ихъ взглядъ на природу какъ на механизмъ. Автономная природа объявлялась автоматомъ. Существующая и движущаяся въ силу собственныхъ законовъ природа есть естественный механизмъ, подобный механизму искусственному, иначе говоря, машинѣ, сооружаемой людьми для тѣхъ или

[1]) См. объ этомъ Ch. Sigwart, Logik, Erster Band, Zweite Auflage, Freiburg, 1889, стр. 246.

[2]) Apparet enim in extrema corporum resolutione Dei auxilio carere naturam non posse (phil. Schriften, herausg. von Gerhardt, IV, 109).

[3]) Schriften, Gerhardt, VI, 613, 614.

иныхъ цѣлей. Такое уподобленіе чрезвычайно типично для XVII столѣтія. Объясняется оно новизною дѣла, затѣяннаго теоретиками этого столѣтія. Тѣ представленія о природѣ, которыя намъ теперь кажутся столь понятными и естественными и которыя унаслѣдованы нами отъ новаторовъ XVII вѣка, добывались этими новаторами не безъ труда. Имъ приходилось въ иныхъ случаяхъ дѣлать мучительныя усилія для того, чтобы отдѣлаться отъ привычныхъ представленій и стать на совершенно новый, невѣдомый путь. Для насъ, теперь, естественная механическая закономѣрность чувственнаго міра представляетъ истину самоочевидную и даже банальную, обычную предпосылку опытнаго изученія этого міра. И мы въ самой сложной машинѣ видимъ не болѣе какъ подражаніе природѣ. Въ XVII столѣтіи положеніе было иное. Механическое пониманіе чувственнаго міра было такъ ново и такъ необычно, что для объясненія его, для иллюстраціи приходилось прибѣгать къ сравненію съ искусственнымъ механизмомъ, съ автоматомъ, сооруженнымъ человѣческими руками. Природу приходилось разсматривать какъ подражаніе искусству. И ея естественную закономѣрность приходилось иллюстрировать примѣромъ искусственныхъ приборовъ. Особенно охотно пользовались уподобленіемъ природы часовому механизму [1]). Такое уподобленіе не осталось безъ глубокихъ

[1]) Даже жизнь дерева, болѣе того, всякой вообще живой твари Декартъ уподоблялъ такому механизму. И сообразно съ этимъ онъ училъ объ автоматизмѣ животныхъ. Семнадцатый вѣкъ вообще не противопоставлялъ организма механизму. Въ прямую противоположность нынѣшнему смыслу, „органическій" значило тогда искусственный. Какъ объяснялъ Гокленіусъ, organicum est idem quod instrumentarium seu instrumentale (Lexicon philosophicum, 281). Сообразно съ этимъ онъ называлъ интеллектъ неорганическимъ (inorganicus, quia non habet proprium organon, quo utatur, тамъ же), а діалектику—органическою: Dialectica dicitur Doctrina organica quia est instrumentum Philosophiae (стр 282).

слѣдовъ въ научномъ міровоззрѣніи XVII столѣтія. Однимъ изъ его послѣдствій было то, что, когда захотѣли раскрыть естественную природу человѣческаго общежитія, аналогію съ часовымъ механизмомъ распространили также и на него. Гоббесъ предлагалъ оріентироваться въ немъ sicut in horologio automato aliave machina paulo implicatiore [1]). Благодаря этому пришлось разсматривать это общежитіе и его проявленія какъ результатъ установленія (impositio), пришлось приписывать происхожденіе общества искусственному соглашенію или договору дообщественныхъ существъ. Другимъ и притомъ ближайшимъ послѣдствіемъ уподобленія міра механизму было то, что вопросъ о механизмѣ вселенной вызвалъ вопросъ о механикѣ, вопросъ о часахъ вызвалъ вопросъ о часовщикѣ; и такимъ образомъ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ Deus ex machina, къ предвѣчному деміургу, къ творцу вселенной, къ сверхприродному существу, которое бы создало природу и дало бы ей, какъ выражался Паскаль, первый щелчокъ, которое привело бы міровой автоматъ въ движеніе; иными словами сдѣлалось необходимымъ деистическое рѣшеніе проблемы Бога, столь типичное для XVII столѣтія, и популяризировавшееся мыслителями XVII вѣка, главнымъ образомъ Вольтеромъ, съ именемъ котораго оно поэтому и связалось [2]).

Въ настоящее время деизмомъ интересуются только какъ историческимъ явленіемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: для вѣрующихъ людей этотъ минимумъ вѣры слишкомъ недостаточенъ; для невѣрующихъ и эта уступка вѣрѣ слишкомъ велика и посему недопустима. Тѣмъ не менѣе еще и въ нынѣшнемъ научномъ міровоззрѣніи есть такіе пробѣлы, которые можно смѣло заполнять деистическими утвержденіями,

---

[1]) De cive. Praefatio ad lectorem (Opera II, 145).

[2]) Викторъ Гюго такъ характеризовалъ деизмъ:
Après avoir créé le monde, et la machine...
Dieu s'est laissé tomber dans son fauteuil Voltaire!
(Religions et religion, I).

не вызывая при этомъ дѣйствительно уничтожающихъ возраженій. Совсѣмъ недавно, уже въ XX столѣтіи это подтвердила оставшаяся безъ положительныхъ результатовъ полемика, вызванная извѣстнымъ изслѣдователемъ муравьевъ іезуитомъ Васманомъ, который, признавая правильность дарвинизма, доказывалъ ad majorem gloriam Dei въ своихъ берлинскихъ лекціяхъ, что безъ сверхъестественнаго творческаго акта, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, никакъ нельзя объяснить ни происхожденія міра вообще, ни происхожденія органической матеріи изъ неорганической ни даже происхожденія человѣка. Въ XVII же столѣтіи деистическое рѣшеніе проблемы Бога само собою напрашивалось. Хотя тогда міръ совпалъ съ „такъ называемою природою" [1]), хотя эта природа оказалась безконечною и подчиненною неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, хотя, благодаря преобладанію интереса къ геометрическому скелету вселенной, мало занимались ея эволюціею и на нее смотрѣли какъ на какое-то вѣчное настоящее, безъ прошедшаго и безъ будущаго, тѣмъ не менѣе нельзя было отдѣлаться отъ вопроса о происхожденіи ея или по крайней мѣрѣ о началѣ движенія въ ней. На этотъ чисто транссцендентный и метафизическій вопросъ Декартъ давалъ транссцендентный же и метафизическій отвѣтъ и притомъ такой, который, въ духѣ новаго пониманія отношенія между богословіемъ и наукою [2]), нисколько не мѣшалъ бы наукѣ заниматься своимъ дѣломъ. Пространство, матерія и движеніе вѣчны. Но если всетаки спрашиваютъ, какъ возникли они, иначе говоря, кѣмъ созданы они, то единственный возможный отвѣтъ это тотъ, что они созданы высшимъ сверхъестественнымъ существомъ, пребывающимъ внѣ вѣчности и надъ нею. Создавъ міровой механизмъ, давъ ему его неизмѣнную конституцію, Богъ уже не вмѣшивается въ него.

---

[1]) Die Welt als eigentlich sogenannte Natur (Kant, Ueber den Gebrauch teleologischer Principien in der Philosophie, Werke, Rosenkranz, VI, 357); ср. стр. 66 настоящаго изслѣдованія.

[2]) См. выше, стр. 98 и слѣд.

Онъ не пытается уже, какъ выражался Лейбницъ, чинить часы природы. Какъ образцовый конституціонный монархъ, Онъ царствуетъ, но не правитъ или правитъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ недоумѣвали окказіоналисты по поводу взаимодѣйствія души и тѣла, никакъ нельзя было найти естественное объясненіе вещей.

Спиноза не одобрялъ деизма Декарта и его школы. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: деизмъ со своимъ дуализмомъ Бога и міра, очевидно, нарушалъ монистическую тенденцію его міропониманія. Однако это вовсе не значитъ, что ему удалось дѣйствительно устранить вызывающія его принципіальныя затрудненія. Онъ вполнѣ соглашался съ Чирнгаузеномъ, что изъ одного пространства въ картезіанскомъ смыслѣ никакъ нельзя вывести существованія тѣлъ и отдѣльныхъ предметовъ [1]). И, наканунѣ своей смерти, онъ обѣщалъ разъяснить ему этотъ вопросъ [2]) на иныхъ, чѣмъ Декартъ, основаніяхъ. Но ему такъ и не удалось осуществить это обѣщаніе. Значитъ, приходится заключить, что вопросъ о происхожденіи міра или движенія въ немъ такъ и не былъ рѣшенъ Спинозою, или же рѣшался имъ при посредствѣ той natura naturans его „Этики", которая, какъ упоминалось на стр. 47, представляла переживаніе антропоморфизма стараго міровоззрѣнія и которая была едва ли особенно удачнымъ суррогатомъ деистическаго „щелчка", полученнаго, по Декарту, міромъ отъ Бога.

Такимъ образомъ новая естественная наука о природѣ создавала новое естественное ученіе о Богѣ. Вмѣсто атеизма получался деизмъ. Новая естественная философія пріемлетъ Бога, постулируетъ Его изъ природы и оправдываетъ Его

---

[1]) Ex Extensione, ut eam Cartesius concipit, molem scilicet quiescentem, corporum existentiam demonstrare non tantum difficile, ut ais, sed omnino impossibile est (Epistola LXXXI, Opera II, 427); ср. Epistola LXXXIII, тамъ же, стр. 428.

[2]) Sed de his forsan aliquando, si vita suppetit, clarius tecum agam (Epistola LXXXIII, Opera II, 429).

міромъ.

Ты есь — природы чинъ вѣщаетъ.

Этимъ однако дѣло не исчерпывается. Принявъ при происхожденіи вещей „божественную математику или метафизическую механику", какъ выражался Лейбницъ, принявъ вообще Бога, приходилось уже оправдывать Имъ міръ. И вотъ такое оправданіе сильно смущало представителей новаго міровоззрѣнія. Передъ ними вставалъ знаменитый тезисъ: Бога пріемлю, но міра его не пріемлю. А вставалъ онъ потому, что, какъ указано въ шестой главѣ, это міровоззрѣніе исключало всякую мысль о несовершенствѣ, о томъ, что существующій міръ можетъ имѣть какіе бы то ни было недостатки. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно утверждало, что міръ безцѣленъ и не имѣетъ никакого духовнаго назначенія. Для моральнаго міровоззрѣнія различіе добра и зла давало смыслъ всему міру, даже въ его физическихъ проявленіяхъ. У теоретиковъ, переходившихъ отъ этого міровоззрѣнія къ физическому, моральная точка зрѣнія, различающая добро и зло и противополагающая ихъ другъ другу, стала вытѣсняться эстетическою точкою зрѣнія, для которой все — добро, потому что во всемъ есть своя красота и гармонія. Такой взглядъ находимъ мы, напримѣръ, у Кеплера: omnia bona in natura [1]), училъ онъ; in coelo non sunt bonum et malum ethicum, sed harmonicum... pulchrum [2]). Наконецъ, у теоретиковъ, окончательно усвоившихъ новое міровоззрѣніе, и эта эстетическая точка зрѣнія стала вытѣсняться чисто физическою, для которой все — таково, какъ оно есть, безъ всякаго дальнѣйшаго смысла. И вотъ необходимо было примириться съ этимъ, необходима была резигнація, космодицея.

Прежде всего примирились съ физическимъ порядкомъ природы. Стали учить, что она не представляетъ ничего

---

[1]) Opera, edidit Ch. Frisch, Vol. I, 329.

[2]) Тамъ же, 315. Джордано Бруно училъ, что истинная философія есть вмѣстѣ съ тѣмъ музыка, поэзія и живопись.

несовершеннаго. Нечего противопоставлять ей какое-то воображаемое, небывалое совершенство. Она просто реальна. Мы живемъ среди этой реальности. И намъ слѣдуетъ брать ее какъ она есть, во всей ея естественной закономѣрности. Намъ необходимо мириться съ нею уже просто потому, что у насъ нѣтъ иного выхода, нѣтъ выбора. Одобряемъ ли мы міръ или нѣтъ—это совершенно безразлично для него. Лучше поэтому не роптать, если отъ тѣхъ или иныхъ естественныхъ, механическихъ процессовъ приходится терпѣть и страдать. Нечего удивляться ни землетрясеніямъ ни крушеніямъ и т. п. физическимъ происшествіямъ. Всѣ они строго закономѣрны. Въ нихъ осуществляется естественный порядокъ міра. Это—vis major, внѣшняя необходимость, противъ которой мы безсильны. На этомъ, собственно говоря, и можно остановиться и успокоиться. Но если и при этомъ все еще остается какое-то безпокойство, какая-то потребность не столько уже объяснить, сколько оправдать, то остается смотрѣть на всю природу какъ на даръ Божій, какъ на Божіе твореніе. И тогда естественный порядокъ міра становится уже порядкомъ богоустановленнымъ. Простой фактъ его существованія превращается тогда въ его право на существованіе, болѣе того, въ его обязанность существовать.

XVIII вѣкъ не мирился съ такою философскою резигнаціею. Послѣдствіемъ этого было то, что въ критическіе моменты онъ возвращался къ наивной точкѣ зрѣнія моральнаго міровоззрѣнія. Такъ, напримѣръ, поступилъ не кто иной какъ Вольтеръ—въ своихъ жалобахъ по поводу Лиссабонскаго землетрясенія.

Tout est bien, dites-vous, et tout est nécessaire...
Non! ne présentez plus à mon coeur agité
Ces immuables lois de la nécessité,
Cette chaîne des corps, des esprits et des mondes.
O rêves de savants! ô chimères profondes!

Подъ вліяніемъ физическаго бѣдствія, обрушившагося на людей, фернейскій „философъ" объявляетъ закономѣрность и необходимость природы химерою, малодушно напоминаетъ Богу о Его добротѣ и, въ духѣ телеологизма моральнаго міровоззрѣнія, ожидаетъ отъ физическаго міра, чтобы онъ самъ собою приспособлялся къ удобствамъ и потребностямъ человѣка.

Etes-vous assurés que la cause éternelle
Qui fait tout, qui sait tout, qui créa tout pour elle,
Ne pouvait nous jeter dans ces tristes climats
Sans former des volcans allumés sous nos pas?

Въ этихъ жалобахъ автора „Кандида" какъ нельзя лучше отражается сентиментальный и впечатлительный XVIII вѣкъ, преобладаніе въ немъ чувства и сердца надъ мышленіемъ и логикою.

Такъ ненаучно протестовали противъ естественнаго порядка природы въ XVIII столѣтіи. Не лучше обстояло дѣло у тѣхъ философовъ этого же столѣтія, которые мирились съ этимъ порядкомъ. Достаточно заглянуть въ физико-телеологическія разсужденія „Разумныхъ мыслей о намѣреніяхъ естественныхъ вещей" Хр. Вольфа съ ихъ, напримѣръ, кулинарнымъ, какъ выразился Джемсъ [1]), объясненіемъ назначенія воды на землѣ, или въ стихотворную „Теодицею" И. П. Уца, прославлявшую „блескъ" вселенной [2]) или даже въ иныя разсужденія Канта о Богѣ [3]), чтобы убѣдиться, что

[1]) Многообразіе религіознаго опыта, р. п., Москва, 1910, стр. 483. См. тамъ же на стр. 481—485 другіе примѣры мірооправданія въ XVIII вѣкѣ. Ср. Куно Фишера, Лейбницъ, стр. 642 русскаго перевода 1905 г.

[2]) O könnten wir die Welt im Ganzen übersehn,
Wie würden sich die dunkeln Flecken
Vor unserm Blick in grössern Glanz verstecken!

[3]) См., напримѣръ, Kritik der Urtheilskraft, § 86, Anmerkung (Kehrbach, 341): окруженный прекрасною природою, увѣряетъ здѣсь Кантъ, человѣкъ чувствуетъ въ себѣ потребность быть кому-нибудь благодарнымъ за получаемое имъ удовольствіе.

въ XVIII вѣкѣ и отвергали и принимали міръ далеко не съ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, съ какимъ въ XVII вѣкѣ опредѣляли мѣсто человѣка во вселенной. Въ XVII вѣкѣ умы философовъ были дисциплинированы гораздо строже. И они имѣли болѣе высокое представленіе о достоинствѣ человѣка и его могуществѣ. Поскольку же и они сознавали его безсиліе, они не впадали въ малодушіе и безплодную чувствительность, они имѣли мужество исповѣдовать безотрадную истину и находили утѣшеніе въ силѣ человѣческой мысли. Если человѣкъ въ мірѣ—это не болѣе какъ тростникъ, онъ все же можетъ и долженъ сознавать себя какъ мыслящій тростникъ [1]), старающійся все понять, ничему не удивляться, ничѣмъ не очаровываться и посему ни въ чемъ не разочаровываться, успокаивающійся на міровой закономѣрности. Такъ мирились съ механизмомъ природы люди XVII вѣкъ. Они умѣли побѣждать природу теоретически путемъ познанія. Они надѣялись побѣдить ее практически путемъ техники. Поскольку же они сознавали свое безсиліе по отношенію къ ней, они безъ самоуничиженія, безъ раболѣпства прибѣгали къ идеѣ мірового порядка. Это сообщало имъ классическую величавость, которая однако можетъ показаться нѣсколько безсердечною.

Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, которое можетъ получиться отъ ихъ примиренія съ наличнымъ порядкомъ не только физической, но также и моральной природы, отъ ихъ ума холодныхъ наблюденій надъ живою человѣческою душою. Ставъ на необычную точку зрѣнія: mundus non vult decipi, заглянувъ въ дѣйствительность, какъ она есть, безъ всякаго будто бы насъ возвышающаго обмана, они увидѣли печальную картину человѣческаго эгоизма и насилія; притомъ эгоизмъ и насиліе не только не несутъ слѣдуемой имъ по моральному міровоззрѣнію небесной кары, но, совсѣмъ напротивъ, нерѣдко вѣнчаются земнымъ успѣхомъ и благополучіемъ. И вотъ они не отшатнулись отъ этой картины, не

[1]) Pascal, Pensées, Ch. II, X, стр. 132 изданія 1869 г.

осудили ея; они стали разсматривать ее глазами натуралистовъ.

Et mon esprit enfin n'est pas plus offensé
De voir un homme fourbe, injuste, intéressé,
Que de voir des vautours affamés de carnage,
Des singes malfaisants et des loups pleins de rage.

Они старались понять моральную дѣйствительность, объяснить ее, старались уразумѣть зло вмѣсто того, чтобы осуждать его, старались изучить человѣческіе поступки съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ будто дѣло шло о линіяхъ, поверхностяхъ или тѣлахъ [1]).

Эгоизмъ и борьба, стали они учить, лежатъ въ природѣ человѣка; это и есть его подлинное естественное состояніе; таковъ по крайней мѣрѣ выводъ, къ которому приводятъ отказъ отъ вѣры въ первородное райское состояніе невинности и изученіе фактовъ дѣйствительности. Эти факты, которые, какъ увѣрялъ Гоббесъ, каждый можетъ подмѣтить въ обыденномъ житейскомъ обиходѣ, подтверждаютъ, что и въ данномъ случаѣ человѣкъ не образуетъ особаго государства въ великомъ царствѣ природы. Гдѣ жизнь, тамъ и борьба за жизнь какъ на землѣ, такъ и на водѣ, какъ среди людей, такъ и среди рыбъ и другихъ животныхъ [2]). И въ этой борьбѣ есть порядокъ, есть закономѣрность—

Und Ordnung überall, auch wo die Tugend weint.

Пока будутъ существовать люди, будутъ проявляться и ихъ страсти. Ученому, который хочетъ познать страсти, необходимо прежде всего ихъ признать, какъ нѣчто естественное, вродѣ холода, жара, бури и грома въ природѣ [3]), и, повиди-

[1]) См. „Этику" Спинозы, Pars III, Praefatio (Opera I, 119). Извѣстно, что Спиноза любилъ наблюдать смертный бой пауковъ.

[2]) См. Tractatus theologico - politicus, Cap. XVI, Opera II, 121.

[3]) Спиноза, Tractatus politicus, Cap. I § 4 (Opera I, 270).

мому, неизбѣжное въ томъ единственно реальномъ изъ множества возможныхъ міровъ, который данъ нашему изслѣдованію. И такъ какъ у этого міра есть одно несомнѣнное преимущество передъ другими возможными мірами, именно что онъ существуетъ въ дѣйствительности, то остается видѣть его метафизическое оправданіе въ томъ, что Творецъ міра не напрасно и не случайно далъ именно такой образъ живой твари.

Такимъ образомъ физическое міровоззрѣніе вновь вызвало къ жизни величавый метафизическій принципъ теодицеи. То, что на языкѣ науки представляетъ естественную необходимость, въ переводѣ на языкъ метафизики оказывается выполненіемъ божественнаго плана и, какъ выражался Лейбницъ, счастливою необходимостью. Холодное и сухое экзотерическое научное изслѣдованіе эзотерически озаряется благодатнымъ свѣтомъ религіознаго примиренія съ физическимъ и нравственнымъ міропорядкомъ. Если бы человѣческій умъ, училъ Спиноза, имѣлъ только „адэкватныя" идеи о мірѣ, онъ не образовалъ бы совсѣмъ понятія о злѣ [1]). И если бы, училъ Лейбницъ, онъ могъ оцѣнить этотъ міръ какъ цѣлое, онъ распространилъ бы понятіе добра на весь міръ, онъ призналъ бы, что все добро есть, что это — наилучшій изъ міровъ. Omne ens esse bonum ex eo demonstratur, quia nullum est, quin sit verum, училъ Клаубергъ [2]). Гдѣ истина, тамъ и добро. А такъ какъ истина и бытіе — это то же самое, то, значитъ, гдѣ бытіе, тамъ и добро въ высшемъ метафизическомъ смыслѣ этого слова. Мы успѣли такъ основательно забыть теоретиковъ XVII вѣка, что, когда въ новѣйшее время за эту же самую мысль ухватился одинъ поэтъ (Уитманъ), то его, не задумываясь, поспѣшили объявить отцомъ какого-то новаго міровоззрѣнія и новой религіи.

---

[1]) Si Mens humana non nisi adaequatas haberet ideas, nullam mali formaret notionem (Ethica IV, Prop. LXIV, Coroll., Opera, I, 225).

[2]) Metaphysica de Ente, X, 170, Opera, 311.

Остается упомянуть еще объ одной области, въ которой проблема Бога подверглась серьезному и глубокому испытанію. Это именно область практической этики. Хотя, казалось бы, физическое міровоззрѣніе совершенно упраздняло ее, однако нѣкоторые по крайней мѣрѣ философскіе новаторы XVII вѣка вновь берутся за нее. Но берутся они уже на новыхъ основаніяхъ. Они не принимаютъ ее какъ нѣчто богооткровенное. Они вполнѣ раздѣляютъ высказанное Шефтсбери убѣжденіе, что нравственность для насъ понятнѣе, чѣмъ Божество. Они хотятъ построить деонтологическую этику на чисто естественныхъ основаніяхъ, безъ какой бы то ни было опоры на небѣ. Какъ указано ниже, въ третьей части нашего изслѣдованія, имъ дѣйствительно удается установить нѣчто вродѣ естественнаго закона практической нравственности. И вотъ послѣ этого, только послѣ этого они вновь связываютъ нравственность съ Божествомъ. Они не выводятъ нравственнаго закона изъ Его воли, но, напротивъ, постулируютъ Его бытіе изъ естественнаго нравственнаго закона. Они освобождаются отъ Бога, отъ рабства Божія, но не для того, чтобы, какъ либертины, распущенные вольноотпущенники, рабы по воспоминаніямъ и мелкіе деспоты по стремленіямъ, произносить на Него хулу [1]) и искать себѣ новаго господина въ видѣ новой ипостаси — олицетворенной природы,—а для того, чтобы свободно принять Его, какъ необходимое условіе законченнаго міропониманія и жизнепониманія. Богъ, это, какъ выражался Шарронъ [2]), послѣднее усиліе нашего воображенія по направленію къ совершенству, выступаетъ какъ вѣнецъ и завершеніе методической раціональной деонтологической этики.

---

[1]) Nemo potest Deum odio habere, писалъ Спиноза (Ethica, Pars V, Propositio XVIII, Opera, I, 251).

[2]) Dieu est le dernier effort de notre imagination vers la perfection (стр. 296 Амстердамскаго изданія 1662 г. De la Sagesse trois livres par Pierre Charron, Parisien, Docteur ès Droicts).

Это возвращеніе Божества въ натурализованную и раціонализованную практическую этику выступаетъ особенно рельефно и рѣшительно у Гейлинкса. Построенная цѣликомъ на разумѣ—totum ex Ratione est [1]),—его „Этика“ смѣло и свободно возвращаетъ въ свой спеціальный [2]) моральный міръ отмѣченныя выше [3]) метафизическія предпосылки старой этики—Бога, идеалъ, свободу и воздаяніе – и даже антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ моральнаго міровоззрѣнія [4]). Нѣтъ этики безъ императивовъ [5]). Императивы же предполагаютъ императора. И таковымъ признается Богъ—summus ille Imperator [6]). Разъ есть императивъ, есть и идеалъ, цѣль человѣческихъ дѣяній [7]). Гдѣ идеалъ, гдѣ цѣль, гдѣ возможность исполнять или не исполнять императивы, тамъ свобода, тамъ же и воздаяніе [8]). Такимъ образомъ „Этика“ Гейлинкса антропоморфна въ старомъ моральномъ смыслѣ, ибо она разсуждаетъ о человѣкѣ какъ моральномъ существѣ. Далѣе, она вводитъ телеологизмъ. Она учитъ, что цѣль—это опредѣляющій моментъ человѣческихъ поступковъ, разсматриваемыхъ съ нравственной стороны [9]). Не ограничиваясь цѣлями человѣческихъ поступковъ (finis operantis), она учитъ еще объ объективныхъ цѣляхъ всего міра, всей твари (finis operis), установленныхъ верховнымъ существомъ, именно

---

[1]) Ethica, Praefatio ad Lectorem (Opera, edit. Land, Vol. III, 7).

[2]) Res morales moraliter tractandae sunt (Ethica, Tractatus I, Cap. I, § 3, Opera, III, 16).

[3]) См. стр. 83.

[4]) Ср. пять положеній естественной религіи у Герберта Чербери.

[5]) Ethica, Tractatus I, Cap. II, Sect. I, § 2, Opera, III, 21.

[6]) Tractatus I, Cap. II, Sect. II, § 5, ib. 38.

[7]) См. разсужденія третьяго трактата De fine et bono.

[8]) См. разсужденія пятаго трактата De praemio virtutis.

[9]) Atque ita semper finis dat speciem et nomen actibus nostris (Tractatus III, Prooemium, ib 92).

Богомъ [1]). Сообразно съ этимъ она вводитъ іерархизмъ—съ восхожденіемъ къ Богу и даже нисхожденіемъ къ дьяволу [2]). Такимъ образомъ этическая философія Гейлинкса эмансипируется отъ метафизическихъ предпосылокъ для того, чтобы затѣмъ свободно постулировать ихъ. И въ данномъ случаѣ Гейлинксъ предвосхищалъ ученіе Канта и его эпигоновъ о Богѣ, какъ неизбѣжномъ метафизическомъ ручательствѣ [3]) истины и правильности деонтологической этики, какъ бы она ни была автономна и раціональна.

Мы видимъ такимъ образомъ, что новое физическое міросозерцаніе глубоко отразилось также и на проблемѣ Бога. Новаторы XVII вѣка старались перерѣшить эту проблему такъ, чтобы отвѣтъ на нее возможно болѣе согласовался съ новыми идеями. Сначала очищается мѣсто для естественнаго знанія. И только послѣ этого ищутъ мѣсто также и для сверхъестественнаго, обусловливая и обосновывая послѣднее первымъ. Сначала самодовлѣющій, естественный, закономѣрный міръ. А потомъ вопросъ о томъ, можно ли признать атеизмъ такого воззрѣнія только кажущимся [4]),

---

[1]) Tractatus III, § 1: Finis Operis est id ad quod res aliqua ex sua natura servit et conducit (ib. 92). Finis Operis a natura seu Deo constitutus est, Finis vero Operantis constituitur a nobis (ib. 93).

[2]) Est autem a Mundo ad Diabolum facilis descensus (Tractatus IV, § 8, ib. 118). Впрочемъ дьяволъ понимается Гейлинксомъ символически какъ одинъ изъ пороковъ, особенно свойственный старости. Tractatus IV, § 8. De Diabolo: Diabolus, quod ad Ethicam faciat (quid enim sacrae paginae de eo dicant, et ibi lege, et pie crede), est proclivitas persistendi in aliquo agendi genere, mere quia incepisti sic agere (ib. 116). Какъ объясняетъ Гейлинксъ на стр. 117, Caro adolescentes, Mundus viros, Diabolus senes et infestat plerumque et possidet.

[3]) Такъ именно ставитъ вопросъ Г. Когенъ. См. Ethik des reinen Willens, Berlin, 1904, стр. 428.

[4]) Den Künstler, wird man nicht gewahr, bescheiden
Ihn
Verhüllt er sich in ewige Gesetze;

нельзя ли черезъ природу принять опять Бога, нельзя ли даже, какъ выражался впослѣдствіи Карлейль, признать все естественное сверхъестественнымъ и такимъ образомъ дать и метафизическое удовлетвореніе человѣческому духу, дать гармоническій отвѣтъ на проблему Бога, природы и человѣка.

Едва ли найдется иное столѣтіе въ исторіи новой философіи, въ которомъ проблема Бога ставилась бы и рѣшалась съ такимъ величавымъ спокойствіемъ, какъ это дѣлали философскіе поваторы въ XVII столѣтіи. Они не знали трусливаго и мелочнаго опасенія, что этимъ будетъ нанесенъ ущербъ наукѣ. Не нищета и узость ихъ философіи, а, напротивъ, ея богатство и необъятная широта привела ихъ къ порогу богопониманія. Quo magis res singulares intelligimus, eo magis Deum intelligimus, писалъ Спиноза [1]). Если бы, выражаясь извѣстнымъ сравненіемъ Бэкона, они пили изъ чаши философіи только небольшими глотками, они вѣроятно остановились бы на томъ атеизмѣ, въ которомъ ихъ обвиняли; такъ какъ они пили большими глотками, то они и вернулись къ религіи. Но вернулись они уже не какъ покорные рабы Божіи, а какъ свободно вѣрующіе мыслители. Пройдя длинный путь познанія міра естественнаго, они не озираются самодовольно назадъ. Они видятъ передъ собою новые, безконечные горизонты. Они стремятся заглянуть также и въ ту бездну все еще неяснаго и непонятаго, которая открывается передъ всякимъ истиннымъ мыслителемъ даже и тогда, или, вѣрнѣе, именно тогда, когда онъ становится на высочайшія вершины знанія и пониманія. Они стараются озарить также и эту бездну тѣмъ естественнымъ свѣтомъ (lumen naturale) разума, который подобно Вергилію Дантовой поэмы всюду имъ сопутствовалъ въ ихъ исканіяхъ. Они

Die sieht der Freigeist, doch nicht ihn. Wozu
Ein Gott? sagt er: die Welt ist sich genug.
Und keines Christen Andacht hat ihn mehr,
Als dieses Freigeists Lästerung, gepriesen.

[1]) Ethica, Pars V, Prop. XXIV, Opera, I, 255.

идутъ еще и далѣе. Иногда они какъ бы отдыхаютъ отъ науки, перестаютъ дисциплинировать умомъ свою фантазію и чувство и грезятъ о томъ сверхнаучномъ мірѣ, въ общеніи съ которымъ блаженъ кто вѣруетъ. Они знали такъ много, что могли смѣло позволить себѣ кое во что и вѣрить. „Пѣснь вселенной“, какъ опредѣлилъ однажды Джемсъ религію [1]), раздавалась также и изъ ихъ устъ.

[1]) Многообразіе религіознаго опыта, р. п., Москва, 1910, стр. 42.

ЧАСТЬ II.

Новая теорія науки.

ГЛАВА VIII.

Проблема истины.

Veritas est.
Гербертъ Черберн.

Вмѣстѣ съ новымъ міровоззрѣніемъ появилась также и новая теорія науки, питавшаяся и вдохновлявшаяся имъ и въ свою очередь питавшая и вдохновлявшая его. Большинство положеній этой теоріи въ настоящее время рѣшительно отвергается. Чистый разумъ, какъ вѣрнѣйшій источникъ познанія, тождество мысли и бытія, объективность пространства и времени, адэкватная дедуктивная система міра какъ это все далеко отъ современной теоріи познанія и ея утвержденій! Какъ это все, повидимому, далеко также и отъ положительнаго знанія! Казалось бы, теорія познанія XVII вѣка рѣшительно осуждена исторіею и философіею. И тѣмъ не менѣе она представляетъ и донынѣ высокую цѣнность, какъ историческую, такъ и принципіальную. Ея историческая цѣнность состоитъ въ томъ, что она дала прочное гносеологическое обоснованіе тогда именно и сложившемуся математическому естествознанію. Принципіальная ея цѣнность состоитъ въ томъ, что она понимала проблему истины гораздо

проще и непринужденнѣе, чѣмъ это дѣлали до нея и послѣ нея. Эта проблема ставилась и рѣшалась ею раціоналистически. Но раціонализмъ XVII вѣка, какъ отмѣчено выше [1]), преслѣдовалъ глубоко позитивныя задачи. Раціонализмъ XVII вѣка—это позитивный раціонализмъ. И этимъ онъ существенно отличается отъ діалектическаго раціонализма Платона, отъ терминологическаго раціонализма среднихъ вѣковъ и, наконецъ, отъ спекулятивнаго раціонализма нѣмецкихъ по преимуществу метафизиковъ первой трети XIX вѣка. Если прослѣдить за эволюціею проблемы истины въ исторіи европейской философіи, то нельзя не замѣтить, что эта вѣчная и въ общемъ, повидимому, никогда вполнѣ и окончательно не разрѣшимая проблема именно въ XVII столѣтіи пріобрѣла совершенно ясный видъ и дѣйствительно классическую постановку. Предшествовавшія эпохи ушли на предварительную работу. А въ позднѣйшія эпохи проблема стала уже все болѣе и болѣе запутываться, осложняться и вырождаться то въ метафизику, то въ діалектику, то въ скептицизмъ.

Обозрѣть этотъ процессъ во всей его полнотѣ, изобразить величіе и упадокъ классической теоріи познанія во всѣхъ деталяхъ—это значило бы пересмотрѣть всю исторію европейской философіи. Задача эта слишкомъ обширна, чтобы включать ее цѣликомъ въ настоящее изслѣдованіе. И мы ограничимся тѣмъ, что отмѣтимъ основные моменты процесса.

---

[1]) Стр. 33 и слѣд.

I.

Платонъ впервые въ исторіи европейской философіи совершенно ясно и отчетливо устанавливаетъ идеалъ науки какъ абстрактной, самодовлѣющей, анонимной или, какъ выразился бы Кантъ, транссцендентальной системы вѣчныхъ и неизмѣнныхъ истинъ, источникомъ которыхъ признается новая абстракція, именно, чистый разумъ, разумъ совершенно независящій какъ отъ субъективныхъ индивидуальныхъ умовъ и протекающихъ въ нихъ психическихъ процессовъ, такъ и отъ измѣнчивыхъ данныхъ чувственнаго бытія. Безъ такой независимости нѣтъ, не можетъ и не должно быть науки какъ таковой. Безъ такой независимости слово наука превращается въ пустой звукъ или же въ совершенно внѣшнее обозначеніе случайнаго факта чередованія всевозможныхъ субъектовъ, высказывающихъ всякія сужденія по разнымъ вопросамъ. Въ связи съ такимъ пониманіемъ науки традиціонная основная проблема античной философіи, именно, проблема „начала" (ἀρχή) сводилась уже не къ метафизической археологіи, т. е. къ догадкамъ о болѣе или менѣе фантастическомъ происхожденіи міра, а также не къ тому, чтобы подчинять міръ той или иной правящей первовещи, вродѣ Ѳалесовой воды, а къ тому, чтобы добыть этотъ апріорный чистый разумъ. Спрашивается, откуда и какъ? Изъ міра чувственныхъ воспріятій

никакъ нельзя его добыть. Въ немъ все течетъ, ничто не пребываетъ. Въ немъ происходитъ непрерывное возникновеніе и уничтоженіе отдѣльныхъ предметовъ и нѣтъ ничего постояннаго, неизмѣннаго. Что еще хуже, этотъ міръ лишенъ всякой достовѣрности. Достовѣрно только то, что можетъ быть доказано. А дѣйствительно доказано можетъ быть только то или иное сужденіе. Чувственныя же воспріятія, взятыя какъ таковыя, слагаются изъ совершенно иныхъ элементовъ. Чувства, эти, какъ выразился уже Гераклитъ, плохіе свидѣтели, способные удовлетворить развѣ только грубыя и непритязательныя варварскія души, могутъ вызвать и дѣйствительно вызываютъ у насъ бо́льшую или меньшую увѣренность въ матеріальномъ бытіи тѣхъ или иныхъ предметовъ. Какъ бы въ иныхъ случаяхъ прочно обоснованною ни была или по крайней мѣрѣ ни казалась эта увѣренность, она не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ тою достовѣрностью, которая устанавливается доказательствомъ. Если даже та эмпирическая дѣйствительность, которая ежедневно вопіетъ намъ о своемъ конкретномъ существованіи, не можетъ быть источникомъ достовѣрности, основанной на разумѣ, если она „алогична" [1]), то тѣмъ менѣе можно ожидать такой достовѣрности отъ той таинственной надэмпирической дѣйствительности, отъ того мистическаго эмпирея, о которомъ всякіе миѳы съ такими подробностями сообщаютъ намъ столько заманчиваго, но самое существованіе котораго приходится принимать на вѣру. Значитъ, ни изъ опыта, т. е. эмпиріи конкретной и, такъ сказать, ординарной, ни изъ миѳологіи, т. е. эмпиріи метафизической и чрезвычайной, нельзя извлечь начало истины или разумъ. Остается, значитъ, отказаться отъ изслѣдованія чего бы то ни было „чужого" [2]) и признать, что разумъ, т. е. начало и источникъ истины заключается внутри насъ, въ нашей мысли.

---

[1]) Горгій 465A.
[2]) Федръ 230A.

Такъ какъ онъ не обусловленъ ничѣмъ эмпирическимъ, то, если онъ вообще существуетъ, онъ существуетъ у всѣхъ мыслящихъ существъ. Это не исключительная привилегія тѣхъ или иныхъ счастливыхъ натуръ. Это – общее достояніе всѣхъ людей, которые когда-либо существовали, существуютъ и будутъ существовать на свѣтѣ, точнѣе, всѣхъ существъ мыслящихъ или, по крайней мѣрѣ, способныхъ мыслить. Всякій человѣкъ, какъ мыслящее существо, причастенъ истинѣ. И въ каждомъ изъ нихъ содержится разумъ. При этомъ разумъ—это не душа, т. е, по тогдашнимъ понятіямъ, болѣе или менѣе матеріальная, такъ сказать, прозрачная, пневматическая субстанція, помѣщающаяся гдѣ-то внутри человѣческаго тѣла и покидающая его при смерти, причемъ, какъ увѣрялъ Гомеръ [1]), слышенъ даже шорохъ и виденъ дымъ. Это также не психологическое явленіе личной или коллективной жизни сознанія людей. Это—свободная отъ какихъ бы то ни было мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ неизмѣнная и вѣчная, трансцендентальная совокупность абсолютно достовѣрныхъ принциповъ. Образцами такого рода принциповъ Платонъ считалъ геометрическія и вообще математическія положенія. Въ діалогѣ „Менонъ" онъ показалъ или, по крайней мѣрѣ, старался показать на примѣрѣ мальчика, какъ каждый человѣкъ самъ собою [2]), своимъ умомъ можетъ дойти до геометрическихъ истинъ, какъ бы припомнить ихъ [3]). Такимъ образомъ разумъ есть нѣчто общее всѣмъ людямъ. Это однако вовсе не значитъ, что, не мудрствуя лукаво, истиною слѣдуетъ признать все то, въ чемъ

[1]) Иліада XXIII, 100.

[2]) Менонъ 85Д.

[3]) Нѣчто аналогичное дѣйствительно случилось съ Паскалемъ въ дѣтствѣ, о чемъ упоминалось уже выше (стр. 22 и 62), а также съ Баадеромъ, который, какъ сообщаетъ его біографъ, въ семилѣтнемъ возрастѣ при видѣ геометрическихъ фигуръ изъ полуидіота превратился въ понятливаго мальчика (См. Franz von Baader's sämtliche Werke, Leipzig, 1851—1860, т XV, стр. 25).

согласны между собою всѣ люди или по крайней мѣрѣ большинство людей. Такой коллективный, статистическій consensus, такая communis opinio, такой плебисцитъ, такое, по позднѣйшему ученію Викентія Лиринскаго [1]), католическое удостовѣреніе истины, какъ бы долго оно ни продолжалось, есть опять таки не болѣе какъ эмпирическій и преходящій фактъ, нисколько не устанавливающій настоящей научной достовѣрности: наука судитъ не по количеству [2]) и, какъ говорилъ Сократъ, только глупости свойственно рѣшать серьезные вопросы путемъ баллотировки [3]). То, въ чемъ согласны между собою нѣкоторые, многіе, даже всѣ люди или по крайней мѣрѣ нѣкоторые, многіе или всѣ ученые, можетъ быть признано вѣроятнымъ [4]). Но вѣроятность — это еще далеко не полная достовѣрность. Сколько головъ, столько умовъ. Но истина едина. И она находится или по крайней мѣрѣ должна находиться въ умѣ каждаго человѣка. Она находится implicite, подобно тому какъ въ каждой глыбѣ мрамора находится возможное изваяніе. Слѣдуетъ, значитъ, извлечь ее. Каждый человѣкъ чреватъ ею. Слѣдуетъ, значитъ, родить ее. Она есть какъ бы воспоминаніе. Слѣдуетъ, значитъ, вспомнить ее.

Такимъ образомъ возникалъ вопросъ о методѣ. Наиболѣе истинною [5]) и даже единственною [6]) методою для того, чтобы дать и доказать разумъ [7]), Платонъ объявилъ діалектику, т. е., въ отличіе отъ софистической эристики, добросовѣстный и методическій споръ, который, какъ онъ вѣрилъ, непремѣнно долженъ привести къ тому, что отпадетъ все субъективное и останется вѣчная, неизмѣнная разумная истина. Только

[1]) Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est.

[2]) Лахесъ 184Е.

[3]) Ксенофонтъ, Memorabilia, I, II, 9.

[4]) Аристотель, Топика, I, I.

[5]) Филебъ 58А.

[6]) Республика 533С.

[7]) Республика 531Е: δοῦναί τε καὶ ἀποδέξασθαι λόγον.

діалектика, училъ Платонъ, путемъ постепеннаго восхожденія отъ спорнаго къ безспорному можетъ довести нашу мысль до вершины всѣхъ наукъ и ихъ послѣдней цѣли [1]), именно до самого разума [2]), до самой истины [3]), до самого начала [4]), до начала всего [5]), т. е. до такого аксіоматическаго принципа, который не нуждался бы ни въ какихъ рѣшительно предпосылкахъ и посему соединялъ бы абсолютную достовѣрность съ абсолютною апріорностью [6]). И только въ такомъ случаѣ возможна настоящая наука, какъ своего рода цѣпь, держащаяся желѣзными и алмазными разсужденіями, которыхъ никакая человѣческая сила не можетъ разорвать.

Такъ ясно и просто рѣшалась проблема въ теоріи. Истина едина и заложена во всѣхъ мыслящихъ и разсуждающихъ умахъ. Поэтому достаточно поспорить съ другими людьми, а то и съ самимъ собою [7]), но поспорить не „антилогически" [8]), какъ софисты, а строго методически и съ добросовѣстнымъ намѣреніемъ найти истину—и всѣ сомнѣнія, всѣ разногласія непремѣнно должны отпасть, а истина на основаніи такой своеобразной методы остатковъ должна раскрыться во всѣхъ умахъ съ одинаковою достовѣрностью и съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ.

Однако когда Платонъ приступилъ къ осуществленію этой методологической программы, когда онъ захотѣлъ путемъ діалектической индукціи взойти къ аксіомамъ, дистиллировать чистый разумъ въ человѣческомъ умѣ, то получилось нѣчто неожиданное, совсѣмъ не входившее въ эту программу. Единая, однозначная, всеобщая, равная и явная для

---

[1]) Республика 534E.
[2]) Республика 531E: αὐτὸς ὁ λόγος.
[3]) Республика 533A: αὐτὸ τὸ ἀληθές.
[4]) Республика 533D: ἐπ'αὐτὴν τὴν ἀρχήν.
[5]) Республика 511B: ἐπὶ τὴν τοῦ παντὸς ἀρχήν.
[6]) Республика 510B: ἐπ' ἀρχὴν ἀνυπόθετον.
[7]) См. опредѣленіе діалектики въ Θеэтетѣ 189E.
[8]) Республика 454A.

всѣхъ истина все ускользала отъ попытокъ настигнуть ее. Пути ея, вмѣсто того чтобы все болѣе и болѣе сходиться, совсѣмъ напротивъ, расходились въ разныя стороны. И діалектическое изслѣдованіе или запутывалось въ антиноміяхъ или же возвращалось назадъ, къ исходнымъ положеніямъ, такъ и не выходя изъ круга утвержденій еще не доказанныхъ. Діалектика Платоновыхъ діалоговъ остается по большей части безрезультатною, если не считать чисто отрицательнаго результата, именно установленія самимъ авторомъ полнаго несоотвѣтствія между искомою достовѣрностью и всѣмъ ходомъ изслѣдованія [1]).

Такое отсутствіе непосредственнаго результата, правда, отчасти входило въ сознательное намѣреніе Платона. Онъ не былъ бы грекомъ, если бы отказывалъ себѣ въ удовольствіи задавать на досугѣ самому себѣ и своимъ друзьямъ умственныя пирушки [2]), предаваться діалектическому спорту съ тѣмъ азартомъ, съ какимъ тогда, главнымъ образомъ въ Аѳинахъ, этомъ притонѣ мудрости [3]), было принято спорить до упаду о самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ, даже на площадяхъ и пирахъ, единственно изъ любви къ спору; спорить съ жаромъ безпримѣрнымъ во всемірной исторіи, если впрочемъ не считать преувеличеннаго, надо полагать, сообщенія Упанишадъ о томъ, что въ древней Индіи на публичныхъ философскихъ

---

[1]) См., напримѣръ, Протагоръ 361A и C, Лахесъ 199E; Θеэтетъ 210C, Хармидъ 169C. Въ діалогахъ сомнительной подлинности такое несоотвѣтствіе представляетъ даже общее правило: Гиппій Младшій 369C, 376C, Евтифронъ 11B, 15C и D, Лизисъ 222C и D.

[2]) Республика 458A. Это хорошо понималъ Монтэнь: Platon me semble avoir aymé cette forme de philosopher par dialogues, à escient, pour loger plus decemment en diverses bouches la diversité et variation de ses propres phantasies (Essais, L. II, Ch. XII, т. I, стр. 475 изданія Леклерка).

[3]) Протагоръ 337D.

состязаніяхъ побѣжденнымъ рубили головы, побѣдителямъ же цари отдавали свои царства въ управленіе, а самихъ себя въ рабство.

Но въ задачу Платона входило и нѣчто большее. Въ отличіе отъ Сократа и даже, какъ увѣрялъ по крайней мѣрѣ Цицеронъ, вопреки ему [1]) онъ хотѣлъ создать систематическую раціональную науку съ опредѣленнымъ содержаніемъ, добытымъ путемъ діалектики. И вотъ это его намѣреніе въ сущности осталось невыполненнымъ. Платонъ такъ и не нашелъ той научной истины, которую онъ такъ упорно искалъ, гуляя вмѣстѣ со своими совопросниками „въ лѣсахъ Академа" [2]), если не считать геометріи, которую онъ едва ли не впервые во Греціи оцѣнилъ не утилитарно, а теоретически, какъ науку о вѣчно сущемъ [3]), а также приписываемой ему позднѣйшими показаніями т. н. аналитической методы въ математикѣ. Кромѣ того, какъ это особенно подчеркиваетъ марбургская школа неокантіанцевъ [4]), онъ, повидимому, понималъ, что настоящее доказательное естествознаніе можетъ быть только математическою наукою. Но вслѣдствіе низкаго уровня тогдашней физики и математики ему только и оставалось, что критиковать съ точки зрѣнія такого неосуществленнаго методологическаго идеала тѣ наивныя ученія о природѣ, которыми пробавлялась традиціонная „физіологія". И въ общемъ, если судить не по замысламъ, а по

---

[1]) Academ. post. I, IV, 17. Ita facta est, quod minime Socrates probabat, ars quaedam philosophiae et rerum ordo et descriptio disciplinae.

[2]) Горацій, Epist. L. II, II, 45.

[3]) Республика 527B.

[4]) См. H. Cohen, Platons Ideenlehre und die Mathematik, 1878; Kants Theorie der Erfahrung, Zweite Auflage, Berlin, 1885, стр. 9 и слѣд.; P. Natorp, Platos Ideenlehre, Leipzig, 1903; E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit, I Band, Berlin, стр. 42 и слѣд.; N. Hartmann, Platos Logik des Seins, Giessen, 1909.

результатамъ, то приходится признать, что Платонъ такъ и остался только искателемъ истины. Быть можетъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ, въ этой благородной незавершенности слѣдуетъ искать разгадку того художественнаго обаянія и того вѣчно живого философскаго интереса, который донынѣ возбуждаютъ его діалоги несмотря на ихъ подчасъ головоломную діалектику. Какая благодарная задача еще и для нашей современности рѣшать или по крайней мѣрѣ продолжать споры, начатые Платономъ и прерванные имъ иногда на самомъ интересномъ мѣстѣ! „Теперь—говоритъ въ заключеніи одного изъ такихъ споровъ его герой Сократъ—мнѣ слѣдуетъ отправиться въ царскій портикъ [1]), чтобы дать отвѣтъ по обвиненію Мелита. Но завтра, Θеэтетъ, мы съ тобою опять потолкуемъ" [2]). Больше однако уже не пришлось потолковать.

Такимъ образомъ діалектика привела не къ пріобрѣтенію аксіомъ путемъ логической индукціи, а къ распаденію проблемъ на болѣе или менѣе противорѣчащія другъ другу точки зрѣнія и рѣшенія [3]). Этимъ однако дѣло еще не ограничилось. Кромѣ безплодности, діалектика отчасти привела

---

[1]) Т. е. въ зданіе суда.

[2]) Θеэтетъ 210D.

[3]) Въ этомъ именно смыслѣ сохранилось значеніе діалектики и донынѣ. Такъ, напримѣръ, Кантъ, утверждая, что метафизическія проблемы это такія проблемы, на которыя съ одинаковою степенью доказательности или, вѣрнѣе, бездоказательности можно давать противоположные отвѣты, назвалъ именно вслѣдствіе этого эти проблемы діалектическими. Когда Гегель, провозгласивъ тождество процессовъ мысли и процессовъ бытія, объявилъ, что этотъ общій, единый процессъ совершается путемъ борьбы противоположностей, онъ назвалъ этотъ процессъ діалектическимъ. Подобнымъ же образомъ и Карлъ Марксъ назвалъ діалектическимъ изображаемый имъ процессъ экономической борьбы общественныхъ классовъ. Словомъ, съ тѣмъ или инымъ оттѣнкомъ, логическимъ, онтологическимъ или соціальнымъ, діалектика сохранила донынѣ одно общее безспорное значеніе борьбы противоположныхъ началъ.

еще и къ отрицательнымъ послѣдствіямъ, именно къ метафизикѣ. Платонъ изображалъ свои идеи не только какъ аксіомы, какъ раціональные принципы, не зримые, мыслимые [1]), представляющіе не болѣе какъ помыслы или ноумены—νοούμενα μόνον [2]). Онъ шелъ гораздо дальше. Отчасти для большей наглядности и образности, отчасти же и по преимуществу вслѣдствіе неуспѣха своихъ строго научныхъ и методическихъ попытокъ построить систему достовѣрнаго знанія съ одной стороны и своего неудержимаго влеченія къ метафизической „прекрасной опасности" (καλὸς κίνδυνος) съ другой —онъ изображалъ идеи какъ таинственныя реальности, имѣющія какое-то сверхъестественное бытіе въ сверхчувственномъ мірѣ. Я говорю, училъ онъ, что данный предметъ красивъ; я называю данное изваяніе, даннаго живого человѣка красивымъ; значитъ, я приписываю всей этой разнородной массѣ предметовъ общее свойство красоты; значитъ, я выдѣляю ихъ въ особую группу красивыхъ предметовъ. Что же такое красота сама по себѣ, во всей своей чистотѣ? Вмѣсто того, чтобы просто признать ее общимъ признакомъ соотвѣтственныхъ предметовъ, Платонъ объявилъ, что красота и т. п. понятія это—чистыя идеи, совершенно свободныя отъ всего конкретнаго, эмпирическаго. Однако, утверждалъ онъ, онѣ реальны. Если онѣ реальны, то онѣ существуютъ.

---

[1]) Республика 507B.

[2]) Тимей 51D. Утвержденіе марбургскихъ неокантіанцевъ, что главною и даже единственною задачею Платонова идеализма было исканіе только такихъ, трансцендентальныхъ принциповъ положительнаго знанія все еще остается спорнымъ (см., напримѣръ, по поводу книги Наторпа возраженія Г. Гомперца въ статьѣ Platons Ideenlehre, Archiv für Geschichte der Philosophie, Band XVIII, Heft IV) несмотря даже на ту своеобразную поддержку, которую оно встрѣтило со стороны сторонниковъ статистическаго или стилометрическаго изученія діалоговъ Платона (см., напримѣръ, W. Lutoslawski, Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie des dialogues de Platon, Paris, 1896, стр. 31).

Если онѣ существуютъ, то онѣ имѣютъ нѣкоторое бытіе. Но это бытіе, объяснялъ Платонъ, есть нѣчто иное, высшее въ сравненіи съ бытіемъ предметовъ чувственнаго міра. И сообразно съ этимъ, въ духѣ іерархическаго міровоззрѣнія древнихъ, Платонъ помѣщалъ идеи въ какомъ-то таинственномъ надміровомъ эмпиреѣ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы добыть чистыя идеи путемъ доказательства, или же вмѣсто того, чтобы ввиду невозможности этого признать ихъ просто общими родовыми понятіями, имѣющими бытіе только in rebus, какъ выражались средневѣковые схоластики, Платонъ надстроилъ надъ міромъ вещей, (supra res, по ихъ же выраженію), надъ міромъ опыта какіе-то новые мистическіе предметы. И онъ предлагалъ созерцать эти таинственные предметы съ такимъ же восхищеніемъ и удивленіемъ, съ какимъ первые греческіе метафизики созерцали открывавшуюся передъ ними картину физическаго мірозданія. Эта совсѣмъ уже метафизическая сторона Платоновой философіи имѣла больше успѣха, чѣмъ его чисто научная методологія. И благодаря ей онъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ величайшихъ метафизиковъ, не столько мыслителя, стремившагося къ доказательному знанію, сколько мечтателя и фантазера, котораго неудержимо влекло къ себѣ все сверхчувственное и сверхъестественное. Увѣряютъ, что только въ сферѣ мистическаго и неземного онъ чувствовалъ себя вполнѣ дома; только въ ней видѣлъ онъ свою настоящую родину; о ней онъ, подобно Лермонтовской „младой душѣ", принесенной ангеломъ на землю, хранилъ смутныя воспоминанія въ своемъ сердцѣ; къ ней онъ рвался назадъ изъ міра печали и слезъ; только она была для него дѣйствительнымъ, реальнымъ, настоящимъ міромъ; окружающую же насъ конкретную реальность онъ, не хуже чѣмъ индійскіе отшельники, считалъ не болѣе какъ призракомъ, иллюзіею, мечтою или, выражаясь ихъ терминомъ, порожденіемъ нашей авидіи, т. е. невѣдѣнія. Уже въ „Метафизикѣ" ученика Платона Аристотеля его теорія идей именно такъ характеризуется и именно за это отвергается.

II.

Такимъ образомъ діалектическій раціонализмъ Платона—это раціонализмъ пока еще только ищущій истину: ἔστι δὲ ἡ διαλεκτικὴ πειραστικὴ πέρὶ ὧν ἡ φιλοσοφία γνωριστική, поясняетъ Аристотель [1]). Платонъ или совсѣмъ не находитъ транссцендентальной истины—и только тогда онъ остается раціоналистомъ—или же находитъ ее въ транссцендентномъ эмпиреѣ, въ метафизическомъ мірѣ иностазированныхъ идей—но тогда онъ уже перестаетъ быть раціоналистомъ: тогда онъ становится поэтомъ и фантазеромъ, un poëte descousu, какъ иронически выразился Монтэнь [2]).

Новый типъ раціонализма мы встрѣчаемъ у Аристотеля. Это—раціонализмъ нашедшій, какъ онъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ, истину. Истина найдена. И посему вмѣсто діалектической индукціи выступаетъ дедукція и систематика. Вмѣсто того, чтобы отъ извѣстнаго, но недостовѣрнаго, восходить къ неизвѣстному, но единственно истинному, начинаютъ выводить всѣ послѣдствія изъ истинъ уже извѣстныхъ. Философія торжествуетъ. Но торжество преждевременно. Раціонализмъ пока все еще познаетъ, дедуцируетъ и систематизируетъ не объективный міръ вещей, а терминологическій міръ понятій, возведенныхъ на степень сущихъ реальностей. Наступаетъ царство терминологическаго раціонализма. Этотъ раціонализмъ опирался на философію Аристотеля и въ теченіе полутора слишкомъ тысячелѣтій питался его воззрѣніями. Необходимо поэтому нѣсколько остановиться на нихъ.

---

[1]) Метафизика III, 2 (по изданію Firmin Didot).

[2]) Essais, L. II, Ch. XII, т. I, стр. 503 изданія Леклерка.

Дѣло, недовершенное Платономъ, довелъ до конца его ученикъ, пришедшій къ нему изъ Стагиры и такъ долго внимавшій его діалектическимъ бесѣдамъ. Но завершилъ онъ въ такой формѣ, которая не особенно порадовала бы учителя. Аристотель значительно упростилъ свою философскую задачу. Тѣ первые принципы науки, которые Платонъ искалъ такъ мучительно, онъ объявилъ недоказуемыми и во всякомъ случаѣ недостижимыми путемъ діалектической индукціи. Принципъ—это непосредственное положеніе, πρότασις ἄμεσος [1]). Только тогда онъ можетъ быть настоящимъ началомъ (ἀρχή) науки. То, къ чему Платонъ стремился взойти критическимъ путемъ, Аристотель беретъ догматически какъ нѣчто не нуждающееся въ предварительномъ разслѣдованіи. „Очевидно—увѣряетъ онъ [2]),—что относительно высшаго принципа знанія не можетъ быть науки". Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ коренной проблемы познанія, Аристотель всецѣло свелъ дѣло раціоналистической науки къ формально-логической дедукціи, къ силлогистикѣ. „Мы утверждаемъ—училъ онъ въ своихъ лицейскихъ лекціяхъ [3]),—что мы знаемъ посредствомъ выведенія". И онъ какъ бы извинялся передъ своими слушателями, когда ему не удавалось дедуцировать тотъ или иной предметъ своихъ лекцій [4]).

Такое довѣріе къ апріорнымъ, бездоказательнымъ принципамъ чрезвычайно облегчило Аристотелю рѣшеніе научныхъ и, въ частности, физическихъ проблемъ. Именно, онъ безъ доказательства принялъ и развилъ общіе принципы моральнаго міровоззрѣнія и затѣмъ съ легкимъ сердцемъ и самоувѣренностью догматика сталъ дедуцировать утвержденія, едва ли особенно рекомендующія его сравнительно недавно пріобрѣтенную репутацію опытнаго изслѣдователя: почки совсѣмъ

---

[1]) Analyt. post. I, II.

[2]) Этика VI, 6, цитируемъ по переводу Э. Л. Радлова.

[3]) Analyt. post. I, II.

[4]) Этика I, III (I); Политика VII, VI.

не необходимы и существуютъ единственно ради красоты [1]); температура тѣла у самцовъ выше, чѣмъ у самокъ; температура правой стороны тѣла выше, чѣмъ лѣвой [2]); у самцовъ больше зубовъ, чѣмъ у самокъ; у птицъ нѣтъ сердцебіенія, этой будто бы исключительной привилегіи людей и т. д. Очевидно, Аристотель здѣсь является не научнымъ, основывающимся на опытѣ изслѣдователемъ, а метафизическимъ и апріорнымъ систематикомъ. И пріемами своей работы онъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Альбертъ Ланге [3]), напоминалъ Гегеля, который не напрасно съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчалъ у него преобладаніе спекуляціи [4]).

Убѣжденный, что принципы хотя и недоказуемы, но знакомы намъ и что въ нихъ implicite заложено все наше знаніе безъ остатка, Аристотель полагалъ, что ученымъ, собственно говоря, или ничего не остается больше дѣлать или же остается только выводить частности и включать ихъ въ общую систему науки. Aristoteles, писалъ Цицеронъ [5]), ait se videre brevi tempore philosophiam plane absolutam fore. Относительно политической науки онъ категорически утверждалъ, что въ ней найдено и извѣстно уже все, что вообще можно узнать въ этой области [6]). Результаты такого преждевременнаго оптимизма „учителя, который знаетъ все", какъ выражался объ Аристотелѣ Данте, извѣстны. Изъ-за

---

[1]) См. по этому поводу R. Eucken, Die Methode der aristotelischen Forschung in ihrem Zusammenhang mit den philosophischen Grundprincipien des Aristoteles, Berlin, 1872, стр. 75.

[2]) Тамъ же, 142; ср. E. Laas, Idealismus und Positivismus, Berlin, 1879—1882, I, 107.

[3]) Исторія матеріализма, см. стр. 55 второго изданія русскаго перевода Н Н. Страхова (1899 г.).

[4]) Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Werke, XIV, 279.

[5]) См. по этому поводу Ch. Huit, La philosophie de la nature chez les anciens, Paris, 1901, стр. 465.

[6]) Πάντα γὰρ σχεδὸν εὕρηται (II, II; ср. VII, IX).

готовыхъ, будто бы исчерпывающихъ дѣйствительность схемъ Аристотель упустилъ изъ виду много чрезвычайно важныхъ явленій дѣйствительности. Такъ, въ „Политикѣ", т. е. той именно области, гдѣ уже будто бы все исчерпано, онъ пользовался схемами и понятіями столь тѣсно связанными съ государствомъ-городомъ, что его ужасало своимъ многолюдствомъ Платоново идеальное государство въ 5040 семействъ и что онъ считалъ націю понятіемъ гораздо болѣе обширнымъ, чѣмъ государство. И такимъ образомъ онъ совершенно проглядѣлъ происходившій на его же глазахъ грандіозный умственный и политическій кризисъ. Узкія рамки государства-города съ его замкнутымъ нетерпимымъ міровоззрѣніемъ, жертвою котораго палъ даже такой мирный обыватель какъ Сократъ, съ его эгоистическимъ и мелкимъ соціальнымъ строемъ, переростались и преодолѣвались все болѣе и болѣе расширявшимся размахомъ эллинской культуры. Отчасти благодаря завоеваніямъ Александра, который превзошелъ Аристотеля, своего учителя, широтою если не образованія, то политическаго кругозора, эта культура уже при жизни философа изъ Стагиры стала принимать универсальный и даже, по тогдашнему масштабу, всемірный характеръ. Она становилась универсальною не только географически, распространяясь на македонскій сѣверъ, малоазіатскій востокъ и египетскій югъ. Универсальною она была духовно, что столь ярко выразилось вскорѣ въ философіи стоиковъ. Универсальною она была, наконецъ, и политически, создавъ одну изъ тѣхъ четырехъ міровыхъ державъ, на которыхъ, въ связи съ извѣстнымъ сномъ Навуходоносора, стали впослѣдствіи строить философію исторіи. И вотъ все это Аристотель, можно сказать, совершенно проглядѣлъ. Занятый абстрактными схемами и вслѣдствіе отсутствія таковыхъ, вслѣдствіе отсутствія общихъ понятій пренебрегая исторіею какъ наукою [1]), онъ и въ данномъ

---

[1]) Поэтика, IX.

случаѣ едва ли оправдалъ свою репутацію эмпирика и наблюдателя. Эмпиризма, т. е. въ данномъ случаѣ историзма ему хватило ровно настолько, чтобы возвести въ абстрактныя и, какъ онъ, повидимому, былъ убѣжденъ, разъ навсегда замкнутыя и исчерпывающія понятія кое что бывшее—подобно знаменитому „бытію чего-то бывшаго" (τό τί ἦν εἶναι) его метафизики.

Мы видимъ такимъ образомъ, что какъ взглядъ самого Аристотеля на сущность и задачу абстрактной науки, такъ и его собственные пріемы изслѣдованія далеко не всегда оправдываютъ его репутацію индуктивнаго изслѣдователя, эмпирика и экспериментатора. Впрочемъ репутація эта пріобрѣтена имъ сравнительно недавно – собственно только въ XIX столѣтіи, приблизительно тогда же, когда, какъ упоминалось выше (на стр. 94), Спиноза изъ атеиста былъ превращенъ въ пантеиста [1]). Только тогда философъ, утверж-

[1]) Она была ему создана въ значительной степени Контомъ. Онъ объявилъ святымъ (Catéchisme positiviste, Paris, 1852, стр. 332) „великаго Аристотеля" (Cours de philosophie positive, quatrième édition, V, 184, 323), „вѣчнаго князя настоящихъ мыслителей, несравненнаго Аристотеля" (Catéchisme, стр. XI). Въ канонизаціи Аристотеля Контомъ еще не было ничего новаго и неожиданнаго: собирались же еще въ средніе вѣка причислить его къ лику святыхъ. Но совершенно новымъ было основаніе, на которомъ Контъ заносилъ его въ свои святцы. Именно, Аристотель объявлялся однимъ изъ первыхъ и главныхъ позитивистовъ и эмпиристовъ. Такъ понималъ стагирита Контъ не только въ тѣхъ своихъ книгахъ „второго періода", которыя пріемлются только небольшою частью его послѣдователей, а большинствомъ позитивистовъ отвергаются какъ неканоническія. Такъ понималъ онъ его и въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи": Аристотель, оказывается, понималъ философію совершенно такъ же, какъ и Контъ (томъ I, стр. 5 четвертаго изданія); и отъ Платона онъ отличается какъ „позитивистъ" отъ метафизика (томъ V, стр. 388). Хотя Аристотель принципіально отвергалъ исторію какъ науку, Э. Бутру увѣрялъ, что онъ—прежде всего историкъ: Aristote est tout d'abord historien (см. Etudes d'histoire de la philo-

давшій, что объ эмпиріи, какъ таковой, не можетъ быть строгой науки, что „путемъ чувственнаго воспріятія невозможно знать что-нибудь доказательное" [1]) и даже вообще знать что бы то ни было [2]), сталъ прославляться какъ эмпиристъ и натуралистъ. До того же времени онъ пользовался совершенно иною репутаціею абстрактнаго и дедуктивнаго мыслителя. Именно за это его прославляли въ средніе вѣка. И именно за это его осуждали представители физическаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки въ характеризуемую нашимъ изслѣдованіемъ эпоху.

Если всякаго рода „субтильные" и „тонкіе" доктора средневѣковья почитали Аристотеля какъ философа—единственнаго истиннаго философа, подобно тому какъ книги священнаго писанія долго считались единственными „книгами" (βιβλία),—то конечно не потому, что видѣли въ немъ античнаго Милля или Спенсера, а потому, что онъ какъ нельзя лучше удовлетворялъ тогдашней философской потребности въ апріорной по формѣ, хотя бы и метафизической по содержанію системѣ. Ссылаясь на его авторитетъ, средневѣковые схоластики превратили дѣло раціоналистической философіи въ формально-логическія операціи надъ понятіями, надъ тер-

sophie, Paris, 1901, стр. 112). Подобнымъ же образомъ и Гильденбрандъ находитъ у Аристотеля „историческое" и вообще „эмпирическое направленіе" съ преобладаніемъ „индукціи" (см. Geschichte und System der Rechts-und Staatsphilosophie, I Band, Leipzig. 1860, стр. 254 и 253). Такъ мѣняется судьба философовъ и ихъ оцѣнка! Какъ не согласиться послѣ этого съ Лукреціемъ (1275 sq.):

> Sic volvenda aetas commutat tempora rerum:
> Quod fuit in pretio, fit nullo denique honore;
> Porro aliud succedit, et e contemptibus exit,
> Inque dies magis appetitur, floretque repertum
> Laudibus, et miro est mortales inter honore.

[1]) Analyt. poster. I, XXXI.
[2]) Тамъ же: οὐδὲ δι' αἰσθήσεως ἐστιν ἐπίστασθαι.

минами. Какъ бы тщательно ни отграничивали они понятія другъ отъ друга по принципу qui bene distinguit, bene docet, какъ бы аккуратно они ни распредѣляли ихъ въ іерархическомъ порядкѣ при посредствѣ опредѣленій per genus et differentiam, т. е., въ сущности, классификаціи, они работали не надъ дѣйствительностью, а надъ терминами, надъ міромъ общихъ понятій (universalia), признававшихся чѣмъ-то реальнымъ, какими-то конкретными существами (entia). Явленіе считалось познаннымъ, когда ему находили названіе— вродѣ того „теплорода", на которомъ еще недавно успокаивались физики. Тщательно классифицированная, подведенная подъ роды и виды система такихъ названій и считалась раціональною системою науки въ ту эпоху, когда появилось новое физическое міровоззрѣніе. Тотъ раціонализмъ, который оно застало, былъ чисто терминологическимъ раціонализмомъ. И вотъ оно рѣшительно вооружается противъ такого раціонализма

Quoi qu'en dise Aristote et sa docte cabale.

Оно отказывается, какъ выражался Джордано Бруно, universalia logica conflare, quae ex distinctis infimis speciebus confusas medias exque iis confusiores supremas captant [1]). Оно стремится прекратить „несчастный разводъ вещей и словъ", какъ выражался Амосъ Коменскій, стремилось уничтожить терминологическій раціонализмъ. И на его мѣсто оно водворяетъ новый раціонализмъ—позитивный.

[1]) См. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, Band I, стр. 577 и 353.

III.

О теоріи науки раціоналистовъ XVII вѣка писали часто и много. Въ ней находили всякаго рода достоинства и недостатки. И тѣмъ не менѣе большинство писавшихъ не только не оцѣнило одной изъ главныхъ ея особенностей, но даже просто проглядѣло его. Эта особенность—рѣшительный позитивизмъ этой теоріи. Типичная для философскихъ новаторовъ XVII вѣка теорія науки отказывается какъ отъ терминологическаго раціонализма среднихъ вѣковъ, такъ и отъ діалектическаго раціонализма древности. Она не ищетъ истины надъ міромъ или вообще внѣ міра. Для нея истина—это то, что есть въ дѣйствительности. Истина—это бытіе. И познаніе истины—это реальное познаніе, познаніе бытія вещей. Сообразно съ этимъ философія не должна путемъ силлогизмовъ „говорить безъ сужденія о невѣдомыхъ вещахъ" [1]), не должна пускаться въ діалектику и тѣмъ отвлекаться отъ познанія реальнаго міра [2]); настоящій реальный философъ — это не реалистъ въ средневѣковомъ, схоластическомъ смыслѣ, считающій, въ отличіе отъ номиналиста,

[1]) Декартъ (Discours de la méthode, Oeuvres, Cousin, I, 140).

[2]) Ea potius est Dialectica, cum doceat nos de omnibus rebus diserere, quam Logica, quae de omnibus rebus demonstrationes dat. Et sic bonam mentem magis evertit quam adstruit; nam dum nos divertit et digredi facit in hos locos communes et capita, quae rei externa sunt, divertit nos ab ipsa rei natura—писалъ Декартъ (См. Manuscript de Goettingen, Revue bourgignonne de l'enseignement supérieur, 1896, стр. 47).

общія понятія вещами или „природами" [1]); это – изслѣдователь, основывающій свое знаніе на подлинной вещи, re ipsa [2]). Научная философія благодаря этому вступаетъ въ тѣсный союзъ съ положительнымъ знаніемъ. И характеръ философіи XVII вѣка въ значительной степени объясняется характеромъ этого знанія, т. е. прежде всего и по преимуществу новой физики. Если мы обратимся къ ней, мы увидимъ, какъ тѣсно и органически связана съ нею гносеологія и методологія великихъ раціоналистовъ этого вѣка.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія теоріи познанія, новое математическое естествознаніе того времени было замѣчательно тѣмъ, что оно разрѣшало одну изъ наиболѣе рѣзкихъ антиномій научной философіи, именно различіе и даже противоположность реальности и достовѣрности, факта и доказательства, эмпиризма и раціонализма. Законы механики выводились путемъ дедукціи, путемъ доказательства, раціоналистическимъ путемъ: такъ именно рѣшалъ, напримѣръ, Галилей проблему ускоренія движущихся тѣлъ. И тѣмъ не менѣе механика настолько подтверждалась эмпирически, что Кирхгофъ могъ впослѣдствіи съ полнымъ основаніемъ называть ее не болѣе, какъ описательною наукою. Астрономія, въ отличіе отъ прежняго эмпирическаго звѣздочетства, выводила a priori свои положенія (вродѣ вращенія земли вокругъ оси) и за письменнымъ столомъ, такъ сказать, обернувшись спиною къ своду небесному, безошибочно опредѣляла положеніе свѣтилъ на немъ. Путемъ умозрѣнія и умозаключенія она открыла новое небо и новую землю. И оказалось, что именно эта новая вселенная, выведенная путемъ дедукціи, дѣйствительно реальна и что именно она составляетъ дѣйствительную сущность того даннаго нашему чувственному воспріятію міросданія, о которомъ до тѣхъ поръ разсуждали такъ запутанно и невѣрно фактически, потому что основывались на одной эмпирической видимости явленій. Математикъ смотрѣлъ не только на свои отвлеченныя формулы, но также и на реальное небо [1]); и онъ находилъ полное согласіе между ними. Значитъ, устранялась пропасть и противоположность между чистыми идеями разума и матеріальною дѣйствительностью конкретнаго міра. Еще бо́льшимъ методологическимъ тріумфомъ была открытая Декартомъ аналитическая геометрія, дававшая возможность непосредственно переводить чистую математическую мысль въ пространственныя фигуры и, наоборотъ, пространственныя фигуры въ чистую математическую мысль. А такъ какъ для тогдашняго естествознанія, занятаго болѣе кинематикою, чѣмъ динамикою, пространство и движеніе, безъ необходимости или, по крайней мѣрѣ, потребности прибѣгать къ силѣ и матеріи, исчерпывали если не весь физическій міръ, то во всякомъ случаѣ тотъ его, если можно такъ выразиться, геометрическій скелетъ, который прежде всего было необходимо познать, то, значитъ, при посредствѣ чистаго воззрѣнія, чистой интуиціи была совершенно устранена та пропасть между идеями и матеріальнымъ міромъ, которая со временъ Платона такъ озадачивала философовъ. Благодаря всему этому, новое естествознаніе, оставаясь строго положительною наукою,

[1]) Какъ объяснялъ Гокленіусъ, Nominales sunt Philosophi, qui Scientias non de rebus Universalibus, sed de Rerum Communibus vocabulis haberi existimant... His opponuntur Reales, qui contendunt Universalia non tantum esse nomina communia, sed praecipue Res Naturasque communes, (ut Animal) quae primo nominibus communibus significantur, et, verbi gratia, dicunt Animal significat Naturam aliquam, in qua Homo et Bestia conveniunt. Non igitur solum Animalis nomen est Universale, sed et natura animalis (Lexicon philosophicum, 717).

[2]) Чирнгаузенъ писалъ въ предисловіи къ своей Medicina mentis: Philosophi realis nomen illi saltem competit, qui ad tantum pervenit cognitionis gradum, ut re ipsa observet, in sua potestate esse, quicquid incognitum sed humano tamen intellectui pervium est, propriis ingenii sui viribus in lucem producere.

[1]) Mathematici siehe Sternseher, читаемъ мы въ указателѣ книги I. B. Schuppe: Lehrreiche Schriften, 1701.

могло дать поводъ и матеріалъ для позднѣйшей Кантовой „Критики чистаго разума", т. е. теоріи познанія физическаго міра апріорнымъ путемъ. Такимъ образомъ въ естествознаніи XVII вѣка раціоналистическая метода служила, и притомъ весьма успѣшно, средствомъ для осуществленія вполнѣ положительныхъ познавательныхъ цѣлей.

Если эмпирическій матеріальный міръ сводился къ чистымъ идеямъ, то для идей въ свою очередь была найдена достойная форма выраженія въ математикѣ, этой, какъ выразился Кантъ, гордости человѣческаго разума. Уже Платонъ училъ, что настоящее знаніе природы есть знаніе математическое или ему аналогичное. И никто, не знавшій геометріи, не могъ входить въ его академію. Однако это вовсе не значило, что изъ нея выходили съ дѣйствительно математическимъ знаніемъ природы. Изъ нея выносили только сознаніе необходимости такого знанія и чувство безсилія, неудовлетворенности по поводу его отсутствія и неумѣнія создать его. Таково же было настроеніе ученыхъ и философовъ эпохи возрожденія. Нѣтъ ничего достовѣрнаго въ нашей наукѣ, кромѣ нашей математики, но и она представляется загадочною для уловленія твореній Бога, сокрушался, напримѣръ, Николай Кузанскій [1]). Безъ математическихъ доказательствъ я слѣпъ, жаловался и Кеплеръ въ періодъ своихъ исканій. Какимъ же образомъ съ ихъ помощью можно стать зрячимъ, можно при ихъ посредствѣ созерцать матеріальный міръ? Это возможно при условіи созерцанія въ немъ не его болѣе или менѣе таинственныхъ и во всякомъ случаѣ проблемати-

[1]) Omne autem, quod non cadit sub multitudine aut magnitudine, non potest nec concipi nec imaginari, nec de eo phantasma fieri, sic nec precise intelligi. Oportet enim omnem intelligentem, phantasmata speculari, ideo de his potius quia est, quam quid est attingitur. Si igitur recte consideraverimus, nihil certi habemus in nostra scientia, nisi nostram mathematicam, et illa est aenigma, ad venationem operum Dei (Dialogus de Possest. Opera, Basileae, 1565, стр. 259).

ческихъ субстанцій, а его математическихъ отношеній, при условіи замѣны математическими функціями тѣлесныхъ предметовъ и ихъ названій, которыя до тѣхъ поръ такъ тщательно распредѣлялись схоластикою по родамъ и видамъ. Уже александрійскіе ученые пытались замѣнить физическое изученіе неба изслѣдованіемъ его геометрической картины. Новое естествознаніе еще рѣшительнѣе пошло по этому пути. Алфавитомъ для чтенія книги природы оно избрало треугольники и квадраты, круги и шары, конусы и пирамиды. Матерію оно свело къ геометріи: ubi materia, ibi etiam geometria. А геометрію оно, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Декарта, который довелъ дѣло раціоналистическаго знанія до его высочайшей вершины, свело къ анализу. Анализъ отвлеченныхъ величинъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ познаніемъ чувственной природы. Какое торжество раціонализма! Впрочемъ для ближайшихъ задачъ познанія физической картины міра въ XVII вѣкѣ было вполнѣ достаточно геометріи. И анализъ представлялъ уже, собственно говоря, лишнюю роскошь, чрезмѣрно изысканную, философскую тонкость, которая для иныхъ изслѣдователей, и притомъ весьма не заурядныхъ, оказывалась ненужною, иногда даже недоступною. Такъ, напримѣръ, Кеплеръ, повидимому, никакъ не могъ подняться на высоту анализа [1]). Но это нисколько не мѣшало ему сдѣлать такъ много для объясненія міра—въ сущности гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ Декартъ. Впрочемъ, даже и Декартъ не столько занимался геометрическими проблемами, какъ частными случаями, однимъ изъ приложеній болѣе общаго и отвлеченнаго понятія величины, сколько стремился понять и объяснить тѣлесный міръ просто геометрически, какъ движущуюся геометрію. Истиннымъ считалось все очевидное. А очевидность понималась не только въ чисто логическомъ смыслѣ признанія извѣстныхъ сужденій истинными на основаніи правильнаго умозаключенія, но также, и при-

[1]) См. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, Band I, стр. 282 и слѣд.

томъ по преимуществу, какъ созерцаніе, какъ воззрѣніе, какъ интуиція. Понятіе чистаго воззрѣнія, чистаго созерцанія (die reine Anschauung нѣмецкой философской терминологіи), которое занимаетъ такое крупное мѣсто въ философіи естествознанія, только въ XVII вѣкѣ получило строго научный смыслъ. Только тогда оно совершенно освободилось какъ отъ того метафизическаго значенія созерцанія надмірovыхъ идей, которое связывалось съ нимъ еще со временъ Платона, такъ и отъ того мистическаго значенія общенія съ абсолютомъ, которое связывали съ нимъ Валентинъ Вейгель, Бёме и другіе визіонисты. Математическое естествознаніе XVII вѣка, особенно до появленія счисленія безконечно малыхъ величинъ, строилось не столько на анализѣ, сколько на воззрѣніи. Это отразилось и на мысляхъ соціальныхъ философовъ эпохи. Воззрительный, наглядный характеръ геометріи плѣнилъ Гоббеса. Въ своей полемикѣ съ Валлисомъ онъ рѣшительно выступилъ противъ анализа, этой, какъ онъ энергично выразился, „чумы геометріи" [1]); онъ выступилъ за геометрію противъ алгебры. И въ этомъ отношеніи къ нему всецѣло примкнулъ Спиноза [2]).

Такимъ образомъ новая естественная философія оказывалась, по выраженію Лейбница, не чѣмъ инымъ, какъ конкретною математикою [3]). Естествознаніе сводилось къ геометріи. И, какъ настаивалъ Гоббесъ, именно благодаря геометріи, новая наука и новая цивилизація такъ рѣзко отличались отъ прежняго варварства [4]). Идеаломъ науки считалась mathesis universalis, всеобщая, вселенская математика.

[1]) Vita carmine expressa, XCIV: illa Geometriae pestis.

[2]) Cassirer, Band II, Berlin, 1907, стр. 24 и слѣд.

[3]) Physica vero in tantum intelligibilis redditur, in quantum reducitur ad Geometriam... Est enim philosophia naturalis nihil aliud quam mathematica ut ita dicam concreta seu in materia exercita (Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, I Band, 186—7).

[4]) Quicquid denique hodiernum tempus a prisca barbarie distinguit, totum fere beneficium est geometriae. Nam quod physicae debemus, id debet physica eidem geometriae (De Cive. Epistola dedicatoria, Opera II, 137).

Какова наука, такова и теорія науки, по крайней мѣрѣ такая теорія, которая не занимается ни самодовлѣющимъ наукословіемъ ни мечтами о знаніи еще не существующемъ и вмѣсто того оріентируется въ наличномъ, положительномъ знаніи своего времени. Такъ какъ теорія науки философскихъ новаторовъ XVII вѣка имѣла такой именно характеръ, то мы найдемъ ея типичныя черты уже въ только что охарактеризованномъ новомъ естествознаніи. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются три его особенности. Во-первыхъ, оно открыло истину—быть можетъ и неполную, но несомнѣнную. Во-вторыхъ, открыло оно ее только послѣ отказа отъ воспринимаемой нашими чувствами картины міра. Наконецъ, въ-третьихъ, законы міра оно устанавливало путемъ дедукціи. Въ этихъ особенностяхъ содержится implicite вся теорія науки XVII вѣка, именно позитивный раціонализмъ.

Та истина, которую открыла новая наука,—это законы паденія земныхъ тѣлъ (Галилей), движенія небесныхъ планетъ (Кеплеръ) и, наконецъ, объединяющаго и тѣ и другія всемірнаго тяготѣнія (Ньютонъ). Законы эти подтверждались съ такою очевидностью, что ни о какихъ возраженіяхъ не могло быть и рѣчи. Новаторы XVII вѣка не говорили сомнѣвающимся и колеблющимся: бери и читай, какъ это говорили таинственные голоса колеблющимся и сомнѣвающимся въ началѣ средневѣковья. Они говорили: бери и смотри, они предлагали воочію убѣдиться въ истинѣ при посредствѣ телескопа, наблюденія или эксперимента. Особенно несомнѣнно было то, что новый геліоцентрическій взглядъ на міроздание есть истина неопровержимая. Всякія сомнѣнія на этотъ счетъ были свидѣтельствомъ невѣжества или же тенденціознаго нежеланія убѣдиться. Вотъ почему научные новаторы XVII столѣтія рѣшительно протестуютъ какъ противъ тѣхъ ученыхъ и философовъ, которые не признавали этихъ истинъ,

не изучая неба [1]) и не желая его изучать по крайней мѣрѣ при посредствѣ телескопа [2]), такъ и противъ тѣхъ изъ нихъ, которые изъ осторожности признавали эти истины не болѣе какъ гипотезами, хотя и удобными для того, чтобы приблизительно разобраться въ загадкѣ мірозданія, но этой загадки всетаки не рѣшающими. Они требуютъ, чтобы астрономическія вычисленія вполнѣ совпадали съ явленіями дѣйствительности [3]). Хотя ложная Птолемеева гипотеза и спасала эмпирическую видимость явленій [4]), однако это нисколько не значило, что она могла считаться равноцѣнною Коперниковой теоріи. Новаторы XVII вѣка утверждали, что объективная и достовѣрная истина существуетъ. Они искали именно ее и никакъ не могли довольствоваться знаніемъ проблематическимъ или гипотетическимъ. Они не признавали гипотезъ. Они хотѣли знать прямо истину [5]). Стоитъ сопоставить гордое и прямое изреченіе Ньютона: hypotheses non fingo съ полутрусливымъ, полускептическимъ предисловіемъ Озіандера къ книгѣ Коперника, въ которой онъ увѣряетъ, что авторъ предлагаетъ не болѣе какъ гипотезу, которая ни для кого не обязательна, ибо истина вообще недоступна намъ [6]), чтобы оцѣнить XVII вѣкъ во всемъ его научномъ величіи.

---

[1]) Кеплеръ съ негодованіемъ спрашивалъ: Quid ridetis coelestium inexperti philosophastri, rerum imaginariarum copia locupletes, verarum egentissimi? (См. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 564).

[2]) Ср. сказанное на стр. 61 о Кремонини.

[3]) Ut calculus apparentiis, et apparentiae calculo exactissime responderent (Huygens, Oeuvres, I, 187).

[4]) Et quia probe intelligebat, писалъ Гюйгенсъ о Копернике, si per falsas in natura Hypotheses salvari possent apparentiae coelestes, multo melius idem obtineri posse a veris Hypothesibus (тамъ же).

[5]) Кеплеръ писалъ: me totam astronomiam non hypothesibus fictitiis, sed physicis causis... tradere (Opera, ed. Frisch, III, 156); ср. R. Eucken, Beiträge zur Geschichte der neuern Philosophie, Heidelberg, 1886, стр. 71.

[6]) См. Nicolai Copernici Torinensis De revolutionibus orbium coelestium libri VI. Norimbergae, 1543. Предисловіе Ad lectorem de hypothesibus hujus operis: neque enim necesse est, eas hypotheses esse veras, imo ne verisimiles quidem, sed sufficit hoc unum, si calculum observationibus congruentem exhibeant.

Истина была открыта только потому, что новая физика перестала довѣрять эмпирической видимости явленій. Какъ уже упоминалось выше (на стр. 54), она убѣдилась, что ложны не только тѣ Аристотелевы и Птолемеевы теоріи, которыя съ грѣхомъ пополамъ объясняли впечатлѣнія, получаемыя нами путемъ чувствъ о внѣшнемъ мірѣ, но также и эти впечатлѣнія. Оказалось, что настоящій, единственно существующій, истинный объективный міръ совсѣмъ непохожъ на воспринимаемый нашими чувствами міръ—съ неподвижною землею, подвижнымъ солнцемъ, небесною твердью въ видѣ свода, паденіемъ однихъ тѣлъ, поднятіемъ другихъ, движеніемъ однихъ тѣлъ по прямой линіи, а другихъ—по кривымъ и т. д. и т. д. Этотъ единственно сущій, хотя и никогда не являющійся нашимъ чувствамъ міръ—вполнѣ конкретный, въ отличіе отъ надмірового таинственнаго эмпирея Платона и терминологическихъ универсалій схоластики—могъ быть познанъ только при условіи предварительнаго отказа отъ непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій. Не путемъ чувственнаго созерцанія, а путемъ умозрѣнія и умозаключенія можно было установить, что нѣтъ твердаго неба, что земля не неподвижна, что она вращается не только вокругъ солнца, но еще и вокругъ своей оси, что законы движенія тѣлъ всюду одинаковы, какъ въ небесахъ, такъ и на землѣ.

Сообразно съ этимъ тотъ новый міръ подлинной, настоящей объективной дѣйствительности, который открывала новая физика, открывался ею путемъ дедукціи. Когда Декартъ въ своей знаменитой методологической автобіографіи сообщалъ, что онъ предоставилъ весь традиціонный міръ мнѣніямъ и преніямъ школьныхъ педантовъ и въ воображаемыхъ пространствахъ мысленно построилъ совершенно новый

міръ [1]), онъ разсуждалъ не только какъ философъ-раціоналистъ, но также и какъ ученый физикъ. Торжествомъ подобныхъ ему физиковъ было то, что ихъ построенія блестяще подтверждались на опытѣ и такимъ образомъ дѣйствительно выражали подлинную сущность бытія; такъ, напримѣръ, законъ ускоренія падающихъ тѣлъ, выведенный Галилеемъ a priori, какъ нельзя лучше подтверждался эмпирически. Если же нѣкоторыя утвержденія новой физики не могли быть подтверждены, то это вызывалось не ихъ ошибочностью, а просто неумѣніемъ организовать соотвѣтственный опытъ. Такъ, только Фуко въ XIX столѣтіи удалось наглядно доказать сдѣланное еще Коперникомъ утвержденіе, что земля вращается вокругъ своей оси.

[1]) Oeuvres, Cousin, I, 169.

IV.

Всѣ эти особенности новой физики возводятся новою теоріею науки въ гносеологическіе принципы всякаго разумнаго познанія вообще. Прежде всего эта теорія утверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что истина есть. Est Veritas [1]), Veritas est [2]) — таковъ основной принципъ ученія Герберта Чербери объ истинѣ. Истина существуетъ и она познаваема человѣческимъ разумомъ [3]) — къ этому сводится вся теорія познанія XVII вѣка. Какъ она проста и какъ въ сравненіи съ нею безнадежно запуталась въ гносеологической діалектикѣ наша современная философская мысль. Теорія XVII вѣка можетъ показаться наивною. И дѣйствительно она наивна. Но наивна она не наивностью ребенка, принимающаго побасенку или побрякушку за самое цѣнное въ мірѣ, а наивностью генія, для котораго все трудное легко и который непринужденно рѣшаетъ глубочайшія проблемы живой настоящей дѣйствительности Въ гордомъ сознаніи суверенаго обладанія истиною эта теорія не учитъ о непознаваемости міра вообще или по крайней мѣрѣ міра вещей въ себѣ. Она отказывается отъ этого взгляда,

[2]) De veritate, prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili et a falso. Editio tertia, 1656, стр. 9.

[3]) Тамъ же, стр. 260.

[3]) Амосъ Коменскій писалъ: ad scientiam rerum acquirendam omnem hominem aptum nasci patet... hominem natura duce ad omnia penetrare posse (Didactica magna, cap. V, 4 и 8, стр. 41 и 43 лейпцигскаго изданія 1894 г.).

развивавшагося до нея уже нѣкоторыми схоластиками [1]), поддерживавшагося при ней сенсуалистами [2]) и ставшаго послѣ нея, главнымъ образомъ благодаря Канту, краеугольнымъ камнемъ всякой вообще гносеологіи. Отказывается она также и отъ взгляда на человѣческій разумъ какъ на источникъ и сосудъ всяческихъ заблужденій, какъ на нѣчто чрезвычайно слабое, жалкое и безсильное. Словомъ, она отказывается отъ скептицизма. Скептицизмъ, съ его девизами Que sçay ie? (Монтэнь) или Je ne sçay (Шарронъ), разсматриваемый какъ чисто теоретическая доктрина независимо отъ политическихъ и вѣроисповѣдныхъ условій его возникновенія [3]), былъ возможенъ и необходимъ у мыслителей, усомнившихся уже въ традиціонномъ моральномъ міровоззрѣніи и не разобравшихся еще въ новомъ физическомъ міровоззрѣніи. Только такіе мыслители дѣйствительно могли и должны были недоумѣвать, зачѣмъ собственно они вообще пишутъ что бы то ни было—

---

[1]) Онъ встрѣчается уже у Іоанна Скотта Эріугены: Gregorius etiam Theologus multis rationibus nullam substantiam seu essentiam, sive visibilis sive invisibilis creaturae, intellectu vel ratione comprehendi posse confirmat, quid sit. Nam sicut ipse Deus in seipso ultra omnem creaturam nullo intelectu comprehenditur, ita etiam in secretissimis sinibus creaturae ab eo factae et in eo existentis considerata οὐσία incomprehensibilis est. Quicquid autem in omni creatura vel sensu corporeo percipitur, seu intellectu consideratur, nihil aliud est, nisi quoddam accidens incomprehensibile per se, ut dictum est, uniuscujusque essentiae; quae aut per qualitatem, aut quantitatem, aut formam, aut materiem, aut differentiam quandam, aut locum, aut tempus cognoscitur, non quid est, sed quia est. (De divisione naturae, I, 3, Migne, Patrologia latina, CXXII, 443).

[2]) Такъ, напримѣръ, Гассенди противопоставлялъ: secundum naturam—secundum apparentiam. См. по этому поводу R. Eucken Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig, 1879, стр. 85.

[3]) См. о нихъ Arsène Deschamps, La genèse du scepticisme érudit chez Bayle, Liége, 1878. Авторъ видитъ главную причину появленія скептицизма въ „соціальномъ, политическомъ и религіозномъ положеніи XV и XVI столѣтій" (стр. 45).

cur ergo scribo?' вопрошалъ Санхецъ [1])—или же мотивировать свое авторство желаніемъ просто „поиграть перомъ" [2]). Что же касается мыслителей, принявшихъ новое міровоззрѣніе, то они не имѣли рѣшительно никакихъ поводовъ для сомнѣній. Развѣ такіе „Эдипы природы" [3]), какъ Галилей, не исторгали у нея несомнѣнную истину? Развѣ картина міра—новаго, настоящаго, дѣйствительнаго, истиннаго міра—не выяснялась съ очевидностью и, какъ по крайней мѣрѣ казалось, съ полнотою, ничего больше не оставлявшею желать? И сообразно съ этимъ если Гюйгенсъ въ стихотвореніи, написанномъ на смерть Декарта, предлагалъ природѣ облечься въ трауръ, такъ какъ съ его кончиною померкъ также и ея свѣтъ [4]) для людей, то надгробная надпись на могилѣ Галилея не видѣла большой бѣды въ томъ, что онъ ослѣпъ подъ конецъ свей жизни—„ибо въ природѣ уже ничего болѣе не оставалось такого, чего бы онъ не видѣлъ" [5]). Правда, и новое міровоззрѣніе породило скептика, именно Паскаля. Но его скептицизмъ происходилъ не отъ недостатка знанія и

---

[1]) См. Quod nihil scitur, Lugduni, 1581, стр. 24: Quid igitur dicam deinceps quod ignorantiae suspitione vacet? Nihil. Cur ergo scribo?

[2]) См. La Motte Le Vayer, Discours pour monstrer que les doutes de la Philosophie sceptique sont de grand usage dans les sciences, Paris, 1669, стр. 19: Dum nihil habemus majus, calamo ludimus.

[3]) Naturae Oedipo—изъ надписи на гробницѣ Галилея въ церкви Santa Croce во Флоренціи.

[4]) Nature, prends le deuil, et pleure la première
Le grand Descartes!
Quand il perdit le jour, tu perdis la lumière:
Ce n'est qu'à sa clarté que nous t'avons su voir.

[5]) Proprios impendit oculos,
Cum iam nil amplius haberet natura, quod ipse videret.

пониманія, а, напротивъ, отъ его избытка [1]), не отъ неумѣнія найти научную истину, а отъ разочарованія въ ней или, вѣрнѣе, отъ сознанія неразрѣшимости всѣхъ безъ остатка проблемъ, волнующихъ нашу мысль.

Wir tasten ewig an Problemen.

Система новаго міросданія представлялась Паскалю ясною и истинною въ ея общихъ чертахъ [2]). Дальше итти было некуда. Оставались детали міросданія. Сосредоточиваться на нихъ, какъ это дѣлалъ Декартъ [3]), казалось Паскалю дѣломъ мелочнымъ, недостойнымъ философа и даже смѣшнымъ [4]). Мысль жаждала пищи. А наука ея уже не давала. Мысль оказалась шире науки. И вотъ, чтобы дать ей выходъ, Паскаль, такъ сказать, зажмуривъ глаза и очертя голову устремился въ міръ метафизики и даже мистики. Въ этомъ мірѣ онъ нашелъ или по крайней мѣрѣ хотѣлъ найти не только источникъ новаго свѣта, но еще, и даже по преимуществу, источникъ тепла, который согрѣлъ бы его сердце, болѣзненно сжимавшееся въ холодной, разрѣженной атмосферѣ геометрическаго міропониманія. Въ соотвѣтственной степени передъ его усталымъ взоромъ потускнѣлъ свѣтъ научной истины. И вотъ съ точки зрѣнія своихъ новыхъ

[1]) Les sciences ont deux extrémités qui se touchent: la première est la pure ignorance naturelle où se trouvent tous les hommes en naissant. L'autre extrémité est celle où arrivent les grandes âmes, qui, ayant parcouru tout ce que les hommes peuvent savoir, trouvent qu'ils ne savent rien, et se rencontrent en cette même ignorance d'où ils étaient partis (Pensées, Ch. IV, XV, стр. 158 изданія 1869 г.).

[2]) См. выше, стр. 71.

[3]) Ecrire contre ceux qui approfondissent trop les sciences. Descartes (Pensées, Ch. XXIV, XCI, стр. 393 изданія 1869 г.).

[4]) Ib.: Il. faut dire en gros: Cela se fait par figure et mouvement, car cela est vrai. Mais de dire quels, et composer la machine, cela est ridicule.

мистическихъ переживаній онъ сталъ жаловаться на наше ужасающее невѣдѣніе—une ignorance terrible de toutes choses [1]); подобно другимъ скептикамъ эпохи [2]) онъ отвращается отъ естественнаго свѣта разума по направленію къ сверхъестественному озаренію.

Хотя философскіе новаторы XVII вѣка и не были принципіальными скептиками, скептиками во что бы то ни стало, безъ надежды и безъ желанія покинуть путь сомнѣній, однако это далеко не значитъ, что они относились со слѣпымъ догматизмомъ къ тому, что считали истиною. Они очень широко пользовались методическимъ dubito. Они приходили къ знанію черезъ сомнѣніе. И Декартъ простиралъ это сомнѣніе такъ далеко, что распространялъ его даже на свое собственное существованіе, по крайней мѣрѣ какъ существа физическаго. Въ этомъ отказѣ отъ всего воспринимаемаго нашими чувствами съ нимъ единодушны и другіе раціоналисты XVII вѣка; авторы логики Поръ Рояля возобновляютъ предостереженіе бл. Августина: non est judicium veritatis in sensibus [3]). За такой радикализмъ [4]) нерѣдко осуждаютъ этихъ раціоналистовъ. Но если вспомнить, что они шли въ уровень съ тогдашнимъ естествознаніемъ, которое, какъ указано на стр. 151, тоже отказывалось и должно было отказываться отъ привычнаго чувственнаго созерцанія міра, то мы поймемъ и оправдаемъ ихъ: они не могли иначе поступать; и отказывались они отъ чувственнаго воспріятія міра не потому, что они отказывались также и отъ этого міра, а потому, что они хотѣли познать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, а не въ томъ, въ какомъ онъ намъ пред-

[1]) Pensées, Ch. I, стр. 109 изданія 1869 г.

[2]) Такъ, напримѣръ, Пуаре утверждалъ: solum Rationis lumen capax non esse liberandi nos a dubiis (De eruditione triplici solida, superficiaria et falsa, Amstelaedami, 1707, стр. 605).

[3]) La logique ou l'art de penser IV, I, troisième édition, Paris, 1668, стр. 381.

[4]) См. выше, стр. 54.

ставляется: il ne faut pas juger de la nature selon nous, mais selon elle, предостерегалъ Паскаль [1]).

На томъ же основаніи никакъ нельзя осуждать ихъ за то, что они устанавливали истину путемъ дедукціи: въ данномъ случаѣ они тоже дѣйствовали въ полномъ согласіи съ тогдашнею положительною наукою, именно съ математическимъ естествознаніемъ (см. выше, стр. 151). Какъ ни расходились между собою Гоббесъ и Лейбницъ по многимъ вопросамъ гносеологіи, оба они, какъ замѣтилъ Дамиронъ [2]), почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ учатъ о возможности построить положительную науку въ кабинетѣ, такъ сказать, съ закрытыми глазами; и Гоббесъ при этомъ прямо ссылался на астрономію: non enim si coeli aut terrae magnitudines, motusque computamus, in coelum ascendimus, ut ipsum in partes dividamus, aut motus ejus mensuremus, sed quieti in musaeo, vel in tenebris, id facimus [3]).

Такъ какъ апріорныя предположенія и умозрительныя дедукціи новаго естествознанія какъ нельзя лучше оправдывались на практикѣ, то мыслители XVII вѣка вполнѣ естественно пришли къ своему знаменитому тезису о совпаденіи раціональныхъ построеній съ подлинною дѣйствительностью, о тождествѣ мысли и бытія. Если подтвердилась на практикѣ установленная нашимъ разумомъ картина мірозданія, если оправдались эмпирически раціональные законы механики, то, значитъ, человѣкъ со своимъ разумомъ—это не изолированный оазисъ въ міровой пустынѣ, не уродъ во вселенной, не государство въ государствѣ. Это значитъ, что нѣтъ пропасти между человѣческою логикою и логикою мірозданія. Это значитъ, что ошибочно утвержденіе скептиковъ о несоизмѣримости мысли и бытія, о томъ, что частный человѣческій

[1]) Pensées, Ch. XXV, XX, стр. 401.

[2]) Essai sur l'histoire de la philosophie en France, au XVII siècle, Paris, 1846, томъ I, стр. 321.

[3]) De corpore, II, VII, 1, Opera, I, 82.

разумъ обладаетъ только частною юрисдикціею [1]), и что устанавливаемые имъ муниципальные, какъ выражался Монтэнь [2]), законы никогда не могутъ притязать на значеніе законовъ вселенскихъ. Преодолѣвая ненавистное субъективное человѣческое я [3]) путемъ методическаго сомнѣнія, мыслители XVII вѣка приходили къ анонимному безличному разуму, одинаковому у всѣхъ людей: intellectus in omnibus hominibus idem est, училъ Спиноза [4]). И, какъ объяснялъ Декартъ, всѣ науки, вмѣстѣ взятыя, представляютъ не что иное какъ человѣческій разумъ, всегда единый, всегда одинаковый [5]). Содержаніе этихъ наукъ образуютъ истины вѣчныя и неизмѣнныя. Такъ какъ эти науки оправдываются эмпирически, то, значитъ, эти истины существуютъ не только въ нашемъ умѣ, но и во всемъ мірѣ, во всей природѣ: id, quod in intellectu objective continetur, debet necessario in Natura dari [6]). Значитъ, порядокъ и связь идей съ одной стороны, порядокъ и связь вещей съ другой стороны—это не разные и не параллельные ряды, а нѣчто тождественное [7]). Тотъ

[1]) La raison privée n'a qu'une jurisdiction privée, писалъ Монтэнь (Essais, L. I, Ch. XXII, т. I, стр. 89 изданія Леклерка).

[2]) Essais, L. II, Ch. XII, тамъ же, стр. 483.

[3]) Le moi est haïssable, писалъ Паскаль (Pensées, Ch. VIII, VIII, стр. 188 изданія 1869 г.).

[4]) Ethica, Pars II, Prop. XVIII, Scholium, Opera I, 91; тамъ же, Prop. XXXVIII, Corollarium: sequitur, dari quasdam ideas, sive notiones, omnibus hominibus communes (стр. 102). Гоббесъ писалъ: philosophia, id est, ratio naturalis, in omni homine innata est (De corpore I, I, 1, Opera, I, 1) Ср. разсужденія Лейбница о врожденныхъ идеяхъ въ Nouveaux essais (Gerhardt, V, 62 sq.).

[5]) Oeuvres, Cousin, XI, 202. La raison est l'enchaînement des vérités, объяснялъ Лейбницъ.

[6]) Спиноза, Ethica, Pars I, Propos. XXX, Demonstratio, Opera, I, 60.

[7]) Ordo et connexio idearum idem est, ac ordo et connexio rerum, et vice versa ordo et connexio rerum idem est, ac ordo et connexio idearum (Спиноза, Ethica, Pars V, Propos. I, Demonstratio, Opera, I, 242).

разумъ, который открывается наукою въ видѣ фактически подтверждающихся принциповъ и законовъ бытія, не есть только человѣческій разумъ. Это—міровой разумъ, разумъ вселенной. Этотъ разумъ не есть однако какая-то таинственная субстанція вродѣ міровой души „монопсихиста" Аверроэса, которая по особымъ метафизическимъ соображеніямъ [1]) воплощается въ одномъ всего философѣ на весь родъ человѣческій. Это – вполнѣ естественные принципы и законы міра, которые проявляются во всѣхъ предметахъ и людяхъ и посему открыты и очевидны для всѣхъ, у кого есть глаза, чтобы видѣть [2]), и умъ, чтобы соображать. Такъ понятый міровой разумъ открывается какъ въ вещахъ, такъ и въ умѣ съ одинаковымъ содержаніемъ, съ одинаковою очевидностью. Поэтому, будемъ ли мы итти отъ внѣшняго міра къ человѣческому уму или отъ человѣческаго ума къ внѣшнему міру, мы получимъ одинаковый и тождественный результатъ, именно, единую, однозначную истину мірового значенія. Таковъ же будетъ результатъ, если наша мысль замкнется въ самой себѣ и изъ собственныхъ принциповъ начнетъ строить систему знанія. Эта система будетъ основана на интуиціи и дедукціи. Интуиція, очищенная отъ всего субъективнаго, дастъ „чистое воззрѣніе" (die reine Anschauung, какъ выражались впослѣдствіи нѣмецкіе философы), т. е., мысленное созерцаніе чистаго пространства и чистыхъ геометрическихъ формъ. Дедукція дастъ законы отношенія между этими формами и законы движенія. Результаты, которые при этомъ получатся, дадутъ тѣ принципы, на которыхъ построенъ дѣйствительный физическій міръ. И такимъ образомъ система умозрительной науки адэкватно совпадетъ съ системою конкретнаго міра, подтвердится тождество мысли и бытія Воз-

[1]) Именно, каждая потенція должна перейти въ дѣйствительность. Поэтому ex necessitate est, ut sit aliquis philosophus in specie humana. Подъ „философомъ" разумѣлся конечно Аристотель. См. E. Renan, Averroès et l'averroïsme, Paris, 1852, стр. 107.

[2]) См. выше, стр. 63.

раженіе, что бытіе пространственно, а мысль не пространственна, устранялось изобрѣтенною Декартомъ аналитическою геометріею, которая переводила чистую алгебраическую мысль въ пространственныя геометрическія фигуры и наоборотъ. Та пропасть между идеями и дѣйствительностью, которая была создана Платономъ и которая такъ озадачивала его, была такимъ образомъ устранена съ помощью удивительнаго дара Декарта дѣлать невидимое видимымъ и видимое невидимымъ [1]); и принципъ similia similibus cognoscuntur связалъ субъективную мысль съ объективнымъ бытіемъ въ такомъ пунктѣ, гдѣ, казалось, былъ неизбѣженъ полный, ничѣмъ не устранимый разрывъ. Какъ подробнѣе указано въ главѣ IX настоящаго изслѣдованія, вся методологія раціонализма XVII вѣка была построена на воззрѣніи, на созерцаніи образовъ.

[1]) Выраженіе Чемберлена (Immanuel Kant, München, 1905, стр. 196).

V.

Таковы основныя черты теоріи истины философскихъ новаторовъ XVII вѣка [1]). Мы видимъ въ ней счастливое отсутствіе того рокового для теоріи познанія дуализма познающаго субъекта и познаваемаго объективнаго міра, который обрекаетъ ее или на безнадежную діалектику или на метафизическій объективизмъ или же на индивидуалистическій субъективизмъ. Есть объективный міръ. Этотъ міръ закономѣренъ. Иначе говоря, въ немъ есть логика. Человѣкъ—интегральная часть міра съ его логикою, съ его закономѣрностью. Разумъ его способенъ путемъ методическаго изслѣдованія открыть эту логику, стать на высоту разума вещей. Значитъ, наука возможна. Болѣе того, она дѣйствительна. Она уже есть или по крайней мѣрѣ начинается. Остается продолжать начатое дѣло, съ увѣренностью въ закономѣрности міра и въ познавательной силѣ человѣческаго разума.

Въ такой геніально наивной и классически простой постановкѣ раціоналистическая теорія познанія XVII вѣка избавляла умы отъ тягостной діалектики позднѣйшей теоріи познанія. Если первая оріентировалась въ математическомъ естествознаніи, то послѣдняя опиралась на психологію, собственно только на одну ея часть, не вполнѣ отмежевавшуюся отъ физіологіи, именно на процессъ нашего воспріятія чувственныхъ предметовъ. Даны—съ одной стороны наше сознаніе, съ другой стороны—многообразіе предметовъ матеріальнаго міра, представляющихся ему въ видѣ т. н. явленій,

[1]) Частности ея см. въ гл. IX и X настоящаго изслѣдованія.

далеко не адэкватныхъ ихъ независимому подлинному бытію и не исчерпывающихъ его. Спрашивается, каково взаимодѣйствіе этихъ двухъ элементовъ. Или иначе: даны съ одной стороны человѣкъ какъ субъектъ, съ другой стороны—объективный міръ т. н. вещей въ себѣ; и при этомъ по большей части предполагается, что оба эти элемента различны и даже противоположны: у субъекта свой міръ, независимый отъ объекта; у объекта свой міръ, независимый отъ субъекта. Mundus sensibilis и mundus intelligibilis не совпадаютъ. Послѣ этого спрашивается, какъ же въ такомъ случаѣ субъектъ можетъ адэкватно познать или усвоить объектъ. Очевидно, уже самая постановка проблемы, превращающая всякое бытіе въ нѣчто метафизическое, исключаетъ возможность ея разрѣшенія и обрекаетъ вкусившихъ отъ древа теоріи познанія, такъ именно понятой, или на безнадежную діалектику или же на догматическое превращеніе тѣхъ или иныхъ тезисовъ этой діалектики въ положительныя, категорическія утвержденія.

Эти утвержденія могутъ быть сведены къ двумъ типамъ—субъективизму и метафизическому объективизму. Субъективизмъ признаетъ истиннымъ только то, что содержится въ человѣческомъ субъектѣ и что исходитъ отъ него; весь же такъ называемый объективный міръ превращается имъ или въ призракъ, въ ничто, или же въ произведеніе человѣческаго субъекта: die Welt ist meine Vorstellung—этими словами начинается знаменитая книга Шопенгауэра и этими словами должно начинаться всякое построеніе философскаго субъективизма. Метафизическій объективизмъ поступаетъ обратно: онъ объявляетъ, что истина находится внѣ субъекта, что она таинственна, есть вещь въ себѣ, которая или совершенно недоступна субъекту, или сообщается ему путемъ откровенія, озаренія и т. п. болѣе или менѣе сверхъестественныхъ, эмпиріомистическихъ путей или же совсѣмъ уничтожаетъ, поглощаетъ его какъ свою акциденцію, какъ свое проявленіе если не просто какъ ничто, какъ мнимое, призрачное существо; съ точки зрѣнія крайняго догматическаго объекти-

визма находящіеся внѣ нашего сознанія предметы познанія, они же вещи въ себѣ, создаютъ причиннымъ путемъ не только познаніе, но и самого познающаго; это и есть та доктрина, которая подъ названіемъ матеріализма пользуется широкою популярностью и поверхностнымъ умамъ представляется даже неотразимою.

Великіе мыслители XVII вѣка, въ общемъ, старались и умѣли преодолѣвать роковую дилемму такой именно теоріи познанія, утратившей живую связь какъ съ положительною наукою, такъ и съ болѣе непосредственнымъ опытомъ повседневной жизни [1]). Это имъ удалось благодаря тому новому типу раціонализма, который они установили, именно позитивному раціонализму, счастливо преодолѣвавшему опасность субъективизма и метафизики. Такъ какъ сужденія о раціонализмѣ вообще чаще основываются на діалектическомъ раціонализмѣ Платона, терминологическомъ раціонализмѣ средневѣковья или спекулятивномъ раціонализмѣ Фихте, Гегеля и Шеллинга, то этимъ объясняется, почему вообще принято смѣшивать его съ субъективизмомъ [2]). Однако раціонализмъ

[1]) „Я обѣдаю,—жаловался Юмъ—играю въ шашки, весело болтаю съ пріятелями, и когда послѣ 2—3 часовъ развлеченія я возвращаюсь къ этимъ умозрѣніямъ, они представляются мнѣ такими холодными, натянутыми и смѣшными, что я не чувствую ни малѣйшей охоты далѣе въ нихъ углубляться" (см. по этому поводу И. И. Лапшина, Законы мышленія и формы познанія, С.-Петербургъ, 1906, стр. 287). Маколей писалъ: „Сегодня я получилъ переводъ Канта. Я попытался прочесть его, но нашелъ въ высшей степени непонятнымъ, какъ будто бы онъ былъ написанъ по-санскритски. Ни одно его слово не пробудило во мнѣ и подобія мысли, кромѣ латинской цитаты изъ Персія" (См. статью П. Д. Погодина „Маколей какъ историкъ", Историч. Обозрѣніе, т. I, 1890, стр. 95).

[2]) Такъ, напримѣръ, одинъ новѣйшій авторъ пишетъ: Je puis bien donner du rationalisme cette définition dernière: C'est une doctrine ou une tendance qui fait que dans l'homme on ne voit que la raison ou que dans la raison l'on ne voit que l'homme (L. Ollé—Laprune, La raison et le rationalisme, Paris, 1906, стр. 178).

XVII вѣка былъ очень далекъ отъ субъективизма и, какъ мы видѣли [1]), представлялъ тѣсный союзъ умозрѣнія съ опытомъ, былъ философіею положительной, объективной науки. И это чрезвычайно благопріятно отразилось на созданной имъ теоріи познанія.

Тѣмъ не менѣе уже въ томъ же XVII столѣтіи философія стала усвоивать охарактеризованную на стр. 163 безнадежно діалектическую теорію познанія. И это означало начало паденія классической теоріи истины, начало ея вырожденія. Уже нѣкоторые принципы этой теоріи (cogito ergo sum, различіе истинъ разума и истинъ факта и т. п.) были истолкованы въ духѣ психологическаго субъективизма и солипсизма. Нашлись, напримѣръ, чудаки, называвшіеся малебраншистами, которые принимали за вѣроятнѣйшее, что они—единственныя сотворенныя существа [2]). Даже Арно по поводу Мальбранша иронизировалъ надъ умопостигаемыми турками, которыхъ при снятіи осады съ Вѣны прокалывали своими шпагами поляки и нѣмцы [3]). Ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ было отчасти понято какъ поощреніе того произвольнаго апріоризма, который Бэконъ такъ мѣтко уподобилъ занятію паука, изъ самого себя вытягивающаго свои нити, и который рѣшительно осуждался самимъ Декартомъ: въ своихъ „Правилахъ для руководства ума" онъ отказывается отъ солидарности съ „философами, которые, пренебрегая опытомъ, воображаютъ, что истина выйдетъ изъ ихъ мозга, какъ Минерва изъ чела Юпитера" [4]). Позитивный раціонализмъ, опиравшійся на механическое естествознаніе, вслѣдствіе этого недостаточно рѣшительно противопоставлялся гносеологическому субъективизму и спиритуалистической спекуляціи.

[1]) Ср. еще сказанное выше, на стр. 33 и слѣд.

[2]) См. А. Ланге, Исторія матеріализма, второе изданіе русскаго перевода, 1899, стр. 162.

[3]) См. А. Фулье, Декартъ, стр. 263 р. п. 1895.

[4]) Oeuvres, Cousin, XI, 225.

Кромѣ этихъ и другихъ [1]) недоразумѣній по поводу классическаго раціонализма XVII столѣтія, въ томъ же столѣтіи возникла теорія познанія, уже прямо построенная на антитезѣ между человѣческимъ умомъ и внѣшнимъ міромъ. Это именно теорія Локка. Отказываясь отъ тождества мысли и бытія, онъ переноситъ истину во внѣшній міръ и ставитъ человѣческій интеллектъ въ пассивную отъ него зависимость. Вытравляя изъ интеллекта вѣчныя истины и врожденныя идеи, онъ превращаетъ его въ „выскобленную таблицу" (tabula rasa), на которой внѣшній міръ чертитъ свои письмена съ помощью чувственныхъ воспріятій. Къ сенсаціи присоединяется рефлексія. И изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ полупсихологическихъ, полуфизіологическихъ процессовъ получаются „всѣ эти возвышенныя идеи, которыя поднимаются выше облаковъ и достигаютъ небесъ" [2]). Отказываясь отъ ясныхъ и точныхъ критеріевъ истины, которые установилъ раціонализмъ, и переводя на почву психологическаго субъективизма тѣ проблемы, которыя раціонализмъ рѣшалъ въ тѣсномъ общеніи съ положительнымъ естествознаніемъ, Локкъ не столько подвинулъ впередъ науку о природѣ, сколько напротивъ, отбросилъ ее назадъ. Такъ, онъ включилъ въ „физику въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ" вмѣстѣ съ тѣлами, числами и фигурами также Бога, ангеловъ и духовъ [3]). Оче-

[1]) Недоразумѣнія возникали также по поводу того участія Бога въ процессѣ раціональнаго познанія, которымъ Декартъ пользовался какъ вспомогательнымъ метафизическимъ средствомъ для удаленія послѣднихъ сомнѣній въ достовѣрности такого познанія.

[2]) An Essay concerning Human Understanding, I, II, 24 (стр. 132 лондонскаго изданія The philosophical works of John Locke, 1843).

[3]) I, XXI, 2: This, in a little more enlarged sense of the word, I call Φυσική, or natural philosophy. The end of this is bare speculative truth; and whatsoever can afford the mind of man any such, falls under this branch, whether it be God himself, angels, spirits, bodies, or any of their affections, as number and figure, etc (499).

видно, эта чисто спекулятивная, какъ выражается самъ Локкъ, физика уже очень далека отъ той физики, которою вдохновлялись классическіе новаторы XVII вѣка. Локкова теорія познанія уже не ищетъ ясныхъ и отчетливыхъ, адэкватныхъ идей. Она отворачивается отъ нихъ. Подобно тому какъ впослѣдствіи О. Контъ просилъ прощенія у читателей по поводу того, что онъ все еще пользовался понятіемъ „философіи" [1]), Локкъ извинялся по поводу частаго употребленія слова „идея" [2]). Благодаря тому, что его гносеологія отказывалась отъ ясныхъ идей, свѣтъ познанія для нея потускнѣлъ. Но Локкъ не унываетъ и съ какою-то непонятною гордостью уподобляетъ все наше познаніе ночной работѣ слуги при свѣчѣ [3]).

Посѣянныя Локковою теоріею познанія сѣмена принесли свои плоды въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны это былъ матеріализмъ французскихъ философовъ этого вѣка. Съ другой стороны это былъ феноменализмъ Беркли.

Съ легкой руки Вольтера, привезшаго изъ Англіи философію Локка, принятую во Франціи съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ въ XIX вѣкѣ въ Испаніи была принята философія Краузе, во Франціи въ XVIII вѣкѣ отворачиваются отъ классическаго раціонализма и его главнаго выразителя Декарта. Заслуги его видятъ только въ томъ, что онъ замѣнилъ старыя ошибки новыми [4]) и тѣмъ далъ свѣжую пищу

[1]) Cours de philosophie positive, т. I, стр. 5 второго изданія 1864 г.

[2]) But, before I proceed on to what I have thought on this subject, I must here in the entrance beg pardon of my reader for the frequent use of the word „idea", which he will find in the following treatise (An Essay, I, I, 8, стр. 82).

[3]) I, I, 5, стр. 81.

[4]) Таково было мнѣніе Вольтера (Lettres philosophiques, стр. 50 Руанскаго изданія 1734 г; Epitres, stances et odes, Paris, 1833, стр. 56), Ла Меттри (Oeuvres philosophiques, Amsterdam, 1753, т. 1, стр. 61) и М. Шенье (см. Aulard, Le culte de la raison et le culte de l'être suprême, Paris, 1892, стр. 33).

для отрицательной критики. Связь картезіанства съ естествознаніемъ забывается до того, что создается убѣжденіе, будто одно исключаетъ другое. Такъ какъ новая теорія познанія проповѣдуется подъ флагомъ естествознанія, то призывъ къ отказу отъ картезіанства раздается во имя естествознанія. И какъ „разрушителя картезіанской системы" [1]) противъ Декарта выдвигаютъ Ньютона, изслѣдователя, который также, какъ и Декартъ, работалъ надъ проблемою математическаго міропониманія и который, хотя, быть можетъ, и противъ своего желанія [2]), облекалъ результаты своихъ изслѣдованій въ дедуктивную форму; а эта форма такъ точно соотвѣтствовала пріемамъ картезіанскаго раціонализма, что, какъ отмѣчено на стр. 143 „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ", конструкція знаменитой книги Ньютона Philosophiae naturalis principia mathematica чрезвычайно напоминаетъ конструкцію вышедшей за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ книги картезіанца Спинозы Ethica ordine geometrico demonstrata. Такое очевидное недоразумѣніе могло возникнуть только потому, что, какъ откровенно заявлялъ Вольтеръ [3]), очень мало читали какъ Декарта, такъ и Ньютона. Въ вопросахъ гносеологіи Декарта забываютъ ради Локка, одно имя котораго объявляется уже ручательствомъ истины [4]). То обстоятельство, что онъ „ограничилъ человѣческій духъ" [5]) вмѣняется ему въ такую же заслугу, какъ и то, что его ученіе исключало возможность систематическаго міропониманія: „философы" XVIII вѣка рѣшительно осуж-

---

[1]) Вольтеръ, Lettres philosophiques, 67.

[2]) См. L. Bloch, La philosophie de Newton, Paris, 1908, стр. 129.

[3]) Lettres philosophiques, 70.

[4]) См., напримѣръ, отношеніе къ нему Гельвеція (Oeuvres, Paris 1795—1797, томъ XII, стр. 147 и 148).

[5]) Вольтеръ, Poëme sur la loi naturelle, Oeuvres, 1883—5, IX, 455.

даютъ „духъ системы" [1]) и не идутъ дальше энциклопедій и словарей, составленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ [2]). Всякаго рода отвлеченные принципы изгоняются изъ процесса познанія [3]). Въ лучшемъ случаѣ ихъ допускаютъ—какъ поговорки и присказки философовъ: ces prétendus principes sont les proverbes des philosophes; ils ne sont que cela, училъ Кондильякъ [4]). Продолжая традицію Локковой семіотики, обѣщавшей „иного сорта логику и критику" [5]), французскіе философы XVIII вѣка сводятъ мышленіе къ языку [6]), логику къ грамматикѣ, идеи къ словамъ, а слова признаютъ не болѣе какъ знаками впечатлѣній, получаемыхъ нами извнѣ. Все сводится къ впечатлѣнію. Все сводится къ чувству: tout se réduit donc à sentir, твердилъ Гельвецій [7]). Умозрѣніе и опытъ, которые у классическихъ раціоналистовъ XVII вѣка

---

[1]) См. Вольтера Lettres philosophiques, стр. 50 и 71 изданія 1734; Poëme sur la loi naturelle, Oeuvres, 1883—5, IX, 442; Poëme sur le désastre de Lisbonne, тамъ же, 477; Кондильяка Traité des Systèmes, особенно гл. II: De l'inutilité des Systèmes abstraits, Oeuvres, Paris, 1822, II, 10 и 34.

[2]) См. „философскій словарь" Вольтера и знаменитую „энциклопедію" Дидро и Даламбера, эту „вавилонскую башню", какъ о ней выразился Бональдъ (Oeuvres, Paris, 1817—19, томъ XII, стр. 123).

[3]) Dans la recherche de la vérité—писалъ Кондильякъ—les principes abstraits sont donc vicieux, ou tout au moins inutiles (Oeuvres, Paris, 1822, II, 255).

[4]) Oeuvres, II, 255.

[5]) Another sort of logic and critic (An Essay concerning Human Understanding, IV, Ch. XXI, 4, Works, London, 1834, стр. 500).

[6]) Toute langue est une méthode analitique, et toute méthode analitique est une langue, училъ Кондильякъ (La langue des calculs, Oeuvres, Paris, 1822, XVI, 1; ср. XV, 408); онъ же увѣрялъ: une science bien traitée n'est qu'une langue bien faite (Oeuvres, II, 310; XVI, 6).

[7]) Oeuvres, Paris, 1795—6, I, 207, 217.

такъ удачно и гармонически сочетались другъ съ другомъ, теперь разсматриваются какъ двѣ противоположности, между которыми необходимо выбирать. Выборъ дѣлается въ пользу опыта. Умозрѣніе поэтому отвергается. А опытъ превращается въ чувственное воспріятіе впечатлѣній извнѣ. Источникъ и критерій истины рѣшительно переносятся во внѣшній міръ. И сообразно съ этимъ въ процессѣ познанія человѣкъ обрекается на совершенно пассивную роль. L'homme n'est rien qu'autant qu'il a acquis, объявляетъ поэтому Кондильякъ [1]). У человѣка, оказывается, нѣтъ даже самостоятельныхъ способностей: не только всѣ его знанія, но также и всѣ его способности, по Кондильяку [2]), происходятъ отъ чувственныхъ воспріятій. Локкъ еще не рѣшался итти такъ далеко: онъ ограничился тѣмъ, что соскоблилъ съ человѣческаго разума врожденныя идеи и сохранилъ его какъ особую и самостоятельную познавательную способность. Французскіе философы XVIII вѣка оказались рѣшительнѣе и обнаружили полную готовность совершенно пожертвовать разумомъ и вообще способностями человѣка ради получаемыхъ извнѣ впечатлѣній.

Если человѣкъ пассивно воспринимаетъ впечатлѣнія, то что же активно вызываетъ ихъ? „Разумѣется, есть нѣчто такое", отвѣчаетъ Кондильякъ [3]). Это нѣчто въ конечномъ

---

[1]) Traité des sensations, Oeuvres, 1822, III, 309.

[2]) Le principal objet de cet ouvrage—пишетъ онъ въ Traité des sensations—est de faire voir comment toutes nos connoissances et toutes nos facultés viennent des sens, ou, pour parler plus exactement, des sensations (Oeuvres, III, 3).

[3]) Qu'est-ce qui soutient nos sensations hors de nous, qu'est-ce qui les soutient où elles ne sont pas? Pour faire une question plus raisonnable, il faudrait demander, qu'y a-t-il hors de nous quand nos sens nous font juger qu'il y a des qualités qui n'y sont pas? A quoi tout le monde devrait répondre: Il y a certainement quelque chose, mais nous n'en connaissons pas la nature (De l'art de penser, Oeuvres, V, 105).

итогѣ оказывается нѣкоею „природою", которая при этомъ понимается не столько въ духѣ господствовавшаго въ XVII вѣкѣ физическаго міросозерцанія, сколько въ духѣ метафизическаго антропоморфизма стараго дореформеннаго моральнаго міросозерцанія [1]). Когда О. Контъ объявилъ вершиною метафизическаго міропониманія сведеніе всѣхъ явленій къ дѣйствію единой „сущности", именно природы, онъ имѣлъ въ виду средніе вѣка. Но, строго говоря, ему незачѣмъ было итти такъ далеко за примѣрами: онъ могъ бы найти такое міропониманіе и у французскихъ философовъ XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, Ла Меттри подчиняетъ всю философію природѣ, „какъ дочь матери" [2]). Но при этомъ природа понимается не такъ, какъ ее понимало классическое физическое міросозерцаніе XVII вѣка [3]), а совершенно антропоморфически: она насъ сотворила со спеціальною цѣлью, чтобы мы были выше животныхъ [4]), или же „единственно для того, чтобы мы были счастливы" [5]); она „насъ обманываетъ для нашей пользы" [6]) и т. д. Кондильяку „кажется, что природа дала намъ полное употребленіе нашихъ чувствъ съ того момента, когда она ихъ образовала" [7]); она же, по его мнѣнію, сама указываетъ намъ порядокъ изложенія истины [8]). Такія выраженія Кондильяка еще извинительны, если ихъ понимать какъ неудачный выборъ словъ безъ какихъ бы то ни было антропоморфическихъ намѣреній. Но у Гольбаха природа выступаетъ съ такими рѣзко выраженными чертами антропоморфизма, что никакихъ извиненій уже не можетъ быть: онъ

---

[1]) См. выше, стр. 42 и 65.

[2]) Oeuvres philosophiques, 1753, Discours préliminaire, Amsterdam, т. I, стр. 4.

[3]) См. выше стр. 47 и главу V.

[4]) L'homme machine, 48, Oeuvres I.

[5]) Тамъ же, стр. 59.

[6]) Anti—Seneque ou discours sur le bonheur, 21, Oeuvres I.

[7]) Traité des sensations, Oeuvres, III, 37.

[8]) De l'art de penser, Oeuvres, V, 185.

слишкомъ очевидно впадаетъ въ матеріалистическую метафизику. Мало того, что онъ, какъ и Ла Меттри, объясняетъ вещи намѣреніями природы, которая, напримѣръ, „установила среди людей такое же разнообразіе, какое, какъ мы видимъ, господствуетъ въ другихъ ея твореніяхъ" [1]), или которая „всегда справедлива въ своихъ наказаніяхъ" [2]). Онъ идетъ гораздо дальше. Онъ обожествляетъ „дѣятельную природу" [3]), превращаетъ ее въ „физическаго бога" [4]), „возвращаетъ заблудшихъ смертныхъ къ ея алтарямъ" [5]) и заканчиваетъ свою „Систему природы" патетическою молитвою къ природѣ, „владычицѣ всѣхъ существъ", приглашаетъ ее стать нашимъ единственнымъ божествомъ и указать человѣку, что ему слѣдуетъ дѣлать, чтобы стать счастливымъ [6]).

Между тѣмъ какъ французская философія XVIII вѣка доводила свой односторонній гносеологическій объективизмъ до идолопоклонства по отношенію къ природѣ, до натуралистической метафизики, англійская философія того же вѣка доводила свой односторонній гносеологическій субъективизмъ до крайняго феноменализма. Юмъ сводитъ причинную связь вещей къ субъективнымъ привычкамъ людей безъ всякаго ручательства за ея объективную необходимость. Беркли идетъ еще дальше и сводитъ всякое бытіе къ воспріятію: esse est percipi. Сообразно съ этимъ онъ вполнѣ послѣдовательно подвергаетъ сомнѣнію дѣйствительное существованіе всего

---

[1]) La politique naturelle, ou discours sur les vrais principes du gouvernement, Londres, 1773, I, 18.

[2]) La morale universelle, ou les devoirs de l'homme fondés sur sa nature, Amsterdam, 1776, II, 37.

[3]) Systême de la nature. Ou des Loix du Monde Physique et du Monde Moral, Londres, 1770, II, 188: la nature agissante, la nature qui fait tout.

[4]) Тамъ же, стр. 182.

[5]) Тамъ же, стр. 186.

[6]) Тамъ же, стр. 411.

небеснаго хора и всей массы земныхъ предметовъ, словомъ, всѣхъ вещей, которыя составляютъ вселенную [1]).

Такимъ образомъ гносеологія считаетъ себя уже не компетентною разсуждать о вещахъ. Она ограничивается и довольствуется *явленіями*. „Явленіе" отнынѣ объявляется единственнымъ настоящимъ предметомъ науки, а также естественною границею познанія, за которою начинается міръ непознаваемыхъ вещей въ себѣ. Понятіе „явленія", которому классическіе мыслители XVII вѣка удѣляли такъ мало вниманія и которому еще въ объемистомъ философскомъ словарѣ Шовена отводятся всего полторы строчки [2]), становится центромъ гносеологическаго интереса. Тѣмъ Коперникомъ, который подъ англійскимъ вліяніемъ рѣшительно и окончательно перемѣстилъ истину изъ объективнаго міра въ субъективный міръ человѣка и далъ въ своемъ родѣ законченную теорію науки о явленіяхъ, былъ Кантъ. И въ этомъ видятъ вершину гносеологическаго критицизма, донынѣ еще, по убѣжденію многихъ, никѣмъ не превзойденнаго, а также глубочайшую изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ теорій познанія. Въ дѣйствительности же это было продолженіе упадка классической теоріи познанія XVII вѣка.

---

[1]) A Treatise concerning the Principles of Human Knowledge, I, 6: Some truths there are so near and obvious to the mind that a man need only open his eyes to see tham. Such I take this important one to be, viz. that all the choir of heaven and furniture of the earth, in a word all those bodies which compose the mighty frame of the world, have not any subsistence without a mind, that their *being* ist to be perceived or known (Works, I, Oxford, 1871, 158).

[2]) Phaenomenum dicitur illud omne, quod in corporibus sensu percipitur (стр. 486).

VI.

Когда въ 1904 году весь цивилизованный міръ откликнулся на столѣтнюю годовщину смерти Канта, нѣкоторый диссонансъ въ общій хоръ юбилейныхъ панегириковъ внесли рѣчи нѣмецкихъ ученыхъ, которые прославляли его какъ спеціально нѣмецкаго генія, какъ гордость нѣмецкой націи, и которые благодаря этому историческому поводу невольно поставили его въ историческую рамку. Даже такіе отвлеченно и космополитически настроенные нѣмецкіе неокантіанцы, какъ Г. Когенъ, превозносили его тогда именно въ этомъ смыслѣ: разрѣшеніе Кантомъ эстетической проблемы, читаемъ мы въ его рѣчи, было „истинно нѣмецкимъ" [1]; а въ его этической автономіи, оказывается, „заложено политическое содержаніе, образующее послѣдствіе протестантской идеи государства" [2]. Философъ, который, казалось, парилъ на недосягаемой для духа времени и мѣста высотѣ и обращался ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ, былъ какъ бы узурпированъ нѣмецкою націею и отнесенъ ею къ опредѣленной эпохѣ ея собственнаго культурнаго развитія. Это болѣзненно отозвалось въ сознаніи тѣхъ внѣгерманскихъ кантіанцевъ, которые привыкли находить въ сочиненіяхъ кенигсбергскаго философа рѣшеніе проблемы истины вообще, независимо отъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. И ихъ тревога не была напрасна. Это было начало конца, начало низведенія кумира съ пьедестала и вовлеченія его въ измѣнчивый потокъ историческаго становленія, начало превращенія абсолютнаго носителя истины въ исторически относительнаго искателя ея. Не менѣе зловѣщимъ симптомомъ паденія безграничнаго авторитета Канта, подготовляемаго руками его собственныхъ послѣдователей, были произведенныя еще до юбилея, такъ сказать, судорожныя попытки такъ истолковать его идеи, чтобы можно было усмотрѣть въ нихъ подтвержденіе и даже зародышъ тѣхъ новѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ, которыя владѣютъ умами нашей современности, но которыя слишкомъ очевидно возникли послѣ него и помимо его вліянія [1]. Значитъ, онъ начинаетъ отходить уже въ прошлое и приходится прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы по прежнему считать его учителемъ настоящаго и вѣчнаго. Вѣчный Кантъ постепенно вытѣсняется бывшимъ Кантомъ, жившимъ во время оно.

Такая перемѣна давно уже своевременна. Какъ ни велико обаяніе философіи Канта, какъ ни сильно традиціонное преклоненіе передъ нимъ, намъ при внимательномъ чтеніи его сочиненій все труднѣе и труднѣе не замѣчать, что съ нами говоритъ авторъ далеко не непогрѣшимый, далеко не чуждый ошибокъ и предразсудковъ. Нельзя быть послѣдователемъ критической философіи и безъ всякой критики читать, напримѣръ, сообщеніе Канта о томъ, что негры родятся бѣлыми [2], о неумѣстности для женщинъ математическихъ занятій [3]—что бы на это сказали Софія Жерменъ или

---

[1]) Echt deutsch (Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundertsten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant. Marburg, 1904, стр 27).

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[1]) См. по этому поводу K. Vorländer, Kant und der Sozialismus unter besonderer Berücksichtigung der neuesten theoretischen Bewegung innerhalb des Marxismus, Berlin, 1900.

[2]) Die Neger werden weiss geboren (Vorlesungen über physische Geographie, Werke, Rosenkranz, VI, 612).

[3]) Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen, Dritter Abschnitt: Das Frauenzimmer wird demnach keine Geometrie lernen, etc. (Werke, Rosenkranz, IV, 428).

Софія Ковалевская?—его разсужденія о землетрясеніяхъ [1]), о расахъ [2]) или его посмертную „Систему философіи въ полномъ объемѣ"—„печальную пустыню мысли", какъ выразился о ней Куно Фишеръ. Если его географическія сообщенія о бѣлугѣ, стерляди и мощахъ въ Россіи [3]) способны вызвать благодушную улыбку, то у иного читателя могутъ породить негодованіе его признаніе опаснымъ умствованіемъ вопроса о происхожденіи власти [4]) или его обвиненіе незаконныхъ дѣтей въ томъ, что они преступно втерлись въ общество [5]).

---

[1]) Напримѣръ, объясненіе ихъ „смѣшеніемъ минеральныхъ веществъ съ жидкостями" (Geschichte und Naturbeschreibung der merkwürdigsten Vorfälle des Erdbebens, welches an dem Ende des 1755 Jahres einen grossen Theil der Erde erschüttert hat, Rosenkranz, VI, 234).

[2]) См., напримѣръ, слѣдующую его таблицу:

I. Race, Hochblonde (Nördl. Eur.) von feuchter Kälte.
II. Race, Kupferrothe (Americ.) von trockner Kälte.
III. Race Schwarze (Senegambia) von feuchter Hitze.
IV. Race, Olivengelbe (Indianer) von trockner Hitze.

(Von den verschiedenen Racen der Menschen, Rosenkranz VI, 330).

[3]) Der Fisch Beluga, der in der Wolga häufig angetroffen wird, schluckt bei der jährlichen Aufschwellung des Stromes grosse Steine statt Ballast herunter, um auf dem Grunde erhalten zu werden. Der Sterlet und der Stör haben einen geringen Unterschied, ausser dass jener delicater von Geschmack ist. Bei dem Kloster Troitzkoi, Sergiew und in den Gräbern von Kiew sind einige aus natürlichen Ursachen unverweste Leichen anzutreffen, die fälschlich für Märtyrer gehalten werden. И все о Россіи! См. Vorlesungen über physische Geographie (Rosenkranz, VI, 763).

[4]) Das sind für das Volk... ganz zweckleere, und doch den Staat mit Gefahr bedrohende Vernünfteleyen (Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Zweite Auflage, Königsberg, 1798, стр. 204).

[5]) Das uneheliche auf die Welt gekommene Kind... ist in das gemeine Wesen gleichsam eingeschlichen (wie verbotene Waare), so dass dieses seine Existenz (weil es billig auf diese Art nicht hätte existiren sollen), mithin auch seine Vernichtung ignoriren kann (тамъ же, стр. 234).

Нельзя, наконецъ, восторгаться рѣшительно всѣмъ также и въ біографіи Канта. Пора направить противъ него его собственное оружіе, именно критику. Или по крайней мѣрѣ пора отнестись къ нему исторически. Пора именно въ этомъ смыслѣ вернуться „назадъ къ Канту". Что же получится при такомъ возвращеніи?

Если не помѣщать Канта, какъ это дѣлаютъ его неумѣренные поклонники, на недосягаемую высоту внѣ какой бы то ни было исторической перспективы; если не преклоняться болѣе или менѣе слѣпо передъ авторитетомъ всего того, что имъ написано—а писалъ онъ иногда чрезвычайно неудачно, какъ это видно хотя бы изъ приведенныхъ выше примѣровъ; если не признавать, что Кантъ разъ навсегда разрѣшилъ всякія сомнѣнія, что каждая его строчка непогрѣшима и что поэтому, какъ требуетъ, напримѣръ, Гольдшмидъ, его надо изучать наизусть; если вообще не впадать по отношенію къ нему въ крайній догматизмъ и идолопоклонство, что конечно рѣшительно несовмѣстимо не только съ критицизмомъ, который будто бы исповѣдуется при этомъ, но даже и вообще съ философіею, по крайней мѣрѣ свѣтскою; словомъ, если относиться къ Канту просто, не мудрствуя лукаво и не стараясь во что бы то ни стало настаивать на согласіи въ его воззрѣніяхъ тамъ, гдѣ они, въ сущности, противорѣчатъ другъ другу, усматривать особенное глубокомысліе или замысловатое иносказаніе тамъ, гдѣ онъ просто ошибался, то станетъ совершенно яснымъ, что, при всемъ своемъ стремленіи къ систематическому единству, Кантъ въ значительной степени былъ эклектикъ. И его философія представляетъ, пользуясь однимъ выраженіемъ Платона, „далеко не прекраснѣйшій синтезъ" [1]). Стиль ея не классическій, а барокко. Она не высѣчена изъ одной глыбы, а слѣплена изъ различныхъ, далеко не всегда гладко другъ къ другу прилаженныхъ

---

[1]) Республика 611В.

кусковъ [1]). Только этимъ объяснимо то обстоятельство, почему, при всемъ преклоненіи большинства ученыхъ спеціалистовъ по философіи передъ авторитетомъ Канта, они въ своихъ сужденіяхъ о немъ расходятся нерѣдко до полной противоположности. Имѣлъ извѣстное основаніе Паульсенъ, когда онъ утверждалъ, что преобладающимъ мотивомъ философіи Канта была метафизика, для которой вся его критика познанія служила только подготовительною работою; и, значитъ, не только для своего стараго слуги Лампе, какъ иронизировалъ Гейне, но также и для самого себя, а равно и для науки Кантъ несмотря на свой критицизмъ или даже именно вслѣдствіе него цѣликомъ сохранилъ метафизику и вѣру. Но съ не меньшимъ основаніемъ утверждаютъ Г. Когенъ, П. Наторпъ и вѣрная имъ школа неокантіанцевъ изъ Марбурга, что, совсѣмъ напротивъ, философія Канта исключаетъ метафизику. Эта же школа не хочетъ видѣть никакой примѣси психологическихъ элементовъ въ философскомъ предпріятіи Канта. Однако какъ въ „Критикѣ чистаго разума", такъ особенно въ тѣхъ тщательно собранныхъ благочестивою рукою поклонниковъ клочкахъ бумаги, на которыхъ кенигсбергскій философъ рядомъ съ доходами отъ лекцій, расходами на провизію, парики, брауншвейгскіе лотерейные билеты и т. п. замѣтками болѣе или менѣе интимнаго характера заносилъ также и тѣ мысли, изъ которыхъ выросли его крупныя творенія или которыя пополняли и поясняли ихъ [2]), можно найти немало мѣстъ, подтверждающихъ не только психологическое, если еще не физіологическое истолкованіе воззрѣній Канта Гельмгольцемъ, но даже и слѣдующую, способную конечно привести всякаго неокантіанца въ ужасъ, характеристику,

[1]) Очень поучительную въ этомъ отношеніи работу продѣлалъ Файгингеръ въ своемъ кропотливомъ изслѣдованіи Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, 1881—1892; См. предисловіе къ первому тому.

[2]) См. Lose Blätter aus Kants Nachlass mitgetheilt von R. Reicke, Königsberg, 1889—95, 2 тома.

сдѣланную Тэномъ: „Кантъ говорилъ, что наши идеи исходятъ отчасти отъ вещей, отчасти отъ насъ самихъ; что предметы, поражая нашъ духъ, находятъ тамъ прирожденную форму; что эта первородная кривизна искажаетъ полученный образъ и что такимъ образомъ наша истина не есть истина" [1]). Одни толкователи Канта гордятся отсутствіемъ у него чего бы то ни было опытнаго. Другіе [2]) прославляютъ въ немъ удачное сочетаніе умозрѣнія и опыта. Наконецъ, третьи провозглашаютъ его типичнымъ и даже единственнымъ философомъ опыта [3]). Одинъ историкъ философіи увѣряетъ даже, что „Кантъ—болѣе сенсуалистъ, чѣмъ Локкъ" [4]). Можно пойти еще дальше и уже у Канта находить зачатки той позднѣйшей біологической гносеологіи, которая видитъ источникъ познанія въ специфической, такъ сказать, энергіи головного мозга и нервной системы, этого, какъ выражается Фаустъ у Ленау, настоящаго древа познанія:

Der Nerven Stamm mit seinen Zweigen, Sprossen...
Hier seh'ich deutlich den Erkenntnisbaum.

Для нашего изслѣдованія Кантъ представляетъ интересъ какъ своего рода двуликій Янусъ—съ одной стороны эпигонъ классическихъ раціоналистовъ XVII вѣка, съ другой же пред-

[1]) Essais de critique et d'histoire. Cinquième édition, Paris, 1887, стр. 97.

[2]) Когенъ (Kants Theorie der Erfahrung), а вслѣдъ за нимъ авторъ „Исторіи матеріализма" Альбертъ Ланге.

[3]) Kant ist der einzige Erfahrungsphilosoph—ich bitte, lassen Sie sich das ernstlich gesagt sein—Kant ist der alleinige strenge Erfahrungsphilosoph, den die Geschichte des menschlichen Denkens kennt пишетъ въ своей богатой блестящими парадоксами книгѣ о Кантѣ извѣстный дилеттантъ Чемберленъ (H. S. Chamberlain, Immanuel Kant. Die Persönlichkeit als Einführung in das Werk, München, 1905, стр. 248).

[4]) O. Willmann, Geschichte des Idealismus. Zweite Auflage, III, 400.

шественникъ Фихте, Гегеля и Шеллинга. Съ этой точки зрѣнія насъ и интересуютъ различныя наслоенія на его философіи, сообщающія ей, при кажущейся строгой послѣдовательности и однородности, такой пестрый видъ. Изъ какихъ же элементовъ слагалась разноцвѣтная философія Канта? Изъ раціоналистическихъ, историческихъ, психологическихъ, діалектическихъ, эмпиристическихъ и метафизическихъ.

Первое мѣсто занимаетъ конечно раціонализмъ. Основной мотивъ Кантовой философіи—это разумъ, и притомъ не просто разумъ, а чистый разумъ, благородный металлъ безъ примѣси, безъ компромиссовъ какъ познавательныхъ, такъ и моральныхъ, безъ уступокъ какой бы то ни было чувственности или субъективности—по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Разумъ анонимный, трансцендентальный, автономный, въ самомъ себѣ находящій ручательство своей истины и правоты и посему не нуждающійся ни въ какой внѣшней опорѣ ни на небѣ ни на землѣ. Разумъ неизмѣнный, какъ неизмѣнны истина и вѣчность. И поэтому основанная на немъ наука можетъ и должна быть построена разъ навсегда, такъ что никакія позднѣйшія событія или открытія не могутъ ничего ни прибавить къ ней ни измѣнить въ ней [1]). Задачи и сущность такой науки, поскольку дѣло по крайней мѣрѣ касалось науки о физической природѣ, понимались Кантомъ въ полномъ согласіи съ великими представителями позитивнаго раціонализма въ XVII столѣтіи. Благодаря этой особенности Кантовой философіи мы въ ней на каждомъ шагу встрѣчаемся съ отголосками благороднаго духа, царившаго въ классической философіи XVII вѣка. И именно эти отголоски сообщаютъ также и кенигсбергскому философу извѣстную величавость. Однако раціонализмъ Канта осложненъ такими элементами, которые подтачиваютъ систему чистаго разума и подготовляютъ ея паденія.

[1]) ...Die Wissenschaft, welche es betrifft, von so besonderer Art ist, dass sie auf einmal zu ihrer ganzen Vollständigkeit und in denjenigen beharrlichen Zustand gebracht werden kann, da sie nicht im Mindesten weiter gebracht, und durch spätere Entdeckung weder vermehrt, noch auch nur verändert werden kann (Prolegomena, Vorschlag zu einer Untersuchung der Kritik, auf welche das Urtheil folgen kann, Werke, Rosenkranz, III, 164).

Прежде всего у Канта уже довольно замѣтно пробивается историческая тенденція. Эта тенденція наноситъ первый ударъ системѣ, правда, еще очень легкій въ сравненіи съ ударами историзма XIX вѣка, а также съ ударами, нанесенными другими тенденціями Канта. Въ общемъ Кантъ, какъ истинный сынъ не историческаго XVIII вѣка, не обладалъ историческимъ духомъ. Тѣмъ большій интересъ представляетъ незамѣтное проникновеніе историческаго духа въ его философію. Такъ, послѣдняя, заключительная глава „Критики чистаго разума" озаглавлена „Исторія чистаго разума". Правда, глава эта очень незначительна и, по собственному заявленію Канта [1]), представляетъ почти пустое мѣсто его системы, заполненіе котораго онъ откладывалъ на будущее время. Тѣмъ не менѣе это была уже очень знаменательная уступка исторіи, уступка которую едва ли одобрилъ бы Декартъ. Далѣе, Кантъ испытывалъ потребность обозрѣть исторію конкретнаго человѣчества. Правда, что это обозрѣніе (Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht—около 15 страницъ въ изданіи Розенкранца) поражаетъ своею краткостью въ сравненіи съ позднѣйшими многотомными трудами по всемірной исторіи, хотя бы Лорана или Шлоссера. У Канта еще такъ мало историческаго любопытства, интереса къ отдѣльнымъ лицамъ и событіямъ. Но всетаки характерно, что у него уже обнаруживается потребность историческаго взгляда на человѣчество. Затѣмъ по отношенію къ живой, органической природѣ Кантъ проявлялъ не только историческій, но даже, какъ онъ самъ вы-

[1]) Dieser Titel steht nur hier, um eine Stelle zu bezeichnen, die im System übrig bleibt und künftig ausgefüllet werden muss. (Rosenkranz, II, 656).

ражался, археологическій [1]) интересъ. При желаніи, можно усмотрѣть въ его сочиненіяхъ [2]) законченную философскую подготовку той эволюціонной теоріи происхожденія видовъ, для которой впослѣдствіи Дарвину оставалось только собрать большое количество эмпирическихъ данныхъ: такъ, напримѣръ, А. Штадлеръ рѣшительно увѣряетъ, что Кантъ „очистилъ и выравнялъ все поле", и даже сожалѣетъ, что Дарвинъ ни воспользовался его философскими идеями [3]). Наконецъ, Кантъ, въ отличіе отъ теоретиковъ XVII вѣка, не довольствовался взглядомъ на нашу вселенную какъ на неизмѣнный механизмъ и считалъ „жалкимъ для философа" деистическое рѣшеніе вопроса о ея происхожденіи. Его собственное рѣшеніе—это его знаменитая эволюціонная „естественная исторія неба". Такимъ образомъ какъ далеко отъ историзма ни стоялъ принципіально Кантъ, какъ далека ни была его натура отъ историческаго духа [4]), мы уже и у него замѣчаемъ біеніе той исторической жилки, которая означала отказъ отъ классическаго раціонализма и переходъ къ новому генетическому и эволюціонному міровоззрѣнію XIX вѣка. И это была первая, сравнительно слабая, чужеродная примѣсь къ его раціонализму, нарушавшая строгость и чистоту его философскаго стиля.

Другая примѣсь уже прямо-таки подрывала его раціонализмъ. Это именно примѣсь психологизма. Подрывала съ

---

[1]) Die Archäologie der Natur (Kritik der Urtheilskraft, § 82, Kehrbach 319; ср. § 80, тамъ же 308).

[2]) См. въ особенности ученіе „Критики чистаго разума" объ однородности, спецификаціи и непрерывности формъ (Von dem regulativen Gebrauche der Ideen der reinen Vernunft, Kehrbach 512; ср. § 80 и слѣд. „Критики силы сужденія").

[3]) Kants Teleologie und ihre erkenntnisstheoretische Bedeutung, Berlin, 1874, стр. 105.

[4]) Это отразилось даже на его личной жизни. Гейне увѣрялъ, что нельзя описать исторію его жизни, потому что у него не было ни исторіи ни жизни.

его же собственной точки зрѣнія, потому что онъ самъ, по крайней мѣрѣ въ предисловіи къ Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft [1]), отрицалъ возможность психологіи какъ раціональной и математической науки. Тотъ „чистый разумъ", который Кантъ разбиралъ въ своемъ знаменитомъ твореніи, оказывается не только тѣмъ абстрактнымъ, трансцендентальнымъ, анонимнымъ, внѣчеловѣческимъ разумомъ, о которомъ тщетно мечталъ Платонъ и который, повидимому, добыли раціоналисты XVII вѣка. Онъ, кромѣ того, оказывается еще познавательною способностью людей, спеціально человѣческимъ разумомъ, только, такъ сказать, дистиллированнымъ, очищеннымъ отъ всего случайнаго. Какъ зло сострилъ Ницше, Кантъ прибѣгалъ къ способностямъ, когда у него не хватало идей, въ противоположность Рихарду Вагнеру, прибѣгавшему къ идеямъ, когда у него не хватало способностей. Почти вся „Критика силы сужденія" построена на человѣческихъ „способностяхъ", иначе говоря, обоснована психологически. Такимъ же образомъ обоснована, въ сущности, даже и „Критика чистаго разума": формы чувственнаго воспріятія, категоріи разсудка и, наконецъ, регулятивныя идеи разума—все это чисто психологическіе пути истины и притомъ такъ субъективно понятые, что, по извѣстному заявленію Канта, законы міра оказываются чѣмъ-то такимъ, что познающій субъектъ диктуетъ міру. Сообразно съ этимъ если и можно говорить объ истинѣ [2]), то какъ о чемъ-то общесубъективномъ. Даже пространство было перенесено Кантомъ изъ объективной дѣйствительности въ субъективный міръ человѣческой психики. Такимъ образомъ уже Кантъ предварялъ Шлейермахера, который изъ субъективныхъ „особенностей" человѣка вообще, если даже не каждаго че-

---

[1]) Noch weiter aber... muss empirische Seelenlehre jederzeit von dem Range einer eigentlich so zu nennenden Naturwissenschaft entfernt bleiben (Rosenkranz, V, 310).

[2]) Поэтъ Клейстъ вынесъ изъ сочиненій Канта убѣжденіе, что по его ученію истины вообще нѣтъ.

ловѣка въ отдѣльности, выводилъ объективную „истину"— вплоть до протестантской ортодоксіи. Уже онъ превращалъ истину въ порожденіе человѣческаго ума, въ нѣчто человѣческое, слишкомъ человѣческое. И не напрасно поэтому нынѣшній „прагматизмъ", съ его субъективизмомъ и утилитаризмомъ смѣло провозглашаетъ Канта своимъ духовнымъ отцомъ.

Психологизмъ Кантовой теоріи познанія естественно привелъ ее къ діалектикѣ – къ безнадежному различію и даже противопоставленію познающаго субъекта и познаваемаго объекта. Эта упоминавшаяся уже выше злополучная антитеза, чуждая классическимъ раціоналистамъ XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ, радикально устранявшаяся ими, вполнѣ сознательно выдвинутая впервые, кажется, Баумгартеномъ, стала однимъ изъ главныхъ основаній философствованія Канта. И онъ много содѣйствовалъ тому, что изслѣдованіе проблемы истины превратилось въ діалектическія или метафизическія разсужденія объ этой антитезѣ. Если для насъ такая постановка проблемы въ силу столѣтней слишкомъ традиціи кажется чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ и даже единственно возможнымъ, то еще г-жѣ Сталь приходилось объяснять ее своимъ соотечественникамъ, еще не забывшимъ Декарта, какъ нѣчто новое и притомъ спеціально Кантовское [1]). Кантъ

[1]) Излагая Канта, она поясняетъ: on appelle dans la philosophie allemande, idées subjectives celles qui naissent de la nature de notre intelligence et de ses facultés et idées objectives toutes celles qui sont excitées par les sensations (De l'Allemagne, стр. 420 изданія 1864 г.). До того времени „субъектъ" и „объектъ" имѣли иное значеніе. По традиціи, восходившей къ Боэцію, т. е. къ концу V и началу VI вѣка по Р. Х. (см. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, I Band, 1855, стр. 696), подъ субъектомъ понимали логическое или по крайней мѣрѣ грамматическое подлежащее (Аристотелево ὑποκείμενον), съ которымъ такъ или иначе согласуется сказуемое, или предикатъ. И такъ какъ такимъ подлежащимъ могъ быть и предметъ внѣшняго міра, то субъектомъ часто называли то, что нынѣ называется объектомъ;

дѣйствительно очень широко пользовался антитезою субъекта и объекта [1]). И это поставило его передъ рядомъ въ своемъ родѣ непреодолимыхъ затрудненій. Затрудненіе возникаетъ съ первыми же фразами „Критики чистаго разума" о томъ, что познаніе начинается вмѣстѣ съ опытомъ, но не возникаетъ изъ опыта. Истина, значитъ, есть порожденіе взаимодѣйствія познающаго субъекта и познаваемаго объективнаго міра. При этомъ Кантъ придавалъ особенно большое значеніе тому, что вносится въ познаніе самимъ субъектомъ. Такъ какъ, оказывается, субъектъ и объективный міръ различны и противоположны, до извѣстной степени даже несоизмѣримы другъ съ другомъ, то Канту пришлось уже отказаться отъ классическаго, хотя, можетъ быть, и наивнаго

таковъ, напримѣръ, смыслъ субъективизма Дунса Скота (см. Prantl, III, 1867, стр. 208). Вопросъ объ отдѣленіи конкретнаго существованія „субъекта" отъ его логической предикаціи впервые поставилъ Оккамъ (Prantl, III, 368). Герсонъ настаивалъ на томъ, чтобы ratio objectalis распространялась и на внѣшніе предметы. Еще въ полемикѣ между Декартомъ и Гассенди subjective значило formaliter in se ipsis, a objective—idealiter in intellectu (см. R. Eucken, Geistige Strömungen der Gegenwart, III Auflage, 1904, стр. 12). Бэйль различалъ: objectivement dans notre esprit и réellement hors de notre esprit. Р. Эйслеръ находитъ уже у Декарта и Лейбница новое значеніе „субъективности" (см. Wörterbuch der philosophischen Begriffe, Zweite Auflage, II Band, 1904, стр. 440). Но у нихъ нельзя найти той безнадежной противоположности субъекта и объекта, которая такъ усиленно подчеркивается Кантомъ и позднѣйшими философами. Относительно смысла „объективной реальности" идей, въ отличіе отъ „формальной реальности" вещей у Декарта см. F. Bouillier, Histoire de la philosophie cartésienne, т. I, стр. 76.

[1]) Лихтенбергъ писалъ: Was heisst mit Kantischem Geist denken? Ich glaube, es heisst, die Verhältnisse unseres Wesens, es sei nun was es wolle, gegen die Dinge, die wir ausser uns nennen, ausfindig machen; das heisst die Verhältnisse des Subjectiven gegen das Objective bestimmen (Ausgewählte Schriften, herausgegeben von E. Reichel, 76).

ученія раціоналистовъ XVII вѣка о тождествѣ мысли и бытія. Ему пришлось вступить на путь діалектики. Если даны съ одной стороны объектъ, съ другой же субъектъ, какъ два различныхъ и даже противоположныхъ начала, то единая и нераздѣльная истина или находится исключительно въ объектѣ и тогда она для насъ непознаваема, или же находится исключительно въ субъектѣ—и тогда вся трансцендентальная наука была бы, какъ выразился Якоби [1]), не болѣе какъ „организаціею нашего незнанія"; тогда не только истина, но и весь объективный міръ оказались бы не болѣе какъ нашимъ представленіемъ, какъ это и утверждалъ Шопенгауэръ, считавшій себя именно на этомъ основаніи единственнымъ истиннымъ кантіанцемъ, правильно истолковавшимъ „Критику чистаго разума". Нѣчто въ этомъ родѣ Кантъ дѣйствительно утверждалъ [2])—особенно въ первомъ изданіи „Критики". Однако онъ слишкомъ усердно читалъ Юма и слишкомъ настойчиво стремился къ научной положительности, чтобы признать такой субъективный апріоризмъ настоящимъ рѣшеніемъ проблемы истины. Недаромъ онъ ввелъ во второе изданіе „Критики" эмпиристическое предисловіе и особое „опроверженіе идеализма". Плодомъ этой поправки оказалось то, что истина, по крайней мѣрѣ полная истина, не находится исключительно въ познающемъ субъектѣ, какъ бы апріорны ни были его воззрительныя формы, категоріи и идеи. Часть истины, и далеко не безразличная, находится внѣ субъекта, въ объектѣ. Но тогда получается безнадежное раздвоеніе. Съ одной стороны субъектъ съ его апріорными и, какъ утверждалъ Кантъ, всеобщими и необходимыми, вполнѣ га-

[1]) Werke, III, 29.

[2]) Denn Wahrheit oder Schein sind nicht im Gegenstande, sofern er angeschaut wird, sondern im Urtheile über denselben, sofern er gedacht wird... In der Uebereinstimmung mit den Gesetzen des Verstandes besteht... das Formale aller Wahrheit, читаемъ мы въ предисловіи къ „Транссцендентальной діалектикѣ" (Kehrbach, 261).

рантирующими научную истину законами. Съ другой же стороны таинственный, неуловимый, несоизмѣримый съ субъектомъ объективный міръ „вещей въ себѣ"; единственно возможные посредники между этими вещами и субъектами, именно органы нашихъ чувствъ, слишкомъ неблагонадежны, чтобы можно было полагаться на ихъ показанія.

Понятіе вещи въ себѣ вносило въ гносеологію метафизику и даже мистику. Уже изъ элементарныхъ психологическихъ и даже физіологическихъ данныхъ объ образованіи нашихъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. п. воспріятій оно выводило или, по крайней мѣрѣ, какъ это дѣлали иные истолкователи Канта, могло выводить чуть ли не мистическія заключенія: выходило, что весь тотъ матеріальный міръ, среди котораго мы движемся, чувствуемъ и думаемъ, состоитъ изъ таинственныхъ „вещей въ себѣ", несоизмѣримыхъ ни съ нашими чувствами ни съ нашими понятіями. И если, напримѣръ, я вижу извѣстный предметъ, то за этимъ моимъ субъективнымъ впечатлѣніемъ скрывается какое-то мистическое инкогнито, какое-то совершенно недоступное мнѣ существо, которое и есть настоящій объектъ, или вещь въ себѣ. Отсюда естественно слѣдуетъ, что весь видимый міръ есть лишь кажущійся міръ, иллюзія, и что настоящаго опытнаго знанія нѣтъ и не можетъ быть или же что оно возможно только въ видѣ мистическаго озаренія, транссубъективной иллюминаціи.

Такъ далеко Кантъ не хотѣлъ итти. Но чтобы выбраться изъ запутаннаго положенія, имъ же самимъ созданнаго, чтобы не впасть въ оккультизмъ, чтобы спасти раціонализмъ и положительную науку, ему пришлось пойти на компромиссъ. Вещь въ себѣ, увѣрялъ онъ, въ сущности совсѣмъ не обладаетъ самостоятельнымъ внѣшнимъ бытіемъ. Это не болѣе какъ руководящій принципъ нашего познанія. Какихъ бы успѣховъ оно ни достигало, мы, во избѣжаніе догматизма и преждевременнаго оптимизма, никогда не должны утверждать, что обладаемъ безусловнымъ знаніемъ, полною и окончательною истиною. Въ „вещи въ себѣ", иначе го-

воря, въ совершенно законченномъ, вполнѣ исчерпанномъ и адэкватномъ объектѣ знанія, мы должны видѣть не феноменъ, т. е. явленіе, нѣчто данное нашему воспріятію и тѣмъ не менѣе никакъ не могущее быть вполнѣ воспринятымъ, а единственно задачу, принципъ, руководящій или регулятивный помыселъ („ноуменъ“) всякаго вполнѣ сознательнаго научнаго изслѣдованія. Такъ какъ „вещь въ себѣ“ представляетъ не болѣе какъ нашъ помыселъ, нашу идею, то изъ того, что она никогда не является нашимъ чувствамъ, нисколько не слѣдуетъ, что весь внѣшній матеріалъ нашихъ воспріятій есть лишь иллюзія, за которою скрывается какая-то настоящая, таинственная дѣйствительность. Та дѣйствительность, которая воспринимается нами, есть единственная, настоящая, реальная дѣйствительность. И мы оріентируемся въ ней совсѣмъ недурно. Если же мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ и должны утверждать, что нашъ научный опытъ, наши изслѣдованія дѣйствительности никакъ не могутъ осуществить „вещи въ себѣ“, то это только удостовѣряетъ упорство нашихъ исканій истины, безграничность нашего научнаго идеализма. Изъ утвержденія, что мы еще не познали ни одной „вещи въ себѣ“, такъ именно понятой, нисколько не слѣдуетъ, что наука должна въ отчаяніи сложить свое оружіе и капитулировать передъ непознаваемымъ. Совсѣмъ напротивъ, она должна работать съ удвоенною энергіею. Но если мы станемъ утверждать, что вещь въ себѣ имѣетъ бытіе не только какъ наша мысль, какъ руководящій принципъ разума, но также и какъ конкретно существующій гдѣ-то въ сокровенной отъ насъ дѣйствительности чувственный предметъ, тогда дѣйствительно весь нашъ научный опытъ былъ бы лишь иллюзіею, самообманомъ нашей субъективности. И если мы при этомъ вѣримъ, что смыслъ такихъ абсолютныхъ вещей, существующихъ внѣ возможнаго опыта и превышающихъ его условія, можетъ всетаки какимъ-то чудомъ открыться намъ, тогда намъ только и остается, что отказаться отъ науки и заняться воспріятіемъ этихъ настоящихъ вещей. Но тогда-то именно и началась бы иллюзія. Мы тогда уже

какъ бы перепрыгнули бы черезъ границы возможнаго опыта, попали бы въ трансцендентный, иначе говоря, сверхъестественный міръ и, потерявъ твердую почву подъ ногами, стали бы заниматься воздушными замками. Всякаго рода попытки обработать логически соотвѣтственныя разсужденія оказались бы не болѣе какъ логикою иллюзій. Такъ какъ предметы, о которыхъ разсуждала бы эта логика, не входятъ въ нашъ возможный опытъ, то нельзя было бы ни въ положительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ провѣрить ея соотвѣтствіе матеріальной дѣйствительности. Но эта логика не удовлетворяла бы и основному условію всякой формальной логики, именно отсутствію самопротиворѣчій. При всякой мало мальски систематической и методической попыткѣ провѣрить внутреннюю послѣдовательность своихъ утвержденій, она не могла бы не запутаться. Неспособная исключить противорѣчій, она была бы не логикою настоящаго научнаго знанія, а логикою произвольнаго мнѣнія, пустою діалектикою, вродѣ той, которой предавались софисты, и которая порождаетъ не критическую философію, а догматическую филодоксію.

Такъ лавировалъ Кантъ между Сциллою и Харибдою. Такъ старался онъ по возможности съ честью выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое его ставила дилемма субъективизма, превращавшаго истину въ иллюзію или въ человѣческое усмотрѣніе, или же объективизма, который велъ къ гносеологическому оккультизму. Выбраться помогъ ему тотъ эмпиристическій духъ, который, вмѣстѣ съ англійскою философіею, распространялся въ XVIII вѣкѣ по всему континенту Европы и который наложилъ свой отпечатокъ также и на его строй мыслей—главнымъ образомъ въ видѣ вліянія, оказаннаго на него Юмомъ. Не напрасно эпиграфъ „Критики чистаго разума“ взятъ Кантомъ у Бэкона. Не напрасно рядомъ со своимъ ученіемъ о субъективности нашихъ воспріятій и познанія онъ протестовалъ противъ предположенія, что онъ отрицаетъ объективное существованіе вещей. Если усвоенный Кантомъ эмпиризмъ англійской фило-

софіи и далъ ему кое какой выходъ изъ безнадежной дилеммы субъективизма или объективизма, то онъ же, очевидно, нарушалъ чистоту его идеализма. Вмѣсто величавой системы, покоящейся исключительно на чистомъ, безличномъ разумѣ, получалось ученіе о томъ, что даны съ одной стороны субъектъ, съ другой - опытъ. На опытъ, къ счастью, можно положиться. Да и у субъекта, тоже къ счастью, не все субъективно: кое что транссцендентально. Значитъ, наука возможна и даже необходима. Поэтому она и существуетъ.

Гдѣ эмпиризмъ, тамъ и опасность метафизики, т. е. объясненія естественныхъ явленій сверхъестественными силами. Эта опасность не устранялась англійскою философіею [1]). И Кантъ предостерегалъ отъ нея. Но самъ онъ отъ нея не уберегся. Не говоря уже о томъ, что „вещь въ себѣ“ понималась имъ всетаки очень двусмысленно, а также о метафизическихъ постулатахъ его этики, понятіе „природы“ имѣло у него двоякій смыслъ, причемъ одинъ изъ нихъ—чисто метафизическій. Съ одной стороны въ „Критикѣ чистаго разума“ природа, какъ нѣчто единое, объявляется регулятивнымъ принципомъ нашего разума, а не конститутивнымъ основаніемъ вещей; и поэтому рѣшительно осуждается гипостазированіе ея какъ высшаго упорядочивающаго существа [2]), т. е. natura naturans стараго моральнаго міровоззрѣнія. Съ другой же стороны самъ Кантъ, солидарный въ данномъ отношеніи съ Ла Меттри и Гольбахомъ [3]), гипостазировалъ

[1]) См. стр. 109 перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“.

[1]) Das regulative Princip verlangt die systematische Einheit als Natureinheit, welche.. a priori... vorausgesetzt wird... Lege ich aber zuvor ein höchstes ordnendes Wesen zum Grunde, so wird die Natureinheit in der That aufgehoben.. Das regulative Princip der systematischen Einheit der Natur für ein constitutives nehmen, und, was nur in der Idee zum Grunde des einhelligen Gebrauchs der Vernunft gelegt wird, als Ursache hypostatisch voraussetzen, heisst nur die Vernunft verwirren (Kehrbach, 536—7).

[2]) См. выше стр. 171.

природу и именно въ такомъ смыслѣ. Такъ, всѣ его разсужденія о ходѣ всемірной исторіи человѣчества построены на таинственныхъ замыслахъ какой-то транссцендентной природы [1]). Происхожденіе антиноміи о мірѣ объясняется въ „Пролегоменахъ“ тѣмъ, что „сама“ природа установила ее для того, чтобы побудить человѣческій разумъ къ самоиспытанію [2]). Хотя при этомъ Кантъ и обращается къ „критическому читателю“, однако мы здѣсь, очевидно, имѣемъ дѣло съ некритическимъ переживаніемъ стараго антропоморфизма и телеологизма и съ тѣмъ способомъ объясненія непонятныхъ явленій единою „сущностью“, именуемою природою, который О. Контъ не безъ основанія призналъ вершиною метафизическаго міропониманія.

[1]) Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht (Rosenkranz, VIII): eine Naturabsicht (318); die Natur hat gewollt (320); der Mensch will Eintracht; aber die Natur weiss besser, was für seine Gattung gut ist: sie will Zwietracht (323) и т. под.

[2]) Ich wünsche daher, dass der kritische Leser sich mit dieser Antinomie hauptsächlich beschäftige, weil die Natur selbst sie aufgestellt zu haben scheint, um die Vernunft in ihren dreisten Anmassungen stutzig zu machen und zur Selbstprüfung zu nöthigen (§ 52b, Rosenkranz, III, 111).

VII.

Мы видимъ такимъ образомъ, что уже у Канта сильно нарушена классическая чистота раціоналистической теоріи науки. Пропасть между мыслью и бытіемъ все болѣе и болѣе углубляется. Поэтъ-пантеистъ Гете, своимъ геніальнымъ чутьемъ понимавшій единство міра, могъ еще послѣ этого отрицать внѣшнее и внутреннее, могъ смѣло проникать

Ins Innre der Natur

и сообразно съ этимъ иронизировать надъ такимъ раздвоеніемъ, достойнымъ, по его мнѣнію, только смѣшного баккалавра второй части „Фауста" съ его самодовольною субъективною гносеологіею, поучающею:

Erfahrungswesen! Schaum und Dunst!
Und mit dem Geist nicht ebenbürtig!

Но менѣе могучіе умы, покорно вступившіе на путь такого раздвоенія, никакъ не могли его преодолѣть, несмотря на всѣ усилія послѣкантовой спекулятивной философіи. „Субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки", простодушно признавался Кольцовъ Бѣлинскому. Difficultatem facit doctrina. Проблема истины запуталась и осложнилась. Истина заколебалась и, какъ Парисъ среди богинь или Геркулесъ на распутьи, должна была выбирать. Она должна была сдѣлать выборъ между субъективизмомъ и объективизмомъ. Она должна была или принять рѣзко индивидуалистическій характеръ, провозгласивъ себя созданіемъ человѣческаго я, или удалиться въ таинственный транссцендентный міръ непознаваемаго и сверхразумнаго абсолюта или же, наконецъ, совершить самоубійство и очистить мѣсто для скептической „иронiи"—вродѣ той, которою тѣшилъ свой умъ Фр. Шлегель, пока онъ не нашелъ болѣе положительнаго убѣжища въ откровеніи, преданіяхъ и организаціи католической церкви. Транссцендентальный разумъ философіи XVII вѣка, объединяющій и даже отождествляющій мысль и бытіе, какъ бы раскололся на двѣ части и превратился у Фихте въ субъективный разумъ единичнаго человѣка, у Шеллинга и Гегеля—въ объективный разумъ вещей. Результаты получились въ обоихъ случаяхъ крайне неутѣшительные для возможности рѣшить проблему истины.

Начатая Фихте и романтиками субъективизація разума не замедлила принести свои плоды: признавъ человѣка субъектомъ разума, Фейербахъ вернулся къ Протагорову утвержденію, что мѣра всѣхъ вещей—человѣкъ, и притомъ не транссцендентальный, „ноуменальный" человѣкъ вообще прежней философіи, не абстрактный „средній" человѣкъ Кетле и не конкретный, зато типичный человѣкъ Леплэ, а всякій единичный человѣкъ, каждый субъектъ во всемъ его „идіографическомъ", какъ выразился бы Виндельбандъ, своеобразіи. На этомъ онъ и остановился. Вѣрнѣе, онъ даже пошелъ назадъ: именно, онъ впалъ въ матеріализмъ и сообразно съ этимъ поставилъ субъекта въ полную зависимость отъ матеріальныхъ объектовъ. Онъ, такъ сказать, зажалъ ротъ субъективному разуму обильнымъ питаніемъ извнѣ и даже совершенно превратилъ человѣка въ то, что онъ ѣстъ. Болѣе послѣдователенъ былъ Максъ Штирнеръ. Онъ отказался даже отъ индивидуализма, потому что это ученіе всетаки имѣетъ въ виду человѣка вообще. А Штирнеръ рѣшительно отказывался признавать такого человѣка. Онъ хотѣлъ имѣть дѣло только съ я. И это было не то общечеловѣческое и

даже міровое я, которое носилось передъ Фихте въ его философскихъ грезахъ, а то личное я, которое есть у каждаго человѣка, отдѣльно взятаго. Такое личное, эгоистическое я было крайне ненавистно Паскалю [1])—личности несомнѣнно великой и въ своемъ родѣ даже безпримѣрной, но жившей въ такую эпоху, когда философія была слишкомъ возвышенна, чтобы заниматься личными дѣлами даже великихъ людей. Но у Штирнера былъ иной вкусъ. Именно такимъ я въ единственномъ числѣ и образѣ, которому нѣтъ подобія, т. е., въ данномъ случаѣ, собственною особою того учителя одной изъ берлинскихъ дѣвичьихъ школъ Каспара Шмидта, который въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка писалъ подъ псевдонимомъ Макса Штирнера, онъ принципіально ограничивалъ и исчерпывалъ ту сферу субъективнаго, внѣ которой онъ не зналъ и знать не хотѣлъ никакой истины. Остается не совсѣмъ понятнымъ, почему онъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ путемъ печати дѣлиться съ публикою своими личными дѣлами и мыслями, не выходившими или, по крайней мѣрѣ, не желавшими выходить изъ того, что Фр. Бэконъ назвалъ бы его умственною пещерою? Въ этомъ, повидимому, проявилась невольная, несмотря на принципіальный солипсизмъ, потребность духовнаго общенія у этого мизантропически настроеннаго, но все же, повидимому, вполнѣ здороваго психически человѣка. Но субъективизмъ пошелъ еще дальше: Ницше объявилъ свое личное я чѣмъ-то высшимъ, сверхчеловѣческимъ и, значитъ, уже метафизическимъ. Впрочемъ, какъ бы ни были блестящи въ стилистическомъ отношеніи его разсужденія на эту тему, объ ихъ философской или просто разумной цѣнности трудно говорить что бы то ни было уже просто потому, что разгаръ его литературной дѣятельности совпалъ съ началомъ и быстро прогрессировавшимъ развитіемъ душевной болѣзни, задолго до смерти помутившей его

[1]) См. выше, стр. 159.

разсудокъ. И нельзя не удивляться тому, что проф. А. Риль отвелъ и ему мѣсто среди „классиковъ философіи" [1]).

Такимъ образомъ начатое еще Кантомъ и продолженное Фихте низведеніе разума съ трансцендентальной, транссубъективной высоты на уровень личнаго дѣла философствующихъ индивидовъ естественно вело черезъ психологическій антропоцентризмъ Фейербаха къ мизантропическому эгоцентризму Штирнера съ тѣмъ, чтобы найти свое достойное завершеніе въ психопатическомъ метаэгоизмѣ Ницше. Величавый, вѣчный, неизмѣнный, отвлеченный разумъ XVII вѣка выродился въ манію субъективнаго величія.

Таковы были послѣдствія превращенія трансцендентальнаго разума въ разумъ субъективный. Не лучше были послѣдствія превращенія его въ „объективный" разумъ, въ разумъ вещей и вообще внѣсубъективнаго бытія. Разумъ былъ отождествленъ съ такимъ бытіемъ и съ ходомъ событій въ немъ. Истиною разума была провозглашена истина факта. Разумное совершенно слилось съ дѣйствительнымъ. Скрытый въ объективной дѣйствительности разумъ пользуется людьми для своихъ неисповѣдимыхъ путей. У Гегеля міровой разумъ „хитритъ" по отношенію къ людямъ [2]) не хуже, чѣмъ „природа" въ Кантовой философіи исторіи. Благодаря такому всемогуществу объекта по отношенію къ субъекту послѣдній или совершенно растворяется въ объективной дѣйствительности, которая даже мыслитъ за него или по крайней мѣрѣ до него [3]), или же обрекается на пассивное и по-

[1]) См. шестой томъ Фромманнова изданія Klassiker der Philosophie.

[2]) Во введеніи къ своей „Философіи исторіи" Гегель говоритъ о хитрости разума—die List der Vernunft (Werke, zweite Auflage, IX, 41).

[3]) Баадеръ училъ: cogitor, ergo sum, ergo sum cogitans (Werke, XII, 376; VIII, 339). Какъ объяснялъ Шеллингъ въ „Изложеніи философскаго эмпиризма", въ процессѣ познанія проявляется сила и даже магія (Werke, Abt. I, Band X, 265) Бога, этого, какъ онъ его называетъ, хозяина и господина бытія (тамъ же, 260).

чтительное воспріятіе [1]) истины, которую открываетъ ему объектъ. Иными словами, процессъ познанія истины превращался въ воспріятіе откровенія, пріобрѣталъ характеръ религіозной вѣры. Если такимъ образомъ субъекту предоставлялась чисто пассивная роль въ познаніи объективной истины, то это обязывало его воспринимать какъ истинное, какъ реальное, все то, что ему является. И такимъ образомъ объективизмъ приводитъ къ феноменализму. Стремленіе познать „настоящую" дѣйствительность, міръ вещей, какъ таковыхъ, въ концѣ концовъ сводится къ воспріятію „явленій", къ личному импрессіонизму, иными словами, къ крайнему субъективизму [2]). Какъ бы „объективно" мы ни воспринимали, воспринимаемъ всетаки мы. И если каждый изъ насъ воспринимаетъ болѣе или менѣе по своему, то гдѣ же единая, настоящая, однозначная истина?

Такимъ образомъ объективизмъ создаетъ релативизмъ и притомъ двойной: не только субъектъ, но и объектъ измѣнчивы и относительны. И, значитъ, правъ былъ С. Бэвъ съ его знаменитымъ девизомъ: мы измѣнчивы и судимъ измѣнчивыя существа. Съ такой точки зрѣнія познаніе истины

---

[1]) Якоби производилъ Vernunft отъ Vernehmen (Werke, III, 19).

[2]) Это замѣтно уже у Якоби, который самъ сознаетъ это. Онъ ищетъ самостоятельную внѣчеловѣческую истину, а находитъ—самого себя. Съ одной стороны онъ пишетъ: „подъ истиннымъ я понимаю нѣчто, что есть *до* знанія и *внѣ* его" (Werke, III, 32); „мнѣ нужна была истина, которая не была бы моимъ созданіемъ, но созданіемъ которой былъ бы я" (Werke, IV, I Abt., XIII); истина—это „живое внѣшнее бытіе, которое само изъ себя исходитъ, которое прогрессивно и продуктивно" (Werke, IV, II Abt., 130). Съ другой же стороны онъ самъ резюмируетъ свою философію какъ свое личное жизненное дѣло: und so zeige sich am Ende als Summe der Jacobischen Darstellungen und Lehren nur der im Begriffe und Worte gebrachte Geist eines *individuellen Lebens* (его собственный курсивъ): des Mannes Friedr. Heinr. Jacobi (Werke, IV, I Abt., XII).

представляетъ не болѣе какъ измѣнчивую *оцѣнку* измѣнчиваго бытія со стороны измѣнчивыхъ субъектовъ. Въ философіи выдвигается на первый планъ новое понятіе – оцѣнка. Безъ оцѣнки былъ бы пустъ орѣхъ бытія—такъ говорилъ Заратустра у Ницше. Но и оцѣнка едва ли его наполняетъ. Вмѣсто реальнаго и однозначнаго познанія, она учитъ, что все зависитъ отъ „точки зрѣнія" или отъ тѣхъ или иныхъ „категорій", черезъ которыя каждый по своему пропускаетъ свое воспріятіе и пониманіе измѣнчиваго объективнаго бытія. Когда кто-нибудь говоритъ что-нибудь о дѣйствительности, мы не спрашиваемъ уже, истинно ли это или нѣтъ само по себѣ, а спрашиваемъ, какія точки зрѣнія, категоріи или оцѣнки привносятся даннымъ субъектомъ въ его разсужденія о томъ неуловимомъ и многозначномъ инкогнито, которое называется объективнымъ міромъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія къ проблемѣ истины являются въ наше время воззрѣнія Пуанкаре и т. н. прагматизмъ. Пуанкаре представляетъ въ своемъ родѣ поразительное явленіе: выдающійся ученый, собственными руками разрушающій достовѣрность научной истины, Самсонъ науки, прочно привязанный къ ея зданію и тѣмъ не менѣе превращающій его въ развалины. Объективной, однозначной истины, увѣряетъ онъ, нѣтъ. Вмѣсто нея онъ выдвигаетъ удобство нашего познанія, нашего оріентированія въ опытномъ мірѣ. Вопросъ о томъ, истинна ли, напримѣръ, Эвклидова геометрія, по собственному заявленію Пуанкаре [1]), не имѣетъ уже для него никакого смысла: она просто „болѣе удобна" (родственный ему по духу Махъ выразился бы, что она болѣе „экономна"). Сообразно съ этимъ Пуанкаре вполнѣ послѣдователенъ, когда превращаетъ аксіомы въ гипотезы, научные принципы—въ условныя соглашенія [2]) и

---

[1]) Наука и гипотеза, стр 61 русскаго перевода 1904 г.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

когда увѣряетъ, что „геометръ употребляетъ пространство такъ же, какъ употребляетъ мѣлъ" [1]).

Такой взглядъ на познаніе какъ на приспособленіе нашей мысли къ опыту, такой гносеологическій оппортунизмъ, такой интересъ къ наукѣ со стороны ея практическихъ результатовъ, со стороны ея цѣнности нашелъ живой откликъ въ странѣ долларовъ. И оттуда исходитъ то новое, вѣрнѣе, мнимо новое слово, которое должно философски вдохновить современную науку въ ея исканіи истины. Слово это — „прагматизмъ". И произнесъ его Джемсъ. Превосходный психологъ, онъ въ вопросахъ философіи высказываетъ воззрѣнія, которыя могли создать ему и въ этой области крупное имя только благодаря упадку философскаго духа въ наши дни: такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ [2]) онъ увѣрялъ, что подъ вліяніемъ опьяняющаго газа онъ превратилъ одного человѣка въ гегельянца и слышалъ отъ него разсужденія почти буквально напоминающія Гегелеву діалектику; такимъ вульгарнымъ способомъ расправляется онъ съ великимъ нѣмецкимъ метафизикомъ Джемсъ и въ философіи остается психологомъ. Онъ ни съ кѣмъ не споритъ объ истинѣ. И это вызывается не тѣмъ, что онъ не признаетъ истины, а, напротивъ, тѣмъ, что для него все истина и вмѣсто единой, однозначной истины онъ признаетъ ихъ множество. Сообразно съ этимъ онъ пропагандируетъ абсолютное равноправіе всякихъ теорій. Выборъ между ними опредѣляется различіемъ человѣческихъ характеровъ или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, темпераментовъ [3]). „Темпераменты съ ихъ симпатіями и антипатіями опредѣляютъ въ дѣйствительности — и всегда будутъ опредѣлять — философскія воззрѣнія людей" [4]). Сообразно съ

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) См. сборникъ его статей „Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи", р. п. 1904 г.

[3]) См. Прагматизмъ, р. п. 1910 г. (изданіе „Шиповникъ") стр. 158.

[4]) Тамъ же, стр. 28.

этимъ вся „исторія философіи является въ значительной мѣрѣ исторіею своеобразнаго столкновенія человѣческихъ темпераментовъ" [1]). И нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать одну теорію другой: „идеализмъ будетъ избранъ человѣкомъ одного эмоціональнаго типа, матеріализмъ — человѣкомъ другого темперамента" [2]). Въ философіи на каждомъ шагу чувствуется „ароматъ индивидуальности" [3]). Все — menschliches, allzumenschliches. И на этомъ основаніи оксфордскій профессоръ Шиллеръ предпочитаетъ называть прагматизмъ „гуманизмомъ". Философія науки переходитъ въ психологію науки, а психологія науки, въ свою очередь, переходитъ въ психологію отдѣльныхъ ученыхъ.

Такая постановка дѣла возможна и даже необходима для констатированія субъективности извѣстныхъ человѣческихъ исканій какъ недостатка, съ которымъ слѣдуетъ бороться для достиженія единой однозначной истины. И въ этомъ отношеніи не кто иной какъ Спиноза былъ предшественникомъ Джемса: въ приложеніи къ первой части своей „Этики" онъ показываетъ, что люди по большей части судятъ о вещахъ „согласно устройству мозга" [4]). Но вся разница въ

[1]) Тамъ же, стр. 11.

[2]) См. статью „Чувство раціональности" въ указанномъ выше сборникѣ статей Джемса (стр. 101).

[3]) Прагматизмъ, стр. 28.

[4]) Quae omnia satis ostendunt, unumquemque pro dispositione cerebri de rebus judicasse, vel potius imaginationis affectiones pro rebus accepisse. Quare non mirum est, quod inter homines tot, quot experimur, controversiae ortae sint... Omnibus enim in ore est, Quot capita, tot sensus; Suo quemque sensu abundare; Non minora cerebrorum quam palatorum esse discrimina: quae sententiae satis ostendunt, homines pro dispositione cerebri de rebus judicare, resque potius imaginari quam intelligere... Videmus itaque omnes rationes, quibus vulgus solet Naturam explicare, modos esse tantummodo imaginandi, nec ullius rei naturam, sed tantum imaginationis constitutionem indicare (Opera, I, 70, 71).

томъ, что Спиноза видитъ въ этомъ не достоинство, а недостатокъ; и онъ убѣжденъ, что истина есть и что для ея познанія необходимо преодолѣть человѣческую субъективность. Между тѣмъ для Джемса существуютъ только различныя мнѣнія, теоріи и внѣ ихъ нѣтъ истины. Сообразно съ этимъ онъ учитъ, что „прагматизмъ готовъ остановиться на чемъ угодно" [1]), и находитъ чрезвычайно удачнымъ [2]) сдѣланное итальянскимъ прагматистомъ Папини вульгарное уподобленіе путей философіи корридору въ гостинницѣ, гдѣ живетъ много людей, думающихъ каждый о себѣ, не интересующихся сосѣдями и поэтому не мѣшающихъ имъ.

„Слѣдуетъ выбрать" [3]), утверждаетъ одинъ ученикъ Ренувье по поводу соперничающихъ въ наше время философскихъ теорій. Слѣдуетъ выбрать, говоритъ въ концѣ концовъ и Джемсъ. Онъ и выбираетъ „прагматизмъ". Прагматизмъ — это такая „метода улаживанія философскихъ споровъ" [4]), которая, какъ видно изъ его названія [5]), считаетъ истиннымъ все то, что такъ или иначе оказывается для насъ практически пригоднымъ. „Истинное, коротко говоря, это просто лишь удобное" [6]). Вмѣсто единой теоріи истины получается „теорія истинъ во множественномъ числѣ,... имѣющихъ между собою общимъ лишь то, что онѣ *окупаются*" [7]). „Истина нашихъ мыслей означаетъ ихъ способность работать на насъ" [8]). Сообразно съ этимъ Джемсъ, въ полномъ согласіи съ Пуанкаре, утверждаетъ, что „всѣ наши теоріи

---

[1]) Прагматизмъ, стр. 55.
[2]) Тамъ же, стр. 39.
[3]) Il faut choisir, et il faut oser choisir (Henry Michel, L'Idée de l'état, troisième édition, Paris, 1898, стр. 638).
[4]) Прагматизмъ, стр. 33.
[5]) Отъ греческаго слова „дѣйствіе", стр. 34.
[6]) Стр. 136.
[7]) Стр. 133 и 134.
[8]) Стр. 41 и 45.

инструментальны, всѣ онѣ — умственные способы приспособленія" [1]).

Послѣдствія такого пониманія для науки довольно неблагопріятны и даже зловѣщи. „Возвращаясь къ методамъ эмпирической философіи, для которой истинно то ученіе, которое даетъ наилучшіе практическіе результаты" [2]), прагматизмъ дѣлаетъ равноцѣнными науку и метафизику. Болѣе того, если окажется, что метафизическій отвѣтъ на ту или иную проблему практичнѣе и удобнѣе для людей, то такой отвѣтъ оказывается „прагматичнѣе" научнаго. „Если окажется — пишетъ Джемсъ, — что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то, съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого" [3]). Такъ какъ всякая вообще истина „въ значительнѣйшей своей части покоится на кредитной системѣ" [4]), то всякое вообще знаніе сводится прагматизмомъ къ вѣрѣ. Джемсъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что прагматизмъ „способенъ оставаться религіознымъ" [5]), что онъ, „въ отличіе отъ Спенсеровой философіи, ни въ началѣ ни въ концѣ не выпроваживаетъ за дверь положительныхъ религіозныхъ построеній" [6]). Но это не значитъ, что Джемсъ рядомъ съ наукою находитъ мѣсто также и для религіи, и что онъ такимъ образомъ сходится съ великими философами XVII вѣка въ признаніи двухъ одинаково законныхъ, хотя и различныхъ по объектамъ и методамъ путей знанія и пониманія. Это значитъ, что онъ почти возвращаетъ научную мысль къ метафизическому и теологическому состоянію и признаетъ истиннымъ все то, во что намъ

---

[1]) Стр. 120.
[2]) Многообразіе религіознаго опыта, р. п., Москва, 1910, стр. 447.
[3]) Прагматизмъ, стр. 50.
[4]) Тамъ же, стр. 127.
[5]) Тамъ же, стр. 26.
[6]) Тамъ же, стр. 31.

угодно вѣрить. „Я вѣрю—пишетъ онъ,—что мы находимся въ такомъ же отношеніи къ совокупности вселенной, въ какомъ находятся наши комнатныя собачки и кошки къ совокупности человѣческой жизни“ [1]). Это, достойное корридора Папини, сравненіе должно свидѣтельствовать о нашей неспособности объективно и однозначно понять міръ во всей его дѣйствительности и необходимости. Зато „нѣтъ ничего болѣе характернаго въ человѣческой природѣ, чѣмъ ея способность жить тѣмъ, что существуетъ лишь какъ возможность“ [2]). Не будь этой способности, въ самомъ дѣлѣ оправдывающей и объясняющей міръ гипотезъ и метафизики [3]), не было бы вообще никакихъ гипотезъ, никакихъ теорій. Но она есть. И прагматизмъ строитъ свое зданіе именно на ней. Онъ смѣло пускается въ міръ метафизическихъ возможностей. И ради нихъ, ради насъ возвышающаго обмана онъ готовъ отвернуться отъ научной дѣйствительности—если послѣдняя, выражаясь его терминами, менѣе „окупается”. Какъ далеко пойдетъ такой синкретизмъ, такое смѣшеніе вѣры и знанія, судить пока трудно, вслѣдствіе юности прагматизма. Однако уже и теперь можно опасаться, что прагматизмъ сглаживаетъ разницу между вѣрою и знаніемъ скорѣе въ интересахъ вѣры, чѣмъ знанія; законный поводъ для такихъ опасеній даютъ какъ книга Джемса о религіи, съ ея метафизическимъ плюрализмомъ, такъ и нѣкоторыя мѣста его „Прагматизма” [4]).

Хотя Джемсъ рекомендуетъ своимъ читателямъ прагматизмъ какъ „зарю новаго дня” въ философіи [5]), однако онъ ближе къ истинѣ, когда въ заглавіи своей книги характеризуетъ это направленіе какъ „новое названіе для нѣкоторыхъ старыхъ методъ мышленія”. Прагматизмъ—дѣйствительно старая и притомъ очень старая метода философствованія. Это та метода, къ которой прибѣгаетъ мысль, потерявшая старые пути и не нашедшая еще новыхъ, переживающая переходъ отъ истинъ бывшихъ къ будущимъ, и, къ счастью для себя, гордящаяся какъ своимъ превосходствомъ тѣмъ, что, въ дѣйствительности, свидѣтельствуетъ о ея безсиліи. Если такая метода извѣстна намъ уже со временъ Протагора, признававшаго человѣка мѣрою всѣхъ вещей, то въ новое время не кто иной какъ Кантъ, былъ тѣмъ мыслителемъ, который толкнулъ философію на путь, приведшій ее къ прагматизму. Прагматизмъ—это вполнѣ законное и естественное дѣтище Канта. Не напрасно Пирсъ, этотъ, какъ признаетъ и самъ Джемсъ [1]), настоящій основатель прагматизма, прямо утверждалъ, что всю свою доктрину онъ заимствовалъ у автора „Критики чистаго разума”.

---

[1]) Тамъ же, стр. 183.

[2]) Многообразіе религіознаго опыта, стр. 518.

[3]) См. выше, стр. 99.

[4]) Такъ, напримѣръ, на стр. 58 мы читаемъ, что старое философское понятіе субстанціи находитъ „единственное прагматическое примѣненіе” въ вопросѣ о таинствѣ евхаристіи.

[5]) Стр. 11.

[1]) Прагматизмъ, стр. 34.

VIII.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго выше сдѣлать заключеніе, что XVII вѣкъ принесъ съ собою единую истинную теорію познанія и что поэтому нѣтъ иного философскаго спасенія, кромѣ возвращенія вспять, назадъ къ XVII вѣку? Вовсе нѣтъ. Этого вѣка уже нѣтъ и болѣше никогда не будетъ. Не напрасно и не безплодно прошли съ тѣхъ поръ два столѣтія. Съ точки зрѣнія самихъ теоретиковъ этого вѣка [1]) мы стали богаче опытомъ и старше, чѣмъ они. Вмѣстѣ съ тѣмъ XIX вѣкъ слишкомъ хорошо научилъ насъ связывать доктрины каждой эпохи съ ея потребностями и съ характеризующимъ именно ее общимъ состояніемъ знаній и умовъ. Мы не можемъ поэтому не признать всей исторической необходимости тѣхъ теорій познанія, которыми живетъ наша современность. Поскольку, напримѣръ, онѣ ориентируются въ современныхъ физическихъ наукахъ, онѣ какъ нельзя лучше выражаютъ то переходное состояніе, полное недоумѣній и сомнѣній, въ которое ихъ повергла энергетика и т. п. теоріи и открытія новѣйшаго времени. Естествознаніе начинаетъ пріобрѣтать такой видъ, что ясныя, отчетливыя, очевидныя, кристально-чистыя построенія великихъ раціоналистовъ XVII вѣка, по преимуществу озабоченныхъ элементарною пространственною, геометрическою стороною вселенной, во многихъ отношеніяхъ уже не могутъ служить для него методологическою поддержкою. Если нынѣшнія ме-

[1]) См. выше, стр. 20.

тодологическія теоріи пока еще безсильны дать нѣчто дѣйствительно положительное и пока свидѣтельствуютъ только о пустотѣ и сомнѣніяхъ, естественно вызванныхъ отказомъ отъ старыхъ воззрѣній и отсутствіемъ новыхъ, то это еще не значитъ, что такъ будетъ продолжаться вѣчно или, по крайней мѣрѣ, долго и что для новой науки не найдется также и новой теоріи науки. Нелѣпо было бы поэтому фанатически взывать: назадъ къ XVII вѣку, какъ нелѣпы, въ сущности, и другіе девизы того же рода, раздающіеся въ наши дни: назадъ къ Канту, назадъ къ Фихте и т. д.

Но есть другая сторона дѣла. И если принять ее во вниманіе, то можно и должно, и не вычеркивая изъ исторіи философіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, найти весьма почетное мѣсто для великихъ раціоналистовъ XVII вѣка. Это то мѣсто, которое мы отводимъ всякимъ вообще классикамъ. Такое мѣсто можно тѣмъ легче отвести имъ, что они занимались философіею. А въ философіи, кромѣ временнаго и относительнаго, есть много вѣчнаго, много вѣчныхъ отвѣтовъ, еще больше вѣчныхъ вопросовъ. И тѣ философы, которые поднимаются на высоту вѣчности, которые мыслятъ sub specie aeternitatis, стоятъ уже какъ бы внѣ времени. Они говорятъ не только своему времени и отъ имени своего времени. Они говорятъ вообще, для вѣчности и отъ имени вѣчности. Платонъ очень много сказалъ—сказалъ своимъ академическимъ совопросникамъ, вообще своимъ современникамъ. Но кое что онъ говоритъ—говоритъ не только своему времени, но и всѣмъ, кто задумывается надъ извѣстными вопросами. Вотъ и великіе раціоналисты XVII вѣка по цѣлому ряду вопросовъ тоже говорятъ. Особенно много они говорятъ по вопросамъ гносеологіи. Въ этой области философіи рядомъ съ мѣняющимися исторически вопросами есть цѣлый рядъ вопросовъ вѣчныхъ: существуетъ ли истина, возможно ли ея познаніе, каковы ручательства его достовѣрности и т. п. И вотъ именно относительно этихъ вѣчныхъ вопросовъ гносеологіи раціоналисты XVII вѣка гово-

рять много такого, что ближе къ вѣчности и что во всякомъ случаѣ гораздо проще и достойнѣе рѣшаетъ ихъ, чѣмъ ученія ихъ эпигоновъ въ XVIII столѣтіи, а также теорія познанія XIX столѣтія и нашихъ дней. Въ этомъ смыслѣ и въ этихъ предѣлахъ можно и, если мы не ошибаемся, должно оказывать имъ предпочтеніе какъ истиннымъ классикамъ, имѣющимъ всѣ данныя для того, чтобы быть вѣчными спутниками нашей философской мысли.

ГЛАВА IX.

Методика истины.

Творить—это видѣть.

Согласно съ общею тенденціею позитивнаго раціонализма XVII вѣка, методологическіе вопросы въ этомъ вѣкѣ ставились и рѣшались въ тѣсной связи съ положительнымъ знаніемъ. Вопросъ о путяхъ изслѣдованія не представлялъ замысловатой проблемы, оторванной отъ существующей науки. Методологія не ставила себѣ неосуществимыхъ задачъ. Она не столько предписывала, сколько описывала. Только тѣ мыслители, которые еще не овладѣли вполнѣ новымъ физическимъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки, которые все еще искали метафизическія „природы вещей", испытывали методологическія затрудненія; такъ, напримѣръ, Кампанелла писалъ: rerum naturas cognoscere difficile quidem est, at modum cognoscendi longe difficilius [1]). Для „новаторовъ" XVII вѣка методологическая рефлексія [2]) не представляла трудной проблемы и даже вообще проблемы. Метода познанія шла рядомъ съ самимъ познаніемъ [3]) и осуществлялась

---

[1]) E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 376.

[2]) Methodum nihil aliud esse, nisi cognitionem reflexivam, писалъ Спиноза (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 12).

[3]) Est ergo methodus philosophandi—писалъ Гоббесъ,—effectuum per causas cognitas, vel causarum per cognitos effectus brevissima investigatio (Computatio sive logica, cap. VI, 1, Opera, I, 58).

не въ мечтахъ философовъ, а въ дѣйствительности, en action, какъ выражался впослѣдствіи О. Контъ о всякой здоровой методологіи. И методологи XVII вѣка не имѣли поводовъ жаловаться, какъ это, напримѣръ, дѣлалъ Милль по отношенію къ Конту [1]), что ихъ теоріи хотя и одобряются принципіально, но фактически совсѣмъ не примѣняются. Въ отличіе отъ Бэкона, не исполнявшаго своихъ обѣщаній относительно новой науки [2]), строившаго архитектуру [3]), но не строившаго зданій, новаторы не столько обѣщали науку, сколько созидали ее. И такъ какъ было слишкомъ очевидно, что при этомъ получались чрезвычайно удачные результаты, то они нерѣдко проявляли полное равнодушіе къ методологической проблемѣ. Такъ, напримѣръ, Ньютона не напрасно сравнивали съ Ниломъ, источники котораго мало извѣстны и который сразу появляется какъ могучая и широкая рѣка. Когда его спрашивали, какими путями онъ пришелъ къ открытію закона тяготѣнія, все, что онъ могъ отвѣтить, было то, что онъ постоянно думалъ объ этомъ. Даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя спеціально посвящались методологіи, она не разсматривалась какъ нѣчто самодовлѣющее, деспотически навязывающее свои каноны всѣмъ изслѣдователямъ и принципіально болѣе важное, чѣмъ положительная наука. Въ Dis-

[1]) Въ своей книгѣ объ Огюстѣ Контѣ и позитивизмѣ (стр. 63 русскаго перевода) Милль писалъ по поводу своей собственной „Логики": „здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Контъ, вскорѣ послѣ изданія этого сочиненія, выразилъ какъ въ отдѣльномъ письмѣ (напечатанномъ въ книгѣ Литтре), такъ и въ печати свое полное одобреніе этому труду (особенно той его части, гдѣ говорится объ индукціи), какъ дѣйствительно способствующему установленію позитивнаго метода. Но мы не могли открыть, чтобы онъ позаимствовался хоть одною идеею изъ этого труда, или чтобъ это сочиненіе оказало хоть малѣйшее вліяніе на ходъ его дальнѣйшихъ умозрѣній".

[2]) См. выше, стр. 28, прим. 1.

[3]) Methodus vero veluti scientiarum Architectura est (De augmentis scientiarum, VI, II, Works, I, 668).

cours de la methode Декартъ предупреждаетъ, что онъ не имѣетъ въ виду предписывать общеобязательныхъ путей и ограничивается описаніемъ той методы, которой онъ самъ слѣдовалъ [1]). Въ трактатѣ De intellectus emendatione Спиноза училъ, что, прежде чѣмъ знать о знаніи, необходимо просто знать; а когда у насъ есть дѣйствительное знаніе, тогда уже нѣтъ необходимости безпокоиться еще и о томъ, знаемъ ли мы, что мы знаемъ [2]). Однако они не доходили до той безпечности по отношенію къ своимъ основоположеніямъ, которая проявилась въ слѣдующемъ столѣтіи хотя бы въ знаменитомъ совѣтѣ Даламбера: allez en avant, la foi vous viendra. Благодаря такому отношенію къ методологическимъ проблемамъ новаторы XVII вѣка удачно выходили ex ἀμεθοδίας difficultatibus [3]) и трактовали эти проблемы съ тѣмъ спокойствіемъ, а также съ тѣмъ позитивизмомъ и реализмомъ, который вообще отличаетъ ихъ философствованіе.

[1]) Oeuvres, Cousin, I, 124.

[2]) Ut sciam me scire, necessario debeo prius scire... Non opus est, ut sciam, quod sciam me scire (Opera I, 11). Ср. Etbica, Pars II, Prop. XLIII: Qui veram habet ideam, simul scit se veram habere ideam, nec de rei veritate potest dubitare (Opera, I, 105).

[3]) Выраженіе одного изъ корреспондентовъ Амоса Коменскаго (Monumenta Germaniae Paedagogica, Band XXVI, 97, Hübner an Hartlib).

A.

Методологическая рефлексія о наукѣ слагается изъ двухъ моментовъ—отрицательнаго и положительнаго. Отрицательный моментъ—это критика старыхъ пріемовъ познанія. Положительный—это установленіе новыхъ путей. Старыми путями для новаторовъ XVII вѣка были пріемы схоластической науки. И ихъ методологія требовала прежде всего отказа отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія отказъ отъ формально-логической силлогистики, отъ „реалистической" въ средневѣковомъ смыслѣ абстракціи и, наконецъ, отъ діалектики. Силлогизмъ, абстракція и діалектика—таковы были тѣ враги, которыхъ прежде всего надлежало сокрушить.

I.

Ce n'est pas barbara et baralipton qui forme le raisonnement.

Паскаль.

Syllogismorum formae nihil juvant ad rerum veritatem percipiendam.

Декартъ (Regulae).

Протестъ противъ силлогистики былъ естественнымъ послѣдствіемъ протеста противъ терминологической учености средневѣковья. Если Сенека въ своей философской перепискѣ съ Люциліемъ еще жаловался на бѣдность и даже нищету современной ему терминологіи [1]), то новаторы XVII вѣка уже,

[1]) Quanta verborum nobis paupertas, immo egestas (Epistola LVIII).

напротивъ, жаловались на чрезмѣрное богатство терминовъ школьной философіи. Они испытываютъ неудержимую потребность сбросить съ себя терминологическій балластъ схоластической учености. И это обязываетъ ихъ отказаться также и отъ любимаго дѣтища этой учености, именно, силлогистики родовъ и видовъ, съ такою любовью подвергавшей классификаціи всевозможные термины. Уже гуманисты, несмотря на все ихъ словолюбіе, протестовали противъ терминологической силлогистики и ея патрона Аристотеля, этого „бога схоластической науки" [1]). Протестъ этотъ, протестъ противъ терминологической гидры, какъ выражался Монтэнь [2]), протестъ, высказывавшійся также и мистиками [3]), принялъ болѣе опредѣленный и научный характеръ, когда рядомъ съ новою филологическою образованностью все отчетливѣе стала обрисовываться новая естественнонаучная образованность. Всѣ, кому приходилось философствовать въ связи съ этою послѣднею образованностью, несмотря на различіе ихъ гносеологическихъ воззрѣній рѣшительно сходятся въ протестѣ противъ терминологической учености и поддерживавшей ее Аристотелевой силлогистики: Декартъ въ этомъ отношеніи протягиваетъ руку Бэкону. Силлогизмъ рѣшительно осуждается. Іезуитъ Клавіусъ, пытавшійся облечь Эвклидову геометрію въ традиціонную силлогистическую форму, вызвалъ однимъ этимъ упрекъ Пуффендорфа, что онъ себя проституировалъ [4]).

---

[1]) Монтэнь, Essais, L. II, Ch. XII, стр. 506 перваго тома изданія Леклерка.

[2]) On eschange un mot pour un aultre mot, et souvent plus incogneu: je sçais mieulx que c'est qu' Homme, que je ne sçais que c'est Animal, ou Mortel, ou Raisonnable. Pour satisfaire à un doubte, ils m'en donnent trois; c'est la teste d'Hydra. (Essais, L. III, Ch. XIII, стр. 461 второго тома изданія Леклерка).

[3]) Еще Ѳома Кемпійскій недоумѣвалъ: „и что намъ во всяческихъ родахъ и видахъ?" (О подражаніи Христу, III, 2, стр. 8 восьмого изданія русскаго перевода).

[4]) Und hat sich, wo mir recht ist, Clavius sehr prostituiret, dass er des Euclidis demonstrationes in formam ejusmodi syllogis-

Схоластическій силлогизмъ въ троякомъ отношеніи не удовлетворяетъ философскихъ новаторовъ. Во-первыхъ, онъ не реалистиченъ. Вмѣсто предметовъ конкретнаго міра онъ разсуждаетъ о понятіяхъ, объ идеяхъ, внѣ вещей находящихся [1]), о терминахъ, о формахъ, объ „эссенціяхъ" [2]) и т. п. Полагаясь на выводы такого силлогизма, схоластики, какъ жаловался Галилей Кеплеру [3]), отказывались заглянуть въ подзорную трубу и надѣялись удалить съ неба новыя планеты путемъ формально-логическихъ аргументовъ и ссылокъ на „стараго дурака Аристотеля" [4]), какъ уже стали называть стагирита. Люди XVII вѣка теряютъ охоту подчинять свое познаніе реальнаго міра формально-логическому терминологическому силлогизму. Онъ принуждаетъ, но не убѣждаетъ. Онъ не даетъ реальнаго познанія, какъ не даетъ его и объясненіе вещей со стороны ихъ терминологическаго рода и вида: Чирнгаузенъ предостерегалъ отъ смѣшенія словесной философіи съ реальною [5]). Лейбницъ отказывался принимать

---

morum redigiren wollen (Briefe Samuel Pufendorfs an Christian Thomasius, München und Leipzig, 1897, стр. 18).

[1]) Idea, объяснялъ Гокленіусъ (208), significat speciem seu formam, seu rationem rei externam (quae extra rem est).

[2]) Essentia, въ отличіе отъ existentia.

[3]) См. объ этомъ E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem I, 291.

[4]) Der Alte Narren Aristoteles hat mit seinem igni elementari und seinen vilfaltigen orbibus coelestibus den meisten den Kopff so toll und mit seinem vacuo et inani, dass ingenium so inane gemacht, dass sie weder etwass bessers verseben, viel weniger auss ihnen selbst erfinden kennen, писалъ одинъ изъ сотрудниковъ Амоса Коменскаго (Hübner an Hartlib, Monumenta Germaniae Paedagogica, томъ XXVI, 96).

[5]) Etenim, quicunque saltem terminorum et distinctionum occurrentium significationem cognitam habet... infimum saltem philosophiae gradum obtinuisse censendus, ac nullo modo realis Philosophus appellandus erit, sed verbalis potius, quia vocabulorum magis quam rerum notitiam habet (Medicina mentis, sive artis inveniendi praecepta generalia. Editio nova, Lipsiae, 1695, Praefatio autoris ad lectorem).

солому терминовъ за зерно вещей. Истинно научная философія должна быть строго реальна. И если традиціонная философія, какъ жаловался Гассенди, цитируя Сенеку [1]), выродилась въ филологію, если любомудріе выродилось въ словолюбіе, то необходимо порвать съ традиціею и ввести новую строго реальную философію. Забытое въ средніе вѣка мудрое правило древнихъ rem tene, verba sequentur нашло себѣ практическое примѣненіе въ философіи XVII вѣка съ ея реальнымъ познаніемъ и простымъ, благороднымъ языкомъ.

Во-вторыхъ, обезпечивая только формальную исправность заключеній, силлогизмъ нисколько не предохранялъ отъ ложныхъ посылокъ и самъ по себѣ нисколько не приводилъ къ единой и однозначной матеріальной истинѣ. А между тѣмъ ученые XVII вѣка требовали отъ дедуктивной науки, чтобы ея результаты совпадали съ объективною дѣйствительностью. Но такъ какъ они замѣтили, что такіе результаты могутъ получиться и изъ ложныхъ посылокъ [2]), то они относились

---

[1]) Nostra quae erat philosophia facta philologia est.

[2]) Этотъ вопросъ, какъ уже упоминалось на стр. 53, особенно безпокоилъ Гюйгенса. Онъ приводилъ слѣдующій примѣръ:

Omnis lapis est animal,
Omnis homo est lapis,
Ergo omnis homo est animal.

(См. Oeuvres complètes de Christiaan Huygens, Tome I, La Haye, 1888, стр. 186; ср. тамъ же, стр. 190, 197, 198, 202, 203). Нѣмецкій картезіанецъ Даніилъ Липсторпъ приводилъ такой примѣръ: Omnis leo est lapis. Omnis adamas est leo. Ergo omnis adamas est lapis. (См. Specimina philosophiae Cartesianae, Lugduni Batavorum, 1653, стр. 210) Гоббесъ далъ этому вопросу оптимистическій оборотъ: verum ex falsis sequi aliquando potest, falsum ex veris nunquam (De corpore, I, III, 19, Opera, I, 38). Въ такомъ же смыслѣ интересовался вопросомъ и Лейбницъ: examinandum esset generalius quibusnam modis ex falso verum concludi possit (Opuscules et fragments inédits de Leibniz, Paris, 1903, стр. 328).

съ крайнимъ недовѣріемъ къ хитросплетеніямъ силлогистическихъ фигуръ. Умозаключеніе силлогизма, замѣчалъ по этому поводу Липсторпъ, истинно только поскольку оно разсматривается какъ грамматическое предложеніе; но вслѣдствіе одного этого оно еще не можетъ быть признано истиннымъ заключеніемъ относительно дѣйствительнаго міра [1]). Убѣжденные, что изъ истиннаго можетъ и должно вытекать только истинное, а изъ ложнаго — только ложное [2]), новаторы замѣчали, что силлогистическія фигуры не даютъ имъ этой гарантіи, и поэтому избѣгали ихъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, схоластическій силлогизмъ съ его родовыми и видовыми отличіями понятій мало соотвѣтствовалъ монистической тенденціи новой философіи, ея стремленію не разъединять, а соединять, не распредѣлять по классамъ и категоріямъ, а, напротивъ, во всемъ видѣть единую субстанцію, единый принципъ, единый законъ. Съ точки зрѣнія такой тенденціи determinatio negatio est, какъ училъ Спиноза [3]), determinatum nihil positivi, sed tantum privationem... denotat, какъ объяснялъ онъ же Хр. Гюйгенсу [4]). Терминологическій раціонализмъ съ его опредѣленіями по

[1]) Specimina philosophiae Cartesianae, 210: At si penitius syllogismum inspiciamus, advertemus ejus conclusionem veram quidem esse ut propositionem, nequaquam tamen ut conclusionem.

[2]) Чирнгаузенъ училъ ex vero non nisi verum, sed nunquam falsum; ex falso autem non nisi falsum, sed nunquam verum, sequi (Medicina mentis, стр. 35 изданія 1695 г.).

[3]) Epistola L, Opera II, 361.

[4]) Epistola XXXVI, Opera II, 320. Э. Кассиреръ приводитъ въ параллель къ этому слѣдующее мѣсто изъ „Метафизики" Кампанеллы: Affirmatio dicit esse, negatio nonesse. Homo quidem est per se et necessario non asinus, non bos, non lapis, non Deus, non coelum et infinita negatione circumdatur (Das Erkenntnisproblem, II, 623).

роду и виду и его субтильными distinctiones [1]) не приближалъ умовъ къ монистическому міропониманію, а, напротивъ, удалялъ ихъ отъ него. И нѣтъ ничего удивительнаго, что монисты XVII вѣка отказываются отъ него. Логика родовъ и видовъ вытѣсняется логикою тождества [2]).

Необходимо однако замѣтить, что философскіе новаторы XVII вѣка объявляютъ войну силлогизму не для того, чтобы совсѣмъ изгнать его изъ философіи и науки. Они нисколько не отрицаютъ значенія силлогизма какъ способа доказательства, какъ удобнаго пріема изложенія результатовъ изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи со своимъ убѣжденіемъ, что во всемъ мірѣ есть разумъ, есть логика, они ищутъ Syllogismum a parte rei spectatum [3]), они мечтаютъ о новомъ силлогизмѣ, именно о „реальномъ силлогизмѣ", выражающемъ порядокъ и связь не терминовъ, а реальнаго міра, объективную зависимость слѣдствій отъ причинъ: ipsa causae cum causato complexo cohaesio complexa Syllogismus realis est, объяснялъ Эргардъ Вейгель [4]), которому и принадлежитъ этотъ новый философскій терминъ, къ сожалѣнію, не обратившій на себя вниманія позднѣйшихъ раціоналистовъ. Res per causam scibilis cum illa causa Syllogismo reali semper cohaeret, училъ онъ

[1]) Такъ, напримѣръ, Іоаннъ Скоттъ Эріугена дѣлилъ природу слѣдующимъ образомъ: Est igitur natura generale nomen omnium quae sunt et quae non sunt... Videtur mihi divisio naturae per quattuor differentias quattuor species recipere: quarum prima est in eam, quae creat et non creatur; secunda in eam, quae creatur et creat; tertia in eam, quae creatur et non creat; quarta, quae nec creat nec creatur. Harum vero quattuor binae sibi invicem opponuntur; nam tertia opponitur primae, quarta vero secundae; sed quarta inter impossibilia ponitur, cujus differentia est non posse esse. Rectane tibi talis divisio videtur, an non? (De divisione naturae, I, 1, Migne, CXXII, 441).

[2]) См. выше, стр. 107 прим. 1, а также ниже—десятую главу.

[3]) Э. Вейгель, Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Ienae, 1658, стр. 11.

[4]) Тамъ же, стр. 126.

же въ своей замѣчательной книгѣ Analysis Aristotelica ex Euclide restituta [1]). На такихъ строго реалистическихъ началахъ Вейгель и пытался сочетать Аристотеля съ новою естественною философіею. И въ этомъ отношеніи онъ оказалъ вліяніе также на своего ученика Лейбница, которому, благодаря постигшему Вейгеля забвенію, теперь даже приписываютъ инціативу этой реставраціи Аристотеля.

О такой реставраціи могла быть рѣчь только во второй половинѣ XVII столѣтія, когда новое міровоззрѣніе выяснилось уже съ достаточною ясностью, когда основанія его были уже изслѣдованы и возникалъ вопросъ о раціональномъ и наглядномъ изложеніи, о демонстраціи результатовъ изслѣдованія. Въ началѣ же столѣтія еще слишкомъ силенъ былъ протестъ противъ Аристотеля и схоластики и вмѣстѣ съ тѣмъ еще слишкомъ неясна и неизвѣстна была система міра, чтобы можно было видѣть методологическое спасеніе въ формальностяхъ силлогизма и схоластическихъ лабиринтахъ, какъ выражался Амосъ Коменскій. Этимъ объясняется, почему, напримѣръ, Чирнгаузенъ выражалъ увѣренность, что его читатели поймутъ и вполнѣ одобрятъ отказъ его логики отъ силлогистики [2]). Этимъ же объясняется, почему еще Клаубергъ считалъ недостаткомъ своей „новодревней логики" (novantiqua Logica), появившейся одновременно съ приведенною выше книгою Вейгеля, вызванную, какъ онъ думалъ, потребностью времени необходимость сочетать въ ней древнихъ съ новыми [3]). Къ истинной логикѣ, училъ Гоббесъ, го-

[1]) Стр. 146.

[2]) Qui haec considerabunt, mirari desinent, me hunc tractatum Logicam appellasse, et ne minimam quidem interim de syllogismo similibusque in aliorum libellis Logicis magna copia occurrentibus mentionem fecisse. (Medicina mentis, 28).

[3]) Logica vetus et nova, Modum inveniendae ac tradendae veritatis, in Genesi simul et Analysi, facili methodo exhibens. Praefatio ad lectorem: Meliorem fortassis Logicam scripsissem, nisi veteris et novae conjunctionem haec tempora postulassent (Opera, 768).

раздо вѣрнѣе ведутъ математическія доказательства, чѣмъ правила силлогизма [1]).

II.

Careri potest abstractis in lingua philosophica, et hoc semel constituto multa resecabimus.

Лейбницъ (Opuscules et fragments inédits, 435).

Отказываясь отъ силлогистики, приводящей къ классификаціи понятій по родамъ и видамъ, новаторы отказываются также и отъ родственной ей по духу [2]) средневѣковой абстракціи. Понятія абстракціи, абстрактнаго въ настоящее время имѣютъ иное значеніе, чѣмъ то, которое застали новаторы. Если они протестовали противъ абстракціи, то это вовсе не значило, что они протестовали противъ абстрактнаго въ нашемъ смыслѣ знанія, т. е. отвлеченнаго, обобщающаго, въ отличіе отъ конкретнаго, индивидуализирующаго. Это значитъ, что они протестовали противъ того отчасти схоластическаго, отчасти алхимическаго, но въ обоихъ слу-

[1]) Citiusque multo veram logicam discent qui mathematicorum demonstrationibus, quam qui logicorum syllogizandi praeceptis legendis tempus conterunt (Computatio sive logica, IV, 13, Opera I, 49); ср. въ стихотворной автобіографіи Гоббеса его характеристику логики „безбородыхъ" схоластиковъ (Vita carmine expressa, Opera I, XXXVI).

[2]) Per abstrahentem intellectum genera concipiuntur et species, училъ Іоаннъ Сакробюрійскій (см. C. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, II, 248).

чаяхъ метафизическаго значенія, которое имѣла абстракція въ ихъ время.

До появленія физическаго міровоззрѣнія абстракціею занимались въ двухъ совершенно, казалось бы, чуждыхъ другъ другу областяхъ, именно въ логической и химической. Начало логической абстракціи было положено Платономъ. Онъ призналъ настоящею сущностью каждой вещи ея идею, отдѣлилъ идеи отъ вещей и призналъ за идеями іерархически высшее достоинство. Такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, искалъ не только универсальныя идеи, вродѣ добра, красоты, истины, справедливости, но также и спеціальныя идеи стола, лошади и вообще всѣхъ конкретныхъ предметовъ, то выходило, что для познанія сущности каждой вещи необходимо было отвлекать отъ ея существованія ея идею или, какъ впервые [1]) выразился Цицеронъ, ея „эссенцію". Это требованіе, на почвѣ средневѣкового моральнаго міровоззрѣнія, свелось къ отдѣленію отъ „существованія" (existentia) вещей ихъ „сущности" (essentia), которая понималась какъ скрытое качество или производящая форма. Эссенція иногда понималась какъ потенціальная эксистенція, эксистенція—какъ актуальная эссенція. Схоластическій „реализмъ" надѣлилъ отвлеченныя эссенціи конкретнымъ бытіемъ и поставилъ эмпирическую дѣйствительность въ іерархическую отъ нихъ зависимость. Такъ возникъ рядъ метафизическихъ тѣлъ (essentiae separatae), оканчивавшихся по большей части на tas или itas. Civitas изъ гражданства, какъ совокупности гражданъ, превратилась въ особую ипостась, даже въ мистическое тѣло (corpus mysticum), подобно церкви, которая понималась не номиналистически какъ обозначеніе суммы или класса вѣрующихъ, а реалистически какъ особое существо. Divinitas, т. е. божественность, какъ упоминалось уже выше (на стр. 44), изъ качества Бога тоже

[1]) Ciceronem auctorem hujus verbi habeo, объяснялъ Сенека Люцилію (Epistola LVIII).

превратилась въ особое существо. Libertas и realitas, какъ объяснялъ еще Гокленіусъ [1]), представляли особыя абстракціи. Universum изъ обозначенія всей совокупности предметовъ, находящихся въ мірѣ, тоже превратилось въ особую ипостась.

Сообразно съ этимъ передъ средневѣковыми логиками стояли двѣ задачи. Съ одной стороны надлежало abstrahere essentiam ab existentia, надлежало отдѣлять отъ предметовъ ихъ формы и подниматься къ нимъ. Съ другой стороны и подъ вліяніемъ своеобразнаго средневѣкового сочетанія логической дедукціи и метафизической эманаціи надлежало производить существованіе конкретныхъ предметовъ отъ общей субстанціи, которая по „принципу индивидуаціи", дробится и суживается при посредствѣ всяческихъ „формъ" вродѣ quiddităs, haecceitas и т. д.—omnisque illa barbaries, какъ выражался Гоббесъ [2]): для полученія индивидуальнаго Сократа Дунсъ Скотъ прибѣгалъ къ animalitas, humanitas и даже socratitas. Въ обоихъ случаяхъ разнимались предметы и ихъ формы, различались existentia и essentia.

Рядомъ съ этою логическою работою шла работа алхимическая. Она тоже состояла въ абстракціи „эссенцій". Эссенцій или элементовъ, по традиціи греческихъ „стихій", насчитывали четыре. Къ нимъ по примѣру пиѳагорейцевъ и Аристотеля присоединяли пятую эссенцію (quinta essentia), именно эфиръ, считавшійся іерархически высшею эссенціею, ибо его помѣщали въ надземномъ небесномъ мірѣ (см. выше стр. 44). Пятая по счету, квинтессенція считалась первою по рангу. Въ полномъ согласіи съ антропоморфизмомъ моральнаго міровоззрѣнія, она, по ученію стоиковъ, оказалась

[1]) Liber dicitur, qui alieno juri subiectus non est, eius abstractum Libertas (Lexicon philosophicum, 642). Realitas abstractum rei est (ib., 990).

[2]) De Corpore, I, III, 4, Opera, I, 31.

„логическимъ вождемъ" міра [1]). Схоластики объявили ее „міровымъ духомъ" (spiritus mundi). И послѣ этого квинтессенція получила болѣе общее значеніе—чистѣйшей „природы", „силы", „добродѣтели" или спеціальнаго „духа" всякихъ вообще вещей, который надлежало добыть алхимическимъ путемъ изъ тѣхъ или иныхъ органическихъ или неорганическихъ веществъ [2]). Абстракція тутъ уже становилась экстракціею [3]); и когда, напримѣръ, извлекали алкоголь, то вѣрили что извлекаютъ нѣкій духъ (spiritus, отсюда спиртъ) или чудодѣйственную воду жизни (aqua vitae, eau de vie).

Обѣ эти категоріи „эссенцій"—логическая и алхимическая —встрѣтились въ своеобразномъ понятіи „спеціи", species, достойно увѣнчивавшемъ средневѣковыя абстракціи. Такъ какъ „абстракція" означала отдѣленіе [4]) и такъ какъ средневѣковая

---

[1]) Καὶ τὸν ὅλον κόσμον ξῷον ὄντα καὶ ἔμψυχον καὶ λογικὸν ἔχειν ἡγεμονικὸν μὲν τὸν αἰθέρα (H. Ritter et L. Preller, Historia philosophiae, editio sexta, Gothae, 1878, стр. 380).

[2]) См. у Гокленіуса: Quinta Essentia accipitur a Peripatetiticis pro Coelo, quia iis Coelum neque est calidum, neque frigidum, neque humidum, neque siccum: seu pro essentia sincera et pura, ut natura aetheria: Alias coelestis Substantia; sic dicta quia est aliquid praeter Elementa, nec ex crasi horum ortum. Philosophis Chimicis quinta essentia est Substantia, in qua purissima et sincerissima est crasis, seu natura, vis, virtus, spiritus et proprietas rerum a corpore suo per artem extracta (Lexicon philosophicum, 165).

[3]) Въ этомъ смыслѣ терминъ этотъ встрѣчается у Монтэня и Бэкона. Еще Ларомигьеръ называлъ органы нашихъ чувствъ des machines à abstraction (см. Ad. Franck, Dictionnaire des sciences philosophiques, deuxième édition, I, 6).

[4]) Abstractio in genere ea est actio, qua a se invicem segregantur aut separantur, quae congregata erant et concreta. Duplex autem est abstractio, realis scilicet, et rationis. Abstractio realis fit, cum unum ab alio reipsa separatur, nemine etiam cogitante, ut ramus a trunco; horum enim utrumque separatim existit. Quae quidem abstractio ad Anatomicos, aliosque artifices pertinet, qui non sola mente, sed cultro insuper aliisque instrumentis separationes et abstractiones ejusmodi moliuntur. Abstractio vero rationis fit per actum intellectus, cum scilicet intellectus aliquid sejungit ab alio; cui nihilominus in re conjunctum est (Chauvin, Lexicon philosophicum, 2).

психологія была еще грубо матеріалистична [1]), то, для объясненія воспріятія тѣлесныхъ вещей умомъ, по традиціи Демокрита и его эпигоновъ, прибѣгали къ особымъ образамъ, или „формамъ", отдѣляющимся отъ предметовъ, летающимъ по воздуху—per aërem volitant—и отпечатывающимся въ чувствилищѣ людей. Эти испускаемыя предметами формы назывались species sensibiles. Съ присоединеніемъ еще species intelligibiles гносеологическая проблема считалась исчерпанною безъ остатка и съ устраненіемъ противоположности между разумомъ и чувственностью: nihil est in sensu, quin prius fuerit in intellectu. Et nihil est in intellectu, quin prius fuerit in sensu, училъ еще Бовиллъ [2]).

Такимъ образомъ „абстракція" съ точки зрѣнія моральнаго міровоззрѣнія сводилась къ извлеченію „духа" изъ разныхъ химическихъ препаратовъ, къ отдѣленію эссенціи отъ эксистенціи въ вещахъ или, вѣрнѣе, имѣя въ виду особенности терминологическаго раціонализма среднихъ вѣковъ, въ понятіяхъ, наконецъ, къ разсужденіямъ о species intentionales (sensibiles и intelligibiles), какъ силахъ, порождающихъ познаніе въ „пассивномъ интеллектѣ". Для насъ ближайшій интересъ представляютъ два послѣднихъ смысла абстракціи. И вотъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ абстракція отвергается новаторами XVII вѣка, пропагандирующими новое физическое міровоззрѣніе и новую раціоналистическую теорію науки.

Прежде всего отвергаются гносеологическія „спеціи".

---

[1]) Душа понималась пневматически, связывалась съ дыханіемъ. Тертулліанъ училъ: spiritus enim corpus sui generis. Онъ говоритъ о flatus, o vapor spiritus. По Лактанцію душа свѣтитъ и грѣетъ. (См. R. Eisler, Wörterbuch der philosophischen Begriffe, zweite Auflage, 1904, I, 365, II, 308).

[2]) См. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 531.

Хотя вѣра въ нихъ господствовала еще въ XVII столѣтіи [1]), хотя даже еще Гейлинксъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ нея, однако классическая гносеологія этого столѣтія рѣшительно порываетъ съ ними. Il faut prendre garde — писалъ Декартъ [2])—à ne pas supposer, que pour sentir l'ame ait besoin de contempler quelques images qui soient envoyées par les objets jusques au cerveau, ainsi que font communément nos Philosophes. Особая глава Recherche de la vérité Мальбранша посвящена опроверженію теоріи спецій [3]). Чтобы покончить даже съ малѣйшими воспоминаніями объ intellectus passivus, Спиноза замѣняетъ „перцепцію", т. е., буквально, воспріятіе новымъ понятіемъ—conceptus [4]). Далѣе, отвергается отдѣленіе эссенціи отъ эксистенціи какъ въ понятіяхъ, такъ и въ вещахъ. Такое отдѣленіе совсѣмъ не соотвѣтствовало реалистической тенденціи новой теоріи науки. Слѣдуетъ покончить съ абстракціями, рѣшительно объявилъ Лей-

[1]) Il y a un si grand nombre de philosophes attachés à cette opinion, писалъ Мальбраншъ (Recherche de la vérité, Livre III, II Partie, Ch. II, Oeuvres, III, 381).

[2]) La Dioptrique, discours quatrième, стр. 126 парижскаго изданія 1668 г.

[3]) L. III, II P., Ch. II: Que les objets matériels n'envoient point d'espèces qui leur ressemblent. Теорія эта излагается имъ такимъ образомъ: La plus commune opinion est celle des péripatéticiens, qui prétendent que les objets de dehors envoient des espèces qui leur ressemblent, et que ces espèces sont portées par les sens extérieurs jusqu'au sens commun; ils appellent ces espèces-là impresses, parce que les objets les impriment dans les sens extérieurs. Ces espèces impresses étant matérielles et sensibles, sont rendues intelligibles par l'intellect agent ou agissant, et sont propres pour être reçues dans l'intellect patient. Ces espèces ainsi spiritualisées sont appelées espèces expresses, parce qu'elles sont exprimées des impresses; et c'est par elles que l'intellect patient connaît toutes les choses matérielles (Oeuvres, III, 378).

[4]) Dico potius conceptum quam perceptionem, quia perceptionis nomen indicare videtur, Mentem ab objecto pati (Ethica, Pars II, Definitio III, Explicatio, Opera, I, 72).

бницъ, иначе конца не будетъ: отъ теплыхъ предметовъ мы будемъ отвлекать теплоту (calor); но и отъ теплоты мы вѣдь тоже можемъ отвлечь еще новую абстракцію, такъ сказать, абстракцію абстракціи, именно caloreitas и т. д., до безконечности [1]). Еще менѣе согласовалось съ монистическою тенденціею новой науки отдѣленіе абстрактныхъ эссенцій отъ конкретныхъ предметовъ. И поэтому противъ него особенно рѣшительно выступилъ Спиноза, главный выразитель монистическаго направленія этой эпохи. Его опредѣленіе эссенціи таково, что она оказывается неотдѣлимою отъ реальныхъ вещей: ad essentiam alicujus rei id pertinere dico, quo dato res necessario ponitur, et quo sublato res necessario tollitur; vel id, sine quo res, et vice versa quod sine re, nec esse nec concipi potest [2]). Отрицая все трансцендентное, отождествляя реальность и совершенство [3]), Спиноза вполнѣ послѣдовательно учитъ о полномъ совпаденіи эссенціи и эксистенціи въ мірѣ или, что равносильно, въ Богѣ: ad naturam substantiae pertinet existere [4]); ipsius essentia involvit necessario existentiam [5]); Dei existentia ejusque essentia unum et idem sunt [6]). Въ сущности то же самое, хотя по своему, говоритъ и Мальбраншъ: Dieu voit en lui-même non-seulement

[1]) Opuscules et fragments inédits de Leibniz, Paris, 1903, стр. 512: Placet removere hic conceptus Abstractos tanquam non necessarios, praesertim cum dentur abstractiones abstractionum. Et pro calore considerabimus calidum, quia rursus posset aliqua fingi caloreitas, et ita in infinitum. Стр. 435: Careri potest abstractis in lingua philosophica, et hoc semel constituto multa resecabimus. Et vero abstractio abit in infinitum, et in se ipsam replicatur (ut: caloreitas).

[2]) Ethica, Pars II, Definitio II, Opera, I, 72.

[3]) Ethica, Pars, II, Definitio VI, Opera, I, 73.

[4]) Ethica, Pars I, Prop. VII, Opera, I, 40.

[5]) Ibid., Demonstratio.

[6]) Ethica, Pars I, Prop. XX, Opera, I, 54.

l'essence des choses, mais aussi leur existence [1]). Клаубергъ писалъ: essentiam itaque, ut brevissime dicam, proprie appellamus totum illud, per quod res et est, et est id quod est[2])... Planum est, essentiam involvi in conceptu existentiae [3])... Liquet, essentiam et existentiam a se mutuo separari non posse [4]).

III.

> Aliae autem mentis operationes, quas... dirigere contendit Dialectica, hic sunt inutiles, vel potius inter impedimenta numerandae.
>
> Декартъ (Regulae ad directionem ingenii, Regula IV).

Поколебавъ силлогистику и абстракцію, новаторы XVII вѣка пошатнули также и третій столбъ традиціонной учености—именно діалектику. Это само по себѣ очень благородное орудіе мысли, которымъ Платонъ надѣялся проложить путь отъ мнѣнія къ знанію, отъ разногласій къ аксіомамъ (см выше, стр. 129 и слѣд.), въ средніе вѣка было превращено въ средство для догматическихъ „диспутовъ", въ которыхъ магистранды и докторанды „защищали" свои схоластическіе „тезисы", или въ которыхъ субтильные доктора изощряли свою находчивость: objicio, objicitur—это былъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго схоластическаго изслѣдованія и преподаванія даже такихъ догматическихъ наукъ, какъ богословіе и правовѣдѣніе [1]). Въ связи съ общимъ характеромъ терминологическаго раціонализма среднихъ вѣковъ эти диспуты приводили не столько къ познанію реальнаго міра, сколько къ осложненію и безъ того запутанной номенклатуры новыми различіями (distinguo — одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ схоластическихъ диспутовъ). Семнадцатый вѣкъ теряетъ охоту продолжать споры и диспуты: онъ предпочитаетъ ихъ заключать. Сообразно съ этимъ онъ почти совсѣмъ не прибѣгаетъ къ діалогической формѣ мыслей [2]). Изобразивъ со свойственною ему ироніею пріемы диспутовъ, практикуемые „лжеучеными" [3]), Мальбраншъ даетъ благоразумный совѣтъ не спорить съ ними, ибо это—единственное средство защитить отъ нихъ истину. Когда Мольеръ пародировалъ ученые диспуты, онъ выражалъ общее настроеніе, господствовавшее среди научныхъ новаторовъ того времени. Убѣжденные въ существованіи истины и при-

---

[1]) Recherche de la vérité, L. III, II Prop., Ch. V, Oeuvres, III, 396.

[2]) Metaphysica de Ente, Opera, Amstelodami, 1691, стр. 293.

[3]) Ibid. 296.

[4]) Ibid. 298.

[1]) Относительно правовѣдѣнія см. Stintzing, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, Erste Abtheilung, 107.

[2]) Отчасти въ такой формѣ написанъ „Короткій трактатъ" Спинозы, въ который включены „разговоръ между разсудкомъ, любовью, разумомъ и похотью", а также „между Эразмомъ и Ѳеофиломъ" (Opera, III, 16 и 19); на этомъ основаніи Хр. Зигвартъ относилъ трактатъ къ 1661 году и признавалъ его первымъ литературнымъ опытомъ Спинозы (Benedict de Spinoza's kurzer Tractat von Gott, dem Menschen und dessen Glückseligkeit, Tübingen 1870, LI). Въ Nouveaux essais Лейбницъ вернулся къ такой формѣ для удобства полемики. Декартъ пользуется діалогомъ только въ Inquisitio veritatis per lumen naturale.

[3]) Ils cherchent toujours quelque raison pour se défendre; ils ne parlent même jamais avec plus de chaleur et d'empressement que lorsqu'ils n'ont rien à dire; ils s'imaginent qu'on les injurie, et que l'on tâche de les rendre méprisables à chaque raison qu'on apporte contre eux; et plus elles sont fortes et judicieuses, plus elles irritent leur aversion et leur orgueuil (Recherche de la vérité, L. IV, Ch. VIII, II, Oeuvres, IV, 61).

томъ единой, однозначной, обязательной и познаваемой [1]), они просто не понимаютъ возможности дѣйствительно плодотворныхъ споровъ и преній по ея поводу, возможности различныхъ мнѣній: veritate manifestata, cedat opinio veritati. Гдѣ споръ, тамъ еще нѣтъ науки [2]). И наоборотъ, гдѣ наука, тамъ уже нѣтъ спора. Образцомъ науки въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, служила математика [3]). Истина одина, однозначна, повсемѣстна [4]). Эта длящаяся [5]), совѣчная вещамъ [6]) истина самоочевидна [7]). Она для всѣхъ очевидна и притомъ въ двоякомъ смыслѣ, прямомъ и переносномъ: она можетъ быть доказана, и каждый можетъ увидѣть ее воочію, путемъ внѣшняго или внутренняго созерцанія. Человѣкъ, который правильно мыслитъ и правильно видитъ, не можетъ ошибаться: онъ видитъ природу, а природа безошибочна [8]).

Если же онъ всетаки ошибается и если вслѣдствіе этого между людьми оказываются разногласія, то, по Декарту [9]),

---

[1]) См. выше, стр. 153 и слѣд.

[2]) Quod est dubium non potest esse objectum scientiae, писалъ Шовенъ (446).

[3]) Mathematicos, писалъ Чирнгаузенъ, nullas in sua scientia fovere controversias (Medicina mentis, 32).

[4]) Veritas est ubique, училъ Гербертъ Чербери (De veritate, prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili et a falso, Editio tertia, 1656, стр. 10). Клаубергъ писалъ: veritas, non in oratione tantum vel mente, sed cunctis in rebus spectanda (Opera, 1691, стр. 307).

[5]) Et Germ. wahr, verum, forte a wehren, durare (ib. 310).

[6]) Haec veritas est coaeterna, sive coaeva rebus (Чербери, ibid., 9).

[7]) Haec veritas est in se manifesta (ib., 10).

[8]) Natura ipsa errare non potest, писалъ Гоббсъ (Leviathan, I, IV, Opera III, 27). Такъ какъ для людей XVII вѣка истина совпадала съ дѣйствительностью, то Боссюе имѣлъ полное основаніе утверждать: le fauz c'est ce qui n'est pas.

[9]) Unde ergo nascuntur mei errores? nempe ex hoc uno, quod cum latius pateat voluntas quam intellectus, illam non intra eosdem

это происходитъ отъ ихъ собственнаго желанія, отъ ихъ воли. И, значитъ, средство противъ этого слѣдуетъ искать внѣ аргументовъ, обращенныхъ къ разуму. Наши ошибки зависятъ отъ неумѣлаго пользованія нашею волею, а не отъ недостатка нашей природы [1]). Если мы не пользуемся надлежащимъ образомъ нашимъ разумомъ, мы „или ошибаемся или только случайно впадаемъ въ истину" [2]). Если же мы пользуемся имъ нормально, т. е., не отвлекаемся добровольно отъ ясныхъ и отчетливыхъ идей, мы познаемъ истину и не можемъ ошибаться: свѣтъ природы освѣщаетъ только истину [3]); а нашъ разумъ и есть этотъ свѣтъ; поэтому всѣ науки и представляютъ не что иное какъ всегда единый и одинаковый человѣческій разумъ [4]). Вотъ почему, писалъ Декартъ, i'ay plustost écrit des Meditations que des disputes [5]). Подобнымъ же образомъ и Спиноза училъ, что истинное познаніе едино и однозначно. Заблужденія происходятъ только отъ неполноты познанія [6]). Только грубое и элементарное чувственное познаніе, „познаніе перваго рода"

---

limites contineo, sed etiam ad illa quae non intelligo extendo (Meditatio IV, стр. 28 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[1]) Quod autem in errores incidamus, defectus quidem est in nostra actione sive in usu libertatis, sed non in nostra natura (Principia philosophiae, I, XXXVIII, стр. 13 амстердамскаго изданія 1650).

[2]) Ibid., XLIV, стр. 15.

[3]) Sequitur, lumen naturae... nullum unquam objectum posse attingere, quod non sit verum (ib. XXX, стр. 11).

[4]) Oeuvres, Cousin, XI, 202.

[5]) Reponses aux secondes Objections, стр. 180 парижскаго изданія 1667 г. „Размышленій" Декарта.

[6]) Falsitas consistit in cognitionis privatione (Ethica, Pars II, Prop. XXXV, Opera, I, 100). Ideae falsae et fictae nihil positivum habent, per quod falsae aut fictae dicuntur; sed ex solo defectu cognitionis ut tales considerantur (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 33).

(Imaginatio) создаетъ заблужденія, познаніе же „второго и третьяго рода" (Ratio и Scientia Intuitiva) необходимо истинно [1]). Чирнгаузенъ такъ понималъ разумъ [2]), что не могло бы и рѣчи ни объ ошибкахъ, ни о спорахъ, ни о незнаніи. Не допускалъ ошибокъ и не признавалъ споровъ въ философіи также и Гоббесъ. Если ошибки и происходятъ, то отъ страстей, отъ того, что люди въ нихъ заинтересованы, отъ того, что они недостаточно или недобросовѣстно пользуются разумомъ [3]). Настоящая философія, основанная на правильномъ разсужденіи, исключаетъ ошибочныя или даже недостаточно обоснованныя сужденія: excludit doctrinam omnem non modo falsam, sed etiam non bene fundatam; nam quae recta ratiocinatione cognoscuntur, ea falsa, aut dubia esse

[1]) Cognitio primi generis unica est falsitatis causa, secundi autem et tertii est necessario vera (ib., Prop. XLI, 105). Ср. гл. XV части II „Короткаго трактата": Opera, III, 64 sq., нѣмецкій переводъ Shaarschmidt'a, стр. 72 (Philosophische Bibliothek, Band 91).

[2]) Existentia illius facultatis in nobis, qua conamur quicquam concipere, idque etiam concipere possumus, et qua econtra conamur ejus contrarium concipere, nec tamen id concipere possumus. Hanc autem actionem, vel conatum, in nobis *intellectum* imposterum nominabimus... Hanc autem facultatem etiam in omnibus hominibus sanae mentis existere ex eo evidenter cognoscitur, quod omnia, quae possunt demonstrari, reducuntur vel ad aliquod cognitum, de quo nemo potest dubitare, seu, ut meis id eloquar verbis, ad tale, quid, quod omnibus obvium est, posse concipi, vel ad *Absurdum* vel *impossibile*, seu quae mea dicendi ratio est, ad tale quid, quod non posse concipi cunctis patet (Medicina mentis, 37).

[3]) Quando enim homines arrogantes sapientiores se caeteris omnibus esse credunt, clamantesque pro judice rectam rationem postulant, nihil aliud quaerunt, quam ut res sua ipsorum ratione judicetur; id quod in societate humana intolerabile aeque est, ac si quis, ludens cartis, pro carta dominante uti vellet ea, cujus haberet ipse maximum numerum. Quid enim aliud faciunt, qui suas quasque dominantes passiones pro recta ratione valere certant, etiam in suis ipsorum litibus, defectum rectae rationis ipsa postulatione ostendentes? (Leviathan, Pars I, Cap. V, Opera, III, 33).

non possunt [1]). Исключаетъ потому, что вся она сводится къ счету. Считать можно не только числа, но и всѣ прочіе предметы [2]). Мышленіе и разсужденіе – это собственно счетъ: per ratiocinationem... intelligo computationem [3]). Этотъ счетъ сводится къ сложенію и вычитанію [4]) понятій, т. е., что по Гоббесу равнозначно, словъ. Разумъ и логика сообразно съ этимъ сводятся имъ къ счету [5]). Іенскій математикъ Эргардъ Вейгель въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво проводилъ идею „пантометріи", т. е. всеизмѣренія какъ вѣрнаго пути къ безспорной „пантогнозіи" и „пантологіи", т. е. всепознанію и всезнанію [6]). Лейбницъ былъ убѣжденъ, что мы въ состояніи совершенно прекратить всякіе споры [7]), и вѣрилъ, что въ такомъ случаѣ мы въ короткій срокъ могли бы собрать большое сокровище истинъ [8]). Въ одномъ не изданномъ до сихъ поръ юношескомъ отрывкѣ, озаглавленномъ Commentatiuncula de Iudice Controver-

[1]) De corpore, I, I, VIII, Opera, I, 9, 10. Гоббесъ возлагалъ при этомъ большія надежды на опредѣленія: Proprietates definitionis sunt... quod, de definitionibus an sint admittendae necne, non sit necesse disputare (De corpore, I, VI, XV, Opera, I, 74).

[2]) Computare potest non solum in numeris; sed etiam in rebus aliis omnibus (Leviathan, I, V, Opera, III, 35).

[3]) De corpore, I, I, II, Opera, I, 3.

[4]) Recidit itaque ratiocinatio omnis ad duas operationes animi, additionem et substractionem (ib.. Qui ratiocinatur, vel totum quaerit additione partium; vel residuum, substractione partis a parte (Leviathan, I, V, Opera, III, 31).

[5]) Ratio enim, hoc sensu, nihil aliud est praeter computationem sive additionem et substractionem nominum generalium (Leviathan, I, V, Opera, III, 32). Первая часть сочиненія De corpore озаглавлена: Computatio sive logica.

[6]) См. ниже, главу XI.

[7]) Est etiam in potestate nostra ut controversias finiamus (Opuscules et fragments inédits de Leibniz, Paris, 1903, стр. 417).

[8]) Тамъ же: Magnum igitur brevi tempore potuissemus colligere Thesaurum veritatum.

siarum seu Trutina Rationis et norma Textus [1]), онъ проектировалъ освященную государственнымъ авторитетомъ „книгу опредѣленій" какъ вѣрное средство противъ споровъ [2]). Онъ долго и упорно стремился выработать особую „методу достовѣрности" для полнаго прекращенія всякихъ споровъ [3]). Науки, умножаясь, сокращаются: les sciences s'abrègent en s'augmentant [4]). Поэтому, чѣмъ наука усовершенствованнѣе, тѣмъ менѣе она нуждается въ толстыхъ томахъ и безконечныхъ словопреніяхъ. Если дать ясное и точное опредѣленіе принциповъ и элементовъ науки, то получится нѣчто въ родѣ универсальнаго языка или алгебры мышленія. И тогда споры прекратятся и замѣнятся счетомъ; au lieu de disputer, on pourroit dire: comptons [5]); calculemus [6]).

Благодаря такому отказу отъ диспутовъ реформируется логика: изъ ars disserendi она превращается въ ars inveniendi. Теорія словопреній превращается въ теорію реальнаго познанія. Минто очень мѣтко характеризовалъ различное пониманіе задачъ логики въ различныя эпохи: „согласуй свои мысли другъ съ другомъ - требовалось въ вѣкъ Аристотеля; согласуй свои мысли съ авторитетомъ—таковъ былъ лозунгъ среднихъ вѣковъ; согласуй ихъ съ фактами—вотъ что стало основнымъ требованіемъ новой эпохи" [1]). Напрасно только онъ, въ силу установившейся, особенно среди англичанъ, традиціи, связываетъ эту новую задачу почти исключительно съ индуктивною логикою и не отмѣчаетъ заслугъ великихъ раціоналистовъ XVII вѣка въ дѣлѣ позитиваціи логики и теоріи познанія. Эти раціоналисты—Recentiores, какъ ихъ называлъ Шовенъ,—такъ настойчиво стремились согласовать свою методологію съ подлинною дѣйствительностью и такъ усердно пропагандировали необходимость этого, что даже этотъ схоластикъ и эклектикъ поддался ихъ вліянію: manifestum est ordinem naturae ordini facilioris cognitionis nostrae, si cognitionem perfectam intelligamus, non esse oppositum. Nec enim aliter cognitionem istius modi assequimur, nisi ordinem naturae seu rerum ipsarum observantes, читаемъ мы въ его философскомъ словарѣ [2]).

---

[1]) См. W. Kabitz, Die Philosophie des jungen Leibniz, Heidelberg, 1909, стр. 25 и слѣд.

[2]) Opus est in Republica... libro definitionum ordine naturali (ib. 27).

[3]) См. Discours touchant la methode de la certitude et l'art d'inventer pour finir les disputes et pour faire en peu de temps des grands progres (Werke, Gerhardt, VII, 174 и слѣд.).

[4]) Werke, Gerhardt, VII, 177.

[5]) Тамъ же, стр. 26. Et il se trouveroit—продолжаетъ Лейбницъ—que les erreurs du raisonnement ne seroient que des erreurs de calcul qu'on decouvriroit par des epreuves comme dans l'Arithmetique. Les hommes trouveroient par là un juge des controverses veritablement infallible. Тённіесъ утверждаетъ, что все это предпріятіе Лейбница заимствовано имъ у Гоббеса (Philosophische Monatshefte, XXIII, 566—7). Кутюра съ этимъ не соглашается, находя въ Гоббесовой computatio слѣды схоластической логики и указывая, что самъ Лейбницъ это понималъ (La logique de Leibniz d'après des documents inédits, Paris, 1901, стр. 457 и слѣд., а также 467).

[6]) Werke, Gerhardt, VII, 65, 200.

---

[1]) Дедуктивная и индуктивная логика, четвертое изданіе русскаго перевода, стр 17; ср. стр. 295.

[2]) Стр. 406.

Б.

Methodum dicunt esse res ipsas, quatenus certo modo a mente ordinantur.

Шовенъ (Lexicon philosophicum, 404).

За отрицательною критикою схоластической методологіи, съ ея силлогистикою, абстракціею и діалектикою, шла положительная методологическая работа новаторовъ XVII вѣка. Эта работа начинается прежде всего опять съ критики. Послѣ схоластическихъ путей познанія, новаторы съ безпримѣрнымъ, уже отмѣчавшимся выше, радикализмомъ критикуютъ также и тѣ пути и тотъ матеріалъ познанія, которые образуютъ наше чувственное воспріятіе и которые достаточны для элементарной эмпиріи и не слишкомъ притязательной жизненной практики. Мы вообще много знаемъ или, по крайней мѣрѣ, воображаемъ, что знаемъ, уже и безъ науки. Знаемъ, быть можетъ, даже слишкомъ много. И поэтому наукѣ приходится чаще добиваться своего права на незнаніе, превращать отвѣты въ вопросы, чѣмъ впервые проливать свой свѣтъ на полный мракъ невѣдѣнія. Научное знаніе начинается не съ началомъ знанія вообще, а скорѣе съ концомъ донаучнаго знанія. Начало всякой науки и философіи это критика. Такъ именно и начинала дѣло науки методологія XVII вѣка. Декартъ началъ съ сомнѣнія во всемъ, даже въ фактѣ своего

собственнаго эмпирическаго существованія. И если вообще считать спеціальною привилегіею чьей-либо философіи то, что должно быть естественнымъ началомъ всякой вообще философіи, вышедшей изъ стадіи „удивленія", именно сомнѣніе, критицизмъ, то, по всей справедливости, критическою философіею слѣдовало бы называть не догматику Кантовой „Критики чистаго разума", открывающуюся теоріею апріорнаго познанія, аналитическихъ и синтетическихъ сужденій и т. д., а критику Декарта съ его знаменитымъ dubito. Подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ—кризиса тогдашней науки, отвергавшей, какъ указано выше, почти все традиціонное знаніе, а также внутренней потребности остановиться на aliquid inconcussum, на незыблемомъ началѣ истины – эта критика безпримѣрно радикальна. То, что остается послѣ нея, именно cogito, кажется слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы построить знаніе и притомъ положительное, имѣющее объективную цѣнность. Остается мысль, правда ясная, отчетливая, истинная [1]), зато потерянная въ глубинѣ человѣческаго сознанія. И вотъ именно эта мысль объявляется орудіемъ и источникомъ познанія. Мысль объявляется активною, дѣятельною [2]). Это—intellectus activus, не получающій истины посредствомъ перцепцій, а создающій ее посредствомъ „концептовъ" [3]).

---

[1]) Tout ce que nous pensons, il est vrai que nous le pensons, писалъ Маріоттъ (Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1717, стр. 613).

[2]) Cogito—отъ agito.

[3]) См. выше, стр. 222. Чирнгаузенъ объяснялъ: Qui igitur attentius hanc facultatem, quam modo Imaginationem vocavi, consideratur, eum latere non poterit, hanc cognoscendi facultatem non videri ita a nostra natura dependere, ac priorem illam, de qua ante dictum est, quamque intellectum nuncupavimus. Ubi enim intellectu quaedam concipimus, vel concipere non possumus, ea omnia quasi a nobis ipsis peragi videntur; at per hanc posteriorem, imaginationem puta, omnia potius quasi extrinsecus, uti comoedias spectantibus accidit, adveniunt seu repraesentantur, adeoque tantummodo percipiuntur, non vero concipiuntur (Medicina mentis, 41).

Почему же эти концепты, эти созданія человѣческаго ума истинны и обязательны для всего міра? Потому что для мыслителей XVII вѣка не только видѣть истину значило творить ее, но и, наоборотъ, творить истину значило видѣть ее. Путемъ интуиціи они выводили мысль изъ пещеры субъективности на широкій просторъ объективнаго міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раціоналисты, они удержали ее отъ визіонизма, отъ созерцанія сверхъестественныхъ вещей. Какъ позитивисты, они созерцали реальный, конкретный міръ, созерцали его не только внѣ себя, но также и въ своемъ собственномъ сознаніи. Однимъ изъ краеугольныхъ камней ихъ методологіи была *интуиція*, впервые возведенная ими на высоту строго научнаго и строго позитивнаго пути познанія. Понятіе это имѣетъ такое громадное значеніе въ ихъ философіи и такъ часто превратно и истолковывалось въ исторіи философіи вообще, что на немъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

I.

Mathesis universalis tradere debet Methodum aliquid exacte determinandi per ea quae sub imaginationem cadunt, sive, ut ita dicam, Logicam imaginationis.

Лейбницъ (Opuscules et fragments inédits, 348).

Всѣ мы въ нашихъ мысляхъ и нашихъ словахъ—болѣе или менѣе матеріалисты, въ томъ смыслѣ, что объясняемся чувственными образами и представленіями матеріальнаго или, по крайней мѣрѣ, пространственнаго, зрительнаго характера. Вѣдать—это видѣть, знать это созерцать. Только утонченное философское сознаніе мечтаетъ о чистыхъ идеяхъ, чистыхъ понятіяхъ безъ всякихъ образовъ хотя бы только вспомогательнаго характера. Большинство же людей мыслитъ и изъясняется образами. Бл. Августинъ объяснялъ это тѣмъ, что послѣ грѣхопаденія люди привыкли представлять себѣ только тѣлесные предметы; и поэтому, чтобы понять что-нибудь, они непремѣнно должны представить себѣ тѣлесный образъ [1]). Проще и естественнѣе объяснять это тѣмъ, что прежде всего и по преимуществу мы соприкасаемся съ внѣшнимъ міромъ при посредствѣ нашего тѣла и его органовъ. Какъ бы то ни было, если не считать весьма въ общемъ рѣдкихъ чисто мыслительныхъ типовъ [2]), огромное большинство людей соединяетъ мысль съ образомъ, понятіе съ представленіемъ. Этимъ объясняется живучесть въ философіи матеріалистическихъ доктринъ. Этимъ же объясняется происходящая въ религіяхъ и вообще въ метафизикѣ матеріализація духа, вещей обличеніе невидимыхъ, превращеніе мысленныхъ возможностей въ матеріальныя реальности, лицезрѣніе ихъ и даже самоподчиненіе имъ со стороны милліоновъ вѣрующихъ. Эта психическая особенность породила метафизическую спекуляцію и мистическій визіонизмъ. Но она же представляетъ одно изъ самыхъ могучихъ орудій научнаго знанія. И вотъ можно, не преувеличивая, сказать, что

---

[1]) Comme saint Augustin remarque souvent—писали авторы логики Поръ Рояля,—l'homme depuis le peché s'est tellement accoûtumé à ne considerer que les choses corporelles, dont les images entrent par les sens dans nostre cerveau, que la pluspart croyent ne pouvoir concevoir une chose, quand ils ne se la peuvent imaginer, c'est à dire se la representer sous une image corporelle (La logique ou l'art de penser, troisième édition, Paris, 1668, I, I, 43).

[2]) См. сравнительную характеристику „аналистовъ" и „геометровъ" и вообще всю первую главу (L'Intuition et la Logique en Mathématiques) въ книгѣ Пуанкаре La valeur de la science (стр. 11—35).

только у раціоналистовъ XVII вѣка она получила строго научную методологическую оцѣнку и столь же строго научное приложеніе въ познаніи дѣйствительнаго міра. Древность и средніе вѣка еще не умѣли ею пользоваться. А въ новое время ею пользовались уже менѣе удачно, чѣмъ въ XVII вѣкѣ.

Въ древней Индіи незнаніе называлось „авидія", противополагалось „видіи" [1]) и характеризовалось какъ „темнота", „мракъ", „крайній мракъ" [2]). Не знаетъ тотъ, кто или не можетъ или не умѣетъ видѣть. Кто же знаетъ истину, кто обладаетъ „видіею", тотъ видитъ ее. Видѣть же истину съ точки зрѣнія самой глубокомысленной изъ шести главныхъ философскихъ теорій Индіи, именно ведантической, значило умѣть не видѣть окружающаго насъ конкретнаго міра, зато созерцать нѣкую духовную субстанцію, Брахмана, единую реальность: отъ нея происходятъ всѣ видимыя нами отдѣльныя вещи; и съ нею же онѣ сливаются или, по крайней мѣрѣ, сольются; отъ нея же происходитъ и человѣкъ, образующій съ нею нѣчто общее и даже тождественное. Очевидно, что если знать значило видѣть, то видѣть для такой философіи значило предаваться метафизической спекуляціи или мистическому визіонизму. Философъ не видитъ матеріи. Онъ видитъ только духъ. И онъ проводитъ годы и даже десятилѣтія въ созерцаніи спиритуалистической субстанціи и воспріятіи отъ нея духовнаго свѣта, разсѣивающаго мракъ его авидіи.

Въ древней Греціи созерцаніе сопутствовало мышленію и даже предшествовало ему. Познать значило просто увидѣть. „Я знаю" передавалось словомъ οἶδα, я увидѣлъ. „Идея" означала увидѣнное. „Теорія" понималась буквально — какъ созерцаніе, какъ лицезрѣніе; вотъ почему, по Геродоту [3]),

[1]) См. М. Мюллеръ, Шесть системъ индѣйской философіи, р. п., Москва, 1901, стр. 135.

[2]) Тамъ же, 232.

[3]) I, 30.

Крезъ привѣтствовалъ туриста Солона какъ „теоретика". Теоретическими же назывались и театральныя зрѣлища. Началомъ философіи, основнымъ „философскимъ пафосомъ", какъ выражался Платонъ [1]), считалось удивленіе. При своей склонности къ пластикѣ и при посредствѣ методы удивленія древніе греки видѣли поистинѣ удивительныя вещи. Они, напримѣръ, видѣли время и притомъ или въ образѣ сѣдого, бородатаго Хроноса или же въ видѣ чего-то, хотя и безличнаго, но тѣлеснаго. Еще нѣкоторымъ стоикамъ приходилось доказывать, что время безтѣлесно [2]). Но это имъ плохо удалось, потому что они они сами видѣли какъ нѣчто тѣлесное — добро [3]), добродѣтель, истину, день, ночь, времена года [4]). Платонъ стремился отвлечь умы отъ всего чувственнаго и видимаго и сосредоточить ихъ на чистыхъ идеяхъ. Но и онъ предлагалъ созерцать эти идеи. Достигши вершины пониманія, діалектика превращается у него въ созерцаніе. Рядомъ съ такимъ метафизическимъ, если не мистическимъ, созерцаніемъ Платонъ предугадывалъ и проповѣдовалъ иное созерцаніе, уже болѣе научное, именно созерцаніе матеріальнаго міра при посредствѣ геометрическихъ формъ. Повидимому, онъ мечталъ о раціональной физикѣ, о такомъ пониманіи природы, которое было бы доказательнѣе традиціоннаго повѣствованія о ней [5]), неспособнаго доказать „причину и необходимость" [6]) своихъ утвержденій. Вершиною такой физики должны быть чистыя, раціональныя идеи. Но такъ какъ сырой матеріалъ для нея представляютъ чувственные предметы, которые не просто мыслимы, а воззрительны, то проблема

[1]) Θεαίτετ 155D.

[2]) Ἔστι δὲ καὶ τὸν χρόνον ἀσώματον (см. у Діогена Лаэрція, VII, I, 70).

[3]) Bonum... corporalis res est, писалъ Сенека Люцилію.

[4]) См. Stoicorum veterum fragmenta, collegit I. ab Arnim, Volumen III, Lipsiae, 1903, стр. 20 и слѣд.

[5]) Ἡ περὶ φύσεως ἱστορία, Федонъ, 96A.

[6]) Федонъ, 97E.

такой науки о природѣ возможна при наличности такихъ чистыхъ, хотя и воззрительныхъ формъ, которыя выражали бы нѣчто вѣчно сущее [1]) и могли бы стать посредниками между идеями и эмпиріею. Такими формами Платонъ и объявилъ геометрическія фигуры. Сообразно съ этимъ онъ призналъ именно ихъ схемами истиннаго познанія природы и воспретилъ входъ въ академію не знающимъ геометріи. Въ связи съ другими утвержденіями Платона о методологическомъ значеніи геометріи и вообще математики можно предполагать, что уже онъ мечталъ о томъ математическомъ естествознаніи раціонально-воззрительнаго типа, которое осуществилось только въ XVII столѣтіи. Однако эти методологическія мечты не были имъ осуществлены и не оказали вліянія на его послѣдователей, особенно на неоплатониковъ.

Въ античной философіи эпохи упадка воззрительные элементы выступаютъ еще замѣтнѣе, чѣмъ въ эпоху разцвѣта. Гносеологія стоиковъ и особенно эпикурейцевъ грубо матеріалистична и порождаетъ ту теорію „спецій", о которой упоминалось выше, на стр. 220 . Къ этому присоединяется еще мистическое ясновидѣніе, визіонизмъ, какъ особая примѣта созерцательнаго или „инспективнаго" философа. Такой философъ „созерцаетъ божественное и небесное" [2]). Презрѣвъ „все низшее" [3]), онъ устремляетъ свой взоръ supra humana [4]) и созерцаетъ наджизненный міръ транссцендентныхъ реальностей.

Элементы метафизическаго и мистическаго созерцанія, которыми и безъ того была богата античная философія эпохи упадка, получили новую поддержку послѣ принятія христіанства, которое, какъ и всякая вообще религія, давало обильную пищу фантазіи, воображенію. Отъ христіанства ожи-

[1]) Республика, 527B.
[2]) Исидоръ Испанскій, Etymol. Lib. II, cap. XXIV, II.
[3]) Цицеронъ, De Republica, Lib. I, cap. XVII, 28.
[4]) Сенека, Natur. quaest., Lib. I, Prologus, 4.

дали зрительныхъ образовъ [1]), знаменій, явленій. И оно шло навстрѣчу этимъ ожиданіямъ. Въ первомъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ объясняется, что проповѣдь его состоитъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы. Проповѣдь новой религіи открывала передъ взорами прозелитовъ отверстое небо и вышній міръ, обѣщала имъ увидѣть сына человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ [2]). Его узритъ всякое око [3]). Все то, что можно знать о Богѣ, объявляется видимымъ [4]). Религіозная истина въ значительной степени воспринимается путемъ лицезрѣнія: то, что видишь, напиши въ книгу [5]), говоритъ сверхъестественный голосъ ап. Іоанну. У бл. Августина воспріятіе истины происходитъ еще нагляднѣе; онъ видитъ передъ собою уже написанную книгу и голосъ предлагаетъ ему: возьми и читай.

Получивъ такое мистическое направленіе, созерцаніе перешло въ доходящее до экстаза и „отчужденія ума" [6]), общеніе со сверхъестественнымъ міромъ (contemplatio). Въ такомъ по преимуществу смыслѣ созерцаніе понимается въ теченіе среднихъ вѣковъ въ полномъ согласіи съ духомъ моральнаго міровоззрѣнія. Если къ этому еще прибавить „спеціи", „формы" и „универсаліи", возведенныя на степень конкретныхъ сущностей (entia), то мы получимъ приблизительно полную картину предметовъ созерцанія въ средніе вѣка.

Первые проблески новаго физическаго міровоззрѣнія внесли новый свѣтъ въ форму и содержаніе человѣческаго со-

[1]) Господи! покажи намъ Отца, и довольно для насъ (отъ Іоанна, XIV, 8).
[2]) Отъ Матѳея, XXVI, 64.
[3]) Апокалипсисъ, I, 7.
[4]) Τὸ γνωστὸν τοῦ Θεοῦ φανερόν ἐστιν (Къ римлянамъ, I, 19).
[5]) Апокалипсисъ, I, 11.
[6]) Mentis alienatio, см. R. Eisler, Wörterbuch der philosophischen Begriffe, zweite Auflage, I, 187.

зерцанія. Сверхъестественныя видѣнія стали вытѣсняться геометрическими образами. И начала вырабатываться мысль о чистомъ геометрическомъ воззрѣніи какъ главной опорѣ міропониманія. Николай Кузанскій различалъ чувственное и мысленное око, и въ созерцаемыхъ послѣднимъ чистыхъ геометрическихъ формахъ училъ видѣть надежное ручательство истины о мірѣ [1]). Джордано Бруно называлъ пониманіе внутреннимъ чтеніемъ: et dicitur intellectio quasi interna lectio [2]). Благодаря такому чтенію demonstrare начинаетъ значить и доказать логически и показать воззрительно. Отсутствіе такой именно демонстраціи было для Кеплера равносильно слѣпотѣ [3]).

Такое новое пониманіе созерцанія, интуиціи пріобрѣтаетъ крупное методологическое значеніе у новаторовъ XVII вѣка. Большинство этихъ новаторовъ, какъ упоминалось на стр. 147 и слѣд., отличалось не столько мыслительнымъ, сколько воззрительнымъ умомъ [4]), что какъ нельзя лучше соотвѣтствовало тогдашней потребности въ геометрическомъ

---

[1]) Non enim curat geometer de lineis aut figuris aeneis aut aureis aut ligneis, sed de ipsis, ut in se sunt, licet extra materiam non reperiantur. Intuetur igitur sensibili oculo sensibiles figuras, ut mentali possit intueri mentales. Neque minus vere mens mentales conspicit, quam oculus sensibiles, sed tanto verius, quanto mens ipsa figuras in se intuetur a materiali alteritate absolutas (см. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 527).

[2]) Atque si speculum vivum quoddam sit, tum videns, tum in se ipso habens visibilia (см. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 346 и 575).

[3]) Demonstrationes mathematicae, sine quibus ego coecus sum (см. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 267 и 561).

[4]) Николь различалъ такіе типы: Il y a des gens propres à trouver des vérités; d'autres qui sont propres à trouver des images aux vérités, comme des comparaisons; d'autres qui sont propres à trouver des vérités aux images: ce sont trois caractères différents d'esprit (см. Pensées de Pascal, suivies d'un choix des pensées de Nicole, Paris, 1842, стр. 376). Ср. замѣчаніе Паскаля: il est rare que les géomètres soient fins et que les fins soient géomètres.

познаніи міросданія, превращавшемъ, какъ уже упоминалось [1]), метафизическія „формы“ въ физическія фигуры. Ученые новаторы читали истину не въ старыхъ фоліантахъ въ кожаныхъ переплетахъ съ застежками и пожелтѣвшими страницами — по схоластическому правилу: lege, lege, lege, labora, ora, et relege. Они читали ее въ книгѣ природы и замѣчали, что она написана тѣми же геометрическими образами, которые они такъ легко и такъ охотно вызывали въ своемъ сознаніи. Полиисторъ Моргофъ, вообще враждебно относившійся къ новаторамъ XVII вѣка, не понималъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ понять этого новаго пріема, который онъ смѣшивалъ съ сенсуализмомъ [2]). Но это конечно не былъ сенсуализмъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ, какъ упомянуто выше (на стр. 167 и слѣд.), французскіе „философы“ XVIII вѣка исказили и вытѣснили благородный раціонализмъ XVII вѣка.

Что касается, въ частности, Декарта, то его идеаломъ, повидимому, была наука, построенная на чистыхъ идеяхъ безъ какихъ бы то ни было воззрительныхъ представленій. Но ему вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что, такъ какъ человѣческій духъ фактически неизбѣжно связанъ съ тѣломъ, то и человѣческія идеи тѣсно связаны съ интуиціею, иногда даже немыслимы безъ нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ интуиція была ему прямо таки необходима для установленія новой, чисто геометрической картины міросданія. Сообразно съ этимъ онъ

---

[1]) См. стр. 48.

[2]) Hi, qui mathematica via unice incedunt, ad sensuum evidentiam omnia redigunt et mechanicam quandam certitudinem, cui ita indulgent, ut in iis, quae sensibus nulla ratione subjacent, ne latum quidem unguem ab illa sibi discedendum existiment, similes, ut opinor, illis, qui rerum mensuras confundunt. Imponit tamen haec species saepe incautis imaginaria quadam certitudine; et fallit pede regula varo, ut in Ethices illo Fbro videmus (Polyhistor, literarius, philosophicus et practicus. Editio tertia, Lubecae, 1732, I, 407).

стремился широко использовать ее для познавательныхъ цѣлей Ему было тѣмъ легче сдѣлать это, связь идей съ интуиціею тѣмъ менѣе его пугала, тѣмъ менѣе разстраивала его раціонализмъ, чѣмъ болѣе изобрѣтенная имъ аналитическая геометрія облегчала переходъ отъ идеи къ фигурѣ, отъ алгебры къ геометріи и наоборотъ [1]). При такомъ переходѣ дѣйствительно не было скачка; какъ объясняла впослѣдствіи Софія Жерменъ, l'algèbre n'est qu'une géomètrie écrite, la géometrie n'est qu'une algèbre figurée. И въ общемъ Ліаръ имѣлъ основаніе утверждать, что, по Декарту, интуиція въ концѣ концовъ – даже единственный источникъ достовѣрнаго знанія [2]). Еще Моргофъ писалъ о Декартѣ: tota illa Doctrina fundata est super figuris corporum [3]). Для Декарта, какъ и для другихъ раціоналистовъ XVII вѣка, истина должна была быть „очевидна", не только въ смыслѣ доказательности, но также и въ смыслѣ интуитивности; какъ объяснялъ даже Гокленіусъ, evidentia dicitur quasi clara seu expressa visio [4]). Благодаря интуиціи, благодаря геометрическому ясновидѣнію метода Декарта, также какъ и другихъ раціоналистовъ XVII вѣка, есть метода наблюденія. Это можетъ показаться страннымъ только тѣмъ, кто привыкъ считать на-

[1]) Ср. Pierre Boutroux, L'imagination et les mathématiques selon Descartes, Paris, 1900, стр. 4 и слѣд., а также 13 и слѣд.

[2]) См. L. Liard, Descartes, Paris, 1882, стр. 20; ср. схему на стр. 49 работы B. Klöpel, Das lumen naturale bei Descartes, Leipzig, 1896.

[3]) Polyhistor, II, 112. Во французскомъ переводѣ „Размышленій" pura Mathesis шестого размышленія передается la Geometrie speculative. См. стр. 84 французскаго изданія 1667 г. Въ одной новѣйшей монографіи о Декартѣ онъ характеризуется слѣдующимъ образомъ: Descartes ist weniger Analytiker als vielmehr intuitiver Mathematiker... Er ist Anschauungsmathematiker; er deduziert nicht Wahrheit aus Wahrheit, sondern sucht jede Wahrheit an sich seiend zu schauen (K. Jungmann, René Descartes, eine Einführung in seine Werke, Leipzig, 1908, стр. 34).

[4]) Lexicon philosophicum, 206.

блюденіе монополіею науки XIX вѣка, и притомъ еще исторической науки—взглядъ особенно распространенный среди обществовѣдовъ. Но это не должно показаться страннымъ тѣмъ, кто понимаетъ, что можно наблюдать геометрическую фигуру, наблюдать даже и тогда, когда мы ее только воображаемъ mentis intuitu [1]), но никакъ нельзя наблюдать давно минувшихъ событій; нельзя, напримѣръ, производить, какъ выражается В. И. Сергѣевичъ [2]), „наблюденіе первыхъ зачатковъ государственной жизни европейскихъ народовъ". Зато можно наблюдать фигуры и движеніе какъ въ своемъ собственномъ сознаніи, такъ и въ окружающей физической дѣйствительности. На такомъ именно наблюденіи, на вѣчно сопутствующей намъ очевидности (praesens evidentia седьмого правила для руководства ума) и строилъ Декартъ свою научную философію. И поэтому насъ нисколько не должна удивлять, кажущаяся двойственность этого философа. Съ одной стороны онъ сомнѣвался во всемъ чувственномъ. Съ другой стороны онъ писалъ принцессѣ Елисаветѣ, что посвящалъ нѣсколько часовъ въ день мыслямъ, занимающимъ воображеніе, а чистому разуму—всего нѣсколько часовъ въ годъ и въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ постоянно подчеркивалъ воззрительную, созерцательную сторону своего научнаго предпріятія. Онъ стремился, какъ онъ самъ выражается, открыть нѣсколько оконъ, открыть глаза, помочь пользоваться собственными глазами [3]) тѣмъ, у кого они закрыты; онъ выводилъ свое бытіе не изъ силло-

[1]) Regulae ad directionem ingenii, стр. 58 амстердамскаго изданія 1686 г.

[2]) Задача и метода государственныхъ наукъ, Москва, 1871, стр. 228.

[3]) Propriis uti oculis (см. предисловіе къ Principia philosophiae). Въ „Правилахъ для руководства ума" Декартъ сожалѣетъ тѣхъ, кто утратилъ зрительную способность въ темнотѣ: quicumque ita in tenebris ambulare assuescunt, adeo debilitant oculorum aciem, ut postea lucem apertam ferre non possint (Regula IV).

гизма, а изъ того, что онъ его видѣлъ [1]); онъ соглашался называть идеями только нѣчто наглядное — tanquam rerum imagines [2]); онъ считалъ первые принципы науки познаваемыми per intuitum tantum [3]); онъ положилъ сообразно съ этимъ чистую интуицію въ ея основаніе [4]); онъ увѣрялъ, что идеи всѣхъ вещей фигуральны [5]), и рѣшительно утверждалъ: omnem humanam scientiam in hoc uno consistere, ut distin-

---

[1]) См. его корреспонденцію (томъ V, стр. 138 изданія Адама и Таннери), а также третье правило для руководства ума: unusquisque animo potest intueri, se existere.

[2]) Quaedam ex his (т. е. cogitationibus meis) tanquam rerum imagines sunt, quibus solis proprie convenit ideae nomen (Meditatio tertia, стр. 16 амстердамскаго изданія 1698 г.). Imaginatio veram rei ideam fingere debet, пишетъ Декартъ по поводу 14-го правила (Regulae, стр. 53 амстердамскаго изданія сочиненій 1686 г.).

[3]) Regulae ad directionem ingenii, Regula III.

[4]) Тамъ же. Эта интуиція характеризуется имъ слѣдующимъ образомъ: per intuitum intelligo, non fluctuantem sensuum fidem, vel male componentis imaginationis judicium fallax; sed mentis purae et attentae tam facilem distinctumque conceptum, ut de eo, quod intelligimus, nulla prorsus dubitatio relinquatur, seu, quod idem est, mentis purae et attentae non dubium conceptum, qui a sola rationis luce nascitur, et ipsamet deductione certior est, quia simplicior, quam tamen etiam ab homine male fieri non posse supra notavimus. Ita unusquisque animo potest intueri, se existere, se cogitare, triangulum terminari tribus lineis tantum, globum unica superficie, et similia, quae longe plura sunt quam plerique animadvertant, quoniam ad tam facilia mentem convertere dedignantur. Въ разъясненіи 12-го правила Декартъ указываетъ на интуицію какъ на вѣрное средство противъ ошибокъ, къ которымъ можетъ привести экспериментъ, основанный только на чувственныхъ данныхъ: notandum est, intellectum a nullo unquam experimento decipi posse, si praecise tantum intueatur rem sibi objectam, prout illam habet, vel in se ipso, vel in phantasmate.

[5]) Ib., 56: Quod attinet ad figuras, jam supra ostensum est, quomodo per illas solas rerum omnium ideae fingi possunt.

cte videamus [1]). Чтобы знать, необходимо видѣть. Но дѣйствительно научно видѣть значитъ не поддаваться случайнымъ, измѣнчивымъ и обманчивымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, а созерцать только то, что несомнѣнно и неизмѣнно, именно геометрическіе образы. Истинный ученый, сообразно съ этимъ, подобенъ таинственнымъ „матерямъ" второй части „Фауста", о которыхъ Мефистофель говоритъ, что имъ зримы только схемы:

Sie sehn dich nicht; denn Schemen sehn sie nur.

Изобрѣтатель аналитической геометріи въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ воззрительной схематизаціи. И не напрасно Гюйгенсъ прославлялъ Декарта за то, что онъ

Faisait voir aux esprits ce qui se cache aux yeux.

Всѣ „правила для руководства ума" основаны Декартомъ на интуиціи и дедукціи: nullas vias hominibus patere ad cognitionem certam veritatis praeter evidentem intuitum, et necessariam deductionem, писалъ онъ въ разъясненіи 12-го правила.

Не у одного Декарта знаніе тѣсно связано съ интуиціею, съ созерцаніемъ. Выше (на стр. 63) мы привели слова Мальбранша о томъ, что истинные философы судятъ только о томъ, что они видятъ: il faut toujours conserver l'évidence dans ses raisonnements, таковъ, объясняетъ онъ, принципъ всѣхъ методологическихъ правилъ [2]). Для Спинозы „демонстрировать" значитъ не только доказать, но и показать „ум-

---

[1]) Regulae ad directionem ingenii, Regula XII; въ изданіи Кузена XI, 280. Эта совершенно новая точка зрѣнія оказываетъ вліяніе даже на критиковъ картезіанства: la raison nous oblige d'ouvrir les yeux, писалъ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка одинъ критикъ Мальбранша (Simon Foucher, Critique de la Recherche de la Vérité; см. Sainte-Beuve, Port-Royal, tome cinquième, 203).

[2]) Recherche de la vérité, L. VI, II Partie, Ch. I, Oeuvres, IV, 308.

ственнымъ глазамъ": Mentis enim oculi, quibus res videt observatque, sunt ipsae demonstrationes [1]). Изъ трехъ родовъ познанія—Imaginatio, Ratio и Scientia Intuitiva [2])—самымъ высокимъ и адэкватнымъ онъ считаетъ третій, т. е. интуитивную науку [3]). Истина, утверждаетъ онъ, была бы навѣки скрыта отъ насъ, если бы ея нормою, какъ онъ выражается, не были воззрительные геометрическіе образы [4]).

---

[1]) Ethica, Pars V, Prop. XXIII, Scholium (Opera, I, 255).

[2]) Ethica, Pars II, Prop. XL, Scholium II (Opera, I, 104).

[3]) Спиноза различаетъ imaginatio и intuitio. Только послѣдняя достовѣрна. Первая же недостовѣрна, ибо она основывается на томъ, что мы воспринимаемъ путемъ чувства или чтенія (тамъ же). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ то „наблюденіе", которымъ, въ видѣ примѣра правильности своей методологіи, гордился В. И. Сергѣевичъ (см. выше, стр. 243), Спиноза отнесъ бы къ низшему познанію перваго рода, къ imaginatio, обоснованной lectis quibusdam verbis, ибо этотъ авторъ опирается на свою книгу „Вѣче и князь", а также на сочиненія Цепфля и Кэмбля (Задача и метода государственныхъ наукъ, стр. 221, 223, 224). Въ пренебрежительномъ отношеніи къ imaginatio со Спинозою сходится и Чирнгаузенъ (см., напримѣръ, Medicina mentis, стр. 44). Меньшею тщательностью отличается терминологія Декарта. См., напримѣръ, его 14-ое правило для руководства ума. Въ 5-омъ размышленіи imaginatio употребляется въ смыслѣ интуиціи: cum... triangulum imaginor, etsi fortasse talis figura nullibi gentium extra cogitationem meam existat, nec unquam extiterit, est tamen profecto determinata quaedam ejus natura, sive essentia, sive forma, immutabilis et aeterna и т. д. (стр. 31 амстердамскаго изданія 1698 г.). Ср. совсѣмъ иное пониманіе imaginatio въ 12-омъ правилѣ для руководства ума. Вообще раціоналисты XVII вѣка считали спутаннымъ и неяснымъ знаніе, основанное только на чувственномъ воспріятіи. Отчетливымъ и яснымъ они считали только знаніе, основанное на чистой интуиціи и на чистыхъ идеяхъ. Позднѣйшіе сенсуалисты и матеріалисты разсуждали въ прямо противоположномъ смыслѣ.

[4]) Veritas humanum genus in aeternum lateret; nisi Mathesis, quae... tantum circa figurarum essentias et proprietates versatur, aliam veritatis normam hominibus ostendisset (Ethica I, Appendix, Opera, I, 68).

Даже душа, какъ увѣрялъ по крайней мѣрѣ Лейбницъ [1]), имѣла для него видъ именно такого образа. Амосъ Коменскій учитъ: scientia seu notitia rerum.. nihil est nisi interna rerum spectatio... Internae autem visionis oculus mens est seu ingenium [2]). Основываясь на воззрительномъ характерѣ нашего пониманія вещей, онъ стремится реформировать всю педагогику путемъ сообщенія ей возможно большей наглядности. Доказать что-нибудь значитъ показать: inspectio ocularis pro demonstratione est [3]). Чрезвычайно рѣзко выступаютъ воззрительные элементы въ философіи Гоббеса. Въ связи съ тѣмъ вообще широкимъ смысломъ, который по-англійски имѣетъ слово тѣло (body), онъ объявляетъ предметомъ философіи тѣла: Subjectum Philosophiae, sive materia circa quam versatur, est corpus omne [4]). Онъ отождествляетъ субстанцію и тѣло: corpus et substantia idem significant; et proinde, vox composita, substantia incorporea, est insignificans, aeque ac si quis diceret corpus incorporeum [5]). Тѣло же сводится имъ прежде всего къ его геометрическому образу: nam corpus sine extensione aut sine figura omnino concipi non potest [6]). Геометрія, возникшая изъ созерцанія [7]), оказывается такимъ образомъ необходимымъ средствомъ для познанія объективнаго міра. Паскаль, несмотря на его

---

[1]) Въ перепискѣ съ Бэйлемъ онъ говоритъ: Et Spinosa veut, que l'ame est l'idée du corps de sorte qu'elle seroit comme ce que la figure ou le corps mathematique est à l'egard du corps physique (Werke, Gerhardt, III, 68).

[2]) Didactica magna, Cap. XX, 9, стр. 151 изданія 1894 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) De Corpore, I, I, 8, Opera, I, 9; ср. Leviathan, I, IX: Generalissimum autem subjectorum scientiae est corpus (Opera, III, 66).

[5]) Leviathan, Pars III, Cap. XXXIV, Opera III, 281.

[6]) De corpore, II, VIII, 3, Opera, I, 93.

[7]) De corpore, I, I, 6: ex contemplatione orta... geometria (Opera, I, 63).

ворчливыя замѣчанія о геометрахъ [1]), утверждалъ: il faut avoir la veue bien nette pour voir tous les principes [2]). Эргардъ Вейгель считалъ настоящимъ научнымъ доказательствомъ только такое, quod rem adeo faciat evidentem, ut digito quasi monstrata ipsisque sensibus exposita videatur [3]). Онъ же, какъ Гоббесъ [4]) и Спиноза [5]), называлъ тѣломъ также и государство; для большей воззрительности моральныхъ представленій онъ построилъ своеобразную теорію моральнаго пространства и моральныхъ тѣлъ [6]), усвоенную и отчасти даже присвоенную Пуффендорфомъ. Какъ бы желая распространить пріемы Декартовой аналитической геометріи на весь міръ, онъ всячески стремился переводить наши понятія въ зрительные образы. Этимъ стремленіемъ онъ заразилъ также своего ученика Лейбница. Хотя Лейбницъ, какъ и Декартъ, Чирнгаузенъ [7]), авторы логики Поръ-Ро-

---

[1]) См. Difference entre l'esprit de geometrie et l'esprit de finesse, Pensées, II, 144 и слѣд. изданія 1877—9.

[2]) Тамъ же, 144.

[3]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Jenae, 1658, Prooemium, § 5, стр. 3.

[4]) De corpore, I, I, 9, Opera, I, 10.

[5]) Tractatus politicus, III, 1, 2, IV, 2, IX, 14.

[6]) См. ниже, главу XI, а также III часть настоящаго изслѣдованія.

[7]) Чирнгаузенъ различалъ и даже противополагалъ другъ другу интеллектъ и воображеніе и проповѣдовалъ differentiam inter facultatem concipiendi seu intellectum, et inter facultatem percipiendi seu imaginationem (Medicina mentis, 43). Онъ ставилъ интеллектъ неизмѣримо выше воображенія: ubi enim intellectu quaedam concipimus, vel concipere non possumus, ea omnia quasi a nobis ipsis peragi videntur; at per hanc posteriorem, imaginationem puta, omnia potius quasi extrinsecus, uti comoedias spectantibus accidit, adveniunt seu repraesentantur, adeoque tantummodo percipiuntur, non vero concipiuntur (ib., 41). Ср. сказанное выше, на стр. 246, примѣч. 3.

ляля [1]) и Боссюе [2]), склоненъ былъ считать чистую мысль чѣмъ-то методологически высшимъ въ сравненіи съ воззрительнымъ образомъ [3]) и хотя онъ допускалъ достовѣрность и безъ созерцательной очевидности [4]), однако и онъ всячески стремился передавать мысли графически, вообще воззрительно —per simplicem animi intuitum [5]). Такъ, онъ работалъ надъ „всеобщимъ атласомъ" [6]), надъ „пасиграфіею" или всеписаніемъ, надъ вопросомъ de formae logicae comprobatione per linearum ductus [7]) и т. п. Mathesis est scientia rerum imaginabilium, утверждалъ онъ [8]). Маріоттъ считалъ созерцаніе

---

[1]) C'est autre chose de s'imaginer, et autre chose de concevoir... Il est impossible de s'imaginer une pensée ny d'en peindre aucune image dans nôtre cerveau (La logique ou l'art de penser, I Partie, Chap. I, troisième édition, Paris, 1668, стр. 45).

[2]) De la connoissance de Dieu et de son-même, Ch. I, IX: Différence de l'imagination et de l'entendement (Oeuvres, XXIII, Paris, 1864, стр. 56 и 57). Боссюе идетъ такъ далеко въ противопоставленіи интеллекта воображенію, что утверждаетъ: il y a grande différence entre imaginer le triangle et entendre le triangle (стр. 56).

[3]) См. однако Werke, Gerhardt, IV, 449: quand mon esprit comprend à la fois et distinctement tous les ingrediens primitifs d'une notion, il en a une connoissance intuitive qui est bien rare; 451: ce n'est donc que lors que nostre connoissance est claire dans les notions confuses, ou lors qu'elle est intuitive dans les distinctes, que nous en voyons l'idée entiere.

[4]) La source de la certitude de la geometrie n'est pas dans les figures, mais dans les idées abstraites des choses incorporelles: et... par consequent, il y a de la certitude dans des matieres même où les figures n'ont pas lieu. См. по этому поводу Ludwig Stein, Leibniz und Spinoza, Berlin, 1890, стр. 303.

[5]) См. Opuscules et fragments inédits de Leibniz. Paris, 1903, стр. 45.

[6]) См. L. Couturat, La logique de Leibniz d'après des documents inédits, Paris, 1901, стр. 124 и 174.

[7]) Тамъ же, 113 и слѣд.

[8]) Тамъ же, стр. 291.

необходимымъ для познанія умопостигаемыхъ вещей [1]) и мастерски выразилъ всю методологію XVII вѣка въ слѣдующихъ словахъ: il faut voir et revoir les choses, y penser et repenser [2]). Поэтъ XVII вѣка (Brébeuf) воспѣвалъ

... cet art ingénieux,
De peindre la parole et de parler aux yeux,
Et, par des traits divers de figures tracées,
Donner de la couleur et du corps aux pensées.

Лабрюеръ отождествлялъ умственную ограниченность съ неумѣніемъ зорко видѣть [3]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что раціоналистическая философія XVII вѣка тѣсно связана съ интуиціею, съ созерцаніемъ. Спрашивается, какъ относится ея созерцаніе къ той Anschauung, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ гносеологіи Канта. Являются ли и въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, по крайней мѣрѣ согласно утвержденію Наторпа [4]), великіе раціоналисты XVII вѣка, особенно Декартъ, только предтечами истиннаго критицизма? Знаменуютъ ли ихъ воззрѣнія только подготовительную исторію (Vorgeschichte, какъ выражается Наторпъ) болѣе зрѣлой философіи? Или же, напротивъ, въ данномъ случаѣ, какъ и вообще во всей своей гносеологіи (см. главу VIII), именно они достигли

[1]) Pour les (choses) intellectuelles... il faut de nécessité les définir, et même les faire voir, en même tems, décrites et figurées de telle sorte qu'elles puissent êtres conçuës и т. д. (Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1711, стр. 632).

[2]) Тамъ же, стр. 695.

[3]) Les vues courtes, je veux dire les esprits bornés (Oeuvres, I, 1865, стр. 164).

[4]) См. Descartes Erkenntnisstheorie. Eine Studie zur Vorgeschichte des Kriticismus, Marburg, 1882 (объ интуиціи стр. 14 и слѣд.), а также статью Le développement de la pensée de Descartes depuis les „Regulae" jusqu'aux „Méditations" (Revue de métaphysique et de morale, 1896, см. стр. 416 и особенно 419).

классической чистоты и высоты, а ученіе Канта знаменовало уже упадокъ, быть можетъ, даже вырожденіе проблемы?

Тотъ или иной отвѣтъ зависитъ отъ того, какъ отнестись къ главному пункту различія между XVII вѣкомъ и Кантомъ по отношенію къ чистому созерцанію, именно къ вопросу объ объективности пространства. Для XVII вѣка пространство существуетъ само по себѣ, объективно и даже абсолютно. Для Канта пространство—это не болѣе какъ субъективная форма нашего воспріятія явленій. И это его утвержденіе до настоящаго времени считается краеугольнымъ камнемъ всякой истинно критической теоріи познанія. Быть можетъ, когда-нибудь наступитъ моментъ, когда это утвержденіе утратитъ свой нынѣшній характеръ аподиктической истины, подвергнется пересмотру; и сообразно съ этимъ гносеологія изъ темной пещеры человѣческой субъективности опять выйдетъ на широкій просторъ и ясный свѣтъ объективнаго міропониманія, перестанетъ быть только тѣмъ, что хотѣлъ въ ней видѣть Фихте, именно „прагматическою исторіею человѣческаго духа" [1]). Въ ожиданіи этого нельзя не отмѣтить у раціоналистовъ XVII вѣка бо́льшаго позитивизма и большей непринужденности въ пониманіи дѣла, чѣмъ у Канта.

Эти раціоналисты были такъ наивны съ точки зрѣнія новѣйшей гносеологіи, что вѣрили въ существованіе пространства, абсолютнаго пространства, какъ выражался Ньютонъ [2]). Вѣрили какъ во что-то вполнѣ естественное, не нуждающееся ни въ сомнѣніяхъ, ни въ разъясненіяхъ, ни

[1]) Die Wissenschaftslehre soll seyn eine pragmatische Geschichte des menschlichen Geistes (Grundlagde der gesammten Wissenschaftslehre, Leipzig, 1794, стр. 188).

[2]) Spatium absolutum natura sua absque relatione ad externum quodvis semper manet similare et immobile (Philosophiae naturalis principia mathematica, Londini, 1687, стр. 5).

вообще въ чрезмѣрныхъ мудрствованіяхъ [1]). Не только пространство находится въ человѣкѣ, но и человѣкъ находится въ пространствѣ. Нельзя показать пространства пальцемъ. Тѣмъ не менѣе палецъ вполнѣ реально движется въ пространствѣ [2]). Гдѣ матерія, тамъ и протяженіе. А гдѣ протяженіе, тамъ и пространство. Связь и порядокъ вещей, ordo et connexio rerum, осуществляется въ пространствѣ. Связь эта осуществляется не только въ нашемъ созерцаніи, но и въ дѣйствительномъ мірѣ. Ordo simultaneorum, какъ, слѣдуя Лейбницу, опредѣлялъ пространство еще Хр. Вольфъ [3]), это—не исключительно ordo idearum и не исключительно ordo rerum; это—ordo вообще, распространяющійся и на res и на ideas. Тождество мысли и бытія, характеризующее гносеологію XVII вѣка (см. выше, стр. 158), естественно обязывало отождествлять созерцаемое нами интуитивно пространство съ формою вещей какъ таковыхъ. Къ этому ее

---

[1]) См. ироническое замѣчаніе Декарта по этому поводу въ Regulae ad directionem ingenii: Per extensionem intelligimus illud omne quod habet longitudinem, latitudinem, et profunditatem, non inquirentes, sive sit verum corpus, sive spatium tantum; nec majori explicatione indigere videtur, cum nihil omnino facilius ab imaginatione nostra percipiatur. Quia tamen saepe litterati tam acutis utuntur distinctionibus, ut lumen naturale dissipent, et tenebras invenient etiam in illis quae a rusticis nunquam ignorantur, monendi sunt, и т. д. (Regula XIV).

[2]) Et sane mirabilis est hujus Spatii natura, quod digito monstrari non possit, cum nihilominus in eodem ipse digitus ad aliam atque aliam atque aliam ejus partem realiter semper promoveatur, писалъ Эргардъ Вейгель (Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Jenae, 1658, стр. 187).

[3]) Psychologia rationalis methodo scientifico pertractata, Francofurti et Lipsiae, 1734, § 106, стр. 81; такое же опредѣленіе мы находимъ и у вольфіанцевъ; см., напримѣръ, G. B. Bilfinger, Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo, et generalibus rerum affectionibus, Editio tertia, Tubingae, 1746, § 155, стр. 161: Spatium enim est ordo simultaneorum.

обязывала также ея реалистическая тенденція, ея стремленіе познать не только истину мысли, но также и истину вещи, rei veritatem, какъ выражался Декартъ.

Въ глазахъ новаторовъ XVII вѣка физическое пространство неотдѣлимо отъ нашихъ воззрительныхъ образовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно неотдѣлимо отъ предметовъ физическаго міра, въ которыхъ самымъ существеннымъ является ихъ протяженіе [1]). Сообразно съ этимъ пространство – это не субъективная форма нашего воспріятія явленій, а объективная форма всякаго физическаго бытія. И если, какъ это дѣлалъ Спиноза, отождествлять міръ съ Богомъ, то протяженіе—это аттрибутъ Бога и все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ, и безъ Него не можетъ ни существовать ни быть воспринято: extensio attributum Dei est, sive Deus est res extensa [2]); quicquid est, in Deo est, et nihil sine Deo esse neque concipi potest [3]).

Признавая физическое или геометрическое пространство объективно сущимъ, мыслители XVII вѣка считали порожденіемъ субъективнаго установленія или придачи (impositio) только то моральное, какъ они выражались, пространство [4]), въ которомъ они для большей воззрительности помѣщали моральныя отношенія между моральными лицами и существами [5]). Только въ самодовлѣющей объективности такого пространства они, въ отличіе отъ схоластическихъ „реалистовъ", считали необходимымъ сомнѣваться.

---

[1]) Декартъ училъ eandem esse extensionem, quae naturam corporis et naturam spatii constituit (Principia philosophiae, Pars II, XI, стр. 37 амстердамскаго изданія 1650 г.).

[2]) Ethica, Pars II, Propositio II, Opera, I, 74.

[3]) Ethica, Pars I, Propositio XV, Opera, I, 47.

[4]) См. у Э. Вейгеля Corporis Pansophici Pantologia стр. 22: quasi Spatium entitativum morale... in quo res morales locum habere... concipiuntur.

[5]) См. ниже, главу XI.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что уже нѣкоторые изъ нихъ давали или, по крайней мѣрѣ, могли давать поводъ разсматривать пространство не какъ объективную форму протяженнаго бытія, а какъ субъективную форму воспріятія послѣдняго. Такъ, Мальбраншъ различалъ умопостигаемое и матеріальное пространство [1]). Гоббесъ опредѣлялъ пространство психологически: spatium est phantasma rei existentis, quatenus existentis [2]). Лейбницъ былъ какъ бы склоненъ растворять и объективное пространство въ томъ установленномъ или моральномъ пространствѣ, которое только что упоминалось. Вызывалось это его реакціею противъ „реалистическаго" въ схоластическомъ смыслѣ пониманія пространства, какъ особаго существа, особой субстанціи, имѣющей самостоятельное бытіе, внѣ и выше предметовъ, его наполняющихъ. Критикуя такое пониманіе [3]), Лейбницъ въ пылу полемики выражался такъ, что если не онъ самъ, то его эпигоны могли отсюда дѣлать заключенія о субъективности пространства вообще. Именно, въ отличіе отъ Декарта, отождествлявшаго матерію и пространство, пространство и вещи, Лейбницъ настаивалъ на томъ, что пространство—это только отношеніе между вещами, только порядокъ или возможность ихъ сосуществованія [4]). Въ полемикѣ съ Локкомъ Лейбницъ признаетъ пространство отношеніемъ не только между реально существующими предметами, но также и между возмож-

[1]) Mais tu dois distinguer deux espèces d'étendue: l'une intelligible, l'autre matérielle (Méditations chrétiennes, IX méditation, Oeuvres, II, 114).

[2]) De Corpore, II, VII, 2, Opera, I, 83.

[3]) См. Schriften, Gerhardt, VII, 363 и слѣд.

[4]) Тамъ же: Pour moy, j'ay marqué plus d'une fois, que je tenois l' Espace pour quelque chose de purement relatif,... pour un ordre des Coexistences... Car l'espace marque en termes de possibilité un ordre des choses qui existent en même temps, en tant qu'elles existent ensemble. На стр. 373: un ordre des choses.

ными [1]). Всѣ эти выраженія могли дать основаніе признать уже Лейбница сторонникомъ субъективно - апріорной, чисто психологической теоріи пространства, несмотря на то, что въ полемикѣ съ Кларкомъ, рядомъ съ только что приведенными мыслями, онъ довольно рѣшительно призналъ тѣсную и неизбѣжную связь пространства съ вещами и матеріею: l'espace est le lieu des choses, et non pas le lieu des idées de Dieu [2]); je ne crois pas qu'il y ait aucun espace sans matiere [3]). И дѣйствительно мы видимъ, что уже Хр. Вольфъ понималъ въ болѣе или менѣе субъективномъ смыслѣ ordinem simultaneorum (см. выше, стр. 252) и производилъ пространство чисто психологически ex repraesentatione nexus rerum [4]). Какъ бы психологически и къ тому же еще метафизически истолковывалось пространство тѣми мыслителями XVII вѣка, которые разсматривали его какъ чувствилище Божіе: ex phaenomenis constat, училъ, напримѣръ, и Ньютонъ, esse Entem Incorporeum, Viventem, Intelligentem, Omnipraesentem, qui in Spatio infinito, tamquam Sensorio suo, res Ipsas intime cernat, penitusque perspiciat, totasque intra se praesens praesentes complectatur [5]). При желаніи можно было двусмысленно истолковывать Спинозово отождествленіе Бога съ протяженною вещью — Deus est res extensa [6]). Кромѣ него и Ньютона, вспомогательнымъ понятіемъ Бога для установленія абсолютной объективности пространства или протяженія пользовался и Мальбраншъ [7]). Все

[1]) C'est un rapport, un ordre, non seulement entre les existans, mais encor entre les possibles comme s'ils existoient (Nouveaux essais, L. II, Ch. XIII, 17, Gerhardt, V, 136).

[2]) Schriften, Gerhardt, VII, 375.

[3]) Ib., 379.

[4]) Psychologia rationalis methodo scientifico pertractata, Francofurti et Lipsiae, 1734, § 104, стр. 78.

[5]) Optice, Londini, 1706, стр. 315.

[6]) Ethica, II, Propositio II, Opera, I, 74.

[7]) L'étendue créée est à l'immensité divine ce que le temps

это однако нисколько не колебало основного убѣжденія людей XVII вѣка, что пространство есть, что не только оно находится въ насъ, но и мы находимся въ немъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ міромъ.

И вотъ Кантъ въ концѣ XVIII вѣка отказывается отъ этого убѣжденія и провозглашаетъ ученіе о субъективности пространства. Въ связи съ этимъ и понятіе воззрѣнія (Anschauung), въ особенности чистаго воззрѣнія, пріобрѣло субъективный характеръ, что отчасти уже у него, отчасти у его эпигоновъ повело за собою или агностицизмъ или визіонизмъ. Ни одинъ предметъ, учитъ Кантъ въ „Трансцендентальной эстетикѣ" [1]), не можетъ быть намъ данъ безъ созерцанія (Anschauung). Сообразно съ этимъ онъ стремится добыть чистое созерцаніе (die reine Anschauung). Онъ и находитъ такое созерцаніе. Но оно уже существенно отлично отъ созерцанія, какъ его понимали въ XVII вѣкѣ. Чистое созерцаніе—это „просто форма *явленій*" [2]) и притомъ чисто субъективнаго значенія. Пространство—это не болѣе какъ „условіе возможности явленій" [3]), „т. е., *субъективное* условіе чувственности" [4]). „Сообразно съ этимъ—вполнѣ послѣдовательно заявляетъ Кантъ—о пространствѣ, о протяженномъ существѣ и т д. мы можемъ говорить только съ точки зрѣнія человѣка" [5]). Предметы сами по себѣ остаются намъ совершенно неизвѣстными. „Мы только и знаемъ, что нашъ способъ ихъ воспріятія, присущій намъ... Только съ нимъ приходится намъ имѣть дѣло" [6]). Созерцаніе восполняется

est à l'éternité. Tous les corps sont étendus dans l'immensité de Dieu, comme tous les temps se succèdent dans son éternité (Entretiens sur la métaphysique, VIII entretien, Oeuvres, I, 180).

[1]) § 1, Kehrbach, 48.

[2]) Die blosse Form der Erscheinungen, ib, 50.

[3]) § 2, стр. 51.

[4]) Стр. 54.

[5]) Стр. 55.

[6]) § 8, стр. 66.

понятіями, а понятія—созерцаніемъ [1]). Но ни то ни другое не выходятъ изъ предѣловъ человѣческой субъективности и „явленій", далеко не исчерпывающихъ всего объективнаго бытія. Не только чистыя геометрическія формы, но и все пространство переносятся Кантомъ изъ этого бытія въ субъективное сознаніе познающаго лица. Вслѣдствіе этого созерцаніе у него оказывается уже безсильнымъ преодолѣть агностицизмъ познанія.

Эпигоны Канта пошли еще дальше и очень широко использовали субъективность созерцанія для метафизической спекуляціи и мистическаго визіонизма. Отправляясь отъ личнаго я, этого, какъ утверждалъ Тикъ, „высшаго закона природы", не связаннаго никакими иными законами и посему абсолютно свободнаго [2]), абсолютно капризнаго, они при посредствѣ созерцанія, Anschauung, переносятся въ метафизическій міръ абсолюта, какъ бы совсѣмъ не замѣчая того, что находится между этими двумя крайними полюсами, именно всей объективной реальности, того конкретнаго міра, который единственно достоинъ строгой и уважающей себя науки. Интуиція, созерцаніе прославляется какъ слѣпота по отношенію къ объективной дѣйствительности съ одной стороны, а съ другой—какъ спекулятивное ясновидѣніе и апріорная интроспекція. Особенно настойчиво подчеркивается личный, субъективный характеръ такой новой интуиціи. Фихте въ своей туманной и болѣе богатой философскими терминами, чѣмъ какимъ бы то ни было положительнымъ научнымъ содержаніемъ книгѣ о „всеобщемъ наукоученіи" превращаетъ созерцаніе въ нѣчто чрезвычайно неясное и неопредѣленное, и несомнѣнно весьма субъективное [3]). Зна-

[1]) Gedanken ohne Inhalt sind leer, Anschauungen ohne Begriffe sind blind (стр. 77).

[2]) „Свобода—писалъ Шеллингъ въ молодости—это альфа и омега всей философіи" (Aus Schellings Leben. In Briefen, I, 76).

[3]) Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre, Leipzig, 1794, стр. 203: Aber das Anschauen als solches ist gar nichts fixirtes,

менитое „интеллектуальное созерцаніе" Шеллинга оказывается не болѣе какъ субъективною и произвольною—„свободною", какъ онъ выражается [1],—„самоконструкціею" [2] философствующаго я, причемъ созерцаніе или отождествляется съ этимъ я [3], или же оказывается по отношенію къ нему чѣмъ-то аналогичнымъ геометрическому пространству [4]. Декартъ несомнѣнно усмотрѣлъ бы въ этомъ большую профанацію какъ интуиціи, такъ и геометріи. Еще болѣе возмутила бы его тогда же появившаяся какая-то особая „спекулятивная физика". Эта физика избавляла себя отъ неблагодарнаго и иногда весьма тягостнаго труда наблюденія дѣйствительныхъ предметовъ и ихъ отношеній. Она презрительно относилась ко всему видимому и эмпирическому. Она „интеллектуально созерцала" и апріори строила систему философіи природы. Но это вовсе не значитъ, что она продолжала традицію Декартовой интуиціи и дедукціи, столь тѣсно связанныхъ съ механикою и вообще положительнымъ естествознаніемъ и, въ свою очередь, съ помощью геометрическихъ образовъ связывавшихъ его съ чистымъ умозрѣніемъ. Это значитъ, что она порвала связь съ положительною наукою и замѣнила изученіе природы фантазированіемъ по ея

---

sondern est ist ein Schweben der Einbildungskraft zwischen widerstreitenden Richtungen. Стр. 206: eine dunkle, nicht reflektirte und nicht zum bestimmten Bewusstseyn kommende Anschauung.

[1]) System des transscendentalen Idealismus, Tübingen, 1800, стр. 52: Nun ist aber dieses intellectuelle Anschauen selbst ein absolut freies Handeln, diese Anschauung kann also nicht demonstrirt, sie kann nur gefordert werden.

[2]) Ib., 53.

[3]) Стр. 50: eine solche Anschauung ist das Ich; стр. 52: das Ich ist nichts anders, als... ein intellectuelles Anschauen.

[4]) Стр. 51: da dieses sich selbst Producirende einziges Object der Transscendental-Philosophie (т. е. das Ich) ist, so ist die intellectuelle Anschauung für diese ebendas, was für die Geometrie der Raum ist.

поводу. Ея самоувѣренныя и высокомѣрныя сужденія могли импонировать и дѣйствительно импонировали, пока жива и сильна была вѣра въ спекулятивную философію, пока люди науки принимали ея темноту за глубину и вмѣняли не ей, а себѣ въ вину то, что они плохо ее понимали и что ея утвержденія почти никогда не сходились съ ихъ собственными изслѣдованіями. Но эта вѣра прошла. Нашлись смѣльчаки, которые дерзнули отнестись къ спекулятивной „натурфилософіи" безъ предвзятаго благоговѣнія и посмотрѣть на нее непредубѣжденнымъ взоромъ. И это дѣйствительно была большая смѣлость съ ихъ стороны—еще и въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Когда такіе смѣльчаки нашлись, то послѣдствія этого для спекулятивной философіи были ужасны. Случилось нѣчто, напоминающее извѣстную сказку Андерсена о голомъ королѣ, важно разгуливавшемъ среди подданныхъ, восторгавшихся красотою его одежды, и о ребенкѣ, во всеуслышаніе объявившемъ, что король—совсѣмъ голый, послѣ чего всѣ восторгавшіеся согласились съ ребенкомъ. Нагота и пустота спекулятивной „философіи природы" обнаружилась въ пятидесятыхъ годахъ какъ-то сразу и съ очевидностью для всѣхъ. Всѣ замѣтили, что ея утвержденія произвольны, иногда совершенно нелѣпы и что они не только не представляютъ какого-то особаго знанія, высшаго въ сравненіи съ положительною наукою, но что, напротивъ, они стоятъ ниже ея, свидѣтельствуютъ о неосвѣдомленности и дилеттантизмѣ философовъ; эти послѣдніе или совсѣмъ стоятъ внѣ науки и тщетно пытаются извлечь нѣчто глубокомысленное и продуктивное изъ разсужденій относительно я, не—я, самобытія, инакобытія и т. п. сюжетовъ, или же заимствуютъ свой положительный матеріалъ у положительной науки и такимъ образомъ плетутся вслѣдъ за нею, ведя паразитарное при ней существованіе. Это надолго скомпрометтировало философію природы, а съ нею и всякую вообще философію. И ироническое замѣчаніе Цицерона о томъ, что нѣтъ такого абсурда, который не былъ бы сказанъ кѣмъ-нибудь изъ философовъ, замѣчаніе, казалось бы, ставшее ана-

хронизмомъ послѣ великихъ философовъ XVII вѣка, опять оказалось вполнѣ умѣстнымъ и современнымъ. Философія потеряла связь съ положительною наукою, оказалась какъ бы безпріютною; и вотъ начались ея скитанія между субъективизмомъ и метафизикою.

Среди этихъ скитаній въ настоящее время довольно часто выдвигается „интуиція". Но это уже далеко не ясная, отчетливая, кристально чистая интуиція великихъ раціоналистовъ XVII вѣка. Такую интуицію уже совсѣмъ забыли. Ее замѣнила интуиція эмпиріомистическая, связывающая себя или съ мистическимъ гностицизмомъ древности или съ метафизикою начала XIX вѣка. И такимъ образомъ

Въ забытые чертоги
Вселились новые, невѣдомые боги.

Оригинальнымъ проповѣдникомъ такой новой интуиціи въ нѣмецкой философской литературѣ является въ настоящее время Евгеній Генрихъ Шмиттъ - своеобразный мыслитель, Донъ Кихотъ философіи, отвергаемый или, вѣрнѣе, совсѣмъ не признаваемый профессіональными философами, профессорами философіи, зато пользующійся громаднымъ авторитетомъ среди небольшого кружка полуинтеллигентовъ; ему удается возбуждать и поддерживать въ нихъ философскій эросъ, отвлекать ихъ хоть на время отъ удручающей прозы ихъ ежедневнаго обихода и вводить ихъ въ кругъ сверхличныхъ и наджизненныхъ вопросовъ. Въ этомъ можно было бы видѣть его крупную культурную заслугу, если бы онъ этого не достигалъ цѣною отказа отъ традиціонныхъ проблемъ и пріемовъ строго научнаго изслѣдованія, путемъ внушенія своей аудиторіи разочарованія въ знаніяхъ, которыхъ ей еще недостаетъ, и отвлеченія ея отъ дѣйствительно научнаго образованія въ сторону полумистическихъ душевныхъ переживаній. Онъ не столько избавляетъ малыхъ сихъ отъ лукаваго, сколько вводитъ ихъ во искушеніе и своимъ паѳосомъ, своею ретори-кою, своею мистикою, доходящею иногда до мистификаціи,

скорѣе заглушаетъ, чѣмъ вызываетъ у нихъ потребность и охоту мыслить отчетливо и логически. Очень типична вышедшая въ 1908 г. въ Лейпцигѣ его книга Kritik der Philosophie vom Standpunkt der intuitiven Erkenntnis, резюмирующая мысли, которыя онъ давно уже проповѣдывалъ въ цѣломъ рядѣ книгъ и брошюръ. Философія, оказывается, искажаетъ и поддѣлываетъ настоящее познаніе, потому что она не считается съ единственнымъ вѣрнымъ его источникомъ, именно съ интуиціею [1]). Когда она пытается разобраться въ своихъ методахъ, она напоминаетъ всадника, ищущаго коня, на которомъ онъ сидитъ [2]). Главная причина ея несостоятельности—это то, что она пользуется дискурсивными пріемами, пренебрегая интуитивными [3]). Сообразно съ этимъ Шмиттъ отрицательно отзывается о философахъ всѣхъ временъ, за исключеніемъ „интуитивныхъ" въ его смыслѣ, т. е, гностиковъ, которые „какъ бы чудомъ открываютъ всѣ двери познанія" [4]), а также нѣмецкой философіи начала XIX вѣка [5]), особенно Фихте, этого „генія" [6]), понявшаго и примѣнявшаго настоящее интеллектульное созерцаніе. Эти симпатіи даютъ намъ сравнительно ясное представленіе о томъ, что понимаетъ Шмиттъ подъ интуиціею. Съ одной стороны это нѣчто субъективное, „переживанія внутренняго міра" [7]). Съ другой стороны это – нѣчто, направленное на транссубъективный, метафизическій міръ. Возможность и сущность перехода отъ субъективнаго къ транссубъективному объясняется мистически и сообразно съ этимъ „интуиція" Шмитта оказывается чистѣйшимъ мистицизмомъ. Она

---

[1]) См., напримѣръ, стр. 19: eine Fälschung der Grundanschauung aller Wirklichkeit und Natur.
[2]) Стр. 110.
[3]) См. напримѣръ, стр. 148.
[4]) Стр. 326.
[5]) Стр 42.
[6]) Стр. 172, а также 422 и слѣд.
[7]) Erlebnisse der Innenwelt, стр. 3.

сглаживаетъ у тѣхъ, кто ее переживаетъ, всѣ границы между внѣшнимъ и внутреннимъ [1]); она „открываетъ чудо всѣхъ чудъ, сверхкосмическую, божественную природу человѣка" [2]); она превращаетъ нашъ интеллектъ въ „первородный лучъ самого неба" [3]), въ нѣчто сверхобразное и сверхиндивидуальное" [4]). Она переноситъ насъ въ такія формы измѣренія [5]), которыя далеко оставляютъ за собою жалкія три измѣренія научнаго воспріятія вещей. Со свойственною всѣмъ мистикамъ увѣренностью въ несомнѣнной достовѣрности и точности переживаемаго ими познанія, Шмиттъ настаиваетъ на томъ, что все познаваемое путемъ предлагаемой имъ интуиціи можетъ быть демонстрировано какъ любое положеніе геометріи [6]). Поэтому онъ называетъ свою методу геометрическою [7]), прося однако не смѣшивать ее съ геометрическою методою Спинозы [8]), съ которою она дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія.

Мы только что привели одинъ, такъ сказать, внѣнаучный, внѣакадемическій примѣръ того, что понимаютъ подъ интуиціею ея новѣйшіе реставраторы и апологеты. Теперь мы приведемъ другой, уже наукообразный и академическій примѣръ.

Такимъ примѣромъ уже совершенно новаго пониманія интуиціи, очень далекаго отъ теорій великихъ раціоналистовъ XVII вѣка, можетъ служить попытка ея реставраціи, произведенная Н. О. Лосскимъ въ его книгѣ „Обоснованіе интуитивизма" (1906). Авторъ такъ далекъ отъ пониманія интуиціи въ смыслѣ этихъ раціоналистовъ, что видитъ недостатокъ ихъ гносеологіи въ отсутствіи интуиціи [1]). Со своей точки зрѣнія онъ правъ, потому что у нихъ дѣйствительно нѣтъ того „мистическаго эмпиризма", который для автора равнозначенъ интуитивизму [2]). Въ интуитивизмѣ, такъ понятомъ, авторъ видитъ единственное средство преодолѣнія, „жалкой ограниченности индивидуальнаго бытія" [3]), устраненія „ложной предпосылки разобщенности между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ" [4]). Какими же путями старается авторъ устранить эту разобщенность? Съ одной стороны онъ углубляется въ темную „подсознательную подпочву философіи" [5]), стремится „взрыть" [6]) ее путемъ психологическаго анализа. Съ другой стороны онъ, такъ сказать, взлетаетъ въ „транссубъективный міръ", который, какъ онъ утверждаетъ, „познается такъ же непосредственно (интуитивно), какъ и субъективный міръ" [7]), какъ это происходитъ у религіозныхъ мистиковъ „въ минуты экстаза" [8]). И вотъ оказывается, что авторскій интуитивизмъ „заключаетъ въ себѣ родственную этому ученію мысль" [9]). „Интуиція" оказывается тождественною съ „мистическимъ воспріятіемъ" [10]). Такъ понятая интуиція, очевидно, уже не можетъ быть связана генетически съ охарактеризованною выше интуиціею въ пониманіи великихъ раціоналистовъ XVII вѣка, съ ихъ до прозрачности яснымъ и отчетливымъ геометрическимъ созерцаніемъ вещей и идей, такъ счастливо устранявшимъ про-

---

[1]) Alles Jenseitige soll vielmehr als das Diesseitigste, als die Wirklichkeit der eigenen Innerlichkeit nachgewiesen werden (стр. 7).
[2]) Стр. 8.
[3]) Стр. 501.
[4]) Стр. 423.
[5]) Höheren Dimensionsformen, стр. 41.
[6]) Стр. 149 и 157.
[7]) Стр. 184.
[8]) Стр. 185.

[1]) Таковъ смыслъ второй главы его книги.
[2]) См., напримѣръ, стр. 335, 358 и др.
[3]) Стр. 2.
[4]) Стр. 358; см. еще стр. 61 и 62.
[5]) Стр. 4 и 5.
[6]) Стр. 9.
[7]) См. предисловіе.
[8]) Стр. 99.
[9]) Стр. 100.
[10]) Стр. 82.

пасть между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ [1]). Какъ признаетъ самъ авторъ, она родственна совсѣмъ другимъ умственнымъ теченіямъ: съ одной стороны Канту и особенно послѣкантовой спекулятивной философіи [2]), съ другой же стороны новой русской философіи [3]), которая дѣйствительно [4]) чувствуетъ себя уютнѣе въ атмосферѣ метафизики и даже мистики, чѣмъ среди слишкомъ сухихъ, холодныхъ и трезвыхъ идей чистаго раціонализма, хотя бы и того позитивнаго раціонализма, который господствовалъ въ XVII вѣкѣ Вмѣстѣ съ тѣмъ „интуитивизмъ" или „мистическій эмпиризмъ" Н. О. Лосскаго открываетъ широкій выходъ тѣмъ религіознымъ исканіямъ современной философской мысли, которымъ, какъ отмѣчено выше (на стр. 201), отдаетъ крупную дань также и новѣйшій „прагматизмъ". Все это дѣлаетъ чрезвычайно интересною книгу Н. О. Лосскаго, особенно если къ этому присоединить ея разсужденія чисто психологическаго свойства. Но все же, читая ее и сравнивая ее съ несомнѣнно родственными ей по духу утвержденіями Е. Г. Шмитта, нельзя не удивляться, какъ далеко мы

[1]) Съ точки зрѣнія предлагаемой въ настоящемъ изслѣдованіи характеристики гносеологіи и методологіи раціонализма XVII вѣка, который по всей справедливости слѣдуетъ назвать позитивнымъ раціонализмомъ, трудно согласиться съ отношеніемъ автора къ его представителямъ: онъ слишкомъ рѣшительно разнимаетъ у нихъ опытъ и разумъ (стр. 50), а также приписываетъ имъ тотъ дуализмъ субъекта и объекта, который они счастливо преодолѣвали, между прочимъ при помощи интуиціи въ приведенномъ нами выше смыслѣ, и который, какъ отмѣчено на стр. 162 и слѣд. настоящаго изслѣдованія, обострился уже послѣ нихъ.

[2]) См. стр. 62, 151 и слѣд.

[3]) Стр. 196 и слѣд.

[4]) Авторъ настоящаго изслѣдованія нѣсколько подробнѣе коснулся этой особенности русской философіи въ своей замѣткѣ о сочиненіяхъ Н. Я. Грота (См. Журн. Мин Нар. Просв., іюль, 1904, стр. 231 и слѣд.).

успѣли отойти отъ XVII вѣка и какъ радикально съ тѣхъ поръ измѣнились понятіе интуиціи и гносеологическія надежды, съ нимъ связанныя.

II.

Nullam scientiam haberi posse, nisi per mentis intuitum vel deductionem.
Декартъ (Regula IV).

Къ интуиціи тѣсно примыкала дедукція, органически связанная со всѣми другими особенностями методологіи XVII вѣка, особенно съ ея предпочтеніемъ синтеза анализу и ея увлеченіемъ геометрическою методою. Въ полномъ соотвѣтствіи съ реализмомъ и позитивизмомъ этой методологіи дедукція представляла для философскихъ новаторовъ этой эпохи „продолжающуюся интуицію", какъ выразился Ліаръ по поводу Декарта [1]). Этимъ дедукція XVII вѣка отличалась какъ отъ терминологической дедукціи средневѣковья, такъ и отъ произвольно апріорной дедукціи позднѣйшихъ, нѣмецкихъ по преимуществу, идеалистовъ. Дедукція XVII вѣка не занималась силлогистическою координаціею и субординаціею понятій по ихъ родовымъ и видовымъ признакамъ. Не занималась она также болѣе или менѣе искусственнымъ выведеніемъ системъ изъ совершенно произвольныхъ, субъективныхъ основоположеній — пріемъ, давшій Шопенгауэру поводъ назвать „Ученіе о наукѣ" Фихте (Wissenschaftslehre) пустотою науки (Wissenschaftsleere). Она была строго реалистична и, какъ упоминалось на стр. 151 и 158, вполнѣ соотвѣтствовала путямъ обновленнаго естествознанія того времени.

[1]) L. Liard, Descartes, Paris, 1882, стр. 20.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ею пользовались, быть можетъ, слишкомъ широко, какъ это имѣло мѣсто въ пансофическихъ построеніяхъ XVII вѣка [1]), она не отступала отъ этихъ пріемовъ; она только расширяла ихъ, распространяла ихъ на новыя области и пыталась съ ихъ помощью сразу, не ожидая результатовъ отдѣльныхъ наукъ, набросать общую картину универсальной міровой закономѣрности. Она не отступала отъ объективной науки въ область субъективнаго или метафизическаго, какъ это дѣлали философы начала XIX вѣка съ ихъ „дедукціями". Она, напротивъ, опережала науку. И заблужденіе ея состояло только въ томъ, что она считала научную мечту слишкомъ легко осуществимою, что она переоцѣнивала познавательную силу человѣческаго разума. Поскольку дедукція новаторовъ XVII вѣка иногда пользовалась силлогизмомъ, она какъ упоминалось уже выше (на стр. 215), требовала, чтобы онъ представлялъ реальный силлогизмъ, чтобы не было противорѣчія или несовпаденія между логикою мысли и логикою бытія. Наука въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, должна была быть познаніемъ объективной зависимости между вещами [2]) и метода теоріи должна была соотвѣтствовать методѣ вещей [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ

[1]) См. ниже, гл. X.

[2]) См. опредѣленіе науки и философіи у Гоббеса: Scientia autem cognitio est consequentiarum unius facti ad alterum (Leviathan, I, V, Opera, III, 37); Cognitionis duae sunt species. Altera facti; et est cognitio propria testium, cujus conscriptio est historia. Dividitur autem in naturalem et civilem, quarum neutra pertinet ad institutum nostrum Altera est consequentiarum, vocaturque scientia; conscriptio autem ejus appellari solet philosophia (ib., I, IX, 66); Philosophia est Effectuum sive Phaenomenon ex conceptis eorum Causis seu Generationibus, et rursus Generationum quae esse possunt, ex cognitis effectibus per rectam ratiocinationem acquisita cognitio (De Corpore, I, I, 2, Opera, I, 2).

[3]) Methodus doctrinae sequator methodum rerum, училъ Амосъ Коменскій (Didactica magna XX, 18, стр. 154 цитируемаго нами изданія).

какъ образцомъ дедуктивнаго знанія считалась геометрія, то въ его основаніе полагались не общія родовыя понятія, а опредѣленія. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, необходимо упомянуть о демонстраціи и конструкціи.

III.

Scire est rem per demonstrationem cognoscere.

Эргардъ Вейгель (Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, 124).

Tout ce qui se démontre en mathématique et en quelque autre science que ce soit, est éternel et immuable, puisque l'effet de la démonstration est de faire voir que la chose ne peut pas être autrement qu'elle est démontrée.

Боссюе (De la connoissance de Dieu et de soi-même, I, V, Oeuvres, XXIII, 187).

Демонстрація—одинъ изъ любимыхъ пріемовъ великихъ раціоналистовъ XVII вѣка [1])—представляла своеобразное сочетаніе интуиціи и дедукціи, умозрѣнія и умозаключенія. Кто „демонстрировалъ", тотъ одновременно и показывалъ и доказывалъ, тотъ дѣлалъ истину „очевидною" не только логически, но и воззрительно, тотъ выводилъ не только однѣ истины изъ другихъ истинъ, но и одни образы изъ другихъ

[1]) C'est nostre siecle qui s'est .. mis en frais, pour obtenir des demonstrations, писалъ Лейбницъ (Opuscules et fragments inédits, 178).

образовъ. Такъ какъ раціоналисты XVII вѣка ставили наукѣ строго реальныя и позитивныя задачи, то они требовали отъ настоящей научной демонстраціи, чтобы она еще выражала дѣйствительную, даже причинную, какъ они выражались, т. е., генетическую связь вещей. Finis demonstrandi est causarum et generationis rerum scientia, утверждалъ Гоббесъ [1]) и предупреждалъ: demonstratio... non est, quae non est scientifica. Scientifica autem non est, nisi quae ex cognitione procedit causarum quibus constructio problematis efficitur [2]). Отождествивъ научное знаніе съ демонстративнымъ [3]), Эргардъ Вейгель требовалъ отъ него, чтобы его содержаніе и выводы можно было какъ бы показать пальцемъ [4]) и чтобы оно выражало причинную связь вещей: demonstratio est certificatio, qua mens de proposita rerum habitudine per causam necessariam et huc semper directam, certa redditur, adeo ut sciat non tantum rem ita sese habere, sed et aliter se per naturam habere nequaquam posse [5]) Такое же пониманіе демонстративнаго знанія въ выраженіяхъ, буквально заимствованныхъ у Вейгеля [6]), мы встрѣчаемъ и у Пуффендорфа. Каузальность, какъ особая примѣта настоящей научной демонстраціи, вошла даже въ философскій словарь Шовена [7]). Неудивительно, что при столь строгихъ

---

[1]) De corpore, I, VI, 13, Opera, I, 73.

[2]) Тамъ же, III, XX, стр. 254.

[3]) Analysis Aristotelica, 124.

[4]) ...quod rem adeo faciat evidentem, ut digito quasi monstrata ipsisque sensibus exposita videatur (ib. 3).

[5]) Ib. 12.

[6]) См. книгу Пуффендорфа De jure naturae et gentium libri octo (Londini Scanorum, 1672), Lib. I, Cap. II, § 2 (стр. 21): Demonstrare igitur nobis est, rerum propositarum certitudinem necessariam e certis principiis tanquam suis causis indubitato cognoscendam syllogistice deducere. Буквально то же самое на стр. 12 книги Вейгеля Analysis Aristotelica, вышедшей въ 1658 году.

[7]) Demonstratio perfecta vulgo dicitur, syllogismus pariens

требованіяхъ, предъявляемыхъ научной демонстраціи, такіе, одержимые лихорадкою познанія [1]), мыслители XVII вѣка, какъ Паскаль, могли съ отчаяніемъ восклицать: combien y a il peu de choses demonstrées! [2]).

Такъ понимали демонстрацію въ XVII вѣкѣ и такія связывались съ нею надежды. Въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ благодаря Хр. Вольфу и его школѣ, она была опошлена и превращена въ педантическій, тягучій и скучный пересказъ общеизвѣстныхъ вещей нашего матеріальнаго и моральнаго обихода, которыя при этомъ будто бы съ безусловною необходимостью выводились изъ чистаго разума. Такая демонстрація, банальность которой Шиллеръ чрезвычайно мѣтко пародировалъ въ стихотвореніи Die Weltweisen [3]), ничего въ

---

scientiam ex principiis veris, necessariis, primis, immediatis, prioribus, causisque conclusionis (Lexicon philosophicum, 170). Ср. его опредѣленіе науки: scientia accipitur pro cognitione certa et evidenti rei necessariae, per propriam causam (588).

[1]) Il a eu la soif du vrai jusqu'à en avoir la fièvre, писалъ о Паскалѣ Фагэ (Dix-septième siècle, onzième édition, Paris, 1893, стр. 53).

[2]) Pensées, изданіе 1877, I, 116.

[3]) .... Zehn ist nicht Zwölfe.
Der Schnee macht kalt, das Feuer brennt,
Der Mensch geht auf zwei Füssen,
Die Sonne scheint am Firmament,
Das kann, wer auch nicht Logik kennt,
Durch seine Sinne wissen.
Doch wer Metaphysik studiert,
Der weiss, dass, wer verbrennt, nicht friert,
Weiss, dass das Nasse feuchtet
Und dass das Helle leuchtet.

Шиллеръ однако напрасно приписываетъ уже Декарту (заодно съ Локкомъ) такого рода тривіальное глубокомысліе:

Doch hat Genie und Herz vollbracht,
Was Lock' und Des Cartes nie gedacht.

сущности не доказывала: nil probat, qui nimium probat. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку она касалась вопросовъ морали, она вызывала упрекъ въ томъ, что она смѣшиваетъ деонтологію и онтологію, смѣшиваетъ должное и сущее и притомъ такъ, что эмпирически сущее разсматривается какъ нравственно должное, какъ абсолютно, вѣчно и неизбѣжно истинное, по аналогіи съ неподвижностью геометрически истиннаго. Благодаря всему этому философская демонстрація вообще пользуется дурною репутаціею въ нашей методологической литературѣ. Если однако не приписывать великимъ раціоналистамъ XVII вѣка ошибокъ и искаженій ихъ эпигоновъ XVIII вѣка, то къ ихъ демонстраціи нельзя не отнестись съ гораздо бо́льшимъ уваженіемъ.

IV.

On ne comprend que ce qu'on pratique.

Sainte-Beuve.

При соблюденіи этого же условія конструкція, какъ ее понимали теоретики XVII вѣка, пріобрѣтаетъ чрезвычайно серьезный и строго научный смыслъ. И она очень далека отъ совершенно произвольныхъ и субъективныхъ конструкцій, производившихся позднѣйшими философами. Особенно далека она отъ конструкцій нѣмецкихъ метафизиковъ начала XIX вѣка, которые перенесли въ философію проповѣдовавшійся романтическою поэзіею принципъ геніальной личности, изъ самой себя и для самой себя создающей свой собственный, совершенно субъективный міръ.

Мыслители раціоналистическаго и идеалистическаго направленія обыкновенно гордятся тѣмъ, что они не получаютъ истины извнѣ, но что они ее сами создаютъ, порождаютъ (erzeugen, какъ выражаются марбургскіе неокантіанцы). Въ новѣйшее время эта тенденція обыкновенно связывается съ традиціею Канта, который дѣйствительно стремился свести всю науку къ построенію человѣческаго ума. Великіе раціоналисты XVII вѣка были въ достаточной степени идеалистами, чтобы тоже испытывать это честолюбіе — quicquid incognitum... propriis ingenii sui viribus in lucem producere [1]). Ихъ тоже увлекала veritatis per nos ipsos inventio [2]), la construction de la chose mesme [3]). Но, въ отличіе отъ, Канта и другихъ своихъ эпигоновъ XVIII вѣка, они настаивали на совпаденіи порядка идей и порядка вещей и не считали послѣдняго или непознаваемымъ инкогнито, объемлющимъ таинственныя вещи въ себѣ, или же порожденіемъ субъективной человѣческой психики, такъ что вещь въ себѣ оказывается регулятивомъ нашего субъективнаго знанія, пространство - его субъективною формою, и все содержаніе познанія - субъективно же апріорнымъ. Сообразно съ этимъ они, какъ упоминалось на стр. 165, рѣшительно отказывались вѣрить что истина, какъ нѣчто совершенно субъективное, можетъ выйти изъ мозга философа подобно Минервѣ, выходящей изъ чела Юпитера. Зато тѣмъ болѣе они дорожили такими построеніями, которыя могли бы подтверждать ихъ убѣжденіе въ тождествѣ мысли и бытія и которыя свя-

---

[1]) Чирнгаузенъ, Medicina mentis, предисловіе.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

[3]) La logique ou l'art de penser, IV Partie, Chap. VIII, стр. 428 изданія 1668 г. Декартъ писалъ въ разъясненіи десятаго правила для руководства ума: ego me fateor natum esse ingenio, ut summam studiorum voluptatem, non in audiendis aliorum rationibus, sed in iisdem propria industria inveniendis semper posuerim.

зывались съ новымъ физическимъ міропониманіемъ. Causa constructionis est in ipsis rebus, училъ Гоббесъ [1]).

Прибѣгая къ конструкціи, новаторы XVII вѣка имѣли главнымъ образомъ въ виду геометрію и происходящую въ ней evidentem constructionem, какъ выражался Борелли [2]). Мы не только наблюдаемъ геометрическія линіи, фигуры и тѣла, а также ихъ свойства и взаимное отношеніе въ данномъ нашимъ чувствамъ матеріальномъ мірѣ. Мы не только можемъ вызвать въ своемъ сознаніи чистые геометрическіе образы сразу, въ готовомъ видѣ. Мы можемъ еще построить эти образы — безъ помощи чувствъ и инструментовъ, nec sensuum nec instrumentorum ope [3]). И такимъ образомъ мы какъ бы тоже оказываемся деміургами тѣхъ схемъ, при посредствѣ которыхъ фактически и объективно построена вселенная, мы какъ бы участвуемъ въ созиданіи ея геометрическаго остова: generationes figurarum ex nostro dependent arbitrio.. figuras nos ipsi creamus, училъ Гоббесъ [4]). Мы какъ бы создаемъ, какъ бы творимъ круги [5]),

---

[1]) De corpore, III, XX, Opera, I, 253.

[2]) Euclides restitutus, Pisis, 1658, стр. 2.

[3]) Кумберландъ писалъ: principiorum Geometricorum, circa lineas, superficies, aut solida mensuranda, veritas et utilitas evertitur, ex eo quod nec sensuum nec instrumentorum ope efficere possumus ullam extra nos lineam exacte rectam, aut superficiem perfecte planam, spaericamve; aut corpus omnimodo regulare, aut ad talia reducibile (De legibus naturae, Cap. IV, § 4, Editio tertia, Lubecae et Francofurti, 1694, стр. 225).

[4]) De homine, X, 5, Opera II, 93. Тамъ же: causae proprietatum, quas habent singulae figurae, insunt in illis quas ipsi ducimus lineas.. Itaque ob hanc rem, quod figuras nos ipsi creamus, contigit geometriam haberi et esse demonstrabilem.

[5]) Circulum definimus esse figuram natam ex sircumlatione lineae rectae in plano, писалъ Гоббесъ (De corpore, I, VI, 13, Opera, I, 72); въ такомъ же смыслѣ училъ и Спиноза: eum (circulum) esse figuram, quae describitur a linea quacunque, cujus alia

шары [1]), эллипсы [2]) и прочія геометрическія фигуры и тѣла. А такъ какъ изъ этихъ элементовъ слагается пространственная, по крайней мѣрѣ, картина вселенной, то становится понятнымъ заявленіе Декарта въ Discours de la méthode о томъ, что онъ мысленно построилъ цѣлый міръ въ воображаемыхъ пространствахъ.

Вико протестовалъ противъ возможности создать путемъ конструкціи міръ физики, ибо элементы его находятся внѣ насъ. Но что касается міра геометріи, то даже онъ какъ нельзя лучше понималъ и объяснялъ возможность создавать его изъ элементовъ нашего собственнаго сознанія [3]): Geometrica ideo demonstramus, quia facimus. Physica si demonstrare possemus, faceremus [4]). Декартъ былъ рѣшительнѣе.

---

extremitas est fixa, alia mobilis; quae definitio clare comprehendit causam proximam (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 29).

[1]) Спиноза писалъ: ad formandum conceptum globi fingo ad libitum causam, nempe semicirculum circa centrum rotari, et ex rotatione globum quasi oriri. Haec sane idea vera est, et quamvis sciamus nullum in Natura globum sic unquam ortum fuisse, est haec tamen vera perceptio, et facillimus modus formandi globi conceptum (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 22).

[2]) Ideas rerum... multis modis mens determinare potest: ut ad determinandum ex. gr. planum ellipseos fingit, stylum chordae adhaerentem circa duo centra moveri (ib., 33).

[3]) De antiquissima Italorum sapientia ex linguae latinae originibus eruenda, Neapoli, 1710, стр. 50. Arithmetica, et Geometria, quae vulgo non putantur a caussis probare, eae a caussis vere demonstrant. Et ideo a caussis demonstrant, quia mens humana continet elementa verorum, quae digerere et componere possit; et ex quibus dispositis, et compositis existit verum quod demonstrat; ut demonstratio eadem ac operatio sit, et verum idem ac factum. Atque ob idipsum Physica a caussis probare non possumus, quia elementa rerum naturalium extra nos sunt.

[4]) Тамъ же, стр. 51. Ср. стр. 103: Arithmetica, Geometria, earumque soboles Mechanica sunt in hominis facultate: quia in iis

Такъ какъ вся физика сводилась имъ къ геометріи и тѣла — къ протяженію, то онъ гордо увѣрялъ, что путемъ чистаго разума можно познать [1]) и даже построить тѣла и весь физическій міръ.

---

ideo demonstramus verum, quia facimus Physica autem in facultate Dei Opt. Max. sunt. Ср. производимую Гоббесомъ параллель между математик ю и физикою (De Homine, X, 5, Opera II, 93). Въ полемикѣ съ Кларкомъ Лейбницъ писалъ: Le grand fondement des Mathematiques est le Principe de la Contradiction, ou de l'Identité... Et ce seul principe suffit pour demonstrer toute l'Arithmetique et toute la Geometrie, c'est à dire tous les Principes Mathematiques. Mais pour passer de la Mathematique à la Physique, il faut encor un autre Principe, comme j'ay remarqué dans ma Theodicée, c'est le Principe du besoin d'une Raison suffisante (Werke, Gerhardt, VII, 355). См. однако ниже, въ VI части настоящей главы, о чисто логическомъ значеніи принципа достаточнаго основанія у Лейбница.

[1]) Nequidem ipsa corpora proprie sensu percipi, sed solo intellectu (Responsio ad Secundas Objectiones, стр. 70 амстердамскаго изданія 1698 г.).

V.

Definitionem Eminentem voco illam Scientiam, qua scimus optime et intuitive... quid rei sit.

Гейлинксъ (Logica fundamentis suis, a quibus hactenus collapsa fuerat, restituta, Pars IV, Sect. I, Cap. VI).

Ex... definitionibus omnes veritates demonstrari possunt.

Лейбницъ (De Synthesi et Analysi universali seu Arte inveniendi et judicandi, Schriften, Gerhardt, VII, 295).

Tout l'esprit d'un auteur consiste à bien définir et à bien peindre.

Лабрюеръ (Oeuvres, 1865, I, 116).

Какъ упоминалось выше, раціоналисты XVII вѣка придавали большое значеніе опредѣленіямъ и притомъ не только какъ вспомогательному пріему при познаніи, но какъ одному изъ главныхъ источниковъ познанія: definitio scire facit, училъ еще Николай Кузанскій [1]). Это вполнѣ естественно вызывалось ихъ идеаломъ раціональной, дедуктивной науки. Le propre de la raison, писалъ Порталисъ, est de découvrir les principes. Принципами науки для раціоналистовъ XVII вѣка были или „очевидныя" въ упомянутомъ выше смыслѣ аксіоматическія истины или опредѣленія тѣхъ, казалось имъ, весь-

[1]) De venatione sapientiae, Cap. XIV, Opera, Basileae, 1565, стр. 308.

ма простыхъ и немногочисленныхъ элементовъ, изъ которыхъ безъ остатка и безъ противорѣчій слагается система міра: patet denique—писалъ Лейбницъ Конрингу omnes veritates resolvi in definitiones, propositiones identicas et experimenta [1]). Все демонстративное знаніе, писалъ онъ ему же, это — не болѣе какъ цѣпь опредѣленій [2]). Для Гоббеса единственные принципы науки – это опредѣленія. Principia... solae definitiones sunt, писалъ онъ [3]). Гейлинксъ понималъ науку какъ познаніе путемъ опредѣленій: scire est per Definitionem cognoscere... Itaque Definitio totum humanum scire complectitur [4]). Маріоттъ считалъ главнымъ недостаткомъ традиціонной философіи несовершенство ея опредѣленій [5]) и въ своей „Логикѣ" отвелъ имъ весьма почетное мѣсто [6]). Первыми истинами законовъ Дома признавалъ „простыя опредѣленія" [7]). Спиноза начинаетъ свою „Этику" опредѣленіями, совершенно также какъ и Ньютонъ свою знаменитую книгу Philosophiae naturalis principia mathematica. Въ четвертомъ письмѣ Спиноза называетъ аксіомою то, что каждое

---

[1]) Gerhardt, I, 194.

[2]) Ib., 174, 190.

[3]) De corpore, I, VI, 13, Opera, I, 71; ср. 72: praeter definitiones, alia propositio nulla dicenda prima est.

[4]) Logica fundamentis suis, a quibus hactenus collapsa fuerat, restituta, Pars IV, Sect. I, Cap. III, Opera, edit. Land, I, 398).

[5]) Leur Logique étoit défectueuse, particuliérement à l'égard des définitions (Essai de logique, Préface, Oeuvres, Leide, 1717, стр. 610).

[6]) Стр. 632 и слѣд.; неясныя опредѣленія онъ называлъ загадками: une Enigme n'est autre chose qu'une définition obscure (стр. 635).

[7]) Traité des lois, Ch. I, 3 (Oeuvres complètes, nouvelle édition, par J. Remy, Paris, 1835, т. I, стр. 3).

опредѣленіе истинно [1]). Чирнгаузенъ считаетъ началомъ познанія вещей ихъ опредѣленіе [2]) и видитъ его конецъ тамъ, гдѣ кончаются опредѣленія и логическія операціи надъ ними [3]). Лейбницъ чрезвычайно широко пользовался и даже, можетъ быть, злоупотреблялъ опредѣленіями въ выполненіи своихъ философскихъ замысловъ. Доказательство, т. е., послѣ интуиціи самое могущественное методическое орудіе обновленнаго знанія Лейбницъ понималъ какъ цѣпь опредѣленій: est enim Demonstratio, объяснялъ онъ Конрингу, nil nisi catena definitionum [4]). Къ опредѣленію же онъ сводилъ анализъ [5]), да и всю вообще науку [6]). Какъ упоминалось выше (на

---

[1]) Supponitur... non ignorare... veritatem hujus Axiomatis, scilicet, quod omnis definitio, sive clara et distincta idea, sit vera (Epistola IV, Opera II, 201).

[2]) Definitionem esse primum alicujus rei conceptum, seu primum, quod de re concipitur (Medicina mentis, 67).

[3]) ...Ut omnes possibiles conceptus, quos mentem meam posse formare observo, mihi acquirere studeam. Quae res ne nimium accrescat, ac finitae meae mentis potentiam longe exsuperet, et interim tamen omnia ita adaequate ac omnino complectar, ut certus sim, nihil a me esse praetermissum, primo omnes possibiles primos conceptus, ex quibus formantur reliqui, redigam in ordinem, eosque imposterum *Definitiones* nominabo: secundo has ipsas definitiones in se considerabo, et hinc deductas proprietates appellabo *Axiomata:* tertio definitiones inter se omnibus modis, quibus id fieri potest, jungam, ac veritates inde derivatas *Theoremata* dicam .. his rite peractis tantum scientiae, quantum humanitus fieri potest, nobis comparaverimus (Medicina mentis, 66—67). Patet... data definitione, nullum amplius dubitationis locum de rei definitae certitudine relinqui (ib. 70).

[4]) Schriften, Gerhardt, I, 174; въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: cum enim nihil sit aliud demonstratio quam combinatio definitionum (см. L. Couturat, La logique de Leibniz d'après des documents inédits, Paris, 1901, стр. 572).

[5]) Analysis autem nihil aliud est quam resolutio definiti in definitionem (Schriften, Gerhardt, I, 185).

[6]) Уже въ Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae

стр. 230), онъ возлагалъ большія методологическія надежды на „книгу опредѣленій" и вѣрилъ, что съ ихъ помощью можно совершенно прекратить всякіе споры. Уже съ дѣтства Лейбницъ работалъ надъ опредѣленіями: definitionum condendarum cura mihi pene a puere fuit maxima, писалъ онъ [1]). Работалъ онъ очень упорно, стараясь построить все зданіе своей философіи на опредѣленіяхъ [2]). При этомъ подобно Гоббесу [3]) и Спинозѣ [4]) онъ всячески стремился подчинить опредѣленіямъ также и моральный міръ. Даже вопросъ о любви какъ у него [5]), такъ и у другихъ теоретиковъ XVII вѣка [6]), сводился къ вопросу о ея опредѣленіи. Въ такомъ именно смыслѣ изъяснялъ онъ этотъ вопросъ дамамъ [7]), что какъ нельзя

---

tiae Лейбницъ писалъ еще въ полусхоластическихъ выраженіяхъ: Analytica seu ars judicandi, mihi quidem videtur duabus fere regulis tota absolvi: (1). Ut nulla vox admittatur, nisi explicata, (2.) ut nulla propositio, nisi probata (стр. 16 франкфуртскаго изданія 1668 года).

[1]) Die Werke von Leibniz, Ausgabe von O. Klopp, Hannover, 1864, XXIV.

[2]) См. статью Тренделенбурга Ueber das Element der Definition in Leibnizens Philosophie (Historische Beiträge zur Philosophie, Dritter Band, Berlin, 1867).

[3]) De homine, Cap. XII, Opera, II, 103 sq.; Leviathan, Cap. VI, Opera, III, 39 sq. Упорство, съ какимъ Гоббесъ стремился опредѣлить всѣ человѣческіе аффекты, вполнѣ понятно. Всякое познаніе онъ сводилъ къ сложенію и вычитанію. Человѣческое общество—это сумма отдѣльныхъ людей. Отдѣльный же человѣкъ—это, въ свою очередь, сумма аффектовъ. И сообразно съ этимъ опредѣлить аффекты для него значило познать всѣ элементы, всѣ слагаемыя личной и публичной жизни людей.

[4]) Affectuum definitiones, Ethica, III, Opera, I, 164 sq.

[5]) См. Couturat, La logique de Leibniz, стр. 567.

[6]) Ср. споръ Боссюе и Фенелона о любви къ Богу или разсужденія Спинозы о любви въ „Этикѣ".

[7]) Il est raisonnable, писалъ онъ, que les Dames jugent des matieres d'amour. Car il en faut former une notion qui convienne

лучше отвѣчало ихъ ожиданіямъ, поскольку онѣ были причастны новой образованности [1]). Чѣмъ объясняется такое упорное стремленіе новаторовъ XVII вѣка къ опредѣленіямъ? Тѣмъ, что методологическими образцами для нихъ были геометрія и механика. А въ этихъ наукахъ опредѣленіе - это все. Этимъ же объясняется отличіе опредѣленій, которыя искали эти новаторы, отъ тѣхъ опредѣленій, которыми занимались философы еще со временъ Сократа. Здѣсь, какъ впрочемъ и всюду, обнаруживается строгій позитивизмъ научныхъ замысловъ раціоналистовъ XVII вѣка. Они очень далеки отъ того, чтобы смѣшивать познаніе предметовъ съ ихъ наименованіемъ. L'experience fait plus que la définition, писалъ по этому поводу Лейбницъ [2]), допускавшій сообразно съ этимъ, какъ указано ниже, только реальныя и притомъ генетическія, каузальныя, какъ онъ выражался, т. е., въ своемъ родѣ экспериментальныя опредѣленія. Равнымъ образомъ новаторы очень далеки отъ связанной съ такимъ смѣшеніемъ вѣры въ магическую силу словъ. Имъ была чужда эта вѣра, вѣра въ то, что названіе предмета вызываетъ не только его образъ въ нашемъ сознаніи, но и этотъ самый предметъ въ реальной дѣйствительности [3]), а также вѣра въ то, что

---

encore à l'amour des creatures raisonnables. Et selon la definition, que j'ay donnée dans la preface du Codex Juris Gentium, on a de l'amour, quand on est disposé à trouver du plaisir dans la felicité d'autruy. Cela suffit pour faire cesser la dispute. (Otium Hanoveranum, sive Miscellanea ex ore et schedis illustris viri, G. G. Leibnitii, Lipsiae, 1718, стр. 73).

[1]) См., напримѣръ, переписку Елисаветы Пфальцкой и Христины Шведской, сюжеты, дебатировавшіеся образованными женщинами во Франціи XVII вѣка и т. д. Ср. недавно появившуюся статью A. Mansuy: Une reine de Pologne janséniste et les provinciales (Revue bleue, 2 avril, 1910, стр. 425)

[2]) Nouveaux essais, L. IV, Ch. IV, § 12. (Gerhardt, V, 277).

[3]) Ср. всякаго рода заклинанія, формулы древняго процесса,

у каждаго предмета есть „свое" названіе вродѣ того, которое по библейскому разсказу Адамъ далъ всей твари [1]), или что каждому названію непремѣнно долженъ соотвѣтствовать „свой" конкретный предметъ и что, значитъ, слова, какъ думали средневѣковые реалисты, обладаютъ онтологическою силою. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, теоретики XVII вѣка весьма выгодно отличались не только отъ своихъ схоластическихъ предшественниковъ съ ихъ словеснымъ, терминологическимъ „реализмомъ", но также и отъ позднѣйшихъ мыслителей. Бональдъ, напримѣръ, считалъ полнымъ и достаточнымъ доказательствомъ бытія Бога то, что у людей существуетъ Его названіе [2]). Гегель не то считалъ „понятія", т. е. термины, нерѣдко имъ самимъ сочинявшіеся, чѣмъ-то самосущимъ, не то предполагалъ, что каждое изъ нихъ вызываетъ нѣчто объективно сущее въ реальной дѣйствительности, что она выводится и создается изъ понятій. Новаторы XVII вѣка безусловно отказываются изучать понятія вмѣсто вещей или выводить вещи изъ понятій. Они—рѣшительные номиналисты [3]). Но это вовсе не

нежеланіе даже упоминать по имени извѣстныхъ предметовъ вродѣ чорта, холеры и т. д.

[1]) Бытія, II, 19.

[2]) „Dieu est possible, dit Descartes: donc il est; car s'il n'étoit pas. il ne seroit pas possible qu'il fût"... Ma preuve est plus simple. „Les hommes nomment Dieu, donc il est". Car s'il n'étoit pas, il ne seroit pas nommé. Donc Dieu est cause universelle, moteur suprême, pouvoir souverain (Législation primitive, I, 379; Oeuvres, II).

[3]) Secta nominalium—писалъ Лейбницъ,—omnium inter Scholasticas profundissima, et hodiernae reformatae philosophandi rationi congruentissima (Dissertatio de stylo philosophico Nizolii, XXVIII, Opera, Erdmann, 1840, I, 68) Гоббесъ—крайній номиналистъ. Для него существуютъ только тѣла и слова. Даже истина для него—только слово: verum et falsum attributa sunt non rerum, sed orationis (Leviathan, I, IV, Opera III, 26). Лейбницъ на этотъ счетъ былъ иного мнѣнія: les verités ne dependent point des noms (Werke, Gerhardt, IV, 450).

значитъ, что они остаются и желаютъ оставаться на почвѣ схоластическихъ проблемъ. Это только значитъ, что они желаютъ быть реалистами уже въ иномъ, болѣе позитивномъ смыслѣ: opus est, писалъ Амосъ Коменскій, intellectum formari ante linguam [1]), причемъ, поясняетъ онъ дальше, intellectus rerum primo formetur [2]). Благодаря этому стремленію они признаютъ настоящимъ, совершеннымъ опредѣленіемъ только такое, которое выражаетъ сущность вещей [3]). Они стремятся опредѣлить не слова, а вещи, дать опредѣленія не словесныя, а реальныя. Опредѣленіе для нихъ—это не реторическая фигура, вродѣ вычурныхъ сравненій Алькуина [4]) или романтиковъ [5]). Это также не описаніе—„обезъяняя опредѣленія", какъ назвалъ его Шовенъ [6]). Равнымъ образомъ это не опредѣленіе по роду и виду. Хотя еще Кеплеръ [7]) и даже авторы логики Поръ-Рояля [8]) понимали научное опре-

---

[1]) Didactica magna, стр. 97 лейпцигскаго изданія 1894 г.

[2]) Тамъ же, 101; ср. часть 1, гл. X логики Поръ-Рояля (стр. 108 и слѣд. изданія 1668 г.).

[3]) Definitio, ut dicatur perfecta, debebit intimam essentiam rerum explicare, училъ Спиноза (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 31).

[4]) Напримѣръ: что такое языкъ?—бичъ воздуха; что такое воздухъ?—хранитель жизни; что такое сонъ?—образъ смерти; что такое свобода человѣка?—невинность; что такое голова? — вершина тѣла; что такое тѣло?—жилище души, и т. д. (см. Guizot, Histoire de la civilisation en France, Tome II, Bruxelles, 1835, стр. 305).

[5]) По Шлегелю, архитектура—это застывшая музыка, историкъ—обращенный назадъ пророкъ. Жанъ Поль опредѣлялъ музыку какъ поэзію воздуха. „Животное—это желѣзо органической природы, растеніе—вода", писалъ Шеллингъ (Werke, Abth. I, Band IV, стр. 211).

[6]) Descriptio est definitionis simia (Lexicon philosophicum, 177).

[7]) Definitio vero constat genere et differentia (Opera, edit. Frisch, Vol. VIII, P. I, 157).

[8]) La logique ou l'art de penser, II Partie, Chap. XII, стр. 199 изданія 1668 г.

дѣленіе именно такъ, однако другіе новаторы такъ же рѣшительно отказываются отъ опредѣленія ex genere et differentia, какъ отказываются они отъ связанной съ нимъ силлогистики (см. выше, стр. 210 и слѣд.). Они не удовлетворяются такими опредѣленіями или, какъ презрительно выражался Эргардъ Вейгель, опредѣленьицами, definitiunculis [1]). Они отказываются видѣть въ нихъ настоящія опредѣленія. Они даже не считаютъ необходимымъ вступать въ полемику съ „вульгарными", какъ они выражаются, представителями иного мнѣнія [2]). Объясняется это ихъ монистическою тенденціею, а также ихъ реализмомъ въ новомъ, позитивномъ смыслѣ. Опредѣленіе по роду и виду, также какъ и силлогизмъ, не столько соединяло, сколько разъединяло [3]) предметы, не столько приближало философію къ единству міровой субстанціи и ея законовъ, сколько удаляло ее отъ нея. И поэтому оно, очевидно, было непригодно для познанія единой міровой субстанціи. Такъ, напримѣръ, Спиноза въ „Короткомъ трактатѣ" рѣшительно отказывается отъ возможности опредѣлить Бога посредствомъ рода и вида [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ по схоластической традиціи такое опредѣленіе выясняло терминологическія соотношенія и нисколько не выясняло реальнаго міра: genus enim et universale et praedicare, nominum, non rerum nomina sunt, объяснялъ Гоббесъ [5]).

---

[1]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Jenae, 1658, стр. 223.

[2]) Чирнгаузенъ писалъ: Perspicuum haud magni momenti esse, quod vulgares praestiterunt Philosophi, dum bonam definitionem volunt constare ex genere et differentia (Medicina mentis, 71).

[3]) Какъ объяснялъ Шовенъ, definitio nomen ab agrorum terminis per translationem traxit: nam ut illi rura aliena a nostris distingunt, sic definitiones rei naturam complectuntur, atque a caeteris omnibus distinguit (Lexicon philosophicum, 167).

[4]) Часть I, глава VII (Opera, III, 32).

[5]) De corpore, I, V, 5, Opera I, 53.

Если мы, писалъ Эргардъ Вейгель [1]), объяснимъ часы терминологически и формально-логически, сказавъ, что это—автоматъ (родовой признакъ, genus), измѣряющій время (видовой признакъ, differentia), то это совсѣмъ не будетъ значить, что мы дѣйствительно объяснили реальный предметъ. Наконецъ, такъ какъ логика XVII вѣка старалась быть искусствомъ открытія неизвѣстныхъ истинъ, а не разсужденія объ истинахъ уже извѣстныхъ, хотѣла быть ars inveniendi вмѣсто ars disserendi, то отъ опредѣленія ожидали, чтобы оно не ограничивалось классификаціею названій вещей, а давало реальное познаніе вещей и даже создавало ихъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ мысленнаго образа или геометрической конструкціи.

Настоящее научное опредѣленіе, училъ Спиноза, должно передавать внутреннюю сущность вещи [2]), должно имѣть „каузальный" характеръ [3]), т. е. по возможности давать также и конструкцію [4]) опредѣляемой вещи. Въ той теоріи опредѣленія, которую онъ даетъ въ „Трактатѣ объ исправленіи ума", чрезвычайно отчетливо выступаютъ своеобразныя особенности раціоналистической гносеологіи XVII вѣка: ея „реализмъ, ея объективизмъ, ея согласіе на творчество истины человѣческимъ сознаніемъ только въ томъ случаѣ, когда творятся геометрическіе образы, и безъ того существующіе въ мірѣ и дѣйствительно объясняющіе его физическій по крайней мѣрѣ обликъ. Кто опредѣляетъ предметъ, тотъ вызываетъ въ своей мысли его конкретный образъ, тотъ конструируетъ его. Сообразно съ этимъ какъ Спино-

---

[1]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Ienae, 1658, стр. 138.

[2]) Definitio ut dicatur perfecta, debebit intimam essentiam rei explicare (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 29).

[3]) Si res sit creata, definitio debebit... comprehendere causam proximam (ib.).

[4]) См. на этой же страницѣ опредѣленіе круга.

зою, такъ и другими раціоналистами XVII вѣка опредѣленіе характеризуется какъ нѣчто интуитивное, конструктивное въ каузальномъ смыслѣ и выражающее объективную сущность реальныхъ вещей.

Такое же пониманіе сущности настоящаго научнаго опредѣленія мы встрѣчаемъ и у Гоббеса, хотя, при своемъ крайнемъ номинализмѣ, онъ и утверждалъ, что опредѣленіе касается болѣе словъ, чѣмъ вещей: nomina autem rerum quae causam habere posse intelliguntur, in definitione haberi debent ipsam causam sive modum generationis, veluti cum circulum definimus esse figuram natam ex circumlatione lineae rectae in plano и т. д. [1]), пишетъ онъ въ своей книгѣ „О тѣлѣ". Опредѣленіе сообразно съ этимъ тѣсно и неразрывно связывается съ конструкціею: in... definitionibus contineri debet causa efficiens constructionis; constructionis, inquam, non conclusionis [2]). Чирнгаузенъ училъ bonam quamque definitionem causam efficientem debere includere [3]). Онъ шелъ очень далеко въ признаніи генетическаго характера всякаго настоящаго опредѣленія; такъ, онъ былъ убѣжденъ, что если правильно опредѣлить смѣхъ, то это должно немедленно же вызвать смѣхъ у людей [4]). Вейгель увѣрялъ: Reales vero Definitiones et quidem primario sic dictae Causales, ipsa Scientiae penetralia ingrediuntur [1]). Генетическое и каузальное пониманіе опредѣленія мы встрѣчаемъ въ „Логикѣ" Маріотта [2]). Встрѣчаемъ мы его и у Лейбница: La definition est encor reelle et causale, comme lors qu'elle contient la generation possible de la chose, писалъ онъ [3]). Разбирая въ Nouveaux essais вопросъ о томъ, что значитъ опредѣлить золото, Лейбницъ пишетъ: nous aurions la definition reele et causale, si nous pouvions expliquer cette contexture ou constitution interieure [4]).

Если имѣть въ виду такое пониманіе опредѣленія въ XVII столѣтіи, а также то, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, образцами были геометрія и физика, то никакъ нельзя будетъ признать схоластическимъ, по крайней мѣрѣ, замыселъ раціоналистовъ этого столѣтія, изощрявшихся надъ

---

[1]) De corpore, I, VI, 13, Opera, I, 72.

[2]) De corpore, III, XX, Opera, I, 253.

[3]) Medicina mentis, 71.

[4]) Patet, omnem rei singularis definitionem semper ejusdem rei primum formationis modum oportere includere, quem alicujus rei Generationem nuncupabo. Rem enim quandam vere concipere nihil aliud est, quam actio seu formatio mentalis alicujus rei; atque ideo id, quod de re aliqua concipitur, nil aliud est, quam illius rei primus formationis modus, vel, si mavis, generatio. Deinde si definitio est primum, quod de re concipitur, et quo aliquid prius concipi posse repugnat, generatione vero etiam nihil prius de re ulla concipi queat, omnis sane legitima seu bona definitio includet generationem... Quod enim ad Mathematicos attinet, si Euclidis de proportionalitate definitio esset bona, hoc est, si ea generationem proportionis includeret, tot de ea disputationes procul dubio non fuissent ortae. Quod ad Ethicos spectat, si illorum definitiones forent genuinae, animi passiones statim in nobis excitarentur, simul ac ea adessent, quae ad eas excitandas earundem definitiones requirunt. Sic, si definitio, quae naturam risus explicat, proba esset, subito datis tantum iis eadem definitione ad ridendum requisitis, in aliis risum moveremus (Medicina mentis, 67; 68).

[1]) Analysis Aristotelica, 138.

[2]) См. выше, стр. 250 примѣч. 1. Правда, Маріоттъ говоритъ: les définitions ne font pas que les choses soient (Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1717, стр. 634). Но, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ разъясненій, онъ возражаетъ не противъ новаго конструктивнаго понятія опредѣленія, а противъ стараго схоластическаго онтологическаго доказательства бытія вещей, хотя бы и химерическихъ: car pour dire, une Chimére est un tel animal, un cercle est une telle figure, il ne s'ensuit pas qu'il y ait dans la nature une Chimére ou un cercle (тамъ же)

[3]) Schriften, Gerhardt, IV, 450.

[4]) L. IV, Ch. III, § 18, Gerhardt, V, 273. О каузальномъ опредѣленіи у Лейбница см. E. Cassirer, Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902, стр. 114—117.

опредѣленіями всякихъ предметовъ. Схоластическими можно признать развѣ отдѣльные случаи выполненія этого замысла —вродѣ иныхъ опредѣленій Спинозы [1]) или Лейбница [2]). Ошибка великихъ раціоналистовъ состояла не въ томъ, что своими опредѣленіями они преслѣдовали нелѣпую и ненаучную задачу, а въ томъ, что они вѣрили въ возможность немедленно осуществить высшій научный идеалъ, въ возможность сразу, безъ остатка, разложить все мірозданіе на его основные элементы и притомъ элементы такіе же ясные и точные, какъ геометрическія линіи и фигуры.

Во всякомъ случаѣ, если ихъ опредѣленія и оказывались иногда неудачными, они никогда не были нелѣпы, потому что раціоналисты XVII вѣка слишкомъ хорошо сознавали ихъ методологическое значеніе и назначеніе и для нихъ еще слишкомъ очевидно было, что образцами для нихъ должна была служить геометрія и механика. Между тѣмъ этого нельзя сказать про тѣ опредѣленія позднѣйшихъ философовъ, особенно въ XIX столѣтіи, отъ которыхъ, напримѣръ, у

[1]) Напримѣръ, „честолюбіе есть неумѣренная жажда славы", „скупость есть неумѣренная жажда и любовь къ богатству", „пьянство есть неумѣренная жажда и любовь къ выпивкѣ" (Ethica, Pars III, Definitiones XLIV, XLVII, XLVI, Opera, I, 175, 176).

[2]) Тренделенбургъ вполнѣ основательно недоумѣвалъ, какія надежды Лейбницъ могъ соединять съ опредѣленіями вродѣ слѣдующаго: tempora quod est inter aures et frontem (Historische Beiträge zur Philosophie, Dritter Band, Berlin, 1867, стр. 55). Клаубергъ былъ осторожнѣе: quando res et nomina per se satis clara sunt, abstinendum est a definitionibus (Logica contracta, 126, Opera, 922). Еще Декартъ предостерегалъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія опредѣленіями: Et saepe adverti, philosophos in hoc errare, quod ea quae simplicissima erant ac per se nota, Logicis definitionibus explicare conarentur; ita enim ipsa obscuriora reddebant (Principiorum philosophiae, I, X). Ср. его разъясненіе 12-го правила: dicendum est igitur, nullis unquam definitionibus ejusmodi res esse explicandas, ne loco simplicium compositas apprehendamus (стр. 42 амстердамскаго изданія 1686 г.).

Гаусса волосы становились дыбомъ [1]). Взглядъ на опредѣленіе какъ на нѣчто генетическое, перешедшій по традиціи и въ XVIII столѣтіе [2]), подъ вліяніемъ субъективизма и психологизма тогдашней гносеологіи принялъ такой же субъективный смыслъ, какой, какъ указано выше, тогда же приняли интуиція и дедукція. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ историческій, эволюціонный духъ, который проникъ во всѣ науки въ теченіе XIX вѣка и который вывелъ вселенную изъ состоянія величавой неподвижности, дѣлалъ всякія точныя опредѣленія, строго говоря, невозможными или по крайней мѣрѣ не необходимыми.

Вѣра во всеспасающее значеніе опредѣленій была вполнѣ естественна въ XVII вѣкѣ, когда образцомъ всякой научности считалась геометрія и когда весь міръ разсматривался какъ до прозрачности ясная и неподвижная геометрическая система, не знающая ни прошедшаго ни будущаго, ни эволюціи ни трансформаціи, представляющая какое-то вѣчное настоящее. При такомъ пониманіи познать что бы то ни было значило познать ordine geometrico, т. е. прежде всего при посредствѣ опредѣленій. Но когда образцомъ научности стала исторія и когда вся вселенная была приведена въ непрерывное движеніе и измѣненіе, тогда всякое научное познаніе стало генетическимъ, но уже не въ смыслѣ XVII вѣка, т. е. въ смыслѣ конструкціи законченной системы изъ ясно и точно опредѣленныхъ элементовъ, а въ новомъ смыслѣ установленія нерѣдко весьма извилистыхъ путей эволюціи и транс-

[1]) Sehen Sie sich doch nur—писалъ онъ Шумахеру—bei den heutigen Philosophen um, bei Schelling, Hegel.. und Consorten, stehen Ihnen nicht die Haare bei ihren Definitionen zu Berge (Briefwechsel zwischen C. F. Gauss und H. C Schumacher, Vierter Band, Altona, 1862, стр. 337).

[2]) См., напримѣръ, G. Bilfingeri, Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo et generalibus rerum affectionibus, Editio tertia, Tubingae, 1746, § 115: Realem (definitionem) illam dicimus, quae ipsam rei genesin exprimit.

формаціи тѣхъ или иныхъ предметовъ или явленій; и при этомъ главное вниманіе изслѣдователей сосредоточивается на смутныхъ, темныхъ, элементарныхъ зародышахъ, теряющихся или во мракѣ доисторическихъ временъ или въ еще болѣе загадочномъ времени происхожденія элементовъ матеріи и жизни. Такое генетическое познаніе вполнѣ сознательно покидаетъ міръ ясныхъ и отчетливыхъ идей и образовъ и въ поискахъ за началомъ всѣхъ началъ устремляется въ дебри неяснаго и неопредѣленнаго, сильно рискуя совершенно заблудиться въ нихъ [1]). Если при этомъ въ нѣкоторыхъ научныхъ сферахъ, особенно сильно увлеченныхъ новымъ историческимъ духомъ, какъ, напримѣръ, въ обществовѣдѣніи, опредѣленіямъ все еще продолжаютъ придавать большое значеніе, то это представляетъ уже анахронизмъ, переживаніе прежнихъ временъ, методологическое значеніе котораго уже

---

[1]) Примѣръ крайняго злоупотребленія генетическою методою въ приложеніи къ такой области, которая, если ее не изучать психологически, по существу своихъ объектовъ находится внѣ генезиса и эволюціи, именно къ логикѣ, являетъ въ новѣйшей русской литературѣ книга И. И. Ягодинскаго: Генетическій методъ въ логикѣ (Казань, 1909). Авторъ находитъ сужденіе уже у бациллы и инфузоріи (стр 92); на стр. 178 чернобрюхій паукъ умозаключаетъ по аналогіи, не хуже чѣмъ Аристотель или Джонъ Стюартъ Милль; на стр. 50 собака умозаключаетъ даже лучше, чѣмъ человѣкъ („чтобы узнать возвратившагося Одиссея, его старой кормилицѣ Эвриклеѣ понадобился долгій процессъ умозаключенія, а его старой собакѣ Аргосу стоило только понюхать"). На стр. 78 первый крикъ ребенка при появленіи на свѣтъ оказывается уже сужденіемъ (французскій поэтъ, кажется, лучше, чѣмъ русскій логикъ, опредѣлилъ настоящее, именно, не логическое, а чисто біологическое значеніе этого крика, когда писалъ

On entre, on crie,
Et c'est la vie;
On crie, on sort,
Et c'est la mort).

сознается далеко не съ такою прозрачною ясностью, какъ прежде. И этимъ обстоятельствомъ объясняется неудача, логическая несостоятельность, а иногда даже просто нелѣпость многихъ опредѣленій права, государства, хозяйства, общества и т. п., опредѣленій, невольно заставляющихъ вспомнить предостереженіе римскихъ юристовъ: **omnis definitio... periculosa est.**

VI.

Die Frage nach dem Zweck, die Frage Warum? ist durchaus nicht wissenschaftlich. Etwas weiter aber kommt man mit der Frage Wie?

Goethe (Gespräche mit Eckermann).

Il y a tousjours une parfaite Equation entre la cause pleine et l'effect entier.

Лейбницъ (Schriften, Gerhardt, III, 45).

Изучая демонстрацію, конструкцію и опредѣленія, мы, какъ отмѣчено выше, постоянно встрѣчаемъ у великихъ раціоналистовъ XVII вѣка одно понятіе – именно причинность. Встрѣчаемъ довольно неожиданно, потому что, по установившейся традиціи, монополистомъ причиннаго познанія въ XVII вѣкѣ считается Бэконъ, съ его заманчивымъ афоризмомъ: vere scire est per causas scire. А между тѣмъ и у этихъ раціоналистовъ научное познаніе отождествляется съ причин-

нымъ, причемъ безъ того антропоморфизма, который былъ еще такъ присущъ Бэкону [1]). Не кто иной какъ Декартъ утверждалъ какъ аксіому: nulla res existit de qua non possit quaeri quaenam sit causa cur existat [2]). Спиноза училъ, что у каждаго предмета непремѣнно есть „позитивная причина" [3]). Онъ же понималъ логическую связь вещей въ мірѣ какъ seriem causarum [4]) и даже въ геометрическихъ умозаключеніяхъ видѣлъ выводъ слѣдствій изъ причинъ [5]); поэтому утвержденіе Wahle, что „въ Спинозовой системѣ нѣтъ совсѣмъ причинъ" [6]), приходится признать или недоразумѣніемъ или такимъ же парадоксомъ, какъ утвержденіе того же автора, что Спиноза былъ „феноменалистъ à la Юмъ" [7]). Понятіе причины встрѣчается у Спинозы не только въ новомъ, необычномъ смыслѣ, озадачившемъ еще и до Вале многихъ историковъ философіи [8]), но также и въ старомъ, традиціонномъ [9]). Отождествленіе умозаключенія съ причиннымъ

---

[1]) См. выше, стр. 26.

[2]) Rationes, Dei Existentiam et animae a corpore distinctionem probantes, more Geometrico dispositae, Axioma I, стр. 88 амстердамскаго изданія сочиненій Декарта 1698 г.

[3]) Epistola XXXIV: Uniuscujusque rei existentis causam positivam, per quam existit, necessario dari debere (Opera, II, 316).

[4]) Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 30.

[5]) См., напримѣръ, тамъ же, стр. 29.

[6]) Ueber die geometrische Methode des Spinoza. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Band 116, Wien, 1888, стр. 449.

[7]) Тамъ же, 431.

[8]) Такъ, напримѣръ, Фуше де Карейль изумлялся: la causalité vraie manque à Spinoza, bien que son système soit selui de la causalité pure (Leibniz, Descartes et Spinoza, Paris, 1862, стр. 142).

[9]) См., напримѣръ, Tractatus de intellectus emendatione: requiritur ad nostrum ultimum finem, ut res concipiatur vel per solam suam essentiam, vel per proximam suam causam. Scilicet si res

познаніемъ мы находимъ еще у Дигби и Ѳомы Англійскаго[1]), у Гоббеса [2]), у Э. Вейгеля [3]), а вслѣдъ за нимъ у Пуффендорфа [4]), и у Лейбница [5]); Амосъ Коменскій тоже рѣшительно

---

sit in se, sive, ut vulgo dicitur, causa sui, tum per solam suam essentiam debebit intelligi; si vero res non sit in se, sed requirat causam, ut existat, tum per proximam suam causam debet intelligi (Opera, I, 28). Подробное перечисленіе различныхъ типовъ причинности у Спинозы см. въ работѣ Das Problem der Kausalität bei Spinoza, von I. Zulawski, Bern, 1899; на стр. 70 таблица причинъ. Какъ образчикъ тѣхъ недоразумѣній, которыя порождаетъ причинность у Спинозы, можно привести слѣдующее сужденіе одной нѣмецкой диссертаціи: indem Spinoza die hypostasierten Allgemeinbegriffe als Ursachen der untergeordneten Dinge ansieht, wird das Verhältnis zwischen Ursache und Wirkung identisch mit dem zwischen Allgemeinem und Besonderem (E. Powell, Ueber Spinoza's Gottesbegriff, Bonn, 1899, стр. 22). Въ одной фразѣ Спинозѣ приписывается и гипостазированіе общихъ понятій, и іерархическое міровоззрѣніе и антимонистическое различіе общаго и частнаго!

[1]) Institutionum peripateticarum ad mentem summi viri, clarissimique Philosophi Kenelmi Equitis Digbaei. Authore Thoma Anglo, ex Albiis East-Saxonum. Lugduni, 1646. Lib. I, Lectio II, 7: дѣлать науку (facere scientiam) значитъ путемъ силлогизма выводить слѣдствія изъ причинъ; et syllogismum quidem quo hoc fit, demonstrationem, et conclusionem ipsius scientiam nominamus. Per quam si novimus cur res sit: id est, si demonstratio fiat per causam, dicitur et scientia et demonstratio esse a priori.

[2]) Philosophia est Effectuum sive Phaenomenon ex conceptis eorum Causis seu Generationibus, et rursus Generationum quae esse possunt, ex cognitis effectibus per rectam ratiocinationem acquisita cognitio (De corpore, I, I, 2, Opera, I, 2).

[3]) Certitudo rerum necessaria, quatenus e certis principiis, e quibus tanquam causis urgentibus necessario fluit, indubitato cognosci potest (Analysis Aristotelica, 12); см. еще выше, стр. 215 и ниже, главу XI.

[4]) См. выше, стр. 268, примѣч. 6.

[5]) J'appelle voir ce qu'on connoît a priori par les causes, пишетъ онъ въ Теодицеѣ (Schriften, Gerhardt, VI, 75).

настаиваетъ на причинномъ познаніи [1]): causa est dux mentis, учитъ онъ [2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что раціоналисты XVII в. далеко не равнодушны къ проблемѣ причинности. Тѣмъ не менѣе по своему правъ былъ еще Шталь, когда онъ утверждалъ, что у раціоналистовъ общепринятое отношеніе причинъ и слѣдствій сохраняется только повидимому; а въ дѣйствительности оно упраздняется [3]). Однако это не значило, что́ великіе раціоналисты XVII вѣка расходились при этомъ съ положительными путями науки. Это значило, что они, напротивъ, старались осуществить высшее честолюбіе науки и стать на такую ступень разумѣнія, гдѣ уже нѣтъ необходимости въ принципѣ причинности, представляющемъ, какъ выразился Джемсъ [4]), „такой же алтарь невѣдомому Богу, какъ тотъ, который св. Павелъ нашелъ въ Аѳинахъ". Причинность растворяется въ математическихъ соотношеніяхъ. Такъ поставилъ дѣло въ XIX столѣтіи Робертъ Майеръ. И за

[1]) Quidquid docetur, ita doceatur, uti est et fit i. e. per causam... Causas rei explicuisse est scientiam rei veram tradidisse (Didactica magna, Cap. XX, 18, стр. 154 лейпцигскаго изданія 1894 г.). Pansophia ea tradatur methodo, a qua discedi non possit, si quis vel rumpatur variandi libidine: quod fiet, si omnia tradantur demonstrative per causas et effecta proxima (Pansophiae Prodromus, et Conatuum Pansophicorum dilucidatio, Lugduni Batavorum, 1644, стр. 13). Et omnia solide per causarum et effectuum connexionem perpetuam, quia veritatis quaerendum fundamentum, non opinionum figmenta (ib. 43).

[2]) Didactica magna, Cap. XX, 18, стр. 154 лейпцигскаго изданія 1894 г.

[3]) Das Verhältniss von Ursache und Wirkung besteht nur noch scheinbar, in Wahrheit ist alles wie in der Logik und Geometrie bloss Grund und Folge (Geschichte der Rechtsphilosophie, Dritte Auflage, Heidelberg, 1856, стр. 97).

[4]) См. въ сборникѣ „Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи", русск. пер. 1904 г., его статью „Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма", стр. 169.

это его прославляютъ какъ ученаго, совершившаго глубочайшій переворотъ въ проблемѣ причинности. Однако переворотъ этотъ былъ уже сдѣланъ великими раціоналистами XVII вѣка. И Робертъ Майеръ только подтвердилъ и иллюстрировалъ эмпирически то, что уже они постулировали методологически, только доказалъ правильность замѣчанія Бераже: Combien de temps une pensée,

Vierge obscure, attend son époux!

Въ своемъ историческомъ развитіи — по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ европейской образованности [1]) — понятіе причинности пережило 4 эпохи. Первая—до XVII вѣка. Вторая—до Юма. Третья—эпоха Юма. Четвертая – эпоха Роберта Майера. До XVII столѣтія, т. е., до разцвѣта физическаго міросозерцанія, причинность понималась въ духѣ моральнаго міровоззрѣнія, т. е., антропоморфно, телеологически и іерархически. Причина, какъ это особенно видно изъ ея греческаго наименованія (αἰτία), понималась въ смыслѣ виновности. И сообразно съ этимъ найти причину извѣстнаго происшествія значило найти его виновника. Когда дѣти, упавъ на полъ или ударившись о столъ, бьютъ эти неодушевленные предметы, считая ихъ отвѣтственными виновниками происшествій, вызванныхъ ихъ собственною неловкостью, они даютъ чрезвычайно яркую иллюстрацію первобытнаго пониманія причинности. И взрослые нерѣдко поддерживаютъ ихъ въ такомъ пониманіи, даже поощряютъ къ нему, считая необходимымъ по крайней мѣрѣ для малыхъ сихъ вернуться къ этой точкѣ зрѣнія. На такой же точкѣ зрѣнія стоялъ и Ксеркс, подвергавшій море бичеванію.

[1]) Уже древніе индійскіе ведантисты учили о совпаденіи и тождествѣ причинъ и слѣдствій въ единой міровой субстанціи; но, какъ и вся ихъ философія, это ученіе носило чисто метафизическій и даже мистическій характеръ (см. М. Мюллера, Шесть системъ индѣйской философіи, р. п., Москва, 1901, стр. 138 и слѣд.).

Такое пониманіе, усовершенствованное наукою и философіею древности и средневѣковья, господствовало вплоть до паденія моральнаго міровоззрѣнія. Причина понималась антропоморфно. Ей приписывали волю, намѣренія [1]). Найти причину міра значило найти творца міра, перволицо или первовещь (нѣмецкое Ursache), произведшую предметы и явленія. Объяснить причинно что-нибудь значило указать имманентную или трансцендентную движущую силу. Искали силу образующую или формирующую (causa formalis). Искали также планъ или цѣль вещей и явленій. И это называли тоже и даже по премуществу [2]) причиною (causa finalis). Такимъ образомъ еще не было той противоположности между каузальностью и телеологіею, которая послѣ Канта стала обычною и почти непреодолимою въ философіи. Наконецъ, причина считалась іерархически чѣмъ-то высшимъ въ сравненіи съ дѣйствіемъ. Принципъ causa est potior causato господствовалъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Облеченное въ школьную форму перипатетическаго ученія о четырехъ причинахъ всякой вещи, такое пониманіе причинности господствуетъ вплоть до появленія новаго физическаго міровоззрѣнія, вытѣснившаго его вмѣстѣ съ моральнымъ міровоззрѣніемъ и замѣнившаго его совершенно новымъ пониманіемъ. Революція произошла въ XVII вѣкѣ. И произвели ее новаторы этого вѣка. Необходимо однако замѣтить, что далеко не всѣ они одинаково рѣшительно порываютъ со старымъ пониманіемъ причинности. Такъ, напримѣръ, хотя Декартъ не хуже, чѣмъ Бэконъ, считалъ причинное познаніе

---

[1]) Сенека писалъ: causa... materiam format et quocunque vult versat, ex illa varia opera producit (Epistola LXV, 2).

[2]) Нельзя не согласиться съ Рилемъ, утверждающимъ, что понятіе причинности первоначально имѣло цѣлевой характеръ (causa finalis), и что causa efficiens входила въ него какъ подчиненный элементъ (см. его статью Causalität und Identität въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1877, стр. 366).

основаніемъ всякаго истиннаго познанія объективной дѣйствительности [1]), однако мы у него еще находимъ четыре перипатетическія причины (causa materialis, efficiens, formalis и finalis), правда съ преобладаніемъ наименѣе антропоморфной и моральной и наиболѣе физической causa efficiens [2]). Клаубергъ въ своей „новодревней логикѣ" еще всецѣло воспроизводитъ не только перипатетическое ученіе о четырехъ причинахъ [3]), но еще и всѣ безчисленныя „причины", о которыхъ учили схоластики. Въ длинномъ спискѣ этихъ причинъ [4]) „причина физическая" занимаетъ довольно скромное

---

[1]) Prima etiam notio est, omnem realitatem .. vel formaliter vel eminenter esse debere in... causis; et huic soli innixa est omnis opinio quam de rerum extra mentem nostram positarum existentia unquam habuimus (Responsio ad Secundas Objectiones, стр. 71 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[2]) Такъ, въ третьемъ „Размышленіи" и въ полемикѣ съ Гассенди онъ говоритъ: causa efficiens et formalis, causa efficiens et totalis. См. по этому поводу E. Koenig, Die Entwickelung des Causalproblems von Cartesius bis Kant, Leipzig, 1888, стр. 39.

[3]) Sic — поясняетъ онъ на примѣрѣ — Adami materia est corpus, forma anima, efficiens Deus, finis Dei gloria (Logica vetus et nova, Modum inveniendae ac tradendae veritatis, in Genesi simul et Analysi facili methodo exhibens, Pars I, Cap. VI, 51, Opera, Amstelodami, 1691, стр. 791).

[4]) 52. Deus creans Adamum dicitur causa solitaria, totalis, adaequata, quia sine concursu alterius causae fecit; sed mas et femina generantes filium, dicuntur causae sociae, partiales, inadaequatae.

53. Pater filii dicitur causa proxima, uti Abrahamus Isaaci; sed avus nepotis causa remota, ut Abrahamus Iacobi, quoniam hic intercedit alia causa, nempe Isaacus.

54. Genitrix est causa procreans infantis, quia rem efficit quae non existebat antea; nutrix illius est causa conservans, quia facit ut porro existat.

55. Pater dicitur causa Univoca filii, quia producit rem ejusdem naturae, nempe homo hominem; verum Deus appel-

мѣсто и понимается еще далеко не физически въ спеціальномъ смыслѣ новаго физическаго міровоззрѣнія [1]). Такой же утомительный списокъ причинъ, что и у Клауберга, и съ тѣми же примѣрами, заимствованными у схоластиковъ, мы находимъ и въ Логикѣ Поръ-Рояля [2]).

---

latur causa Aequivoca Adami, quia hic est diversae a Deo naturae ac minoris dignitatis.

56. Faber est causa Principalis aedificii, quia propria virtute agit; sed manus et malleus sunt causae Instrumentales (Instrumenta, Organa) quia a causa principali assumuntur, atque illius virtute diriguntur.

57. Homo ante se agens agmen ovium est causa Universalis cur moveantur, quia indifferenter agit in res plures, hoc est, omnes oves aeque pellit; sed haec aut illa ovis (claudicans, currens, saltans) est causa Particularis sui motus, quia vis ejus ad certum effectum restricta.

58. Et ovis quidem aliaeque res corporeae agentes vocantur causae Naturales. Intellectualis causa dicitur, quae per intellectum agit, ut homo aedificium struens. Eadem, quatenus per voluntatem agit, id est, sponte, non coacte, Libera dicitur.

59. Formula aedificii exstruendi, quam mente concipit architectus, appellatur causa exemplaris, exemplar, idea... Merces... causa procatarctica... Lucri cupiditas... causa proëgumena.

60. Causa primaria... accidentaria.

61. Causa necessaria... libera.

62. Causa sine qua non.

63. Statuarius est causa statuae per se; sed musicus est causa statuae per accidens.

[1]) 64. Ignis tecta comburens vocatur causa Physica ustionis... sed causa Moralis incendii dicitur homo ignem tectis applicans, aut rogans, hortans etc.

[2]) La logique ou l'art de penser, Troisième édition, Paris, 1668, III Partie, Chap. XVII, стр. 299—302.

Несмотря на эти переживанія стараго пониманія причинности мы встрѣчаемъ у новаторовъ XVII вѣкѣ это понятіе въ совершенно новомъ смыслѣ — физическомъ и логическомъ. Антропоморфное представленіе о виновности или отвѣтственности замѣняется физическимъ представленіемъ объ ударѣ или толчкѣ. До Ньютона физика XVII вѣка не допускала дѣйствія однихъ тѣлъ на другія на разстояніи, безъ толчка. Толчокъ, понимавшійся по аналогіи съ нашимъ мускульнымъ движеніемъ, значитъ, еще полуантропоморфно, считался необходимымъ условіемъ для приведенія въ движеніе тѣла или системы тѣлъ. Этимъ объясняется появленіе деистической причинности. Этимъ объясняется, почему для возникновенія движенія въ мірѣ Декартъ долженъ былъ прибѣгнуть къ толчку или, какъ выразился Паскаль, щелчку, полученному міромъ отъ Бога. Этимъ же объясняется, почему и Лейбницъ, поскольку онъ понималъ физически и метафизически логическій принципъ достаточнаго основанія, завершалъ цѣпь причинныхъ соотношеній въ мірѣ Богомъ, какъ послѣднимъ въ порядкѣ нашего изслѣдованія и первымъ въ порядкѣ объективнаго причиненія двигателемъ міросданія.

Къ такому пониманію объективной причинности со стороны новаторовъ, объяснявшихъ движеніе per solam corporum pulsionem [1]), въ связи съ упоминавшеюся выше демонстраціею и конструкціею, присоединялось новое конструктивное понятіе причинности. Если тѣ схемы, тѣ формы, которыми держится міросданіе, не только находятся въ нашемъ чистомъ воззрѣніи, но могутъ быть также построены нами, то, значитъ, наша собственная мысль тоже оказывается ихъ виновницею, ихъ причиною и, значитъ, наши раціоналистическія построенія тоже каузальны. Вотъ почему, какъ упоминалось выше, раціоналисты XVII вѣка понимаютъ и демонстрацію и опредѣленія какъ нѣчто каузальное, воспроизводящее въ порядкѣ идей порядокъ вещей.

---

[1]) Чирнгаузенъ, Medicina mentis, 43.

На этомъ они еще не остановились. Два обстоятельства заставили ихъ пойти дальше, именно, совершенно отказаться отъ традиціонной причинности и растворить ее въ логикѣ и математикѣ. Первое обстоятельство—это ихъ монистическая тенденція, стремленіе разсматривать весь міръ какъ единое, однородное цѣлое, подчиненное законамъ, которые можно было бы свести къ математическимъ уравненіямъ. Та mathesis universalis, о которой мечталъ уже Декартъ и которая должна была обнимать безъ остатка весь міръ, та unitas rerum in quantitate, о которой говорилъ даже Шовенъ [1]), исключала все трансцендентное, какъ моральное, такъ и физическое, какъ естественное, такъ и сверхъестественное. Иными словами, она, если не фактически, то принципіально, исключала всякую причинность. Второе обстоятельство – это открытіе Ньютона, объяснявшее и безъ толчковъ дѣйствіе на разстояніи и такимъ образомъ исключавшее необходимость внѣшней причинности, замѣнявшее ее просто математическими соотношеніями. О. Контъ оцѣнилъ по достоинству эту крупную перемѣну [2]), значеніе которой впрочемъ отлично сознавалъ и самъ Ньютонъ [3]).

[1]) Aequalitas in physicis dicitur, commensuratio quantitatum; vel, unitas rerum in quantitate (Lexicon philosophicum, 18).

[2]) C'est ainsi que la science astronomique a enfin acquis la plus haute perfection spéculative dont nos études soient jamais susceptibles, l'entière systématisation mathématique de toutes ses diverses parties... Une classe importante de phénomènes naturels, généralement regardés jusqu'alors comme inexplicables, a été ramenée avec précision à des lois invariables, qui en excluent irrévocablement toute intervention providentielle et toute conception arbitraire (Cours de philosophie positive, quatrième édition, II, 178, 205).

[3]) Voces autem attractionis, impulsus vel propensionis cujuscunque in centrum, indifferenter et pro se mutuo promiscue usurpo, has vires non physice sed Mathematice tantum considerando. Unde caveat lector ne per hujusmodi voces cogitet me speciem vel modum actionis causamve aut rationem physicam alicubi definire (Philosophiae naturalis principia mathematica, Def. VIII, стр. 4 лондонскаго изданія 1686 г.).

Благодаря сочетанію приведенныхъ двухъ обстоятельствъ съ общимъ духомъ раціонализма XVII вѣка, съ его склонностью къ дедуктивному знанію, понятіе закономѣрности природы изъ области физики поднималось на высоту чистой логики. Причины и слѣдствія сводятся къ законамъ. А законы, въ свою очередь сводятся къ логическимъ, аналитическихъ сужденіямъ. И законъ тождества оказывается не только высшимъ логическимъ, но также и высшимъ міровымъ закономъ. Галилей называлъ основные законы динамики „аксіомами". Какъ замѣтилъ Э. Кёнигъ [1]), и у него и у Ньютона физическіе законы цѣнятся главнымъ образомъ со стороны ихъ интуитивной очевидности и какъ основоположенія для вывода цѣлаго ряда логическихъ слѣдствій. Въ такомъ же смыслѣ высшихъ онтологическихъ принциповъ и основоположеній для дедуктивной конструкціи міра понимаетъ законы природы Декартъ.

Такимъ образомъ происходитъ „одно изъ удивительнѣйшихъ явленій въ философіи", какъ выразился Рихардъ Авенаріусъ [2]): причинная связь вещей превращается въ логическую связь принциповъ міра и ихъ слѣдствій. И благодаря отказу отъ іерархизма средневѣкового міровоззрѣнія, благодаря стремленію къ монистическому міропониманію, къ превращенію всѣхъ законовъ міра въ аналитическія сужденія, отпадало не только ученіе causa est potior causato, но и всякое вообще различіе причинъ и слѣдствій. Всякое сужденіе о мірѣ должно было стать аналитическимъ сужденіемъ, въ которомъ субъектъ и предикатъ вполнѣ тождественны. Законъ тождества поглощалъ законъ достаточнаго основанія и становился

[1]) Die Entwickelung des Causalproblems, стр. 36.

[2]) Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus, Leipzig, 1868, стр. 62.

высшимъ онтологическимъ и логическимъ закономъ. Связь причинъ и слѣдствій совершенно растворялась въ законахъ природы, всюду единой, всюду тождественной, всюду равной самой себѣ. Мы гордимся тѣмъ, что новѣйшая энергетика соединила причину и дѣйствіе въ одномъ общемъ понятіи. Но мы при этомъ забываемъ, что такое соединеніе въ еще болѣе широкомъ смыслѣ производилось уже великими раціоналистами XVII вѣка. Правда, имъ, какъ нѣкогда Платону, мечтавшему о математическомъ естествознаніи, но не обладавшему достаточнымъ матеріаломъ для его осуществленія, пришлось скорѣе мечтать о такомъ соединеніи, чѣмъ осуществлять его – по крайней мѣрѣ въ видѣ строго научныхъ, математическихъ законовъ, а не въ видѣ полуметафизическихъ „пансофическихъ" построеній, которымъ посвящена десятая глава настоящаго изслѣдованія. Но это не только не умаляетъ, а, напротивъ, увеличиваетъ философскую цѣнность ихъ геніальныхъ догадокъ и стремленій: это значитъ, что въ данномъ случаѣ философія шла впереди науки и освѣщала ей ея путь.

Всѣ великіе раціоналисты XVII вѣка болѣе или менѣе рѣшительно становятся на путь новаго пониманія причинности, сливавшаго, въ отличіе отъ схоластическихъ воззрѣній [1]), матерію и предметы въ одно цѣлое, и при посредствѣ геометрическихъ схемъ и математическихъ законовъ, превращавшаго это цѣлое въ логическую систему аналитическихъ истинъ.

Несмотря на то, что Декартъ, какъ упомянуто выше, еще не совсѣмъ отдѣлался отъ перипатетическаго пониманія причинности, мы и у него находимъ зародышъ только что охарактеризованнаго новаго ея пониманія. Въ третьемъ „Размышленіи" онъ уже довольно близко подходитъ къ уравненію причины и слѣдствія [1]).

Для Гоббеса прототипомъ объективной причинности является физическій толчокъ [2]). Къ этому онъ присоединяетъ субъективную причинность въ видѣ геометрической конструкціи. Сближая между собою эти двѣ причинности [3]), онъ тѣмъ самымъ сближаетъ физику и логику. Далѣе, какъ и другіе философы XVII вѣка, онъ понимаетъ задачу синтетической, въ смыслѣ этого вѣка, т. е, дедуктивной философіи такъ, чтобы умозаключеніе, конструкція и причинное соотношеніе объективныхъ вещей не только не противорѣчили другъ другу, но, напротивъ, представляли единое и тождественное цѣлое: **Philosophia est Effectuum sive Phaenomenon ex conceptis eorum Causis seu Generationibus, et rursus Generationum quae esse possunt, ex cognitis effectibus per rectam ratiocinationem acquisita cognitio** [4]). Наконецъ, въ Гоббесовомъ понятіи **causa integra** [5]), при сильномъ желаніи, можно усмотрѣть готовый зародышъ уравненія причинъ и слѣдствій.

Весьма рѣшительно усвоилъ новое пониманіе причинности Спиноза. Усвоилъ однако не сразу, какъ и другіе великіе мыслители XVII вѣка, которымъ въ данномъ случаѣ,

---

[1]) Какъ объяснялъ Гокленіусъ, materia proprie (intellige materiam ex qua) est causa interna, ex qua Ens producitur (Lexicon philosophicum, 669).

[1]) Iam vero lumine naturali manifestum est tantumdem ad minimum esse debere in causa efficiente et totali, quantum in ejusdem causae effectu. Nam quaeso undenam posset assumere realitatem suam effectus nisi a causa? et quomodo illam ei causa dari posset, nisi etiam haberet? Hinc autem sequitur nec posse aliquid a nihilo fieri, nec etiam id quod magis perfectum est, hoc est, quod plus realitatis in se continet, ab eo quod minus (стр. 18 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[2]) De corpore, II, IX, 1 и 7, Opera, I, 106 и 108.

[3]) Causa autem constructionis est in ipsis rebus, et consistit in motu vel concursu motuum (ib. III, 20, стр. 253).

[4]) Ib, I, I, 2 стр. 2.

[5]) Ib., II, IX, 3, стр. 107 и 108.

какъ и въ другихъ, приходилось продѣлать мучительную работу полнаго разрыва съ традиціонными и, казалось, такими ясными и естественными представленіями. Какъ упоминалось уже выше, Спинозѣ такъ трудно было вполнѣ отдѣлаться отъ этихъ представленій, что даже въ „Этикѣ" встрѣчаются такія отсталыя съ точки зрѣнія новаго міровоззрѣнія понятія какъ natura naturans и natura naturata. Тѣмъ не менѣе онъ настолько перевоспиталъ себя въ духѣ новаго міровоззрѣнія, что въ наиболѣе зрѣлой стадіи своего развитія онъ, какъ никто въ XVII столѣтіи, если впрочемъ не считать Лейбница, оцѣнилъ логическое и онтологическое значеніе новаго пониманія причинности, всецѣло имъ усвоеннаго. Не кто иной какъ Р. Авенаріусъ обратилъ вниманіе на эту перемѣну во взглядахъ Спинозы и посвятилъ ей особую монографію [1]). Основная идея Спинозы, какъ особенно настаивалъ Тренделенбургъ [2]), сводилась къ единству міровой субстанціи. Эта самодовлѣющая субстанція объемлетъ все бытіе безъ остатка.

---

[1]) Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus und das Verhältniss der zweiten zur dritten Phase, Leipzig, 1868. Авторъ стремится здѣсь объяснить, какимъ образомъ реальная причинность второй фразы въ развитіи Спинозы перешла въ логическую зависимость третьей (стр. VII). Сопоставляя „Трактатъ о Богѣ и человѣкѣ", выражающій вторую фазу, съ „Этикою", выразительницею третьей фазы, онъ указываетъ слѣдующія перемѣны: въ „Трактатѣ" господствуетъ понятіе Бога, въ „Этикѣ" — понятіе субстанціи; въ „Трактатѣ" понятіе causa sui отвергается, въ „Этикѣ" опять принимается; въ „Трактатѣ" аттрибуты дѣйствуютъ другъ на друга, въ „Этикѣ"—нѣтъ; въ „Трактатѣ" господствуетъ реальная причинность, въ „Этикѣ"— логическая зависимость; наконецъ, въ „Этику" вводится геометрическая метода (стр. 59).

[1]) Spinoza's Grundgedanke steht klar da, wenn er Denken und Ausdehnung als die Attribute bestimmt, die, unter sich in keinem Causalzusammenhang, nur für den Verstand die verschiedenen Ausdrücke Einer und derselben Substanz sind (Ueber Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg, Berlin, 1850, стр. 56). Относительно множественности субстанцій у Спинозы по мнѣнію гербартіанца Карла Томаса см. десятую главу настоящаго изслѣдованія.

И поэтому она не нуждается во внѣшнихъ трансцендентныхъ причинахъ не только антропоморфнаго, но даже и чисто физическаго характера [1]). Не нуждается она и во внутреннихъ причинахъ такого же характера для объясненія того, что происходитъ съ отдѣльными предметами: вѣдь какъ эти предметы, такъ и все то, что съ ними происходитъ, — это только модификаціи единой, тождественной, всегда равной самой себѣ міровой субстанціи. Сообразно съ этимъ можно сказать, что основной законъ Спинозовой системы — это законъ сохраненія субстанціи. Этому закону Спиноза придаетъ такое универсальное значеніе, что онъ подчиняетъ ему не только физическій міръ, но и психическій и моральный. И сообразно съ этимъ принципіально Спиноза идетъ гораздо дальше, чѣмъ Робертъ Майеръ: не только матерія сохраняется, но и духъ; и Спиноза, несомнѣнно, отвергъ бы самымъ рѣшительнымъ образомъ провозглашенный Вундтомъ „принципъ роста энергіи".

Если найденный въ XIX вѣкѣ законъ сохраненія матеріи или энергіи дѣлаетъ излишнею причинную зависимость между предметами и ихъ измѣненіями въ ея традиціонномъ пониманіи, то къ этому же приводилъ у Спинозы и законъ сохраненія субстанціи, ея стремленія suum esse conservare [2]).

---

[1]) Per substantiam intelligo id, quod in se est... hoc est id, cujus conceptus non indiget conceptu alterius rei, a quo formari debeat (Ethica, Pars I, Def. III, Opera I, 37).

[2]) Если знаменитый принципъ самосохраненія появляется въ третьей части „Этики" „внезапно", какъ утверждаетъ одинъ нѣмецкій авторъ (R. Salinger, Spinozas Lehre von der Selbsterhaltung, Berlin, 1881, стр. 1), то въ этомъ можно видѣть не болѣе какъ редакціонный промахъ, а никакъ не основаніе для сомнѣній въ чистотѣ Спинозовой системы, согласно которой до этого мѣста третьей части самосохраненіе вещей, какъ допускаетъ упомянутый авторъ, рѣшительно ничѣмъ не подготовлено.

Въ трактатѣ „объ исправленіи интеллекта" Спиноза, въ отличіе отъ окказіоналистовъ, понимавшихъ причину и дѣйствіе какъ нѣчто совершенно различное и ни въ коемъ случаѣ не сливаемое въ одно цѣлое, учитъ, что познаніе дѣйствія это въ сущности, не болѣе какъ усовершенствованное познаніе причины: cognitio effectus nihil aliud est, quam perfectiorem causae cognitionem acquirere [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ „серія причинъ" сводится имъ къ связи вѣчныхъ и неизмѣнныхъ вещей [2]). А эти вещи, въ свою очередь, онъ стремился растворить въ единой міровой субстанціи. Сообразно съ этимъ въ ней же должна была раствориться и эта серія причинъ. Это мы и видимъ въ „Этикѣ" Спинозы. Первая же фраза этого трактата касается причинности: это - опредѣленіе того понятія causa sui [3]), которое рѣшительно отвергалось Клаубергомъ [4]) и которое, какъ отмѣтилъ Авенаріусъ [5]), нѣкоторое время отвергалъ и самъ Спиноза, пока онъ не нашелъ для этого схоластическаго термина новое значеніе въ духѣ новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки. Міръ, какъ цѣлое, есть нѣчто самодовлѣющее. И если считать причиною міра Бога, то эту причину слѣдуетъ понимать не трансцендентно, а имманентно: Deus est omnium rerum causa immanens, non vero transiens [6]). Deus rerum, quae in ipso sunt, est causa [7]).

---

[1]) Opera, I, 28.

[2]) Ibidem, 33: sed notandum, me hic per seriem causarum, et realium entium, non intelligere seriem rerum singularium mutabilium; sed tantummodo seriem rerum fixarum aeternarumque.

[3]) Per causam sui intelligo id, cujus essentia involvit existentiam; sive id, cujus natura non potest concipi nisi existens (Opera I, 37).

[4]) Causa vero proprie dici videtur principium, quod alteri rei essentiam largitur a sua diversam. Nihil quippe sui ipsius causa esse potest (Metaphysica de Ente, XIII, 225, Opera, 321).

[5]) См. выше, стр. 302 примѣч. 1.

[6]) Ethica, I, Prop. XVIII, Opera, I, 54.

[7]) Ib., I, Prop. XVIII, Demonstratio.

Въ этомъ, какъ упоминалось выше (на стр. 93 и слѣд.), совсѣмъ не пантеистическомъ смыслѣ пріобрѣтало совершенно новый и неожиданный смыслъ приводимое Спинозою старое апостольское изреченіе о томъ, что мы пребываемъ въ Богѣ и Богъ пребываетъ въ насъ [1]).

Такимъ образомъ причины міра и всего, что въ немъ существуетъ и происходитъ, находятся не внѣ міра, а въ немъ самомъ. Въ чемъ же онѣ состоятъ? Отвѣтъ на это даетъ нѣсколько разъ [2]) повторяемое Спинозою выраженіе: causa seu ratio, ratio seu causa. Причины міра отождествляются съ его логическими основаніями. Выводя путемъ синтетической методы, ordine geometrico, систему міра, конструируя ordinem idearum, Спиноза тѣмъ самымъ, какъ онъ думалъ, воспроизводилъ ordinem rerum, взаимную зависимость вещей. Въ этой зависимости исчезаетъ противоположность причины и дѣйствія, исчезаетъ благодаря понятію адэкватной причины: causam adaequatam appello eam, cujus effectus potest clare et distincte per eandem percipi [3]). Исчезаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе Спиноза стремится понять весь міръ sub specie aeternitatis какъ раціональную систему, всюду тождественную, всюду единую, всюду равную самой себѣ.

Такую же панлогистическую тенденцію мы встрѣчаемъ и у Лейбница. Хотя, какъ упоминалось выше [4]), онъ иногда отдѣлялъ принципъ достаточнаго основанія отъ принципа

---

[1]) Эпиграфъ Теологико - политическаго трактата, заимствованный изъ 1-го посланія ап. Іоанна (гл. IV, стихъ 13), гласитъ: in Deo manemus, et Deus manet in nobis.

[2]) См., напримѣръ, Ethica, I, Prop. XI, Demonstratio, aliter; IV, Praefatio. Opera, I, 44 и 180. Выраженіе это встрѣчается и у Декарта (см. первую аксіому въ составленномъ ordine geometrico приложеніи къ отвѣту на вторыя возраженія по поводу Meditationes (стр. 88 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[3]) Ethica, III, Defin. I, Opera, I, 119.

[4]) Стр. 108, а также 297.

тождества и понималъ первый каузально и даже метафизически въ деистическомъ смыслѣ, однако и такое отдѣленіе и такое пониманіе имѣли у него мѣсто главнымъ образомъ по отношенію къ сверхразумному, сверхъестественному міру, къ первымъ трансцендентнымъ основаніямъ естественнаго міра. Поскольку же Лейбницъ примѣнялъ принципъ достаточнаго основанія къ естественному міру, постольку онъ соединялъ съ нимъ уже другое значеніе [1]), дѣлавшее его однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ новаго пониманія причинности.

Фуше де Карейль не вѣрилъ вліянію Спинозы на Лейбница и настаивалъ на упорной и систематической реакціи Лейбница противъ Спинозы [2]). Однако Лейбницъ часто сходился со Спинозою, не потому чтобы онъ именно у него дѣлалъ заимствованія, а потому что оба они дышали одною атмосферою, именно атмосферою новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки. Если, какъ не могъ не за-

[1]) Этимъ объясняются разногласія среди ученыхъ относительно дѣйствительнаго смысла достаточнаго основанія у Лейбница, который, надо признать, самъ формулировалъ его далеко не всегда съ желательною точностью и опредѣленностью: ce principe, разъяснялъ онъ, напримѣръ, Кларку, est celuy du besoin d'une Raison suffisante, pour qu'une chose existe, qu'un evenement arrive, qu'une verité ait lieu (Werke, Gerhardt, VII, 419). Зигвартъ училъ, что этотъ принципъ, по крайней мѣрѣ въ его первоначальномъ значеніи, былъ для Лейбница не логическимъ закономъ, а метафизическою аксіомою (Logik, Band I, zweite Auflage, Freiburg, 1889, стр. 245). Э. Кёнигъ не соглашается ни съ Куно Фишеромъ, который видѣлъ въ немъ принципъ опыта, ни съ Зигвартомъ, видѣвшимъ въ немъ метафизическій принципъ: „съ самаго начала—учитъ онъ—это—принципъ логическій, и только посредственно онъ становится метафизическимъ" (Die Entwickelung des Causalproblems von Cartesius bis Kant, Leipzig, 1888, стр. 123).

[2]) См. его книгу Leibniz, Descartes et Spinoza, Paris, 1862, стр. 19.

мѣтить Фуше де Карейль въ одной позднѣйшей работѣ Лейбницъ сводилъ физику къ математикѣ, а математику—къ логикѣ [1]), то это значило, что онъ вступилъ на тотъ же путь, что и Спиноза; и вступилъ онъ, можетъ быть, болѣе увѣренно и болѣе удачно. Сообразно съ этимъ и онъ растворялъ связь причинъ и слѣдствій въ универсальной міровой логикѣ. Уже въ молодости, принявъ девизъ quod nihil sine ratione [2]), Лейбницъ сталъ панлогистомъ въ духѣ XVII вѣка, усвоилъ идею такой полной закономѣрности міра, въ которой онтологическая необходимость сливается съ логическою и сообразно съ этимъ законъ причинности всецѣло растворяется въ законѣ достаточнаго основанія, понятаго чисто логически. Таковъ по крайней мѣрѣ первый и главный выводъ новѣйшей монографіи В. Кабитца о философіи молодого Лейбница [3]). Что касается философіи Лейбница въ зрѣломъ возрастѣ, то нельзя исчерпывать ее только популярными метафизическими набросками, составленными иногда по просьбѣ нѣмецкихъ принцессъ, которыя желали получить отъ него подтвержденіе, что міръ дѣйствительно хорошъ и что Богъ дѣйствительно заботится о его благополучіи. Въ этихъ наброскахъ, сравнивающихъ иногда Бога съ коронованными дамами того времени и посему называющихъ Его существомъ женскаго рода [4]), Лейбницъ нерѣдко болѣе изященъ и любезенъ, чѣмъ глубокъ и основате-

[1]) См. Mémoire sur la philosophie de Leibniz, Paris, 1905, томъ II, стр. 3: la logique est la science des raisons générales... la géométrie n'est que la logique mathématique et la physique est la logique de la nature.

[2]) См. VI приложеніе къ книгѣ Кабитца Die Philosophie des jungen Leibniz, Heidelberg, 1909, стр. 157.

[3]) Тамъ же, стр. 128.

[4]) On peut comparer la Monarchie divine à un Royaume dont le souverain seroit une Reine plus spirituelle et plus savante que la Reine Elisabet, plus judicieuse, plus ingenieuse, plus sage et plus belle que la Reine de Prusse (Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften. Von Georg Mollat, Leipzig, 1893, стр. 62).

ленъ. И не въ этихъ наброскахъ слѣдуетъ видѣть настоящее и окончательное рѣшеніе проблемъ, занимавшихъ его, въ частности проблемы причинности. Если основываться на его болѣе серьезныхъ работахъ и особенно на тѣхъ неизвѣстныхъ до недавняго времени и изданныхъ Кутюра [1]) отрывкахъ, которые касаются не столько метафизики Лейбница, сколько его методологіи, то вся его философія рисуется уже въ совершенно иномъ свѣтѣ. Какъ это особенно настойчиво доказываетъ Кутюра [2]), Лейбницъ—рѣшительный панлогистъ. Законъ тождества—высшій законъ не только мысли, но и бытія. Въ каждой истинѣ предикатъ содержится въ субъектѣ. Иначе говоря, каждая истина аналитична. Аналитична, значитъ, и каждая истина о мірѣ. Міръ есть абсолютно познаваемая и абсолютно раціональная система. Въ мірѣ есть разумъ. И, значитъ, наоборотъ, въ сужденіяхъ разума есть истина о мірѣ [3]), даже и тогда, когда это—сужденія аналитическія: логика мысли совпадаетъ съ логикою бытія, и обѣ онѣ соподчинены высшему логическому закону тождества. Сообразно съ этимъ преодолѣвается дуализмъ мысли и бытія.

Сообразно съ этимъ же Лейбницъ нисколько не нуждается въ томъ различіи аналитическихъ и синтетическихъ сужденій, которое со времени Канта стало однимъ изъ краеугольныхъ камней гносеологическаго философствованія. Кантъ,

---

[1]) Opuscules et fragments inédits de Leibniz, extraits des manuscrits de la Bibliothèque royale de Hanovre, Paris, 1903; для этого изданія Кутюра нашелъ чрезвычайно удачный эпиграфъ въ перепискѣ самого Лейбница: qui me non nisi editis novit, non novit.

[2]) La logique de Leibniz d'après des documents inédits, Paris, 1901, стр. X и XI.

[3]) Въ Nouveaux Essais (L. IV, Ch. XVII, 1). Лейбницъ даже отождествлялъ разумъ съ познанною истиною: la Raison est la verité connue (Schriften, Gerhardt, V, 457).

повидимому, очень гордился этимъ различіемъ. Можно конечно быть разнаго мнѣнія о немъ. И нѣтъ необходимости непремѣнно соглашаться со знаменитымъ математикомъ Гауссомъ, который находилъ его или тривіальнымъ или ложнымъ [1]). Несомнѣнно однако одно: это различіе порождено только тѣмъ безнадежнымъ дуализмомъ познающаго субъекта и познаваемаго объекта, а также тѣмъ перенесеніемъ центра тяжести гносеологіи въ міръ субъекта, которыя, какъ указано въ VIII главѣ настоящаго изслѣдованія (стр. 162 и слѣд.), возникли уже послѣ XVII вѣка и скорѣе запутали, чѣмъ упростили теорію познанія. Знаменитыя Кантовы „синтетическія сужденія a priori" какъ нельзя лучше характеризуютъ ту изумлявшую уже Гете [1]) двойственную позицію, которую Кантъ занималъ по отношенію къ внѣшнему, объективному міру: съ одной стороны эти сужденія априорны и субъективны; съ другой же—они синтетичны, т. е. прибавляютъ къ субъективной мысли нѣчто объективное и тѣмъ связываютъ ее съ внѣшнимъ міромъ. Въ XVII вѣкѣ не было необходимости въ такихъ ухищреніяхъ. Тогда еще не вели двойной бухгалтеріи. Тогда еще не замѣняли старой двойной истины конца средневѣковья—теологической и философской—новою двойною истиною—субъективною и

---

[1]) Aber selbst mit Kant steht es oft nicht viel besser; seine Distinction zwischen analytischen und synthetischen Sätzen ist meines Erachtens eine solche, die entweder nur auf eine Trivialität hinausläuft oder falsch ist (Briefwechsel zwischen C. F. Gauss und H. C. Schumacher, Vierter Band, Altona, 1862, стр. 337).

[2]) Онъ подозрѣвалъ въ этомъ даже иронію со стороны Канта: als ich die Kantische Lehre, wo nicht zu durchzudringen, doch möglichst zu nutzen suchte, wollte mir manchmal dünken, der köstliche Mann verfahre schalkhaft ironisch, indem er bald das Erkenntnisvermögen aufs engste einzuschränken bemüht schien, bald über die Grenzen, die er selbst gezogen hatte, mit einem Seitenwink hinausdeutete. См. Anschauende Urteilskraft (Werke, herausgegeben von F. Schultz, Bd. XLII, 84).

объективною. Истина считалась единою какъ въ умѣ, такъ и въ мірѣ. И вотъ Лейбницъ утверждалъ, что, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ естественнаго міра, это истина аналитическая, для которой высшій законъ—законъ тождества: semper igitur praedicatum seu consequens inest subjecto seu antecedenti, et in hoc ipso consistit natura veritatis in universum [1]).

Съ точки зрѣнія этого закона устранялись противоположность и даже различіе причинъ и слѣдствій. Если Лейбницъ иногда еще пользовался причинностью въ обычномъ, житейскомъ и даже въ схоластическомъ смыслѣ, если онъ, напримѣръ, ссылался на causas efficientes и даже finales [2]), то это относилось по большей части къ метафизической сторонѣ его философіи и не выражало его основной мысли о причинности въ мірѣ естественномъ. Въ своемъ Antibarbarus Physicus pro Philosophia Reali contra renovationes qualitatum scholasticarum et intelligentiarum chimaericarum онъ осуждаетъ взглядъ на причины какъ на „вещи или качества" [3]). Онъ рѣшительно переводитъ причинность изъ матеріальнаго міра въ міръ логическій: causae non a reali in-

[1]) Opuscules et fragments, 518; см. по этому поводу Couturat, La logique de Leibniz, стр. 208.

[2]) См., напримѣръ, Opuscules et fragments inédits, стр. 329: tout se peut expliquer par les efficientes et par les finales, или слѣдующій отрывокъ: omnia in tota natura demonstrari possunt tum per causas finales, tum per causas efficientes. Natura nihil facit frustra, natura agit per vias brevissimas, modo sint regulares (приведено у Кутюра, La logique de Leibniz, 230). Кутюра даже и въ этихъ утвержденіяхъ хочетъ видѣть новый, не схоластическій смыслъ: cette finalité, объясняетъ онъ, consiste moins dans la bonté ou convenance morale (comme on pourrait le croire d'après les formules théologiques du principe de raison) que dans la détermination logique des lois de la nature (ib.).

[3]) Assumsere autem Physici pro causis vel Res vel Qualitates (Gerhardt, VII, 339).

fluxu, sed a reddenda ratione sumuntur [1]). Сообразно съ этимъ подобно Декарту [2]) и Спинозѣ [3]) онъ отождествляетъ causam и rationem и въ перепискѣ съ Арно выражается: cause ou raison [4]). Въ Nouveaux Essais онъ пишетъ: La Raison est la verité connue... Mais particulierement et par excellence on l'appelle Raison, si c'est la cause non seulement de nostre jugement, mais encor de la verité même, ce qu'on appelle aussi Raison à priori, et la cause dans les choses repond à la raison dans les verités [5]). Растворяя такимъ образомъ каузальность въ міровой логикѣ, Лейбницъ въ духѣ своей основной научной тенденціи подчиняетъ ее закону тождества и такимъ образомъ получаетъ уравненіе причины и слѣдствія, aequipollentiam causae et effectus [6]). Je crois, писалъ онъ Бэйлю, qu'on pourrait establir une... Loy de la nature que je tiens la plus universelle et la plus inviolable, sçavoir qu'il y a tousjours une parfaite Equation entre la cause pleine et l'effect entier. Elle ne dit pas seulement que les Effects sont proportionnels aux causes, mais de plus, que chaque effect entier est equivalent à sa cause. Et quoyque cet Axiome soit tout à fait Metaphysique, il ne laisse pas d'estre des plus utiles qu'on puisse employer en Physique, et il donne moyen de reduire les forces à un calcul de Geometrie [7]). Проводя послѣдовательно эту мысль, Лейбницъ доказываетъ невозможность perpetuum

[1]) Specimen inventorum de admirandis naturae Generalis arcanis (Gerhardt, VII, 312).

[2]) См. выше, стр. 305, примѣч. 2.

[3]) Тамъ же.

[4]) Gerhardt, II, 63.

[5]) IV, XVII, 1 (Gerhardt, V, 457).

[6]) Opuscules et fragments, 405; тамъ же: il n'y a pas de raison pour que la cause et l'effet diffèrent en grandeur, s'ils sont semblables d'ailleurs.

[7]) Gerhardt, III, 45—6. Объ уравненіи причинъ и слѣдствій у Лейбница см. еше у Кассирера, Leibniz' System, 310 и 320.

mobile: effectus integer aequivalet causae plenae, adeoque non datur Motus perpetuus Mechanicus, sive Causa non potest producere Effectum Activum, qui plus possit, quam ipsa causa, sed nec Effectum integrum, qui minus possit, quam ipsa causa [1]). Здѣсь Лейбницъ уже очень близко подходитъ къ тому закону сохраненія энергіи, который считается однимъ изъ самыхъ крупныхъ пріобрѣтеній науки XIX вѣка. Что же касается сохраненія матеріи, то этотъ принципъ en toutes lettres высказывается Маріоттомъ въ его „Логикѣ": la Nature ne fait rien de rien, et la matiére ne se perd point [2]).

Такъ понимали причинную связь вещей и ихъ измѣненій въ XVII столѣтіи. Въ XVIII столѣтіи пониманіе ея радикально измѣнилось. Раздвоеніе между субъектомъ и объектомъ, характеризующее методологію этого столѣтія и такъ рѣзко отличающее ее отъ методологіи предшествовавшаго столѣтія, съ его вѣрою въ тождество истины и бытія, съ его убѣжденіемъ, что la vérité est ce qui est [3]), отразилось также и на проблемѣ причинности. Тотъ односторонній объективизмъ, который исповѣдовали французскіе по преимуществу философы этого столѣтія, заставилъ ихъ понимать причинность такъ же метафизически и антропоморфно, какъ и природу (см. выше, стр. 171). Гольбахъ, именовавшій „природу" физическимъ существомъ и даже божествомъ, называлъ также и причину особымъ существомъ [4]), производящимъ

[1]) Dynamica de potentia et legibus naturae corporeae, Pars II, Sectio I, De causa et effectu activis (Leibnizens mathematische Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, II Abth., Band II, 437).

[2]) Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1717, стр. 656.

[3]) См. Мальбранша, Recherche de la vérité, L. VI, Partie I, Chap. V, Oeuvres, IV, 298.

[4]) Une Cause, est un être qui en met un autre en mouvement ou qui produit quelque changement en lui (Systême de la Nature. Ou des Loix du Monde Physique et du monde Moral. Par M. Mirabaud, Londres, 1770, т. I, стр. 13).

факторомъ измѣненій въ другихъ существахъ. Тотъ односторонній субъективизмъ и феноменализмъ, который исповѣдовался въ Англіи и подготовлялъ Кантову философію науки о явленіяхъ, рѣшительно переводилъ причинность изъ объективнаго міра вещей въ субъективный міръ человѣческой психики.

Это послѣднее теченіе совершенно вытѣснило охарактеризованное выше пониманіе причинности великими раціоналистами XVII вѣка. Наступаетъ новая эра въ исторіи этой проблемы—эра Юма. Это эра феноменализма. Намъ даны явленія и мы ихъ воспринимаемъ подъ руководствомъ разума или разсудка [1]), представляющихъ нѣчто не общеміровое, а чисто человѣческое. Явленія, или феномены, чередуются во времени. Спрашивается, на какомъ основаніи и по какому праву мы утверждаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ: post hoc, ergo propter hoc. Отвѣтъ дается въ общемъ духѣ этой гносеологіи: на чисто субъективномъ основаніи. Таково именно рѣшеніе проблемы Юмомъ: явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, необходимость же этой послѣдовательности устанавливается самимъ человѣкомъ, главнымъ образомъ въ силу привычки. Кантъ пошелъ дальше и возвелъ въ нѣчто апріорное, всеобщее и необходимое Юмово субъективное сознаніе причинной связи между явленіями. Однако и у него законъ причинности—это чисто субъективный законъ, синтетическій принципъ a priori, коренящійся въ человѣческомъ умѣ, примѣняемый имъ только къ феноменамъ, къ явленіямъ, т. е., къ его собственнымъ воспріятіямъ. Субъективно-психологическая тенденція такой новой философіи положила конецъ объ-

[1]) Различіе разума и разсудка, понимаемыхъ какъ субъективныя человѣческія способности, еще до Канта пропагандировалось вольфіанцами. Такъ, напримѣръ, Бильфингеръ писалъ: intellectus est facultas cognoscendi res distincte; ratio facultas cognoscendi nexum rerum et veritatum (Dilucidationes philosophicae, 1725, стр. 235).

ективной, абсолютной причинности, также какъ и объективному, абсолютному пространству или объективной, абсолютной истинѣ. Создалось совершенно новое, чуждое классикамъ, пониманіе міра и его познанія. Явилась новая тенденція сводить не только познаніе міра, но даже и познаваемый міръ къ психическимъ переживаніямъ познающаго субъекта. Enfant terrible новаго пониманія вещей Фихте, благодаря полному разрыву съ положительною наукою сильно скомпрометтировавшій новую философію—что не мѣшаетъ однако многимъ и теперь еще взывать: назадъ къ Фихте, — какъ нельзя лучше выразилъ эту тенденцію въ Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre: aller Realität Quelle ist das Ich, читаемъ мы здѣсь [1]).

Съ точки зрѣнія такого новаго пониманія реальности и ея познанія, съ точки зрѣнія вытекавшей изъ него субъективизаціи причинности великія идеи философовъ XVII вѣка оказываются чѣмъ-то дѣтски наивнымъ, догматическимъ и не „критическимъ“, въ томъ субъективно-апріористическомъ смыслѣ, въ какомъ монополизировалось понятіе критицизма эпигонами Канта. Такую именно оцѣнку этихъ философовъ мы и находимъ въ высокомѣрномъ, какъ и все, написанное Шопенгауэромъ, изслѣдованіи франкфуртскаго пессимиста „О четвероякомъ корнѣ положенія о достаточномъ основаніи“. Признавая Декарта только какъ „вдохновителя субъективнаго разсмотрѣнія“ и именно „поэтому“ считая его отцомъ новой философіи—какъ измѣнилась историческая перспектива! — Шопенгауэръ съ грустью отмѣчаетъ „даже“ у него [2]) смѣшеніе

[1]) Стр. 65 лейпцигскаго изданія 1794 г.

[2]) Sogar unsern vortrefflichen Kartesius, den Anreger der subjektiven Betrachtung und dadurch den Vater der neueren Philosophie, finden wir, in dieser Hinsicht, noch in kaum erklärlichen Verwechselungen begriffen и т. д. (Ueber die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde, § 7, стр. 22 третьяго тома сочиненій въ изданіи Гризебаха).

формальной, или логической, причинности съ матеріальною, или онтологическою [1]). Переходя къ Спинозѣ, онъ находитъ и у него такое же смѣшеніе [2]); для понятія causa sui, всей глубины котораго въ новомъ, не схоластическомъ смыслѣ не могли понять уже философы XVIII вѣка [3]), тѣмъ болѣе авторы XIX вѣка [4]), онъ не находитъ иныхъ поясненій, кромѣ иронической ссылки на барона Мюнхгаузена, который, ухватившись за собственную косу, вытаскиваетъ изъ болота не только самого себя, но еще и свою лошадь [5]). Наконецъ, отзывъ о Лейбницѣ по поводу причинности занимаетъ всего полстраницы и исчерпывается презрительнымъ замѣчаніемъ, что онъ съ большою помпою [6]) провозгласилъ принципъ до-

[1]) Тамъ же, стр. 23.

[2]) § 8, стр. 25.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ X главѣ своего „Трактата о системахъ“, посвященной опроверженію спинозизма (Le spinosisme réfuté), Кондильякъ писалъ: Cause de soi même: l'expression n'est pas exacte. Le mot de cause dit relation à quelque chose de distingué de soi, car un effet ne se produit pas lui - même; mais le choix d'un mot est libre, и т. д. въ такомъ же тонѣ (Oeuvres, II, 1822, стр. 167). Spinosa n'a nulle idée des choses qu'il avance, говоритъ въ заключеніи своего разбора Кондильякъ (тамъ же, стр. 250). Такъ судили въ XVIII вѣкѣ о великихъ мыслителяхъ XVII вѣка!

[4]) Въ новѣйшей монографіи о Спинозѣ ростокскаго профессора Ф. Эргардта, въ общемъ крайне отрицательно относящагося къ этому философу, мы встрѣчаемъ полное недоумѣніе относительно causa sui; по поводу перваго опредѣленія первой книги „Этики“ онъ пишетъ: in dieser Definition erregt zunächst der aus der Scholastik stammende Ausdruck causa sui Bedenken, da es eine Ursache seiner selbst nicht geben kann etc. (F. Erhardt, Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, Leipzig, 1908, стр. 86).

[5]) Стр. 28: das rechte Emblem der causa sui ist Baron Münchhausen, sein im Wasser sinkendes Pferd mit den Beinen umklammernd und an seinem über den Kopf nach vorn geschlagenen Zopf sich mit sammt dem Pferde in die Höhe ziehend; und darunter gesetzt: Causa sui.

[6]) Sehr pomphaft (§ 9, стр. 31).

статочнаго основанія и даже присвоилъ его себѣ, однако ничего больше сказать о немъ не могъ [1]). Такъ ничтожны великіе мыслители XVII вѣка съ точки зрѣнія новаго пониманія причинности и вообще достаточнаго основанія, согласно которому объектъ — это только представленіе субъекта [2]), а причинность и достаточное основаніе всегда есть нѣчто субъективное, хотя и апріорное [3]). Казалось, что навсегда забыта вѣра этихъ мыслителей въ объективную причинность, въ свою очередь сводившуюся ими къ закону сохраненія міровой субстанціи, къ уравненію причинъ и слѣдствій въ универсальномъ законѣ тождества.

И тѣмъ не менѣе эта вѣра воскресла. Воскресла она не въ метафизической, порожденной умственною усталостью и нравственнымъ равнодушіемъ [4]) философіи „тождества“ начала XIX вѣка, а въ строгой наукѣ, благодаря Роберту Майеру и его работамъ. Къ единству и тождеству матеріи, провозглашеннымъ Лавуазье, онъ присоединилъ единство и тождество силы или, какъ позднѣе стали выражаться, энергіи. Эта смѣлая мысль, чрезвычайно упрощавшая физическое міропониманіе, поставила Роберта Майера на высоту Галилея [5]), если даже не Ньютона [6]) и повела за собою реставрацію теоріи причинности великихъ раціоналистовъ XVII вѣ-

[1]) Jedoch weiss er von demselben nichts weiter zu sagen (тамъ же).

[2]) Тамъ же, § 16, стр. 40: Objekt für das Subjekt seyn, und unsre Vorstellung seyn, ist das Selbe.

[3]) Тамъ же, § 52, стр. 175 и слѣд.

[4]) См. стр. 218 перваго выпуска Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ.

[5]) Сравненіе Дюринга. См. его книгу Robert Mayer, der Galilei des neunzehnten Jahrhunderts, Chemnitz, 1880, стр. 12 и слѣд.; второй выпускъ вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1895 г.

[6]) Сравненіе Вейрауха (I. Weyrauch, Robert Mayer, der Entdecker des Princips von der Erhaltung der Energie, Stuttgart, 1890, стр. 5 и 35).

ка: „мы видимъ— пишетъ Вейраухъ [1])—главную заслугу Роберта Мейера въ томъ, что законъ равенства причины и дѣйствія какъ эквивалентовъ работы, признававшійся до него дѣйствительнымъ только въ чистой механикѣ, былъ имъ отважно распространенъ на все естествознаніе. Это былъ шагъ, подобный тому, который сдѣлалъ Ньютонъ, перенесшій Галилеевы законы паденія на всѣ міровыя тѣла и такимъ образомъ открывшій всеобщій законъ тяготѣнія. Ньютонъ примѣнилъ законы паденія прежде всего къ лунѣ, Мейеръ— законъ эквивалента прежде всего къ теплотѣ“.

Наступаетъ новая эра въ исторіи причинности, эра Роберта Майера, когда различіе причинъ и слѣдствій снимается въ высшемъ міровомъ законѣ тождества. Эта революція обратила на себя вниманіе и философствующихъ круговъ [2]). Особенно настойчиво выдвигаетъ значеніе Роберта Майера въ исторіи причинной проблемы А. Риль. Присоединяясь къ уподобленію Майера Галилею [3]), сдѣланному, какъ упомянуто выше, Дюрингомъ, Риль подчеркиваетъ, что онъ разрѣшилъ Юмову проблему причинности: причинная зависимость отличается отъ простой послѣдовательности во времени постоянствомъ величины, объединяющей то, что предшествуетъ, съ тѣмъ, что слѣдуетъ, въ одно цѣлое [4]); такимъ образомъ „въ причинномъ законѣ содержится законъ субстанціи; тождество величины связуетъ причинное сочетаніе“ [5]).

Мы здѣсь очевидно присутствуемъ при полной реставраціи идей XVII вѣка. И нельзя не удивляться тому, что

[1]) Стр. 35.

[2]) См., напримѣръ, Die monistische Philosophie von Spinoza bis auf unsere Tage, von W. v. Reichenau, Köln und Leipzig, 1881. Шестая глава (стр 130 и слѣд.) посвящена Роберту Майеру, причемъ на стр. 131 отмѣчается уравненіе дѣйствія и причины.

[3]) Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart, zweite Auflage, Leipzig, 1904, стр. 149.

[4]) Тамъ же, стр. 154.

[5]) Стр. 153.

эта сторона дѣла не только не подчеркивается историками философіи, но даже какъ бы совсѣмъ не сознается ими. То обстоятельство, что великіе раціоналисты XVII вѣка не могли какъ Робертъ Майеръ, доказать экспериментально своей теоріи причинности, не ослабляетъ, а, напротивъ, увеличиваетъ чисто философскую цѣнность этой теоріи. Главную, идейную часть работы продѣлали именно они. Оставалась только второстепенная, экспериментальная часть. И они сами отлично сознавали, что для того, чтобы удачно справиться съ нею, быть можетъ, понадобятся цѣлые вѣка: scio etiam — писалъ Декартъ въ предисловіи къ „Принципамъ философіи“ — multa effluere posse saecula antequam ex hisce Principiis omnes veritates deductae fuerint quae deduci inde possunt, quia ea quae inveniendae restant, maximam partem dependent a particularibus quibusdam experimentis.

VII.

> Synthesis ergo et analysis aliter quam ut prorsum et retrorsum non differunt; utramque autem comprehendit logistica.
>
> Гоббесъ, De corpore, III, XX, Opera I, 252).
>
> Tota igitur demonstrandi methodus synthetica est.
>
> De corpore, I, VI, 12 (Opera, I, 71).

Мы переходимъ къ анализу и синтезу и ихъ значенію въ методологіи XVII вѣка. Анализомъ у великихъ раціоналистовъ этой эпохи называется восхожденіе къ принципамъ,

къ элементамъ мірозданія, синтезомъ нисхожденіе отъ этихъ принциповъ къ ихъ логическимъ и онтологическимъ слѣдствіямъ. Анализъ иногда называется у нихъ методою разложенія, синтезъ методою сложенія. Такъ, напримѣръ, Гоббесъ училъ: omnis methodus per quam causas rerum investigamus, vel compositiva est, vel resolutiva, vel partim compositiva, partim resolutiva. Et resolutiva quidem analytica; compositiva autem synthetica appellari solet [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: analysis est ratiocinatio a supposito constructo vel facto ad facti sive constructi causam efficientem vel multas coefficientes. Ut et synthesis ratiocinatio est a causis primis constructionis per media ad ipsum factum perpetua [2]). Лейбницъ объяснялъ Конрингу: Synthesis autem est quando a principiis incipiendo componimus theoremata ac problemata, quaecunque nobis offert ordo meditandi naturalis; Analysis vero est, quando conclusione aliqua data aut problemate proposito, querimus ejus principia quibus eam demonstremus aut solvamus [3]). Декартъ называлъ синтетическую методу апостеріорною [4]). Авторы Логики Поръ-Ро-

---

[1]) De corpore, I, VI, 1, Opera, I, 59.

[2]) De corpore, III, XX, Opera, I, 254. Ср. стр. 252: Analysis ergo est, ex terminorum alicujus dicti, quod pro vero supponimus, definitionibus, et rursus ex terminorum illarum definitionum definitionibus ratiocinatio perpetua, donec ad nota aliqua ventum sit, quorum compositio est veritatis vel falsitatis dicti suppositi demonstratio. Atque ea ipsa compositio sive demonstratio id ipsum est quod appellatur synthesis. Analytica itaque est, ars ratiocinandi a supposito ad principia, id est, ad propositiones primas vel ex primis demonstratas, quot sufficiunt ad suppositi veritatem vel falsitatem demonstrandam: synthetica autem, ars ipsa demonstrandi. Synthesis ergo et analysis aliter quam ut prorsum et retrorsum non differunt; utramque autem comprehendit logistica.

[3]) Schriften, Gerhardt, I, 195.

[4]) Demonstrandi autem ratio duplex est, alia scilicet per analysin, alia per synthesin. Analysis veram viam ostendit per quam res methodice et tanquam a priori inventa est, adeo ut si lector

яля сравнивали анализъ и синтезъ съ установленіемъ генеалогіи путемъ восхожденія отъ потомковъ къ предкамъ или нисхожденія отъ предковъ къ потомкамъ [1]); такимъ же сравненіемъ пользовался и Шовенъ [2]).

---

illam sequi velit, atque ad omnia satis attendere, rem non minus perfecte intelliget, suamque reddet, quam si ipsemet illam invenisset. Nihil autem habet quo lectorem minus attentum, aut repugnantem, ad credendum impellat; Nam si vel minimum quid ex iis quae proponit non advertatur, ejus conclusionum necessitas non apparet, saepeque multa vix attingit, quia satis attendenti perspicua sunt, quae tamen praecipue sunt advertenda. Synthesis e contra per viam oppositam et tanquam a posteriori quaesitam (etsi saepe ipsa probatio sit in hac magis a priori quam in illa) clare quidem id quod conclusum est demonstrat, utiturque longa definitionum, petitionum, axiomatum, theorematum, et problematum serie, ut si quid ipsi ex consequentibus negetur, id in antecedentibus contineri statim ostendat, sicque a lectore quantumvis repugnante ac pertinaci assensionem extorqueat: sed non ut altera satisfacit, nec discere cupientium animos explet, quia modum quo res fuit inventa, non docet (Responsio ad Secundas Objectiones стр. 82 и 83 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[1]) Enfin ces deux methodes ne different que comme le chemin qu'on fait en montant d'une valée en une montagne, de celuy que l'on fait en descendant de la montagne daus la valée; ou comme different les deux manieres dont on se peut servir pour prouver qu'une personne est descenduë de Saint Loüis; dont l'une est de montrer que cette personne a un tel pour pere qui estoit fils d'un tel, et celuy-là d'un autre, et ainsi jusqu'à Saint Loüis: et l'autre, de commencer par Saint Loüis, et montrer qu'il a eu tels enfans, et ces enfans d'autres, en descendant jusqu'à la personne dont il s'agit (La logique ou l'art de penser, troisième édition, Paris, 1668, IV Partie, Chap. II, стр. 400).

[2]) Methodus inventiones in medio sagaciter exquirendo consistit. Medii autem inquisitio, aut a subjecto incipiens, analysis seu resolutio est; aut ab attributo, synthesis seu compositio. Et simile fit dum Genealogia retexitur: vel enim prosapia investigatur incipiendo a capite stirpis, vel ad eum pervenitur incipiendo ab eo cujus prosapia quaeritur. Adeoque non magis haec synthesis differt ab analysi, quam via quae ex valle ducit in montem, ab ea quae e monte ducit in vallem (Lexicon philosophicum, 405).

Хотя новаторы XVII вѣка и считали анализъ, какъ методу изслѣдованія, естественнымъ предшественникомъ синтеза, какъ методы изложенія [1]), однако, въ общемъ, они предпочитали синтезъ анализу. Nihil methodo analytica sola, synthetica potius omnia, училъ, напримѣръ, Амосъ Коменскій [2]).

Объясняется это двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, они, какъ упоминалось выше, разсматривали міръ какъ адэкватную, тождественную логическую систему геометрическаго типа, всюду себѣ равную. И сообразно съ этимъ будемъ ли мы двигаться въ этой системѣ назадъ или впередъ, будемъ ли мы изучать ее аналитически или синтетически, результаты всегда будутъ одинаковы. Вотъ почему новаторы XVII вѣка не видятъ принципіальной разницы между этими двумя методологическими путями: synthesis... et analysis aliter quam ut prorsum et retrorsum non differunt, писалъ Гоббесъ [3]). Авторы логики Поръ-Рояля считаютъ предложенныя Декартомъ правила анализа вовсе не спеціальною особенностью именно этой методы, а вообще необходимыми условіями всякой научной методы [4]). Шовенъ уста-

---

[1]) На этомъ особенно настаивалъ Ньютонъ: quemadmodum in Mathematica, ita etiam in Physica, investigatio rerum difficilium ea Methodo, quae vocatur Analytica, semper antecedere debet eam quae appellatur Synthetica. Methodus Analytica est, experimenta capere, phaenomena observare; indeque ex rebus compositis, ratiocinatione colligere simplices; ex Motibus, vires moventes; et in universum, ex effectis, causas; ex causisque particularibus, generales; donec ad generalissimas tandem sit deventum. Methodus Synthetica est, causas investigatas et comprobatas assumere pro Principiis, eorumque ope explicare Phaenomena ex iisdem orta, istasque explicationes comprobare (Optice, Londini, 1706, стр. 347). Шовенъ писалъ: methodus doctrinae a resolutione incipit, et per compositionem procedit (Lexicon philosophicum, 405).

[2]) Didactica magna, I, 91.

[3]) De corpore, III, XX, Opera, I, 252.

[4]) Voilà ce qu'on peut dire generalement de l'analyse, qui consiste plus dans le jugement et dans l'adresse de l'esprit, que

навливалъ совершенно одинаковыя правила какъ для анализа, такъ и для синтеза [1]).

Во-вторыхъ, новаторы XVII вѣка стремились построить по возможности законченную картину новаго мірозданія. А это было осуществимо только при посредствѣ синтетической методы; только она могла дать полную систему науки; анализъ же могъ служить средствомъ только для разрѣшенія ея частныхъ, спеціальныхъ вопросовъ: on ne traite pas d'ordinaire par Analyse le corps entier d'une science, mais on s'en sert seulement pour resoudre quelque question, учитъ логика Поръ-Рояля [2]).

Если къ этому прибавить еще то громадное значеніе, которое имѣла въ методологіи XVII вѣка дедукція — даже Моргофомъ отождествлявшаяся съ методою вообще [3]), — а

---

dans des regles particulieres. Ces 4 neanmoins que Monsieur Descartes propose dans sa Methode peuvent estre utiles pour se garder de l'erreur en voulant rechercher la verité dans les sciences humaines, quoy qu'à dire vray elles soient generales pour toutes sortes de methodes, et non particulieres pour la seule analyse (La logique ou l'art de penser, troisième édition, Paris, 1668, стр. 401, ср. стр. 399).

[1]) Leges methodo Syntheticae et Analyticae communes praecipue sunt sex. Lex prima est generalitatis, quam alii antecessionis et consecutionis nominant: generalia praecedant, particularia sequantur... Secunda lex est facilitatis: a facilioribus, quoad ejus fieri potest, ad difficiliora fiat processus... Tertia lex est brevitatis: pars nulla desit, supersit, inutiliter repetatur... Quarta lex est connexionis: singulae disciplinae partes non tantum suo loco ponantur, sed et idoneis transitionibus connectantur... Quinta lex est unitatis sive homogeniae: nihil ab objecto vel fine disciplinae sit alienum... Sexta et ultima lex est harmoniae: doctrinae singulae partes inter se consentiant (Lexicon philosophicum, 405, 406).

[2]) Стр. 391; это хорошо понималъ и Моргофъ (Polyhistor, I, 389).

[3]) См. Polyhistor, I, Lib. II, Cap. VII (De methodis variis), стр. 386: Est vero Methodus nihil aliud, quam Ordo, quo ex principiis ac nobis cognitis deducuntur incognita.

также сильное вліяніе геометрической методы на великихъ раціоналистовъ того времени, то станетъ совершенно яснымъ, почему при всемъ равноправіи анализа и синтеза они болѣе тяготѣли къ синтезу.

Таково было положеніе дѣла въ XVII столѣтіи. Въ XVIII столѣтіи по этому вопросу, какъ и по большинству другихъ, наступила рѣзкая реакція: умы теоретиковъ приняли прямо таки противоположное направленіе. Синтезъ отодвигается на задній планъ. Имъ даже начинаютъ пренебрегать, какъ методою ненаучною, даже „фривольною", какъ выражался Кондильякъ [1]), кстати, смѣшивавшій его съ силлогизмомъ [2]). Вмѣсто него выдвигается анализъ какъ главный, если даже не исключительный путь. Эта перемѣна, вполнѣ естественно связанная съ отказомъ философовъ XVII вѣка отъ систематической философіи [3]) и отъ раціоналистическихъ принциповъ, господствовала въ теченіе всего этого вѣка. Въ 1829 году Кузенъ отмѣтилъ это въ своихъ лекціяхъ о философіи XVIII вѣка. Онъ характеризуетъ эту философію какъ „исключительно аналитическую" [4]), какъ „крикъ противъ синтеза" [5]); анализъ въ этомъ вѣкѣ признавался „универсальнымъ лѣкарствомъ противъ всѣхъ прежнихъ заблужденій" [6]), „единственною методою, которая можетъ и должна, наконецъ, привести ко всѣмъ истинамъ" [7]). Картезіанская метода была тогда разрѣзана на двѣ части, съ сохраненіемъ

---

[1]) De l'art de penser, I Partie, Chap. IX, Oeuvres, V, 1821, стр. 96; см. вообще всю IX главу.

[2]) Стр. 95: le syllogisme est le grand instrument de la synthèse.

[3]) См. выше, стр. 169.

[4]) Cours de l'histoire de la philosophie. Histoire de la philosophie du XVIII siècle, Paris, 1829, стр. 128.

[5]) Стр. 127.

[6]) Стр. 121.

[7]) Тамъ же.

только одной, именно анализа [1]). Конечно, продолжаетъ Кузенъ, эта операція была насильственна и болѣзненна. Но, говоритъ онъ, такъ какъ анализъ существеннѣе синтеза, то, въ сущности, мыслители XVIII вѣка были правы.

И вотъ Кузенъ съ такимъ же жаромъ, какъ и Кондильякъ, беретъ подъ свою защиту анализъ, болѣе того, прославляетъ его какъ основную методу научнаго изслѣдованія. Какъ ни соотносительны анализъ и синтезъ, первое и рѣшающее слово, оказывается, принадлежитъ всетаки анализу. Недостатокъ анализа неполнота научной системы; недостатокъ синтеза—ея ложность. Неполнота лучше ложности. И посему анализъ слѣдуетъ предпочесть синтезу [2]). Да въ концѣ концовъ вся исторія истинно научной методы оказывается для Кузена не болѣе какъ исторіею анализа, за которымъ послушно слѣдуетъ синтезъ, какъ нѣчто второстепенное и дополнительное [3]).

Познакомившись съ этою характеристикою XVIII вѣка, Гете рѣшительно осудилъ какъ этотъ вѣкъ за его пристрастіе къ анализу [1]), такъ и Кузена за его защиту этого пристрастія. Поэтъ-пантеистъ, орлинымъ взоромъ окидывавшій міръ, какъ цѣлое, очевидно не могъ сочувствовать прославленію анализа, разложенія. Не могли ему сочувствовать также и менѣе эклектически, чѣмъ Кузенъ, настроенные философы его эпохи. У нихъ замѣтно сказывается влеченіе къ синтезу. Но сообразно съ общимъ субъективистическимъ и метафизическимъ духомъ этихъ философовъ возрождавшійся ими синтезъ носилъ столь рѣзко выраженный отпечатокъ субъективизма и метафизики, что онъ только по имени напоминалъ синтезъ великихъ философовъ XVII вѣка.

Чрезвычайно типиченъ въ этомъ отношеніи „субъективный синтезъ“ основателя позитивизма О. Конта. Его книга, озаглавленная La synthèse subjective [2]), и, какъ выражается авторъ, спеціально написанная для синтетическихъ учителей, руководящихъ синтетическихъ учениковъ [3]), всячески стремится возродить синтезъ и поставить его выше анализа. Но, какъ видно уже изъ заглавія, Контъ имѣетъ при этомъ въ виду чисто субъективный синтезъ. При этомъ въ духѣ той экзальтаціи чувства, настроенія, которая господствовала среди романтиковъ начала XIX вѣка, гораздо болѣе родственныхъ ему, чѣмъ принято думать [4]), Контъ основываетъ синтезъ на субъективизмѣ не интеллектуальномъ, а чисто эмоціональномъ. Проповѣдуемая имъ субъективность, оказывает-

---

[1]) Стр. 118.

[2]) Стр. 93 и 94: toute synthèse qui n'a pas été précédée par l'analyse est une pure imagination; mais en même temps, toute analyse qui n'aspire pas à une synthèse qui lui soit égale et adéquate est une analyse qui reste en route. D'une part, synthèse sans analyse, science fausse; de l'autre part, analyse sans synthèse, science incomplète. Mieux vaut cent fois une science incomplète qu'une science fausse; mais ni une science fausse, ni une science incomplète ne sont encore l'idéal de la science... Ces deux opérations sont nécessaires l'une à l'autre; mais si on pouvait distinguer dans ce qui est également essentiel, ce serait à l'analyse qu'il faudrait donner la plus haute importance.

[3]) Стр. 95: L'histoire de la méthode, c'est-à-dire de la philosophie est l'histoire même de l'analyse, que suit pas à pas la synthèse, légitime ou illégitime, sage et réelle ou extravagante et hypothétique, selon ce que la fait l'analyse.

[1]) Ein Jahrhundert, das sich bloss auf die Analyse verlegt und sich vor der Synthese gleichsam fürchtet, ist nicht auf dem rechten Wege; denn nur beide zusammen, wie Aus-und Einatmen, machen das Leben der Wissenschaft (Analyse und Synthese, Werke, F. Schultz, XLII, 125).

[2]) Книга вышла въ 1856 г.; мы ссылаемся на второе парижское изданіе 1900 г.

[3]) Ce Tome est directement écrit pour des maîtres synthétiques dirigeant des élèves synthétiques (VII).

[4]) См. въ седьмой главѣ „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“ стр. 187 и слѣд.

ся, не только спекулятивна, но и аффективна, ибо сердце руководитъ умомъ [1]). Примать сердца естественно ведетъ за собою признаніе логическаго превосходства поэзіи передъ наукою [2]). И сообразно съ этимъ устанавливаемая самимъ Контомъ генеалогія возрождаемаго имъ синтеза такова, что въ немъ есть мѣсто и для поэзіи и для женскаго вліянія, но нѣтъ мѣста для великихъ синтетическихъ философовъ XVII вѣка [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ согласіи съ упорнымъ стремленіемъ Канта къ роли соціальнаго реформатора [4]) его синтезъ преслѣдуетъ не столько теоретическую цѣль, сколько практическую — обновленія человѣчества или, по крайней мѣрѣ, его европейскаго „авангарда“ путемъ доктрины, дающей пищу и успокоеніе не только уму, но также, и даже по преимуществу, сердцу и воображенію. Синтезъ, оказывается, обнимаетъ также и чувство и активность [5]); онъ можетъ вытекать только изъ симпатіи [6]). Теоретическое и практическое единство немыслимо безъ единства моральнаго; и поэтому религія также превосходитъ философію, какъ и политику [7]). Сообразно съ этимъ предлагаемый Контомъ субъективный синтезъ оказывается „позитивнымъ обожа-

---

[1]) Il faut ensuite regarder la subjectivité comme autant affective que spéculative, puisque le coeur inspire, guide, et soutient l'application de l'esprit (стр. 726).

[2]) Стр. 735: il importe de dissiper... les prestiges théoriques, en reconnaissant la supériorité logique de la poésie sur la science.

[3]) Стр. 47: généralisée par les vrais philosophes, après avoir surgi chez les véritables poëtes, sous la secrète impulsion des dignes femmes, la méthode subjective termine l'initiation logique en plaçant la puissance synthétique au dessus des facultés analytiques.

[4]) См. выше, стр. 31, а также стр. 188 и слѣд. перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“.

[5]) Стр. 4.

[6]) Стр. 1.

[7]) Тамъ же.

ніемъ“ [1]) своеобразной тройцы или, какъ онъ выражается, тріумвирата—пространства, земли и человѣчества. Вопреки своему основному закону трехъ состояній умовъ и знаній, основатель позитивизма въ своемъ „субъективномъ синтезѣ“ возвращается отъ позитивной науки не только къ метафизикѣ, но даже къ теологіи и притомъ къ ея низшей, съ его же собственной точки зрѣнія, стадіи, именно фетишизму, который имъ здѣсь всячески прославляется и возрождается.

Такова субъективная синтетическая метода въ XIX вѣкѣ. Образецъ объективной синтетической философіи въ томъ же вѣкѣ далъ Спенсеръ. Подъ синтезомъ онъ понимаетъ нѣчто вполнѣ научное, но существенно отличное отъ синтеза теоретиковъ XVII вѣка. Синтезъ для него это просто собраніе очень большого количества данныхъ и обобщеній болѣе или менѣе индуктивнаго характера. Надъ ихъ собираніемъ онъ и работалъ въ теченіе всей своей жизни. Какъ бы ни было громадно количество фактовъ и свѣдѣній, собранныхъ Спенсеромъ для его системы синтетической философіи, они все же представляютъ лишь каплю въ неисчерпаемомъ морѣ эмпирическаго бытія; и притомъ это капля не безукоризненной чистоты и прозрачности, потому что Спенсеръ не имѣлъ возможности лично наблюдать и провѣрять ту массу свѣдѣній—хотя бы о разныхъ дикаряхъ въ „Принципахъ соціологіи“,—которая приводится имъ и которая, очевидно, часто принимается имъ на вѣру, съ чужихъ словъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросахъ гносеологіи, онъ былъ достаточно догматиченъ, чтобы дать нѣмецкому профессору философіи Гензелю поводъ назвать его самымъ замѣчательнымъ докантіанцемъ изъ всѣхъ послѣкантовскихъ философовъ. Сочетаніе массы сырого эмпирическаго матеріала съ теоріею дифференціаціи и интеграціи матеріи и съ рядомъ гипотезъ, не всегда удачно выбранныхъ (вродѣ теоріи общественнаго организма)

---

[1]) Стр. 738: adoration positive.

и образуетъ громадное зданіе „Системы синтетической философіи". Посвящая десятки лѣтъ упорнаго труда этому циклопическому энциклопедическому предпріятію, этой, какъ выразился одинъ его критикъ, „метафизикѣ опыта" [1]), Спенсеръ слѣдовалъ не личному капризу, а духу своего, отчасти, значитъ, еще и нашего времени: еще и теперь подъ синтезомъ въ научномъ смыслѣ понимается не болѣе какъ собираніе и обобщеніе всякаго рода эмпирическихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ съ высоты раціоналистической, дедуктивной науки синтезъ опустился на уровень науки абстрактной, обобщающей. Съ точки зрѣнія научной осторожности это вѣроятно шагъ впередъ (поскольку, впрочемъ вмѣсто дѣйствительнаго обобщенія фактовъ не подставляются гипотезы и утвержденія, нерѣдко сомнительныя, а то и совершенно произвольныя). Но съ точки зрѣнія высшаго честолюбія науки это несомнѣнно шагъ назадъ, отступленіе, если даже не бѣгство.

VIII.

> Generalem quamdam esse debere scientiam... eamdemque... Mathesim universalem nominari.
>
> Декартъ (Regulae ad directionem ingenii).

Такъ какъ методологическій образецъ новаторовъ XVII вѣка, именно механика, въ этомъ вѣкѣ стала наукою строго

---

[1]) G. Rageot, Les savants et la philosophie, Paris, 1908, стр. 15.

математическою и только благодаря этому достигла высокаго совершенства [1]), то и отъ всякой вообще науки стали требовать, чтобы она была наукою математическаго типа. Если дѣйствительно языкъ математики – это языкъ разума во всей его чистотѣ, какъ увѣряла Софія Жерменъ [2]), то раціоналисты XVII вѣка были по своему правы, не желая разговаривать на иномъ языкѣ. Великіе философы этой эпохи были вмѣстѣ съ тѣмъ великими математиками, какъ Декартъ, Паскаль и Лейбницъ, старались стать таковыми, какъ Гоббесъ, или, по крайней мѣрѣ, старались примѣнить логику математики къ философіи, какъ Спиноза. Педагоги XVII вѣка видѣли въ математикѣ источникъ умственнаго и моральнаго возрожденія людей. „Если бы у меня было богатство Карла Великаго—писалъ Валтасаръ Шуппъ,—я далъ бы математику три тысячи имперскихъ талеровъ и столько же физику, чтобы они научили каждаго ремесленника и крестьянина" [3]). Нюренбергскій педагогъ Фейерлейнъ требовалъ распространенія математической методы даже на область филологіи [4]). Эргардъ Вейгель увѣрялъ, что безъ математики люди жили бы по образу и подобію скотовъ [5]). Представляя папѣ Иннокентію XI отчетъ о воспитаніи французскаго дофина, Боссюе весьма настойчиво выдвигалъ математическія науки какъ **disciplinas argumentandi magistras** [6]).

---

[1]) Clarissime patet, объяснялъ Чирнгаузенъ, cur nulli fere magnos hactenus in Physicis fecerint progressus, quam qui valde in Mathesi fuerunt exercitati (Medicina mentis, 44).

[2]) La langue mathématique est celle de la raison dans toute sa pureté.

[3]) См. F. Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. Zweite Auflage, I, 471.

[4]) Тамъ же, стр. 552.

[5]) Idea Matheseos Universae, Ienae, 1669, стр. 30.

[6]) Oeuvres complètes, томъ XXIII, стр. 12.

Увлеченіе математикою сильно отразилось и на научной методологіи XVII вѣка. Достовѣрность, ясность, точность математики, ея независимость отъ случайностей эмпиріи [1]) побуждаютъ Декарта мечтать объ универсальной математической методѣ, объ универсальной математической наукѣ, mathesis universalis [2]): qui semel assuefecerit ingenium suum ratiociniis mathematicis, habebit etiam illud aptum ad investigandas alias veritates, cum sit ratiocinatio ubique una et eadem [3]). Если бы, писалъ Спиноза въ Cogitata metaphysica [4]), люди ясно понимали весь порядокъ природы, они сознавали бы его необходимость такъ же точно, какъ и необходимость того, о чемъ трактуетъ математика; отсутствіе математическаго знанія—это уже не знаніе, а вѣра [5]). Лейбницъ видѣлъ въ новомъ естествознаніи воплощеніе математики [6]) и мечталъ о распространеніи ея достовѣрности также и на другія области [7]).

---

[1]) Evidenter colligitur, quare Arithmetica et Geometria caeteris disciplinis longe certiores exsistant, quia scilicet hae solae circa objectum ita purum et simplex versantur, ut nihil plane supponant, quod experientia reddiderit incertum, sed totae insistunt in consequentiis rationabiliter deducendis (см. разъясненіе второго правила для руководства ума).

[2]) Illa omnia tantum, in quibus ordo vel mensura examinatur, ad Mathesim referri, nec interesse utrum in numeris, vel figuris, vel astris, vel sonis, aliove quovis objecto talis mensura quaerenda sit; ac proinde generalem quamdam esse debere scientiam, quae id omne explicet, quod circa ordinem et mensuram nulli speciali materiae addicta quaeri potest, eamdemque... Mathesim universalem nominari (см. четвертое правило).

[3]) Manuscrit de Goettingen, Revue bourgignonne de l'enseignement supérieur, 1896, стр. 49.

[4]) Pars II, Cap. IX, Opera, III, 221.

[5]) См. въ 21-мъ письмѣ Спинозы: credo, non vero Mathematice scio (Opera, II, 282).

[6]) Schriften, Gerhardt, I, 187.

[7]) On n'a pas consideré de quelle importance il seroit de pouvoir establir les principes de Metaphysique, de Physique et de Morale avec la meme certitude, que les Elemens de Mathematique (Opuscules et fragments inédits, стр. 175).

Еще древніе греки называли крыльями ума ариѳметику и геометрію. Наука XVII столѣтія окрыляется какъ тою, такъ и другою. Кто ищетъ правый путь къ истинѣ, училъ Декартъ въ „Правилахъ для руководства умомъ" [1]), тотъ не долженъ заниматься предметами, о которыхъ онъ не можетъ имѣть той увѣренности, которую даютъ ариѳметика и геометрія. Ces sciences générales règlent et renferment toutes les sciences particulières, писалъ Мальбраншъ [2]).

Начнемъ съ ариѳметики. Декартъ даже въ геометріи видѣлъ какъ бы своего рода счетъ [3]). Мальбраншъ, также какъ и Лейбницъ съ его счетомъ понятій [4]), именовалъ ариѳметику и алгебру настоящею логикою для открытія истины [5]) и писалъ: ce n'est que par l'addition et la soustraction de l'unité et des parties de l'unité... que l'on mesure exacte-

---

[1]) См. разъясненіе второго правила.

[2]) Recherche de la vérité, L. VI, 1 Partie, Ch. V, Oeuvres, IV, 299.

[3]) Et comme toute l'Arithmetique n'est composée, que de quatre ou cinq operations, qui sont l'Addition, la Soustraction, la Multiplication, la Division et l'Extraction des racines, qu'on peut prendre pour une espece de Division; Ainsi n'a-t-on autre chose a faire en Geometrie, touchant les lignes qu'on cherche, pour les preparer a estre connuës, que de leur en ajoûter d'autres, on en oster; Ou bien en ayant une,... puis en ayant encore deux autres, en trouver une quatriéme, qui soit à l'une de ces deux, comme l'autre est a l'unité, ce qui est le mesme que la Multiplication; ou bien en trouver une quatriéme, qui soit à l'une de ces deux, comme l'unité est a l'autre, ce qui est le mesme que la Division (La Geometrie, стр. 3 парижскаго изданія 1664 г.).

[4]) См. выше, стр. 230.

[5]) L'Arithmétique et l'algèbre sont ensemble la véritable logique qui sert à découvrir la vérité (Recherche de la vérité, L. VI, I Partie, Ch. V, Oeuvres, IV, 303).

ment toutes les grandeurs et que l'on découvre toutes les vérités [1]). Гоббесъ, какъ уже упоминалось выше (см. стр. 229), сводилъ всѣ научные процессы къ сложенію и вычитанію, вообще къ счету: computare potest non solum in numeris; sed etiam in rebus aliis omnibus [2]). Только тамъ, утверждалъ онъ, есть мѣсто для разума, гдѣ есть мѣсто для сложенія и вычитанія [3]). Убѣжденный, что certitudinem involvit vera quantitas [4]), Эргардъ Вейгель въ своей классификаціи наукъ ставилъ ариѳметику—Scientiam Entis ut Numerus est, какъ онъ ее опредѣлялъ [5]),—рядомъ съ метафизикою какъ основную науку, іерархически выше другихъ, увѣрялъ: formas rerum... in mera quantitate consistere [6]) и въ цѣломъ рядѣ сочиненій упорно, быть можетъ, даже нѣсколько назойливо [7]) стремился свести все въ мірѣ къ количествамъ и ариѳметическимъ надъ ними дѣйствіямъ.

Хотя такимъ образомъ въ XVII столѣтіи далеко не пренебрегали сведеніемъ предметовъ и отношеній между ними къ количествамъ [8]), однако умы новаторовъ этого столѣтія

---

[1]) Тамъ же, стр. 302.

[2]) Leviathan, I, V, Opera, III, 35.

[3]) Тамъ же, стр. 32: Ubicunque locus est additioni et substractioni, ibi etiam locus est rationi; et ubi illis locus non est, ibi neque rationi locus est.

[4]) Idea Matheseos Universae, Jena, 1669, стр. 81.

[5]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, стр. 246.

[6]) Idea Matheseos Universae, стр. 29.

[7]) Такъ, напримѣръ, процессъ ѣды онъ описывалъ какъ сложеніе кусковъ въ желудкѣ и вычитаніе ихъ изъ тарелки (см. ниже, главу XI).

[8]) Какъ отмѣчено въ концѣ нашей статьи „Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка" (Юридическія Записки, № 2) и подробнѣе будетъ показано въ третьей части настоящаго изслѣдованія, эта тенденція внесла много новаго и въ обществовѣдѣніе, особенно въ экономику и статистику: первыя попытки

болѣе охотно окрылялись геометріею. Это вполнѣ понятно въ виду отмѣчавшейся выше потребности эпохи въ ясномъ и точномъ геометрическомъ міропониманіи, сообщившей всей методологіи новаторовъ воззрительный характеръ. Вотъ почему настоящимъ образцомъ научности они считали по преимуществу геометрію. Декартъ какъ увѣряетъ по крайней мѣрѣ П. Бутру, „глубоко презираетъ ариѳметику" [1]). Даже Гоббесъ въ полемикѣ съ Валлисомъ сталъ на эту точку зрѣнія, къ которой онъ склонялся и въ другихъ своихъ работахъ: geometria... sola fere est scientia accurata, читаемъ мы въ „Левіаѳанѣ" [2]). Въ предисловіи къ De cive Гоббесъ утверждалъ, что именно геометрія въ его эпоху вывела умы изъ прежняго варварскаго состоянія [3]).

Геометрія въ XVII вѣкѣ считается необходимымъ условіемъ физики, если не самою физикою, въ ея наиболѣе, по крайней мѣрѣ, достовѣрныхъ частяхъ. Toute ma physique n'est autre chose que géométrie, писалъ Декартъ [4]). Qui philosophiam naturalem quaerunt nisi a geometria principium quaerendi sumant, frustra quaerunt; et qui de ea scribunt, disseruntve, geometriae ignari, lectoribus auditoribusque suis abutuntur, увѣрялъ Гоббесъ [5]). Эргардъ Вейгель прославлялъ геометрію какъ лучшее средство для созданія „чистѣйшей науки", познающей реальность во всей ея естественной

примѣнить къ движенію населенія счетъ съ приложеніемъ теоріи вѣроятностей, этой „мѣры судьбы" (mensura sortis), какъ выражался Бернулли, принадлежатъ людямъ XVII вѣка—Петти и астроному Галлею.

[1]) L'imagination et les mathématiques selon Descartes, Paris, 1900 стр. 21.

[2]) IV, Opera III, 26.

[3]) Quicquid... hodiernum tempus a prisca barbarie distinguit, totum fere beneficium est geometriae (Opera II, 137).

[4]) Oeuvres, Cousin, VII, 121.

[5]) De corpore, I, VI, 6, Opera, I, 65.

чистотѣ [1]). Physica vero in tantum intelligibilis redditur, in quantum reducitur ad geometriam, утверждалъ его ученикъ Лейбницъ [2]). Въ предисловіи своей знаменитой книги о всемірномъ тяготѣніи Ньютонъ такъ объяснялъ отношеніе между геометріею и механикою: Mechanica omnis a geometria ita distinguitur, ut quicquid accuratum sit ad geometriam referatur, quicquid minus accuratum ad mechanicam [3]). Геометрія это общая часть механики [4]).

Геометрія считается далѣе образцомъ для научнаго сужденія о мірѣ психическомъ и моральномъ. Въ предисловіи къ третьей части „Этики" Спиноза выражаетъ твердую рѣшимость разсуждать о человѣческихъ поступкахъ и влеченіяхъ, ac si quaestio de lineis, planis, aut de corporibus esset [5]); слѣдуя этому намѣренію, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи вмѣсто homo говоритъ иногда [6]) res. Мальбраншъ, несмотря на его предпочтеніе алгебры геометріи [7]), смотритъ на геометрію какъ на „родъ универсальной науки" [8]) и со-

[1]) Ipsa realia discernere; in puris suis naturalibus intueri (Universi Corporis pansophici Prodromus, Jenae, 1672, стр. 85 и 86).

[2]) Schriften, Gerhardt, I, 186.

[3]) Philosophiae naturalis principia mathematica, Praefatio ad lectorem.

[4]) Тамъ же: Geometria... nihil aliud est quam Mechanicae universalis pars.

[5]) Opera, I, 119.

[6]) См, выше, стр. 81, примѣчаніе 2. Еще Декартъ писалъ въ „Размышленіяхъ": sum igitur praecise res cogitans.

[7]) Recherche de la vérité, L. VI, I Partie, Ch. V, Oeuvres, IV, 302, 303.

[8]) Ch. IV, стр. 290: on doit donc regarder la géométrie comme une espèce de science universelle qui ouvre l'esprit, qui le rend attentif, et qui lui donne l'adresse de régler son imagination et d'en tirer tout le secours qu'il en peut recevoir: car, par le secours de la géométrie, l'esprit règle le mouvement de l'imagination, et l'imagination réglée soutient la vue et l'application de l'esprit.

образно съ этимъ находитъ возможнымъ и необходимымъ значительно расширить ея научную компетенцію [1]). Отмѣтивъ въ предисловіи къ De cive мастерство, съ которымъ геометры „управились со своею провинціею" [2]), Гоббесъ выразилъ увѣренность, что, если бы моральные философы справились со своими проблемами съ такимъ же успѣхомъ, то вопросъ о человѣческомъ благополучіи былъ бы рѣшенъ безъ остатка [3]). Сообразно съ этимъ онъ и стремился построить своего рода геометрію человѣческаго общежитія. Эргардъ Вейгель, какъ подробнѣе упоминается въ XI главѣ настоящаго изслѣдованія, построилъ особый міръ моральной геометріи, съ моральнымъ пространствомъ, моральными тѣлами, радіусами и т. д.; и въ этомъ отношеніи продолжателями его дѣла были его ученики Пуффендорфъ и Лейбницъ.

Такимъ образомъ духъ геометріи проникъ во всѣ области научнаго познанія: не только физическій, но и психическій и даже моральный міръ разсматривались геометрически. Духъ этотъ проникъ даже въ искусство XVII вѣка [4]); въ немъ господствуютъ симметрія, строгія, холодныя линіи. Красота природы понималась лишь постольку, поскольку она укладывалась въ геометрическіе образы. Такъ какъ сама по себѣ, въ естественномъ состояніи, природа рѣдко являетъ такіе образы и такъ какъ только въ XVIII столѣтіи благодаря

[1]) Тамъ же, 285: la géométrie... est d'un usage beaucoup plus étendu qu'on ne le pense ordinairement. Car enfin l'astronomie, la musique, les mécaniques et généralement toutes les sciences qui traitent des choses capables de recevoir du plus ou du moins, et par conséquent que l'on peut regarder comme étendues, c'est-à-dire, toutes les sciences exactes, se peuvent rapporter à la géométrie.

[2]) Et geometrae quidem provinciam suam egregie administraverunt (Opera, II, 137).

[3]) Тамъ же: si philosophi morales munere suo pari felicitate functi essent, non video ad felicitatem suam in hac vita quid amplius contribuere humana industria posset.

[4]) См. характеристику французской поэзіи XVII вѣка на стр. 300 и слѣд. книги Гюйо L'art au point de vue sociologique, Paris, 1889.

Руссо и его реакціи противъ искусственной культуры научились понимать красоту несимметрическаго пейзажа, вродѣ Альпійскихъ горъ, ущелій, долинъ, то въ XVII столѣтіи искусство исправляло или по крайней мѣрѣ дополняло природу—подобно тому, какъ государствовѣдѣніе того времени искусственно строило настоящее, симметрическое, уравновѣшенное гражданское общество изъ сырого, стихійнаго матеріала естественнаго состоянія людей. Не случайно то обстоятельство, что именно XVII столѣтіе дало Ленотра, этого Эвклида или Вобана садоводства, ordine geometrico устраивавшаго парки, превращавшаго деревья, кусты и лужайки въ пирамиды, конусы, шары, ромбы, многоугольники и т. п. геометрическія фигуры и тѣла.

Не только искусство какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи [1]), но даже религія въ XVII вѣкѣ испытываетъ на себѣ вліяніе геометрическаго духа. Какъ упоминалось выше (см. стр. 102), Э. Вейгель, Пуффендорфъ, Лейбницъ и другіе новаторы пытались построить геометрію богопознанія, ordine geometrice доказать бытіе Божіе и цѣлый рядъ другихъ положеній „естественнаго" богословія. Свои юношескія надежды на возможность геометрическаго богословія Лейбницъ впослѣдствіи ретроспективно объяснялъ такъ: invitatus novitate nonnunquam in ipsa Theologia Mathematicum agebam, condebam definitiones atque inde ducere tentabam Elementa

[1]) Буало, этотъ Декартъ поэзіи, ordine geometrico регулировалъ художественное творчество, укладывалъ изящную литературу въ такія же симметрическія, геометрически правильныя формы, въ какія Ленотръ укладывалъ свои парки, а философы XVII вѣка—весь міръ. Относительно музыки Мальбраншъ писалъ: il est clair que sans l'arithmétique et la géométrie la musique régulière et exacte nous serait inconnue (Recherche de la vérité, L. VI, I Partie, Ch. IV, Oeuvres, IV, 286). Лейбницъ училъ: la Musique nous charme, quoyque sa beauté ne consiste que dans les convenances des nombres, et dans le compte dont nous ne nous appercevons pas (Principes de la Nature et de la Grace, fondés en raison, 17, Gerhardt VI, 605).

quaedam nihilo claritate inferiora Euclideis, magnitudine vero fructus etiam superiora [1]). Даже, казалось бы, совершенно иррегулярная мистическая экзальтація Паскаля представляла нѣчто геометрическое, „воспламененную геометрію", какъ выразился Кузенъ. Экстазъ въ XVII вѣкѣ не превышалъ геометріи. Онъ находилъ достаточную для себя пищу въ новой геометрической картинѣ мірозданія. И Викторъ Гюго какъ нельзя лучше выразилъ это настроеніе, когда онъ увѣрялъ

Mais la terre suffit à soutenir la base
D'un triangle où l'algèbre a depassé l'extase.

Такимъ образомъ геометрія въ XVII столѣтіи обнимаетъ не только науку, но и искусство и религію; она превышаетъ даже экстазъ. Поэтому нисколько не удивительно, что теоретики этого вѣка рѣшительно осуждаютъ всякія попытки подняться надъ міромъ геометріи. Кеплеромъ сильно осуждается за это Аристотель—volens supra geometriam altius et generalius philosophari [2]). Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ и насъ самихъ, писалъ Паскаль. Зато все, что не возвышается до геометріи, ниже насъ самихъ и недостойно нашего вниманія.

Всеобщее увлеченіе геометріею не обходилось и безъ крайностей, такъ что явился новый сюжетъ для сатиры; имъ и воспользовался Свифтъ въ своемъ каррикатурномъ изображеніи жителей фантастическаго висячаго острова Лапуты, которые думаютъ, чувствуютъ, даже изъясняются въ любви геометрическими образами и несмотря на это или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого плохо ориентируются и еще хуже устраиваются во всемъ, что касается практической жизни, какъ личной, такъ и общественной.

Какъ же отразилось вліяніе геометрическаго духа на научной методологіи XVII вѣка? Во-первыхъ, явилась мысль о „пантометріи", т. е. о всеизмѣреніи, объ изслѣдованіи всего

[1]) Schriften, Gerhardt, VII, 323.
[2]) См. Кассирера, Das Erkenntnisproblem, I, 561.

міра и всего въ мірѣ при посредствѣ геометріи или чего-нибудь ей аналогичнаго. Во-вторыхъ, явилась особая, т. н. геометрическая метода изложенія результатовъ научнаго и философскаго изслѣдованія. Пантометрія и геометрическая метода—таковы были тѣ пути, которыми новаторы XVII вѣка надѣялись подтвердить и осуществить свою вѣру въ универсальную познавательную силу геометріи, открыть съ ея помощью всѣ двери [1]). Посмотримъ, въ чемъ состояли эти пути и дѣйствительно ли они оказались цѣлесообразными.

IX.

Omnia mensura, numero et pondere.

Мысль о пантометріи естественно вызывалась воззрительнымъ характеромъ новой науки и новаго наукоученія. Если въ древности геометрія возникла благодаря потребности въ точномъ измѣреніи земли, то въ новое время она оказалась необходимою для точнаго измѣренія неба и отношеній между находящимися въ немъ тѣлами. Новая астрономія, занятая новою геометрическою картиною геліоцентрическаго мірозданія, изучала не столько небесныя тѣла, какъ таковыя (ихъ строеніе, химическій составъ и т. д.), сколько пространственныя отношенія между ними. Подъ ея вліяніемъ создается новая научная потребность изучать *отношенія* между

[1]) La géométrie est la clef de toutes les portes, писала еще и въ XVIII столѣтіи маркиза де Шателе (Oeuvres de Frédéric le Grand, Tome XVII, Berlin, 1851, стр. 22).

вещами и изучать ихъ геометрически. Мальбраншъ утверждаетъ, что „всѣ истины—это только отношенія" [1]), отношенія между вещами и отношенія между ихъ отношеніями [2]). Когда Монтескье опредѣлялъ главный предметъ своего „Духа законовъ" какъ „необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей", онъ, правда на свой ладъ, продолжалъ методологическое дѣло XVII вѣка. Пантометрія и должна была заняться измѣреніемъ по возможности воззрительныхъ отношеній между всякаго рода предметами.

Мысль о ней естественнѣе всего и прежде всего возникла примѣнительно къ физическому міру. Относительно этого уже Декартъ высказывался весьма рѣшительно. Сводя все, что существуетъ и происходитъ въ физической природѣ, къ пространству и движенію, онъ вѣрилъ, что въ конечномъ итогѣ все въ ней можетъ быть сведено къ геометрическимъ отношеніямъ и, значитъ, измѣрено чисто геометрически. Въ ожиданіи же этого онъ предлагалъ, не довольствуясь только тремя геометрическими измѣреніями, измѣрять всячески всякіе предметы [3]). Сообразно съ этимъ онъ допускалъ безко-

[1]) Toutes les vérités ne sont que des rapports (Recherche de la vérité, Livre VI, I Partie, Chap. V, Oeuvres, IV, 303).

[2]) Chap. IV, стр. 285: toutes les vérités spéculatives ne consistant que dans les rapports des choses et dans les rapports qui se trouvent entre leurs rapports, elles se peuvent toutes rapporter à des lignes.

[3]) Per dimensionem nihil aliud intelligimus, quam modum et rationem, secundum quam aliquod subjectum consideratur esse mensurabile, adeo ut non solum longitudo, latitudo, et profunditas sint dimensiones corporis, sed etiam gravitas sit dimensio, secundum quam subjecta ponderantur, celeritas sit dimensio, motus, et alia ejusmodi infinita: nam divisio ipsa in plures partes aequales, sive sit realis, sive intellectualis tantum, est proprie dimensio, secundum quam res numeramus (Regulae ad directionem ingenii, стр. 54 амстердамскаго изданія 1686 г., разъясненіе XIV правила).

нечное множество измѣреній [1]). Послѣдователи Декарта продолжаютъ относиться пантометрически къ міру. Для нихъ

Mens, mensura, quies, motus, positura, figura
Sunt cum materia cunctarum exordia rerum.

Вслѣдъ за физическимъ міромъ пантометрія примѣняется также и къ психическому міру. Является мысль о психометріи, объ измѣреніи душъ и происходящихъ въ нихъ аффектовъ. Какъ будетъ подробнѣе указано въ третьей части настоящаго изслѣдованія, подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки въ XVII вѣкѣ является новая психологія, которую всячески стараются объединить методологически съ новою физикою. Сообразно съ этимъ для пантометріи открывались двѣ проблемы.

Первая—это проблема науки физическаго типа о человѣческой душѣ. Все, что происходитъ въ душѣ, въ XVII вѣкѣ разсматривается не in genere moris, a in genere naturae [2]). Человѣческія страсти или аффекты изучаются физически. Философы XVII вѣка говорятъ о нихъ не какъ

---

[1]) Тамъ же: Ex quibus patet, infinitas esse posse in eodem subjecto dimensiones diversas.

[2]) См. объ этомъ у Гейлинкса (Ethica, Tractatus IV, § I, Passiones sunt extra genus morum): Stoici censebant, omnes Passiones esse malas in genere moris; Peripatetici moderatas Passiones bonas esse dixerunt, immoderatas in vitio posuerunt Ambo vehementer errant; si quid enim hic mali esset, id non nobis, sed auctori condicionis nostrae (Deo) imputandum foret; quod absit; consistit enim in his passionibus bona pars condicionis humanae, et fere potissimum per illas homines sumus, et demptis hisce unacum sensibus, non est quod nos amplius homines esse existimemus. Sunt igitur in genere naturae admodum bonae Passiones, licet quaedam nobis injucundae sint, seu male afficientes (ut dolor, etc.); in genere autem moris nobis neque bonae neque malae sunt, sed habent se sicut videre et audire, etc., propter quae nemo probus aut improbus vocatur (Opera, edit. Land, III, 105).

ораторы и не какъ моралисты, а какъ физики [1]). Они ихъ не оплакиваютъ и не осмѣиваютъ, они разсуждаютъ о нихъ такъ, какъ они привыкли разсуждать о „математическихъ вещахъ" [2]). Они, какъ выражался Моргофъ, по поводу Декартова трактата о страстяхъ души, разсуждаютъ о психикѣ quatenus moralia principia cum Physicis conveniunt [3]). Человѣкъ для нихъ—это духовный автоматъ, какъ выражался Лейбницъ [4]) и какъ болѣе настойчиво утверждалъ Спиноза [5]). Въ страстяхъ человѣческихъ они видятъ движеніе, напоминающее открытое Гарвеемъ кровообращеніе [6]), т. е. чисто механическій процессъ. Происходящая въ человѣческой душѣ борьба разныхъ аффектовъ, разсматривается какъ своего рода качаніе психическаго маятника [7]); и эта animi fluctuatio изучается по возможности механически. Психологи XVII

---

[1]) Декартъ, писалъ: mon dessein n'a pas été d'expliquer les passions en orateur ni même en philosophe moral, mais seulement en physicien (Oeuvres, Cousin, IV, 35).

[2]) Спиноза, Tractatus politicus, Cap. I, § 4, Opera, I, 270.

[3]) Polyhistor, II, 13; къ изданію 1665 г. Этики Гейлинкса былъ приложенъ tractatus ethico-physicus de animi et corporis passionibus (авторы его N. van der Meer и Bontekoe; см. E. Göpfort, Geulinx' ethisches System, Breslau, 1883, стр. 4).

[4]) L'ame est un Automate immateriel des plus justes, писалъ онъ Бэйлю, недоумѣвавшему относительно сдѣланнаго имъ уподобленія души часовому механизму (Gerhardt, IV, 522).

[5]) Anima.. quasi aliquod automa spirituale (Tractatus de intellectus emendatione, Opera, I, 29).

[6]) Такое сравненіе сдѣлалъ Мальбраншъ: la vie de l'homme ne consiste que dans la circulation du sang, et dans une autre circulation de pensées et de désirs (De la recherche de la vérité, L. II, I Partie, Ch. I, Oeuvres, 1877, III, 154). Съ кровообращеніемъ же сравнивалъ Гоббесъ и денежное обращеніе въ государствѣ (Leviathan, Cap. XXIV, Opera, III, 189), о чемъ еще рѣчь будетъ ниже.

[7]) Haec Mentis constitutio, quae scilicet ex duobus contrariis affectibus oritur, Animi vocatur Fluctuatio, писалъ Спиноза (Ethica, Pars III, Propos. XVII, Scholium, Opera, I, 132).

вѣка разсматриваютъ душевныя влеченія какъ conatus [1]), т. е. нѣчто физическаго типа; они стараются изучить притяженіе и отталкиваніе между отдѣльными страстями и на этомъ построить какъ объясненіе существующаго взаимодѣйствія между людьми, такъ и планъ идеальнаго общежитія [2])—мысль, которая въ XIX вѣкѣ получила такое фантастическое выраженіе и извращеніе въ утопіяхъ Фурье и его ученіи о „гармоніи страстей". Словомъ, въ XVII вѣкѣ психологія становится не только раціональною, но и въ своемъ родѣ физическою наукою. И всякій, писавшій тогда о человѣкѣ и его страстяхъ, могъ бы сказать о своей работѣ то, что сказалъ Декартъ о трактатѣ De passionibus animae: scriptum... ut decuit physicum [3]). Душу изучаютъ геометрически. Ее стараются измѣрить. Тонкая и сложная задача познанія человѣческой души, быть можетъ, и до настоящаго времени болѣе удачно рѣшаемая прозорливыми художниками [4]), умѣющими въ данномъ случаѣ дѣйствительно творить, т. е., ви-

[1]) См., напримѣръ, у Гоббеса: conatus,.. quando fit versus causam, suam vocatur appetitus vel cupido... Quando autem conatus est recedendi a re aliqua, tunc vocatur aversio (Leviathan, VI, Opera, III, 40); ср. у Спинозы: conatus, quo unaquaeque res in suo esse perseverare conatur (Ethica, Pars III, Propos. VII, VIII, Opera I, 125, 126).

[2]) Tractatus politicus Спинозы.

[3]) Декартъ слишкомъ серьезно думалъ о настоящей механикѣ человѣческой души, чтобы можно было признать правильнымъ мнѣніе одного нѣмецкаго автора, будто онъ только перевелъ схоластическую психологію на языкъ механики (см. H. Schwarz, die Umwälzung der Wahrnehmungshypothesen durch die mechanische Methode, Leipzig, 1895, стр. 130).

[4]) La théorie des passions, est l'écueil des philosophies et la revanche des littératures, не безъ основанія пишетъ Лионъ по поводу Гоббесовой психологіи (G. Lyon, La philosophie de Hobbes, Paris, 1893, стр. 131). Уже знаменитая корреспондентка Декарта принцесса Елисавета Пфальцкая не безъ своеобразной ироніи недоумѣвала по поводу его геометріи страстей (см. въ книгѣ

дѣть, обладающими даромъ особой интуиціи, особаго ясновидѣнія, въ XVII столѣтіи ставилась и рѣшалась пантометрически. Если отъ этого, быть можетъ, нѣсколько страдала чисто психологическая сторона дѣла, то выигрывала сторона механическая. Въ этомъ отношеніи раціоналистамъ XVII в. удалось создать нѣчто крупное и встрѣтившее весьма благожелательный пріемъ въ естественнонаучныхъ сферахъ. Особенно посчастливилось ученію третьей книги „Этики" Спинозы объ аффектахъ. Еще въ XIX столѣтіи Дюрингъ выдѣлилъ это ученіе изъ схоластической, по его мнѣнію, философіи Спинозы и подчеркнулъ его механическое значеніе [1]); Іоаннъ Мюллеръ прямо таки включилъ Спинозову статику душевныхъ движеній въ свое руководство по физіологіи человѣка [2]).

Менѣе посчастливилось другой проблемѣ, естественно возникшей благодаря приложенію физическаго міропониманія также и къ психическому міру. Это—психофизическая проблема, вопросъ о математическомъ соотношеніи между психическими и физическими процессами и объ ихъ соизмѣри-

Фуше де Карейля Descartes, la princesse Elisabeth et la reine Christine d'après des lettres inédites, Paris, 1879, на стр. 90 письмо Елисаветы: les obscurités que ma stupidité me fait trouver en vostre Traité des passions, etc.).

[1]) Die Logik der Leidenschaften ist mithin so gewiss als die Mechanik aller übrigen Kräfte, und es ist ein Hauptverdienst der Spinozischen Auffassung, in der fraglichen Art von Consequenz zwischen beiden Gebieten keinen ursprünglichen Unterschied vorauszusetzen (Kritische Geschichte der Philosophie, Dritte Auflage, Leipzig, 1878, стр. 308).

[2]) См. Handbuch der Physiologie des Menschen, Zweiter Band, Coblenz, 1840, стр. 543—549: Lehrsätze von Spinoza über die Statik der Gemüthsbewegungen; ср. стр. 550 и 551. Объ отношеніи Р. Авенаріуса къ Спинозѣ см. стр. 97 книги Д. В. Викторова: Эмпиріокритицизмъ, или философія чистаго опыта (Москва, 1909).

мости. Проблема эта еще не ставилась пантометрически. Декартъ еще не рѣшался на тотъ шагъ, который значительно позже, только въ XIX столѣтіи сдѣлалъ Фехнеръ. Онъ считалъ человѣческія силы просто недостаточными для того, чтобы сразу и отчетливо, научно и математически, уяснить какъ различіе, такъ и связь души и тѣла. Ему казалось даже, что эта проблема яснѣе для насъ, когда мы совсѣмъ о ней не размышляемъ [1]). Когда же онъ пытался отнестись къ ней болѣе серьезно [2]) и методически, онъ не получалъ строго научныхъ результатовъ. Его собственное рѣшеніе проблемы, именно ученіе о Богѣ, какъ соединителѣ души и тѣла, и о чудѣ, какъ соединеніи, очевидно не рѣшало ся и только показывало, до какой степени она трудна; какъ выразился одинъ изслѣдователь [3]), Декартъ въ данномъ случаѣ не разрубалъ узла, а, напротивъ, чрезвычайно туго его завязывалъ. Не рѣшалъ проблемы и Лейбницъ съ его всетаки полуметафизическою „предустановленною" гармоніею между аналогичными двумъ парамъ часовъ [4]) душою и тѣломъ.

Стремленіе, какъ выражался еще Хр. Вольфъ [5]), „философствовать о душѣ такимъ же образомъ, какимъ до тѣхъ поръ въ физикѣ философствовали о тѣлесныхъ вещахъ", и подражать астрономіи въ психологіи [6]), въ связи съ интуитивным, воззрительнымъ характеромъ методологіи XVII вѣка естественно вело къ тому, что для души и ея движеній искали образы, аналогичные геометрическимъ. Какъ упоминалось выше (см. стр. 334), Декартъ и Спиноза пользовались понятіемъ res для обозначенія душевныхъ состояній. Та душа, о которой училъ Спиноза, какъ ее, по крайней мѣрѣ, понималъ Лейбницъ [1]), представляла какъ бы нѣкоторую фигуру или, пользуясь выраженіемъ самого Лейбница, „математическое тѣло". Назвавъ душу человѣка, „такъ сказать, опредѣленнымъ количествомъ" [2]), Мальбраншъ уподобилъ отношеніе мысли къ душѣ отношенію протяженія къ тѣлу [3]). Если, какъ училъ онъ же, всѣ истины сводятся къ отношеніямъ (см. выше, стр. 339) и если эти отношенія, въ согласіи съ общимъ духомъ методологіи XVII вѣка, понимались интуитивно и геометрически, то вполнѣ естественно было стремленіе новаторовъ этого вѣка мыслить въ видѣ геометрическихъ образовъ не только физическія отношенія между косными тѣлами, но также психическія отношенія между одушевленными существами и даже моральныя отношенія между свободными лицами.

Сообразно съ этимъ пантометрія распространяется и на моральный міръ; появляется, какъ выражается Э. Вейгель [4]), „этометрія". Подробная характеристика ея цѣлей, средствъ и результатовъ, по плану настоящаго изслѣдованія (см. выше, стр. 3), относится къ его третьей части. И поэтому мы пока ограничимся только предварительными замѣчаніями методологическаго характера. Намъ здѣсь придется главнымъ образомъ отмѣтить то, что обществовѣды XVII вѣка дѣй-

---

[1]) См. его письмо къ Елисаветѣ Пфальцкой отъ 18 іюня 1643 г. (Oeuvres, Cousin, IX, 131).

[2]) J'ai quasi peur que votre altesse ne pense que je ne parle pas ici sérieusement, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ (тамъ же).

[3]) A. Koch, Die Psychologie Descartes', München, 1881, стр. 83.

[4]) См. это сравненіе со ссылкою на опыты Гюйгенса въ письмѣ отъ 3 января 1696 г. (Gerhardt, IV, 498; ср. тамъ же, стр. 500 и 520).

[5]) См. F. A. Carus, Geschichte der Psychologie, Leipzig, 1808, стр. 559.

[6]) Imitatur... Psychologus Astronomum (Psychologia rationalis methodo scientifico pertractata, § 5).

[1]) См. выше, стр. 247.

[2]) L'âme de l'homme est pour ainsi dire une quantité déterminée (Recherche de la vérité, L. VI, Partie I, Ch. V, Oeuvres, IV, 294).

[3]) Тамъ же: la pensée est à l'âme ce que l'étendue est au corps.

[4]) Idea Matheseos Universae, Jena, 1669, стр. 92.

ствительно и не на шутку были озабочены проблемою соціальной физики, какъ дисциплины естественнонаучнаго характера. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что съ такой точки зрѣнія, какъ она ни естественна, какъ она ни напрашивается сама собою, можно сказать, никто изъ историковъ идей не подвергъ систематическому разсмотрѣнію того, что сдѣлали и что хотѣли сдѣлать обществовѣды XVII вѣка. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователямъ приходится считаться съ этою точкою зрѣнія, она обыкновенно вытѣсняется иными. Вильгельмъ Дильтей со свойственною ему проницательностью почти подошелъ къ такой именно постановкѣ нашей исторической проблемы въ статьѣ Das natürliche System der Geisteswissenschaften im siebzehnten Jahrhundert (Archiv für Geschichte der Philosophie, Band V, 1892, стр. 480 и слѣд.). Однако и онъ не только не вступилъ in medias res, но даже отвернулся отъ настоящей проблемы. Вызывается этотъ тѣмъ, что онъ, во-первыхъ, черезчуръ увлекся связью гуманитарныхъ наукъ XVII вѣка съ тогдашнею общественною средою: система этихъ наукъ, увѣряетъ онъ, „представляла какъ естественную теологію и какъ естественное право идеи и состояніе Европы приблизительно въ третьемъ десятилѣтіи XVII столѣтія" (стр. 480); а, во-вторыхъ, сведя факторы, вліявшіе на эти науки въ этомъ столѣтіи, къ религіознымъ идеямъ, римской стоѣ и новому естествознанію, онъ сосредоточился на второмъ, т. е. на стоическихъ идеяхъ римскаго происхожденія (стр. 484), и усмотрѣлъ силу, объединявшую духовныя стремленія эпохи, въ ея религіозныхъ и политическихъ потребностяхъ (тамъ же). Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ такой постановки вопроса Дильтей занимается не проблемою соціальной физики въ XVII столѣтіи, а религіозными и филологическими разсужденіями главнымъ образомъ голландскихъ гуманистовъ этого столѣтія [1]).

---

[1]) Нѣсколько ближе къ занимающему насъ кругу проблемъ

Подобнымъ же образомъ покойный В. Г. Камбуровъ въ своей книгѣ „Идея государства у Гоббза" (Кіевъ, 1906) отклоняется отъ изслѣдованія проблемы соціальной физики у автора De corpore благодаря тому, что онъ по преимуществу сосредоточился на связи его философіи съ древнегреческимъ эпикурействомъ [1]). Авторъ другой русской монографіи о Гоббесѣ В. Вальденбергъ [2]), характеризуя историческое значеніе этого мыслителя, совершенно игнорируетъ то обстоятельство, что онъ дышалъ атмосферою XVII вѣка съ его новымъ естествознаніемъ [3]). Если къ этому присоединить, что во второмъ томѣ капитальной „Исторіи политическихъ ученій" Б. Н. Чичерина Гоббесъ, также какъ и другіе новаторы XVII вѣка, разсматривается совершенно абстрактно, какъ представитель односторонне „общежительнаго" ученія, внѣ связи съ его умственною средою, и, значитъ, съ происшедшимъ въ физикѣ XVII вѣка переворотомъ, то и окажется, что при всемъ интересѣ, который идеи Гоббеса возбуждали въ русскихъ ученыхъ, онѣ все же не нашли у нихъ оцѣнки со стороны ихъ чисто физическихъ притязаній, т. е., того, что для самого Гоббеса было наиболѣе существеннымъ. Не лучше относится къ Гоббесу и западноевропейская литература [4]). Въ авторѣ „Левіаѳана" ее больше интересуетъ теоретикъ политическаго абсолютизма, чѣмъ соціальный физикъ. Даже извѣстный знатокъ Гоббеса Тённіесъ не только не выдвигаетъ на первый планъ вліянія физическихъ идей

докладъ Дильтея Die Funktion der Antropologie in der Kultur des 16 und 17. Jahrhunderts (см. Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften; 1904, I, стр. 316 и слѣд.).

[1]) См рецензію автора настоящаго изслѣдованія въ Юридической Библіографіи (№ 5, апрѣль 1908 г.).

[2]) Законъ и право въ философіи Гоббеса, С.-Петербургъ, 1900.

[3]) См. стр. 262 и слѣд.

[4]) Ср., напримѣръ, ниже, въ X части настоящей главы мнѣніе Л. Гумпловича о Гоббесѣ.

XVII столѣтія на соціологію этого философа, но, напротивъ, утверждаетъ, что она въ своихъ основныхъ чертахъ сложилась до этого вліянія и помимо него [1]). Гоббесъ жилъ и мыслилъ какъ бы внѣ общества [2]); онъ былъ весьма далекъ отъ монархическихъ публицистовъ своего времени, учившихъ a Deo rex, a rege lex, и производившихъ монарховъ отъ короля Адама и императора Ноя, какъ иронически выразился Руссо [3]); ему приходилось спасаться не только отъ республиканскаго Лондона въ монархическій Парижъ, но и отъ монархическаго Парижа въ мятежный Лондонъ [4]). И тѣмъ не менѣе его по большей части то превозносятъ, то осуждаютъ за то, что онъ будто бы оправдывалъ то, что онъ просто объяснялъ, именно фактъ существованія абсолютной власти. Такъ впрочемъ относились къ Гоббесу и его современники. И вслѣдствіе этого, какъ констатировалъ еще Лейбницъ, очень немногіе дѣйствительно понимали его [5]). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, считать настоящимъ пониманіемъ Гоббеса то сравненіе его съ Калигулою, которымъ отдѣлывается Руссо? [6]).

Для того, чтобы понять основную идею, „идею - мать", какъ любилъ выражаться О. Контъ, соціальной философіи

---

[1]) См. стр. 428 его статьи Anmerkungen über die Philosophie des Hobbes (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1880).

[2]) Vivebat, sapiebatque sibi quasi extra societatem constitutus, писалъ о немъ Моргофъ (Polyhistor, II, 117).

[3]) Du contrat social, L. I, Ch. II.

[4]) Въ началѣ 1652 г. одинъ англійскій роялистъ писалъ другому, что „всѣ порядочные люди, почитатели монархіи, очень довольны, что, наконецъ, король изгналъ изъ своего двора этого отца атеистовъ, мистера Гоббеса" (см. F. Tönnies, Hobbes Leben und Lehre, Stuttgart, 1896, стр. 44).

[5]) Лейбницъ писалъ въ 1709 г.: Hobbium, fateor, pauci intelligunt, nec ipse tam est pro absoluta potestate, quam putatur (Gerhardt, VII, 487).

[6]) Du contrat social. L. I, Chap. II.

какъ Гоббеса, такъ и другихъ обществовѣдовъ XVII вѣка, необходимо постоянно имѣть въ виду ихъ желаніе построить физику человѣческаго общежитія, поставить обществовѣдѣніе на уровень новаго естествовѣдѣнія. Обозрѣвая разныя науки, одинъ упоминавшійся уже выше [1]) ученый конца XVII вѣка Шуппе писалъ: omnes artes Mechanicae quotidie excoluntur, artes vero liberales sunt veluti statuae idololatricae, quae adorantur non promoventur. Plus ultra, o Philosophi, plus ultra [2]). Этотъ призывъ plus ultra, раздававшійся даже со стороны противниковъ новаго міровоззрѣнія [3]), тѣмъ естественнѣе раздавался со стороны столповъ новаго естествознанія, вполнѣ естественно ожидавшихъ, что обществовѣды станутъ подражать имъ въ своей спеціальной области: такъ, напримѣръ, Ньютонъ ожидалъ, что моральная философія поставитъ ученіе объ обязанностяхъ на методологическую высоту физической философіи [4]); Маріоттъ жаловался на гибельныя практическія послѣдствія плохой политики и плохой морали и предлагалъ брать примѣръ съ хорошей физики [5]).

---

[1]) Стр. 145 примѣч. 1.

[2]) Iohann Balthasar Schuppen sämtliche lehrreiche Schriften, Frankfurt am Mayn, 1701, часть II, стр. 90.

[3]) См., напримѣръ, у Моргофа: doctrina de moribus negligentius est exculta (Polyhistor, II, 482; см. на стр. 491, 504 и 557 его замѣчанія о положеніи политики, экономики и юриспруденціи).

[4]) Quod si Philosophia Naturalis... tandem aliquando ab omni parte absoluta erit facta atque perfecta Scientia; utique futurum erit, ut et Philosophiae Moralis fines itidem proferantur. Nam quatenus ex Philosophia naturali intelligere possimus, quaenam sit prima rerum Causa, et quam potestatem et jus ea in nos habeat, et quae beneficia ei accepta sint referenda; eatenus Officium nostrum erga eam, aeque ac erga nosmetipsos invicem, quid sit, per Lumen Naturae innotescet (Optice, Londini, 1706, стр. 348).

[5]) Combien de fois a-t-on vû des Curieux trompez par les impostures des Astrologues et des Chimistes? La plupart des Médecins prévenus d'une mauvaise Physique, en tirent plusieurs conséquences pernicieuses à notre santé et à notre vie; et les Etats les

Этотъ же призывъ раздавался и среди обществовѣдовъ XVII вѣка, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были увлечены новаторскимъ духомъ эпохи. И слѣдуя ему, они, по своему крайнему разумѣнію, работали надъ осуществленіемъ проблемы соціальной физики, такой науки о человѣческомъ общежитіи, корнемъ которой являлась бы наука о физической природѣ [1]).

И вотъ та моральная пантометрія, или этометрія, о которой мы упомянули, должна была служить этой проблемѣ. Обществовѣды XVII вѣка начинаютъ тщательно измѣрять всевозможныя отношенія между людьми. Отъ юриспруденціи требуютъ, чтобы она соизмѣряла права и обязанности, преступленія и наказанія [2]) съ точностью геометріи. Вейгель для этой цѣли предлагаетъ отмѣчать градусы и минуты на циферблатѣ права [3]) и въ видѣ примѣра ссылается на Corpus juris civilis, въ которомъ, по его утвержденію, не наберется и ста титуловъ, лишенныхъ пантометрическаго характера [4]). Какъ у него, такъ и у Лейбница римское право оказывается не просто историческимъ памятникомъ средневѣковой схоластики или римской словесности — inutile ramas de gothique

plus florisans sont souvent renversez par une fausse Politique, et par une Morale mal fondée (Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1717, стр. 611).

[1]) См. Декартову классификацію наукъ въ предисловіи къ Principia Philosophiae. Клаубергъ писалъ въ своихъ Disputationes physicae: Physica... Jurisprudentiae radix ac fundamentum... Veram Jurisprudentiam in morali doctrina, doctrinam moralem... in Physica... radicari ac fundari (Opera, Amstelodami, 1691, стр. 53).

[2]) См. L. Günther, Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts. Abteilung II, Erlangen, 1891, стр. 92.

[3]) Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit, Jena, 1674, стр. 126 и 130.

[4]) Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica e Syntagmate illustris viri Dn. G. A. Struvii, 1669, см. предисловіе.

écriture, какъ увѣрялъ Буало [1]), poema quoddam, какъ писалъ Вико о древнѣйшемъ правѣ римлянъ [2]), — а своего рода геометріею римскаго общежитія, если даже не общежитія вообще.

Doctor utriusque juris, Лейбницъ, какъ онъ самъ выражался, былъ очарованъ математическими сиренами [3]) и увлеченъ ими въ новый міръ. Но это вовсе не значитъ, что онъ пересталъ думать о правѣ. Какъ совершенно правильно замѣтилъ Гинрихсъ [4]), онъ въ теченіе всей своей жизни не упускалъ изъ виду права и неоднократно предпринималъ его новую разработку. Цѣль, которую онъ при этомъ преслѣдовалъ, входила въ составъ болѣе общей и широкой задачи — установленія возможно большей гармоніи между царствомъ природы и царствомъ благодати, какъ онъ выражался [5]), т. е., физическимъ и моральнымъ міромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что въ новой философіи можно найти много полезнаго для юристовъ, которымъ вслѣдствіе этого пора уже оставить свое пренебрежительное отношеніе къ философіи вообще: proderit autem hujus, quod nunc molior, consideratio ad demendum apud Juri deditos contemtum Philosophiae, si videant... plurima sui juris loca sine hujus ductu inextricabilem labyrinthum fore, писалъ онъ [6]). Не довольствуясь узостью и односторонностью традиціонной юриспруденціи, равнодушной, какъ съ какою-то гордостью заявлялъ Куяцій, ко всему тому, что не относилось непосредственно къ пре-

[1]) См. его шуточную поэму Le lutrin.

[2]) Opera, III, 147.

[3]) Cum a sacrorum Canonum et divini humanique juris severioribus studiis ad mathematicas disciplinas animi causa divertissem, gustata semel dulcedine doctrinae pellacis prope ad Sirenum scopulos obhaesi (Schriften, Gerhardt, VII, 323).

[4]) Geschichte der Rechts-und Staatsprincipien seit der Reformation bis auf die Gegenwart. Dritter Band, Leipzig, 1852, стр. 58.

[5]) См., напримѣръ, Gerhardt VI, 605, 622, VII, 344.

[6]) Specimen difficultatis in jure (Dutens, IV, III, 68).

торскому эдикту, признававшей jus, jus, et nihil plus, и имѣя передъ собою примѣръ хотя бы Гуго Гроція, стремившагося, правда не особенно удачно, разсуждать о правѣ, sicut Mathematici figuras a corporibus semotas considerant [1]), Лейбницъ находилъ возможнымъ и необходимымъ превращеніе правовѣдѣнія въ науку геометрическаго типа. Ему казалось что можно, во-первыхъ, свести обширнѣйшій океанъ права къ небольшому числу раціональныхъ элементовъ [2]), и, во-вторыхъ, свести эти элементы къ воззрительнымъ, геометрическимъ, точно измѣримымъ отношеніямъ. Съ этою цѣлью онъ чертилъ всякаго рода графическія схемы юридическихъ и моральныхъ отношеній между людьми. Въ Specimen difficultatis in jure онъ съ помощью чертежа рѣшаетъ или, вѣрнѣе, иллюстрируетъ одинъ юридическій вопросъ, cujus ratio ex Geometria simul et Statica haurienda est [3]), даетъ физическую аналогію собственности [4]) и т. д. Въ одномъ отрывкѣ, приведенномъ у Кутюра [5]), онъ прибѣгаетъ къ цѣлой системѣ круговъ для опредѣленія справедливости. Въ такого рода занятіяхъ отъ него не отставалъ Пуффендорфъ, заимствовавшій у Э. Вейгеля мысль о моральной „сферѣ" и чертившій круги человѣческихъ поступковъ ad analogiam systematis Copernicaei [6]).

Однимъ правовѣдѣніемъ далеко еще не ограничивается область соціальной пантометріи, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Всѣ стороны человѣческаго общежитія подлежатъ ея

---

[1]) De jure belli ac pacis, Prolegomena, 58.

[2]) Amplissimum Juris Oceanum ad paucos revocare fontes limpidos rectae rationis (Dutens, V, 118).

[3]) Quaestio III, Dutens, IV, III, 73.

[4]) Quaestio IV: elegans inter possessionem et positionem seu situm corporum in loco Analogia (стр. 75).

[5]) La logique de Leibniz, 436.

[6]) См. Elementorum jurisprudentiae universalis libri II Appendice de Sphaera morali aucti, Jenae, 1669, стр. 515; ср. ниже, въ XI главѣ, сказанное о вліяніи Вейгеля на Пуффендорфа.

вѣдѣнію: in societate inter homines nihil fere agitur quod a numerorum et mensurae scientia non dependeat, увѣрялъ Кумберландъ [1]). Гдѣ общество, тамъ и извѣстный порядокъ: societas sive ordo, выражался поэтому Лейбницъ [2]). А гдѣ порядокъ, тамъ, значитъ, равновѣсіе и отношеніе между извѣстными элементами, напоминающее равновѣсіе и отношеніе элементовъ физическаго міра, т. е, нѣчто геометрическое — nam quod physicae debemus, id debet physica... geometriae [3]). Разлагая общество, какъ механизмъ, разбираясь въ немъ sicut in horologio automato aliave machina paulo implicatiore [4]), обществовѣды XVII вѣка получали людей въ „естественномъ" состояніи. И отношеніе между ними понималось по аналогіи съ притяженіемъ и отталкиваніемъ. Такое пониманіе естественнаго состоянія людей не исчезло еще и въ XVIII столѣтіи, какъ не исчезло тогда и вызвавшее его воззрѣніе на міръ какъ на равновѣсіе силъ [5]). Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ „Общественнаго договора" Руссо говорится о центробѣжной силѣ обществъ, дѣйствующей подобно вихрямъ Декарта [6]).

Отношеніе общества къ правительству понималось въ XVII вѣкѣ механически и пантометрически. Особенно отчетливо это замѣтно у Гаррингтона съ его теоріею равно-

---

[1]) De legibus naturae, Editio tertia, Lubecae et Francofurti, 1694, стр. 228.

[2]) См. Couturat, La logique de Leibniz, стр. 126.

[3]) Гоббесъ въ предисловіи къ De cive (Opera, II, 136).

[4]) Тамъ же, 145.

[5]) Notre univers n'est qu'une grande balance, объяснялъ Кондильякъ (Oeuvres, 1822, VI, 158).

[6]) L. II, Ch. IX: tous les peuples ont une espèce de force centrifuge, par laquelle ils agissent continuellement les uns contre les autres,... comme les tourbillons de Descartes. Ср. H. Michel, L'idée de l'état, troisième édition, Paris, 1898, стр. 67.

вѣсія между собственностью и властью [1]) и ихъ естественнымъ взаимодѣйствіемъ, которое издатели его сочиненій уподобляли механизму кровообращенія [2]).

Отношеніе между отдѣльными органами и учрежденіями въ государствѣ тоже измѣряется въ XVII столѣтіи какъ нѣчто механическое. И въ своемъ „Политическомъ трактатѣ" Спиноза задолго до Монтескье и его знаменитой теоріи соотношенія „силъ" (puissances), законодательной, исполнительной и судебной, далъ своеобразную теорію политическихъ противовѣсовъ. Взглядъ на государственныя учрежденія какъ на механическую систему былъ такъ распространенъ еще и въ XVIII вѣкѣ, что, напримѣръ, Гельвецій, критикуя въ письмѣ къ Монтескье его „Духъ законовъ", осуждаетъ его замысловатые автоматическіе противовѣсы—но не потому, что онъ осуждаетъ взглядъ на государство какъ на машину, а потому, что онъ предлагаетъ болѣе простую машину [3]). Изъ

---

[1]) Эту теорію очень удачно резюмируетъ А. Франкъ: le système politique et social de Harrington repose tout entier sur ces deux propositions: 1) que la propriété est la balance du pouvoir, c'est-à-dire que le pouvoir ne peut durer et s'exercer régulièrement que s'il s'étend dans la même mesure que la propriété; 2) que pour empêcher un homme, une caste, une classe de s'emparer du pouvoir absolu, il faut réduire le droit de propriété et équilibrer de telle façon les fortunes que les richesses de quelques-uns ne l'emportent pas sur la richesse publique (Ad. Franck, Réformateurs et publicistes de l'Europe. Dix-septième siècle, 1881, стр. 246).

[2]) См. Aphorismes politiques de J. Harrington, traduits de l'anglais, à Paris, l'an III, стр. 30.

[3]) Je crois cependant à la possibilité d'un bon gouvernement où, la liberté et la proprieté du peuple respectée, on verroit l'intérêt général résulter, sans toutes vos balances, de l'intérêt particulier. Ce seroit une machine simple, dont les ressorts, aisés à diriger, n'exigeroient pas ce grand appareil de rouages et de contrepoids si difficiles à remonter (Oeuvres, Paris, 1795—6, томъ XIV, стр. 70).

области теоріи геометрическій духъ проникъ также и въ практическую администрацію; отголоскомъ его еще въ XVIII вѣкѣ было, напримѣръ, введенное французскою революціею и сохраняющееся донынѣ административное дѣленіе родины Декарта и Паскаля на „департаменты" и „округленія" (arrondissements).

Не только отношенія между людьми и учрежденіями въ государствѣ, но также и отношенія между отдѣльными государствами разсматриваются въ XVII столѣтіи какъ равновѣсіе политическихъ силъ, какъ своего рода механическое равновѣсіе, могущее быть точно измѣреннымъ. Ученые XVII вѣка, даже и не особенно увлеченные новымъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки, уже не довольствуются, какъ это дѣлали еще гуманисты, морализированіемъ и декламаціею по поводу войны и міра [1]) Они предпочитаютъ понять сущность этихъ состояній и понять по возможности механически. Эта теоретическая потребность перешла и въ міръ практики. Въ дипломатіи и междугосударственныхъ конъюнктурахъ XVII вѣка замѣтно выступаетъ идея политическаго равновѣсія, идея системы государствъ, причемъ каждое суверенное государство и правительство именуется механически силою, puissance [2]).

Въ связи съ этимъ и политика меркантилизма пріобрѣ-

---

[1]) См., напр., Gabrielis Naudaei Parisini Bibliographia politica, Lugd. Batav. 1642, стр. 127: Quod vero ad pacem et bellum spectat, non hic Erasmi aut aliorum declamationes laudabo, utpote Scholae magis convenientes, quam Aulae et prudentum consilio.

[2]) A dater du seizième siècle, on a été naturellement amené, afin d'accomoder le langage aux idées, à se servir du terme de puissance pour désigner tout à la fois, dans l'ordre des rapports internationaux, les nations gouvernées en qui effectivement les forces résident, et les princes ou les gouvernements qui en disposent (M. Cournot, Considération sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes, Tome I, Paris, 1872, стр. 221).

тала также механическій смыслъ. Деньги, представлявшія до того времени для теоретиковъ или нумизматическій интересъ или поводъ для моральнаго назиданія [1]), получили въ XVII вѣкѣ физическій смыслъ кровяныхъ шариковъ, поддерживающихъ механизмъ жизни въ государственномъ тѣлѣ, получили смыслъ „публичной крови", какъ выражался Гоббесъ [2]). Сообразно съ этою теоріею выходило, что, теряя деньги, государство истекало кровью, становилось малокровнымъ, пріобрѣтая деньги, оно пріобрѣтало полнокровіе. И вотъ, въ полномъ согласіи съ такимъ пониманіемъ, меркантильная политика представляла заботу о денежномъ полнокровіи государственнаго тѣла.

Здѣсь, кстати, умѣстно будетъ упомянуть, что благодаря новому физическому міровоззрѣнію и, въ частности, пантометрической идеѣ экономика, пренебрегавшаяся до того времени – въ чемъ Лейбницъ видѣлъ даже гибель Германіи [3]),—получила новую жизнь и притомъ чисто теоретическую. Съ одной стороны обнаружилась, пользуясь однимъ

---

[1]) Moneta производилась отъ monere; еще въ концѣ XVI вѣка Киріакъ Шпангенбергъ усматривалъ въ деньгахъ не болѣе какъ нравственно-назидательный символъ (см. W. Roscher, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, München, 1874, стр. 168).

[2]) Leviathan, Cap. XXIV, Opera, III, 189. До Гоббеса сравнивалъ денежное обращеніе съ кровообращеніемъ итальянецъ Даванцати (см. Fr. Hoffmann, Kritische Dogmengeschichte der Geldwerttheorien, Leipzig, 1907, стр. 17).

[3]) См. Otium Hanoveranum, sive Miscellanea ex ore et schedis illustris viri, G. G. Leibnitii (Lipsiae, 1718), стр. 1: sed ego ita dudum statui, rem Oeconomicam esse multo maximam civilis scientiae partem, ejusque ignoratione aut neglectu Germaniam perire. Еще Моргофъ жаловался: estque sane dolendum, adeo jacere hanc partem, et frigide tractari, quae tamen fundamentum sternit omni Reipublicae et nervum rerum gerendarum suppeditat (Polyhistor, II, 504).

выраженіемъ Курно [1]), „кинематика цѣнностей", обнаружилась механика денежнаго обращенія, выясненіемъ котораго не случайно интересовались и такіе астрономы, какъ еще Коперникъ [2]) и Ньютонъ. Съ другой стороны оцѣнили деньги какъ „алфавитъ обмѣна", пользуясь однимъ выраженіемъ Воловскаго, какъ универсальное мѣрило всѣхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ экономическаго оборота [3]).

Движеніе населенія какъ въ отдѣльныхъ городахъ, такъ и въ цѣлыхъ странахъ разсматривается въ XVII сто-

---

[1]) Traité de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire, Tome second, Paris, 1861, стр. 263.

[2]) Впрочемъ его трактатъ Monetae cudendae ratio посвященъ главнымъ образомъ практическому вопросу, именно, борьбѣ съ порчею монеты, этою, какъ онъ выражается, чумою государствъ (см. Traité de la monnoie de Copernic, publié par M. L. Wolowski, Paris, 1864, стр. 48).

[3]) Christoph. Besoldus, Vitae et mortis consideratio Politica, Argentorati, 1641, стр. 6: Numus per se non parit fructum; sed mediante numo, comparare possum res quae fructum vel pariunt, vel parere queunt. Пуффендорфъ, De jure naturae et gentium, Lib. V, Cap. I, § 15: Nummus... mensura pretii aliarum rerum. Спиноза, Ethica, IV, Appendix, Cap. XXVIII: Verum omnium rerum compendium pecunia attulit. Лейбницъ: Pecunia est materia pretii noti apta ad aliarum rerum pretia, ad exiguas usque partes, mensuranda (Opuscules et fragments inédits de Leibniz, par L. Couturat, Paris, 1903, стр. 469). Конрингъ, De commerciis et mercatura, XII (Opera, IV, Brunsvigae, 1730, стр. 852): Nummus est medium generale, quo res permutandas per se et sua natura in aequales metimur, eique debitam aequalitatem impartimur. Онъ же, De re nummaria in republica quavis recte constituenda (тамъ же, стр. 732): Verus perfectusque nummus is demum est, qui potest esse omnia. Э. Вейгель, Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit von Personen und Sachen Worauf das gemeine Wesen bestehet, Nach der Pythagoreischen Creutz-Zahl in lauter tetractysche Glieder eingetheilet, Iena, 1674, стр. 133; глава XVIII этой книги, озаглавленная Von der Geltung und dem Werth, содержитъ implicite едва ли не всѣ теоріи цѣнности нашей современности.

лѣтіи какъ физикоматематическая проблема. Математическая статистика зарождается въ тѣсномъ взаимодѣйствіи со знаменитымъ лондонскимъ королевскимъ обществомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка капитанъ Джонъ Граунтъ посвящаетъ этому обществу, или, какъ онъ его называетъ, „парламенту природы" [1]), свои „естественно-политическія наблюденія" надъ движеніемъ населенія въ Лондонѣ, за которыя эта ученая коллегія включаетъ его въ составъ своихъ членовъ. Дѣло, начатое Граунтомъ, этимъ, какъ назвалъ его Зюссмильхъ, Колумбомъ государственныхъ наукъ, открывшимъ порядокъ и закономѣрность человѣческаго общежитія, продолжалъ въ своихъ „Опытахъ политической ариѳметики" его другъ и одинъ изъ основателей королевскаго общества Петти. Вслѣдъ за нимъ математическою статистикою занимается астрономъ Галлей, изучавшій извѣстную комету его имени. Въ Германіи математическою статистикою занимается Каспаръ Нейманнъ, учившійся въ Іенскомъ университетѣ, между прочимъ математикѣ и философіи, значитъ, слушавшій Эргарда Вейгеля. Пользуясь пріемами наукъ, производящихъ изслѣдованія in regno naturae [2]), онъ обработалъ математически результаты записей случаевъ рожденія и смерти въ церковныхъ книгахъ главнымъ образомъ Бреславля. При посредствѣ Лейбница, который очень заинтересовался его работою, его изслѣдованіе было сообщено лондонскому королевскому обществу [3]) и использовано Галлеемъ.

Чтобы сообщить всей этой моральной и соціальной пантометріи, или этометріи, бо́льшую наглядность и конкретность, новаторы XVII вѣка заимствуютъ у схоластики и, примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, совершенно видоизмѣняютъ

[1]) См. V. John, Geschichte der Statistik, Erster Teil, Stuttgart, 1884, стр, 171.

[2]) См. John, 211.

[3]) John, 215.

понятіе моральнаго существа или „существа разума" (ens rationis).

„Существа разума"—это воплощенныя понятія, это созданія человѣческаго ума, человѣческой мысли [1]), только въ качествѣ таковыхъ имѣющія реальное бытіе. Такія существа въ средніе вѣка благодаря схоластическому „реализму" были превращены изъ порожденій человѣческаго ума въ самостоятельныя иностаси, имѣющія даже болѣе или менѣе сильную власть надъ умомъ—явленіе вообще довольно обычное въ исторіи человѣческой мысли:

Am Ende hängen wir doch ab
Von Kreaturen, die wir machten.

Подобно легендарному скульптору Пигмаліону, который палъ ницъ предъ своимъ же собственнымъ твореніемъ, схоластики слишкомъ часто забывали происхожденіе отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія тѣхъ отвлеченныхъ понятій, которымъ они отдавались въ добровольное рабство и въ самобытное существованіе которыхъ они такъ догматически вѣрили: fingunt simul creduntque.

Въ такомъ положеніи застали „существа разума" новаторы XVII вѣка. Они были слишкомъ позитивно и реалистически настроены, чтобы помимо реальнаго міра, окружающаго насъ, вѣрить еще въ реальность особаго терминологическаго міра, созданнаго нашимъ умомъ. И сообразно съ этимъ они отказываются отъ вѣры въ объективное, самодовлѣющее бытіе всевозможныхъ „тѣлъ", „субстанцій" и „существъ" схоластики. Всѣ эти существа или оказываются только обезьянами существъ, имѣющихъ дѣйствительное бытіе въ реальномъ мірѣ [2]), или выражаютъ не болѣе

[1]) Какъ объяснилъ Шовенъ, ens rationis generatim dicitur id, quod pendet a mente (Lexicon philosophicum, 218).

[2]) Ens rationis Entis realis simia appellatur, писалъ Клаубергъ (Metaphysica de Ente, III, 39, Opera, 1691, стр. 289).

какъ отношеніе между реальными существами. Такъ, напримѣръ, объяснялъ Спиноза въ „Короткомъ трактатѣ", цѣлое и части – это не самостоятельныя существа; и поэтому въ природѣ нѣтъ ни цѣлаго ни частей [1]). Лейбницъ, какъ упоминалось выше (на стр. 254), опровергалъ взглядъ на пространство какъ на какое-то тѣло и подчеркивалъ его характеръ отношенія между предметами. Схоластическія злоупотребленія „существами разума" были еще такъ свѣжи въ памяти новаторовъ XVII вѣка, что нѣкоторые изъ нихъ ни на какихъ условіяхъ не соглашались признавать ихъ. Особенно рѣшительно боролся съ ними Спиноза. Онъ отвергаетъ дѣленіе существъ на существа реальныя и существа разума; дѣленіе это, говоритъ онъ, приличествуетъ только такимъ философамъ, которые судятъ не о словахъ по вещамъ, а, напротивъ, о вещахъ по словамъ [2]). Три категоріи существъ не имѣютъ реальнаго бытія – химеры, фиктивныя существа и существа разума [3]); послѣднія Спиноза превращаетъ изъ самостоятельныхъ существъ въ особые пріемы или „модусы" нашей мысли: **Ens Rationis nihil est praeter modum cogitandi** [4]).

---

[1]) Часть I, гл. II, стр. 13 второго изданія нѣмецкаго перевода Schaarschmidt'a. Ср. Epist. XXI: dico igitur primo, Privationem non esse privandi actum, sed tantum simplicem et meram carentiam, quae in se nihil est: est quippe Ens Rationis tantum, vel modus cogitandi, quem formamus, quum res invicem comparamus (Opera, II, 277).

[2]) Facile videre est quam inepta sit illa divisio, qua dividitur Ens in ens Reale et ens Rationis... Attamen non miror, Philosophos verbales sive grammaticales in similes errores incidere: res enim ex nominibus judicant, non autem nomina ex rebus (Cogitata metaphysica, I, I, Opera, III, 193).

[3]) Тамъ же, 192: sequitur, quod Chimaera, Ens fictum, et Ens Rationis nullo modo ad entia revocari possint.

[4]) Тамъ же.

Несмотря на такое недовѣріе къ „существамъ разума" вопросъ о томъ, быть или не быть имъ, многими новаторами XVII вѣка рѣшался въ утвердительномъ смыслѣ. Потребность въ нихъ возникла главнымъ образомъ по отношенію къ моральному міру. И это вполнѣ понятно: если и этотъ міръ долженъ былъ перестроиться сообразно съ новымъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки, то новаторамъ надлежало представить себѣ все его содержаніе по аналогіи съ содержаніемъ физики, т. е. воззрительно, наглядно, какъ нѣчто пространственное или аналогичное пространственнымъ фигурамъ и тѣламъ. Обновленная физика могла обойтись и безъ химеръ, и безъ фиктивныхъ существъ, и безъ существъ разума: она могла вполнѣ довольствоваться видимыми фигурами и тѣлами. Но какъ же быть обновленной этикѣ? Какъ ей раздобыть этическія фигуры и тѣла? Нельзя ли для этого воспользоваться схоластическимъ понятіемъ существъ разума, подобно тому какъ Спиноза воспользовался схоластическимъ же понятіемъ causa sui, разумѣется, передѣлавъ его примѣнительно къ требованіямъ новой науки? Этотъ вопросъ серьезно занималъ моралистовъ и юристовъ XVII вѣка. И не случайно то обстоятельство, что въ числѣ тѣхъ проблемъ философіи права, въ которыхъ Лейбницъ еще юношею считалъ необходимымъ разобраться, не послѣднее мѣсто занималъ также вопросъ о томъ, представляютъ ли юридическія отношенія между людьми **entia realia** или же только **entia rationis** [1]).

Какъ же справились новаторы XVII вѣка съ этими методологическими затрудненіями,—затрудненіями, которыя за-

---

[1]) См. Specimen difficultatis in jure, seu quaestiones philosophicae amoeniores, ex jure collectae, Quaestio XVI: an Entia Moralia v. g. jus, Dominium, Servitus etc. sint Relationes, an aliud quiddam, deinde an Relationes praeciso subjecto et fundamento sint Entia realia an rationis (Dutens, IV, III, 90). Ср. G. Hartmann, Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph, Tübingen, 1892, стр. 8.

ставляютъ и иныхъ обществовѣдовъ нашихъ дней превращать соціальные факты въ какія-то „вещи"? [1]) Путемъ искусственной придачи, путемъ impositio они присоединили къ физическому пространству и физическимъ тѣламъ еще особое моральное пространство и моральныя тѣла, тщательно стараясь, въ отличіе отъ средневѣковыхъ „реалистовъ", не забывать условнаго и чисто методологическаго значенія этихъ фикцій, этого номиналистическаго реализма. Pour mieux entrer dans la nature des choses, il est permis de faire des fictions, писалъ Лейбницъ [2]). Вотъ такого рода фикціями и были моральныя существа новаторовъ XVII вѣка. Какъ объяснялъ Пуффендорфъ, такія существа—это не болѣе какъ модусы физическихъ существъ и движеній, особая ихъ квалификація со стороны разумныхъ существъ, вызываемая потребностями гражданской жизни [3]). Основоположникомъ обновленной теоріи моральныхъ лицъ, для которой античная антиномія „природы" (φύσις) и „установленія" (θέσις) если не устранялась, то смягчалась тѣмъ, что все, относящееся къ установленію (impositio), разсматривалось по образу и подобію природы, былъ забытый нынѣ іенскій профессоръ Вейгель [4]). Популяризаторомъ этой теоріи, сильно поразившей

[1]) Такъ, напримѣръ, Э. Дюркеймъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ основное правило соціологической методы: la première règle et la plus fondamentale est de considérer les faits sociaux comme des choses (см. Les règles de la méthode sociologique, Paris, 1895, стр. 20).

[2]) Mittheilungen aus Leibnizens ungedructen Schriften, von G. Mollat, Leipzig, 1893, стр. 62.

[3]) Commodissime videmur entia moralia posse definire, quod sint modi quidam, rebus aut motibus physicis superadditi ab entibus intelligentibus, ad dirigendam potissimum et temperandam libertatem actuum hominis voluntariorum, et ad ordinem aliquem et decorem vitae humanae conciliandum (De jure naturae et gentium libri octo, Londini Scanorum, 1672, Lib. I, Cap. I, § 3, стр. 3).

[4]) См. въ XI главѣ разборъ его „пантологіи".

его ученика Лейбница [1]), былъ другой ученикъ Вейгеля, именно Пуффендорфъ.

Въ сочиненіи Пуффендорфа Specimen controversiarum circa jus naturale ipsi nuper motarum (Osnabrugi 1678) особая глава (пятая) разбираетъ вопросъ De origine moralitatis et indifferentia motus physici in actione humana [2]). Оказывается, что человѣческіе поступки или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, движенія (motus), совершенно безразличны, если ихъ разсматривать in genere naturae; они безразличны даже и тогда, если ихъ разсматривать in genere morum, безъ какой бы то ни было принципіальной этической оцѣнки, какъ явленія психики, аналогичныя физическимъ явленіямъ [3]). Они пріобрѣтаютъ извѣстный моральный характеръ только въ томъ случаѣ, когда они разсматриваются съ точки зрѣнія какихъ-нибудь нравственныхъ нормъ или законовъ; только тогда, напримѣръ, половое общеніе [4]) пріобрѣтаетъ ту или иную квалификацію.

[1]) Въ Specimen difficultatis in jure Лейбницъ даетъ слѣдующую мастерскую характеристику Вейгелева ученія: et Cimus Weigelius, Prof. Mathematum Ienensis, tria summa genera Entium constituit: Naturale, Morale, et Notionale, atque in singulis iterum Quantitatem seu aestimationem, Qualitatem, et Actionem quaerit. Jura igitur ad qualitates morales reducit, et uti actioni naturali seu motui. Spatium substratum sit, spatium quoddam morale esse Statum, in quo quasi motus moralis exerceatur (Dutens, IV, III, 90). Послѣднія слова какъ нельзя лучше характеризуютъ физическую тенденцію всей теоріи моральныхъ существъ, о которой Б. Н Чичеринъ совсѣмъ напрасно писалъ, что „аналогія съ физическими предметами не имѣетъ здѣсь значенія" (Исторія политическихъ ученій, II, 139).

[2]) См. стр. 124 и слѣд.

[3]) Стр. 127: Hunc igitur motum physicum, seu actionem humanam, quatenus ab omni lege tam naturali quam positiva abstrahit, indifferentem in genere morum pronunciamus, i. e. neque bonam neque malam... Nam manifestam contradictionem implicat dicere, aliquid absque respectu ad legem bonum aut malum esse in genere morum.

[4]) Стр. 128: Concubitus in genere naturae, indifferens est: sed

Такимъ образомъ путемъ человѣческаго установленія, въ отличіе отъ творенія, имѣющаго мѣсто по отношенію къ физическимъ существамъ, получаютъ свое бытіе моральныя существа, бытіе, исключительно зависящее отъ воли и опредѣленія разумныхъ существъ [1]). И такъ какъ съ одной стороны естественныя науки пользовались большимъ вниманіемъ философовъ, а съ другой стороны нашъ умъ, погруженный въ матерію, представляетъ себѣ и нравственныя отношенія по аналогіи съ физическими, то Пуффендорфъ находитъ вполнѣ естественнымъ подводить моральныя существа подъ уровень существъ физическихъ, ad normam entium physicorum [2]).

Для распредѣленія моральныхъ существъ и ихъ отношеній необходимо нѣчто аналогическое физическому пространству. Это нѣчто можетъ представить старое понятіе **status**, взятое въ новомъ смыслѣ. Соціальное понятіе **status**, обозначающее общественное положеніе лицъ, сословій и даже государствъ (для которыхъ оно стало нарицательнымъ именемъ) и перешедшее въ физику, которую оно обогатило производною отъ него „статикою" [3]), становится соціологическою аналогіею физическаго пространства, **spatium** [1]). Эта физическая аналогія распространяется также и на знаменитое **status naturalis**, естественное состояніе человѣка, въ отличіе отъ **status civilis**, его гражданскаго состоянія [2]). Естественное состояніе—это состояніе неопредѣленное, когда отношенія между людьми стихійно регулируются ихъ аффектами, вообще механизмомъ ихъ психики; гражданское же состояніе – это такое состояніе, когда отношенія между людьми опредѣляются извѣстными мо-

---

idem postquam ad legem refertus licitus, bonus aut malus evadit.

[1]) De jure naturae et gentium, L. I, Cap. I, § 4: Uti modus originarius producendi entia physica est creatio; ita modum, quo entia moralia producuntur, vix melius possis exprimere, quam per vocabulum impositionis. Scilicet quia illa non ex principiis intrinsecis substantiae rerum proveniunt, sed rebus jam existentibus et physice perfectis, eorundemque effectibus naturalibus sunt superaddita ex arbitrio entium intelligentium, adeoque unice per eorundem determinationem existentiam nanciscuntur.

[2]) L. I, Cap. § 5: concinnius... visum fuit, ad normam entium physicorum ista quoque moralia in classes redigere. Idque tum quia in illa majori studio inquisivere philosophi, sic ut ex eorundem comparatione hisce multum lucis accedere possit: tum quia vix aliter quam ad analogiam entium physicorum intellectus noster materiae immersus moralia concipere valet.

[3]) У Шовена еще свѣжо въ памяти соціальное происхожденіе понятія status, даже тогда когда онъ употребляетъ его въ приложеніи къ физикѣ. См. Lexicon philosophicum, 631: Status in genere et Metaphysice sumptus est entis in esse debito perseverantia... Status Physice sumptus, seu status corporis ille est, in quo stat, id est, modus ille, quo est: V. g. humiditas est status corporis, quia corpus humidum stare potest. Quemadmodum enim diversi gradus diversos status faciunt in Politica: ita in Physica corpus diversis statibus sensibilibus subesse potest.

[1]) Quemadmodum substantiae physicae velut supponunt spatium, in quo suam quam habent naturalem existentiam ponunt, et motus suos physicos exercent: ita ad harum analogiam etiam personae potissimum morales dicuntur, et intelliguntur esse in Statu; qui itidem iis velut supponitur aut substernitur, ut in eo actiones atque effectus suos exserant. Inde natura status non incongrue exprimi potest, quod sit ens morale suppositivum, ob analogiam, quam habet cum spatio (De jure naturae et gentium, L. I, Cap. I, § 6).

[2]) Тамъ же, § 7: status hominis indeterminate consideratus est vel naturalis, vel adventitius... Solemus statum hominis naturalem considerare vel absolute, vel in ordine ad alios homines... In ordine ad alios homines consideratus naturalis status ille dicitur, prout intelliguntur homines se invicem habere ex nuda illa et universali cognatione, quae ex similitudine naturae resultat, ante factum aliquod aut pactum humanum, quo peculiariter unus alteri redditus fuerit obnoxius. Quo sensu in statu naturali invicem vivere dicuntur, qui neque communem habent dominum, et quorum unus alteri non est subjectus, quique inter se neque beneficio, ne que injuria sunt cogniti. Adventitius autem status est, qui nascentibus, aut jam natis facto aliquo humano supervenit.

ральными, нормативными величинами[1]). Не довольствуясь гражданскимъ состояніемъ вообще, Пуффендорфъ изображаетъ цѣлый рядъ состояній, подлежащихъ моральной пантометріи [2]: возрастъ [3]), свобода [4])—все это особые **status**.

Кто же находится во всѣхъ этихъ **status**? Моральныя существа, т. е. такія существа, къ физическому бытію которыхъ путемъ моральнаго установленія (**impositio**) присоединяется то или иное моральное или соціальное качество. При этомъ не происходитъ никакихъ физическихъ перемѣнъ, но возникаетъ нѣчто новое въ сферѣ морали [5]). Такъ, напримѣръ, профессія, положеніе въ государствѣ, въ семьѣ, происхожденіе, возрастъ—все это различнымъ образомъ опредѣляетъ общественное положеніе различныхъ людей, хотя, взятые съ чисто физической стороны, они могутъ быть совершенно равны или по крайней мѣрѣ подобны другъ другу [6]);

---

[1]) Тамъ же: status loco analogus considerari potest vel indeterminate, quatenus duntaxat ex qualitatibus moralibus resultat: vel determinate, quatenus etiam respectum ad quantitatem aliquam moralem et comparationem involvit.

[2]) § 9: Determinate considerari possunt aliqui status prout adjunctam habent intensionem aut remissionem existimationis, seu prout multum aut parum honorifici censentur.

[3]) § 10.

[4]) § 11: libertas pro statu concipitur ad analogiam Spatii.

[5]) § 14: Sed et hoc ex natura impositionis facile intelligitur, quando alicui homini nova persona velut induitur, non fieri in ipso physicam quandam mutationem aut novas in eo qualitates physicas produci, veteresve augeri: sed quicquid novi heic generatur, id intra sphaeram rerum moralium subsistit.

[6]) § 12: Privatarum personarum magna est varietas. Praecipuae illarum differentiae desumuntur 1. ex negotio, quaestu aut artificio, circa quod quis est occupatus, et unde rem facit quod est vel ingenuo dignum, vel cum sordibus conjunctum. 2. Ex conditione seu situ quasi morali, quo quis utitur in civitate. Quo intuitu alius est civis, pleno aut minus pleno jure; alius inquilinus, alius peregrinus. 3. Ex conditione in familia... 4. Ex stirpe; unde sunt

все это сообщаетъ людямъ и ихъ отношеніямъ **aliquid moralitatis** [1]); и это **aliquid** можетъ подлежать пантометріи. Для удобства послѣдней Пуффендорфъ относитъ къ моральнымъ существамъ, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, также и сложныя существа или, выражаясь языкомъ права, юридическія лица [2]).

Понятіе юридическаго лица, сравнительно слабо развитое древнимъ римскимъ правомъ съ его индивидуализмомъ и находившее для себя больше пищи въ средневѣковой жизни съ ея корпоративнымъ строемъ [3]) и схоластическимъ „реализмомъ", благопріятствовавшимъ превращенію всякихъ абстракцій и фикцій въ особыя ипостаси, получило въ XVII

---

nobiles, quorum diversis in civitatibus diversi gradus: et plebeji. 5. Ex sexu et aetate. Hinc est puer, juvenis, vir, senex: illinc mas, foemina. Quanquam enim sexus et numerus annorum non sit ex impositione; ista tamen inter homines in vita communi aliquid moralitatis involvunt, quatenus diversos sexus diversa decere intelliguntur, alioque modo dispari cum sexu agere convenit.

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же: Entia moralia, quae ad analogiam substantiarum concipiuntur, dicuntur personae morales, quae sunt homines singuli, aut per vinculum morale in unum systema connexi, considerati cum statu suo aut munere, in quo in vita communi versantur. Sunt autem personae morales vel simplices vel compositae. § 13: Persona moralis composita constituitur, quando plura individua humana ita inter se uniuntur, ut quae vi istius unionis volunt aut agunt, pro una voluntate, unaque actione, non pro pluribus censeantur.

[3]) Глоссаторы распространили римское понятіе корпораціи также и на всѣ государства своего времени, ибо они продолжали считать единственнымъ государствомъ въ мірѣ римскую имперію и сообразно съ этимъ разсматривали всѣ остальныя державы какъ подчиненныя ему организаціи, аналогичныя римскимъ universitates (см. O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, 198, В. Э. Грабаря, Римское право въ исторіи международно-правовыхъ ученій, Юрьевъ, 1901, стр. 46). Благодаря этому уже они подготовили взглядъ на государство какъ на юридическое лицо.

столѣтіи новую жизнь благодаря новому физическому міровоззрѣнію и новой теоріи науки.

Съ одной стороны оно служило удобнымъ воззрительнымъ типомъ для интуитивной моральной пантометріи, сообщало извѣстную наглядность чему-то неуловимому, давало возможность помѣщать въ моральномъ пространствѣ не только отдѣльныхъ людей и ихъ отношенія, но также всякаго рода союзы, коллективныя организаціи и отношенія между ними.

Съ другой стороны оно какъ бы подтверждало въ приложеніи къ моральному міру то, что въ физическомъ мірѣ открылъ голландскій врачъ Лёвенгукъ. Именно онъ нашелъ жизнь въ тѣхъ кровяныхъ шарикахъ, которые еще Мальпиги принималъ просто за жировые шарики; онъ же открылъ подъ микроскопомъ сѣмянныхъ животныхъ, попавшихъ даже въ Монадологію Лейбница [1]). Это крупное событіе въ исторіи естествознанія XVII вѣка не только дополнило открытую Гарвеемъ картину механическаго кровообращенія, но еще и сообщило новый видъ всему новому физическому міровоззрѣнію, а черезъ него и новой философіи. Именно явилась мысль, такъ широко использованная Лейбницемъ—который, кстати, весьма интересовался новымъ открытіемъ,—что во вселенной всюду есть жизнь и притомъ, такъ сказать, многосоставная: сумма мелкихъ организмовъ образуетъ опять новый, крупный организмъ и т. д. „Трупъ природы", какъ называлъ Пуаре Декартовъ міръ, оживился и вмѣсто геометрическихъ фигуръ и тѣлъ оказался наполненнымъ живыми существами. Декартовы вихри превратились въ живыя монады. И философія начинаетъ воспѣвать гимнъ жизни. Il n'y a rien de mort dans l'univers, увѣряетъ Лейбницъ въ Монадологіи [2]) и поясняетъ, что „каждая порція

[1]) 75: les animaux... spermatiques (Gerhardt, VI, 620).

[2]) 69, Gerhardt, VI, 618.

матеріи можетъ быть понята какъ садъ, полный растеній, или прудъ, полный рыбъ; но каждая вѣтка растенія, каждый членъ животнаго, каждая капля влаги—это опять такой же садъ или такой же прудъ" [1]); „у каждаго живого тѣла есть господствующая энтелехія..., но члены этого живого тѣла полны другихъ живыхъ, растеній, животныхъ, изъ которыхъ у каждаго есть своя энтелехія или своя господствующая душа" [2]). Даже Спиноза вводитъ въ свою „Этику" понятіе „сложнаго индивида" [3]), разсматриваетъ человѣческое тѣло какъ соединеніе въ одномъ сложномъ индивидѣ множества индивидовъ, въ свою очередь сложныхъ [4]), и даже во всей природѣ видитъ сложный индивидъ, состоящій изъ сложныхъ индивидовъ, опять-таки состоящихъ изъ сложныхъ индивидовъ и т. д. [5]).

Если такое пониманіе міра измѣняло чисто геометрическую Декартову картину міра, оно не измѣняло однако основного механическаго характера физическаго міровоззрѣнія XVII вѣка; всѣ эти многосоставные организмы разсматривались какъ механизмы, какъ сложныя машины: chaque corps organique d'un vivant—писалъ Лейбницъ въ Монадологіи—est une Espèce de Machine divine, ou d'un Automate Naturel.., Mais les Machines de la Nature, c'est à dire les corps vivans, sont encor des machines dans leur moindres parties jusqu'à l'infini [6]). Подобнымъ же образомъ и Бойль училъ: magnum Mundi... Automatum intueor, tanquam

[1]) 67, ib.

[2]) 70, ib. стр. 619.

[3]) Individuum compositum, Opera I, 86.

[4]) Pars II, Postulata: I. Corpus humanum componitur ex plurimis (diversae naturae) individuis, quorum unumquodque valde compositum est (Opera, I, 87).

[5]) Pars II, Lemma VII, Scholium (Opera, I, 87); это какъ бы подтверждаетъ упоминавшееся выше (см. стр. 303) ученіе К. Томаса о множественности субстанцій у Спинозы.

[6]) 64, Gerhardt, VI, 618.

machinam, quae... varias alias minores in se complectatur Machinas [1]). Открытіе Лёвенгука и вызванныя имъ новыя философскія идеи вносили новыя подробности, новыя точки зрѣнія въ механическое міровоззрѣніе XVII вѣка. Но они не произвели въ немъ того крупнаго переворота, который произвелъ въ наукѣ и философіи XIX вѣка принципъ жизни, понятый чисто біологически.

Только что отмѣченное нововведеніе въ физическомъ міровоззрѣніи XVII вѣка внесло новый смыслъ и новую жизнь въ старое понятіе юридическаго лица. „Моральное пространство" обществовѣдовъ XVII вѣка наполняется не только простыми моральными существами, но и составными, представляющими, выражаясь схоластическими терминами, не unitatem essentiae, a unitatem compositionis. „Всѣ знаютъ— писалъ Дома,—что общество людей образуетъ тѣло" [2]); университеты изображаются имъ какъ смѣшанныя тѣла, состоящія въ свою очередь изъ тѣлъ, именно факультетовъ [3]). Гоббесъ въ трактатѣ De cive учитъ о разныхъ и многочисленныхъ сложныхъ—„гражданскихъ", какъ онъ выражается [4]), „юридическихъ", какъ мы теперь выражаемся,—лицахъ [5]); лицомъ же онъ называетъ государство [6]). Въ „Левіаѳанѣ" Гоббесъ идетъ еще дальше: государство оказывается не только составнымъ лицомъ [1]), но и своего рода животнымъ —„великимъ Левіаѳаномъ" [2]) или „искусственнымъ человѣкомъ" [3]). Отдѣльныя корпораціи и соединенія людей, „системы гражданъ", какъ выражается Гоббесъ, уподобляются при этомъ частямъ человѣческаго организма [4]). Въ XXIV главѣ Гоббесъ учитъ о питаніи государственнаго тѣла; денежный оборотъ при этомъ уподобляется кровообращенію; и въ такомъ, чисто механическомъ смыслѣ деньги именуются „публичною кровью" [5]). Въ той же главѣ колоніи именуются потомствомъ государства [6]). Если, къ удивленію одного изслѣдователя [7]), въ амстердамскомъ изданіи „Левіаѳана" вся эта сложная система иллюстрируется на заглавномъ листѣ коронованнымъ человѣкомъ, состоящимъ изъ множества маленькихъ человѣчковъ, то это лишній разъ подтверждаетъ,

[1]) Tractatus de ipsa natura, Genevae, 1688, стр. 24.

[2]) Oeuvres complètes de J. Domat. Nouvelle édition, par J. Remy, Paris, 1835, томъ III, Le droit public, стр. 2.

[3]) Тамъ же: Livre I, Tit. XVII, Sect. I, 1: les universités sont des corps mêlés;... le corps de l'université est composé d'autres divers corps, chaque faculté formant le sien (стр. 312).

[4]) Такъ же выражается и Спиноза; см. Tractatus politicus, Cap. X, § II (Opera, I, 340).

[5]) Personae civiles... ut sodalitates mercatorum, et conventus alii quamplurimi (Cap. V, 10, Opera, II, 215); ср. въ „Левіаѳанѣ" XXII главу: de systematibus civium (Opera, III, 170 sq.).

[6]) Civitas sive... persona civilis; civitas est persona una (De cive, Cap.V, 9, Opera, II, 214).

[1]) Civitas persona una est (Cap. XVII, Opera, III, 131).

[2]) Тамъ же.

[3]) Hominem artificialem, quem vocant civitatem (Cap. XXI, ib. 161; ср. стр. 147).

[4]) Въ заключеніи XXII главы (de systematibus civium) Гоббесъ пишетъ: hactenus de systematibus dictum est, quae partibus humani corporis similaribus comparari possunt; nempe ea, quae legitima sunt, musculis; quae legitima non sunt, apostematibus, tuberibus, tumoribusque a confluxu humorum noxiorum generatis (стр. 181).

[5]) Publici hujus sanguinis ductus duplex est, alter ad exteriora, alter versus interiora, id est, exitus et reditus. Reditus fit per collectores, receptores, ad thesaurarios; exitus fit per thesaurarios ad ministros illos, qui pecuniam publicam erogant, et ab illis ad cives privatos. Atque in hoc quoque hominis artificialis apparet similitudo cum naturali; cujus venae, sanguinem a partibus corporis exterioribus recipientes, ferunt ad cor; unde rursus per arterias fertur, membre vivificans, et singulis motum tribuens (стр. 189).

[6]) Civitatis denique proles coloniae sunt (ib.).

[7]) A. Th. van Krieken, Ueber die sogenannte organische Staatstheorie, Leipzig, 1873, стр. 42.

какъ сильно стремились новаторы XVII вѣка къ воззрительной наглядности, къ „интуитивному", въ ихъ смыслѣ, пониманію вещей. Гаррингтонъ, въ своихъ чисто теоретическихъ представленіяхъ всецѣло примыкавшій къ Гоббесу [1]), учитъ о тѣлѣ и душѣ государства [2]). Въ „Политическомъ трактатѣ" Спиноза постоянно пользуется уподобленіемъ государства и его учрежденій тѣламъ [3]). Конрингъ называетъ государство integrum corpus civilis societatis [4]).

Такимъ образомъ новаторы XVII столѣтія не только вводятъ въ моральное пространство сложныя моральныя существа, но и разсматриваютъ послѣднія, по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, именно, государство, какъ своего рода организмы. Но при этомъ они очень далеки какъ отъ предшествовавшаго имъ схоластическаго ученія объ общественномъ организмѣ, такъ и отъ утвержденій позднѣйшей органической школы XIX вѣка. Они не смотрятъ на церковь или на государство—подъ которымъ при этомъ въ средніе вѣка почти

---

[1]) См. стр. 57 второй части Исторіи политическихъ ученій Б. Н. Чичерина.

[2]) См. въ упомянутомъ на стр. 354 изданіи его политическихъ афоризмовъ главу IV, афоризмы 10 и слѣд. (стр. 122 и слѣд.).

[3]) См. особенно Cap. III, § 1: imperii integrum corpus Civitas appellatur; Cap. VIII, § 19: necesse est, ut Patricii omnes Legibus ita astringantur, ut unum veluti corpus, quod una regitur mente, componant; Cap. IX, § 14: Imperii corpus capite obtruncare... Hollandiae comitatus sine Comite, veluti corpus sine capite (Opera I, 279, 320, 338; стр. 20, 84, 112 русскаго перевода трактата, сдѣланнаго А. Б. Ставскимъ подъ редакціею автора настоящаго изслѣдованія). Ср. схолію къ XVIII теоремѣ IV части Этики: nihil, inquam, homines praestantius ad suum esse conservandum optare possunt, quam quod omnes in omnibus ita conveniant, ut omnium Mentes et Corpora unam quasi Mentem unumque Corpus componant (Opera, I, 194).

[4]) См V. John, Geschichte der Statistik, I Teil, Stuttgart, 1884, стр. 63.

непремѣнно понималась римская имперія во образѣ священной римской имперіи германской націи [1]), этого „чудовищу подобнаго иррегулярнаго тѣла", какъ отзывался о ней Пуфендорфъ,—метафизически какъ на какое-то мистическое тѣло (corpus mysticum), съ особою іерархіею членовъ, нуждающееся или же не нуждающееся въ реформѣ in capite et membris. Если государство не представляется имъ какъ сверхъестественный организмъ во вкусѣ средневѣковья, они не смотрятъ на него и какъ на естественный организмъ въ біологическомъ смыслѣ XIX вѣка, осложненномъ еще метафизикою [2]) т. н. органической школы. Государство для нихъ — это искусственный организмъ, homo artificialis; это—политическій автоматъ [3]). Такое пониманіе можетъ показаться

---

[1]) См. выше, стр. 367, примѣч. 3.

[2]) О значеніи и происхожденіи этой метафизики авторомъ настоящаго изслѣдованія было упомянуто въ статьѣ „Органическая теорія общества", помѣщенной въ третьемъ выпускѣ Записокъ общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ.

[3]) Сообразно съ этимъ и механизмъ денежнаго обращенія разсматривается какъ нѣчто искусственное, зависящее отъ установленія (impositio). Объясняется это еще и тѣмъ, что въ XVII вѣкѣ, когда и въ жизни и въ теоріи „естественнымъ" состояніемъ между государствами также и въ экономическомъ отношеніи считалось состояніе войны, еще мало сознавали естественную механику мірового денежнаго рынка. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ эпоху господства абсолютнаго государства, вообще понимавшагося какъ произведеніе искусства (см. характеристику Буркгардта въ его извѣстной книгѣ о культурѣ возрожденія), умы теоретиковъ всецѣло сосредоточивались на государственной функціи денегъ,—если еще и въ наше время возможна государственная теорія денегъ; см. книгу Кнаппа Staatliche Theorie des Geldes, Leipzig, 1905; относительно чисто государственнаго характера денегъ по его теоріи см. въ статьѣ В. І. Борткевича Die geldtheoretischen und die währungspolitischen Konsequenzen des „Nominalismus" (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, XXX, 4) критическія замѣчанія на стр. 1337 и слѣд.

намъ страннымъ теперь, въ XX столѣтіи. Но, какъ указано на стр. 108 и слѣд., оно было совершенно естественно въ XVII столѣтіи и вполнѣ гармонировало со взглядомъ на физическую природу какъ на автоматъ, своего рода искусственный механизмъ: on m'appelle nature et je suis tout art, говоритъ природа еще въ философскомъ словарѣ Вольтера.

Такимъ образомъ „моральное пространство" обществовѣдовъ XVII вѣка наполнялось моральными лицами, аналогичными физическимъ субстанціямъ, и по возможности возрительными отношеніями между ними. Вслѣдъ за Вейгелемъ Пуффендорфъ шелъ еще дальше: все содержаніе всякихъ правоотношеній—personae, res, actiones—укладывается у него въ этомъ же пространствѣ [1]). Такъ устанавливается своеобразный моральный міръ, аналогичный физическому [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается вопросъ о характерѣ реальности тѣхъ моральныхъ отношеній между людьми по поводу всевозможныхъ предметовъ и поступковъ, изъ которыхъ и слагается жизнь человѣческаго общества.

Теорія моральнаго міра—къ которой намъ еще придется вернуться въ XI главѣ, по поводу ея настоящаго родоначальника, именно Эргарда Вейгеля,—была очень далека отъ т. н. наивнаго реализма, отъ вѣры въ то, что всѣ моральныя субстанціи—это своего рода, такъ сказать, твердыя тѣла, имѣющія свое собственное, независимое бытіе помимо нашей мысли. Теорія эта не имѣла ничего общаго съ метафизическимъ спиритуализмомъ, вѣрующимъ въ самодовлѣющее бытіе какихъ-то духовныхъ субстанцій, которыя при этомъ

---

[1]) De jure naturae et gentium libri octo, L. I, Cap. I, § 22; ср. у Гоббеса XV главу трактата De homine, озаглавленную De homine fictitio (Opera, II, 130 sq.).

[2]) Все это ученіе въ сжатой формѣ катехизиса удачно резюмируетъ книга Compendium jurisprudentiae universalis ex clarissimi Sam. Puffendorfi Praecellenti Opere de Jure Naturae et Gentium, Francofurti, 1699 (см. стр. 3—10).

болѣе или менѣе безотчетно представляются по образу и подобію физическихъ тѣлъ [1]). Если въ XVII вѣкѣ еще не шли такъ далеко, какъ впослѣдствіи Кантъ, и не учили о субъективности физическаго пространства, если такое пространство, какъ указано выше (см. стр. 251), существовало для нихъ реально и объективно, то относительно моральнаго пространства и моральныхъ существъ новаторы никогда не сомнѣвались, что это - не болѣе какъ продуктъ человѣческаго установленія или придачи (impositio), только ему и обязанный своимъ бытіемъ, какъ тѣнь—свѣту [2]). Сообщая не физическимъ объектамъ мысли и рѣчи aliquod esse, они не предавались никакимъ метафизическимъ иллюзіямъ относительно этого esse [3]). И нельзя не отмѣтить, что въ этомъ отношеніи теоретики XVII вѣка мыслили отчетливѣе, чѣмъ обществовѣды XIX вѣка—особенно представители т. н. ор-

---

[1]) Уже Вико пришлось критиковать взглядъ, согласно которому jura spiritales res sunt (см. De constantia jurisprudentis, Neapoli, 1721, стр. 24).

[2]) Пуффендорфъ писалъ: caeterum entia moralia uti impositioni suam debent originem; ita ab eadem stabilitatem quoque, aut mutationes sortiuntur, et ubi ista velut cessaverit, ipsa simul evanescunt; non secus atque extincto lumine umbra simul disparet... Quae hominum placito constituta sunt, eodem iterum abolentur, ipsa personarum aut rerum substantia physica hautquidquam immutata. Nunquam enim ens morale in vim qualitatis physicae evalescere potest. Unde valde imperitum est credere, si alicui persona quaedam imponatur, per nudam impositionem moralem ipsi characterem aliquem indelebilem imprimi (De jure naturae et gentium, Lib. I, Cap. I, § 23).

[3]) Клаубергъ писалъ: facile constabit, quomodo accipiendum sit illud, quod omne ens habeat aliquod esse. Nempe, si non existit extra rationem et orationem nostram in mundo, saltem est in sermone, cum dicitur, atque imprimis est in intellectu, dum cogitatur (Metaphysica de Ente, quae rectius Ontosophia, Aliarum disciplinarum, ipsius quoque Jurisprudentiae et Literarum, studiosis accomodata, II, 15, Opera, Amstelodami, 1691, стр. 284).

ганической школы, разсуждавшіе объ обществѣ—растеніи или обществѣ—животномъ, какъ о чемъ-то самосущемъ и единственно реальномъ, или же крайне догматически настроенные юристы, считавшіе, въ полную противоположность Вейгелю и Пуффендорфу, единственнымъ, эмпирическимъ бытіемъ моральное бытіе „существъ разума", а дѣйствительное физическое бытіе вещей разсматривавшіе какъ какой-то излишекъ, superfluum [1]), и сообразно съ этимъ доходившіе, да отчасти еще и теперь доходящіе до признанія юридическихъ лицъ не только чѣмъ-то самосущимъ, но еще и совсѣмъ отличнымъ отъ образующихъ его конкретныхъ лицъ, которыя будто бы совершенно ему чужды [2]). Такой догматизмъ вновь вызвалъ къ жизни средневѣковой, схоластическій „реализмъ", крайности котораго все яснѣе и яснѣе сознаются самими юристами, чему особенно яркій примѣръ даетъ извѣстная критика Л. І. Петражицкимъ всякаго рода „проекціонныхъ" злоупотребленій въ области правовѣдѣнія [3]).

---

[1]) См., напримѣръ, приведенное на стр. 158 изслѣдованія Ѳ. В. Тарановскаго „Юридическій методъ въ государственной наукѣ" (Варшава, 1904) сдѣланное Э. Линггомъ въ его „эмпирическихъ" изслѣдованіяхъ опредѣленіе человѣка какъ juristische Person mit physischem superfluum (Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre, Wien, 1890, стр. 94).

[2]) См. по этому поводу критическія замѣчанія L. Michoud (La notion de personnalité morale, Paris, 1890, стр. 17).

[3]) Въ частности, относительно сложныхъ моральныхъ лицъ въ ихъ нынѣшнемъ пониманіи см. стр. 382 и слѣд. второго тома его „Теоріи права и государства въ связи съ теоріей нравственности" (1907). Бринцъ называетъ юридическія лица въ ихъ наивно-реальномъ пониманіи „чучелами". О современныхъ контроверзахъ по вопросу о „природѣ" юридическихъ лицъ см. во введеніи книги В. Б. Ельяшевича „Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ", 1910 г.

X.

Quelques uns... nous ont promis des demonstrations mathematiques hors des Mathematiques; mais il est fort rare qu'on y ait reussi.

Лейбницъ (Nouveaux essais, II, XXIX, 12, Gerhardt, V, 242).

Кромѣ пантометріи, пангеометризмъ XVII вѣка повелъ за собою широкое распространеніе т. н. геометрической методы. Господство этой методы настолько значительно, что даже враги новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки поддаются ея вліянію. „Этика" Спинозы, написанная ordine geometrico, опровергается тѣмъ же путемъ [1]). Разбранивъ Спинозу—sceleratissimus ille Bened. Spinosa—и его методу, Моргофъ выражаетъ пожеланіе, чтобы его книга была опровергнута тоже ordine geometrico [2]). Если такъ разсуждали противники новыхъ идей, то что же сказать о ихъ друзьяхъ? Когда они сами добровольно не пользовались геометрическою методою, ихъ принуждали пользоваться ею. Такъ, напримѣръ, собранныя Мерсенномъ и сдѣланныя парижскими учеными вторыя возраженія на „Размышленія" Декарта кончаются пожеланіемъ, чтобы онъ облекъ свои идеи въ геометри-

---

[1]) См. у Моргофа: Borellus in libro de motu animalium aliisque scriptis felicissime mathematica methodo in veritates inquisivit. Etiam Spinosa hujus methodi fuco Ethicam suam profanam incrustavit, cui eadem methodo a Blienburgio responsum est (Polyhistor, I, 405).

[2]) Operae pretium esset, refutari hunc librum ordine illo, quo ipse scripsit (Polyhistor, II, 484).

ческую форму [1]). И Декартъ идетъ навстрѣчу этой просьбѣ. Въ виду трудности обозрѣть сразу все тѣло его размышленій, какъ онъ выражается [2]), онъ доказываетъ ordine geometrico бытіе Бога и отличіе души отъ тѣла [3]): сначала идутъ опредѣленія, постулаты и аксіомы, затѣмъ предложенія (propositiones), которыя изъ нихъ вытекаютъ. Ньютонъ не могъ найти иного средства противъ безплодной полемики, кромѣ геометрической методы; его книга о всемірномъ тяготѣніи уже въ первомъ изданіи написана ordine geometrico; его „Оптика" все болѣе и болѣе перерабатывалась въ смыслѣ все бо́льшаго приближенія къ геометрической методѣ [4]). Лейбницъ не только былъ убѣжденъ, что ученіе о правѣ есть наука, основанная на опредѣленіяхъ и доказательствахъ, т. е., наука геометрическаго типа [5]), не только самъ пробовалъ примѣнять геометрическую методу къ вопросамъ пра-

---

[1]) Quamobrem fuerit operae pretium si ad tuarum solutionum calcem quibusdam definitionibus, postulatis, et axiomatibus praemissis rem totam more geometrico, in quo tantopere versatus est, concludas, ut unico velut intuitu lectoris cujuscunque animum expleas, ac ipso numine divino perfundas (см. стр. 67 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[2]) Sed quia novi quam difficile sit futurum... totum corpus Meditationum mearum intueri, et simul ipsarum singula membra dignoscere; quae duo simul existimo esse facienda, ut integer fructus ex iis capiatur, pauca quaedam Synthetico stilo hic subjungam (тамъ же, стр. 84).

[3]) Rationes, Dei existentiam et animae a corpore distinctionem probantes, more Geometrico dispositae (стр. 85).

[4]) См. объ этомъ L. Bloch, La philosophie de Newton, Paris, 1908, стр. 129.

[5]) Doctrina juris ex earum numero est, quae non ab experimentis, sed definitionibus, nec a sensuum, sed rationis demonstrationibus pendent et sunt, ut ita dicam, juris, non facti (см. Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften, von Georg Mollat, Leipzig, 1893, стр. 21).

ва [1]), но еще увѣрялъ, и притомъ неоднократно [2]), что уже древніе римскіе юристы писали ordine geometrico; и, говорилъ онъ, они дѣлали это съ такимъ мастерствомъ, что они могутъ пристыдить профессіональныхъ философовъ [3])—подобно тому, какъ еще Ульпіанъ стыдилъ философовъ своего времени, что не они, а именно юристы занимаются истинною, не притворною философіею. Геометрической методѣ римскихъ юристовъ Лейбницъ приписывалъ то, что римское право образуетъ законченную логическую систему, въ которой индивидуальность отдѣльныхъ авторовъ, совершенно также исчезаетъ, какъ исчезаетъ въ системѣ геометріи индивидуальность Эвклида, Архимеда и Аполлонія [4]).

---

[1]) См., напримѣръ, Specimen certitudinis seu demonstrationum in jure exhibitum in doctrina conditionum (Dutens, IV, III, 92 sq.).

[2]) Gerhardt, II, 134, V, 351, 352, VII, 167, Dutens, V, 182, Couturat (Opuscules et fragments), 175.

[3]) On peut mêmes avancer hardiment un paradoxe plaisant, mais veritable, qu'il n'y a point d'auteurs dont la maniere d'écrire ressemble d'avantage au stile des Geometres que celuy des anciens Jurisconsultes Romains dont les fragmens se trouvent dans les Pandectes. Apres qu'on leur a accordé certaines suppositions qui sont fondées sur quelque loy ou sur quelque coustume, ou bien sur quelque regle establie parmy eux, ils sont admirables en consequences et en applications et ils raisonnent avec une netteté si simple et avec une subtilité si exacte, qu'ils font honte aux philosophes dans les matieres, mêmes les plus philosophiques qu'ils sont souvent obligés de traiter (Gerhardt, VII, 167).

[4]) Cette maniere precise de s'expliquer a fait, que tous ces jurisconsultes des Pandectes, quoyque assés eloignés quelquefois les uns du temps des autres, semblent estre tous un seul auteur, et qu'on auroit bien de la peine à les discerner, si les noms des Ecrivains n'estoient pas à la teste des extraits; comme on auroit de la peine à distinguer Euclide, Archimede et Apollonius en lisant leur demonstrations sur des matieres, que l'un aussi bien que l'autre a touchées (Nouveaux essais, IV, II, 13, Gerhardt, V, 352).

Такое господство геометрической методы далеко не исчезло еще и въ XVIII столѣтіи. Если и нельзя такъ рѣшительно, какъ Брюнетьеръ, твердить о „возрожденіи картезіанства" въ этомъ столѣтіи [1]), если скорѣе былъ правъ Ф. Булье, видѣвшій въ философіи XVIII вѣка крайнюю и принципіальную оппозицію противъ картезіанства [2]), то все же геометрическій по крайней мѣрѣ духъ картезіанства продолжалъ еще жить въ наукѣ XVIII вѣка, какъ продолжалъ онъ жить и въ его изящной литературѣ. Для послѣдней, какъ замѣтилъ Г. Лансонъ, выводимые ею типы людей представляютъ цѣнность единственно какъ *фигуры*, графически изображающія тѣ или иныя идеальныя отношенія или философскіе тезисы [3]). Такую же цѣнность представляютъ для иныхъ обществовѣдовъ этого вѣка также и человѣческія общества, законы и учрежденія.

Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи то объясненіе диспозиціи знаменитой книги Монтескье „О духѣ законовъ", которое мы находимъ у только что упомянутаго историка французской литературы. „Тринадцать первыхъ книгъ изучаютъ вещи сами по себѣ; въ XIV книгѣ введено понятіе пространства, и отъ XIV до XXVI книги изслѣдованы отношенія, вытекающія изъ разсмотрѣнія вещей въ пространствѣ; въ XXVII книгѣ появляется время, и отъ XXVII до XXXI

[1]) См. въ статьѣ Jansénistes et cartésiens главу V: la renaissance du cartésianisme (Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, quatrième série, deuxième édition, Paris, 1894, стр. 166 и слѣд.).

[2]) Histoire de la philosophie cartésienne, Paris, 1854, томъ II, стр. 545 и слѣд.

[3]) L'influence de la philosophie cartésienne sur la littérature française (Revue de métaphysique et de morale, 1896). Авторъ говоритъ даже о „литературномъ господствѣ" Декарта (стр. 549), продолжавшемся до 60-ыхъ годовъ столѣтія. Вѣнцомъ „литературы картезіанскаго воображенія" онъ считаетъ Вольтерова Кандида (стр. 548).

книги развиваются логическія сцѣпленія, вытекающія изъ разсмотрѣнія вещей во времени" [1]). Какъ и полагается при геометрическомъ изслѣдованіи чего бы то ни было, Монтескье начинаетъ съ опредѣленій: je suppose trois définitions, читаемъ мы въ первой главѣ второй книги, гдѣ собственно и начинается изслѣдованіе. Въ первыхъ частяхъ своего труда (по только что указанному дѣленію) Монтескье пользуется опытными данными только какъ „фигурами", подтверждающими его демонстрацію; въ этихъ двухъ первыхъ частяхъ онъ пользуется матеріаломъ исторіи такъ же, какъ Декартъ геометрическими фигурами. Этимъ объясняется абсолютная равноцѣнность этого матеріала для Монтескье: „Бернъ или Римъ, Китай или Франція, дикари Америки или Турція, республика Рагузы или Англія – все для него хорошо, такъ какъ дѣло идетъ только о видимыхъ фигурахъ отвлеченныхъ идей" [2]). „Его опредѣленія апріорны; они не содержатъ никакой необходимости существованія ихъ предметовъ; и познанная реальность этихъ предметовъ ни въ какой степени не оказывается ни ихъ поддержкою ни ихъ гарантіею; если бы никогда не было ни монархіи, ни республики, ни олигархіи, ни деспотизма, свойства и послѣдствія всѣхъ этихъ формъ правленія сохранились бы и построеніе Духа законовъ устояло бы" [3]). Словомъ, заключаетъ Лансонъ, „наука о политическихъ фактахъ организована Монтескье совершенно такъ же, какъ наука о физическихъ явленіяхъ — Декартомъ" [4]).

Чѣмъ объяснялась такая популярность геометрической методы въ XVII и даже еще XVIII вѣкѣ? Историки, видящіе въ раціонализмѣ этого времени не болѣе какъ схоластику, объясняютъ это тѣмъ, что эта метода представляетъ, въ

[1]) Тамъ же, стр. 541.
[2]) Стр. 544.
[3]) Стр 542.
[4]) Стр. 545.

сущности, методу средневѣковыхъ схоластиковъ съ ихъ натянутыми апріорными дедукціями. Этотъ взглядъ до того еще распространенъ, что его можно встрѣтить и у новѣйшихъ изслѣдователей философіи XVII вѣка, особенно у изслѣдователей Спинозы. Такъ, напримѣръ, Фрейденталь, вообще, быть можетъ, преувеличивающій вліяніе схоластиковъ на Спинозу, связываетъ его геометрическую методу не только съ Methodus inveniendi argumenta Гейлинкса или съ упомянутымъ выше „Отвѣтомъ на вторыя возраженія" Декарта, но, вслѣдъ за Дильтеемъ [1]), также съ Гюберомъ Лангé (Languet), котораго оба все еще считаютъ авторомъ трактата Vindiciae contra tyrannos и содержащихся въ немъ историко-юридическихъ дедукцій, далѣе Henning'омъ въ его трактатѣ De lege naturae methodus apodictica (1562), нѣкоторыми схоластиками (Alanus ab Insalis, отчасти Дунсъ Скотъ) и даже съ Прокломъ въ его Institutio theologica [2]). Авторъ одной новѣйшей французской монографіи о Спинозѣ видитъ въ геометрической методѣ его „Этики" „крайнее развитіе принципа схоластической аргументаціи" [3]).

Съ такою генеалогіею геометрической методы XVII в. никакъ нельзя согласиться. Если даже и можно усмотрѣть нѣчто родственное схоластикѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ пользованія или, вѣрнѣе, злоупотребленія ею, то это еще вовсе не значитъ, что она черпала и происхожденіе свое и назначеніе изъ средневѣковой схоластики: дѣлать подобнаго рода заключеніе значило бы самымъ вопіющимъ образомъ смѣшивать цѣль съ послѣдствіемъ, ошибку въ исполненіи съ заблужденіемъ въ замыслѣ. Геометрическая метода XVII вѣка естественно, логически и неизбѣжно, словомъ, „геометрически", вытекала изъ новаго физическаго міровоззрѣнія и новой гносеологіи этого вѣка. Если весь міръ разсматривался какъ неизмѣнная и замкнутая система геометрическихъ или аналогичныхъ имъ отношеній между предметами, познаваемыхъ путемъ интуиціи и дедукціи, то развѣ могла быть иная метода дѣйствительно научнаго изслѣдованія и особенно изложенія истины, кромѣ той, которою пользуется геометрія? И если геометрія выводила свое содержаніе путемъ дедукціи и синтеза [1]), то и всякой иной наукѣ надлежало поступать аналогичнымъ образомъ. Даже полусхоластикъ Шовенъ такъ опредѣлялъ объекты всякой науки [2]), что совершенно естественно напрашивалось изслѣдованіе ихъ геометрическимъ путемъ, какъ напрашивалось оно и при видѣ опредѣленія науки юристомъ Пуффендорфомъ: scientia est illud, quod per demonstrationem quaerimus, id est, cognitio certa, liquida, et ab erroris metu immunis [3]).

Вотъ этимъ обстоятельствомъ, этимъ стремленіемъ къ достовѣрному и прозрачному, какъ выражался Пуффендорфъ, знанію, аналогичному знанію раціональной механики, объясняется происхожденіе геометрической методы въ философіи и наукахъ XVII столѣтія. Въ чемъ же она состояла? Въ томъ, что отъ Эвклидовой геометріи отвлекались ея логиче-

[1]) См. статью послѣдняго Die Autonomie des Denkens, der konstruktive Rationalismus und der pantheistische Monismus nach ihrem Zusammenhang im 17 Jahrhundert (Archiv für Geschichte der Philosophie, Band VII, Heft I, стр. 61).

[2]) См. Spinoza, sein Leben und seine Lehre, von I. Freudenthal, Erster Band: Das Leben Spinozas, Stuttgart, 1904, стр. 113 и 330.

[3]) P. L. Couchoud, Benoit de Spinoza, Paris, 1902, стр. 164.

[1]) Vera... traditio geometriae est per synthesin, писалъ Гоббесъ (De corpore, III, XX, Opera, I, 252).

[2]) Objectum Scientiae est materia circa quam scientia occupatur: atque hujus objecti plures vulgo traduntur conditiones. Prima est, ut sit certum... Secunda est, ut sit evidens... Tertia, ut sit aeternum... Quarta, ut sit incorruptum... Quinta, ut sit universale... Sexta est, ut sit verum... Septima, ut sit necessarium... Octava est, ut sit demonstrabile... Nona est, ut unius scientiae unum sit objectum (Lexicon philosophicum, 446).

[3]) De jure naturae et gentium, Lib. I, Cap. II, § 3, стр. 21 лондонскаго изданія 1672 г.

скіе пріемы, которые затѣмъ и распространялись съ большею или меньшею степенью удачи на другія, уже не геометрическія области. Геометрія отправляется отъ извѣстныхъ и притомъ весьма немногочисленныхъ [1]) принциповъ. Значитъ, и геометрическая метода требуетъ того же. Если философы XVIII столѣтія, за исключеніемъ тѣхъ, которые еще не совсѣмъ отрѣшились отъ методологіи великихъ раціоналистовъ XVII столѣтія [2]), такъ сказать, принципіально отказывались отъ всякихъ принциповъ [3]), то въ XVII столѣтіи, напротивъ, не могли себѣ представить науки и философіи безъ принциповъ. Маріоттъ до того убѣжденъ въ томъ, что наука состоитъ изъ принциповъ и ихъ логическихъ послѣдствій [4]), что отказывается даже спорить съ противниками такого взгляда [5]). Первыми принципами въ геометріи являются

---

[1]) Въ предисловіи къ своимъ „Принципамъ" Ньютонъ писалъ: ac gloriatur Geometria quod tam paucis principiis aliunde petitis tam multa praestet.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ „Духу законовъ" Монтескье писалъ: j'ai bien des fois commencé, et bien des fois abandonné cet ouvrage; j'ai mille fois envoyé aux vents les feuilles que j'avois écrites; je sentois tous les jours les mains paternelles tomber; je suivois mon objet sans former de dessein, je ne connoissois ni les règles ni les exceptions; je ne trouvois la vérité que pour la perdre. Mais, quand j'ai découvert mes principes, tout ce que je cherchois est venu à moi... J'ai posé les principes; et j'ai vu les cas particuliers s'y plier comme d'eux-mêmes.

[3]) Un préjugé généralement reçu, et qui l'est encore, qu'on ne doit raisonner que par principes, писалъ Кондильякъ (De l'art de penser, I Partie, Chap. IX, Oeuvres, V, 1821, стр. 88).

[4]) On appellera ici science, la connoissance qu'on a des vérités premiéres, et de ce qui est prouvé (Essai de logique, Oeuvres, Leide, 1716, стр. 615).

[5]) Il ne faut point disputer contre ceux qui nient les vérités premiéres, parce qu'on ne peut rien prouver que par les vérités premiéres (ib.).

опредѣленія, постулаты и аксіомы [1]). Значитъ, и во всѣхъ другихъ наукахъ необходимо начинать съ опредѣленій, постулатовъ и аксіомъ. Наконецъ, въ геометріи изъ принциповъ путемъ дедукціи выводится все содержаніе науки. Значитъ, необходимо такъ же поступать и въ другихъ наукахъ.

Въ такомъ видѣ геометрическая метода должна была вытѣснить всѣ другія логическія методы и стать единственною научною логикою [2]). Всѣ правила геометрической ме-

---

[1]) Principiorum Geometriae tria genera erunt. Primum, in quo declaratur, seu imponitur nomen alicuius magnitudinis, habentis evidentem constructionem, aut manifestam passionem: Et vocatur Definitio. Secundum, in quo magnitudinis, cuius nomen impositum, et usu receptum est, exponitur aliqua evidens eius constructio: Et vocatur Petitio. Tertium, in quo magnitudinis, iam nominatae, exponitur evidens eius proprietas, aut aliqua manifesta eius passio: Et vocatur Dignitas, vel Axioma, aut Pronunciatum, sive communis notitia. Et quoniam huius modi principia demonstrari nequeunt, cum sint notissima; propterea tantummodo eorum catalogus in vestibulo huius scientiae apponetur, ut postea, demonstrative syllogizzando, ex eis deducantur veritates aliarum propositionum reconditarum (Euclides restitutus, sive prisca geometriae elementa, brevius, et facilius contexta, in quibus praecipue proportionum theoriae nova, firmiorique Methodo promuntur a Io. Alphonso Borellio, Pisis, 1658, стр. 2).

[2]) Какъ объяснялъ Дома, c'est par cette méthode de la géométrie, que ceux qui en ont l'usage doivent former leurs raisonnemens en toutes matières, à proportion que l'application peut en être faite: car cette manière de raisonner est plus simple, plus naturelle et plus facile que n'est celle de la logique, qui renferme bien plus de règles, la plupart abstraites, et dont tous les esprits ne sont pas capables. Ainsi, cette méthode de la géométrie est plus de la portée de tous les esprits, et elle est aussi plus propre à mettre tout ce qui doit entrer dans un discours de raisonnement, dans son ordre, dans son jour et dans sa force, et à découvrir tous les défauts de justesse (Oeuvres complètes de J. Domat. Nouvelle édition, par J. Remy, Paris, 1835, томъ III, 307).

тоды Дома сводилъ къ двумъ слѣдующимъ: считать истиннымъ только то, что очевидно само по себѣ или же доказано; располагать истины въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна изъ другой [1]). Авторы логики Порь-Рояля устанавливаютъ слѣдующія правила: для опредѣленій - не оставлять ни одного мало мальски неяснаго или двусмысленнаго понятія, не опредѣливъ его, и не употреблять въ опредѣленіяхъ иныхъ понятій, кромѣ тѣхъ, которыя уже въ совершенствѣ извѣстны или уже объяснены; для аксіомъ признавать аксіомами только совершенно очевидныя вещи; для демонстрацій—доказывать всѣ мало мальски темныя предложенія, пользуясь или предшествовавшими, уже признанными опредѣленіями, аксіомами и предложеніями или же конструкціею трактуемой вещи и, наконецъ, не злоупотреблять двусмысленностью терминовъ [2]).

Съ твердою вѣрою въ эти правила, а также въ непогрѣшимость и универсальность геометрической методы, новаторы XVII вѣка начинаютъ примѣнять ее во всевозможныхъ направленіяхъ. Менѣе увѣренно поступали въ этомъ отношеніи профессіональные математики. Болѣе рѣшительно поступали не математики по профессіи, желавшіе однако во что бы то ни стало не отстать отъ математиковъ.

Первые, т. е., профессіональные математики слишкомъ хорошо сознавали, что геометрическая метода предполагаетъ не только извѣстные формально-логическіе пріемы, но также и извѣстныя совершенно опредѣленныя и тѣсно ограниченныя матеріальныя данныя. Она не исчерпывается однимъ логическимъ процессомъ дедукціи и доказательства, т. е. вывода однѣхъ истинъ изъ другихъ истинъ. Она неразрывно связана съ наличностью линій, фигуръ, пространственныхъ тѣлъ и т. п. элементовъ. Эти элементы обладаютъ совер-

[1]) Тамъ же.

[2]) La logique ou l'art de penser, IV Partie, Chap. III, стр. 404 третьяго парижскаго изданія 1668 г.

шенно опредѣленными свойствами—пространственностью, дѣлимостью, однородностью состава и т. п. Все это такія свойства, которыми по самому своему существу не обладаютъ, напримѣръ, душевные, моральные или соціальные акты. Человѣкъ, какъ существо психическое и моральное, есть существо совсѣмъ иного порядка, чѣмъ пространственная фигура, тѣло или атомъ. Какъ бы ни подлежала его физическая природа математическому анализу и геометрическому воззрѣнію, его психическая и моральная природа уже ускользаетъ отъ этого. Она не можетъ быть разложена на элементы, аналогичные геометрическимъ. И, напримѣръ, понятіе свободы, какъ замѣтилъ впослѣдствіи Кантъ, неизмѣримо труднѣе понятія трилліона. Недаромъ Декартъ, необыкновенно чуткій ко всему, что касалось математики, упорно и подъ всевозможными предлогами отказывался отъ изслѣдованія моральныхъ и соціальныхъ проблемъ въ духѣ провозглашенной имъ **mathesеos universalis**, предпочиталъ просто размышлять о Богѣ и душѣ, чѣмъ составлять на этотъ счетъ теоремы и проблемы, подобно геометрамъ [1]), и, какъ упомянуто выше (см. стр. 378), только по настоянію своихъ корреспондентовъ далъ образчикъ геометрической методы въ приложеніи къ психологіи и метафизикѣ. Недаромъ и Ньютонъ, повидимому, скорѣе тяготился, чѣмъ наслаждался геометрическою методою уже въ примѣненіи къ физикѣ [2]). Болѣе оптимистически относился къ этой методѣ Лейбницъ. Онъ видѣлъ въ ней универсальную методу всѣхъ наукъ; и если онъ осуждалъ Спинозу, то не за пользованіе, а единственно за злоупотребленіе ею. Однако самъ онъ не рѣшался пользоваться ею въ очень широкихъ размѣрахъ: онъ считалъ

[1]) Meditationes potius, quam... ut Geometrae, Theoremata et Problemata scripserim (Responsio ad Secundas Objectiones, стр. 83 амстердамскаго изданія 1698 г.).

[2]) См. стр. 131 книги L. Bloch'a La philosophie de Newton.

необходимымъ предварительно подготовить „генеральную характеристику" [1]).

Гораздо меньше сомнѣній вызывала геометрическая метода у не геометровъ и не математиковъ—особенно у Спинозы. Хотя какъ упоминалось выше [2]), уже нѣкоторые современники называли Спинозу математикомъ и даже замѣчательнымъ математикомъ (Mathematicus insignis), хотя взглядъ этотъ господствовалъ и въ XVIII вѣкѣ [3]), хотя онъ встрѣчается еще иногда и въ наши дни [4]), однако Спиноза такъ же мало былъ математикомъ [5]), какъ и физикомъ [6]). Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ Гоббеса, физическимъ теоріямъ

[1]) См. объ этомъ Couturat, La logique de Leibniz, стр. 280.

[2]) См. стр. 91, примѣч. 4.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ поэмѣ Вольтера Les systèmes Спиноза доказываетъ небытіе Бога путемъ „математики": Je crois l'avoir prouvé par mes mathématiques.

[4]) „Спинозизмъ есть математическій пантеизмъ", увѣряетъ проф. Виндельбандъ (см. стр. 79 русскаго перевода „Прелюдій", 1904 г.).

[5]) Какъ совершенно основательно замѣтилъ Дюрингъ, вся система Спинозы получила бы гораздо болѣе правильный и естественный видъ, если бы онъ мыслилъ болѣе математически, чѣмъ онъ это дѣлалъ въ дѣйствительности (см. Kritische Geschichte der Philosophie, Dritte Auflage, Leipzig, 1878, стр. 316).

[6]) Въ январѣ 1675 г. Чирнгаузенъ спрашивалъ Спинозу, когда онъ опубликуетъ свои Generalia in Physicis, и получилъ отвѣтъ: nondum ordine conscripta sunt (Epistola LIX, LX, Opera, II, 384, 387). Позволительно сомнѣваться въ научной цѣнности этого, такъ и не появившагося, труда: вполнѣ достаточное основаніе для такого мнѣнія даютъ два письма Спинозы: шестое (Opera, II, 204 sq.), въ которомъ онъ сообщаетъ Ольденбургу свои соображенія и даже опыты по поводу трактата Бойля De Nitro, Fluiditate, et Firmitate (см. по этому поводу замѣчанія Кушу—L. Couchoud, Benoit de Spinoza, Paris, 1902, стр. 85), и сороковое (Opera, II, 329), гдѣ онъ разсказываетъ о своихъ визитахъ къ алхимикамъ и дѣлателямъ золота.

котораго не довѣряли даже обществовѣды XVII вѣка [1]), и котораго въ XIX вѣкѣ только такой поверхностный обществовѣдъ, какъ Людвигъ Гумпловичъ, могъ признать хорошимъ математикомъ, ничего зато не понимавшимъ относительно государства и общества [2]). Спиноза и Гоббесъ были не физики, а физицисты, т. е., философы и обществовѣды, вдохновлявшіеся физикою своего времени и пытавшіеся приложить къ инымъ, болѣе широкимъ сферамъ ея методу и результаты ея изслѣдованій. Оба они дѣйствительно знали и понимали моральную и соціальную жизнь людей. И вмѣстѣ съ тѣмъ оба старались понять такъ, какъ понимала свой

[1]) Такъ, напримѣръ. Гоббесъ объяснялъ происхожденіе грома трескомъ обледенѣвшихъ тучъ и при этомъ, скорѣе въ духѣ схоластики, чѣмъ новой физики, прибѣгалъ даже къ филологіи: propter ipsum sonum, qui proprie *fragor* dicitur: sonum dico, qualem efficit duorum corporum diffractio. Qui fragor quomodo fieri possit in corpore non duro, intelligere non possum (Problemata physica, Cap. VI, Opera, IV, 348). Кумберландъ призналъ такое объясненіе нелѣпымъ (см. De legibus naturae, Cap. II, § 2).

[2]) An Hobbes—увѣряетъ онъ—können wir es lernen, dass man ein tiefer Denker sein kann auf dem Gebiet der Naturwissenschaften, ja sogar ein guter Mathematiker und nicht übler Anthropolog und doch in der Kenntnis des Staates und der Gesellschaft ganz blind sein (Geschichte der Staatstheorien, Innsbruck, 1905, стр. 199). Въ полемикѣ съ Валлисомъ обнаружилась полная математическая несостоятельность Гоббеса. Какъ сообщаетъ Ремюза, извѣстный астрономъ Бертранъ, познакомившись съ математическими сочиненіями Гоббеса, нашелъ въ нихъ такія ошибки, которыя поразили бы ученика, готовящагося къ политехнической школѣ (см. Histoire de la philosophie en Angleterre depuis Bacon jusqu'à Locke, Paris, 1875, томъ I, стр. 356). Гоббесъ представлялъ своеобразное сочетаніе крупнаго обществовѣда и ничтожнаго математика. Въ этомъ отношеніи онъ предварялъ Карла Маркса, о математическихъ погрѣшностяхъ котораго см. въ статьѣ В. І. Борткевича Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band XXV) стр. 480.

міръ физика, и эту жизнь и вообще тотъ міръ, какъ единое цѣлое, которымъ, въ отличіе отъ отдѣльныхъ наукъ, занимается философія. Вотъ почему Гоббесъ могъ конкуррировать съ Декартомъ въ приложеніи общихъ физическихъ идей къ философіи [1]; но онъ уже не могъ быть для него опаснымъ соперникомъ въ спеціальной области физики, какъ таковой, потому что его сферою была все-таки не физика, а этика, хотя и понятая въ духѣ физицизма новаго наукоученія. Это хорошо сознавалъ Лейбницъ: Quid Cartesio in physicis, Hobbio in moralibus acutius? спрашивалъ онъ [2].

И вотъ, кто въ XVII столѣтіи былъ болѣе силенъ въ физицизмѣ, чѣмъ въ физикѣ, тѣ со слишкомъ, можетъ быть, большою легкостью и непринужденностью пользовались методами новой науки, въ частности геометрическою методою. Шире всѣхъ понялъ и использовалъ эту методу Спиноза — психологъ, моралистъ, толкователь Библіи, составитель проектовъ нормальнаго государства, авторъ еврейской грамматики, словомъ, совсѣмъ не геометръ и не математикъ по профессіи. Этимъ объясняется смѣлость его замысла—ordine geometrico построить законченную, безъ какого бы то ни было остатка, раціональную систему міра. Но этимъ же объясняется и неудача выполненія этого замысла. Впрочемъ эту неудачу нельзя исключительно приписывать недостаточному знакомству Спинозы съ математикою и физикою. Въ значительной степени вызывалась она логическими недостатками самой геометрической методы. Въ чемъ же они состояли?

Хотя по общему убѣжденію новаторовъ XVII вѣка геометрическая метода какъ нельзя лучше соотвѣтствовала по-

[1]) Лейбницъ писалъ: M. des Cartes avoit quelque jalousie de la reputation de M. Hobbes qu'il consideroit comme un concourant dans la fondation d'une nouvelle philosophie (Gerhardt, IV, 320).

[2]) Otium Hanoveranum, sive Miscellanea ex ore et schedis illustris viri, G. G. Leibnitii, Lipsiae, 1718, стр. 162.

требностямъ науки и философіи того времени, однако уже авторы логики Поръ-Рояля нашли въ ней цѣлый рядъ недостатковъ [1]), обнаружившихся уже у Эвклида [2]). Первый недостатокъ, весьма вѣрно ими подмѣченный, состоялъ въ томъ, что она разлучаетъ достовѣрность и очевидность и убѣдительное доказательство ставитъ выше дѣйствительнаго познанія реальнаго міра [3]). Вся методологія XVII вѣка была построена на согласіи доказательнаго знанія съ реальною дѣйствительностью. Все своеобразіе раціонализма XVII вѣка состояло въ томъ, что это былъ позитивный раціонализмъ, для котораго истина мысли была вмѣстѣ съ тѣмъ и истиною бытія, для котораго демонстрировать значило одновременно и доказать и показать. Между тѣмъ геометрическая метода, взятая въ ея отвлеченіи отъ геометрической науки, слишкомъ односторонне заботилась о томъ, чтобы доказать, забывая, что необходимо также и показать въ объективной дѣйствительности то, что доказывается. Благодаря этому и получилась упоминавшаяся выше попытка Вейгеля и его учениковъ доказывать геометрически даже троичность Божества и т. п. ирраціональные догматы вѣры.

Еще большій соблазнъ, еще большее основаніе для позднѣйшаго утвержденія Фридриха II, что всякій софизмъ можетъ получить геометрическую санкцію [4]), представило перенесеніе геометрической методы на спорные вопросы текущей практической политики. Въ 1669 г., въ разгарѣ поль-

[1]) См. IV Partie, Chap. IX: De quelques defauts qui se rencontrent d'ordinaire dans la methode des Geometres (стр. 431 и слѣд. изданія 1668 г.).

[2]) Тамъ же: en tirant d'Euclide mesme les exemples de ces defauts.

[3]) Стр. 431: I Defaut. Avoir plus de soin de la certitude que de l'évidence, et de convaincre l'esprit que de l'éclairer.

[4]) Tout sophisme est sanctifié par l'esprit géométrique (Oeuvres, Tome IX, Berlin, 1848, стр. 68).

скаго безкоролевья Лейбницъ вздумалъ ordine geometrico доказывать, что единственный кандидатъ на польскій престолъ—это пфальцграфъ нейбургскій [1]). И всетаки этого пфальцграфа не выбрали, а выбрали Михаила Вишневецкаго, „Пяста"—вопреки шестидесятой теоремѣ Лейбницева трактата, гласившей: rex... Piastus ne esto [2]). Значитъ, Лейбницъ доказывалъ не единственную, однозначную, абсолютную истину, а то, что было желательно бранденбургскому курфюрсту и Бойнебургу. И, значитъ, Лейбницъ также исказилъ геометрическую методу [3]), какъ исказилъ онъ мѣсто, время и имя автора своего трактата [4]). Примѣръ Лейбница соблазнилъ его стараго учителя Эргарда Вейгеля; и спустя 20 лѣтъ появился трактатъ послѣдняго, ordine geometrico доказывавшій, что христіанамъ нечего опасаться новаго турецкаго нашествія [5]). Даже Боссюе, какъ настаиваетъ Лансонъ [6]), далъ геометрическую диспозицію своей клерикально - роялистической „Политикѣ, извлеченной изъ собственныхъ словъ священнаго писанія".

---

[1]) Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum, novo scribendi genere ad claram certitudinem exactum (Dutens, IV, III, 522 sq.).

[2]) Тамъ же, стр. 595.

[3]) Вмѣсто опредѣленій или аксіомъ онъ начинаетъ прямо съ предложеній, причемъ первое же изъ нихъ могло вызвать множество возраженій: bonum Reipublicae cum bono Nobilitatis in Polonia jure coincidit (тамъ, же, стр 525).

[4]) Auctore Georgio Ulicovio Lithuano, juxta exemplar editum Vilnae, 1659.

[5]) Grundmässige Aufflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse, Jena, 1689.

[6]) См. въ Revue de métaphysique et de morale за 1896 г. его статью L'influence de la philosophie cartésienne sur la littérature française (на стр. 539: le livre doit se lire comme on lit un traité de géométrie). Вся книга Боссюе дѣйствительно состоитъ изъ теоремъ (propositions), притязающихъ на аподиктическую достовѣрность.

И вотъ, если даже Спинозу обвиняли и отчасти еще теперь [1]) обвиняютъ въ научной недобросовѣстности уже за то, что онъ, напримѣръ, изложилъ ordine geometrico первыя двѣ части „Принциповъ философіи" Декарта, въ которыхъ онъ со многимъ не соглашался, то что же могли сказать о приведенныхъ случаяхъ примѣненія геометрической методы тѣ, кто не раздѣлялъ доказывавшихся ею тезисовъ? Геометрическая метода переходила здѣсь въ нѣчто аналогичное тѣмъ полусхоластическимъ „дедукціямъ" въ области публичнаго права [2]), которыми давно занимались юристы и публицисты, совсѣмъ не помышлявшіе ни о новомъ міровоззрѣніи ни о новой теоріи науки. И если Лейбницъ въ широковѣщательномъ предисловіи своей дедукціи кандидатуры нѣмецкаго князя на польскій престолъ ссылался на Галилея, Декарта и Гоббеса [3]), то онъ этимъ только компрометтировалъ какъ новую естественную философію, такъ еще болѣе новую гражданскую философію.

---

[1]) См. F. Erhardt, Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, Leipzig, 1908, стр. 184—5.

[2]) См. о нихъ стр. 101 книги Ѳ. В. Тарановскаго „Юридическій методъ въ государственной наукѣ" (Варшава, 1904).

[3]) Raram novamque scribendi rationem affero... Ipsam connexionis formam a Mathematicis petendam censui, qui soli prope mortalium nihil dicunt, quod non probent. Etiam nunc nostro saeculo certitudo earum artium bono generis humani, exundare in caeteras scientias coepit. Princeps Galilaeus reseratis motuum claustris, naturalem scientiam nova foecunditate irrigavit. Hujus exemplo Cartesius altiorem in Metaphysicae sublimia aquae ductum, impari tamen successu, molitus est... Ingeniosissimus Thomas Hobbes Anglus... inter plana et abrupta medius Philosophiae civili se se infudit... In civilibus, tam varie contortis, nemo, nisi a summa severitate ratiocinationis, certitudinem speret... Ego quae hic demonstrata sunt, mihi ipsi primum persuasi... Unica demonstratio onere nos levat mille objectionibus respondendi (Dutens, IV, III, 522—5).

Методологическимъ послѣдствіемъ такого слишкомъ широкаго пользованія, если не прямо злоупотребленія геометрическою методою было то, что не только создавался разрывъ между истиною факта и истиною мысли, но и истина мысли утрачивала свой характеръ однозначной истины. Если два человѣка высказываютъ различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, то одинъ изъ нихъ ошибается, писалъ Декартъ. Но если оба они доказываютъ свои мысли ordine geometrico, то, значитъ, или истины вообще нѣтъ или же метода неправильна. И дѣйствительно, взятая съ чисто формальной, логической стороны, геометрическая метода оказывалась далеко не безупречною и однозначно необходимою въ тѣхъ случаяхъ, когда она примѣнялась ко внѣгеометрическимъ объектамъ [1]).

Другимъ недостаткомъ геометрической методы авторы Логики Поръ-Рояля считали то, что съ ея помощью доказываются вещи, не нуждающіяся въ доказательствѣ [2]). Если великимъ раціоналистамъ XVII вѣка почти удалось избѣжать этого недостатка, то, какъ упомянуто на стр. 269, ихъ эпигоны не одинъ разъ подтвердили, что nil probat, qui nimium probat. Геометрическая метода, особенно у учениковъ великихъ раціоналистовъ XVII вѣка, нерѣдко переходила въ безплодное резонерство, изгонявшее разумъ, какъ жаловался одинъ герой Мольера:

---

[1]) Самую подробную и самую убійственную формальную критику геометрической методы въ Спинозовой „Этикѣ" продѣлалъ ростокскій профессоръ Эргардтъ на стр. 67—196 упомянутой только что книги; на стр. 190 авторъ увѣряетъ, что едва ли найдется философская система, такъ слабо обоснованная, какъ „Этика". Ср. P. L. Couchoud, Benoit de Spinoza, Paris, 1902, стр. 155: c'est une oeuvre philosophique de premier ordre, qui est en grande partie manquée.

[2]) II Defaut. Prouver des choses qui n'ont pas besoin de preuves (IV Partie, Chap. IX, стр. 432 изданія 1668 г.).

Raisonner est l'emploi de toute ma maison,
Et le raisonnement en bannit la raison.

Среди другихъ недостатковъ, сознававшихся Арно и Николемъ [1]), особенно обращаютъ на себя вниманіе четвертый и пятый: геометрическая метода пользуется слишкомъ удаленными путями доказательствъ и она совсѣмъ не заботится объ истинномъ порядкѣ природы. Геометрическая метода, съ ея сложнымъ аппаратомъ опредѣленій, аксіомъ, постулатовъ и теоремъ, весьма часто нарушала тотъ принципъ научной экономіи, который съ легкой руки Маха въ настоящее время часто считается основнымъ принципомъ всякой вообще науки. Подобно той символикѣ, о которой мечталъ Лейбницъ, она уточняла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осложняла ходъ мысли. Послѣдствіемъ этого было то, что обиходная живая рѣчь, для сокращенія пропускающая множество промежуточныхъ членовъ нашихъ разсужденій, оказывалась иногда болѣе экономною и ясною, чѣмъ научная символика и геометрическая дедукція [2]). И это сознавали вольные и невольные представители геометрической методы XVII вѣка. Не напрасно Ньютонъ такъ охотно разставался съ опредѣленіями, аксіомами и теоремами ради болѣе непринужденныхъ схолій [3]). Не напрасно, какъ подсчиталъ ростокскій профессоръ Эргардтъ, изъ 230 страницъ Спинозовой

---

[1]) III Defaut. Demonstrations par l'impossible... IV Defaut. Demonstrations tirées par des voyes trop éloignées.. V Defaut. N'avoir aucun soin du vray ordre de la nature... VI Defaut. Ne se point servir de divisions et de partitions (стр. 434—438).

[2]) Относительно этой стороны символическаго языка авторъ настоящаго изслѣдованія высказался въ рецензіи на книгу С. М. Потапова „Научныя основы права" (Юридическая Библіографія, 1908, № 1).

[3]) См. L. Bloch, La philosophie de Newton, Paris, 1908, стр. 130.

„Этики" 97 совсѣмъ не носятъ геометрической формы [1]). Значитъ, Моргофъ не такъ уже преувеличивалъ, когда онъ, какъ упоминалась выше [2]), увѣрялъ, что Спиноза только покрылъ геометрическимъ лакомъ свою Этику. У самого Спинозы однажды прорвался протестъ противъ геометрической методы: въ одномъ мѣстѣ четвертой части Этики онъ, къ удивленію читателя, покидаетъ эту „растянутую" методу—для большей краткости и легкости, какъ онъ самъ объясняетъ [3]); не менѣе неожиданнымъ оказывается приложеніе къ этой же четвертой части, въ которомъ Спиноза уже не геометрически повторяетъ содержаніе этой части, чтобы его легче было сразу обозрѣть—ut uno aspectu videri possint [4]).

Какъ бы ни были далеки пути геометрической методы, они все же отличались большою, даже чрезмѣрною прямолинейностью. Эта метода хотѣла имѣть дѣло только съ ясными, точными опредѣленіями, аксіомами, постулатами и ихъ послѣдствіями. Только тогда, когда въ ея распоряженіи имѣлись эти данныя, она съ увѣренностью, хотя и тяжело-

---

[1]) Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, Leipzig, 1908, стр. 150; ср. P. L. Couchoud, Benoit de Spinoza, Paris, 1902, стр. 159, а также M. Brasch, Benedict von Spinoza's System der Philosophie, Berlin, 1870, стр. 9. Въ общемъ, въ Этикѣ Спинозы 76 опредѣленій, 16 аксіомъ, 259 предложеній, 70 королляріевъ, 129 схолій, 7 леммъ и 4 постулата (см. Куно Фишера, Спиноза, русск. пер. 1906 г., стр. 541).

[2]) Стр. 377, примѣч. 1.

[3]) Pars IV, Propositio XVIII, Scholium: Sed antequam haec prolixo nostro Geometrico ordine demonstrare incipiam, lubet ipsa Rationis dictamina hic prius breviter ostendere, ut ea, quae sentio, facilius ab unoquoque percipiantur. (Opera, I, 193).

[4]) Appendix: Quae in hac Parte de recta vivendi ratione tradidi, non sunt ita disposita, ut uno aspectu videri possint, sed disperse a me demonstrata sunt, prout scilicet unum ex alio facilius deducere potuerim. Eadem igitur hic recolligere et ad summa capita redigere proposui (Opera, I, 231).

вѣсно, принималась за свое дѣло [1]). Между тѣмъ въ дѣйствительномъ мірѣ далеко не все такъ прямолинейно, такъ симметрично. Въ дѣйствительномъ ходѣ вещей и событій, какъ выразился впослѣдствіи Лессингъ, прямая линія далеко не всегда оказывается кратчайшимъ путемъ. Закономѣрность всего въ мірѣ еще не означаетъ симметріи міроздания. Ordo rerum далеко не во всѣхъ своихъ деталяхъ совпадаетъ съ ordo idearum, путь жизни нерѣдко расходится съ путемъ мысли, если послѣдній оказывается слишкомъ прямымъ. Какъ бы сознавая это, уже авторы Логики Поръ-Рояля и формулируютъ пятый по ихъ счету недостатокъ геометрической методы - n'avoir aucun soin du vray ordre de la nature [2]). La nature n'est point abstraite [3]), замѣтилъ Мальбраншъ по поводу геометрической методы и ея неудачъ.

Такимъ образомъ геометрическая метода новаторовъ XVII вѣка оказалась далеко не такимъ универсальнымъ пріемомъ міропознанія, какъ они думали. Слишкомъ раціональная, слишкомъ опредѣленная, она оказывалась безсильною

---

[1]) Паскаль писалъ: les géomètres qui ne sont que géomètres ont... l'esprit droit, mais pourveu qu'on leur explique bien toutes choses par definitions et principes, autrement ils sont faux et insupportables, car ils ne sont droits que sur les principes bien eclaircis (Pensées, II, 164, изданія 1877—9).

[2]) См. выше, стр. 395.

[3]) La géométrie est donc très-utile pour rendre l'esprit attentif aux choses dont on veut découvrir les rapports; mais il faut avouer qu'elle nous est quelquefois occasion d'erreur, parce que nous nous occupons si fort des démonstrations évidentes et agréables que cette science nous fournit, que nous ne considérons pas assez la nature. C'est principalement pour cette raison que toutes les machines qu'on invente ne reussissent pas, que toutes les compositions de musique où les proportion de consonnances sont le mieux observées ne sont pas les plus agréables, et que les supputations les plus exactes dans l'astronomie ne prédisent quelquefois pas mieux la grandeur et le temps des éclipses. La nature n'est point abstraite (Recherche de la vérité, L. VI, I Partie, Chap. IV, Oeuvres, IV, 288).

въ тѣхъ случаяхъ, когда, несмотря на увѣренность новаторовъ, что въ мірѣ все опредѣленно [1]), обнаруживалось, что не все опредѣлимо человѣческимъ умомъ—по крайней мѣрѣ съ такою точностью, какая составляла необходимое условіе и гордость [2]) геометріи, не признающей полузнанія [3]). Такъ, напримѣръ, Спиноза утверждалъ, что, если въ природѣ существуетъ, положимъ, 20 человѣкъ, то необходимо геометрически доказать, почему ихъ именно 20, а не больше и не меньше [4]). Успѣхъ того мірового детерминизма, той опредѣленности всего на свѣтѣ, которыя постулировались геометрическою методою, зависѣлъ отъ успѣха тѣхъ опредѣленій, надъ которыми не напрасно такъ усердно трудились раціоналисты XVII вѣка. Но задача была слишкомъ сложна. И имъ не удалось опредѣлить всѣхъ безъ остатка элементовъ міра, изъ которыхъ съ логическою необходимостью слѣдовало бы, что должно существовать именно двадцать человѣкъ, а не иное число. А безъ опредѣленій геометрическая метода безсильна.

Въ приложеніи этой методы къ моральному міру не могла не обнаружиться неопредѣленность, если не ирраціональность многихъ его фактическихъ проявленій. Не напрасно уже Аристотель жаловался, что, напримѣръ, тиран-

[1]) Э. Вейгель писалъ: cum enim natura rerum in se determinata potius sit quam indeterminata и т. д. (Idea Matheseos Universae, Jenae, 1669, стр. 29). Спиноза училъ: in rerum natura nullum datur contingens; sed omnia... determinata sunt ad certo modo existendum et operandum (Ethica, Pars I, Propos. XXIX, Opera, I, 59).

[2]) Les géomètres sont les plus exacts de ceux qui se mêlent de raisonner, писалъ Мальбраншъ (Entretiens sur la métaphysique, Premier entretien, Oeuvres, I, 19).

[3]) Un avantage de l'étude de la géométrie est de porter l'esprit à croire qu'on ne sait suffisamment que ce qu'on sait parfaitement.

[4]) Ethica, Pars I, Prop. VIII, Scholium II, Opera, I, 42.

нія „неопредѣленна" [1]). Хотя Копрингъ—придворный врачъ Христины Шведской, профессоръ медицины, получившій по истеченіи многихъ лѣтъ ея преподаванія также и профессуру политики [2]),—сдѣлалъ немало для соціальной физики своего времени, хотя и ему, пропагандировавшему новоткрытое кровообращеніе, далеко не чужда была мысль о механикѣ человѣческаго общежитія, тѣмъ не менѣе онъ не допускалъ, чтобы такая наука могла быть создана геометрическимъ путемъ. Мотивировалъ онъ это ratione objecti [3]), тѣмъ, что положительный матеріалъ этой науки не обладаетъ математическою точностью и доказательностью, что однако нисколько не мѣшаетъ ей быть наукою, но наукою уже иного, не математическаго типа [4]). Какъ ни аналогиченъ матеріалъ обществовѣдѣнія матеріалу астрономіи, онъ все же познается путемъ опыта, а не демонстраціи [5]), которая вслѣд-

[1]) Реторика, I, IX (въ изданіи Firmin Didot, I, 328).

[2]) См. O. Stobbe, Herman Conring, der Begründer der deutschen Rechtsgeschichte, Berlin, 1870, стр. 10.

[3]) De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XIV (стр. 6 въ третьемъ томѣ брауншвейгскаго изданія его сочиненій, 1730 г.).

[4]) De civili prudentia, Cap. IX, § 18: Scientiae quidem nomen haud sane dubitamus illi (Politicae) attribuere... Quoniam tamen civilia plaeraque non aliam habeant necessitatem, quam illam, quae ex hypothesi est, atque adeo de reliquo illa sint contingentia, contingentium autem non possit dari certa scientia; manifestum hinc est, non assequi Politicam illum gradum Scientiae, quem obtinent Mathematicae, aut etiam theoreticarum reliquae .. Est igitur quidem accuratior Politica illa Scientia quaedam: non tamen pari cum Mathematicis aliisque theoreticis dignitate (стр. 333 въ томъ же изданіи).

[5]) Ut autem φαινόμενα coelestia principia sunt astronomiae, ita et res civiles in sensus incurrentes, principia sunt philosophiae civilis seu politices. Hae vero solis sensibus atque experientia addisci possunt, demonstrari certo nequeunt (De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XIV).

ствіе этого, какъ очень настойчиво доказывалъ Конрингъ въ полемикѣ съ Лейбницемъ [1]), никакъ не можетъ быть признана единымъ и универсальнымъ путемъ науки. Для обществовѣдѣнія путь научнаго опыта — это путь исторіи. И именно этотъ путь дѣйствительно соотвѣтствуетъ въ этой области тому пути, которому въ своей области слѣдуетъ физика: ita historia civilis docet quaecunque incurrunt in sensus, de rebus civilibus, ut physica, quae de rebus naturalibus [2]). Сообразно съ этимъ Конрингъ объявляетъ исторію [3]) пробнымъ камнемъ всѣхъ законовъ въ государствѣ. При этомъ исторія характеризуется имъ такъ, какъ ее понимали скорѣе въ XIX, чѣмъ въ XVII столѣтіи: она должна заниматься не только отрывочными фактами прошлаго, но и учрежденіями [4]); занимаясь правомъ, она должна связывать его не только съ отвлеченною справедливостью, но и съ нравами,

[1]) См. всю эту чрезвычайно интересную переписку въ I томѣ сочиненій Лейбница, изданныхъ Gerhardt'омъ (стр. 153—207); особенно характерно письмо Конринга отъ 26 февраля 1678 г. (стр. 189 и слѣд.).

[2]) De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XVII; ср. Ѳ. В. Тарановскаго, Юридическій методъ въ государственной наукѣ (Варшава, 1904), стр. 240, А. В. Горбунова, Методологическія основы дисциплинъ, изучающихъ дѣятельность государства (Москва, 1906), стр. 26.

[3]) Historia enim est quasi Lydius lapis, aut amussis quaedam, ad quam omnes leges omniaque praecepta ac pronunciata communia politicus possit, ac debeat explorare (De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XXXVII).

[4]) Patet, quicunque integram hanc scientiam plane cupit perspectam habere, necesse illi esse, teneat non tantum multorum regnorum res gestas, sed omnino et variarum Aristocratiarum, Democratiarum, Oligarchiarum diversas constitutiones, atque mutationes, id est, habeat cognitionem historicam perfectam, omnium omnino specierum rerumpublicarum (De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XVIII).

порядками, особенностями даннаго народа [1]), вообще съ тѣмъ внѣюридическимъ „внѣшнимъ міромъ" (Aussenwelt), на который указалъ одностороннимъ догматическимъ историкамъ права Р. Іерингъ въ Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts, въ чемъ, какъ доказываетъ Ѳ. В. Тарановскій [2]), его предшественникомъ былъ не кто иной какъ Лейбницъ (въ Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae).

При такомъ пониманіи задачъ положительнаго обществовѣдѣнія, нѣтъ ничего удивительнаго, что Конрингъ не предпосылаетъ никакихъ опредѣленій своимъ работамъ вродѣ Exercitatio historico-politica [3]), и вообще отказывается отъ геометрической методы, тѣмъ болѣе что, какъ типичный полиисторъ, какъ „океанъ эрудиціи" [4]), онъ занимался исторіею не номографически, а монографически, черпалъ свой матеріалъ non ex historia universali, sed singulari [5]) и всякаго рода обобщеніямъ предпочиталъ descriptionem singularem rerum publicarum [6]).

Эта описательно - историческая метода оказалась какъ нельзя лучше пригодною для дѣйствительной критики священной римской имперіи, этого, какъ выражался Пуффендорфъ, политическаго монстра, о которомъ впослѣдствіи Вольтеръ заявилъ, что это—ни священная, ни римская, ни импе-

[1]) См. Theses miscellaneae de civili prudentia, 42, 43: De utilitata et aequitate legum latarum nemo judicare potest nisi norit 1) quid in sese aequum et reipublicae conveniens est, 2) illius populi, et illius reipublicae, cujus sunt, leges, indolem, mores atque instituta (стр. 278 въ III томѣ изданія 1730 г.).

[2]) Лейбницъ и т. н. внѣшняя исторія права, С.-Петербургъ, 1906, стр. 5.

[3]) См. по этому поводу V. John, Geschichte der Statistik, I Teil, Stuttgart, 1884, стр. 57.

[4]) Oceanus ille omnis fere eruditionis—такъ его охарактеризовалъ Ахенвалль (John, 52).

[5]) John, 62.

[6]) Тамъ же, 61.

рія, и который въ XVII столѣтіи являлъ картину небывалаго несоотвѣтствія между величавою идеею всемірной державы и реальною анархіею Германіи:

ein schwerer Traum,
Wo Missgestalt in Missgestalten schaltet,
Das Ungesetz gesetzlich überwaltet,
Und eine Welt des Irrtums sich entfaltet.

Для того, чтобы дѣйствительно разобраться въ этомъ блестящемъ политическомъ облакѣ, мало было одной иронiи и насмѣшекъ. Нельзя было ограничиться и апріорными дедукціями. Необходимо было тщательное историко-юридическое изслѣдованіе. И Конрингъ сдѣлалъ это съ такимъ мастерствомъ, что его работа De origine juris germanici и донынѣ очень высоко цѣнится какъ историками [1]), такъ и юристами.

Такимъ образомъ оказывалось, что не геометрія, а исторія, эта „прекраснѣйшая часть эрудиціи" [2]), эта наука о единичномъ [3]) и вторая рука политики [4]), давала дѣйствительное знаніе о человѣческомъ мірѣ, знаніе хотя и могущее обладать въ своемъ родѣ чрезвычайно большою точностью, но все же въ методологическомъ отношеніи принципіально от-

[1]) См. Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie, 1885, стр. 589 и слѣд.

[2]) Historiarum cognitio pulcherrima eruditionis pars, писалъ Амосъ Коменскій (Monumenta Germaniae Paedagogica, XXVI, 168), присоединявшій на этомъ основаніи къ „пансофіи" еще и „панисторію", о чемъ см. въ X главѣ.

[3]) Historia significat singulorum notitiam, писалъ Гокленіусъ (Lexicon philosophicum, 626).

[4]) Pertinent ad Auctores Politicos etiam Historici; illi enim manus inter se jungunt, estque Historia quasi altera Politices manus (Morhof, Polyhistor, II, 493).

личное отъ геометріи и даже вообще „науки", понимаемой въ смыслѣ науки раціональнаго типа [1]).

Въ такомъ духѣ высказывался не только Конрингъ, вѣрившій еще въ Аристотеля и вообще не чрезмѣрно увлекавшійся новою теоріею науки XVII вѣка, какъ видно изъ его полемики съ Лейбницемъ. Въ такомъ же духѣ высказывался и его противникъ Лейбницъ, который, несмотря на все свое увлеченіе геометрическою методою, отдѣлялъ физику отъ математики какъ науку полуэмпирическую отъ науки чистой и уподоблялъ ученіе о нравахъ не математикѣ, а физикѣ [2]). Лейбницъ, этотъ универсальный геній, занимался также и исторіею не только потому, что ему было дано соотвѣтственное порученіе ганноверскою вѣтвью брауншвейгъ-люнебургской династіи, практически заинтересованной въ возможно болѣе блестящей родословной [3]), но еще и потому, что онъ по собственному влеченію „наслаждался чтеніемъ исторій" [4]) и изученіемъ смѣны вещей во времени. Ему нрави-

[1]) Historicum opponitur nonunquam disparate Scientiali, писалъ Гокленіусъ (Lexicon philosophicum, 627).

[2]) Otium Hanoveranum, sive Miscellanea ex ore et schedis illustris viri, G. G. Leibnitii. Lipsiae, 1718, стр. 189. Doctrina de moribus non est scientia, ut doctrina de iusto et utili, a quibus differt ut Physica a phoronomica, Mathesis mixta a pura, Theologia revelata a naturali: principia enim ejus ab experientia pendent, at non principia scientiae, quae sunt definitionis. Et si scientia appellari potest, erit mixta, qualis Optica, Musica, Physica, Medicina. Mores autem sunt observationes de eo, quod homo voluntarie facit.

[3]) См. стр. 240 статьи Leibnitz, als Geschichtsforscher und als Beförderer wissenschaftlichen Vereine, von H. A. Erhard (Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Alterthumskunde, X Band, Münster, 1847).

[4]) Ego crescente aetate atque viribus mirifice historiarum lectione delectabar. См. Vita Leibnitii a se ipso breviter delineata. (Die Werke von Leibniz, Ausgabe von O. Klopp. I Reihe, I Band, Hannover, 1864, стр. XXXIV).

лось intueri... magnarum rerum origines in ipso fonte [1]). Jucundum etiam est, писалъ онъ же,... ritus observare, mutationes rerum, formularum, morum, jurium ab aliquot seculis agnoscere [2]). Примѣняя къ нему самому одно изъ его любимыхъ выраженій, можно сказать, что онъ былъ chargé du passé. Въ качествѣ не ремесленника, а артиста науки, котораго захватываетъ всякая тема, всякая проблема, Лейбницъ живо заинтересовался предложенною ему ганноверскимъ домомъ историческою работою. И какъ истинный философъ, связывающій самое мелкое и кропотливое изслѣдованіе съ общими вопросами науки и міропониманія, онъ не могъ обойти вопроса о познавательной цѣнности историческихъ изслѣдованій. Онъ пишетъ спеціальный трактатъ, опровергающій пренебрежительное отношеніе картезіанцевъ къ исторіи [3]); онъ вызываетъ къ жизни (въ 1690 г.) collegium historicum imperiale въ Вѣнѣ [4]); онъ даетъ совершенно новое, своеобразное освѣщеніе значенію для исторіи международныхъ актовъ [5]), этихъ болѣе прочныхъ, чѣмъ камни и металлъ, наглядныхъ памятниковъ, въ которыхъ происходитъ, такъ сказать, кристаллизація ея результатовъ; онъ устанавливаетъ правила исторической критики или, какъ онъ выражается, „законы исторіи" [6]), и требуетъ, чтобы факты констатировались съ большою осторожностью, ибо историческія свидѣтельства соотвѣтствуютъ опыту въ физикѣ и разуму въ математикѣ [1]). Въ одномъ мѣстѣ Nouveaux essais этотъ удивительный геній, предвосхищая то, чѣмъ впослѣдствіи гордилась историческая наука XIX вѣка, указалъ необходимость сравнительной исторіи и обратилъ вниманіе на историческое значеніе сравнительнаго языкознанія [2]).

Если насъ не должно черезчуръ удивлять то, что Лейбницъ, весьма широко понимавшій научное и философское значеніе идеи развитія, ориентировался въ реальномъ человѣческомъ общежитіи съ помощью исторіи, то довольно неожиданнымъ обстоятельствомъ является то, что подобнымъ же образомъ поступалъ и Спиноза. Онъ увѣрялъ въ „Политическомъ трактатѣ", что всѣ его проекты этого трактата основаны на опытѣ, который будто бы уже безъ остатка далъ все, что можно вообще знать о государствѣ [3]). Какого

---

[1]) См. предисловіе къ Codex juris gentium diplomaticus (Die Werke von Leibniz, herausgegeben von O. Klopp, Band VI, 463).

[2]) Тамъ же.

[3]) Spongia Exprobrationum, seu quod nullum doctrinae verae genus sit contemnendum (см. Couturat, La logique de Leibniz, 159).

[4]) См. Куно Фишера, Лейбницъ, русск. пер. 1905 г., стр. 204.

[5]) Sunt igitur Actorum publicorum Tabulae pars Historiae certissima, quibus perinde ac Numismatibus et lapidum inscriptionibus, rerum fides transmittitur posteritati. Et reperta Typographia factum est, ut tutius chartae quam saxis aut metallis credas (Werke, Klopp, VI, 461).

[6]) Тамъ же, 460.

[1]) Didici in mathematicis ingenio, in natura experimentis, in legibus divinis humanisque auctoritate, in historia testimoniis nitendum esse (см. Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie, München und Leipzig, 1885, стр. 653).

[2]) Quand il n'y auroit plus de livre ancien à examiner, les langues tiendront lieu des livres et ce sont les plus anciens monumens du Genre humain. On enregistrera avec le temps et mettra en Dictionnaires et en Grammaires toutes les langues de l'univers, et on les comparera entre elles; ce qui aura des usages très grands tant pour la connoissance des choses, puisque les noms souvent repondent à leur proprietés (comme l'on voit par les denominations des Plantes chez de differens peuples) que pour la connoissance de nostre esprit et de la merveilleuse varieté de ses operations. Sans parler de l'origine des peuples, qu'on connoistra par le moyen des etymologies solides que la comparaison des langues fournira le mieux (III, IX, 9, Gerhardt, V, 317).

[3]) Et sane mihi plane persuadeo, experientiam omnia Civitatum genera, quae concipi possunt, ut homines concorditer vivant, et simul media, quibus multitudo dirigi, seu quibus intra certos limites contineri debeat, ostendisse: ita ut non credam, nos posse ali-

же характера этотъ опытъ? Чисто историческаго. И сообразно съ этимъ авторъ „Этики", этой универсальной раціональной системы мірозданія, въ которой все построено ordine geometrico, въ своемъ политическомъ построеніи неоднократно ссылается на исторію. Онъ, напримѣръ, цитируетъ Тацита [1]) и подтверждаетъ цѣлый рядъ своихъ положеній тѣмъ, что съ ними не могутъ не согласиться люди, читавшіе исторію или, какъ онъ, въ согласіи съ тогдашнею манерою, выражается, исторіи [2]).

Такимъ образомъ оказалось, что цѣлый рядъ вопросовъ положительнаго обществовѣдѣнія рѣшается научно помимо геометрической методы. Но этого еще мало. Оказалось, что, несмотря на всю монистическую тенденцію новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки, въ мірѣ нравственномъ возможенъ и даже необходимъ разрывъ между онтологіею и деонтологіею, причемъ доказательству, геометрической методѣ подлежитъ только деонтологія.

Особенно поучительна въ этомъ отношеніи знаменитая книга Гуго Гроція De jure belli ac pacis. Затронутый новыми физическими и математическими идеями, несмотря на свою схоластическую эрудицію и чрезмѣрное пристрастіе къ филологической орнаментаціи [3]), онъ собирался внести математическую достовѣрность въ свое ученіе о правѣ. И, какъ полагается при этомъ, онъ особенно тщательно заботился объ

---

quid, quod ab experientia sive praxi non abhorreat, cogitatione de hac re assequi quod nondum expertum compertumque sit (Cap. I, § 3, Opera, I, 270).

[1]) Cap. VII, § 21, стр. 307.

[2]) Cap. VII, § 14, стр. 304: et nemo, qui Historias legit, ignorare potest; § 17, стр. 305: norunt omnes, qui historias, tam sacras quam profanas legerunt; § 24, стр. 308: et praeter haec plurima exempla in historiis leguntur; Cap. VIII, § 18, стр. 319: et quantum ex eorum historiis conjicere possumus.

[3]) См. выше, стр. 17.

опредѣленіяхъ [1]). Однако, въ отличіе отъ обычныхъ опредѣленій, дѣлавшихся въ духѣ позитивнаго раціонализма того времени, его опредѣленіе этическихъ понятій права и справедливости оказалось не позитивнымъ, а негативнымъ. Справедливость опредѣляется имъ negante magis sensu, quam aiente [2]), какъ отсутствіе несправедливости, которая опредѣляется опять таки негативно какъ то, что противно нѣкоему деонтологическому идеалу, именно „природѣ общества пользующихся разумомъ" — идеалу, руководящему правовою философіею раціоналистическаго типа отъ Гуго Гроція до Штаммлера включительно съ его Gemeinschaft frei wollender Menschen. Такимъ образомъ идеалъ отрывался отъ дѣйствительности, и приходилось выбирать между онтологіею и деонтологіею. Гроцій въ концѣ концовъ предпочелъ онтологію. Но тогда пришлось уже отказаться отъ математической методы и, какъ не могъ ему простить Руссо [3]), основывать право на фактѣ [4]). Тотъ же самый Гуго Гроцій, который въ „Пролегоменахъ" своей книги собирался разсуждать о правѣ такъ, какъ математики разсуждаютъ о фигурахъ, отвлеченныхъ отъ тѣлъ [5]), во второй книгѣ своего трактата объявляетъ, со ссылкою на Аристотеля, величайшею истиною то, что относительно морали нельзя разсуждать такъ, какъ математики разсуждаютъ о фигурахъ, отвлеченныхъ отъ матеріи [6]). Въ математикѣ, гдѣ

---

[1]) In toto opere... proposui, ut definiendi rationes redderem quam maxime evidentes (Prolegomena).

[2]) Lib. I, Cap. I, III.

[3]) Contrat social, I, II: sa plus constante manière de raisonner est d'établir toujours le droit par le fait.

[4]) Denique necesse est concedamus fieri posse, quod factum videmus, оправдывался Гроцій (Lib. III, Cap. XVII, II).

[5]) Sicut Mathematici figuras a corporibus semotas considerant.

[6]) Verissimum est quod scripsit Aristoteles, in moralibus non aeque, ut in mathematicis disciplinis certitudinem inveniri: quod eo evenit, quia mathematicae disciplinae a materia omni formas sepa-

все доказывается, нѣтъ ничего средняго между прямыми и кривыми линіями, нѣтъ компромисса. Между тѣмъ въ мірѣ моральной онтологіи все построено на уступкахъ, компромиссахъ, но поэтому нѣтъ также ничего доказательнаго.

Если нельзя доказать геометрически, что дѣлаютъ люди, можно доказать, что дѣлать. Такъ, напримѣръ, въ „Этикѣ" и въ „Политическомъ трактатѣ" Спиноза съ аподиктическою убѣдительностью, какъ ему по крайней мѣрѣ казалось, доказывалъ, какъ слѣдуетъ разумно устраивать личную и публичную жизнь людей. Отмѣченная выше (на стр. 57) вѣра новаторовъ XVII вѣка въ моральную и соціальную технику, доходившая, напримѣръ, у Гоббеса до того, что онъ ставилъ ее выше чистаго знанія [1]), нашла себѣ союзницу въ геометрической методѣ. Въ полное подтвержденіе ея перваго недостатка, отмѣченнаго логикою Поръ-Рояля [2]), оказалось, что она не столько показываетъ, сколько доказываетъ и притомъ доказываетъ не сущее, а должное, создаетъ не онтологію, а деонтологію. Оказалось, что по большей части нельзя по-

---

rant, et quia formae ipsae tales plerumque sunt, ut nihil habeant interiectum, sicut inter rectum et curvum nihil est medii (Lib. II, Cap. XXIII, I).

[1]) Moralis vero et civilis philosophiae utilitas non tam ex commodis quae ab ea cognita quam ex calamitatibus quas ab ejus ignoratione habemus, aestimanda est (De corpore, Cap. I, 7, Opera, I, 7); ср. его почти буквально предваряющее Огюста Конта опредѣленіе задачи философіи: finis autem seu scopus philosophiae est, ut praevisis effectibus uti possimus ad commoda nostra, vel ut effectibus animo conceptis per corporum ad corpora applicationem, effectus similes, quatenus humana vis et rerum materia patietur, ad vitae humanae usus industria hominum producantur... Scientia propter potentiam; Theorema (quod apud Geometras proprietatis investigatio est) propter problemata, id est propter artem construendi; omnis denique speculatio, actionis vel operis alicujus gratia instituta est (тамъ же, § 6, стр. 6).

[2]) См. выше, стр. 391.

казать того, что можно отлично доказать. И наоборотъ, нельзя доказать того, что можно показать.

Такого раздвоенія не знала новая раціональная механика того времени, представлявшая, какъ указывалось выше, небывалое въ исторіи наукъ совпаденіе онтологіи и деонтологіи, реальности и доказательности. Съ одной стороны, чисто дедуктивнымъ путемъ она, какъ выразился Даламберъ [1]), устанавливала, что „должно" происходитъ съ тѣлами, указывала имъ ихъ долгъ, ихъ физическую обязанность, если можно такъ выразиться. Съ другой же стороны, она такъ вѣрно описывала то, что происходитъ въ эмпирической дѣйствительности, что Кирхгофъ могъ впослѣдствіи настаивать на томъ, что это—чисто описательная наука. Эта особенность главной науки новаго міровоззрѣнія легла въ основаніе всей новой теоріи науки, дала тонъ всему позитивному раціонализму XVII вѣка.

И вотъ оказалось, что если этотъ раціонализмъ блестяще исполняетъ свое дѣло въ предѣлахъ физическаго міра, если онъ болѣе или менѣе удачно справляется съ психическимъ міромъ—путемъ опредѣленія „аффектовъ" и выведенія изъ нихъ всего фактическаго человѣческаго поведенія—то онъ уже менѣе удачно справляется съ моральнымъ міромъ. Въ этой области онъ какъ бы раскалывается на двѣ части. И вмѣсто единаго позитивнаго раціонализма получаются съ одной стороны позитивизмъ, съ другой—раціонализмъ, чуждые, если еще и не враждебные другъ другу. Нравственно

---

[1]) Traité de dynamique, стр. XXIV изданія 1796 г.: or nous croyons avoir démontré,... qu'un Corps abandonné à lui-même doit persister éternellement dans son état de repos ou de mouvement uniforme; nous croyons avoir démontré de même que s'il tend à se mouvoir à la fois suivant les deux côtés d'un parallélogramme quelconque, la diagonale est la direction qu'il doit prendre de lui-même, et pour ainsi dire, choisir entre toutes les autres.

необходимое, оказывается, не совпадаетъ съ фактически необходимымъ и образуетъ особый міръ деонтологіи, принципіально отличный отъ міра онтологіи. Логика фактовъ не поддается геометрическому доказательству, а логика геометрическаго доказательства не подтверждается фактами. Этическая закономѣрность, поскольку она устанавливается геометрическимъ путемъ, путемъ доказательства, не только не совпадаетъ съ психическою закономѣрностью, но даже принципіально отличается отъ нея. И она находитъ себѣ примѣненіе только въ какомъ-то новомъ сверхпсихологическомъ мірѣ. Такимъ образомъ возродилось, хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ, Платоново ученіе о двухъ мірахъ.

Строго методическое, свободное отъ метафизики старинаго моральнаго міровоззрѣнія изслѣдованіе новаго міра, міра нравственно должнаго, хотя никогда фактически и не происходящаго, было задумано Кантомъ. И осуществленіе этой задачи кенигсбергскимъ философомъ представляетъ, быть можетъ, лучшую сторону его философіи, еще и донынѣ могущую притязать на прочное, если не вѣчное практическое значеніе—особенно въ странахъ съ протестантскою этическою культурою. Взятая же съ чисто теоретической, именно, методологической стороны, нравственная философія Канта интересна прежде всего тѣмъ, что доказательнымъ и достовѣрнымъ въ области этики она признаетъ только должное:

> Was uns zu thun gebührt, dess sind wir nur gewiss,

гласила эпитафія, сочиненная имъ для пастора Лиліенталя, сочетавшаго бракомъ его родителей Далѣе, она устанавливаетъ нравственно должное путемъ доказательства; и въ предисловіи къ „Критикѣ практическаго разума" его точность и достовѣрность уподобляется точности и достовѣрности математической формулы. Въ полномъ согласіи съ убѣжденіемъ теоретиковъ XVIII вѣка въ геометрической очевидности

этическихъ истинъ [1]), Кантъ выводитъ нравственную формулу, можно сказать, ordine geometrico. И эта формула имѣетъ у него значеніе естественнаго закона, своего рода закона природы: handle so, als ob die Maxime deiner Handlung durch deinen Willen zum allgemeinen Naturgesetze werden sollte—такъ формулируетъ онъ этотъ законъ въ своей „Метафизикѣ нравовъ" [2]).

Все это представляло очень крупное философское дѣло. Но это не было дѣломъ одного Канта. Оно было подготовлено великими раціоналистами XVII вѣка. Именно они сказали въ этомъ отношеніи первое слово. Именно они открываютъ новую эру въ исторіи нравственной философіи. Именно у нихъ впервые происходитъ перерожденіе практической этики примѣнительно къ математическому духу столѣтія вообще и геометрической методѣ въ частности.

Начитанный хранитель мазаринской библіотеки Нодэ, вообще не чрезмѣрно сочувствовавшій философскимъ новаторамъ XVII вѣка и, какъ всякій библіотекарь по призванію, цѣнившій старыя книги больше, чѣмъ новыя, уже просто потому, что это—старыя книги, не особенно сочувственно относился къ попыткамъ научныхъ новаторовъ его времени разсуждать о морали и находилъ въ нихъ мало похвальнаго [3]). Кое что дѣйствительно было не совсѣмъ похвально—хотя

---

[1]) См., напримѣръ, Ernst Platners Philosophische Aphorismen, Leipzig, 1776, § 974: Die Evidenz der moralischen Gewissheit ist so gross, als die Evidenz der geometrischen; ср. разсужденія физіократовъ о томъ, что проектировавшійся ими „естественный и существенный порядокъ" человѣческаго общежитія обладаетъ деспотическою очевидностью Эвклидовой геометріи.

[2]) Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, zweite Auflage, Riga, 1786, стр. 52.

[3]) См. Gabrielis Naudaei Parisini Bibliographia politica, Lugd. Batav. 1642, стр. 28: Ex recentioribus autem licet infiniti ferme de Morali doctrina scripserint, paucos nihilominus hic esse laudandos existimo.

бы, напримѣръ, малодушная уклончивость Декарта отъ прямого и методическаго рѣшенія принципіальныхъ вопросовъ этики. Въ перепискѣ Декарта съ Елисаветою Пфальцскою, силою обстоятельствъ поставленною въ такія условія, что ей пришлось разбираться въ вопросахъ жизни sans conseil que celuy de son propre raisonnement, какъ она сама писала [1]), это малодушіе проявилось съ такою несомнѣнностью, что меланхолическая [2]) принцесса сочла даже возможнымъ найти отсутствіе методы въ тѣхъ моральныхъ сочиненіяхъ, которыя ей рекомендовалъ авторъ Discour de la méthode [3]), предпочитавшій ссылаться на этику древнихъ, чѣмъ методически строить новую этику и, по собственному признанію, не охотно писавшій о нравственныхъ вопросахъ: auctor non libenter scribit ethica, писалъ онъ о самомъ себѣ въ одной недавно изданной рукописи [4]). Фуше де Карейль увѣрялъ даже, что вся переписка Декарта по моральнымъ вопросамъ съ Елисаветою Пфальцскою и Христиною Шведскою была имъ затѣяна только для того, чтобы завести съ ними сношенія [5]) и что, значитъ, этика была здѣсь не цѣлью, а предлогомъ. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ тотъ же авторъ въ другомъ изслѣдованіи, нравственность не могла имѣть на-

---

[1]) См. Victor de Swarte, Descartes directeur spirituel, Paris, 1904, стр. 39.

[2]) См. A. Foucher de Careil, Descartes, la princesse Elisabeth et la reine Christine d'après des lettres inédites, Paris, 1879, стр. 34 и слѣд.

[3]) Получивъ отъ Декарта совѣтъ прочесть разсужденія Сенеки о счастьи, Елисавета писала ему: j'ay trouvé en examinant le livre que vous m'avez recommandé, quantité de belles periodes et de sentences bien imaginées pour me donner sujet d'une méditation agréable, mais non pas pour m'instruire de celuy dont il traite, puisqu'elles sont sans méthode (тамъ же, стр. 67).

[4]) Manuscript de Goettingen, Revue bourgignonne de l'enseignement supérieur, 1896, томъ VI, стр. 50.

[5]) См. стр. 100 и 37 только что упомянутой его книги.

учнаго характера для Декарта уже потому, что онъ всецѣло подчинялъ ея законы произволу Бога, въ полную противоположность Лейбницу, для котораго этика такъ же неизмѣнна и абсолютна, какъ и геометрическія теоремы [1]). И хотя „деликатный", какъ выражается Э. Бутру [2]), вопросъ объ этикѣ Декарта рѣшается иногда въ томъ смыслѣ, что онъ создалъ методическое и даже раціональное ученіе о нравственно должномъ [3]), однако правильнѣе, кажется, считать область деонтологической этики совершенно незатронутою методическою философіею Декарта. Быть можетъ, это объясняется просто тѣмъ, что преждевременная смерть помѣшала ему методически разслѣдовать все древо философіи, въ которомъ, по классификаціи предисловія къ Principia Philosophiae [4]), этика оказывается послѣднею по счету вѣтвью.

Но чего не сдѣлалъ Декартъ, то сдѣлали другіе новаторы. И сдѣлали они это ordine geometrico. Они сознавали необходимость новой этики уже просто потому, что на фонѣ новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки слишкомъ

---

[1]) Mémoire sur la philosophie de Leibniz, Paris, 1905, томъ II, стр. 290.

[2]) См. его статью Du rapport de la morale à la science dans la philosophie de Descartes (Revue de métaphysique et de morale, 1896, стр. 504).

[3]) Таково мнѣніе самого Бутру: см стр. 509 только что указанной его статьи; см. у Гёффдинга изложенную на двухъ страницахъ „этику" Декарта (Geschichte der neueren Philosophie, I Band, Leipzig, 1895, стр. 264—6); болѣе, кажется, правильно оцѣнилъ эту этику авторъ одной нѣмецкой монографіи о ней, съ полнымъ сочувствіемъ усмотрѣвшій въ ней просто черпанье изъ кладезя древнихъ (Max Heinze, Die Sittenlehre des Descartes, Leipzig, 1872, стр. 28).

[4]) Tota igitur Philosophia veluti arbor est, cujus radices Metaphysica, truncus Physica, et rami ex eodem pullulantes omnes aliae Scientiae sunt, quae ad tres praecipuas revocantur, Medicinam scilicet, Mechanicam, atque Ethicam.

отчетливо выступала неудовлетворительность традиціонной школьной этики. Она или проповѣдовала совершенную пассивность [1]) - вполнѣ умѣстную въ средневѣковыхъ монастыряхъ, но совсѣмъ неумѣстную въ эпоху, когда господствовала вѣра въ могущество человѣка и науки [2]),—или же занималась назидательною реторикою. Эта послѣдняя уже потому не могла удовлетворять серьезныхъ людей, что, какъ замѣтилъ одинъ историкъ [3]), такіе авторы, какъ Бэконъ или Липсій (особенно послѣдній) проповѣдовали чистѣйшую мораль и въ то же время были людьми далеко не безупречной нравственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ту эпоху, когда образованные люди зачитывались „провинціальными письмами" Паскаля, нельзя было видѣть послѣднее слово этики въ тѣхъ казуистическихъ „случаяхъ совѣсти" (casus conscientiae), которыми ученые и неученые іезуиты сильно колебали, если даже не уничтожали устойчивость традиціонной церковной этики. При такомъ положеніи этической литературы вдумчивымъ людямъ приходилось или констатировать ея ничтожество [4]) или же строить совершенно новую этику, вѣрнѣе, перестраивать

[1]) Въ трактатѣ De eruditione triplici solida, superficiaria et falsa, Libri tres (Amstelaedami, 1707) Пуаре училъ: Quaeritur... Quibusnam magis perficiamur vel possimus perfici, activis an passivis? Resp... Passivis magis perfici hominem quam activis. Nam perfectio seu beatitudo summa, a Deo actibusque ejus procedens, passivas facultates cum penetralibus intimis tanquam vasa sibi destinata implet, agit, beat... Clarum est, praecipua, et fere omnia hominis bona, tam divina quam naturalia, consistere et perfici in passivis (стр. 56 и 59).

[2]) См. выше, стр. 55.

[3]) M. I. Matter, Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles, Paris, 1836—7, томъ II, стр 117.

[4]) Si l'on ôte de beaucoup d'ouvrages de morale l'avertissement au lecteur, l'épître dédicatoire, la préface, la table, les approbations, il reste à peine assez de pages pour mériter le nom de livre, писалъ Лабрюеръ (Oeuvres, I, 1865, стр. 114).

старую на новыхъ началахъ, диктуемыхъ новымъ научнымъ духомъ.

И вотъ подъ ея вліяніемъ изъ трехъ традиціонныхъ путей разсужденія объ этикѣ [1])—гномологическаго, состоявшаго въ компиляціи сентенцій всякихъ моралистовъ, парадигматическаго, состоявшаго въ изображеніи образцовъ добродѣтели, и аподиктическаго, состоявшаго въ логическомъ доказательствѣ,—вполнѣ естественно выдвигается третій. И подъ вліяніемъ новой теоріи науки традиціонная аподиктическая этику перерабатывается въ геометрическую этику, въ деонтологію, обоснованную ordine geometrico.

Вообще въ XVII столѣтіи чрезвычайно распространено убѣжденіе, что деонтологическія истины практической нравственности обладаютъ математическою очевидностью. Весьма рѣшительно высказываются въ этомъ смыслѣ Кумберландъ, Кэдвортъ [2]), С. Кларкъ [3]) и Локкъ. Послѣднее обстоятельство особенно удивительно, потому что Локкъ вообще не примѣнялъ къ философіи математической методы, за что онъ подвергся осужденію со стороны Лейбница [4]). Какъ ни мало

[1]) См. Philosophia moralis, praeceptis succinctis methodice comprehensa, Authore Marco Friderico Wendelino, Francofurti, 1665, стр. 39: Triplex tradendi Ethicam doctrinam est modus: 1. Γνωμολογικὸς; quo breves et argutae ex autoribus colliguntur et proponuntur sententiae, ad informandos mores accomodatae. 2. Παραδειγματικὸς: quo exempla virtutum et vitiorum ad imitandum et fugiendum ob oculos ponuntur. 3. Ἀποδεικτικὸς, quo praecepta legitime informata et methodice disposita de singulis virtutibus, continentia causas, effecta, affectiones, definitiones, distributiones etc. traduntur, et in commentariis explicantur, simulque ethicae controversiae tractantur.

[2]) См. F. Jodl, Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie, I Band, Stuttgart, 1882, стр. 128.

[3]) См. E. Laas, Idealismus und Positivismus, II Theil, Berlin, 1882, стр. 120.

[4]) См. Couturat, La logique de Leibniz. 282.

соотвѣтствовала эта метода сенсуалистической гносеологіи Локка, онъ всетаки, какъ онъ самъ выражался, бралъ на себя смѣлость прибѣгать къ ней, переходя къ разсужденіямъ о морали [1]). Истины ея несомнѣнны, однозначны и съ помощью правильной методы могутъ быть установлены съ очевидностью, не оставляющею мѣста для сомнѣній [2]). Предложенія нравственности такъ же доказательны, какъ и предложенія Эвклида [3]). И эти предложенія такъ же независимы отъ эмпирическаго существованія вещей, какъ и предложенія геометріи: подобно тому какъ свойства круга или квадрата нисколько не мѣняются отъ того, существуютъ ли въ дѣйствительности круги и квадраты, такъ и истина нравственныхъ обязанностей нисколько не мѣняется и вообще нисколько не страдаетъ отъ того, слѣдуютъ ли имъ люди въ дѣйствительности или нѣтъ [4]). Нравственность имѣетъ дѣло не съ эмпирическими людьми, а съ нравственнымъ человѣкомъ, представляющимъ неподвижную, неизмѣнную идею [5]).

Если такъ разсуждаетъ о геометрической доказуемости деонтологической этики даже Локкъ, то тѣмъ естественнѣе подобнаго же рода рѣчи у раціоналистовъ XVII вѣка. Также, какъ и Локкъ, они считаютъ нравственность геометрически доказуемою. И также, какъ онъ, они пользуются при этомъ одною особенностью геометрическихъ истинъ, именно тѣмъ, что это—истины разума, а не факта. Различіе истинъ разума и факта, иными словами, истинъ, создаваемыхъ путемъ логическаго доказательства или мысленной конструкціи съ

[1]) Upon this ground it is that I am bold to think that morality is capable of demonstration, as well as mathematics (An Essay concerning Human Understanding, III, XI, 16, стр. 377 лондонскаго изданія сочиненій 1843 г.).

[2]) Тамъ же, IV, XII, 8, стр. 455.

[3]) IV, III, 18, стр. 397.

[4]) IV, IV, 8, стр. 408.

[5]) III, XI, 16: the moral man... which is this immovable, unchangeable idea (стр. 378).

одной стороны, и получаемыхъ путемъ наблюденія эмпирической дѣйствительности съ другой стороны, сознавалось всѣми раціоналистами XVII вѣка, какъ сознавалось оно и не раціоналистами—Локкомъ и, въ XVIII столѣтіи, Юмомъ [1]). Сообразно съ этимъ и въ XVII вѣкѣ любили говорить, что, если бы въ дѣйствительномъ мірѣ не было ни одного треугольника, ни одного круга, то свойства этихъ фигуръ, установленныя чисто умозрительнымъ путемъ, отъ этого нисколько не утратили бы своей достовѣрности. Но по отношенію къ міру онтологіи это не имѣло прямого приложенія. И сообразно съ этимъ различіе истинъ факта и истинъ разума не только не обострялось, не подчеркивалось, а, напротивъ, по возможности сглаживалось—въ полномъ согласіи съ духомъ позитивнаго раціонализма XVII вѣка. Зато по отношенію къ міру нравственной деонтологіи оно пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Основываясь на этомъ различіи, моралисты существенно видоизмѣнили ту научную демонстрацію, о которой шла рѣчь выше (см. стр. 267 и слѣд.). Отъ нея уже не требовали, чтобы она показывала свои истины въ дѣйствительномъ мірѣ. Довольствовались тѣмъ, что она ихъ доказывала. Умозрѣніемъ пожертвовали ради умозаключенія и достовѣрность доказательства предпочли реальности факта.

Благодаря этому моралисты XVII вѣка воспользовались собственными методологическими орудіями новаго имманентнаго міропониманія для того, чтобы надстроить надъ міромъ сущаго міръ нравственно должнаго. Если, какъ упоминалось выше [2]), область возможнаго вообще значительно шире области реальнаго, если нашъ дѣйствительный міръ представляетъ, какъ утверждалъ Лейбницъ, не болѣе какъ одинъ изъ безчисленнаго множества возможныхъ міровъ, если, какъ

[1]) См. стр. 24 и 25 „Изслѣдованія человѣческаго разумѣнія" въ русскомъ переводѣ 1902 г.

[2]) См. стр. 99.

учили впослѣдствіи Лобачевскій, Риманъ и Ли, кромѣ подтверждающейся эмпирически Эвклидовой геометріи, есть множество другихъ возможныхъ геометрій, никогда эмпирически не подтверждающихся и тѣмъ не менѣе чрезвычайно достовѣрныхъ и доказательныхъ, то почему же не заняться и въ области этики тѣмъ, что принципіально возможно и даже необходимо, хотя фактически никогда не происходитъ? Почему бы не попробовать обработать міръ нравственной деонтологіи такъ же научно и доказательно, какъ тогда же были обработаны другія сферы знанія? Нельзя ли и въ области нравственно должнаго установить такую же строгую, безусловно необходимую, однозначную закономѣрность, какъ та, которую удалось, принципіально по крайней мѣрѣ, установить въ области эмпирически сущаго? Нельзя ли путемъ геометрической методы открыть то единое добро, которое еще Платонъ противопоставлялъ безконечному разнообразію зла [1]) и познаніе котораго онъ же объявилъ величайшею наукою: ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα μέγιστον μάθημα [2]).

Благодаря такой постановкѣ проблемы, въ исторіи этики открывается новая эра, эра методической науки, обоснованной ordine geometrico. Хотя эта этика такъ же выходила за предѣлы реально существующаго естественнаго міра, какъ и новая религіозная философія XVII вѣка, которой посвящена седьмая глава настоящаго изслѣдованія, однако, какъ и послѣдняя, она стремилась по возможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ новой методологіи. Научная деонтологія XVII вѣка стремилась съ такою же методическою строгостью установить естественную, раціональную, однозначную, закономѣрную истину о нравственно должномъ, съ какою научная онтологія того же времени устанавливала истину объ эмпирически сущемъ. И этимъ, какъ увѣрялъ по крайней мѣрѣ

[1]) Ἓν... εἶδος τῆς ἀρετῆς, ἄπειρα δε τῆς κακίας (Республика, 445C); ср. Этику Аристотеля, II, 5.

[2]) Тамъ же, 505A.

Гейлинксъ, она завершала зданіе новой философіи, которое безъ такой этики оставалось бы зданіемъ безъ крыши [1]).

Это чрезвычайно интересное въ методологическомъ отношеніи научное предпріятіе естественно слагалось изъ двухъ задачъ: прежде всего надлежало найти мѣсто для новой этики, освободивъ человѣка отъ стальныхъ оковъ физической необходимости. Надлежало признать человѣка свободнымъ существомъ. А затѣмъ надлежало вновь подчинить это свободное существо закону—но уже не физическому, а моральному. Въ полномъ согласіи съ Аристотелевымъ замѣчаніемъ, что свободный человѣкъ, дѣйствительно осуществляя свою свободу, оказывается существомъ болѣе подчиненнымъ правиламъ и, значитъ, менѣе свободнымъ, чѣмъ животное или рабъ [2]), надлежало отдѣлить свободу отъ каприза и произвола и подчинить ее моральной необходимости. Для того же, чтобы согласовать эту новую необходимость съ новымъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки, надлежало установить ее на такихъ же основаніяхъ, на какихъ устанавливалась физическая необходимость; надлежало, вопреки мнѣнію упоминавшагося уже выше [3]) Венделина, показать, что физика и математика могутъ указать этикѣ ея путь [4]).

---

[1]) Arnoldi Geulincx Opera philosophica, Recognovit I. P. N. Land, Volumen III, Hagae Comitum, 1893, Ethica, Tractatus I, Dedicatio, стр. 4: In Sapientiae fano laquearium et tectum est Ethica. Ut a Logica fundamentum sit firmum et bene fistucatum; a Mathematica et Metaphysica columnae robustae, parietes bene materiati; a Physica pavimentum et opera intestina cuncta concinne eleganterque elaborata;—tamen sine Ethica nunquam sartum tectum est hoc templum. Imo sine Ethica non templum est sed impluvium; non ad sacra, non ad polluctum valet... Cum in Philosophiae fano tectum sit Ethica, Tractatus ille, qui Virtutem ipsam proxime tractat, tecti ipsius culmen et Coronis est.

[2]) Метафизика, XII, 10, 4.

[3]) См. стр. 415.

[4]) На стр. 78 приведенной выше книги онъ писалъ: Ethi-

Итакъ, прежде всего надлежало освободить человѣка, какъ разумное существо, изъ подъ власти физическихъ законовъ. Послѣ того, что было сказано выше о взглядѣ новаторовъ XVII вѣка на человѣка, какъ на духовный автоматъ, и на механику человѣческихъ страстей, могло бы показаться, что это было совершенно невозможно. Однако это было возможно. Какъ ни вѣрили эти новаторы въ закономѣрность міра, они все же были очень далеки отъ того, что авторъ „Теодицеи" называлъ Fatum Mahumetanum, le destin à la Turque [1]). Какъ вѣра въ естественную закономѣрность физической природы не исключала надежды на то, что человѣческій разумъ сумѣетъ побѣдить или по крайней мѣрѣ приспособить ее къ себѣ, такъ и вѣра въ естественную закономѣрность моральной природы сопровождалась аналогичною надеждою. Хотя съ точки зрѣнія универсальной пансофіи, идеальнаго онтологическаго всезнанія все безъ остатка подчинено общимъ естественнымъ законамъ бытія, однако въ человѣческомъ мірѣ дѣло осложняется тѣмъ, что еще нѣтъ налицо всего матеріала для законченнаго бытія, для полноты временъ: есть прошедшее, но нѣтъ еще будущаго. Это же будущее существенно отлично отъ будущаго физической природы, у которой, съ точки зрѣнія доктрины XVII вѣка, собственно говоря, даже и нѣтъ будущаго, ибо она есть какое-то вѣчное настоящее, подчиненное постояннымъ и однообразнымъ законамъ. Человѣческое будущее представляетъ рядъ возможностей. Человѣкъ стоитъ передъ будущимъ, какъ демiургъ передъ несозданнымъ мірозданіемъ. И если въ началѣ міра было дѣяніе, былъ свободный актъ, то и въ началѣ будущаго, по крайней мѣрѣ того будущаго, которое всегда сознается нами какъ возможное и какъ нравственно необходимое, можетъ быть свободное дѣяніе, сво-

cam nec Metaphysica, nec Physica, nec Mathematica proprie dirigit.

[1]) Gerhardt, VI, 30.

бодный актъ. То обстоятельство, что у человѣческихъ страстей есть своя механика, не противорѣчитъ этому. Человѣческія страсти – это далеко еще не весь человѣкъ. Человѣкъ дѣйствительно всецѣло находится подъ ихъ властью только пока онъ ихъ не позналъ. Когда же они познаны, тогда, утверждалъ не кто иной какъ Спиноза, онъ уже пріобрѣтаетъ власть надъ ними. Если познаніе механизма физической природы даетъ человѣку власть надъ природою, то познаніе страстей даетъ ему власть надъ страстями или по крайней мѣрѣ возможность дѣйствовать внѣ страстей, дѣйствовать, какъ выражался Гейлинксъ, nec ex Passione, nec contra Passionem, sed praeter Passionem [1]). Фуше де Карейль несомнѣнно преувеличивалъ, уподобляя человѣка Спинозы камню, пассивно лежащему на дорогѣ [2]). Спинозу, разумѣется, очень интересовала механика человѣческой психики. Но какъ ни соблазняла его мысль о томъ, что все въ человѣкѣ безъ остатка фатально подчинено этой механикѣ, онъ былъ сильно занятъ прямо противоположною мыслью о томъ, что человѣкъ, если не всякій, то по крайней мѣрѣ вполнѣ сознательный и вполнѣ разумный, можетъ стать выше этой механики и управлять ею такъ же, какъ кормчій управляетъ кораблемъ. Въ „Этикѣ" эти двѣ мысли ведутъ между собою борьбу, полную глубокаго драматизма, благодаря чему эту книгу съ ея пятью частями очень удачно сравнили съ пятиактною дра-

[1]) Qui vere probi sunt... nec ex Passione agunt (in quo est manifesta impotentia et effeminatio), nec contra Passionem agunt (in quo est manifesta insania aut immanitas), sed praeter Passionem... Patet, bonos saepe agere cum Passione, nunquam vero ex Passione (Ethica, Tractatus IV, De Passionibus, § 4, Opera, Land, III, 110). Лейбницъ писалъ: Ethica id agit ut mens a bene ratiocinando et a laetitia per affectus non impediatur (Opuscules et fragments inédits, 527).

[2]) La vie inerte et passive de la pierre dans le chemin: voilà l'homme de Spinoza (Mémoire sur la philosophie de Leibniz, Paris, 1905, т. I, 179).

мою. Въ концѣ концовъ побѣду одерживаетъ вторая мысль, именно мысль о человѣческой свободѣ: именно она господствуетъ въ послѣдней заключительной части, озаглавленной de potentia intellectus, seu de libertate humana. Человѣкъ безсиленъ только тогда, когда онъ допускаетъ, чтобы внѣшніе предметы, а не его собственная природа, опредѣляли или, что тоже самое, „детерминировали" его поступки [1]). Сила и ростъ всякой страсти опредѣляется не собственною природою человѣка и его основною тенденціею упорствовать въ своемъ бытіи, а дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ [2]). И поэтому Спиноза несомнѣнно вполнѣ согласился бы съ Лабрюеромъ, утверждавшимъ, что только дуракъ – дѣйствительно автоматъ и машина: le sot est automate, il est machine, il est ressort; le poids l'emporte, le fait mouvoir, le fait tourner, et toujours et dans le même sens, et avec la même égalité; il est uniforme, il ne se dément point: qui l'a vu une fois, l'a vu dans tous les instants et dans toutes les périodes de sa vie [3]). Человѣкъ, если не непремѣнно всегда фактически, то всегда принципіально свободенъ въ томъ смыслѣ, что его умъ, а, значитъ, и воля, что, напримѣръ, для Спинозы, было равнозначно [4]), могутъ не опредѣлятся внѣшними вліяніями, будь то посторонніе предметы или же аффекты его собственной души.

Но значитъ ли, что тогда воля абсолютно безразлична или же абсолютно капризна? Вовсе нѣтъ. Спиноза не нахо-

[1]) Impotentia in hoc solo consistit, quod homo a rebus, quae extra ipsum sunt, duci se patiatur, et ab iis ad ea agendum determinetur, quae rerum externarum communis constitutio, non autem, ea, quae ipsa ipsius natura, in se sola considerata, postulat (Ethica, Pars IV, Propos. XXXVII, Scholium I, Opera, I, 205).

[2]) Ethica, Pars IV, Propos. V, Opera, I, 185.

[3]) Oeuvres, 1865, II, 249.

[4]) Voluntas et intellectus unum et idem sunt (Ethica, Pars II, Propositio XLIX, Corollarium, Opera, I 112).

дитъ никакихъ возраженій противъ мнѣнія, что человѣкъ, находящійся въ состояніи безразличія знаменитаго Буридановa осла, скорѣе напоминаетъ осла, чѣмъ человѣка [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же утверждаетъ, что всякая вещь только тогда дѣйствительно свободна, когда она существуетъ и дѣйствуетъ исключительно по необходимости своей собственной природы [2]): vides igitur, me libertatem non in libero decreto, sed in libera necessitate ponere, разъясняетъ онъ по этому поводу своимъ корреспондентамъ [3]). Подобнымъ же образомъ и дѣйствительно свободный человѣкъ это такой человѣкъ, дѣянія котораго опредѣляются, детерминируются исключительно природою разума, необходимостью разума. Отождествляя свободное и естественное [4]), и подчиняя естественное закону его собственной природы, Спиноза по аналогіи съ физическою необходимостью устанавливалъ нравственную необходимость, именно жизнь согласную съ велѣніями разума [5]), что, объясняетъ онъ, равнозначно жизни, основанной на необходимости нашей природы, какъ таковой [6]). И сообразно съ этимъ въ предисловіи къ IV части Этики онъ

[1]) См. схолію въ концѣ второй части Этики: si me rogant, an talis homo non potius asinus quam homo sit aestimandus? dico me nescire (Opera, I, 116).

[2]) Ego eam rem liberam esse dico, quae ex sola suae naturae necessitate existit et agit; Coactam autem, quae ab alio determinatur ad existendum et operandum certa ac determinata ratione (Epistola LVIII, Opera II, 382).

[3]) Тамъ же.

[4]) См. объ этой сторонѣ философіи Спинозы у Couchoud, Benoit de Spinoza, Paris, 1902, стр. 175.

[5]) Vera virtus nihil aliud,... quam ex solo Rationis ductu vivere (Ethica, Pars IV, Propos. XXXVII, Scholium I, Opera, I, 205).

[6]) Ex Ratione agere nihil aliud est, quam ea agere, quae ex necessitate nostrae naturae, in se sola consideratae, sequuntur (Ethica, IV, Propos. LIX, Demonstratio, Opera, I, 221).

выражаетъ намѣреніе установить образцовую идею настоящаго человѣка: idea hominis, tanquam naturae humanae exemplar, quod intueamur, formare cupimus [1]). Благодаря этому „Этика" Спинозы является этикою не только въ смыслѣ онтологической механики психическихъ аффектовъ, но также и въ смыслѣ нравственной деонтологіи.

Если даже Спиноза находилъ возможнымъ заниматься этикою должнаго, то тѣмъ болѣе интересовались ею менѣе монистически настроенные новаторы XVII вѣка. При этомъ вліяніе новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки сказалось въ томъ, что они стремились обработать нравственную деонтологію по аналогіи съ физическою онтологіею, примѣнить къ ней всю методологію послѣдней. Если, какъ упоминалось выше [2]), необходимые законы механики были законами свободной природы, предоставленной самой себѣ, Naturae sibi relictae, какъ выражался Э. Вейгель [3]), то вполнѣ естественно было разсматривать и необходимые законы нравственности какъ естественные законы разумной человѣческой природы, предоставленной себѣ: (necessitatem) moralem intelligo, quae apud Virum bonum aequipollet naturali, объяснялъ Лейбницъ [4]). Законы эти также необходимы нравственно, какъ необходимы физически законы чувственной природы. Сообразно съ этимъ въ методологію XVII вѣка вводится новое понятіе моральной необходимости Или, вѣрнѣе, видоизмѣняется старое, чисто утилитарное значеніе этого понятія [5]),

[1]) Opera, I, 181.

[2]) См. стр. 69.

[3]) Corporis Pansophici Pantologia, стр. 19.

[4]) Werke, Klopp, VI, 469.

[5]) Въ такомъ смыслѣ это понятіе встрѣчается еще у Шовена, который сообразно съ этимъ называетъ лошадь морально необходимою для человѣка съ больными ногами: necessarium morale est id sine quo, quamvis absolute fieri possit effectus, nunquam tamen vel raro fit; ut, pedibus laboranti necessarius est equus ad peregrinandum (Lexicon philosophicum, 435).

какъ видоизмѣняется и старое пробабилистическое понятіе моральной достовѣрности [1]).

Нравственно необходимое необходимо безусловно. Поэтому, хотя, какъ упоминалось на стр. 420, человѣкъ видитъ передъ собою многозначный рядъ возможностей, его нравственный долгъ однозначенъ. И если эмпирически человѣкъ находится между двумя пропастями, прошедшимъ и будущимъ, поглощающими все эфемерное [2]), то принципіально онъ носитъ въ себѣ вѣчный и неизмѣнный, ничѣмъ не сокрушимый нравственный законъ, являющійся такимъ же естественнымъ закономъ, какъ и законы механики, вообще законы физической природы. Выражаясь позднѣйшими терминами, надъ „феноменальнымъ" міромъ психической онтологіи возводится независимый отъ него „ноуменальный" міръ нравственной деонтологіи, въ которой все такъ же необходимо, какъ и въ мірѣ физической природы.

Такимъ образомъ автономная этика строится по аналогіи съ автоматическою физикою. И методологія позитивнаго раціонализма находитъ для себя новую, казалось бы, совершенно неожиданную область примѣненія. Въ этомъ отношеніи очень интересна „Этика" Гейлинкса. Въ главѣ VII насто-

[1]) Пуффендорфъ предупреждалъ: cavendum tamen est, ne hanc, quam hactenus adstructum ivimus, certitudinem moralem confundamus cum illa, quae saepe quaestionibus facti adplicatur... Isthaec enim certitudo moralis nihil aliud est, quam firma aliqua praesumtio, valde probabilibus rationibus subnixa (De jure naturae et gentium libri octo, Londini Scanorum, 1672, Lib. II, Cap. II, § 11).

[2]) Le passé est un abîme sans fond qui engloutit toutes les choses passagères; l'avenir est un autre abîme impénétrable. L'un de ces abîmes s'écoule continuellement dans l'autre; l'avenir se décharge dans le passé, en coulant par le présent. L'homme est placé entre ces deux abîmes, писалъ Николь (См. Pensées de Pascal, suivies d' un choix des pensées de Nicole, Paris, 1842, стр. 362).

ящаго изслѣдованія (стр. 120 и слѣд.) мы упоминали уже объ одной ея особенности: она вновь вводитъ Бога въ міръ нравственно должнаго, предварительно подвергнувъ этотъ міръ раціонализаціи и натурализаціи. Теперь необходимо отмѣтить, какъ происходитъ у него эта раціонализація и натурализація. Хотя, говоритъ Гейлинксъ, какъ въ физикѣ, такъ и въ этикѣ орудіемъ познанія служитъ одинъ и тотъ же разумъ [1]), однако въ этикѣ этотъ разумъ становится практическимъ разумомъ; и объектами его оказываются не факты сущаго, а нормы должнаго, нравственные императивы [2]). И вотъ эти нормы могутъ и должны цѣликомъ основываться на разумѣ [3]). Если настоящее знаніе основывается на разумѣ, то и настоящее поведеніе тоже основывается на разумѣ [4]). Такое поведеніе не можетъ происходить ни подъ вліяніемъ страстей ни вопреки страстямъ: оно можетъ и должно происходить внѣ страстей—nec ex Passione, nec contra Passionem, sed praeter Passionem [5]). Такое поведеніе абсолютно свободно отъ чувственныхъ и вообще внѣшнихъ, постороннихъ разуму воздѣйствій. Однако это вовсе не значитъ, что такое поведеніе вообще абсолютно свободно. Такъ какъ оно основано на разумѣ, то оно подчинено его необходимости. Но такъ какъ это — необходимость вполнѣ естественная, вытекающая изъ собственной природы разума, то

[1]) Eadem autem est Ratio, quae et res Physicas nobis exhibet, et Ethicas injungit (Ethica, Tractatus I, Cap. II, Sectio I, § 1, Opera, Land, III, 21).

[2]) In Physicis unum atque simplex insigne Rationis est: Exhibere; in Moralibus geminum, Praecipere et Vetare (§ 2, стр. 21). Sapientia in rebus Ethicis seu Moralibus mutat nomen suum, vocaturque Prudentia (§ 1, стр. 19).

[3]) Totum ex Ratione est (Praefatio, стр. 7).

[4]) Сообразно съ этимъ добродѣтель опредѣляется какъ propositum faciendi quod jubet Ratio (Tractatus II, Prooemium, стр. 66).

[5]) Tractatus IV, § 4, стр. 110.

она вполнѣ автономна. И, значитъ, повинуясь только разуму, человѣкъ оказывается не рабомъ, а, напротивъ, свободнѣйшимъ существомъ: nemini enim servit qui Rationi servit, sed liberrimus est hoc ipso [1]).

Въ основаніе нравственнаго поведенія Гейлинксъ полагаетъ „добродѣтель". Этимъ онъ отличается отъ нѣкоторыхъ другихъ новаторовъ XVII вѣка, которые предпочитали полному схоластическихъ и церковныхъ традицій понятію добродѣтели менѣе двусмысленное и болѣе опредѣленное понятіе обязанности. Особенно рѣшительно настаивалъ на такой перемѣнѣ Пуффендорфъ [2]). Гейлинксъ остается при прежнемъ понятіи добродѣтели. Добродѣтель, учитъ онъ, независима отъ эмпирической возможности ея примѣненія къ тѣмъ или инымъ конкретнымъ случаямъ: если мнѣ, напримѣръ, представляется случай спасти слугу, но не отца, ибо послѣдній находится внѣ какой бы то ни было опасности, и если тебѣ представляется случай спасти отца или даже освободить цѣлое государство, то это не значитъ, что ты превосходишь меня добродѣтелью: это просто значитъ, что ты случайно и благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ оказался лучше меня [3]). Добродѣтель едина, нераздѣльна [4]) и всегда равна самой себѣ [5]). Она представляетъ замкнутый, самодовлѣющій кругъ [6]).

[1]) Tractatus I, Cap. II, Sectio I, § 2, стр. 23.

[2]) Briefe Samuel Pufendorfs an Christian Thomasius, München und Leipzig, 1897, стр. 23: Und ist in universum meine meinung, dass man die morale nicht secundum virtutes sed secundum officia einrichten und tractiren soll. Пуффендорфъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи своему учителю Эргарду Вейгелю, отвергшему традиціонныя „добродѣтели" (см., напримѣръ, Analysis Aristotelica, 20).

[3]) Tractatus II, § 3, стр. 72.

[4]) § 2, стр. 69: Virtus individua nobis dicitur.

[5]) § 4, стр. 72: similiter ex unitate Virtutis etiam aequabilitas ejus sequitur (unum enim idemque sibi quam maxime aequabile est).

[6]) Tractatus V, § 8, стр. 133: itur itaque... aeterno circulo de Virtute in Virtutem.

И въ этомъ кругу, т. е. въ мірѣ нравственно должнаго, всѣ люди равны, если даже не тождественны, ибо всѣ они одинаково поступаютъ по закону разума, одинаковаго у всѣхъ людей [1]). Какъ близко подошелъ уже Гейлинксъ къ Кантовой Критикѣ практическаго разума!

Какъ упоминалось въ главѣ VII настоящаго изслѣдованія, новая раціональная этика XVII вѣка вводила въ свой кругъ также и Бога. Но при этомъ она шла уже не отъ воли Божіей къ нормамъ нравственности, а, напротивъ, отъ нормъ нравственности къ волѣ Божіей. Этика автономна, также какъ и міръ автоматиченъ. Но если считается необходимымъ еще спеціальное, сверхъестественное ручательство истины и добра, то можно рискнуть прибѣгнуть и къ Богу. Однако отъ этого нисколько не мѣняется естественное и закономѣрное содержаніе какъ физики, такъ и этики. Въ этикѣ XVII вѣка Богъ только постулируется. И въ данномъ случаѣ она опять является предшественницею Кантовой этики. Особенно рѣшительно высказывался въ этомъ отношеніи Лейбницъ. Если, какъ указано выше [2]), онъ полагалъ, что атеистъ можетъ быть прекраснымъ юрисконсультомъ, если онъ признавалъ естественное право, какъ и математику, независимымъ отъ воли Божіей [3]) и сообразно съ этимъ для него, какъ и

---

[1]) Tractatus V, § 6, стр. 128 и 129: soli enim Boni inter se simillimi sunt, soli idem volunt atque idem nolunt; boni enim omnes non aliud volunt, quam obedire Rationi... Mali vero omnes sunt dissimillimi; omnes enim alia volunt, nam quisque se vult.

[2]) Стр. 83.

[3]) Uti proportionum et aequalitatum, ita et aequitatis et convenientiae regulae aeternis rationibus constant, quas violare Deum, et jubere aliquando... impossibile est (Observationes de principio juris, XIII, Dutens, IV, III, 273). Et vero justitia servat quasdam aequalitatis proportionalitatisque leges, non minus in natura rerum immutabili divinisque fundatas ideis, quam sunt principia Arithmeticae et Geometriae (Monita quaedam ad Samuelis Puffendorfii Principia, IV, Dutens, IV, III, 280). Ср. G. Hartmann, Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph, Tübingen, 1892, стр. 67.

для Томазія, Богъ могъ быть только докторомъ естественнаго права [1]), такъ сказать юрисконсультомъ правовой совѣсти, въ которой заложенъ свой собственный естественный и неизмѣнный, не зависящій отъ Его усмотрѣнія законъ, то совершенно такъ же смотрѣлъ онъ и на отношеніе этики къ Богу. Онъ рѣшительно отказывался производить вмѣстѣ съ Декартомъ этику отъ воли Божіей, которой такимъ образомъ приписывается деспотическій принципъ: stat pro ratione voluntas [2]).

Независимый отъ чьего бы то ни было усмотрѣнія нравственный законъ или императивъ—dictamen rectae rationis, seu dictamen practicum, какъ выражался Шовенъ [3]),—заложенъ въ человѣческомъ умѣ, также какъ и вообще все истинное. Онъ не можетъ не быть одинаковъ у всѣхъ людей, ибо это—законъ природы, естественный законъ, а природа у всѣхъ людей одинакова [4]); и во всякомъ случаѣ люди,

---

[1]) Какъ утверждалъ Томазій, sapiens Deum magis concipit ut Doctorem juris naturae, quam ut legislatorem (см. B'untschli, Geschichte der neueren Statswissenschaft, Dritte Auflage, 1881, стр. 233).

[2]) On convient que tout ce que Dieu veut, est bon et juste. Mais on demande, s'il est bon et juste, parce que Dieu le veut, ou si Dieu le veut, parce qu'il est bon et juste. Опровергая первое мнѣніе, Лейбницъ пишетъ: et de dire „stat pro ratione voluntas", ma volonté me tient lieu de raison, c'est proprement la devise d'un tyran. De plus, cette opinion ne discernerait point assez Dieu et le diable (см. Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften, von G. Mollat, Leipzig, 1893, стр. 41).

[3]) Lexicon philosophicum, 183.

[4]) At natura una et communis omnium est, училъ Спиноза (Tractatus politicus, Cap. VII, § 27, Opera, I, 309). Omnes homines, училъ Амосъ Коменскій, unam eandemque humanam naturam obtinent (Didactica magna, Cap. XII, 28, стр. 79 изданія 1894 г.). Эргардъ Вейгель писалъ: das gantze Menschliche Geschlecht... nur von einerleyer Wesens-Art besteht, weil ein Mensch wie der andere rechenschafftlich ist, und rechnen kan, er mag Weib oder Mann,

поступающіе по велѣнію разума, необходимо поступаютъ совершенно одинаково [1]). Какъ замѣтилъ еще Аристотель, совершенные люди однообразны, ибо вѣрно поступать можно только однимъ путемъ [2]). Однако, какъ выражался Лейбницъ, нельзя читать нравственный законъ также легко, какъ древніе римляне читали въ преторскомъ альбомѣ тотъ или иной эдиктъ [3]). Его необходимо установить методическимъ путемъ. Но такъ какъ, по утвержденію того же Лейбница, моральная наука врождена людямъ не иначе, чѣмъ математика, то и ея истины добываются такимъ же путемъ, какъ и математическія истины. Нравственный законъ можетъ и долженъ быть установленъ путемъ доказательства, ordine geometrico. Если такъ, какъ упомянуто выше [4]), разсуждалъ даже Локкъ, то тѣмъ болѣе такъ разсуждали раціоналисты XVII вѣка. Путемъ доказательства они устанавливаютъ нравственный законъ, обладающій такою же „адэкватностью", какъ и все то, что устанавливалось этими раціоналистами.

Понятіе адэкватнаго при этомъ, какъ и вообще въ философіи XVII вѣка, значило не соотвѣтствіе мысли внѣшнимъ фактамъ или внѣшнимъ же предметамъ, а внутреннюю [5]) ло-

---

schwartz oder weiss seyn (Grundmässige Aufflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen musse? Jena, 1689, Axioma I).

[1]) Quatenus homines ex ductu Rationis vivunt, eatenus tantum natura semper necessario conveniunt (Спиноза, Ethica, IV, Propositio XXXV, Opera, I, 202).

[2]) Этика, II, 5, стр. 31 русскаго перевода Э. Радлова, изд. 1908 г.

[3]) Nouveaux essais, I, II, 2, Gerhardt, V, 81.

[4]) См. стр. 416.

[5]) Гейлинксъ писалъ: Ratio adaequata est ratio reciproca cum Rata, id est posita Rata ponitur Ratio, et contra: v. g. Cur Corpus est divisibile? Respond. Quia est extensum: recte enim sequitur, Divisibile est ergo extensum est, et contra. Ex quo patet Rationem Adaequatam semper etiam internam esse. Inadaequata

гику извѣстныхъ принциповъ, соотвѣтствіе ихъ самимъ себѣ, соотвѣтствіе ихъ тому высшему логическому и онтологическому закону тождества, который, какъ упоминалось выше, превращалъ связь причинъ и слѣдствій въ „адэкватную" систему. Философскіе словари занимающей насъ эпохи называютъ адэкватнымъ такой предметъ науки, въ который не включено ничто инородное и изъ котораго ничто однородное не исключено [1]). Какъ объясняютъ философы XVII вѣка, адэкватное знаніе извѣстной вещи есть такое знаніе ея, которое выводится изъ ея собственной природы и исчерпываетъ послѣднюю безъ остатка. Адэкватная причина – это такая причина, которая въ силу упомянутаго выше закона сохраненія субстанціи дѣйствительно содержитъ въ себѣ все слѣдствіе безъ остатка [2]). Адэкватное опредѣленіе—это отчетливое знаніе всѣхъ элементовъ опредѣляемаго предмета [3]). Адэкватная идея отличается отъ истинной идеи тѣмъ, что въ

Ratio est, quae non est reciproca cum Subjecto quaestionis... Inadaequata Ratio, absolute non est bona Ratio (Logica fundamentis suis, a quibus hactenus collapsa fuerat, restituta, Pars IV, Sect. II, Cap. VII).

[1]) Гокленіусъ пишетъ: scientiae alicuius subjectum adaequatum est, in quo neque heterogeneum praeceptum ullum est inclusum, nec homogeneum disciplinae ullum exclusum (Lexicon philosophicum, 62). Шовенъ даетъ буквально такое же опредѣленіе (Lexicon philosophicum, 14), съ тою однако разницею, что тамъ, гдѣ у Гокленіуса стоитъ subjectum, онъ ставитъ уже objectum. Отмѣчаемъ эту терминологическую перемѣну въ дополненіе къ сказанному въ примѣч. 1 на стр. 184.

[2]) Спиноза училъ: causam adaequatam appello eam, cujus effectus potest clare et distincte per eandem percipi. Inadaequatam autem, seu partialem, illam voco, cujus effectus per ipsam solam intelligi nequit (Ethica, III, Defin. I, Opera, I, 119).

[3]) Лейбницъ писалъ: lors que tout ce qui entre dans une définition ou connoissance distincte est connu distinctement, jusqu'aux notions primitives, j'appelle cette connoissance adequate (Schriften, Gerhardt, IV, 449).

ней выражена природа идеи какъ таковой [1]). На вопросъ Чирнгаузена, какія, напримѣръ, свойства круга составляютъ его адэкватную идею [2]), Спиноза разъясняетъ, что тѣ, которыя даютъ намъ возможность построить кругъ [3]), дать его конструкцію въ упомянутомъ выше, на стр. 270 и слѣд. смыслѣ.

Сообразно съ такимъ пониманіемъ адэкватности требованія деонтологической этики должны были быть адэкватны. Это значитъ, что они, во-первыхъ, должны выражать дѣйствительно чистую идею, чистую природу нравственности. Въ этомъ смыслѣ не кто иной какъ Локкъ называлъ нравственныя идеи, также какъ и математическія, адэкватными [4]), хотя вообще онъ придавалъ понятію адэкватнаго иное, чѣмъ только что приведенное, чуждое великимъ раціоналистамъ XVII вѣка значеніе, именно значеніе соотвѣтствія идей ихъ внѣшнимъ „архитипамъ" [5]). Во-вторыхъ, адэкватное въ области морали должно было означать нѣчто логическое: полную внутреннюю послѣдовательность, отсутствіе внутреннихъ противорѣчій, иначе говоря, то ὁμολογουμένως ζῆν, о которомъ учили еще древніе стоическіе моралисты. Этика та-

[1]) Какъ объяснялъ Спиноза Чирнгаузену, inter ideam veram et adaequatam nullam aliam differentiam agnosco, quam quod nomen Veri respiciat tantummodo convenientiam ideae cum suo ideato; nomen Adaequati autem naturam ideae in se ipsa (Epistola LX, Opera, II, 386).

[2]) См. тамъ же, Epistola LIX, стр. 385.

[3]) Nempe quod circulus sit spatium, quod describitur a linea, cujus unum punctum est fixum, alterum mobile (Epistola LX, 7, стр. 386).

[4]) An Essay concerning Human Understanding, IV, IV, 7, стр. 407 лондонскаго изданія 1843 г.: adequate and complete ideas.

[5]) Adequate Ideas are such as perfectly represent their Archetypes (II, XXXI, 1, стр 293); сообразно съ этимъ онъ тутъ же, въ полномъ согласіи со своею сенсуалистическою гносеологіею, объявляетъ сладость и бѣлизну „адэкватными" свойствами сахара (II, XXXI, 2, стр. 294).

кимъ образомъ должна была стать логикою дѣйствительно нравственнаго поведенія.

Вотъ новаторы XVII вѣка и пытаются установить путемъ доказательства, по возможности ordine geometrico, адэкватный нравственный законъ. Законъ этотъ формулируется ими такъ, что историкъ идей можетъ смѣло говорить о „категорическомъ императивѣ" уже въ XVII столѣтіи. Гоббесъ объявляетъ естественнымъ закономъ нравственности принципъ: quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris [1]). Основное правило нравственной „таблицы умноженія" Вейгель формулируетъ такъ: Alles was du wilt das dir die Leuthe thun sollen, das thu du ihnen auch (Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit, стр. 119). Лейбницъ формулируетъ „великое правило", какъ онъ выражался: quod tibi non vis fieri, aut quod tibi vis fieri, neque aliis facito aut negato [2]), или короче: quod tibi vis, alii fac... quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris [3]).

Такимъ образомъ, благодаря своеобразному примѣненію геометрической методы къ нравственному міру, въ XVII в. зарождается новый своеобразный этическій раціонализмъ. Деонтологическая этика стремится стать на высоту чистой науки, имѣющей свои законы. Эти законы не зависятъ ни отъ аффектовъ, ни отъ настроенія, вообще отъ психики; они независимы какъ отъ сверхъестественныхъ указаній съ неба, такъ и отъ того, что происходитъ на землѣ; они съ безусловною необходимостью устанавливаются разумомъ; и они признаются истинными потому, что ихъ можно доказать. Эта этика получила свое дальнѣйшее развитіе въ XVIII вѣкѣ,

[1]) De cive, III, 26, Opera, II, 194.

[2]) См. G. Mollat, Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften, Neue Bearbeitung, Leipzig, 1893, стр. 57. Mettez-vous à la place d'autrui, продолжаетъ Лейбницъ, et vous serez dans le vrai point de vue pour juger ce qui est juste ou non (ib).

[3]) Mollat, 100.

гдѣ она встрѣтила живую поддержку со стороны радикальной литературы эпохи „просвѣщенія". Подтвердивъ, если даже не вызвавъ записанное Эккерманомъ изреченіе Гете jedes Ideelle ist dienlich zu revolutionären Zwecken [1]), эта литература изъ всего, вообще отвергавшагося ею, духовнаго наслѣдія раціоналистовъ XVII вѣка усвоила, отчасти даже присвоила и обострила ихъ деонтологію. Окружающей насъ реальной дѣйствительности она противопоставила идеалы должнаго, которые она объявила единственно истинными, потому что только ихъ можно доказать. Вопросъ о практической цѣлесообразности или осуществимости этихъ идеаловъ не ставился, ибо одна изъ основныхъ формулъ деонтологическаго раціонализма XVIII вѣка гласила: ты можешь, потому что ты долженъ. Въ то же самое время, какъ по отношенію къ міру онтологіи философы этого вѣка отвернулись отъ раціонализма и искали теоретическую опору въ сенсуализмѣ и матеріализмѣ, тѣ же самые философы самимъ рѣшительнымъ образомъ пользовались методами раціонализма въ своемъ отношеніи къ міру деонтологіи. Позитивный онтологическій раціонализмъ XVII вѣкъ перешелъ въ радикальный, отчасти даже революціонный деонтологическій раціонализмъ XVIII вѣка, который, въ свою очередь, въ началѣ XIX вѣка смѣнился спекулятивнымъ раціонализмомъ, этою послѣднею вспышкою раціоналистической философіи въ новое время.

[1]) О томъ, какъ идеи XVII вѣка у теоретиковъ XVIII вѣка перешли въ „революціонный духъ", см. у Тэна, Les origines de la France contemporaine, l'ancien régime, huitième édition, Paris, 1879, стр. 221 и слѣд.

ГЛАВА X.

Систематика истины.

> Qu'est - ce qu'un système? Une méthode en définitive, une méthode en action, une méthode appliquée, développée.
>
> V. Cousin, Cours de l'histoire de la philosophie, 1829, I, 84.
>
> Pansophiam dico, quae sit viva Universi imago, sibi ipsi undique cohaerens.
>
> Амосъ Коменскій (Pansophiae Prodromus, 41).
>
> Vera Encyclopaedia nihil est aliud quam proportionalissima Naturae seu rerum pictura.
>
> Bisterfeld (Monumenta Germaniae Paedagogica, XXVI, 114).

Мы познакомились съ основными пріемами научной методологіи классическаго раціонализма XVII вѣка. Хотя этотъ раціонализмъ искалъ и находилъ истину строго методически и предпочиталъ совсѣмъ не помышлять объ истинѣ, чѣмъ

стремиться къ ней безъ методы [1]), однако, какъ упоминалось уже выше [2]), онъ старался всячески упрощать свою методологію. Multitudo regularum saepe ex Doctoris imperitia procedit, писалъ по этому поводу Декартъ [3]). Увѣренные въ томъ, что истина есть, что она проста, что она познаваема и что она въ значительной части уже и познана, великіе раціоналисты XVII вѣка не отвлекаются отъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій въ сторону методологическихъ контроверзъ. Начавъ сомнѣніемъ, они кончили удивленіемъ. Но удивлялись они не тому, что существуетъ фактъ науки, который слѣдуетъ еще спеціально разсмотрѣть и раскритиковать съ точки зрѣнія теоріи познанія, а тому, что міръ строго закономѣренъ и что эта закономѣрность съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе познается. Они съ необыкновенною живостью испытываютъ одну изъ величайшихъ радостей, доступныхъ человѣку, именно радость познанія истины. Аристотель конечно преувеличивалъ, объявивъ въ началѣ своей Метафизики, что всѣ люди отъ природы стремятся къ знанію. Если, къ сожалѣнію, не такова природа всѣхъ людей, то такова была природа новаторовъ XVII вѣка. Ихъ любовь къ знанію, къ истинѣ, какъ таковой, представляетъ нѣчто почти безпримѣрное въ исторіи человѣческой мысли. Истина въ ихъ глазахъ прекрасна. Они живутъ въ мірѣ умопостигаемой красоты: nous voilà dans un monde tout rempli de beautés intelligibles, писалъ Мальбраншъ [4]). Декартъ увѣрялъ одну даму, что для него красота истины выше всякой другой

[1]) Atqui longe satius est de nullius rei veritate quaerenda unquam cogitare, quam id facere absque methodo, писалъ Декартъ въ четвертомъ правилѣ для руководства умомъ.

[2]) См. стр. 207 и слѣд.

[3]) См. объясненіе къ XVIII правилу для руководства умомъ (стр. 62 изданія 1686 г.).

[4]) Entretiens sur la métaphysique, Premier entretien (Oeuvres, I, 11).

красоты, и въ предисловіи къ „Принципамъ философіи", объявилъ первымъ плодомъ своей философіи ту прочную и солидную радость, которая порождается познаніемъ ея истинъ [1]). Какъ увѣрялъ Спиноза въ „Политическомъ трактатѣ" (Cap. I, § 4), умъ радуется даже при созерцаніи такихъ человѣческихъ аффектовъ, какъ ненависть, гнѣвъ, зависть, честолюбіе — радуется не радостью злорадства, а радостью познанія, за которою уже легко можетъ послѣдовать радость врачеванія. Эта радость не омрачается тѣмъ, что далеко не всѣ современники новаторовъ признавали ихъ истину. „Не удивляйтесь этимъ нововведеніемъ—писалъ Спиноза въ заключеніи Короткаго трактата: вы вѣдь знаете, что вещь не перестаетъ быть истинною оттого, что она признана немногими" [2]). Отвѣчая на одно бранное письмо, онъ же писалъ: ego non praesumo, me optimam invenisse Philosophiam, sed veram me intelligere scio. Quomodo autem id sciam, si roges; respondebo, eodem modo ac tu scis, tres Angulos Trianguli aequales esse duobus rectis;... est enim verum index sui et falsi [3]).

Убѣжденные въ томъ, что истина есть, раціоналисты XVII вѣка не навязываютъ ее никому. Они относятся съ широкою терпимостью къ чужому мнѣнію, къ чужому заблужденію. У нихъ нѣтъ того инквизиторскаго отношенія къ иначе мыслящимъ, которое такъ часто встрѣчается у тѣхъ, кто считаетъ себя обладателемъ несомнѣнной истины.

[1]) Interim ut appareat qua in re me ipsi jam inserviise existimem, dicam hoc loco quos fructus ex Principiis meis colligi posse mihi persuadeam. Primus est voluptas qua afficietur qui multas veritates hactenus incognitas illic inveniet. Nam quamvis veritas imaginationem nostram saepe non adéo afficiat quam falsitates et figmenta, quia minus admiranda et magis simplex apparet, gaudium tamen quod adfert durabilius et solidius est.

[2]) Opera, III, 96 (стр. 109 нѣмецкаго перевода C. Schaarschmidt'a).

[3]) Epistola LXXVI (Alberto Burgh), Opera, II, 419.

Не они, а ихъ эпигоны XVIII вѣка произнесли опасное слово о деспотизмѣ истины, о томъ, что Эвклидъ и геометрія деспотичны [1],—хотя они дисциплинировали свои собственные умы геометрическою методою гораздо строже, чѣмъ эти эпигоны. Они не терроризировали другихъ тѣмъ, въ чемъ они видѣли истину. Они черпали въ истинѣ источникъ того высшаго душевнаго спокойствія, которое отличаетъ дѣйствительную мудрость: ex hoc tertio cognitionis genere summa, quae dari potest, Mentis acquiescentia oritur, писалъ Спиноза [2].

И это спокойствіе позволяло имъ сравнительно легко переносить то крушеніе своихъ вещей (naufragium rerum suarum, какъ выражался Гейлинксъ), которому всѣ они въ большей или меньшей степени подвергались благодаря бурнымъ событіямъ XVII вѣка съ его войнами и революціями. Гуго Гроцій за принадлежность къ сектѣ армініанъ подвергся преслѣдованіямъ, былъ заключенъ въ тюрьму и избѣжалъ смертной казни только благодаря тому, что удалось пронести его въ будто бы пустомъ сундукѣ отъ книгъ. Амосъ Коменскій благодаря Бѣлогорской битвѣ и послѣдовавшему за нею разгрому его отечества сталъ эмигрантомъ на всю свою жизнь. Благодаря разгрому чужого города, въ которомъ онъ нашелъ пріютъ, погибла рукопись его „Пансофіи", труда очень многихъ лѣтъ. Что касается Гоббеса, то уже его появленіе на свѣтъ произошло при трагической обстановкѣ. Въ виду опасности, угрожавшей со стороны надвигавшейся испанской „непобѣдимой армады", его мать преждевременно произвела его на свѣтъ, разрѣшившись отъ бремени, какъ онъ живописно выражается, двумя близнецами — будущимъ

[1] „Эвклидъ настоящій деспотъ; и геометрическія истины, которыя онъ намъ передалъ, представляютъ настоящіе деспотическіе законы", писалъ Мерсье де ла Ривьеръ (L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, Londres, 1767, см. стр. 137).

[2] Ethica, V, Propos. XXVII, Opera, I, 256.

философомъ и страхомъ [1]. Хотя впослѣдствіи онъ возлюбилъ „миръ вмѣстѣ съ музами" [2] однако ему не довелось наслаждаться міромъ. Ему пришлось жить въ обстановкѣ, наведшей его на мысль, что человѣкъ человѣку волкъ, homo homini lupus. Онъ не могъ найти себя пріюта ни въ Англіи ни во Франціи и подвергался травлѣ какъ со стороны роялистовъ, такъ и со стороны республиканцевъ. Декартъ искалъ убѣжища въ Голландіи—разумѣется, не отъ навязчивыхъ друзей, какъ онъ самъ увѣрялъ, а отъ тѣхъ враговъ, которыхъ онъ не могъ не имѣть, исповѣдуя свое новое міровоззрѣніе; не напрасно онъ избралъ своимъ житейскимъ девизомъ принципъ: bene qui latuit, bene vixit. Извѣстна судьба Галилея и Кампанеллы, которому пришлось немало пострадать, хотя онъ, разумѣется, преувеличивалъ, когда увѣрялъ [3], что инквизиція лишила его десяти фунтовъ крови и оставила ему всего пять шестыхъ его тѣла. Гейлинксу пришлось испытать нищету. Спинозѣ пришлось много пострадать отъ фанатизма современниковъ. Эргарду Вейгелю и Лейбницу приходилось постоянно приспособляться къ своимъ знатнымъ покровителямъ [4].

Перебирая всѣ тѣ какъ матеріальныя, такъ и моральныя невзгоды, которымъ подвергались можно сказать, всѣ новаторы XVII вѣка, приходится поневолѣ изумляться силѣ ихъ духа, ихъ умѣнію если не всегда одерживать побѣду надъ судьбою, то по крайней мѣрѣ съ достоинствомъ принимать ея неизбѣжные удары. Эта сила духа поддерживалась въ нихъ увѣренностью въ томъ, что они дѣй-

[1] Atque metum tantum concepit tunc mea mater,
Ut pareret gemines, meque metumque simul.
(Vita carmine expressa, Opera, I, XXXVI).

[2] Pacem amo cum musis (ib.).

[3] См. Ad. Franck, Réformateurs et publicistes de l'Europe. Dix-septième siècle, 1881, стр. 155.

[4] См. главу XI.

ствительно участвуютъ въ великомъ дѣлѣ открытія истины, очевидной, несомнѣнной и безспорной. Они любили истину особою, новою „интеллектуальною" любовью. И эта любовь поддерживала ихъ на ихъ нерѣдко очень трудномъ жизненномъ пути. Она же открывала передъ ними безконечные горизонты полнаго всезнанія или „пансофіи". Горизонты эти неудержимо манили ихъ себѣ. И новаторы устремились къ нимъ, не всегда замѣчая, что при этомъ они уже теряютъ прочную почву опыта подъ ногами. Мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ этихъ стремленій, къ происхожденію и значенію пансофической систематики въ XVII столѣтіи.

I.

Та истина, которую познавали новаторы XVII вѣка, представлялась имъ въ такомъ видѣ, что они не довольствовались только тѣмъ, что они дѣйствительно познавали. Убѣжденные въ однородности міра и въ простотѣ истины о мірѣ, они переоцѣнили свое частичное знаніе вещей. И сообразно съ этимъ они хотя и отправлялись отъ науки, но шли дальше науки. Какъ упоминалось выше [1]), они пытались изъ элементовъ своего положительнаго знанія путемъ философскаго расширенія построить универсальную систему міра, какъ цѣлаго. Рѣшивъ въ положительномъ смыслѣ проблему истины, установивъ безошибочную, какъ имъ казалось, методику истины, они отважно берутся за систематику истины. Это послѣднее предпріятіе затѣвается ими въ духѣ того позитивнаго раціонализма, который они такъ рѣшительно исповѣдовали и который сообщилъ такое своеобразіе ихъ методологіи. Въ соотвѣтственной же степени своеобразна и ихъ систематика истины. Она чрезвычайно тѣсно связана съ ихъ

[1]) См. стр. 35.

методологіею, подтверждая замѣчаніе Кузена: le vrai secret d'un système est dans sa méthode.

Благодаря этой методологіи проблема систематики истины также радикально мѣняетъ свой традиціонный видъ у новаторовъ XVII вѣка, какъ и всѣ другія философскія проблемы. До того времени она рѣшалась болѣе или менѣе неудачно въ формѣ всякаго рода сборниковъ, „пчелъ", „суммъ", нагромождавшихъ, нерѣдко въ хаотическомъ безпорядкѣ, всевозможныя свѣдѣнія далеко не всегда достовѣрнаго характера. Въ XVI столѣтіи такіе сборники получаютъ весьма претенціозныя названія, вродѣ encyclopaedia, paedia in cyclisco, Polymathia, Polyhistoria, Panepistemonia, Pansophia, Pankosmia, театръ міра и т. д. [1]). Преслѣдуютъ они по большей части дидактическія цѣли. Гуманисты, съ ихъ филологическою „элегантностью" и преклоненіемъ передъ „древностями", мало помышляли о стройной систематикѣ истины. Вмѣсто систематики они стремились къ полиматіи, къ эрудиціи. Больше озабоченъ систематикою Бэконъ. Но она у него имѣетъ все еще энциклопедическій въ старинномъ смыслѣ характеръ. Онъ нагромождалъ лѣсъ и даже лѣсъ лѣсовъ (sylva sylvarum), состоявшій изъ отрывочныхъ свѣдѣній. И такъ какъ онъ отрекался отъ формальной логики Аристотелева происхожденія, которая вносила въ иныхъ случаяхъ даже значительную стройность въ суммы и еще „суммы суммъ" средневѣковыхъ ученыхъ, то онъ заблудился въ этомъ лѣсу и очутился въ томъ безпомощномъ положеніи, которое описываетъ Данте въ началѣ своей поэмы.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura,
Chè la diritta via era smarrita.

[1]) См. O. Willmann, Didaktik als Bildungslehre nach ihren Beziehungen zur Socialforschung und zur Geschichte der Bildung. Band I, Braunschweig, 1882, 314.

Чудовищная по объему компиляція Гассенди (Syntagma philosophicum) превосходила прежнія энциклопедіи объемомъ, но не методою.

И вотъ изъ той энциклопедической и поліисторической пыли, которую представляла сумма человѣческаго знанія при появленіи новаторовъ XVII вѣка, выростаетъ благодаря этимъ новаторамъ стройное величавое зданіе систематизованной истины или обновленной пансофіи. Энциклопедія наукъ и свѣдѣній вытѣсняется единою, раціональною, естественною пансофіею. Въ отличіе отъ прежнихъ пансофическихъ построеній эта новая пансофія по большей части интуитивна, дедуктивна, демонстративна, конструктивна, начинается съ опредѣленій, подчиняетъ причины закону тождества, синтетична, стремится стать универсальною математикою или ея логическою аналогіею, пантометрична и, наконецъ, строится ordine geometrico. Иными словами, она осуществляетъ всѣ тѣ правила методики истины, о которыхъ упомянуто въ девятой главѣ настоящаго изслѣдованія. Въ такомъ видѣ она замѣняетъ прежнюю метафизику [1]; и подъ вліяніемъ новаторовъ метафизическую достовѣрность начинаютъ отождествлять съ геометрическою [2].

Такому превращенію традиціонной полиматіи и метафизики въ раціональную пансофію или онтософію способствовали два обстоятельства—увѣренность новаторовъ, что міръ единообразенъ, и связанная съ этимъ ихъ увѣренность, что и наука едина.

Увѣренность въ единообразіи міра чрезвычайно рельефно проявляется въ томъ, что новаторы XVII вѣка поразительно часто пользуются однимъ союзомъ — sive, пользуются настолько часто, что на это не могли не обратить вниманія

---

[1]) Metaphysica... ab aliis dicitur Ontosophia, vel Ontologia, et quidem rectius, писалъ Шовенъ (Lexicon philosophicum, 402).

[2]) Certitudo Metaphysica seu Geometrica, писалъ онъ же (98).

историки философской терминологіи. Р. Эйкенъ приводитъ длинный рядъ терминовъ, которые Декартъ соединяетъ этимъ союзомъ: notiones sive ideae, res sive substantia, natura sive essentia, corpus sive materia, realitas sive perfectio и т. д. [1]). На то обстоятельство, что и Спиноза любитъ пользоваться союзомъ sive, обратилъ спеціальное вниманіе авторъ одной новѣйшей французской монографіи о немъ Кушу [2]). Эти смѣлыя сопоставленія съ помощью четырехъ буквъ разрушали тѣ тщательныя различія (distinctiones), надъ которыми въ теченіе столѣтій трудились схоластики; и благодаря этому они вызывали, да отчасти еще и теперь вызываютъ негодованіе [3]) у тѣхъ, кому дорого все то, что связано со старымъ моральнымъ міровоззрѣніемъ. Эти сближенія были конечно направлены также и противъ схоластическихъ ухищреній [4]). Но вызывались они не однимъ только нерасположеніемъ новаторовъ къ схоластикѣ. Вызывались они главнымъ образомъ тою монистическою тенденціею новаго міровоззрѣнія, которая естественно порождалась монизмомъ новой физики, усмотрѣвшей всюду въ природѣ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же законовъ. Эта тенденція, если не фактически, то принци-

---

[1]) Geschichte der philosophischen Terminologie, Leipzig, 1879, стр. 88.

[2]) Sa méthode consiste... en des assimilations puissantes et extraordinaires, faites au moyen de l'adverbe(!) sive: Deus sive natura, verus sive realis, libertas sive beatitudo. De deux termes courants opposés parfois, il fait un seul mot neuf et spacieux.

[3]) См., напримѣръ, по поводу Декартова notiones sive ideae O. Willmann, Geschichte des Idealismus, Zweite Auflage, Braunschweig, 1907, Band III, 253: Wir gestehen, in einer solchen Vernachlässigung des Erarbeiteten eher Stumpfheit als Schärfe des Geistes zu erblicken. Wenn jemand, der über Mathematik schreibt, sagen wollte: sinus sive tangens, radix sive logarithmus и т. д.

[4]) Съ этой именно стороны ихъ и характеризуетъ Р. Эйкенъ: kann die scholastische Spitzfindigkeit schärfer bekämpft werden als es durch dieses sive geschieht? (стр. 88 упомянутой книги).

піально объединявшая въ одно цѣлое міры физическій, психическій и моральный и сливавшая это цѣлое съ Богомъ въ одномъ общемъ понятіи природы, достигла своего апогея въ знаменитыхъ формулахъ Спинозы: Deus, sive omnia Dei attributa [1]), Deus, sive natura. Все безконечное разнообразіе предметовъ и явленій міра сливается въ одно цѣлое и исчезаетъ въ единой міровой субстанціи, всюду тождественной, всюду равной самой себѣ.

Если міръ единообразенъ, то, очевидно, единообразна должна быть и наука о мірѣ. Вмѣсто полиисторіи должна возникнуть пансофія, вмѣсто наукъ должна появиться наука. Въ мірѣ все связано до того, что каждое существо представляетъ какъ бы непрерывное зеркало вселенной, утверждалъ Лейбницъ въ Монадологіи [2]): σύμπνοια πάντα, какъ говорилъ еще Гиппократъ [3]). Каждое тѣло связано со всею вселенною такими тѣсными узами, что проницательный взглядъ ученаго могъ бы уже въ немъ одномъ увидѣть все то, что есть, было и даже будетъ во вселенной [4]). Наука едина не только потому, что міръ единъ, но еще и потому, что единъ познающій разумъ. Сообразно съ этимъ Декартъ въ разъясненіи перваго правила для руководства умомъ не соглашается съ необходимостью раздѣленія труда въ наукѣ, по аналогіи съ раздѣленіемъ труда въ другихъ областяхъ [5]); если

---

[1]) Ethica, Pars I, Propos. XIX, Prop. XX, Corol. II, Opera, I, 54, 55.

[2]) 56, Gerhardt, VI, стр. 616.

[3]) Тамъ же, 61, стр. 617.

[4]) Tout corps se ressent de tout ce qui se fait dans l'univers, tellement que celuy, qui voit tout, pourroit lire dans chacun ce qui se fait partout et même ce qui s'est fait ou se fera, en remarquant dans le present ce qui est éloigné tant selon les temps que selon les lieux (тамъ же).

[5]) Quoniam eaedem manus agris colendis et citharae pulsandae, vel pluribus ejusmodi diversis officiis, non tam commode, quam unico ex illis possunt aptari.

однѣмъ и тѣмъ же рукамъ, пожалуй, дѣйствительно трудно и воздѣлывать поля и играть на гитарѣ, то въ наукѣ дѣло обстоитъ иначе. Требованіе непремѣнной спеціализаціи вслѣдствіе различія объектовъ науки [1]), не считается съ тѣмъ, что всѣ науки—это не что иное, какъ одна и та же человѣческая мудрость, какъ бы ни были разнообразны предметы знанія [2]). Всѣ отдѣльныя науки представляютъ цѣнность лишь постольку, поскольку онѣ связываются съ единымъ универсальнымъ знаніемъ, чего, къ удивленію Декарта, не понимали ученые спеціалисты [3]). Слѣдуетъ вѣрить, что науки такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что гораздо легче изучать всѣ науки вмѣстѣ, чѣмъ отдѣлить одну отъ остальныхъ [4]). Какъ выражался впослѣдствіи Лихтенбергъ, кто знаетъ только химію, тотъ не знаетъ даже и химіи. Если, значитъ, кто желаетъ серьезно познать истину вещей, тому нельзя довольствоваться одною какою-нибудь спеціальною наукою, тому слѣдуетъ изучать всѣ науки въ ихъ взаимной связи и зависимости [5]), болѣе того, тому слѣдуетъ стремиться

---

[1]) Pro diversitate objectorum.

[2]) Nam cum scientiae omnes nihil aliud sint quam humana sapientia, quae semper una et eadem manet, quantumvis differentibus subjectis applicata, nec majorem ab illis distinctionem mutuatur, quam solis lumen a rerum, quas illustrat, varietate, non opus est ingenia limitibus ullis cohibere: neque enim nos unius veritatis cognitio, veluti unius artis usus, ab alterius inventione dimovet, sed potius juvat.

[3]) Et profecto mirum mihi videtur, plerosque hominum plantarum vires, siderum motus, metallorum transmutationes, similiumque disciplinarum objecta diligentissime perscrutari, atque interim fere nullos de bona mente, sive de hac universali Sapientia, cogitare, cum tamen alia omnia non tam propter se, quam quia ad hanc aliquid conferunt, sint aestimanda.

[4]) Credendumque est, ita omnes inter se esse connexas, ut longe facilius sit cunctas simul addiscere, quam unicam ab aliis separare.

[5]) Si quis igitur serio rerum veritatem investigare vult, non

къ единой универсальной наукѣ вродѣ той Mathesis universalis, которая была намѣчена Декартомъ. Высказывая такой взглядъ, Декартъ съ полнымъ основаніемъ могъ привести свой собственный примѣръ: развѣ ему не удалось связать въ одно общее то, что было сдѣлано Кеплеромъ, Галилеемъ и Гарвеемъ примѣнительно къ спеціальнымъ и, казалось бы, такъ далекимъ другъ отъ друга областямъ? Почему же не пойти и дальше? Почему бы не попробовать построить совершенно универсальную науку, которая въ немногихъ словахъ объясняла бы весь міръ безъ какого бы то ни было остатка?

Вѣра въ возможность такой науки была такъ велика у новаторовъ XVII вѣка, что Чирнгаузенъ говорилъ даже, что она уже существуетъ: generalis aliqua datur scientia, cujus ope quilibet ea probe instructus non solum quicquid in Mathesi datur occulti, sed omne etiam incognitum, sub intellectum cadens, certa et constanti methodo certo in lucem potis est deducere [1]). Если такой науки въ дѣйствительности не было въ XVII столѣтіи, какъ нѣтъ такой науки еще и теперь, да вѣроятно, никогда и не будетъ, то въ XVII столѣтіи дѣлался цѣлый рядъ попытокъ построить ее. Мы и перейдемъ теперь къ характеристикѣ этихъ попытокъ.

---

singularem aliquem debet optare scientiam: sunt enim omnes inter se conjunctae et a se invicem dependentes (Декартъ, Regula I).

[1]) Medicina mentis, Praefatio.

II.

Jacta sunt Encyclopaediae fundamenta.

Гейлинксъ (Opera, III, 5).

Объ универсальной энциклопедической наукѣ мечтаетъ въ XVII вѣкѣ Бэконъ. Такъ какъ онъ былъ только слегка задѣтъ новымъ міровоззрѣніемъ и не исповѣдовалъ той новой теоріи науки, которая была охарактеризована въ IX главѣ настоящаго изслѣдованія, то и его попытки систематизаціи истины слишкомъ далеки отъ занимающей насъ раціоналистической пансофіи, чтобы на нихъ подробно останавливаться, тѣмъ болѣе, что онѣ слишкомъ хорошо извѣстны уже изъ элементарныхъ учебниковъ исторіи философіи. Мы не будемъ поэтому останавливаться на Бэконѣ и перейдемъ къ Амосу Коменскому. Хотя Амосъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Бэкона [1]), однако какъ онъ, такъ и его друзья [2]), были въ большой степени увлечены и новымъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки. Это отразилось и на его систематикѣ знаній. Она въ гораздо большей степени, чѣмъ Бэко-

---

[1]) Audite... vocem sapientis sapientem! писалъ онъ послѣ одной цитаты изъ Бэкона; см. I. Kvačala, Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII Jahrhunderts, 1903—4 (Monumenta Germaniae Paedagogica, Bd. XXVI и XXXII), томъ I, стр. 170. Одинъ изъ сотрудниковъ и корреспондентовъ Амоса (Hübner) писалъ: ich mache mir fast die einbildung, Hr. Comen. habe die Metaphysicam ex praescripto Verulamii... elaboriret (ib., 87).

[2]) Такъ, напримѣръ, только что упомянутый Гюбнеръ писалъ: domino Verulamio equidem detectionem multorum debemus, sed ad sua capita non satis accurate revocatam (ib., 80).

нова, отражаетъ на себѣ вліяніе позитивнаго раціонализма XVII вѣка.

Амосъ Коменскій упорно работаетъ надъ Пансофіею. Какъ онъ, такъ и его друзья съ величайшимъ интересомъ переживаютъ разныя стадіи этой работы. Они называютъ ее уменьшительнымъ, ласкательнымъ именемъ pansophiola [1]). Они ожидаютъ отъ нея, что она раскроетъ истину fein deutlich und candide [2]), составитъ Universale Rationarium [3]), будетъ выводить все изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ [4]), словомъ, сведетъ всѣ знанія въ идеальную систему. И вотъ въ 1656 году всѣ эти ожиданія сразу рухнули благодаря шведско-польской войнѣ, во время которой сгорѣлъ городъ Лѣшно (Лисса), а вмѣстѣ съ нимъ и почти всѣ матеріалы Амоса: quicquid erat ad mundum descriptum preloque paratum, periit, съ глубокою горестью сообщалъ онъ своимъ корреспондентамъ [5]): ego omnium jacturam passus, maxime ob illa dolui, quae nullo pretio redimi possunt, manuscripta [6]).. O servasset mihi saltem Deus Sylvam Pansophiae! omnia forent faciliora, sed periit una [7]). Только тотъ можетъ понять всю глубину горя Амоса, всю невознаградимость его потери, кто самъ въ теченіе многихъ лѣтъ работалъ надъ

[1]) См. I. Kvačala, томъ I, стр. 176, 178, 201.

[2]) Тамъ же, стр. 69.

[3]) Томъ II, стр. 47.

[4]) Какъ объяснялъ самъ Амосъ въ 1640 г., realis eruditionis liber... Pansophia erit: Liber nimirum totum verum et Sapientiae humanae apparatum complectens.. omnia tam exquisita methodo tradens, ut ex iisdem principiis omnia veniant, ad eosdem fines omnia tendant, perpetuaque cohaerentia alia ex aliis ita fluant, ut nec finis nisi in fine reperiri nec extra haec, quod discatur restare, nec quicquam eorum alibi quam loco suo locum invenire possit (тамъ же, томъ I, 167).

[5]) Тамъ же, I, 323.

[6]) Тамъ же, 324.

[7]) Тамъ же, 327.

рукописью, кто настолько сроднился съ нею, что одна мысль о возможности ея гибели наполняетъ его сознаніе холоднымъ ужасомъ.

Впрочемъ погибъ не весь трудъ Амоса. Еще до пожара, благодаря нескромности друзей и, повидимому, противъ желанія самого автора былъ изданъ одинъ изъ его предварительныхъ эскизовъ—Pansophiae Prodromus [1]). По этому эскизу можно судить о томъ, какъ далеко простирались пансофическіе планы Амоса. Современныя науки поражаютъ его своею необъединенностью: теологи, философы, юристы, медики идутъ въ разныя стороны, и даже среди философовъ одни занимаются физикою, не зная математики, и наоборотъ, другіе занимаются этикою, не зная физики, третьи занимаются логикою, не имѣя ни малѣйшаго представленія о реальныхъ наукахъ [2]): sibi cantillant Metaphysici, sibi plaudunt Physici, sibi leges figunt Ethici, sibi bases fingunt Politici, sibi triumphant Mathematici, sibi regnant Theologi [3]). Такое положеніе совершенно ненормально. Всѣ науки слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы можно было безъ ущерба пренебрегать ихъ общею связью [4]). Чѣмъ больше свѣточей, тѣмъ больше свѣта; и крайне необходимо, чтобы свѣтъ науки былъ единъ [5]). Всѣ существующія попытки

[1]) Полное заглавіе: Pansophiae Prodromus, et Conatuum Pansophicorum dilucidatio, Lugduni Batavorum, 1644.

[2]) Стр. 9.

[3]) Стр. 26.

[4]) Ut nempe aliquis sit Physicus, qui non idem Metaphysicus? aut Ethicus, qui non ante Physicus? (saltem certe humanae naturae cognitione imbutus) aut Logicus, qui non realium scientiarum peritus? aut Theologus, Iure-consultus, Medicus, qui non prius Philosophus? aut Orator, Poëta, qui non omnia illa simul? Lumine, manu, norma seipsum privat, quicunque scibilium aliquid a se removet (стр. 27).

[5]) Plus candelarum, plus luminis. Modo ratio reperiatur, qua omnia lumina in unum lumen coire possunt (стр. 49).

объединенія наукъ, носящія заманчивыя названія пансофій, энциклопедій, панэпистемоновъ, панаугій, панкосмій и т. д., не удовлетворяютъ Амоса, такъ какъ онѣ не обнимаютъ всей широты вещей [1]) въ непрерывной связи, sine veritatis hiatu ullo [2]). Поэтому крайне необходимо предпринять на новыхъ началахъ пансофію. Это должна быть универсальная наука, съ одной стороны обнимающая всю полноту мірозданія, съ другой стороны свободная отъ внутреннихъ логическихъ противорѣчій [3]). Внутренняя гармонія этой системы знаній должна быть совершенна: это произведеніе ума должно быть такъ же несокрушимо, какъ и машина вселенной [4]). Эта система должна основываться не на авторитетахъ, а на самихъ вещахъ. Она должна передавать истину вещей, rerum veritatem [5]); она характеризуется какъ viva Universi imago, sibi ipsi undique cohaerens, какъ veritatis rerum Norma stabilis [6]). Общіе принципы пансофіи должны быть реальными аксіомами: generalia Pansophiae praecepta nihil sint, nisi axiomata realia [7]).

Вліяніе новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки сказывается въ томъ, что Амосъ провозглашаетъ математику

---

[1]) Testor... nihil me adhuc vidisse amplitudini rerum satis respondens, quod totam rerum universitatem exhauriret (стр. 25).

[2]) Тамъ же.

[3]) Universalem rerum cognitionem (πανσοφίαν, id est, plenam omnia intra se complectentem, sibique undique cohaerentem sapientiam) ut nihil relinquatur manifesti vel occulti, quod ignoretur (стр. 6).

[4]) Atque talem nos Christianam Philosophiam, seu potius Pansophiam quaerendam docemus, ubi omnia ex immotis principiis in immotam assurgant veritatem, perpetuaque harmonia ita sese connectant, ut opus hoc mentis tam sit indissipabile, quam ipsa mundi machina (стр. 30).

[5]) Стр. 29.

[6]) Стр. 41.

[7]) Стр. 78.

образцомъ научной достовѣрности [1]), вводитъ въ пансофію пантометрію [2]), отождествляетъ демонстрацію съ причиннымъ познаніемъ [3]) и требуетъ отъ моральной философіи, чтобы она согласовалась съ физическою и даже опиралась на нее [4]).

Необходимо впрочемъ замѣтить, что чистота этого пансофическаго замысла осложнялась рядомъ другихъ тенденцій. Во-первыхъ, Амосъ, какъ педагогъ, связывалъ пансофію съ преподаваніемъ и болѣе дорожилъ ею какъ средствомъ для наглядnаго обученія, чѣмъ какъ чисто философскимъ построеніемъ. Во-вторыхъ, его пансофія должна была быть спеціально христіанскою пансофіею и такимъ образомъ несмотря на упреки въ безбожіи, раздававшіеся по ея адресу, была насквозь проникнута религіознымъ и даже церковнымъ духомъ [5]). Въ третьихъ, къ пансофіи Амосъ намѣревался присоединить панисторію и пандогматію [6]), репертуаръ фактовъ и назиданій, не укладывавшихся въ раціональную систему

---

[1]) Nempe ut omnia scibilia sive sint naturalia, sive moralia, sive artificialia, sive etiam Metaphysica simili certitudine tradantur, qua apud Mathematicos demonstrationes procedere videmus, ut dubitationi ne locus quidem relinquatur (стр. 43).

[2]) Ut quemadmodum Deus omnia in Numero, Mensura, et Pondere disposuit, ita nobis omnia, quae usquam sunt, erunt et fuerunt, sub numeros veniant, ne quicquam cognitionem effugiat... Ut omnium commensurata proportio, tam ad universum, quam ad se invicem, pateat oculis nostris (стр. 42).

[3]) Omnia tradantur demonstrative per causas et effecta proxima (стр. 30). Omnia solide per causarum et effectuum connexionem perpetuam (стр. 43).

[4]) Volunt alii esse Morales Philosophi, Naturalium nulla cognitione instructi (стр. 9). Ut nempe aliquis sit.. Ethicus, qui non ante Physicus (стр. 27).

[5]) См. объ этомъ Kvačala, II, 160.

[6]) Panhistoria continens ex omni antiquitate res memorabilissimas, vere gestas; Pandogmatia vero authorum praecipuorum... medullam exhibens (тамъ же, I, 167).

физическаго типа. Наконецъ, въ-четвертыхъ, онъ былъ слишкомъ близокъ къ философіи Бэкона и вообще еще далеко не вполнѣ эмансипировался отъ стараго моральнаго міровоззрѣнія. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить его попытку систематизаціи истины какъ чрезвычайно характерное событіе въ республикѣ наукъ XVII столѣтія.

Въ 1658 году появилась книга упоминавшагося уже нами дважды [1]) Ѳомы Англійскаго или Альба (Уайта) Euclides Metaphysicus, sive de Principiis Sapientiae [2]). Книга эта почти совсѣмъ забыта историками философіи [3]). А между тѣмъ она представляетъ въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательное явленіе. Замѣчательна она не тѣмъ только, что она пытается дать систему монистическаго міропониманія; такія системы строились и прежде; замѣчательна она тѣмъ, что система эта понимается авторомъ пангеометрически. Онъ пользуется методою Эвклида для рѣшенія пансофической проблемы, хотя проблема эта и рѣшается метафизически, въ духѣ Аристотелевой традиціи. Метафизическое содержаніе облекается въ геометрическую форму. Авторъ вѣритъ въ субстанціальныя формы [4]). У него можно найти всѣ упоминавшіяся на стр. 41 настоящаго изслѣдованія особенности стараго моральнаго міровоззрѣнія, именно, антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ. Антропоморфны тѣ „формы",

[1]) См стр. 66 и 291; ср. свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ авторѣ у Кутюра (La logique de Leibniz, стр. 538 и слѣд.).

[2]) Authore Thoma Anglo ex Albiis East-Saxonum, Londini, 1658.

[3]) Такъ, напримѣръ, Ремюза, излагая воззрѣнія Ѳомы Уайта, совершенно не упоминаетъ объ этой книгѣ (см. Histoire de la philosophie en Angleterre depuis Bacon jusqu'à Locke, Paris, 1875, томъ I, стр. 308 и слѣд.).

[4]) Сообразно съ этимъ животное, напримѣръ, опредѣляется слѣдующимъ образомъ: animal, ut animal, est Metaphysice unum ens habens unicam formam substantialem (Stoecheidis Θ, Propositio IV, стр. 92).

въ которыя онъ вѣритъ. Телеологизмъ побуждаетъ Ѳому признавать трансцендентное предназначеніе природы [1]), сводящееся къ тому, чтобы существовали души, отдѣленныя отъ тѣла, въ свою очередь существующія для того, чтобы блаженствовать въ созерцаніи Бога, послѣ того какъ онѣ выйдутъ или, какъ онъ выражается, вынырнутъ изъ тѣла [2]). Іерархизмъ проявляется въ томъ, что надъ этими душами вѣрующій Ѳома помѣщаетъ ангеловъ, надъ которыми, въ свою очередь, онъ помѣщаетъ „губернатора вселенной, или Бога" [3]). Тѣмъ удивительнѣе, что эта метафизическая онтологія облекается въ Эвклидову форму: книга дѣлится на столбцы и въ каждомъ изъ нихъ авторъ развиваетъ свои мысли путемъ опредѣленій, аксіомъ и предложеній. Мы видимъ, что даже этотъ схоластикъ былъ увлеченъ геометрическимъ духомъ и вообще дышалъ атмосферою новой теоріи науки. Вліянію этой умственной обстановки можно приписать вѣру Ѳомы Англійскаго въ безконечность человѣческаго разума по крайней мѣрѣ „въ своемъ родѣ": intellectus humanus in suo genere est absolute infinitus [4]).

Въ томъ же самомъ 1658 году, когда въ Лондонѣ вышла книга Ѳомы Уайта Euclides metaphysicus, въ Іенѣ появляется книга Эргарда Вейгеля: Analysis Aristotelica ex Euclide restituta. Въ этой книгѣ учитель Пуффендорфа и

[1]) См. Stoecheidis K, Axioma III, стр. 171.

[2]) Stoecheidis K, Propositio XV: Mundus seu Universum corporeum est instrumentum Creatoris ad educandas mentes incorporatas ad Beatitudinem. Затѣмъ слѣдуетъ разъясненіе: cum enim finis mundi, et creationis ipsius sint Animae separatae ex corporibus emergentes, et finis earum sit videre Deum (стр. 188); ср. Stoecheidis I, Propositio XXXI: Visio primi Entis est ultimus finis, et Beatitudo cujuslibet substantiae spiritualis (стр. 166).

[3]) Stoecheidis K, Propositio II: Ens primum est Gubernator Universi sive Deus; Propositio XVII: Deus gubernat Mundum per Intelligentias seu Angelos (стр. 173 и 191).

[4]) Stoecheidis Θ, Propositio XXVII, стр. 1.3.

Лейбница провозглашаетъ ученіе о мірѣ, какъ о реальномъ силлогизмѣ, подлежащемъ пансофической систематизаціи. Онъ и стремится осуществить эту задачу какъ въ этой книгѣ, такъ и въ рядѣ другихъ работъ—Idea Matheseos Universae (1669), Universi Corporis pansophici Prodromus (1672), Universi Corporis pansophici Caput Summum (1673), Corporis Pansophici Pantologia. Мы пока только упоминаемъ эти работы. Подробный ихъ разборъ читатель найдетъ въ XI главѣ настоящаго изслѣдованія, спеціально посвященной Вейгелю.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими попытками систематизаціи истины, которыя не всецѣло стоятъ на почвѣ новаго міровоззрѣнія: даже Эргардъ Вейгель былъ все-таки еще на половину схоластикъ. Ѳома Уайтъ былъ совсѣмъ схоластикъ. А Амосъ Коменскій отчасти тяготѣлъ къ Бэкону, отчасти понималъ метафизически свою пансофію, которую онъ не напрасно называлъ спеціально „христіанскою пансофіею". Теперь мы переходимъ къ тѣмъ систематикамъ истины, которые усвоили новое міровоззрѣніе и новую теорію науки не случайно и не частично, а вполнѣ сознательно, которые, болѣе того, сами участвовали въ выработкѣ и этого міровоззрѣнія и этой теоріи.

Если Декартъ и не выполнилъ своего намѣренія построить Mathesim universalem — долженствовавшую, впрочемъ, повидимому, стать скорѣе логикою наукъ, чѣмъ универсальною онтологіею,—то это не значитъ, что онъ вообще отказывался отъ систематики истины. Въ концѣ своей жизни онъ затѣялъ это дѣло. И результатомъ этого были его Principia philosophiae [1]).

Нѣмецкій картезіанецъ Клаубергъ пишетъ „Онтософію" [2]),

[1]) См. предисловіе: me universae Philosophiae explicationem inchoasse... Hoc mihi agendum restaret ut integrum Philosophiae corpus humano generi darem.

[2]) Полное заглавіе: Metaphysica de Ente, quae rectius Ontosophia, Aliarum disciplinarum, ipsius quoque Jurisprudentiae et Literarum, studiosis accomodata.

въ которой онъ стремится возможно тѣснѣе объединить всѣ науки. Какъ теософія, или теологія, занимается Богомъ, такъ онтософія, или онтологія, занимается міромъ бытія вообще. Эта наука занимается тѣмъ, что представляетъ наиболѣе общее для всѣхъ предметовъ, наиболѣе общими аттрибутами вещей [1]). Клаубергъ стремится [2]) найти онтософическое мѣсто также и для тѣхъ существъ разума, которыя, какъ указано выше [3]), были заимствованы новою наукою у схоластики и преобразованы сообразно съ требованіями ея методологіи [4]).

Лейбницъ уже въ молодости [5]) задумалъ планъ энциклопедіи, обнимающей въ формѣ дедуктивной, геометрической системы весь міръ. Этотъ планъ не покидалъ его въ теченіе всей его жизни и даже, какъ увѣряетъ Кутюра [6]), представлялъ для него главное дѣло его жизни. Убѣжденный, что науки, умножаясь, сокращаются и что можно составить краткій алфавитъ мысли и бытія, съ помощью котораго можно безъ труда читать въ книгѣ мірозданія, Лейбницъ неоднократно брался за это дѣло. Но ему такъ и не пришлось довести его до конца. При его слишкомъ подвижной и кипучей натурѣ и многосторонности научныхъ интересовъ, за-

[1]) In hac igitur scientia considerantur ea quae omnibus et singulis rebus suo modo communia sunt, id est, attributa rerum communissima (Prolegomena, 4, Opera, Amstelodami, 1691, стр. 281).

[2]) II, 15, стр. 284.

[3]) См. стр. 358 и слѣд.

[4]) См. его характеристику понятія бытія: entis tres distinguendae significationes. Nam vel denotat omne quod cogitari potest (distinctionis causa nonnullis vocatur Intelligibile) et huic non potest opponi quicquam; vel notat id, quod revera Aliquid est, nemine etiam cogitante, cui opponitur Nihil; vel significat Rem, quae per se existit, ut Substantia, cui solent opponi Accidentia (I, 3, стр. 283).

[5]) См. Kabitz, Die Philosophie des jungen Leibniz, стр. 30.

[6]) La logique de Leibniz, 119.

ставлявшихъ его жаловаться вмѣстѣ съ Овидіемъ: inopem me copia facit, онъ не могъ всецѣло уйти въ дѣло, требовавшее крайне упорной, сосредоточенной работы надъ разъ навсегда принятыми принципами, опредѣленіями и ихъ логическими послѣдствіями.

Чего не довершилъ Лейбницъ, то сдѣлалъ Спиноза, обладавшій всѣми необходимыми для такого предпріятія особенностями ума. Лейбницъ, этотъ Божіею милостью геній, для котораго все трудное было легко, а все легкое трудно, не могъ догматически и съ неуклоннымъ упорствомъ выводить послѣдствія изъ извѣстныхъ и точно опредѣленныхъ положеній. Онъ мыслилъ смѣлыми, свободными и неожиданными ассоціаціями. Его философская терпимость была такъ широка, что онъ всюду видѣлъ зерно истины. Всѣ системы казались ему истинными въ томъ, что онѣ утверждаютъ, и ложными въ томъ, что онѣ отрицаютъ. Онъ находилъ проблему тамъ, гдѣ все казалось яснымъ. Зато ему часто все казалось яснымъ тамъ, гдѣ другіе видѣли проблему. Онъ усматривалъ сходство тамъ, гдѣ другіе видѣли различіе, усматривалъ различіе тамъ, гдѣ другіе видѣли сходство. Вообще онъ видѣлъ тысячу вещей тамъ, гдѣ другіе или ничего не видѣли или видѣли очень мало. Въ каплѣ воды онъ уже созерцалъ все мірозданіе. Онъ разбрасывалъ во всѣ стороны идеи щедрою рукою генія, которому не жалко своихъ сокровищъ, потому что они неисчерпаемы. Онъ сѣялъ идеи, но не выращивалъ ихъ, предоставляя это болѣе систематическимъ, но менѣе творческимъ умамъ.

И вотъ однимъ изъ такихъ умовъ и былъ Спиноза. Спиноза – это типъ ума не творческаго, а систематическаго. Онъ долго ищетъ свои первые принципы. Но когда они имъ найдены, для него уже нѣтъ болѣе исканія принциповъ. Начинается дальнѣйшая работа. Съ непреклоннымъ упорствомъ, можно даже сказать, упрямствомъ онъ выводитъ изъ своихъ принциповъ всѣ ихъ логическія послѣдствія, не останавливаясь

ни передъ чѣмъ, даже передъ абсурдомъ. Принципы истинны. Значитъ, и ихъ послѣдствія истинны. Иначе быть не можетъ, потому что иначе нѣтъ истины. Благодаря такому непреклонному упорству Спинозѣ удалось установить канонъ раціонализма, какъ выразился Шталь [1]), удалось облечь въ систему основную мысль новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки, именно универсальную міровую закономѣрность [2]). Физическій, психическій и моральный міры представляютъ однородную систему, замкнутое цѣлое, въ которомъ все существуетъ и совершается съ естественною необходимостью.

Спинозизмъ представляетъ вершину раціонализма XVII вѣка въ дѣлѣ систематизаціи истины. Въ этомъ его громадное историческое значеніе. Но онъ имѣетъ и болѣе широкое принципіальное значеніе. Если каждая наука стремится познать закономѣрность извѣстной части міра, то къ чему стремятся всѣ науки, вмѣстѣ взятыя, какъ не къ тому, чтобы познать закономѣрность міра, какъ цѣлаго, безъ какого бы то ни было остатка? А вѣдь это и есть спинозизмъ. Такимъ образомъ спинозизмъ, понятый какъ система универсальной міровой закономѣрности, представляетъ естественную цѣль, конецъ, асимптоту всякаго научнаго знанія и пониманія. И сообразно съ этимъ неудача спинозизма не есть только неудача Спинозы или даже всего раціонализма XVII вѣка: это неудача человѣческой мысли вообще, невозможность для нея достигнуть дѣйствительной вершины познанія, воплотить свою методологическую мечту, превратить идеалъ знанія въ реальную науку.

---

[1]) Fr. I. Stahl, Geschichte der Rechtsphilosophie, Dritte Auflage, Heidelberg, 1856, стр. 106.

[2]) Ср. сказанное выше, на стр. 36.

III.

Какія же обстоятельства препятствовали дѣйствительному осуществленію Спинозовой проблемы? Во-первыхъ, несоотвѣтствіе между наличными знаніями и тѣмъ идеальнымъ всезнаніемъ, которое она постулировала. Въ XVII вѣкѣ знали много, но всетаки еще далеко не знали всего. Наука еще далеко не сказала своего послѣдняго слова. А философія хотѣла уже сказать это слово. Для этого ей пришлось восполнять зіяющія пропасти дѣйствительнаго знанія чисто формальными построеніями. Сообразно съ этимъ система Спинозы, также какъ и, напримѣръ, система P. Авенаріуса, представляетъ не дѣйствительно реальное изслѣдованіе, а совершенно формальное построеніе, отвлекавшее отъ геометріи ея методу и съ помощью послѣдней оперировавшее надъ условными понятіями, долженствовавшими обозначать весь міръ. Это былъ слишкомъ смѣлый пріемъ, вызвавшій вполнѣ заслуженную критику со стороны Канта: man kann mit dem Bischoff Warburton sagen: dass nichts der Philosophie schädlicher gewesen sey als die Mathematik, nemlich die Nachahmung derselben, in der Methode zu denken, wo sie unmöglich kann gebraucht werden [1]). Какъ упоминалось выше (см. стр. 270 и слѣд.), методологія XVII вѣка придавала очень большое значеніе конструкціи, построенію. Но одно дѣло построить треугольникъ или кругъ, а другое дѣло построить „Бога, или природу", Deum, sive naturam. Догматическая метода въ философіи, какъ замѣтилъ Кантъ, быть можетъ, непосредственно имѣя въ виду Спинозу [1]), даетъ далеко не тѣ же самые результаты, что метода математическая. Такъ разсуждали въ XVIII вѣкѣ. Но въ XVII вѣкѣ разсуждали не такъ. То „логическое опьяненіе" [2]), которымъ въ большей или меньшей степени были одержимы всѣ раціоналисты XVII вѣка, увлекло и Спинозу. Но послѣдствіемъ этого было то, что вмѣсто логики міра онъ далъ логику безъ міра. Несоотвѣтствіе между цѣлью и средствами отразилось на результатѣ. И принципіально правильная методологическая мечта такъ и осталась неосуществленною.

Слѣдуетъ ли скорбѣть объ этомъ? Если благодаря неудачѣ спинозизма мы теряемъ много, то не выигрываемъ ли мы также кое что благодаря ней? Не сохраняемъ ли мы кое что такое, что для насъ не менѣе цѣнно, чѣмъ познанная абсолютная закономѣрность всего въ мірѣ? При желаніи, можно утѣшаться тѣмъ, что несмотря на эту неудачу или даже именно благодаря этой неудачѣ мы остаемся въ выигрышѣ. Дѣло въ томъ, что то идеальное всезнаніе, къ которому стремился Спиноза, было бы достигнуто весьма дорогою цѣною для человѣка. Ему пришлось бы отказаться отъ множества постоянныхъ, весьма устойчивыхъ, быть можетъ, даже вѣчныхъ и посему неискоренимыхъ умственныхъ потребностей. Такъ какъ уже не было бы ничего познаннаго, никакихъ тайнъ, никакихъ мистерій въ мірѣ, то пришлось бы отказаться отъ того процесса исканія истины, который впослѣдствіи Лессингъ предпочиталъ обладанію истиною; пришлось бы отказаться также и отъ того исканія истины безъ

[1]) Die einzige Methode zur höchstmöglichen Gewissheit in der Metaphysik zu gelangen (I. Kants sämmtliche kleine Schriften, II Band, Königsberg und Leipzig, 1797, стр. 495). Относительно Кантова различія между математическою и философскою методою въ примѣненіи къ системѣ Спинозы см. F. Erhardt, Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, Leipzig, 1908, стр. 69.

[1]) См. статью Kant und Spinoza въ пятомъ томѣ Kantstudien. На стр. 277 авторъ (Fr. Heman) доказываетъ, что въ началѣ отдѣла „Критики чистаго разума", озаглавленнаго Die Disciplin der reinen Vernunft im dogmatischen Gebrauche (Kehrbach, 548), Кантъ критикуетъ Спинозу, хотя и не называетъ его.

[2]) Выраженіе Ліона по поводу Гоббеса (G. Lyon, La philosophie de Hobbes, Paris, 1893, стр. 65).

надежды, болѣе того, безъ желанія найти ее, по крайней мѣрѣ научными путями, которое открываетъ такой широкій просторъ религіозной или иной метафизикѣ, поддерживающей столь глубоко коренящуюся въ человѣческой душѣ потребность въ иллюзіяхъ, вѣрѣ, поддерживающей въ ней

Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug.

Какъ увѣрялъ Гете, каждое рѣшеніе проблемы есть уже новая проблема. Между тѣмъ Спиноза хотѣлъ такъ рѣшить проблему, чтобы уже больше не было никакихъ проблемъ, чтобы все было аксіомою:

Point de problème alors, tout serait axiome [1]).

И вотъ это оказалось неосуществимымъ прежде всего вслѣдствіе несовершенства наличныхъ знаній.

Другимъ серьезнымъ препятствіемъ была проблема индивидуальнаго. Методологія XVII вѣка естественно вела къ тому, что все единичное, специфически-индивидуальное совершенно растворялось и исчезало въ общемъ. Наука XVII вѣка - это не конкретная наука объ отдѣльныхъ предметахъ и происшествіяхъ. Это также не абстрактная наука, обобщающая эти предметы и происшествія. Это — раціональная наука, сводящая все безконечное разнообразіе предметовъ и ихъ измѣненій къ немногимъ умозрительнымъ принципамъ и ихъ логическимъ послѣдствіямъ. Сообразно съ этимъ Лейбницъ и увѣрялъ, что науки, умножаясь, сокращаются: on peut même dire que les sciences s'abregent en s'augmentant, qui est un paradoxe tres veritable, car plus on decouvre des verités et plus on est en estat d'y remarquer une suite reglée et de se faire des propositions tousjours plus universelles dont les autres ne sont que des exemples ou corollaires,

[1]) Фридрихъ II (Epitre à d'Argens sur la faiblesse de l'esprit humain, Oeuvres, X, 97).

de sorte qu'il se pourra faire qu'un grand volume de ceux qui nous ont precedé se reduira avec le temps à deux ou trois theses generales [1]). Съ точки зрѣнія такого взгляда начало науки—безграничный хаосъ отдѣльныхъ отрывочныхъ фактовъ, казусовъ, предметовъ и т. п. конкретныхъ эмпирическихъ данныхъ. Конецъ же науки, ея цѣль, ея идеалъ—возможно меньшее число аксіомъ, законовъ, вообще, синтетическихъ принциповъ, или идей. Отъ непосредственной эмпиріи черезъ все болѣе и болѣе широкія обобщенія къ раціональнымъ принципамъ, отъ чистаго опыта къ чистому разуму—такова, съ этой точки зрѣнія, основная тенденція науки и исторія научнаго прогресса. И сообразно съ такимъ взглядомъ раціонализмъ Спинозы осуществлялъ высшее честолюбіе науки, означалъ высочайшую степень ея прогресса.

Однако возможенъ и другой взглядъ: дѣйствительное всезнаніе состоитъ въ знаніи каждой отдѣльной вещи во всемъ ея индивидуальномъ своеобразіи, въ знаніи каждаго лепестка, каждой пылинки; всякія же обобщенія и синтетическія идеи только маскируютъ наше незнаніе подлинной дѣйствительности. Съ точки зрѣнія такого взгляда тѣ чистыя идеи и ихъ логическія послѣдствія, которыми такъ гордились раціоналисты XVII вѣка, знаменовали не достоинство, а, напротивъ, недостатокъ ихъ науки. Онѣ свидѣтельствовали, что эти раціоналисты не могли сразу, непосредственно орієнтироваться въ конкретномъ, индивидуальномъ и принуждены были подставлять вмѣсто него абстрактное и раціональное. Такъ разсуждалъ, напримѣръ, Шеллингъ, видѣвшій даже въ астрономическихъ законахъ доказательство не могущества ума и науки, а, напротивъ, ихъ безсилія: „придетъ время - писалъ онъ, когда науки будутъ все болѣе и болѣе прекращаться и будетъ выступать непосредственное познаніе; всѣ науки,

[1]) Discours touchant la methode de la certitude et l'art d'inventer pour finir les disputes et pour faire en peu de temps des grands progrés (Gerhardt, VII, 180).

какъ таковыя, изобрѣтены только въ силу недостатка послѣдняго; таково, напримѣръ, все зданіе астрономическихъ вычисленій, потому что человѣку не было дано непосредственно видѣть необходимое въ небесныхъ движеніяхъ, какъ таковое, или же духовно пережить реальную жизнь цѣлаго" [1]). Вполнѣ послѣдовательно проводя такой взглядъ, Шеллингъ увѣрялъ, что „такъ называемое математическое ученіе о природѣ это до сихъ поръ чистый формализмъ, въ которомъ истинной науки о природѣ и въ поминѣ нѣтъ" [2]). Въ такомъ же духѣ высказывался и Токвиль: „Богъ не нуждается въ общихъ идеяхъ; т. е., Онъ не чувствуетъ никогда необходимости обнимать очень большое количество аналогичныхъ предметовъ подъ одинаковою формою, чтобы удобнѣе мыслить о нихъ. Не то съ человѣкомъ. Если бы человѣческій умъ вздумалъ разсматривать и обсуждать индивидуально поражающіе его частные случаи, онъ потерялся бы скоро въ неизмѣримости деталей и не увидѣлъ бы больше ничего; въ этой крайности онъ прибѣгаетъ къ несовершенному, но необходимому пріему, который помогаетъ его слабости и обнаруживаетъ ее. Разсмотрѣвъ поверхностно извѣстное число предметовъ и замѣтивъ, что они похожи, онъ даетъ имъ всѣмъ одно имя, откладываетъ ихъ въ сторону и продолжаетъ свою дорогу. Общія идеи не доказываютъ вовсе силы человѣческой интеллигенціи, но скорѣе ея слабость, ибо въ природѣ нѣтъ вовсе вполнѣ похожихъ существъ; нѣтъ тождественныхъ фактовъ; нѣтъ правилъ, примѣнимыхъ безразлично и одинаково ко многимъ предметамъ сразу. Удивительно въ общихъ идеяхъ то, что онѣ позволяютъ человѣческому уму высказывать быстрыя сужденія относительно большого числа предметовъ сразу; но, съ другой стороны, онѣ ему сообщаютъ лишь неполныя свѣдѣнія и заставляютъ его всегда терять въ точности то, что онѣ ему даютъ въ широтѣ" [1]).

[1]) Kritische Fragmente, Werke, Abt. I, Band VII, стр. 246.

[2]) Vorlesungen über die Methode des academischen Studium, Dritte Ausgabe, Stuttgart und Tübingen, 1830, стр. 249.

Есть, наконецъ, и третій взглядъ, согласно которому возможны и необходимы два противоположныхъ пути познанія. Одинъ идетъ въ сторону общихъ и раціональныхъ законовъ и принциповъ. Другой, напротивъ, идетъ въ сторону спецификаціи и индивидуаціи конкретныхъ предметовъ и явленій. Выражаясь терминами Виндельбанда, одинъ путь — номотетическій, другой — идіографическій. Пути эти никогда не сходятся, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда номотетика и идіографія занимаются однимъ и тѣмъ же объектомъ. Идіографія идетъ въ одну сторону съ тѣмъ, чтобы никогда не встрѣтиться съ номотетикою. Номотетика идетъ въ противоположную сторону, тоже съ тѣмъ чтобы никогда не встрѣтиться съ идіографіею. Торжество идіографіи состоитъ въ томъ, что она все болѣе и болѣе изъемлетъ отдѣльные предметы и событія изъ общей связи, изъ общей закономѣрности и отмѣчаетъ въ нихъ все новыя и новыя не повторяющіяся подробности и детали. Торжество номотетики состоитъ въ томъ, что она все болѣе и болѣе включаетъ отдѣльные предметы и событія въ общую связь, въ общую закономѣрность и совершенно сглаживаетъ въ нихъ какія бы то ни было подробности и детали. Съ точки зрѣнія такого взгляда приведенная на стр. 460 Лейбницева формула научнаго прогресса уже не выдерживаетъ критики: наука объ индивидуальномъ и конкретномъ уже не представляетъ низшей стадіи въ сравненіи съ наукою объ общемъ и раціональномъ, а, напротивъ, нѣчто ей совершенно равноцѣнное и принципіально всегда необходимое. Сообразно съ этимъ вмѣсто одного типа раціональной науки объ общемъ или одного типа индивидуализирующей науки о частномъ устанавливаются два типа. И такимъ образомъ проблема методологическаго и вообще научнаго монизма рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ.

[3]) De la démocratie en Amérique, quinzième édition, III, 21.

Изъ трехъ только что приведенныхъ возможныхъ взглядовъ на отношеніе между индивидуальнымъ и общимъ въ наукѣ симпатіею новаторовъ XVII вѣка пользуется первый. Настоящая наука—это наука объ общемъ. Quidquid cognoscendum offertur, offeratur primum generaliter, tum per partes, училъ Амосъ Коменскій [1]). Какъ природа такъ и человѣкъ [2]) изучаются не монографически, а номографически. И эта традиція переходитъ въ XVIII столѣтіе [3]). Тѣмъ не менѣе проблема индивидуальнаго уже занимала новаторовъ XVII вѣка. И это затрудняло систематику истины въ духѣ чистаго раціонализма. Уже картезіанцы начинаютъ интересоваться индивидуальнымъ—Клаубергъ по отношенію къ человѣку, Мальбраншъ по отношенію ко всей природѣ. Клаубергъ находитъ, что въ разныхъ человѣческихъ индивидахъ никогда не могутъ встрѣтиться въ совершенно тождественномъ или хотя бы одинаковомъ видѣ всѣ ихъ свойства и прочія условія [4]). Мальбраншъ утверждаетъ, что реальная природа не

---

[1]) Didactica magna, Cap. XX, 19, стр. 151 цитируемаго нами изданія.

[2]) Ларошфуко писалъ: il est plus aisé de connaître l'homme en général que de connaître un homme en particulier.

[3]) Монтескье писалъ: nous savons mieux ce qui donne un certain caractère à une nation que ce qui donne un certain esprit à un particulier, ce qui modifie un sexe que ce qui affecte un homme, ce qui forme le génie des sociétés qui ont embrassé un genre de vie que celui d'une seule personne (Mélanges inédits de Montesquieu publiés par le baron de Montesquieu, Bordeaux, Paris, 1892, стр. 109).

[4]) Singularem istam cujusque rei unitatem cognoscere est ex certis quibusdam proprietatibus conditionibusque, quae omnes simul sumtae in alia re eaedem numero inveniri nunquam possunt. Hae vero ad hominem vulgari isto disticho accomodantur:

Forma, figura, locus, stirps, nomen, patria, tempus:
Propria quae septem continet omnis homo.

(Metaphysica de Ente,... rectius Ontosophia, VIII, 142, Opera, Amstelodami, 1691, стр. 306).

абстрактна и что поэтому прямолинейность геометріи и основанной на ней систематики истины далека отъ того, чтобы вполнѣ совпадать со всѣмъ конкретнымъ многообразіемъ ея предметовъ и явленій [1]).

Даже у Спинозы можно найти вліяніе проблемы индивидуальнаго. Хотя вообще на его систему принято смотрѣть какъ на логическій монолитъ, въ которомъ общая и единая субстанція совершенно поглощаетъ все индивидуальное, хотя, напримѣръ, Джемсъ противопоставлялъ Спинозу „съ его безплодною системою объединенія всѣхъ вещей въ единой субстанціи" и Юма „съ его не менѣе безплодною несвязностью и раздѣльностью всѣхъ вещей", однако и онъ далеко не всегда отрицалъ все индивидуальное. Онъ утверждалъ, напримѣръ, въ „Короткомъ трактатѣ", что Петръ необходимо долженъ соотвѣтствовать представленію Петра, а не человѣка вообще [2]). Гербартіанецъ Карлъ Томасъ, опираясь на Бэйля, усмотрѣлъ у Спинозы вмѣсто единой и тождественной субстанціи „атомистическій автоматизмъ" и сдѣлалъ отсюда заключеніе, что „Спиноза—совсѣмъ не спинозистъ" [3]). Изъ

---

[1]) La nature n'est point abstraite: les leviers et les roues des mécaniques ne sont pas des lignes et des cercles mathématiques; nos goûts pour les airs de musique ne sont pas toujours les mêmes dans tous les hommes, ni dans les mêmes hommes en différents temps; ils changent selon les différentes émotions des esprits, de sorte qu'il n'y a rien de si bizarre. Enfin, pour ce qui regarde l'astronomie, il n'y a point de parfaite régularité dans le cours des planètes; nageant dans ces grands espaces, elles sont emportées irrégulièrement par la matière fluide qui les environne (Recherche de la vérité, L. VI, P. I, Ch. IV, Oeuvres, IV, 288—9). Начало этого чрезвычайно характернаго мѣста книги Мальбранша приведено выше, на стр. 397.

[2]) I, VI, Opera III, 31 (стр. 34 нѣмецкаго перевода C. Schaarschmidt'a).

[3]) См. Karl Thomas, Herbart-Spinoza-Kant, Dornige Studien und Versuche; Langensalza, 1875, стр. 144. Въ своей диссертаціи De relatione, quae inter Spinozae substantiam et attributa intercedit

писемъ Спинозы къ Ольденбургу Томасъ вывелъ заключеніе, что „то, что Спиноза назвалъ аттрибутами Бога, были субстанціи и должны были считаться производящими факторами Божества". Поэтому Богъ, или природа, оказывается не болѣе какъ суммою индивидовъ, самымъ многосоставнымъ изъ тѣхъ многосоставныхъ индивидовъ, о которыхъ, какъ упоминается выше (см. стр. 369), мы читаемъ въ „Этикѣ" Спинозы. Такое пониманіе, по мнѣнію Томаса, еще больше подтверждается Спинозовымъ трактатомъ объ исправленіи интеллекта и особенно Короткимъ трактатомъ. Такъ понятый монизмъ Спинозы перестаетъ уже быть монизмомъ единаго и общаго. Это монизмъ плюралистическій [1]), который одинъ авторъ [2]) нашелъ даже возможнымъ сблизить съ извѣстною теоріею „элементовъ" Маха.

Наконецъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ индивидуальное у автора Монадологіи. Въ природѣ, увѣрялъ Лейбницъ, никогда нѣтъ двухъ существъ, совершенно тождественныхъ или хотя бы совершенно похожихъ другъ на друга [3]). Въ перепискѣ съ Кларкомъ онъ утверждалъ, что въ природѣ нѣтъ двухъ листьевъ совершенно похожихъ; если разсматривать въ микроскопъ двѣ капли воды или молока, онѣ оказы-

(1839), Томасъ называетъ Бога Спинозы „суммою" (стр. 1), чѣмъ-то составнымъ: Spinozam, учитъ онъ, alium Deum non agnovisse, nisi constantem ex... substantiis (стр. 49).

[1]) См. объ этомъ еще стр. 66 и всю вообще книгу Томаса Spinoza als Metaphysiker vom Standpunkte der historischen Kritik, Königsberg, 1840.

[2]) A. Richter, Worin weicht Thomas bei der Darstellung und Beurteilung Spinozas von Herbart ab? (Archiv für Geschichte der Philosophie, Band XXII, стр. 375).

[3]) Монадологія, 9: il faut même que chaque Monade soit differente de chaque autre. Car il n'y a jamais dans la nature deux Etres, qui soyent parfaitement l'un comme l'autre, et où il ne soit possible de trouver une difference interne, ou fondée sur une denomination intrinseque (Gerhardt, VI, 608).

ваются совершенно различными [1]). Яйцо не похоже на яйцо, молоко не похоже на молоко, листъ не похожъ на листъ, животное не похоже на животное, и вообще ни одна вещь не похожа на другую вещь, какъ не похожъ Христосъ на Іуду [2]).

Если такъ разсуждалъ Лейбницъ, доказывавшій Конрингу универсальность геометрическихъ и вообще обобщающихъ пріемовъ изслѣдованія, то слѣдуетъ ли удивляться, что Конрингъ, большой мастеръ въ дѣлѣ монографическаго изученія человѣческаго общежитія [3]), самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался въ идіографическомъ духѣ: vides quidem Iohannem, Petrum vel Paullum etc. Nemo autem videt hominem prout Universale... Unde apparet circa singularia tantum versari experientiam [4]).

Благодаря безконечному разнообразію индивидуальностей, строгія холодныя, немногочисленныя линіи пансофической си-

[1]) Il n'y a point deux individus indiscernables. Un gentilhomme d'esprit de mes amis, en parlant avec moy en presence de Madame l'Electrice dans le jardin de Herrenhausen, crut qu'il trouveroit bien deux feuilles entierement semblables. Madame l'Electrice l'en defia, et il couru longtemps en vain pour en chercher. Deux gouttes d'eau ou de lait regardées par le Microscope, se trouveront discernables. C'est un argument contre les Atomes, qui ne sont pas moins combattus que le vuide, par les principes de la veritable metaphysique (Gerhardt VII, 372).

[2]) Atque haec per experientiam confirmantur, nunquam enim ovum ovo, lac lacti, folium folio, animal animali, et generalitir res rei ita similis reperietur, quin accurata inspectione facta discrimen aliquod notari possit... Et certe inter Christi et Judae animas per se spectatas nullum aliquando fuisse discrimen, non sine absurditate dici posse videtur (отрывокъ Лейбница, напечатанный въ Archiv für Geschichte der Philosophie, Band V, 1891, стр. 54).

[3]) См. выше, стр. 401.

[4]) De natura ac optimis auctoribus civilis prudentiae, XVI (стр. 6 III тома брауншвейгскаго изданія сочиненій 1730 г.).

стемы геометрическаго типа не покрывали безъ остатка всего міра. Умное замѣчаніе Мефистофеля у Гете оказалось правильнымъ:

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum.

Сквозь однородный сѣрый тонъ теоріи всетаки вполнѣ отчетливо выступало зеленое дерево жизни во всей его своеобразной пестротѣ и со всѣми его противорѣчіями, благодаря чему въ только что приведенныхъ стихахъ золотое, вопреки логикѣ и очевидности, оказывается зеленымъ. Эта пестрота и эти противорѣчія вызывали сомнѣніе въ томъ, можно ли дѣйствительно слить ихъ въ высшемъ единствѣ міровой субстанціи и ея законовъ. Какъ уложить въ холодную, абстрактную, свободную отъ какихъ бы то ни было противорѣчій систему весь драматизмъ міросданія, вызвавшій уже у древняго поэта горестное замѣчаніе: sunt lacrymae rerum? Какъ примирить двойственность, діалектику міра, гетерогенность его, заставившую, напримѣръ, Гоббеса и Спинозу учить, что люди отъ природы враги другъ другу, а Гроція и Кумберланда, что они, напротивъ, друзья другъ другу?

Не миновать намъ двойственной сей грани:
Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано.

Что такой драматизмъ міросданія, что такая его діалектика рѣшительно противится Спинозову монизму, это сознавали уже въ XVII столѣтіи критики „Этики". Лами глубоко возмущался сліяніемъ всѣхъ противорѣчій міра въ единомъ, безразличномъ божествѣ: monstrueuse divinité, à qui l'on tranche la tête en un endroit, pendant qu'on la couronne dans un autre... Infâme divinité qui par une de ses parties se plonge dans les plus basses ordures; pendant que par l'autre elle

contemple les plus sublimes veritez [1]). Бэйль недоумѣвалъ, какъ объяснить съ точки зрѣнія Deus, sive natura, избіеніе однихъ людей другими [2]) и вообще борьбу между людьми; чтобы перевести эту борьбу на языкъ Спинозы, приходится говорить: Dieu se hait lui - même; il se demande des grâces à lui-même, et se les refuse; il se persécute, il se tue, il se mange, il se calomnie, il s'envoie sur l'échafaud, etc [3]). Словомъ, заключаетъ Бэйль, обрабатывать землю съ помощью зубовъ и ногтей—это болѣе благодарное занятіе, чѣмъ культивировать столь абсурдную доктрину. Какъ ни парадоксаленъ Бэйль, его возраженіе всетаки не лишено основанія. Дѣйствительно ли драматизмъ міросданія всецѣло, безъ какого бы то ни было остатка, растворяется въ единствѣ міровой субстанціи, всюду равной самой себѣ, всюду тождественной? Дѣйствительно ли можно свести всю діалектику міросданія къ механикѣ притяженія и отталкиванія, движенія и передвиженія? Дѣйствительно ли эта механика такъ гармонична и такъ симметрична, какъ того требовала пансофическая система, построенная ordine geometrico?

Рядъ новыхъ недоумѣній возникалъ по поводу пансофической систематики въ области этики. Все въ мірѣ естественно—даже борьба противъ естества. Какъ писалъ впослѣдствіи Гете, auch das Unnatürliche ist Natur [4])... Man gehorcht ihren Gesetzen, auch wenn man ihnen widerstrebt; man wirkt mit ihr, auch wenn man gegen sie wirken will [5]).

---

[1]) Приведено въ книгѣ Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, von Franz Erhardt, Leipzig, 1908, стр. 30.

[2]) Ainsi, dans le systême de Spinoza tous ceux qui disent les Allemands ont tué dix mille Turcs, parlent mal et faussement, à moins qu'ils n'entendent, Dieu modifié en Allemands a tué Dieu modifié en dix mille Turcs (Dictionnaire historique et critique, nouvelle édition, tome XIII, Paris, 1820, стр. 444).

[3]) Тамъ же.

[4]) Werke, herausgegeben von F. Schultz, Bd. XLII, 59.

[5]) Тамъ же, 60.

Когда новаторы XVII вѣка, искушаемые новымъ міровоззрѣніемъ и новою теоріею науки, вкусили отъ древа познанія добра и зла, то у нихъ открылись глаза и они увидѣли безразличіе добра и зла предъ лицомъ закономѣрной природы. Универсальная пансофія XVII вѣка если не фактически, то принципіально поднимается на крылахъ гордыни на такую высоту знанія и пониманія, куда уже не проникаетъ различіе добра и зла [1]), гдѣ все то, что люди дѣлаютъ, къ чему они стремятся, во что они вѣруютъ, на что они надѣются, что они любятъ, оказывается естественно необходимымъ и гдѣ, какъ выражался Спиноза [2]), умъ радуется даже при созерцаніи порока. Такимъ образомъ у человѣка отнималась его вѣра въ свою моральную свободу. Онъ какъ бы необходимо долженъ былъ статъ къ добру и злу постыдно равнодушнымъ. Понимая это, Лами попадалъ въ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ спинозизма, когда писалъ: transformer l'homme en bête après avoir trasformé Dieu en machine. C'est en deux mots l'abrégé de toute la religion et de toute la Morale de Spinoza [3]). Строгій детерминизмъ раціоналистическаго міропониманія, учившаго, что каждый человѣческій индивидъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ подчиненъ неумолимой закономѣрности, съ желѣзною необхо-

---

[1]) Это настроеніе прекрасно передано Фетомъ:

> . . . Если на крылахъ гордыни
> Познать дерзаешь ты, какъ богъ,—
> Не заноси же въ міръ святыни
> Своихъ невольничьихъ тревогъ:
> Пари, всезрящій и всесильный,—
> И съ незапятнанныхъ высотъ
> Добро и зло, какъ прахъ могильный,
> Въ толпы людскія уронетъ.

[2]) См. выше, стр. 437.

[3]) См. Franz Erhardt, Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik, Leipzig, 1908, стр. 484.

димостью побуждающей его ad certo modo existendum et operandum [1]), т. е. существовать и дѣйствовать совершенно опредѣленнымъ образомъ, именно такъ, а не иначе, упразднялъ различіе добра и зла и всякихъ вообще моральныхъ оцѣнокъ. „Нѣтъ виноватыхъ", недоумѣвалъ король Лиръ у Шекспира, автора, дышавшаго атмосферою XVII вѣка. Нѣтъ и правыхъ. Нѣтъ и свободныхъ. Свобода человѣка не лучше свободы падающаго камня, пояснялъ Спиноза, или свободы заведеннаго волчка, пояснялъ Гоббесъ. Такимъ образомъ выходило, что на вершинѣ знанія человѣку вмѣсто гордаго сознанія своего величія, своей свободы пришлось бы, совсѣмъ напротивъ, признать свое безсиліе, свое ничтожество, пришлось бы признать себя духовнымъ автоматомъ (automa spirituale—выраженіе Спинозы), рабомъ, скованнымъ стальными тисками міровой логики, міровой необходимости, и совершенно лишеннымъ собственныхъ стремленій, собственныхъ надеждъ, собственной иниціативы.

Этимъ объясняется та антипатія, которую вызвалъ спинозизмъ если не въ величавомъ, холодномъ и послѣдовательномъ XVII вѣкѣ, то въ болѣе легкомысленномъ, болѣе непослѣдовательномъ логически, болѣе ирраціональномъ, зато и болѣе гуманномъ и чуткомъ ко всему непосредственно человѣческому XVIII вѣкѣ. „Спиноза — жаловался, напримѣръ, Монтескье — лишаетъ меня всего того, что я считалъ въ себѣ наиболѣе личнымъ. Я уже просто не знаю, гдѣ мнѣ вновь обрѣсти то я, которымъ я такъ интересовался. Я еще болѣе затерянъ въ пространствѣ, чѣмъ частица воды въ морѣ... Во всеобщности субстанціи миновали, прошли безъ различія левъ и насѣкомое, Карлъ Великій и Хильперикъ. Этотъ же философъ хочетъ еще разрушить во мнѣ свободу. Значитъ, всѣ дѣянія моей жизни — это не болѣе какъ дѣйствіе царской водки, которая разлагаетъ золото, или магнита, который то притягиваетъ, то отталкиваетъ желѣзо, или тепло-

---

[1]) Спиноза, Ethica, Pars I, Propositio XXIX.

ты, которая заставляетъ грязь то твердѣть, то размягчаться. Онъ отнимаетъ у меня мотивы всѣхъ моихъ дѣйствій и облегчаетъ меня отъ всякой морали. Онъ оказываетъ мнѣ столь большую честь, что желаетъ, чтобы я былъ очень большимъ негодяемъ безъ преступленія и безъ того, чтобы кто бы то ни было имѣлъ право находить это дурнымъ“ [1]).

Мы видимъ, что Монтескье еще иронизировалъ. Но Якоби, который глубже вникъ въ систему Спинозы и въ ея научный замыселъ, уже не иронизировалъ. Онъ чувствовалъ какой-то непреодолимый ужасъ передъ нею. Съ одной стороны онъ всею душою противился ея логическимъ выводамъ, именно полному отказу отъ человѣческой свободы, отъ человѣческой отвѣтственности, отъ тайнъ, отъ мистерій, отъ непознаннаго и непознаваемаго, отъ мечты, идеала, иллюзіи. Съ другой же стороны онъ совершенно ясно понималъ, что, вступивъ на путь научнаго познанія, мысль наша рано или поздно, но неизбѣжно должна вступить также и на путь спинозизма. И тогда ей уже никакъ не высвободиться изъ стальныхъ оковъ его логики. Словомъ, положеніе ея безвыходное: nec sine te nec tecum vivere possum. Тѣ пріемы, съ помощью которыхъ Якоби стремился вырваться изъ ненавистнаго ему круга идей Спинозы, онъ самъ считалъ не болѣе какъ умственнымъ salto mortale [2]). Трагизмъ Якоби по отношенію къ Спинозѣ это—не просто трагизмъ отдѣльной личности по отношенію къ отдѣльному философскому ученію. Это трагизмъ сознанія и мысли вообще, это ужасъ разума передъ самимъ собою, передъ своими собственными теоретическими выводами. Это—вѣчное раздвоеніе, вѣчная діалектика познанія и воли, истины существованія и истины долженствованія.

---

[1]) См. Pensées et fragments inédits de Montesquieu publiées par le baron Gaston de Montesquieu. Bordeaux, 1899—1901, томъ I, стр. 394 и слѣд.

[2]) Werke, томъ IV, часть I, стр. 59.

Есть ли какой-нибудь выходъ изъ этой діалектики, выходъ, который, сохраняя достоинство теоретическаго познанія, далъ бы законное мѣсто моральнымъ стремленіямъ и оцѣнкамъ человѣка? Если и есть, то и имъ мы обязаны все тому же раціонализму и притомъ въ томъ же XVII вѣкѣ, хотя послѣднее или по крайней мѣрѣ наиболѣе обоснованное методически слово въ этомъ отношеніи было сказано Кантомъ уже въ концѣ XVIII вѣка. Выходъ давала та раціональная деонтологическая этика, которую, какъ указано въ концѣ X главы настоящаго изслѣдованія, признавалъ и создавалъ тотъ же самый Спиноза, который провозглашалъ принципъ универсальной онтологической закономѣрности. Строго говоря, этотъ принципъ, принципъ чисто механической закономѣрности всего существующаго и происходящаго въ мірѣ долженъ былъ исключать все деонтологическое. Но въ данномъ случаѣ, какъ это происходило и до этого въ аналогичныхъ случаяхъ [4]), многообразіе запросовъ человѣческаго духа привело къ уклоненію отъ одной доктрины и смягченію, если не искаженію ея другою, гетерогенною. Новаторы XVII вѣка слишкомъ вѣрили въ могущество человѣческаго ума и воли, въ ихъ моральную и соціальную силу, чтобы жертвовать техникою и этикою ради логики и онтологіи. Человѣкъ несчастенъ не потому, что такова его судьба, а потому, что онъ мало пользуется своими собственными силами: homines non nisi propria negligentia esse infelices, увѣрялъ Лейбницъ [2]). Homo est animal disciplinabile, писалъ Амосъ Коменскій [3]). Homines civiles non nascuntur, sed fiunt, доказывалъ Спиноза [4]).

---

[1]) Ср. у стоиковъ смѣшеніе фатализма и детерминизма съ проповѣдью дѣятельной жизни (авторъ настоящаго изслѣдованія коснулся этого вопроса на стр. 49 и слѣд. перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“).

[2]) Opuscules et fragments inédits, 93.

[3]) Didactica magna, Cap. VI, 1, стр. 49 изданія 1894 г.

[4]) Tractatus politicus, Cap. V, § 2, Opera, I, 288.

Пуффендорфъ училъ disciplina, non natura hominem aptum fieri ad societatem [1]). Какъ упоминалось уже выше [2]), новое міровоззрѣніе естественно вело къ вѣрѣ въ возможность освободить человѣка отъ всѣхъ возможныхъ видовъ рабства—метафизическаго, соціальнаго и физическаго—и къ надеждѣ, что человѣкъ съ помощью знанія можетъ и долженъ стать деміургомъ своей собственной судьбы, кузнецомъ своего счастья; не напрасно Лейбницъ писалъ: sapientia est scientia felicitatis. Наконецъ, какъ тоже упоминалось выше [3]), этика XVII вѣка совершенно освобождала человѣка изъ подъ гнета механической необходимости и подчиняла его совсѣмъ новой, особой моральной необходимости. Такимъ образомъ надъ міромъ онтологіи надстраивался міръ деонтологіи. Правда, какъ указывалось выше, этотъ послѣдній міръ, міръ нравственной автономіи, понимался и строился по аналогіи съ міромъ автоматической физической природы, что сообщило чрезвычайно своеобразный характеръ этикѣ, политикѣ и педагогикѣ [4]) того времени. Но всетаки единство онтософіи нарушалось. И пантологія распадалась на онтологію и деонтологію. Единый разумъ, соотвѣтствовавшій дѣйствительному порядку вещей [5]), раскалывался на два разума—теоретическій и практическій, причемъ каждый изъ нихъ строилъ свою независимую систему.

---

[1]) Elementorum Jurisprudentiae universalis, Lib. II, Observatio III, § 4, стр. 299 гаагскаго изданія 1660 г.

[2]) См. стр. 55.

[3]) См. стр. 419 и слѣд.

[4]) Такъ, напримѣръ, Амосъ Коменскій писалъ: tentemus talem scholarum conformationem instituere, qualis artificiosissime constructo et vario apparatu eleganter decorato horologio ad amussim respondeat (Didactica magna, Cap. XIII, 16, стр. 83 изданія 1894 г.). Какъ упоминалось выше, природу въ XVII вѣкѣ часто сравнивали съ часовымъ механизмомъ. Такъ, Кеплеръ писалъ: scopus meus hic est, ut coelestem machinam dicam... esse... instar horologii (см. E. Cassirer, Das Erkenntnisproblem, I, 271 и 561).

[5]) Даже Вико училъ: conformatio cum ipso ordine rerum est et dicitur Ratio (De universi juris uno principio, et fine uno, Neapoli, 1720, стр. 12).

IV.

Если такимъ образомъ уже въ XVII столѣтіи дѣло пансофической систематизаціи и истины не удавалось вполнѣ, то тѣмъ менѣе оно удавалось въ XVIII вѣкѣ, съ его сенсуалистическою гносеологіею, съ его отвращеніемъ къ принципамъ и системамъ, съ его неумѣніемъ или, быть можетъ, просто нежеланіемъ понимать великихъ раціоналистовъ XVII вѣка [1]) и ихъ величавые научные замыслы. Пансофическія традиціи или совершенно глохнутъ или попадаютъ въ недостойныя руки. Моргофъ рѣшительно осуждалъ пансофическіе курсы, читавшіеся нѣкоторыми профессорами его времени и представлявшіе поразительное несоотвѣтствіе между заманчивостью названія и скудостью содержанія [2]). Цедлеръ выражалъ сожа-

---

[1]) Чего стоитъ хотя бы слѣдующая характеристика Кондильяка: les philosophes du dix-septième siècle s'aheurteront encore à chercher des connaissances chez les Grecs. Tantôt sectaires, ils épouseront les opinions d'un seul chef: tantôt électiques, ils emprunteront quelque chose de plusieurs. D'autrefois ils se flatteront de suppléer par leur imagination à ce qu'ils croiront manquer aux anciens systèmes, et ils les changeront sans les corriger. Cependant le hasard ou la curiosité fera faire de loin à loin des observations. Des esprits moins prévenus tenteront des expériences. On découvrira des erreurs grossières dans les anciens. On s'en assurera par des observations bien faites. Enfin on se convaincra peu à peu que pour connaître la nature, il faut l'étudier (Histoire moderne, Livre XX, Ch. IV, Oeuvres, XIV, 431).

[2]) Polyhistor, I, 462: Non possum probare illum, qui passim in Academiis viget, morem, quo tres quatuorve disciplinae intra anni tempus levi aliqua percursatione absolvuntur, specioso Pansophiae titulo.

лѣніе, что въ высшихъ школахъ не существуютъ Collegia Pansophica [1]); гдѣ пансофія преподается, тамъ она не стоитъ на высотѣ строгой научности: ею занимаются Brodthungerige Gelehrte, oder gelehrte Marcktschreyer, полушарлатаны, полудилеттанты, дающіе своимъ ученикамъ подъ видомъ всезнанія обрывки и верхушки наукъ [2]). Если на этомъ основаніи Моргофъ рѣшительно осуждалъ пансофію, то Цедлеръ выражался о ней, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, съ большимъ уваженіемъ и сожалѣлъ, что самъ онъ вмѣсто настоящаго рѣшенія пансофической проблемы, долженъ былъ ограничиться составленіемъ справочнаго энциклопедическаго словаря.

Эта форма—форма словаря — чрезвычайно типична для XVIII вѣка въ его попыткахъ систематизировать то, что онъ считалъ истиною. Въ такую именно форму ordine alphabetico облекаетъ Бэйль свою огромную, но слишкомъ ироническую эрудицію, слишкомъ хаотическую не только фактически, но также и принципіально, чтобы можно было мечтать о болѣе строгой и методической системѣ. Дѣло Бэйля продолжалъ Вольтеръ, размѣнявшій въ своемъ „Философскомъ словарѣ" тяжелые слитки его эрудиціи на болѣе легкую ходячую монету. Завершили это дѣло знаменитые французскіе энциклопедисты съ ихъ словаремъ „наукъ, искусствъ и ремеслъ", который впослѣдствіи Бональдъ уподоблялъ Вавилонской башнѣ: cette tour de Babel, où la science de policer les hommes se trouve à côté de l'art de polir les métaux, et la religion tout auprès du métier du relieur [3]).

Впрочемъ у энциклопедистовъ истина систематизируется не только въ алфавитномъ порядкѣ, но еще при посредствѣ классификаціи наукъ. Въ ихъ лицѣ восемнадцатый вѣкъ открываетъ новую эру въ исторіи систематизаціи истины, эру

[1]) I. H. Zedler, Grosses vollständiges Universal-Lexicon, XXI Band, 1739, Vorrede.

[2]) Ср. томъ XXVI, стр. 582.

[3]) Oeuvres, Paris, 1817—19, томъ XII, стр. 123.

классификаціи наукъ. Въ XVII вѣкѣ классификаціею наукъ занимались такіе философы, какъ Бэконъ, собственно говоря, какъ указано выше [1]), стоявшіе почти внѣ новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки. Для великихъ раціоналистовъ этого вѣка проблема классификаціи наукъ или совсѣмъ не существовала или же рѣшалась въ двухъ-трехъ словахъ, путемъ признанія корнемъ философіи метафизики, ея стволомъ физики и тремя ея вѣтвями медицины, механики и этики [2]). Это вполнѣ понятно. Убѣжденные, что міръ, эта, какъ выражался Гокленіусъ, система вселенной [3]), представляетъ всюду единое и тождественное цѣлое, они вмѣсто многихъ наукъ искали единую науку. И имъ казалось, что они владѣютъ или почти уже владѣютъ этою наукою—универсальною пансофіею.

Однако уже и имъ пришлось считаться съ возможнымъ, если даже не неизбѣжнымъ разнообразіемъ наукъ. Во-первыхъ, они, какъ указано выше, сами раскрыли принципіальную противоположность наукъ онтологическихъ и деонтологическихъ. Во-вторыхъ, даже въ предѣлахъ онтологіи обнаружилось что единая раціональная наука при попыткахъ ея реализаціи распадается на рядъ наукъ возрастающей сложности. Обнаружилось, что, кромѣ общихъ и простыхъ законовъ бытія, необходимо принять еще частные и сложные [4]). А именно, какъ указано выше [5]), уже въ XVII вѣкѣ обнаружилась если не противоположность, какъ настаиваетъ одинъ

[1]) См. стр. 26 и слѣд.

[2]) См. предисловіе Декарта къ Principia philosophiae.

[3]) Mundus est systema universi (Lexicon philosophicum, 726).

[4]) См. по этому поводу E. Boutroux, De l'idée de loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines, deuxième édition, Paris, 1901, стр. 6 и слѣд.

[5]) См. стр. 273 и 274, особенно примѣчаніе 4 на стр. 273.

историкъ философіи [1]), то во всякомъ случаѣ отличіе физики, какъ науки полуэмпирической, отъ математики, какъ науки чистой. И на этомъ основаніи Гоббесъ называлъ физику смѣшанною математикою [2]). Далѣе, какъ отмѣчено на стр. 400 и слѣд., оказалось, что науки общественныя во многихъ своихъ частяхъ представляютъ опять таки особый, не математическій типъ наукъ историческихъ.

Значитъ, вмѣсто единой науки оказывается нѣсколько наукъ. И сообразно съ этимъ система истины превращается въ систему наукъ. Чтобы познать порядокъ и связь міра, необходимо познать порядокъ и связь наукъ. Пансофія превращается въ классификацію наукъ. Этому превращенію въ XVIII вѣкѣ благопріятствовалъ тотъ неоднократно отмѣчавшійся выше дуализмъ его гносеологіи, который разнималъ мысль и бытіе, міръ и наше знаніе о мірѣ и который переносилъ центръ тяжести проблемы истины изъ міра, какъ такового, въ наши науки о мірѣ. Сообразно съ этимъ искусство системы превратилось въ архитектонику человѣческаго разума, хотя бы и чистаго [3]). И кто сознавалъ, что подъ господствомъ разума наши знанія должны образовать систему, а не рапсодію [4]), тѣ не довольствовались типичною для XVIII

[1]) H. Ritter, Die christliche Philosophie nach ihrem Begriff, ihren äussern Verhältnissen und in ihrer Geschichte bis auf die neuesten Zeiten, Zweiter Band, Göttingen, 1859, стр 199.

[2]) Itaque physica, vera inquam physica, quae geometriae innititur, inter mathematicas mixtas numerari solet (De homine, X, 5, Opera, II, 93).

[3]) См. у Канта, Kritik der reinen Vernunft. Der transccendentalen Methodenlehre drittes Hauptstück. Die Architektonik der reinen Vernunft: ich verstehe unter einer Architektonik die Kunst der Systeme (Kehrbach, 628).

[4]) Unter der Regierung der Vernunft dürfen unsere Erkenntnisse überhaupt keine Rhapsodie, sondern sie müssen ein System ausmachen, in welchem sie allein die wesentlichen Zwecke derselben unterstützen und befördern können (ib.).

вѣка систематикою знаній въ порядкѣ алфавитнаго словаря и строили классификаціи наукъ.

При этомъ вліяніе математической пансофіи XVII вѣка проявляется въ томъ, что во главѣ наукъ полагается математика и всѣ остальныя науки распредѣляются по степени ихъ убывающей близости къ ней. Эта мысль, какъ извѣстно, лежитъ въ основаніи классификаціи Конта. Но она встрѣчается уже у Вико въ сочиненіи De antiquissima Italorum sapientia ex linguae latinae originibus eruenda (Neapoli, 1710): cumque humana scientia ab abstractione sit, iccirco scientiae minus certae, prout aliae aliis magis in materia corpulenta immerguntur: uti minus certa Mechanice quam Geometria, et Arithmetica, quia considerat motum, sed machinarum ope: minus certa physice, quam mechanice; quia mechanica contemplatur motum externum circumferentiarum; Physice internum centrorum: minus certa moralis quam Physica, quia Physica considerat motus internos corporum, qui sunt a natura, quae certa est; moralis scrutatur motus animorum, qui penitissimi sunt, et ut plurimum a libidine, quae est infinita, proveniunt [1]). Встрѣчается она у Даламбера—въ блестящемъ предисловіи его Traité de dynamique [2]).

[1]) Стр. 27.

[2]) La certitude des Mathématiques est un avantage que ces Sciences doivent principalement à la simplicité de leur objet... Plusieurs d'entre elles, appuyées sur des Principes Physiques, c'est-à-dire sur des vérités d'expérience, ou sur de simples hypotheses, n'ont, pour ainsi dire, qu'une certitude d'expérience, ou même de pure supposition... Encore y a-t-il dans la lumiere que ces Sciences présentent à notre esprit, une espece de gradation, et, pour ainsi dire, de nuance à observer. Plus l'objet qu'elles embrassent est étendu, et considéré d'une maniere générale et abstraite, plus aussi leurs principes sont exempts de nuages et faciles à saisir. C'est par cette raison que la Géométrie est plus simple que la Méchanique, et l'une et l'autre moins simples que l'Algébre... Les notions les plus abstraites... sont souvent celles qui portent avec elles une

Въ данномъ случаѣ, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ, Контъ оказался, такъ сказать, не Колумбомъ, а Веспуччи Америки позитивизма; онъ не открылъ ея — онъ только далъ ей имя, сталъ ея героемъ-эпонимомъ.

Въ XIX вѣкѣ проблема раціональной систематики истины или отвергается по соображеніямъ метафизическаго или скептическаго характера, или же осложняется біологическими идеями. Нѣмецкіе метафизики начала XIX вѣка настроены пантеистически, мечтаютъ о непосредственномъ проникновеніи въ тайны міросданія, минуя отвергавшіеся ими пути прежняго раціонализма. Шеллингъ, путемъ упоминавшагося выше (на стр. 258) „интеллектуальнаго созерцанія" проникалъ, какъ увѣрялъ по крайней мѣрѣ его поэтическій поклонникъ Платенъ,

In das geheimnisvolle Wie der Dinge.

Онъ до того расходился съ тѣми путями систематики истины, которымъ слѣдовали великіе раціоналисты XVII вѣка, что увѣрялъ, будто природа, какъ цѣлое, представляла для нихъ закрытую книгу, въ которой они читали только отрывочно и случайно [1]).

По скептическимъ соображеніямъ отвергали возможность раціональной систематики истины такіе мыслители, какъ Ренанъ. Ему казалось, что время системъ уже прошло и прошло безвозвратно. Ему казалось, что въ наше безпокойное время уже совершенно невозможно „регулярное изложеніе"

---

plus grande lumiere: l'obscurité semble s'emparer de nos idées à mesure que nous examinons dans un objet plus de propriétés sensibles.

[1]) Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums, новое лейпцигское изданіе 1907 г., стр. 130: Dieses Denksystem, welches seinen Ursprung vom Cartesius herschreibt... betrachtet die Natur im allgemeinen als ein verschlossenes Buch, als ein Geheimnis, das man immer nur im Einzelnen, und auch dieses nur durch Zufall oder Glück, niemals aber im Ganzen erforschen könne.

хотя бы политической или экономической науки [1]), и что современному мыслителю только и остается, что довольствоваться отрывочными афоризмами, діалогами или драмами, въ которыхъ противоположныя точки зрѣнія сопоставляются съ одинаково сомнительнымъ правомъ на такъ называемую истину.

Біологическія идеи осложнили проблему систематики истины тѣмъ, что, сохраняя за нею установившійся уже въ XVIII вѣкѣ характеръ классификаціи наукъ, онѣ требовали, чтобы эта классификація размѣщала не только въ пространствѣ, но и во времени, чтобы она была генеалогическою системою наукъ, ихъ родословнымъ древомъ. У Конта, который, подобно нѣкоторымъ другимъ ньютономанамъ [2]) своего времени, хотѣлъ реставрировать физицизмъ XVII вѣка среди историзма XIX вѣка, это осложненіе проявилось совершенно отчетливо: именно, къ линейной, такъ сказать, классификаціи наукъ онъ присоединилъ свой извѣстный историческій законъ трехъ состояній всѣхъ наукъ вообще и каждой науки въ отдѣльности — теологическаго, метафизическаго и позитивнаго.

Въ болѣе своеобразной формѣ обнаружилось вліяніе біологическихъ идей у Ампера. Этотъ ученый, казалось, самою природою былъ предназначенъ для классификаціонной работы.

---

[1]) Drames philosophiques, 1888, Préface.

[2]) См. стр. 144 перваго выпуска Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ. Дюрингъ со свойственною ему рѣзкостью писалъ объ этомъ: man könnte es kurz die Gravitationsmanie nennen, oder als fixe Idee der Newtonspielerei bezeichnen. Die Personen, welche diesem Wahn anheimfallen, behaupten in irgend einer Beziehung eine Entdeckung gemacht oder ein System aufgestellt zu haben, welches in seiner Art das Newtonsche noch überhole und für die Erklärung der gesammten Welt ein Zauberstäbchen biete, wie es noch nie dagewesen sei (Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus, Dritte Auflage, Leipzig, 1879, стр. 275).

Какъ сообщаетъ Араго, онъ въ ранней молодости изучилъ въ алфавитномъ порядкѣ всю „Энциклопедію" XVIII вѣка, изучилъ настолько основательно, что спустя полвѣка, ставъ уже членомъ академіи наукъ, онъ, къ немалому удивленію „безсмертныхъ", тутъ же, въ ихъ присутствіи, приводилъ изъ нея наизусть длиннѣйшія выдержки [1]). Взявшись самъ за дѣло новой классификаціи, Амперъ уже не могъ разстаться съ нимъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ дѣлалъ всевозможные перестановки [2]), пока, наконецъ, онъ не успокоился на книгѣ Essai sur la philosophie des sciences, ou exposition analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines (Paris, 1834). Особенность классификаціи Ампера состоитъ въ томъ, что онъ стремился распредѣлить науки такъ, какъ ботаники распредѣляютъ растенія. Въ этомъ и проявилось вліяніе біологическихъ идей на него. Хотя онъ, по собственному заявленію, не пошелъ дальше того, что натуралисты называютъ семействами [3]), и не распространялъ далѣе своего любимаго пріема, дихотоміи знаній [4])—этой своеобразной реставраціи полусхоластической методы Петра Рамуса,—однако ему пришлось установить не менѣе 128 наукъ. Для усвоенія этихъ наукъ оказалось необходимымъ даже сочинить особую мнемоническую таблицу въ стихахъ—Carmen mnemonicum.

---

[1]) См. Oeuvres complètes de François Arago, Tome II, 5.

[2]) См. объ этомъ André-Marie Ampère et Jean-Jacques Ampère. Correspondance et souvenirs, Paris, 1875, томъ II, стр. 24 и 54; Sainte-Beuve, Illustrations scientifiques, III, M. Ampère, Revue de deux mondes, IX, 1837, стр. 415.

[3]) Dans ma classification, je ne suis descendu que jusqu'aux sciences qui me semblent correspondre aux *familles* des naturalistes. Si j'avais tenté d'en venir jusqu'à ce qu'on peut considérer comme des *genres* ou des *sous-genres* de vérités... je me serais jeté dans des détails infinis et sans aucun avantage réel (стр. 29—30).

[4]) Je parvins aux divisions constamment dichotomiques, говоритъ онъ во введеніи (стр. XIV).

Эта внушительная цифра, одновременно свидѣтельствующая и о величіи и о безсиліи человѣческаго ума [1]), представляла бы очень крупную цѣнность, если бы она дѣйствительно давала ту естественную классификацію наукъ, въ поискахъ за которою Амперъ и производилъ свои многочисленныя перестановки [2]). Въ такомъ случаѣ было бы выполнено дѣло огромной важности. Такъ какъ каждая наука по преимуществу опредѣляется тѣми предметами, которыми она занимается, то наиболѣе естественная классификація наукъ—это классификація по предметамъ, по объектамъ [3]). И сообразно съ этимъ дѣйствительно удачная и исчерпывающая естественная классификація наукъ должна вмѣстѣ съ тѣмъ быть исчерпывающею естественною классификаціею предметовъ всего міра. Сумма наукъ—это сумма всего міра. Таблица наукъ—это таблица мірозданія. Очевидно, что такая грандіозная задача или совсѣмъ не разрѣшима или же разрѣшима иными путями, чѣмъ пантологическія таблицы Эргарда Вейгеля въ XVII столѣтіи [4]) или же уподобленіе наукъ растеніямъ и постоянныя ихъ перестановки, производившіяся Ампером, перестановки, осложнявшіяся еще заботою о над-

---

[1]) Араго писалъ по этому поводу: cent vingt-huit sciences!... Ce nombre si considérable ne doit-il pas être à la fois un sujet de découragement pour les individus considérés isolément, et un juste sujet d'orgueil pour l'espèce humaine? (Oeuvres complètes, Tome II, 79).

[2]) См. стр. 10—11 его книги: on ne doit donc pas s'étonner de ce que, occupé depuis trois ans d'une classification naturelle des sciences, j'ai fait de nombreux changemens à cette classification (ср. стр. XXXII).

[3]) Къ такому именно убѣжденію и, слѣдовательно, къ отказу отъ общепринятой въ послѣднее время классификаціи наукъ по методамъ недавно пришелъ извѣстный психологъ Штумпфъ. См. его работу Zur Einteilung der Wissenschaften, стр. 4 (Abhandlungen der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. Aus dem Jahre 1906. Berlin, 1906).

[4]) См. ниже, главу XI.

лежащей „іерархіи" наукъ. Эта, забота, чуждая XVII вѣку, который признавалъ только единую, всюду и всегда себѣ равную истину, и еще въ XVIII столѣтіи вызывавшая ироническое къ себѣ отношеніе [1]), не на шутку занимала и Ампера и Конта, трудившихся не только надъ координаціею, но еще и надъ субординаціею наукъ. И она не менѣе, чѣмъ классификація, подведеніе наукъ подъ роды и виды—это, какъ рѣшительно выразился одинъ авторъ [2]), сооруженіе зданій на пескѣ,—удаляла проблему систематики истины отъ пансофіи въ духѣ позитивнаго раціонализма XVII вѣка.

Казалось, что такая пансофія окончательно отошла въ прошлое, тѣмъ болѣе, что физическое міровоззрѣніе XVII в., смѣнившее моральное міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ, въ свою очередь смѣнилось новымъ, историческимъ міровоззрѣніемъ XIX вѣка, объявившимъ войну раціонализму. Дѣло раціоналистической систематизаціи истины казалось еще болѣе потеряннымъ, когда историческое развитіе, становленіе вещей, въ самомъ началѣ XIX вѣка понимавшееся какъ спокойный ростъ и тихое прозябаніе, пріобрѣло впослѣдствіи характеръ глубоко драматическаго, діалектическаго процесса, характеръ постоянной борьбы противоположностей. Но именно тогда-то оно совершенно неожиданно воскресло. И вновь наступилъ золотой вѣкъ раціоналистической пансофіи.

Это чудо произвелъ или, по крайней мѣрѣ, надѣялся произвести Гегель. Его манера писать и выражаться замысловатыми терминами для насъ, въ XX вѣкѣ, уже почти не-

[1]) Такъ, напримѣръ, Монтескье писалъ: toutes les sciences sont bonnes et s'aident les unes aux autres. Je ne sache que le maître à danser et le maître d'armes de Molière qui disputent sur la dignité et la préférence de leur art (Pensées et fragments inédits de Montesquieu, Bordeaux, 1899—1901, томъ I, стр. 460).

[2]) I. P. Durand (de Gros), Aperçus de taxinomie générale, Paris, 1899, стр. 261; см. вообще всю XIII главу, посвященную „матезіотаксической" систематикѣ (стр. 221 и слѣд.).

стерпима — пора имѣть мужество рѣшительно признать это. Но, въ отличіе отъ другихъ нѣмецкихъ метафизиковъ его времени, уродливая оболочка облекала чрезвычайно здоровое и крѣпкое ядро. Гегель, какъ и другіе нѣмецкіе философы первой четверти XIX вѣка, мало дорожилъ положительнымъ знаніемъ большей или меньшей суммы эмпирическихъ данныхъ. Но онъ зато обладалъ въ высокой степени кое-чѣмъ, быть можетъ, гораздо болѣе цѣннымъ, особенно у философа, именно пониманіемъ. Во многихъ случаяхъ онъ отлично понималъ то, что онъ недостаточно зналъ; онъ видѣлъ то, что оставалось еще изслѣдовать; онъ намѣчалъ широкія линіи, общіе контуры тамъ, гдѣ предстояла еще продолжительная и кропотливая работа надъ деталями. Такъ, напримѣръ, если разсмотрѣть его ученіе о гражданскомъ обществѣ и государствѣ независимо отъ окутывающаго и опутывающаго его терминологическаго тумана, то мы получимъ такое пониманіе сущности средневѣковой безгосударственности и перехода къ государству новыхъ временъ, которому еще и теперь можно позавидовать. Вообще Гегель, какъ никто до него, понялъ историческій принципъ, принципъ непрерывнаго измѣненія, развитія. Онъ же отлично понималъ неизбѣжный драматизмъ, діалектику этого развитія. И такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чистымъ раціоналистомъ и панлогистомъ, то онъ вполнѣ естественно вновь взялся за дѣло универсальной пансофической систематики истины, но уже на новыхъ началахъ. Именно онъ ввелъ въ пансофію развитіе и притомъ діалектическое, драматическое, происходящее путемъ борьбы противоположностей. У Спинозы міръ представляетъ неизмѣнное, замкнутое цѣлое. Въ немъ есть движеніе. Но это только передвиженіе, перемѣщеніе однихъ и тѣхъ же предметовъ, безъ всякаго развитія, безъ всякой эволюціи, безъ всякаго прогресса. Міровой разумъ — это неподвижный, застывшій разумъ, всюду одинаковый, всюду себѣ равный, свободный отъ какихъ бы то ни было противорѣчій. Спиноза и схематизировалъ этотъ разумъ въ своей „Этикѣ".

И вотъ у Гегеля застывшія схемы всемірной логики вдругъ задвигались, зашевелились, вступили даже въ борьбу, въ споръ другъ съ другомъ. Казалось, міровая логика утрачена безвозвратно, казалось, что міръ представляетъ совершенно ирраціональную борьбу или, по крайней мѣрѣ, смѣну всякихъ противоположностей. Но все философское величіе Гегеля состоитъ въ томъ, что онъ призналъ этотъ кажущійся хаосъ мнимымъ, усмотрѣлъ и въ немъ закономѣрность, нашелъ и въ немъ разумъ. И вотъ онъ стремился систематизировать этотъ разумъ, построить такую же универсальную пансофію, къ которой стремился Спиноза. Титаническая задача, предпринятая имъ, тамъ же мало удалась, какъ и задача Спинозы. Но какъ у Спинозы, такъ и у него это вызывалось не тѣмъ, что задача неправильна, а тѣмъ, что она для насъ неосуществима или, по крайней мѣрѣ, остается вѣчно неосуществленной.

Если несмотря на это мечты о пансофіи имѣютъ еще смыслъ и если призваніе философіи, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы опережать слишкомъ медленное шествіе науки, предвосхищать ея методологическія мечты и осуществлять ихъ въ видѣ гипотетическихъ системъ, то спинозизмъ и гегельянство представляютъ вѣчные образцы раціонализаціи міра и его закономѣрности. Если, разсматривая міръ sub specie aeternitatis, видѣть въ немъ законченное, замкнутое цѣлое, такъ сказать, вѣчное настоящее, безъ прошлаго и безъ будущаго, то раціональною системою міра, его философіею будетъ спинозизмъ. Если привести это цѣлое въ движеніе, если ввести въ него борьбу, драматизмъ и исторію, то раціональною системою міра, его философіею будетъ гегельянство. Можно и даже должно отвергать нѣкоторыя, можетъ быть, даже всѣ подробности этихъ двухъ грандіозныхъ философскихъ замысловъ. Но трудно отвергать самые замыслы, потому что они представляютъ естественные предѣлы, такъ сказать, асимптоты всякаго научнаго знанія и

пониманія. Вотъ почему, какъ бы ни относились тѣ или иныя философскія школы къ Спинозѣ и Гегелю, оба эти мыслителя не могутъ не быть вѣчными спутниками научной мысли въ ея стремленіи раціонализировать познаніе міра, т. е. свести хаосъ опыта къ идеямъ, а идеи—въ стройную логическую систему.

ГЛАВА XI.

Эргардъ Вейгель, забытый раціоналистъ XVII вѣка.

> Il ne faut aussi obmettre tous ceux qui ont innové ou changé quelque chose ès Sciences, car c'est proprement flatter l'esclavage et la foiblesse de nostre esprit, que de couvrir le peu de connoissance que nous avons de ces Autheurs.
>
> Gabriel Naudé, Advis pour dresser une Bibliothèque.

I.

На фонѣ утвердившагося въ XVII вѣкѣ новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки чрезвычайно своеобразную личность представляетъ въ тѣ времена „всемірно извѣстный" [1],

---

[1]) См J. P. Hebenstreits Leich-Rede bei der Beerdigung des weiland Magnifici, Hoch-Edlen Best und Hochgelehrten Herrn Erhard Weigelii.

„знаменитый математикъ" [1]), „знаменитѣйшій профессоръ математики" [2]) въ Іенскомъ университетѣ Эргардъ Вейгель, о которомъ уже неоднократно упоминалось выше. Въ настоящее время его или совсѣмъ не знаютъ, или же знаютъ только по наслышкѣ какъ учителя Пуффендорфа и Лейбница [3]). И о немъ судятъ или фактически неправильно или же принципіально несправедливо. Такъ, напримѣръ, Блюнчли, вскользь упоминающій о немъ какъ объ учителѣ Пуффендорфа, называетъ его картезіанцемъ [4]). А между тѣмъ нѣкоторыя сочиненія Вейгеля спеціально направлены противъ картезіанской философіи [5]). Впадая въ противоположную крайность, историкъ математики М. Канторъ утверждаетъ, что Вейгель никогда не изучалъ сочиненій Декарта. Впрочемъ, пренебрежительно прибавляетъ онъ, если бы даже онъ ихъ и зналъ, онъ все равно не сумѣлъ бы понять ихъ, какъ слѣдуетъ [6]). Вообще Канторъ совершенно отрицаетъ какое бы

---

[1]) Zedler, Grosses Universal Lexicon, томъ LIV, 1747, стр. 288.

[2]) Фуше де Карейль не знаетъ даже въ точности, какъ его звали: il étudiait, писалъ онъ о Лейбницѣ, la morale à Iéna au cours de *Wegel* (см. Mémoire sur la philosophie de Leibniz, Paris, 1905, т. II, стр. 292). Больше о Вейгелѣ ни слова!

[3]) См. Danielis Georgi Morhofi Polyhistor, in tres tomos literarum, philosophicum et practicum, Lubecae, 1708, томъ I, стр. 421.

[4]) См. Geschichte der neueren Staatswissenschaft, allgemeines Staatsrechts und Politik. Dritte Auflage, München, 1881, стр. 136. Н. М. Коркуновъ въ своей „Исторіи философіи права" упоминаетъ только имя Вейгеля, съ присовокупленіемъ, что онъ будто бы былъ картезіанцемъ (см. стр. 167 второго изданія 1898 г.).

[5]) Von der Vortrefflichkeit und Nutzbarkeit der Mathematischen Philosophie gegen der Scholastischen und Cartesianischen, Iena, 1693. Ср. еще Universi corporis pansophici Caput summum.... Quo simul et Cartesius, ubi declinat, constringitur, Ienae, 1673.

[6]) Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, III Band, zweite Auflage. Leipzig, 1901. Стр. 39.

то ни было серьезное научное значеніе сочиненій Вейгеля: „математика Вейгеля—говоритъ онъ—можетъ служить примѣромъ отсутствія потребностей, составлявшаго тогда общее, безъ исключенія, правило въ нѣмецкихъ университетахъ" [1]; если Канторъ и останавливается нѣсколько на немъ, то, какъ онъ самъ объясняетъ, именно вслѣдствіе его незначительности, дѣлающей его типичнымъ мѣриломъ низкаго уровня тогдашней германской университетской математики [2]. Въ своемъ сужденіи о Вейгелѣ Канторъ, очевидно, полагался на помѣщенную въ 13-ой книгѣ журнала Zeitschrift für Mathematik und Physik статью Бартоломеи: Erhard Weigel. Ein Beitrag zur Geschichte der mathematischen Wissenschaften auf den deutschen Universitäten im 17 Jahrhundert. Авторъ этой статьи называетъ Вейгеля „невѣждою въ математикѣ" и увѣряетъ, что онъ „совсѣмъ не имѣлъ внутренней потребности рѣшать проблемы философіи"; но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же Бартоломеи прибавляетъ, что Вейгель помышлялъ о чемъ-то вродѣ того, что впослѣдствіи Гербартъ назвалъ методою отношеній. Значитъ, у Вейгеля были таки кое-какія проблемы. Л. Ноакъ, хотя и констатируетъ, что Вейгель оказалъ рѣшительное вліяніе на Вольфа и Рюдигера, повторяетъ вслѣдъ за Бартоломеи, что онъ не только не прокладывалъ новыхъ путей, но не испытывалъ даже дѣйствительной потребности рѣшать проблемы философіи [3]. Лучше знаютъ и больше цѣнятъ Вейгеля какъ педагога [4], какъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 40.

[3]) Philosophie - geschichtliches Lexicon. Leipzig, 1879, стр. 915.

[4]) См. K. A. Schmid: Geschichte der Erziehung, Fünfter Band, erste Abteilung, Stuttgart, 1901, стр. 93—116. Ein Basedowianer vor Basedow! пишетъ о немъ Паульсенъ (см. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Zweite Auflage. Erster Band, Leipzig, 1896, стр. 567). Менѣе благопріятный

одного изъ первыхъ противниковъ классической системы въ гимназіяхъ [1]) и какъ одного изъ первыхъ нѣмецкихъ профессоровъ XVII вѣка, старавшихся замѣнить латинскій языкъ отечественнымъ какъ въ лекціяхъ, такъ и въ книгахъ. Но вообще Вейгель забытъ. Единственная монографія о немъ, Шписса [2]), несмотря на приподнятый тонъ, въ которомъ она написана, едва ли въ состояніи пріохотить читателя къ болѣе близкому знакомству съ этимъ авторомъ, который изображается въ ней главнымъ образомъ какъ практическій педагогъ съ рѣзко выраженнымъ религіозно - назидательнымъ направленіемъ. И съ именемъ Вейгеля обыкновенно соединяютъ только представленіе о мистикѣ XVI вѣка Валентинѣ Вейгелѣ, сочетавшемъ съ христіанскими догматами ученіе Парацельза о превращеніи металловъ. А между тѣмъ забытый Эргардъ Вейгель какъ по своему вліянію на современниковъ, такъ и по внутреннему значенію занимавшихъ его проблемъ является личностью совсѣмъ не заурядною. И сочиненія его представляютъ не только антикварный курьезъ, но и болѣе широкій историческій интересъ и даже значительную принципіальную цѣнность.

отзывъ о Вейгелѣ у I. Kvačala, Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII Jahrhunderts, II Band, Berlin, 1904, стр. 153.

[1]) См. Bartholomäi: Zur Geschichte des Unterrichts in den alten Sprachen im 17 Jahrhundert (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik, Zweite Abteilung, XIV Jahrgang, стр. 400—409).

[2]) E. Spiess: Erhard Weigel, Professor der Matematik und Astronomie zu Iena, der Lehrer von Leibnitz und Pufendorf. Ein Lebensbild aus der Universitäts — und Gelehrtengeschichte des 17 Jahrhunderts, gleichzeitig ein Beitrag zur Geschichte der Erfindungen, sowie der Pädagogik. Leipzig, 1881. На философскомъ конгрессѣ въ Гейдельбергѣ въ 1908 г. Г. Б. Ительсономъ былъ сдѣланъ докладъ о Вейгелѣ. Въ одной новѣйшей монографіи (W. Kabitz, Die Philosophie des jungen Leibniz, Heidelberg, 1909) отмѣчается вліяніе Вейгеля на Лейбница (стр. 9—12) и чрезвычайно сжато характеризуется Вейгелева Analysis Aristotelica (стр. 9).

Эргардъ Вейгель родился [1]) въ 1625 г.; значитъ, онъ былъ на семь лѣтъ старше Спинозы. Когда ему минуло три года, его родители подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій принуждены были покинуть родной Пфальцъ и переселиться въ Вунсидель, тогда бранденбургскій городъ. Здѣсь онъ сталъ посѣщать гимназію. По желанію отца онъ пополнялъ домашнимъ изученіемъ математики односторонность тогдашняго классическаго образованія, при которомъ, какъ онъ жаловался въ посвященіи своей книги Wienerischer Tugend-Spiegel, считалось лишнимъ преподавать даже таблицу умноженія. Одиннадцати лѣтъ мальчикъ осиротѣлъ и сталъ собственнымъ трудомъ добывать средства для продолженія своего образованія. Онъ сочинялъ и переписывалъ для желавшихъ письма, а также преподавалъ ариѳметику дѣтямъ зажиточныхъ родителей. Скопивъ немного денегъ, онъ девятнадцати лѣтъ отправился въ Галле кончать свое среднее образованіе и готовиться къ университету. Занимаясь у мѣстной знаменитости Шимпфера, онъ вскорѣ до того усовершенствовался въ астрономіи и астрологіи, что патронъ поручилъ ему веденіе всѣхъ дѣлъ и даже—знакъ высокаго довѣрія въ тѣ времена! — составленіе календаря; а лейпцигскіе студенты спеціально стали ѣздить къ нему, отчасти чтобы узнать свою судьбу, отчасти же и главнымъ образомъ, чтобы учиться у него математикѣ. Вейгель, повидимому, вообще обладалъ педагогическимъ талантомъ, преподавалъ, какъ онъ самъ увѣрялъ, jucundo Naturae ductu, sine rigore scholastico [2]), или, какъ выразился одинъ изъ его учениковъ, jucundissimo et facillimo ductu [3]); онъ умѣлъ легко объяснять

[1]) Біографическія данныя см. у Шписса, а также въ Allgemeine deutsche Biographie, Band 41, Leipzig, 1896, стр. 465 и слѣд. (статья Р. Кнотта).

[2]) См. его Methodum discendi novantiquam, Jenae, 1673.

[3]) См. Erhardi Weigelii Physicae pansophicae specimen primum, quod Eodem Praeside exposuit Iohannes Wülfer, въ началѣ Respondentis epistola.

трудныя вещи. Вознагражденіе за обученіе лейпцигскихъ студентовъ дало Вейгелю возможность самому стать, наконецъ, лейпцигскимъ студентомъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ получилъ степень магистра философіи и сталъ читать лекціи. Черезъ три года онъ былъ приглашенъ на каѳедру математики въ Іену герцогомъ Вильгельмомъ Саксенъ-Веймарскимъ, котораго онъ въ двѣ недѣли научилъ распознавать свѣтила на сводѣ небесномъ; за это онъ получилъ еще званіе придворнаго математика. Лекціи Вейгеля пользовались большимъ успѣхомъ. Онѣ слушались summo cum applausu Auditorii constanter frequentissimi [1]). Одинъ изъ его курсовъ привлекъ столько слушателей (болѣе 400), что пришлось читать его за городскою стѣною, въ чистомъ полѣ. Предметъ этого курса былъ довольно своеобразенъ. Вейгель излагалъ свою реформу наименованій созвѣздій, именно замѣну грѣховныхъ, по его утвержденію, языческихъ символовъ, вродѣ Марса, Венеры и т. п., не христіанскими именами апостоловъ и святыхъ, какъ предлагалъ юристъ и схолархъ Юлій Шиллеръ, составившій Coelum stellatum christianum [2]), а геральдическими знаками европейскихъ державъ [3]). Кромѣ чтенія лекцій, Вейгель занимался составленіемъ небесныхъ глобусовъ и разными изобрѣтеніями, въ спискѣ которыхъ, составленномъ имъ самимъ, значится даже perpetuum mobile—чрезвычайно удобный приборъ, пояснялъ онъ, но вслѣдствіе его дорого-

[1]) См. Erhardi Weigelii Genealogiam Matheseos publice discursui exposuit I. E. Reichart, Ienae. 1691, стр. 19; ср. I. Günther: Lebensskizzen der Professoren der Universität Iena seit 1558 bis 1858, Iena, 1858, стр. 181.

[2]) См. критику этой реформы въ сочиненіи Вейгеля Globorum correctorum et perpetuorum Novissima Descriptio et Usus, Ienae, 1690, стр. 6.

[3]) Объ аналогичныхъ попыткахъ того же времени усовершенствовать карту неба см. въ Geschichte der Astronomie von R. Wolf, München, 1877, стр. 425 и слѣд.

визны „пока" еще не устроенный имъ [1]). Сооруженный имъ въ Іенѣ домъ (domus Weigeliana), съ водопроводомъ, подъемною машиною, астрономическою обсерваторіею, которая была устроена въ погребѣ, считался однимъ изъ т. н. семи чудесъ Іены и просуществовалъ до 1898 г. Одно изъ изобрѣтеній Вейгеля, именно скоропечатный станокъ, только потому не обезсмертило его имени, что онъ самъ отказался использовать его, опасаясь, что сокращеніе рабочихъ рукъ оставить безъ хлѣба трудящихся въ типографіяхъ [2]). Послѣ сорокашестилѣтней профессуры cum magna nominis celebritate Вейгель, 74 лѣтъ, bene praeparatus ad coelestia, скончался въ 1699 г. Черезъ полгода послѣ его смерти регенсбургскій рейхстагъ осуществилъ одинъ изъ его проектовъ, именно, ввелъ григоріанскій календарь во всей германской имперіи. Портретъ Вейгеля помѣщенъ въ вышедшей по случаю юбилея іенскаго университета чрезвычайно интересной книгѣ проф. Э. Борковскаго: Das alte Iena und seine Universität (Iena, 1908, см. стр. 77).

Вейгель писалъ очень много. Насчитываютъ 104 названія его сочиненій [3]); правда, многія изъ нихъ извѣстны только по названію и, повидимому, никогда не были изданы [4]). Тѣ изъ его сочиненій, которыя сохранились до нашего вре-

[1]) Sehr bequem... ist aber wegen seiner Kostbarkeit noch nicht ins Werck gerichtet. Ср. Spiess 72. Амосъ Коменскій тоже работалъ надъ perpetuum mobile; и его друзья увѣряли даже, что онъ таки его изобрѣлъ, См. I. Kvačala, Die pädagogische Reform des Comenius, I Band, 1903, стр. 88.

[2]) См. статью Бартоломеи въ Zeitschrift für Mathematik und Physik, XIII, стр. 43.

[3]) См. ихъ списокъ у Spiess'a, стр. 20 и слѣд.

[4]) Этимъ объясняются несовпаденіе и даже противорѣчія въ спискахъ Шписса и Цедлера (Grosses Universal Lexicon, т. LIV, 1747, стр. 288).

мени [1]), невольно вызываютъ двойственное чувство. Восхищеніе чередуется съ досадою. Сожалѣніе о томъ, что его не знаютъ, борется съ мыслью, что онъ вполнѣ достоинъ постигшаго его забвенія. Прежде всего читателя отталкиваетъ внѣшній видъ его сочиненій, ихъ форма. Въ XVII в. существовало вообще два способа писать философскія книги, какъ существовало и два литературныхъ стиля: одинъ—„классическій", другой—стиль итальянскихъ concetti и жеманныхъ французскихъ précieuses. Первый способъ — это величавый, возвышенный стиль Декарта и Спинозы, безъ цитатъ, безъ уклоненій въ сторону, стиль, заботившійся не о читателѣ, а исключительно объ истинѣ, стиль абстрактный, сухой и холодный, какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшій духу классическаго раціонализма того времени. Второй способъ—это тотъ, особенно культивировавшійся эпигонами гуманизма и сторонниками литературнаго превосходства древнихъ передъ новыми [2]) стиль, который съ точки зрѣнія ихъ дурного вкуса считался элегантнымъ, т. е. изысканнымъ. Изысканность при этомъ состояла въ томъ, что авторы или кстати и некстати изыскивали отовсюду всевозможныя цитаты изъ всевозможныхъ авторовъ — ut aliquid ornamenti accedat, какъ объяснялъ Гуго Гроцій, потерявшій всякую мѣру въ пользованіи этимъ пріемомъ въ своей знаменитой книгѣ De jure belli ac pacis [3]),—или же на каждомъ шагу

[1]) Въ настоящее время ихъ приходится собирать по разнымъ библіотекамъ Германіи (королевской въ Берлинѣ, университетскимъ въ Іенѣ, Грейфсвальдѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ). Въ библіотекѣ Юрьевскаго университета имѣются слѣдующія сочиненія Вейгеля: Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit, Iena, 1674; Sphaerica Euclidea methodo conscripta, Iena, 1688; Speculum terrae, Iena, 1713; Speculum uranicum aquilae romanae sacrae, 1661.

[2]) См. выше, стр. 17 и 20.

[3]) Ils font de leur tête une espèce de garde-meuble... Ils font gloire do ressembler à ces cabinets de curiosités et d'antiques, писалъ о такихъ авторахъ Мальбраншъ (Oeuvres, III, Paris, 1877,

прибѣгали къ игрѣ словъ, разсчитанной на то, чтобы прежде всего озадачить читателя. Типичный образецъ элегантности послѣдняго рода представляютъ сочиненія Бэкона. Рядомъ съ классическими по мѣткости и ясности формулировками основныхъ идей и намѣреній раціоналистической философіи мы встрѣчаемъ у него на каждомъ шагу болѣе или менѣе натянутую игру словъ, странныя сравненія, метафоры, напыщенныя, витіеватыя тирады и т. п. пріемы, размѣнивающіе на мелочи мысль въ иныхъ случаяхъ даже чрезвычайно глубокую. Очень типична въ этомъ отношеніи его книга Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit. Какъ можно заключить уже изъ заглавія, книга эта вызвана мыслью о моральной математикѣ, о сведеніи всѣхъ нравственныхъ качествъ къ количествамъ, иными словами, о подведеніи морали вмѣстѣ съ физикою подъ одинъ общій математическій уровень. Таковъ замыселъ Вейгеля. Но не таково его выполненіе. Уже одно „элегантное" на тогдашній вкусъ посвященіе книги нюренбергскимъ купцамъ, въ которомъ авторъ обѣщаетъ „посыпать искусство счета сахаромъ моральныхъ достопримѣчательностей или, вѣрнѣе, сварить моральныя вещи въ соку, выжатомъ изъ чиселъ", не можетъ не внушить читателю нѣкотораго недовѣрія къ удачѣ выполненія Вейгелемъ его грандіознаго замысла. И это недовѣріе оказывается, дѣйствительно, не лишеннымъ основанія. Трудно въ самомъ дѣлѣ видѣть достойное рѣшеніе проблемы въ приравненіи дробямъ калѣкъ (gebrechliche Menschen [1])—нѣмецкая игра словъ), въ уподобленіи дѣтей - единицѣ, юношей—четыремъ, мужe—шестнадцати [2]). Чрезвычайно мало убѣдительны для

V). Пуффендорфъ предлагалъ шпицрутены какъ единственное средство для сокращенія у такихъ авторовъ безконечной страсти къ писанію (Briefe Samuel Pufendorfs an Christian Thomasius, München und Leipzig, 1897, стр. 16 и 51).

[1]) Cap. II, § 5, стр. 11.

[2]) Cap. II, § 4, стр. 11.

современнаго по крайней мѣрѣ читателя также и тѣ аналогіи, которыя любилъ проводить Вейгель, напримѣръ, между огнемъ, водою, воздухомъ и землею и Европою, Азіею, Африкою и Америкою [1]), или между буквами алфавита и геометрическими фигурами [2]) или же между семью римскими царями и семью планетами [3]).

Формѣ сочиненій Вейгеля соотвѣтствуетъ и ихъ содержаніе. Въ авторѣ глубокій мыслитель сочетается съ мистификаторомъ. Вѣрнѣе было бы, по извѣстной классификаціи Кардана, отнести его къ обманутымъ обманщикамъ. Впрочемъ едва ли можно назвать его обманщикомъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Необходимо имѣть въ виду его эпоху и тѣ требованія, которыя въ то время предъявлялись ученымъ, особенно спеціалистамъ по математикѣ, астрономіи и физикѣ. Этимъ ученымъ въ XVII вѣкѣ приходилось считаться со вкусами своихъ меценатовъ и исполнять ихъ прихоти. Извѣстно, что Кеплеръ всю свою жизнь занимался составленіемъ гороскоповъ. Ученые слишкомъ зависѣли отъ своихъ знатныхъ покровителей. А наука, какъ таковая, особенно математика и физика, разсматривалась послѣдними какъ нѣчто низкое, въ лучшемъ случаѣ съ точки зрѣнія ихъ пользы для архитектуры и фортификаціи. Тихо де Браге стоило большихъ усилій покинуть изученіе права, которое только и считалось достойнымъ человѣка благороднаго происхожденія, ради астрономіи; и его родня долго не могла примириться съ тѣмъ, что въ ея знатной средѣ находится астрономъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, Cap. XI, § 16, стр. 81.

[2]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Ienae, 1658, Sectio III, Cap. VIII, § 4, стр. 226.

[3]) Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica e Syntagmate illustris viri Dn. G. A. Struvii, Francfurti et Ienae, 1669, стр. 9. Ср. Амоса Коменскаго съ его SAL (Sapere, Agere, Loqui) или SCHOLA (Sapienter Cogitare, Honeste Operari, Loqui Argute).

[4]) См. J. Bertrand, Les fondateurs de l'astronomie moderne, стр. 71.

Независимость давали ученымъ и философамъ XVII вѣка или собственныя средства — въ этомъ положеніи былъ Декартъ, съ удовольствіемъ отмѣтившій это въ Discours de la méthode [1]), — или же совершенно исключительный стоическій образъ жизни — въ этомъ положеніи былъ Спиноза. Только такой уединенный мыслитель, какъ Спиноза, отказавшійся отъ профессуры и отъ связанной съ нею въ то время зависимости отъ капризовъ непривлекательныхъ для него [2]) сильныхъ міра сего и обрекшій себя на жизнь въ бѣдности, могъ зато позволить себѣ умственную роскошь чистой теоріи, жизни и мысли sub quadam specie aeternitatis, жизни, свободной отъ изобрѣтенія насосовъ, качалокъ и т. п. приборовъ или отъ устройства фейерверковъ. Вейгель, также какъ и его ученикъ Лейбницъ, былъ человѣкомъ иного закала. Онъ вращался среди дѣтей ничтожныхъ міра. Онъ нуждался въ нихъ. И поэтому онъ приспособлялся къ нимъ, говорилъ съ ними ихъ языкомъ. Вотъ почему какъ учитель, такъ и ученикъ, при всемъ своемъ геніи, часто поражаютъ своею мелочностью и тщеславіемъ [3]).

---

[1]) Première partie. Je ne me sentais point, grâce à Dieu, de condition qui m'obligeât à faire un métier de la science pour le soulagement de ma fortune.

[2]) См., напримѣръ, ихъ характеристику въ Tractatus politicus, Cap. VII, § 27, Opera, I, 309.

[3]) Сошлемся, для примѣра, на письмо Лейбница къ герцогу Іоанну Фридриху Брауншвейгъ-Люнебургскому (Gerhardt, I, стр. 57 и слѣд.), гдѣ онъ перечисляетъ свои изобрѣтенія и вообще старается снискать его расположеніе, на его любезное сравненіе Бога съ коронованными женщинами его эпохи (см. выше, стр. 307) или на его мнимо геометрическую дедукцію кандидатуры пфальцграфа Нейбургскаго на польскій престолъ (см. выше, стр. 392). Ср. убійственную характеристику личности Лейбница у Дюринга (Kritische Geschichte der Philosophie, Dritte Auflage, Leipzig, 1878, стр. 333). Бойнебургъ и Конрингъ не стѣснялись получать пенсію даже отъ Людовика XIV, „наслѣдственнаго врага" Германіи. Объ отношеніи нѣмецкой поэзіи и поэтики того времени ко дворамъ см. у Куно Франке (Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ, р. п., 1904, стр. 182—191).

Все это не должно насъ черезчуръ удивлять, если мы вспомнимъ, что въ XVII вѣкѣ наука окончательно секуляризуется и изъ полумонастырской кельи выходитъ на широкій просторъ свѣтской жизни. Студентъ уже не носитъ рясы. На головѣ у него беретъ съ перомъ, на ногахъ звенятъ шпоры; усы его лихо закручены; онъ отлично фехтуетъ и иногда владѣетъ шпагою лучше, чѣмъ перомъ. Сильно измѣнился и характеръ профессоровъ. Среди нихъ появляется новый типъ свѣтскаго ученаго, живущаго межъ дѣтей ничтожныхъ міра и участвующаго во всей суетѣ ихъ жизни. Такой типъ совсѣмъ уже не похожъ на средневѣкового схоластика: онъ носитъ придворный костюмъ и напудренный парикъ. Какъ у истиннаго кавалера во вкусѣ эпохи, на устахъ его всегда готовъ мадригалъ. И его никто не призналъ бы образованнымъ и галантнымъ человѣкомъ, если бы онъ уклонялся отъ литературной моды, вдохновлявшейся итальянскими concetti по традиціи эпигоновъ гуманизма. Онъ переписывается со знатными дамами о любви, о страстяхъ души, о высшемъ благѣ. Онъ посѣщаетъ „дворы и арміи", какъ это дѣлалъ одно время и Декартъ [1]). Нерѣдко онъ получаетъ дворянство и придворный титулъ. Онъ слагаетъ за то плоды своего творчества къ стопамъ монарховъ. Онъ принимаетъ отъ нихъ подарки и пенсіи. И общественное мнѣніе не только не протестуетъ, но даже поощряетъ это. Дѣйствительно ли, напримѣръ, еще Леонардо да Винчи умеръ на рукахъ французскаго короля, это вопросъ темный. И наша эпоха склонна отвѣчать на него отрицательно. Но для современниковъ сомнѣнія не было. Для нихъ онъ такъ

---

[1]) J'employai le reste de na jeunesse à voyager, à voir des cours et des armées, пишетъ онъ въ первой части Discours de la méthode.

именно и умеръ, потому что такъ именно онъ и долженъ былъ умереть. Инымъ ученымъ XVII вѣка приходилось состоять при менѣе высокопоставленныхъ лицахъ и—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ представленій—болѣе или менѣе унижаться передъ ними: такъ, напримѣръ, когда Шефтсбери дѣлалъ торжественные выѣзды, Локкъ вмѣстѣ съ другими секретарями шествовалъ пѣшкомъ рядомъ съ его экипажемъ [1]).

Необходимо однако замѣтить, что и Вейгель бывалъ величавъ. Это происходило тогда, когда, увлеченный глубиною своихъ проблемъ, онъ думалъ только объ истинѣ и забывалъ о покровителяхъ и читателяхъ, а также тогда, когда онъ думалъ или писалъ о Богѣ и вообще о религіи. Въ данномъ случаѣ онъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени, когда, какъ упоминалось выше (см. главу VII), религіозная проблема не на шутку волновала умы. Волновала она не только философовъ, которые не могли построить законченнаго міровоззрѣнія, не разрѣшивъ ея предварительно. Волновала она и всякаго человѣка. И это вполнѣ понятно. Въ эпоху, слѣдовавшую за тридцатилѣтнею войною, нельзя было быть просто человѣкомъ. Необходимо было быть протестантомъ или католикомъ или диссидентомъ, необходимо было быть человѣкомъ извѣстнаго вѣроисповѣданія. Нельзя было игнорировать той религіозной проблемы, изъ-за которой проливалась кровь и опустошались города. Вотъ почему Спиноза, несмотря на несомнѣнно атеистическую тенденцію его философіи, непрестанно ссылался на Бога и, не будучи въ состояніи изгнать Его изъ природы, слилъ Его съ нею. Вотъ почему мы и у Вейгеля на каждомъ шагу встрѣчаемъ имя Божіе.

Какъ бы однако велико ни было личное благочестіе Вейгеля, онъ стремился какъ можно болѣе раціонализировать, казалось бы, ирраціональную по существу область религіи. Онъ пытался доказывать геометрическимъ путемъ догматъ

[1]) Marion, J.-Locke, sa vie et son oeuvre d'aprés des documents nouveaux, 1893, стр. 21.

троичности Божества и отрекся отъ этой затѣи только вслѣдствіе давленія, оказаннаго на него теологическимъ факультетомъ въ 1679 году [1]). Въ этой попыткѣ сказался ученый XVII вѣка, признающій истиною только то, что можетъ быть доказано. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Вейгель былъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ раціоналистовъ того времени. Чтобы оцѣнить его по достоинству съ этой стороны, необходимо отрѣшиться отъ его сомнительныхъ изобрѣтеній, къ которымъ уже его университетскіе коллеги относились настолько скептически, что въ 1690 г. не нашли возможнымъ командировать его, согласно его желанію, въ Лондонъ для представленія ихъ королевскому обществу. Необходимо сосредоточиться исключительно на занимавшихъ его теоретическихъ проблемахъ.

Въ этомъ отношеніи Вейгель былъ однимъ изъ самыхъ универсальныхъ умовъ своей эпохи. Математикъ и астрономъ, онъ не ограничивался рамками своей спеціальности. Онъ былъ поглощенъ мыслью о единствѣ человѣческаго знанія, объ универсальности и общеприложимости математической методы. Сообразно съ этимъ онъ былъ озабоченъ объединеніемъ или по крайней мѣрѣ сближеніемъ отдѣльныхъ, дотолѣ разрозненныхъ наукъ, intimiori disciplinarum familiaritate [2]). Онъ едва ли не первый вызвалъ въ Германіи тотъ „споръ факультетовъ", который естественно порождался пересозданіемъ наукъ и ихъ методологіи подъ вліяніемъ новаго естествознанія и выдвинутой имъ проблемы научнаго монизма, и съ которымъ впослѣдствіи пришлось считаться Канту. Если для Канта этотъ споръ представлялъ главнымъ

[1]) См. G. Frank, Die Ienaische Theologie in ihrer geschichtlichen Entwickelung, Leipzig, 1858, стр. 47. Вообще въ средѣ профессіональныхъ богослововъ XVII вѣка мысль о т. н. раціональной или естественной теологіи не встрѣчала ни малѣйшаго сочувствія.

[2]) См. посвященіе его книги Universi Corporis pansophici Prodromus, Jenae, 1672.

образомъ академическій интересъ, то Вейгелю пришлось лично пострадать отъ него и испытать всѣ неудобства философскаго универсализма въ средѣ, проникнутой духомъ традиціонной цеховой спеціализаціи. Послѣ выхода въ свѣтъ его книги Analysis Aristotelica ex Euclide restituta философскій факультетъ Іенскаго университета объявилъ, что онъ отказывается терпѣть въ своей средѣ ученаго, нарушающаго привычныя границы между науками, преподающаго ихъ совершенно новымъ способомъ и вопреки университетскимъ статутамъ и тѣмъ сбивающаго съ толку учащуюся молодежь. Еще рѣшительнѣе выступилъ противъ него теологическій факультетъ, недовольный его чрезмѣрнымъ увлеченіемъ principiis geometricis. Несмотря на эти столкновенія Вейгель сумѣлъ вызвать такое уваженіе къ себѣ и къ своимъ научнымъ стремленіямъ, что послѣ его смерти академическій совѣтъ Іенскаго университета, продолжая начатую имъ реформу небесной карты, замѣнилъ на ней созвѣздіе вѣсовъ его гербомъ, именно вѣсами съ девизомъ: omnia mensura, numero et pondere [1]). Девизъ этотъ передаетъ основную научную мысль Вейгеля — свести все знаніе къ геометріи и вообще математикѣ, распространить Эвклидову методу на всѣ науки и при этомъ, въ отличіе отъ схоластики, поставить послѣднимъ не формальныя и терминологическія, а строго реальныя, позитивныя задачи.

II.

Въ своемъ стремленіи познать положительно міръ раціоналисты отправляются отъ убѣжденія, что въ немъ есть система, закономѣрность, логика, и что поэтому правильный

---

[1]) См. I. P. Habenstreits Leich-Rede.

порядокъ идей въ нашемъ умѣ и настоящій порядокъ вещей въ конкретномъ мірѣ, ordo et connexio idearum et rerum, не могутъ быть чужды другъ другу, а, напротивъ, должны совершенно совпадать [1]). Вейгель чрезвычайно удачно формулировалъ это убѣжденіе, поставивъ наукѣ задачею познаніе міра какъ *реальнаго силлогизма*. Въ этихъ двухъ словахъ, также какъ и въ тѣхъ „реальныхъ аксіомахъ", о которыхъ, какъ упоминалось выше (на стр. 450), учила пансофія Амоса Коменскаго, содержится вся научная программа позитивнаго раціонализма, его высшее честолюбіе. Къ чему стремился Спиноза, къ чему стремился Гегель какъ не къ тому, чтобы познать міръ какъ реальный силлогизмъ, въ которомъ предметы и событія вытекаютъ другъ изъ друга съ такою же необходимостью, съ какою вытекаютъ изъ посылокъ выводы логическаго силлогизма? Вейгель не только нашелъ счастливую формулу, но, какъ никто до него, сумѣлъ отдѣлить въ ней строго научную, позитивную сторону отъ стороны схоластической, указалъ существенное отличіе новаго раціонализма отъ раціонализма схоластическаго. Въ этомъ отношеніи самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ является его книга Analysis Aristotelica ex Euclide restituta [2]).

Вейгель рѣшительно вооружается противъ схоластики. Вмѣсто предметовъ она занимается словами, вмѣсто изслѣдованія дѣйствительности словопреніями. Все это — не настоящая наука. Такая наука прежде всего реальна [3]). И поэтому

---

[1]) См. выше, стр. 158 и слѣд.

[2]) Полное заглавіе: Erhardi Weigelii. Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Genuinum Sciendi modum, et Nativam restauratae Philosophiae faciem per omnes Disciplinas et Facultates ichnographice depingens. Opus omnium Facultatum Cultoribus ad solidam eruditionem summe necessarium, maxime proficuum. Lege, quisquis es, non poenitebit. Jenae, 1658.

[3]) Стр. 245: Veras intelligo rerum ipsarum scientias, non vanas illas logomachias et altercationes, quae ut merae sunt quisquiliae, ita ne quidem ancillae nomen merentur. Стр. 278: Est enim Ana-

ея познаніе не апріорно въ томъ схоластическомъ смыслѣ, что оно выводится изъ понятій чисто словеснаго значенія: оно апостеріорно, т. е. выводится изъ реальной дѣйствительности [1]). Оно каузально, т. е. выражаетъ причинную и притомъ необходимую связь между предметами, связь опять таки не словесную, а реальную, значитъ, существующую объективно, помимо нашихъ формально-логическихъ умственныхъ операцій [2]). При этомъ реальная причинная связь понимается не въ старомъ антропоморфическомъ смыслѣ транссцендентнаго агента, по аналогіи съ архитекторомъ, который строитъ домъ, или съ кормчимъ, который направляетъ судно, а въ новомъ смыслѣ имманентной и притомъ необходимой связи между реальными предметами [3]). Благодаря такой связи міръ, какъ цѣлое, представляетъ объективную систему, въ которой слѣдствія необходимо вытекаютъ изъ причинъ. И дѣйствительность это—реальный силлогизмъ [4]), имѣющій бытіе

---

lytica methodus apud Aristotelem via illa, qua rerum propositarum (non terminorum) habitudo necessaria (non definitio notionalis) ex suis causis necessariis (non ex conceptibilitatibus et notionibus logicis) eruta indubitato cognoscenda sistitur in scientiis (non nude apprehendenda sumitur in lexica).

[1]) Стр. 35: Non tamen prioristice h. e. notionaliter juxta signum effato praepositum, quam posterioristice, h. e. realiter.

[2]) Стр. 12: Unde scire proprie dicitur rem per causam cognoscere, et quod haec ejus rei causa sit, et quod se res aliter habere non possit. Стр. 51: Nihil enim ad causationem hanc realem et necessariam praestant intellectus operationes, termini significativi et orationes, quibus rerum habitudines enunciamus saltem et repraesentamus; sed res ipsae potius, quaelibet in suo genere, quatenus extra demonstrantis mentem inter se complexae quoad rem a se mutuo dependent.

[3]) Стр. 50: Causarum vocabulum hic non sumi stricte, pro agente simplici... sed aliquanto latius, pro Ente reali, et quidem necessario, quod se ipso posito quoad rem, necessario simul ponit habitudinem necessariam Effati demonstrativi, a se dependentis.

[4]) Стр. 126: Ipsa causae cum causato complexo cohaesio complexa Syllogismus realis est. Стр. 146: Res per causam scibilis

независимо отъ того, мыслимъ ли мы его или нѣтъ. Такою связью вещей опредѣляется задача настоящей, реальной науки. Она должна воспроизводить этотъ реальный силлогизмъ. Такъ какъ силлогизмъ дедуктивенъ и раціоналенъ, то сообразно съ этимъ и „апостеріоризмъ" ея долженъ пониматься въ смыслѣ дедукціи объективныхъ слѣдствій изъ объективныхъ причинъ. Она демонстративна: scire est rem per demonstrationem cognoscere [1]). Однако это вовсе не значитъ, что она, по схоластической традиціи, умозаключаетъ отъ понятій къ понятіямъ или же просто отъ словъ къ словамъ. Это значитъ, что она демонстрируетъ, иначе говоря, показываетъ причинную, естественно необходимую связь вещей [2]). Такимъ образомъ, какъ и Спиноза, Вейгель понималъ міровую связь вещей и ея познаніе дедуктивно-догматически. Ея порядокъ—нисходящій, синтетическій, отъ общаго къ частному, отъ субстанціи къ акциденціямъ, модусамъ и аттрибутамъ. Такое пониманіе, въ большей степени, чѣмъ осторожная аналитическая метода Декарта, приближало Вейгеля, какъ и Спинозу, къ опасности догматической метафизики. И онъ не всегда благополучно уклонялся отъ нея.

Такимъ же пониманіемъ объясняется сочетаніе Аристотеля съ Эвклидомъ въ научной философіи Вейгеля. Эвклидъ служилъ для него образцомъ сведенія содержанія науки къ ея основнымъ элементамъ, элементамъ до того наглядным, воз-

---

cum illa causa Syllogismo reali semper cohaeret, etiam nullo intellectu de eo cogitante. Стр. 11: Intelligitur omnem verum Syllogismum a parte rei spectatum, h. e. omne verum Syllogisatum tanquam Ens complexum, cohaerere quoad rem, ejusque terminos a se mutuo dependere, praecisa etiam omni mentis operatione.

[1]) Стр. 124.

[2]) Стр. 7: Est autem Demonstrare uti penes omnes Mathematicos, ita cumprimis penes Euclidem nihil aliud, quam rerum propositarum certitudinem necessariam e certis principiis tanquam suis caussis... cognoscendam syllogistice deducere; ср. цитату, приведенную выше, на стр. 268.

зрительнымъ, очевиднымъ, что они выступаютъ передъ каждымъ человѣкомъ ut digito quasi monstrata [1]). Аристотель же служилъ для него образцомъ выведенія изъ этихъ элементовъ ихъ послѣдствій, каузально связанныхъ съ ними путемъ силлогизма, понятаго не формально и терминологически въ духѣ схоластики, а матеріально и реально [2]). Въ такомъ смыслѣ Вейгель и соединяетъ analysin Aristotelis quasi regulativam una cum Euclidis expressiva [3]). Такимъ образомъ мы находимъ уже у Вейгеля ту тенденцію возродить Аристотеля, очистивъ его отъ схоластическихъ наслоеній, и приспособить его къ положительной наукѣ новаго времени, которую принято связывать съ именемъ Лейбница. Лейбницъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ не болѣе какъ ученикомъ Вейгеля.

Задача Вейгелевой книги Analysis Aristotelica ex Euclide restituta—дать теорію раціональной науки. Главный нервъ такой науки—демонстрація въ томъ своеобразномъ значеніи сочетанія умозрѣнія съ умозаключеніемъ, о которомъ упоминалось выше (см. стр. 267 и слѣд.). Сообразно съ этимъ изслѣдованіе дѣлится на три части: первая разбираетъ вопросъ о томъ, что можетъ быть предметомъ демонстраціи, вторая—основанія или принципы демонстраціи, наконецъ, третья—ея методу [4]).

Предметы демонстративной науки Вейгель дѣлитъ на три группы. Онъ ихъ разсматриваетъ по степени ихъ убы-

---

[1]) Стр. 3.

[2]) Стр. 9: Verum autem cum Aristotele nostro dico Syllogismum non tantum formaliter et notionaliter, sed praeprimis hic materialiter, eum, cujus omnes termini... in rerum natura revera cohaerent.

[3]) Стр. 7. Спустя 11 лѣтъ Вейгель даже совершенно отождествилъ Аристотелеву и Эвклидову методу: Euclidea, vel quod idem est Aristotelica, methodus (Idea Matheseos universae, Ienae, 1669, Cap. VII, § 8, стр. 37).

[4]) Стр. 13.

вающей достовѣрности и необходимости. Первую и наиболѣе совершенную группу образуютъ предметы абсолютно реальные; вторую, менѣе совершенную—предметы ограниченной реальности; наконецъ, третью, несовершенную, а съ точки зрѣнія первой, даже и совсѣмъ ничтожную,—предметы установленные, порожденные человѣческимъ усмотрѣніемъ. Обѣ первыя группы, въ качествѣ реальныхъ, могутъ быть противопоставлены третьей, какъ существующей только по установленію [1]). То, что существуетъ realiter, проистекаетъ отъ Бога, который, въ качествѣ Natura naturans, является его источникомъ; то, что существуетъ ex impositione, проистекаетъ въ конечномъ итогѣ (ultimato) отъ человѣка [2]).

Первую группу реальныхъ предметовъ демонстраціи образуютъ такія положенія, которыя абсолютно неизмѣнны и необходимы, которыя исключаютъ возможность противоположныхъ положеній. Такія положенія, утверждаетъ Вейгель, существуютъ въ теологіи – напомнимъ, что въ своемъ стремленіи построить естественную или раціональную теологію онъ дошелъ даже до геометрическаго доказательства троичности Божества. Существуютъ они въ метафизикѣ и логикѣ—scientias hic intelligo, non vocabulorum et distinctionum lexica [3]), предупреждаетъ Вейгель во избѣжаніе смѣшенія его со схоластиками. Существуютъ они въ математикѣ. Наконецъ, существуютъ они и въ этикѣ, причемъ опять таки

---

[1]) Стр. 19: Effatum necessarium dupliciter dici nempe vel realiter, vel saltem ex impositione.

[2]) Стр. 23: Unde tres constituuntur et necessitatis et ipsarum demonstrationum gradus, juxta quos scientiarum dignitas quasi materialis intrinsece aestimanda venit. Quorum primus et perfectissimus est realitatis absolutae, secundus perfectus quidem, sed primo longe debilior, nempe realitatis restrictae; Uterque Deum ut Naturam naturantem agnoscit sui primum fontem et autorem; tertius imperfectus, et si prima respicias principia fere nullus, impositionis, ab homine potissimum ultimato dependens.

[3]) Стр. 20.

имѣется въ виду Ethica realis, non vocabularia [1]), этика, опирающаяся на природу и на человѣческіе нравы [2]).

Вторую группу реальныхъ предметовъ демонстраціи образуютъ такія положенія, которыя необходимы уже условно и которыя, принципіально по крайней мѣрѣ, не исключаютъ возможности противоположныхъ положеній. Необходимы они лишь въ силу ординарнаго теченія природы [3]). Ихъ извѣстная относительность вызывается не столько тѣмъ, что они могутъ быть измѣнены экстраординарнымъ могуществомъ Бога,—что въ природѣ случается крайне рѣдко, спѣшитъ замѣтить Вейгель [4]),— сколько тѣмъ, что необходимость ихъ обусловливается нѣкоторыми данными чисто эмпирическаго характера: нѣтъ, напримѣръ, безусловной необходимости, чтобы земля или луна находились именно на такомъ-то разстояніи отъ солнца [5]). Такого рода относительною необходимостью обладаютъ многія физическія положенія, далѣе, медицинскія положенія, поскольку они основываются на чувственномъ опытѣ и экспериментахъ, наконецъ, такія политическія положенія, которыя основаны на обычномъ теченіи дѣлъ у всѣхъ или нѣкоторыхъ народовъ и выводятся изъ опытнаго изученія народныхъ нравовъ, которыя, словомъ, какъ мы бы теперь выразились, основаны на соціологическомъ изученіи [6]).

---

[1]) Стр. 30.

[2]) Стр. 20: Propositiones Ethicae, non illius undecim Virtutum Nomenclatoris, sed bonitatis et malitiae moralis (h. e. ad mores et humanas actiones restrictae) justi et injusti realis (h. e. in legibus naturae fundati).

[3]) Стр. 20: secundum ordinarium naturae cursum.

[4]) Стр. 20: Per extraordinariam Dei potentiam, quam in naturalibus rarissime... experimur.

[5]) Стр. 21.

[6]) Стр. 22. Политика опредѣляется Вейгелемъ какъ generalis et philosophica scientia, quae effata in vita hominum communi tum generalia quoad omnes gentes, tum specialia quoad certas nationes, semper vera et secundum ordinarium humanae naturae cursum absque impositione realiter necessaria ex observationibus et experientiis morum, temperamentorum et inclinationum populi naturalium demonstrat.

Третью группу предметовъ доказательства образуютъ положенія уже не реальныя, а „установленныя", привносимыя людьми въ уже учрежденный порядокъ природы [1])— quasi post naturam jam constitutam. Эти положенія Вейгель дѣлитъ на моральныя и терминологическія [2]). Отдѣленіе „реальнаго" отъ „установленнаго" (impositivum) красною нитью проходитъ черезъ сочиненія Вейгеля и представляетъ своеобразную постановку вопроса объ отличіи природы и духа, а также методологіи соотвѣтственныхъ наукъ. Взглядъ на моральный міръ какъ на нѣчто, установленное людьми, вызывался тогдашними психологическими представленіями, противопоставлявшими матеріи или по крайней мѣрѣ протяженію ясную и отчетливую, вполнѣ сознательную мысль и твердую, опредѣленно выраженную волю. Онъ же естественно велъ къ теоріи общественнаго договора, объяснявшей государство не какъ соціологическій фактъ—ибо, какъ указано нѣсколько выше, его съ этой стороны изучаетъ вполнѣ реальная наука absque impositione realiter necessaria ex observationibus et experientiis—а какъ условное юридическое понятіе. Ниже мы увидимъ, какъ при помощи фикціи моральнаго пространства и моральныхъ вещей и лицъ Вейгель стремился разсматривать міръ установленій по аналогіи съ реальнымъ міромъ.

---

[1]) Стр. 22: Ex impositione verum, certum, necessarium dico, quod quasi post naturam jam constitutam in vita communi vel ab eo qui potestate pollet institutum, vel arbitraria conventione receptum, valet, et eatenus non potest aliter se habere, juxta tritum illud: quod semel placuit, amplius displicere non potest.

[2]) Стр. 22: Impositivum distingui commode posse putamus in morale et notionale.

Группировкою предметовъ демонстраціи естественно опредѣляются принципы, изъ которыхъ можетъ и должно быть выведено демонстративное знаніе. Такими принципами не могутъ быть ни грамматическія ни логическія опредѣленія: они поясняютъ термины, но не доказываютъ вещей [1]). Такъ, напримѣръ, если мы опредѣлимъ часы только филологически или же логически какъ автоматъ (родовой признакъ), измѣряющій время (видовой признакъ), то это вовсе не значитъ, что мы ихъ дѣйствительно познали, т. е. что мы обладаемъ дѣйствительно реальнымъ знаніемъ часовъ. Настоящее знаніе часовъ—это знаніе ихъ реальныхъ составныхъ частей, ихъ колесъ, ихъ механизма, знаніе sub ratione causae [2]) Настоящее опредѣленіе—это опредѣленіе реальное или причинное. Только оно проникаетъ въ нѣдра науки [3]). Не путемъ фило-

[1]) Стр. 56: Ad terminorum intelligentiam magis quam ad rei probationem faciunt.

[2]) Стр. 75: Quousque se Definitionum Notionalium vis in demonstrationibus extendat, facile cognosci potest. Nempe quod veram et accuratam demonstrationem sub ratione causae principalis non constituant, sed terminos solummodo custodiant, et succenturiatam, quoties opus, ipsis causis praestent operam, esto quod in subsumtionibus et identicis collectionibus causas demonstrativas aemulari videantur, ut pueri praelium, quod adulti bombardis committunt, arundinibus imitantur. Стр. 138: Definitiones notionales, inquam, nempe tum Nominales, tum, ut vulgo dicuntur, Essentiales, quibus rem distinctam distincto saltem conceptu nobis imaginamur, absque reali de vera et intima natura rei Scientia, v. g. cum Horologium concipimus, ut Automaton (genus) chronometricum (differentia) aut Hominem, ut Animal terrestre bipes: hae inquam Definitiones una cum terminorum Hypothesibus extra verae scientiae pomeria cadunt, et ob id a cordatioribus non adeo magni aestimantur, tyronum exercitio topico relictae, et satellitum instar veris demonstrandi causis quoties opus est substitutae.

[3]) Стр. 138: Reales vero Definitiones et quidem primario sic dictae Causales, ipsa Scientiae penetralia ingrediuntur.

логіи или формальной логики оно пріобрѣтается, а путемъ разума и опыта, путемъ ratio et experientia [1]).

Наиболѣе достовѣрный путь и источникъ демонстративнаго знанія — это разумъ. Помимо воспріятія отдѣльныхъ предметовъ [2]) онъ способенъ устанавливать истины безусловно необходимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ реальныя. Таковы, напримѣръ, положенія: нѣчто существуетъ или не существуетъ; цѣлое больше своей части; если къ равнымъ величинамъ прибавить поровну, то и суммы равны и т. д Всѣ эти положенія или раціональныя аксіомы образуютъ наиболѣе достовѣрную часть наукъ. Аксіомы — это, какъ выразился Вейгель, законы природы [3]). Путемъ Эвклидовой методы изъ нихъ могутъ быть выведены метафизическія, ариѳметическія, геометрическія, отчасти также и этическія истины [4]). Такъ какъ такія положенія основаны на чистомъ разумѣ, такъ какъ они устанавливаются nudo rationis usu [5]), то въ этомъ смыслѣ Вейгель считаетъ не столь уже абсурдною извѣстную Платонову теорію воспоминанія [6]). Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждый человѣкъ причастенъ разуму, то, значитъ, наука, взятая со стороны ея высшихъ принциповъ, доступна не однимъ только ученымъ спеціалистамъ, а всѣмъ вообще людямъ, не исключая „мальчиковъ и плебеевъ" [7]).

[1]) Стр. 107.

[2]) Стр. 107: absque singularium perceptione.

[3]) Стр. 112: axiomatibus, h. e. naturae legibus.

[4]) Стр. 108.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же: Si demonstrationes Disciplinarum rationalium, puta metaphysicas, arithmeticas, geometricas et ex parte quoque ethicas, ex illis primis veritatibus Euclidea methodo conscriptas (de quibus primario, non de physicis caeterisve experimentalibus, Plato locutus est) penitius aliquanto inspiciamus, sane non adeo absurdam hanc esse de Reminiscentia sententiam re ipsa comperiemus.

[7]) Тамъ же: Tantum igitur abest, ut scientiarum et demonstrationum principia solis eruditis innotescant, et non nisi maximo labore cognoscantur, atque itaque consequenter a pueris et plebeis

Кромѣ разума, принципомъ реальнаго и демонстративнаго знанія является опытъ. Вейгель дѣлитъ его, въ зависимости отъ орудія познанія, на чувственный и умственный, а въ зависимости отъ познаваемой вещи – на реальный и происходящій примѣнительно къ установленіямъ [1]). Чувственный опытъ можетъ легко обмануть насъ. Поэтому необходимо исправлять его экспериментами, изъ которыхъ разумъ путемъ индукціи можетъ составить кое что достовѣрное [2]). Умственный опытъ—это опытъ воззрительный или интуитивный, когда мы познаемъ нѣчто путемъ умственнаго воззрѣнія безъ ощущеній [3]). Таково воспріятіе времени и пространства [4]).

---

ratione licet utentibus longissime remota sint, ut una cum ipsis aeternarum rerum demonstrationibus, si admoniti saltem attendamus, cuivis homini, quatenus homo est, a natura eodem modulo sint concessa. Въ отличіе отъ Платона, который, какъ подробнѣе упомянуто на стр. 12 и слѣд. перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ", не согласовалъ своей теоретической философіи со своею практическою моральною и соціальною программою, Вейгель изъ приведеннаго раціоналистическаго утвержденія выводилъ рядъ постулатовъ практической этики и педагогики, о чемъ см. ниже.

[1]) Стр. 110: Experientia distingui potest vel ratione instrumenti quo fit perceptio, in sensualem et intellectualem: vel ratione rei perceptae in realem et impositivam.

[2]) Тамъ же: Experimenta... ex quibus, inductione collectis et simul expensis, superveniens Ratio certum quin abstrahendo colligit, cujus intelligentia demum Experientiam absolvit.

[3]) Стр. 111: Experientia intellectualis et intuitiva est, qua rerum habitudines... mentali saltem rerum intuitu absque sensatione percipimus.

[4]) Тамъ же: Omnium Creaturarum sucessivam durationem, et consequenter tempus (si quidem ejus notio nobis non est connata) mente saltem non sensu percipimus Tempus esse absque omni sensatione percipimus, adeo ut parum absit, quin a Natura nobis ejus speciem impressam esse cum Platone fateri cogamur. Idem esto de spatio ubicativo, lineis, superficiebus, figuris, angulis, h. e. de rebus

Такъ какъ есть много знаній, особенно въ метафизикѣ, логикѣ и этикѣ, которыя основаны на такомъ, чисто умственномъ опытѣ, то Вейгель совѣтуетъ относиться cum grano salis къ утвержденію: nihil est in intellectu, nisi prius fuerit in sensu [1]). Реальный опытъ есть познаніе вещей въ ихъ естественной причинной зависимости. На такомъ опытѣ построены физика и медицина и аналогичныя имъ политика и этика [2]). Обѣ науки, поскольку онѣ дѣйствительно основаны на реальномъ опытѣ, занимаются человѣческимъ міромъ не со стороны его регулированія тѣми или иными установленіями, а со стороны его естественной, фактической связи: такъ, напримѣръ, то обстоятельство, что люди часто плачутъ при видѣ чужого горя, не предписано императоромъ и не установлено соглашеніемъ, а вызывается естественною симпатіею между людьми [3]). Наконецъ, для опыта, происходя-

---

geometricis, quae sensus non incurrunt, judicium: omnia enim haec intellectu percipiuntur, nec ad sui cognitionem sensuum requirunt praesidium. Если пространство есть spatium locale, то время Вейгель называетъ spatium quasi temporeum (стр. 187).

[1]) Стр. 112: Unde cum grano salis accipiendium est, quod vulgo dicitur, nihil est in intellectu, nisi prius fuerit in sensu.

[2]) Тамъ же: In practica Philosophia... invenimus Experientiam realem, tam in Ethicis quam in Politicis, in quibus actionum, morum, ac inclinationum humanarum aeque certae sunt perceptiones, ac in Physica et Medicina (quarum illa Ethicae, haec Politicae certa proportione respondet) motuum et virtutum rerum naturalium constant experimenta.

[3]) Тамъ же: Licet enim circa morales, h. e. humanas, actiones versetur utraque disciplina, non tamen ex principiis moraliter, h. e. impositive tantum veris et necessariis; sed ex realibus et natura certis tum axiomatibus, h. e. naturae legibus, tum experientiis, h. e. actionum humanarum Observationibus, suas demonstrat, quas demonstrat, Conclusiones... Quod, si vis me flere, dolendum sit, non inde certum est, quod Imperator hoc mandaverit aut ex conventione sit receptum, sed quod hominem alterius dolore naturali συμπαθείᾳ similiter affici realis testetur Experientia.

щаго примѣнительно къ установленіямъ, истиннымъ и достовѣрнымъ считается то, что установлено людьми [1]).

Изъ расчлененія предметовъ научной демонстраціи, а также ея принциповъ слѣдуетъ, что есть три степени научности. Первую образуетъ чисто раціональное знаніе, основанное на аксіомахъ. Вторую образуетъ знаніе, основанное на реальномъ опытѣ. Наконецъ, третью образуетъ знаніе установленій. Первая—самая совершенная. И только она сопровождается полнымъ успокоеніемъ нашего ума, **omnimoda mentis acquiescientia** [2]), полною увѣренностью, что мы достигли вершины знанія. Вторая, менѣе совершенная, сопровождается только условнымъ успокоеніемъ ума [3]). Третья, несовершенная, сопровождается успокоеніемъ воображаемымъ [4]), такъ какъ только первыя двѣ ступени образуютъ „истинную, реальную и вѣчную философію". Третья степень знанія означаетъ философію только временную. Все же, что выходитъ за предѣлы и этой третьей степени, не заслуживаетъ имени ни науки ни философіи [5]).

Въ третьей части своего сочиненія, трактующей о методѣ, Вейгель классифицируетъ науки, причемъ, въ духѣ своей раціоналистической тенденціи, основаніемъ классификаціи онъ полагаетъ различные объекты [6]). Прежде всего отъ объектовъ естественныхъ съ одной стороны, нравственныхъ и словесныхъ съ другой стороны онъ отдѣляетъ объекты сверхъестественные, т. е. главнымъ образомъ Бога. Богъ—это **Ens entium**, источникъ всякаго бытія и всякой истины. И тѣмъ не менѣе настоящая наука и философія

---

[1]) Стр. 113.
[2]) Стр. 118.
[3]) Тамъ же: cum mentis acquiescentia quasi concessiva.
[4]) Тамъ же: cum acquiescentia imaginaria.
[5]) Тамъ же.
[6]) Стр. 170: rerum scibilium tanquam subjectorum classes.

начинается за предѣлами богопознанія [1]). Переходя къ „классу субстанцій", Вейгель, какъ впослѣдствіи и Спиноза, исходитъ отъ субстанціи вообще, отъ бытія вообще, изъ котораго выводятся всякое частное бытіе, всѣ производныя субстанціи, выводятся не мысленно, а онтологически, каузально, эманаціонно, подобно тому какъ вѣтви, листья, цвѣты и плоды выходятъ изъ ствола [2]).

Первая и самая универсальная философская дисциплина—это метафизика, которой дается Аристотелево опредѣленіе науки о сущемъ, какъ таковомъ [3]). Съ нею тѣсными узами, какъ ея сестра, связана ариѳметика, наука о существахъ, поскольку они являются числами [4]). Это — наиболѣе универсальныя науки, основа другихъ наукъ, сообщающая имъ всѣ соки и кровь [5]). Это—первая философія, первая группа наукъ [6]).

---

[1]) Стр. 181: exempto Divino Numine, una cum rebus per revelationem cognoscendis.

[2]) Стр. 181: Si classem Substantiarum ipsam nunc ingredimur primo statim communem illam et universalissimam rerum omnium invenimus stirpem (simili hic utar non exemplo) Ens, quod, ut radicem infinitam agit in ipso Deo... ita ramos suos (substantias ortas) indefinito excursu longe lateque diffundit, eosque variis floribus, foliis, fructibus (modis et accidentibus) ornatos ex se quasi protrudit.

[3]) Стр. 184: Prima igitur omnium et universalissima Philosophiae disciplina Metaphysica... non immerito Scientia Entis ut Ens est salutari solet.

[4]) Стр. 184: Huic sororio vinculo statim connectitur eodem universalitatis gradu gaudens Numerorum Scientia, quam cum Graecis Arithmeticam vocamus... non immerito Scientia Numerorum h. e. Entium quatenus Numeri sunt, definiri solet.

[5]) Стр. 184: Et hisce duabus disciplinis universalissimis quasi Truncus Philosophiae, communisque Scientiarum Basis constituitur, per quam reliquis omnibus et succus et sanguis communicatur.

[6]) Стр. 246: Philosophia Prima, Generalissimus habitum scientificorum, cujus membra 1) Metaphysica, Scientia Entis ut sic, 2) Arithmetica, Scientia Entis ut Numerus est. Поставивъ ариѳме-

Вторую группу наукъ образуетъ математическая философія, или геометрія, наука о пространствѣ [1]), о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ, которымъ Вейгель, какъ и Платонъ, отводитъ мѣсто „по серединѣ" между чистыми идеями и чувственными предметами [2]).

Этими двумя группами исчерпывается [3]) философія неподвижнаго, неизмѣннаго (Philosophia immobilium). Слѣдуетъ философія подвижнаго (Philosophia Mobilium). Вейгель дѣлитъ ее на физическую и моральную. Есть два рода подвижныхъ субстанцій: физическія тѣла и свободныя, разумныя существа. Первыя, предоставленныя самимъ себѣ, оказываются не чѣмъ инымъ какъ чувственною матеріею, которая совершенно детерминируется своимъ пространственнымъ положеніемъ, фигурою, движеніемъ [4]). Ко вторымъ, если не

тику передъ геометріею въ своей классификаціи наукъ по степени ихъ убывающей общности, Вейгель, въ отличіе отъ Спинозы, усмотрѣлъ высшую задачу раціонализаціи этики не столько въ построеніи ея системы ordine geometrico, сколько въ сведеніи ея къ количествамъ. Особенно типична въ этомъ отношеніи упоминавшаяся выше книга Вейгеля Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit.

[1]) Scientia Spatii (стр. 189, 246). Эта наука изучаетъ линіи, плоскости и тѣла non prout in materia mobili spectantur sed prout in ipso puro spatio, rerum geometricarum genuino subjecto, immobiliter existunt (стр. 189).

[2]) Стр. 189: Et haec sunt illa Mathematica, quorum Aristoteles inter Substantias creberrimam facit mentionem: haec sunt illa veterum Sapientum (et vere quidem sapientum) τὰ μεταξὺ, Media naturae substantiales inter Ideas et Sensibilia medio loco velut intercedentes. Что касается идей, то онѣ понимаются Вейгелемъ non sub concavo Lunae existentes, sed in arboris substantialis firmissima stirpe, Ente ut sic, formaliter, et seorsim conceptibiles.

[3]) Стр. 246.

[4]) Стр. 190: Caeterum cum duplex sit mobilitas, determinata nimirum, et indeterminata, quarum illa Substantiam, positis omnibus ad modum requisitis non posse non moveri; haec eandem positis

считать ангеловъ, о которыхъ философія ничего не можетъ демонстрировать [1]), относятся люди, какъ существа, обладающія разсудкомъ и разумною душою [2]). Такимъ образомъ есть два вида подвижныхъ субстанцій: чисто физическое тѣло и человѣкъ [3]).

Къ физической философіи, подраздѣляемой на общую часть и спеціальную, Вейгель относитъ также и антропологію – doctrinam Hominis, quatenus naturalis est [4]). Поскольку человѣкъ, въ качествѣ существа sui quasi juris [5]), противополагается природѣ, постольку онъ является предметомъ моральной философіи. Такое выдѣленіе обусловливается наличностью у него интеллекта и воли [6]). Къ этимъ двумъ чисто духовнымъ способностямъ присоединяется третья, коренящаяся въ тѣлѣ, этой какъ бы органической мастерской духа, именно рѣчь [7]). Такимъ образомъ человѣку, поскольку

omnibus ad modum requisitis etiam posse non moveri, facit: duo cumprimis exsurgunt Substantiae mobilis genera, unum Naturale dictum, alterum Liberum et rationale. Illud sibi relictum, h. e. in suis naturalibus spectatum, nil nisi materia est, certo partium situ, figura, motu determinata, indeque certam Substantiae speciem, Corpus naturale dictum, repraesentans.

[1]) Стр. 192: Cum nulla demonstratio circa talem Substantiam occurrat in Philosophia.

[2]) Это, опредѣляетъ Вейгель, особый видъ субстанціи, который praeter ipsam hanc materiam certo modo similiter formatam, quam participat, aurae Divinae particula gaudet, quam Mentem dicimus et Animam rationalem, ipsum vero complexum Homo est (стр. 190).

[3]) Стр. 192: duae Substantiarum mobilium species: Corpus mere naturale et Homo.

[4]) Стр. 208.

[5]) Стр. 213.

[6]) Стр. 213: Intellectus et Voluntas.

[7]) Стр. 214: Utramque Facultatem in sola Mente radicatam comitatur tertia simul in corpore (Mentis officina velut organica) fundata... Oratio; о значеніи термина „органическій" см. выше, стр. 109, прим. 1.

онъ—человѣкъ, свойственны три особенности: созерцаніе, стремленіе, рѣчь, Contemplatio, Intentio, Oratio [1]). Что касается созерцанія, то о его физическихъ условіяхъ трактуетъ физическая наука, антропологія. И послѣ всего того, что она можетъ сказать, оно уже не можетъ быть особымъ предметомъ изслѣдованія [2]). Настоящее познаніе есть познаніе объективныхъ вещей. Поэтому настоящая теорія познанія совпадаетъ съ настоящимъ познаніемъ вещей и не нуждается въ особомъ изслѣдованіи [3]). Вейгель, какъ реалистъ, стремящійся не къ разсужденіямъ о знаніи, а просто къ знанію, отрицалъ самодовлѣющее значеніе т. н. теоріи познанія. Въ данномъ случаѣ онъ предвосхищалъ Конта, полагавшаго, что наука и ея метода лучше всего познаются en action.

Если, значитъ, человѣческое созерцаніе не образуетъ спеціальнаго предмета научныхъ изслѣдованій, то основнымъ

---

[1]) Стр. 214.

[2]) Стр. 214: Quod Contemplationem, h. e. actiones intellectus cognoscentes, attinet, quoniam earum conditio naturalis et quasi constitutiva ex observationibus physicis in Anthropologia jamdum declarata est, nihil restat, quam ut affectiones earum accuratius perstringantur.

[3]) Стр. 214 и 215: Verus enim conceptus et vera Contemplatio est, quae rebus prout sunt respondent, falsus conceptus et falsa Contemplatio, quae contra. Quoniam autem Res prout sunt tum incomplexe tum complexe per totam Philosophiam jamdum definitae sunt et demonstratae, igitur quicquid de Contemplatione sciri potest, illud, eo ipso dum rerum ipsarum contemplatio per universam Philosophiam traditur, eadem opera quasi reflexive contemplandum sistitur. Unde Contemplatio de se non constituit peculiare membrum scientificum Humanae Philosophiae, sed per totam Philosophiam objective diffusa rationem suam scibilem una cum ipsis rebus scibilibus intellectui propinat... Noster Intellectus et ipsa Mentis Contemplatio objective per totam Philosophiam ubique spectatur, nullibi tamen in ea scientificam seorsim subit considerationem.

предметомъ моральной философіи является воля [1]). Такъ какъ жизнь изолированнаго человѣка не есть настоящая человѣческая жизнь и человѣкъ живетъ въ обществѣ, то моральную философію, эту науку о человѣческихъ поступкахъ [2]), можно также назвать гражданскою философіею [3]). Эту философію основанную не на схоластическихъ словоухищреніяхъ, а на естественномъ законѣ и опытѣ, и подлежащую обработкѣ въ Эвклидовомъ духѣ [4]), Вейгель, какъ и естественную, дѣлитъ на общую и спеціальную.

Общая моральная философія — это этика. Надъ физическимъ міромъ человѣка, подлежащимъ антропологическому изученію, возвышается моральный міръ нравственно должнаго [5]).

---

[1]) Стр. 215.

[2]) Стр 216: Actionum humanarum Scientia aut prudentia.

[3]) Стр. 216: Porro quoniam Homo.. instinctu peculiari fertur ad societatem, in qua vita humana quasi materialiter consistit... societatis autem humanae velut ultimum complementum Civitas est... Igitur, et ipsa Vita humana, Vita civilis dicitur (vita enim solitaria, qualis Eremitarum est, quoniam, praeter omne materiale, maxima quoque formalitatis parte destituitur, vita humana proprie loquendo non est) et haec Philosophiae pars Philosophia Civilis generaliter appellatur.

[4]) Стр. 223: Philosophiam autem Moralem hic dico, non illum 11 virtutum nomenclatorem, aut istas abstractas de genere et speciebus Rerumpublicarum contentiones, meris definitiunculis absolutas, haec enim grammaticalia sacro Philosophiae nomine digna nequaquam sunt, sed ex naturae legibus rerumque humanarum observationibus constitutam boni et mali, justi et injusti scientiam aut prudentiam, cujus specimen Euclidea nostra Philosophia tradere vel saltem adumbrare tentabit.

[5]) Стр. 215: Quoniam autem res homini practicabiles nullibi decisae sunt, igitur opus est, ut quae Divinum Numen in Natura ab aeterno praeconstituit, et Menti nostrae velut digito suo characteribus clarissimis inscripsit Bonitatis et Justitiae principia, suae sanctitatis τεκμήρια, recordando velut ex nobis metipsis suscitemus, et ex iis tanquam primis causis, adhibitis insuper Anthropologiae de-

Міръ этотъ и изучается этикою, наукою деонтологическою, нормативною. Она разсматриваетъ человѣка абсолютно, какъ гражданское существо вообще [1]). По аналогіи съ метафизикою ее можно назвать метаполитикою [2]).

Спеціальная моральная философія, или политика, занимается человѣкомъ въ опредѣленной конкретной общественной обстановкѣ. Она связана съ опытомъ. Главное ея основаніе, главный источникъ ея демонстрацій—это исторія въ широкомъ смыслѣ [3]), обнимающая также и гражданскую географію [4]). Исторія не лишена вспомогательнаго значенія для политики; тѣмъ не менѣе она не можетъ быть названа на-

cretis de Mente naturalibus, singulare quoddam Philosophiae genus de rebus Homini practicabilibus h. e. actionibus humanis constituamus.

[1]) Стр. 216 и 217: Illa hominem ut Civilis est, sed absolute, considerat, absque respectu ad certum vitae civilis genus, h. e. Hominis actiones, et ipsi competentia, generaliter perstringit, in quocumque vitae civilis genere fuerit.

[2]) Стр. 217: Ethica, quam ad analogiam Metaphysicae Metapoliticam dicere possemus.

[3]) Стр. 218: Ejus pars vere fundamentalis, quae demonstrationum et consiliorum specialia principia per experientiam constituta complectitur, est Historica (nempe moralis) rerum in mundo (terra) gestarum ad civilem vitam pertinentium intelligentia.

[4]) Стр. 219: Geographia civilis est territoriorum intelligentia. Duplex est Terrae quam inhabitamus consideratio, una naturalis, qua Terra spectatur ut mundi pars et commune phaenomenorum mundanorum observatorium; altera moralis seu civilis, qua Terra spectatur ut humanae vitae receptaculum et hominum commune diversorium, humani generis haereditas et possessio, ex morali conventione in diversos populos certo modo distributa: prior consideratio pertinet ad Philosophiam naturalem, ubi quaecunque sciri possunt de Tellure ex principiis astronomicis eadem opera demonstrantur, nec quicquam praetermittitur, quod scientiam peculiarem constituere posset, nisi cramben bis coctam ad nauseam velis apponere... Posterior consideratio pertinet ad philosophiam moralem.

укою [1]), потому что она не представляетъ знанія раціональнаго. Политика понимается Вейгелемъ какъ наука нормативная [2]). Къ ней онъ присоединяетъ правовѣдѣніе [3]).

Что касается, наконецъ, третьей способности человѣка, именно рѣчи, то она образуетъ содержаніе словесной философіи (philosophia sermocinalis). Къ ней Вейгель относится не слишкомъ сочувственно, памятуя научное безплодіе схоластики. Къ словесной философіи относитъ онъ и логику, „искусство голаго познанія" [4]).

III.

Въ рядѣ другихъ работъ Вейгель стремился рѣшить проблему *пантометріи*, всеизмѣренія, сведенія къ количествамъ всѣхъ предметовъ и отношеній не только физическаго, но также моральнаго и логическаго міра, построенія всеобъемлющей Mathesis universae. Надъ этою проблемою Вейгель работалъ долго и упорно. Значеніе ея все болѣе и болѣе выростало въ его глазахъ. Онъ пробовалъ рѣшить ее всякаго рода способами—удачными и, гораздо чаще, неудачными. Наконецъ, онъ изнемогъ подъ ея бременемъ. Одержимый ею, онъ сталъ почти маніакомъ, сталъ всюду усматривать числа и только числа. При этомъ онъ иногда выска-

[1]) Стр. 221: Constat, Historicam, quoniam non demonstrat, sed principia saltem demonstrationum et consiliorum cudit, non esse scientiam, sed saltem... rerum in mundo gestarum ad civilem vitam pertinentium intelligentiam.

[2]) Стр. 218.

[3]) Стр. 222: Philosophiae moralis additamentum.

[4]) Стр. 233: Est logica nihil aliud, quam Ars nude cognoscendi.

зывалъ мысли, дающія весьма благодарную пищу для насмѣшливой критики. Мы не будемъ заниматься этимъ нетруднымъ дѣломъ. Мы постараемся лучше прослѣдить за развитіемъ идеи пантометріи въ сочиненіяхъ Вейгеля и отмѣтить тотъ кругъ предметовъ и изслѣдованій, къ которому она дѣйствительно оказалась приложимою, хотя бы Вейгелю и не удалось сдѣлать это вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. За нимъ во всякомъ случаѣ остается заслуга формулировки проблемы и вообще научной иниціативы въ дѣлѣ расширенія круга математическаго или аналогичнаго ему изслѣдованія.

Одною изъ первыхъ попытокъ Вейгеля въ этомъ направленіи является его книга Idea Matheseos Universae, вышедшая въ Іенѣ въ 1669 г., спустя 11 лѣтъ послѣ Analysis Aristotelica. Всеобщая математика, или пантометрія, опредѣляется какъ наука о количествѣ, какъ таковомъ [1]). По аналогіи съ метафизикою, наукою о сущемъ, какъ таковомъ, она можетъ быть названа метагеометріею [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ она противопоставляется философіи, наукѣ о качествахъ, какъ таковыхъ [3]). Во всѣхъ наукахъ, училъ Вейгель, хотя бы онѣ до сихъ поръ и находились внѣ пантометріи, она можетъ и должна найти приложеніе; только въ такомъ случаѣ можетъ быть рѣчь объ опредѣленномъ знаніи [4]). Такъ какъ природа

[1]) Стр. 19: Mathesis... Scientia Quantitatis quatenus Quantitas.

[2]) Стр. 33: Pantometria (ad analogiam Metaphysicae dicta Metageometria) alias Mathesis generalis, est scientia quanti quatenus quantum.

[3]) Стр. 19: Mathesi contradistincta Philosophia... Scientia qualitatum quatenus qualitates.

[4]) Стр. 33: Agit enim, говоритъ Вейгель о пантометріи, conjunctim et abstracte de omni quanto, cujuscunque sit generis et rationis, easque tradit regulas, quae ad omne quantum aestimandum applicari possunt, adeo quidem ut quanta specialia omnia, etiam ea, quae specialibus disciplinis Mathematicis nondum sunt instructa,

вещей есть нѣчто вполнѣ опредѣленное, то и познаніе ея, со включеніемъ также и гражданскаго міра, должно носить пантометрическій характеръ. Таковъ же характеръ и причинныхъ соотношеній въ ней: дѣйствительно опредѣленная причинная связь сводится къ чистому количеству; и настоящій научный детерминизмъ—это детерминизмъ количественный [1]). Предметы такимъ образомъ растворяются въ количествахъ. Количества, входящія въ кругъ пантометріи, Вейгель дѣлитъ на физическія, моральныя и терминологическія [2]). Подъ моральными количествами онъ понимаетъ три группы отношеній, установленныхъ, какъ онъ утверждаетъ, волею, а именно, цѣнность вещей въ хозяйственномъ оборотѣ, общественное достоинство или могущество людей и, наконецъ, заслуги или провинности поступковъ, вызывающія награду или наказаніе [3]). Такимъ образомъ въ моральномъ мірѣ измѣ-

secundum Pantometriae praecepta, quousque licet, aestimari necessum habeant, si quid interim in iis determinate cognoscendum occurat. Стр. 81: Certitudinem involvit vera quantitas.

[1]) Стр. 29: Cum enim natura rerum in se determinata potius sit quam indeterminata, itemque causae naturales cum suis causatis, et principia cum suis principiatis ad amussim semper correspondeant, juxta tritum illud:

Pondere, mensura, numero Deus omnia fecit,

h. e. quantitate sua cuncta constituit; ad quam commensurationem in civilibus etiam omnia, quoad ejus fieri potest, reducta constant, ut tantus utrobique sit effectus, quantum causa potest, h. e. ut effectus in quantitate semper conveniat cum causa quatenus agit; igitur parum abest quin affirmare liceat, formas rerum, et consequenter causandi rationem, quam res habet ad effectum producendum, si determinate prout in se est utrumque, spectetur, in mera quantitate consistere.

[2]) Стр. 8: Communi rerum divisione quanta quoque distingui possunt in naturalia, moralia et notionalia.

[3]) Стр. 8: Quanta Moralia sunt, quae voluntas, impositione vel consensu, seorsim constituit in vita civili, inter quae principa-

ренію доступны вещи, люди и поступки. Все это подлежитъ особому математическому изслѣдованію. Хотя эти предметы зависятъ скорѣе отъ установленія, чѣмъ отъ природы, тѣмъ не менѣе они вызываютъ необходимость подчиненія пантометріи моральной философіи и юриспруденціи, необходимость „этометріи" [1]. Яснѣе солнца, увѣряетъ Вейгель, то обстоятельство, что моральный философъ и юрисконсультъ оказываются особаго рода математиками [2].

Мы видимъ изъ приведенныхъ трехъ категорій, что Вейгель выдѣлилъ экономическую проблему цѣнности какъ такую проблему, которая можетъ и должна быть поставлена и рѣшена математическимъ путемъ — et rigorose quidem [3], какъ онъ увѣряетъ. Въ отличіе отъ прежнихъ разсужденій о цѣнности, собственно о цѣнѣ предметовъ хозяйственнаго оборота, разсужденій, проникнутыхъ главнымъ образомъ морализующею тенденціею, стремленіемъ установить justum

---

tum tenent 1 quoad res in specie sic dictas, Pretium sive pretiositas 2. in genere personarum Dignitas, Potestas 3 in genere actionum Meritum, cui respondet aequale praemium et Demeritum, cui respondet aequalis poena.

[1]) Стр. 92.

[2]) Стр. 25 и 26: Quia tamen determinata eorum ratio magis ab impositione quam a natura dependet, nec tantam profunditatem habet (licet amplitudine nequaquam cedat) quantam praedicatorum naturalium quantitas, juxta vulgare illud, Minima non curat praetor: ideoque praedicata moralia in civili Philosophia non tantum denominative, sed et, quousque opus est, aestimative simul traduntur, adscitis principiis ex Pantometria, cui Philosophia moralis et Jurisprudentia, non minus ac ipsi Metaphysicae, subordinatur. Quod cum primis ex doctrina de proportionibus, Arithmetica nimirum et Geometrica, qua justitiam commutativam et distributivam, Sole clarius elucet, ut adeo et Philosophus moralis et Jurisconsultus in professione sua sibi sit specialis Mathematicus, esto quod uterque generalia suarum aestimationum fundamenta velut aliunde, nim. ex Mathesi separata petat.

[3]) Стр. 84.

pretium, Вейгель ставилъ вопросъ о цѣнности чисто теоретически: онъ старался уловить механику образованія цѣнъ, факторы, ихъ создающіе (см. объ этомъ ниже); и все это онъ надѣялся облечь въ форму математической науки. Далѣе, онъ поставилъ вопросъ объ уголовномъ возмездіи какъ своего рода математическомъ уравненіи. Что касается, наконецъ, его мысли о математическомъ измѣреніи достоинства и могущества людей, то она, если не на практикѣ, то въ теоріи приводила къ чему-то вродѣ математической соціологіи.

Въ томъ же 1669 году, когда появилась Idea Matheseos Universae, вышла книга Вейгеля: Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica e Syntagmate illustris viri Dn. G. A. Struvii. Въ этой книгѣ авторъ стремился примѣнить пантометрію къ юриспруденціи, именно къ дѣйствовавшему въ Германіи римскому праву. Можетъ показаться, объясняетъ онъ въ предисловіи, что авторъ, математикъ по профессіи, забирается не въ свою область и намѣревается измѣрять право кругами и нравственность шагами [1]. Дѣло однако не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что понятіе математики и кругъ ея вѣдѣнія гораздо шире, чѣмъ принято думать. Она измѣряетъ не одни только физическіе предметы. Такъ, хотя цѣнность вещей или мѣра награды и наказанія не имѣютъ конечно ничего общаго съ протяженіемъ, тѣмъ не менѣе и у нихъ есть своего рода математическія пропорціи. Поэтому слѣдуетъ признать пробѣломъ въ наукѣ то обстоятельство, что измѣреніе моральныхъ объектовъ до сихъ поръ не образовало особой провинціи въ области математики. Особенно богато математическими положеніями римское право: Corpus Juris Civilis до того изобилуетъ ими, что число титуловъ, въ которыхъ совсѣмъ не упоминается какое-нибудь моральное количество [2], не превышаетъ числа вратъ въ Θивахъ. Чтобы не заблудиться въ обширномъ морѣ пандектовъ и кодекса, Вейгель опирается

---

[1]) Circulis jura, pedibusve moralia mensurum.

[2]) In quibus nulla Quantitatis moraliter definitae mentio fit.

на іенскаго юриста Г. А. Струве, ученаго, который, какъ онъ выражается, тоже питался „математическимъ нектаромъ". Струве, одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ юристовъ, отказавшихся отъ схоластики рамической методы [1]), въ своемъ Syntagma juris civilis universi стремился возможно нагляднѣе и очевиднѣе изобразить систему римскаго права какъ одно логическое цѣлое. Въ Synopsis Вейгель пошелъ еще дальше и пытался свести эту систему къ ряду умозаключеній изъ аксіомъ [2]), а также перевести, что можно, на языкъ количествъ. Въ этой же книгѣ онъ вступилъ на путь, оказавшійся гибельнымъ какъ вообще для всего раціонализма, такъ, въ частности, и для него: увлеченный мыслью о симметричности всего въ мірѣ, онъ не только схематизировалъ въ рядѣ таблицъ все римское право, но еще находилъ весьма странныя аналогіи между предметами совершенно различнаго порядка, напримѣръ, между римскими царями и планетами [3]).

---

[1]) См. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, von R. Stintzing, Zweite Abtheilung, 1884, стр. 155.

[2]) Стр. 1: Principia communia liciti et illiciti (Axiomata moralia) v. g. quod tibi non vis fieri, alteri non est faciendum: suum cuique tribuendum etc. non minus ac principia veri ac falsi (Axiomata naturalia) v. g. totum est majus sua parte: si aequalibus addas vel auferas aequalia, constabis vel retinebis aequalia etc. nobis natura nota sunt; Conclusiones vero, quibus utraque principia per syllogisationem applicantur ad objecta proposita, difficultate non carent, indeque disciplina vel habitu quodam indigent, quem ut in Theoreticis nude Scientiam; ita in practicis qs. cum apposito Prudentiam, h. e. liciti et illiciti, boni malive scientiam ad agendum bona seu licita directam apellamus.

[3]) Стр. 9: Erant autem Reges tot, quot Planetae. Далѣе оказывается, что Ромулъ соотвѣтствуетъ Сатурну (Saturno, Planetarum summo, structuris urbibusque praefecto), Туллъ Гостилій—

IV.

Въ 1672 году Вейгель отъ пантометріи перешелъ къ *пантогнозіи*, къ убѣжденію, что не только всѣ или почти всѣ познаваемые предметы подлежатъ измѣренію, но что въ измѣреніи-то собственно и состоитъ настоящее, исчерпывающее познаніе. Въ посвященіи своего новаго труда Universi Corporis pansophici Prodromus [1]) іенскимъ профессорамъ онъ настаиваетъ на томъ, что математика представляетъ не особую научную дисциплину, а неизбѣжную часть всякой строгой науки [2]). Сообразно съ этимъ не только, напримѣръ, политикъ [3]), но даже историкъ [4]) въ извѣстномъ смыслѣ является математикомъ. Все человѣческое знаніе онъ дѣлитъ на качественное и количественное [5]). Первымъ занимается

Марсу, Тарквиній Прискъ — Венерѣ и т. д. Какъ и Кеплеру, Вейгелю, въ качествѣ астронома, приходилось заниматься также астрологіею.

[1]) Полное заглавіе: Universi Corporis pansophici Prodromus de gradibus humanae Cognitionis, ipsaque Trina Mentis operatione, generaliter agens, quem dicere posses Pantognosiam. Autore Erhardo Weigelio, Prof. Publ. Jenae, 1672.

[2]) Mathesin non esse peculiarem, nedum, ut vulgo putatur, alienam a Philosophia disciplinam, sed neminem eruditorum esse, quamcunque scientiam profiteatur, qui non aliquam Mathematum partem suae professioni commixtam exerceat.

[3]) Математика должна занимать Politicum, dum, quanti quaevis res et actio civilis haberi mereatur, pensitat, et utrum aeque, magis, vel minus, hoc ac illud justum, injustum, bonum aut conducibile, malum aut noxium etc. sit, examinat.

[4]) Historicum tandem, dum res ubicunque gestas tempore definit, et quod verosimilius inter diversa recenseri possit, aestimat; hos inquam omnes eo ipso Quantitatis scientiam h. e. Mathesin actu profiteri.

[5]) Въ предисловіи ad Lectorem Вейгель вмѣняетъ себѣ въ

философія, вторымъ—математика [1]). Первое образуетъ начало науки, второе—его вершину: Mathesis (tanquam ipsa scientia). Достовѣрно только количественное знаніе: certitudinem involvit vera quantitas [2]). И сообразно съ этимъ пантогнозія, или способъ точно знать что бы то ни было [3]), сводится къ измѣренію и счету всѣхъ предметовъ познанія. Дойдя до такой степени совершенства, наука можетъ радоваться, что она точнѣйшимъ образомъ знаетъ вещи и причины всего, что изъ нихъ слѣдуетъ [4]).

Этимъ опредѣляется теорія познанія, предлагаемая Вейгелемъ въ разбираемой книгѣ. Сообразно съ двумя началами человѣческаго познанія, именно чувствами и разумомъ, есть два рода познанія—чувственное и интеллектуальное или раціональное [5]). Чувственное познаніе, говоритъ Вейгель, со-

---

заслугу dichotomiam humanae cognitionis in gradum Denominativum et Aestimativum (quorum ille τὸ quale nudum evolvit, et tale quid esse saltem indeterminate recenset; hic vero τὸ quantum seu quam tale post modum eruit, et magis vel minus, aeque vel maxime, tale quid esse, rem determinando superaddit.

[1]) Стр. 98: Totius Encyclopaediae duo velut Hemisphaeria constituta sunt, primum, quod rationes denominativas tradit, Philosophiae titulo (tanquam amor et conatus sciendi) quasi κατ' ἐξοχήν insignitur; alterum, quod rationes aestimativas, quotquot hactenus invenire licuit, exponit, et antiquo nomine Mathesis (tanquam ipsa scientia) dici consuevit.

[2]) Стр 71. На стр. 70: Perfecta tamen certitudo rei dependat ab aestimativa determinatione.

[3]) Pantognosia seu de Modo quodvis exacte cognoscendi.

[4]) Стр. 3: Qui secundus est cognitionis et scientiae gradus, quem ubi obtinuerit intellectus, tum ipsas res, quoad ejus fieri potest, exactissime cognitas habet; tum effectuum inde fluentium rationes tanquam causa perspectas sibi esse non immerito gaudet.

[5]) Стр. 1: Cum duplex in homine reperiatur cognoscendi principium, Sensus et Ratio duplex inde nasci Cognitionis genus, quorum unum Sensuale dici potest, alterum Intellectuale seu rationale, nemo non intelligit.

ставляетъ необходимое начало нашего познанія. Къ этой ступени познанія, поскольку оно успокаивается на ней и не идетъ дальше внѣшнихъ воспріятій [1]), вполнѣ примѣнимо положеніе: nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu [2]). Однако такое познаніе насъ не удовлетворяетъ. Къ чувственному воспріятію присоединяются рефлексія и абстракція, вообще интеллектуальное познаніе, которое сводится къ сравненію [3]). Познать что-нибудь раціонально, значитъ правильно сравнить (dextre comparare). Въ сущности, и на первой ступени познанія, именно при чувственномъ воспріятіи, нашъ интеллектъ уже занимается сравненіемъ [4]). И ни одна изъ трехъ операцій познающаго ума—воспріятіе, синтезъ и анализъ и силлогизмъ, или дедукція—не обходится безъ сравненія [5]). Если такимъ образомъ все человѣческое знаніе по

---

[1]) Стр. 1: Illud simplex est et quasi rigidum, in nuda perceptione specierum sensibilium sigillatim, vel ab objectis ipsis impressarum, vel post impressionem a Phantasia repetito supeditatarum, potissimum acquiescens.

[2]) Стр. 4.

[3]) Стр. 1 и 2: Hoc reflexivum dici potest et abstractivum, quod in rerum sensibus praeceptarum, aut alias intellectui objectarum, Comparatione tum inter se, pro conceptibilitatibus discretivis abstrahendis, tum ad ipsum intellectum, pro conceptibilitatibus consecutivis per reflexionem inde deducendis, potissimum occupatur: ut ad quaestionem quid sit ratiocinari? verissime responderi possit: Dextre Comparare.

[4]) Стр. 4: Intellectus omnia per proportionem ad sensibilia tanquam ad mensuram analogicam concipit.

[5]) Стр. 2: Etenim uti tres mentis cognoscentis operationes sunt, quarum prima simplicium Apprehensio dicitur, altera Compositio et Divisio, tertia Syllogismus; ita nulla est quae comparatione non utatur. Вѣрный своему стремленію искать для всего аналогіи, Вейгель уподобляетъ эти три операціи линіи, поверхности и тѣлу: non possum, quin analogiam, quae mentis operationi trinae, nimirum Apprehensioni, Secompositioni, Syllogisationi, cum tribus dimensionum formis aut ut vulgo dicuntur speciebus, linea, superficie, corpore, intercedit, paucis tangam (стр. 112).

преимуществу состоитъ въ сравненіи [1]), то образцомъ всякой науки должна быть геометрія. Вызывается это какъ точностью производимыхъ ею сравненій, такъ и тѣмъ, что, въ отличіе отъ другихъ наукъ, ея объекты познаются не при посредствѣ понятій и словъ — столь благодарнаго матеріала для схоластическихъ словопреній,—а путемъ чистой интуиціи [2]). Поэтому философъ, владѣющій геометрическою методою, познаетъ сущность вещей во всей ихъ натуральной чистотѣ и создаетъ яснѣйшую науку [3]). Сообразно съ этимъ, какъ выразился Вейгель спустя годъ въ другомъ сочиненіи [4]), истинный ученый вмѣсто того, чтобы запутываться въ сѣтяхъ схоластиковъ, долженъ слѣдовать цѣпи Эвклида [5]).

---

[1]) Стр. 85: Scilicet omnis humana cognitio potissimum in comparatione consistit.

[2]) Стр. 85: Ergo Geometria, quae comparandi modum exactissimum nimirum aestimativum, tam claris et jucundis speciminibus tradit, non potest non ingenium ad omnem scientiam facilius capessendam reddere quam instructissimum... Accedit et hoc, quod, cum de reliquis objectis vix possimus quippiam sine verborum auxilio vel addiscere vel meditari, quo fit, ut pleraeque res non nisi sub involucro verborum a pueritia per totam vitam traditae vel apprehensae penes adultiores cum ipsis verbis adeo coalescant, ut vix ab iis discerni queant; sola Geometria tale sibi vendicet objectum scientificum... quod sine verborum auxilio per nudum manuductoris nutum explicari, perque tacitum auditoris, imo saltem spectatoris, intuitum, feliciter apprehendi potest... ut instructus Geometria sciens, a verborum putaminibus ipsa realia facilius quam ἀγεωμέτρητος discernere possit.

[3]) Стр. 86: Ita geometricis abstractionibus adsuetus Philosophus essentiarum rationem et naturae vim, ut et morum decentiam, eodem abstractionis modo, relictis verborum putaminibus, similiter in puris suis naturalibus intueri, clarissimamque scientiam sine logomachia, quae difficulter alias evitari potest, obtinere valet.

[4]) Universi corporis pansophici Caput Summum, Jenae, 1673.

[5]) См. предисловіе ad Lectorem. Тамъ же авторъ рѣшительно осуждаетъ Lulli confusum somnium, verborum aequipollentium chaos, infinitum Logomachiarum seminarium.

Въ „Пантогнозіи" мы опять встрѣчаемъ дѣленіе количествъ на физическія, моральныя и терминологическія [1]). У всѣхъ этихъ группъ количествъ есть общая трансцендентальная основа [2]) математическаго характера. Среди моральныхъ количествъ Вейгель особенно выдѣляетъ экономическую цѣнность, которая весьма точно et rigorose quidem [3]) поддается математическому изслѣдованію.

V.

Отъ убѣжденія, что путемъ пантометріи, или всеизмѣренія можно достигнуть пантогнозіи, или всезнанія, Вейгель естественно пришелъ къ *пантологіи*, т. е. ко взгляду на міръ какъ на такую систему вещей, въ которой все имѣетъ мѣру и мѣсто, все имѣетъ свою логику. Найти эту логику, эту симметрію міра, иными словами, дать раціональную таблицу міроздания, такова была грандіозная задача, которую поставила Вейгелева „Пантологія" [4]), это едва ли не первое

---

[1]) Universi Corporis pansophici Prodromus. Стр. 72. Что слѣдуетъ понимать подъ терминологическими количествами, Вейгель объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Quanta notionalia sunt, quae pro modo cognitionis seorsim constituta sunt in mente cognoscentis. Inter quae cumprimis eminet Amplitudo sive latitudo vel angustia terminorum, quo spectat τὸ stricte et late. Item Longitudo et Brevitas Syllabarum, quo spectant Accentus, Toni, Pedes, Versus, tota denique Prosodia (стр. 74).

[2]) Стр. 74: Ab his omnibus uti praedicata quaedam communissima sunt abstracta, quae rebus moralibus et notionalibus aeque ac naturalibus tribui possunt, Transcendentia vulgo dicta.

[3]) Стр. 97; ср. выше, стр. 524.

[4]) Corporis Pansophici Pantologia, De unoquovis in genere non tantum, sed et de singulorum tum Naturalium, tum Artefactorum, Speciebus. Autore Erhardo Weigelio. Ienae.

въ исторіи новѣйшаго раціонализма широкое панлогистическое построеніе [1]). Подробности этого построенія не совпадаютъ съ подробностями аналогичной попытки Спинозы. Вѣрнѣе, у Спинозы нѣтъ подробностей. Онъ гораздо больше, чѣмъ Вейгель, слѣдовалъ любимому правилу послѣдняго: minima non curat praetor. Онъ ограничился главными контурами системы и благоразумно уклонился отъ деталей, отдѣлавшись отъ нихъ общимъ замѣчаніемъ, что всѣ вещи въ мірѣ съ логическою необходимостью предназначены ad certo modo existendum et operandum. Вейгель, также какъ впослѣдствіи и Гегель, имѣлъ неосторожность войти въ слишкомъ мелкія детали. Благодаря этому онъ впалъ въ крайній схематизмъ и лишній разъ подтвердилъ правильность мысли, высказанной впослѣдствіи Монтескье: l'excès même de la raison n'est pas toujours désirable [2]). Но благодаря этому же мы ему обязаны чрезвычайно своеобразною теоріею моральнаго пространства и моральныхъ предметовъ. Если Вейгель расходился со Спинозою въ подробностяхъ выполненія, то онъ зато сходился съ нимъ въ замыслѣ и въ методѣ. И такъ какъ Вейгель предшествовалъ Спинозѣ, то это сообщаетъ его книгѣ особый интересъ.

Какъ и „Этика" Спинозы, книга Вейгеля состоитъ изъ опредѣленій, выводовъ изъ нихъ и сколій къ нимъ. Какъ и Спиноза, Вейгель исходитъ изъ понятія субстанціи или бытія [3]) и переходитъ къ модусамъ [4]) и аттрибутамъ [5]). Въ отли-

---

[1]) См., впрочемъ, выше, стр. 447 и слѣд.

[2]) De l'esprit des lois, L. I, Ch. VI.

[3]) Corporis Pansophici Pantologia, стр. 13: Definitio IV. Ens est id, quod habet Essentiam, h. e. Quidditatem positivam. Стр. 27: Definitio VIII. Substantia est Ens, quod in semet ipso fundatur, (quod per se subsistit) nec est in alio tanquam in subjecto.

[4]) Стр. 55: Definitio IX. Modus est id, quod in alio tanquam in Subjecto esse concipitur.

[5]) Стр. 62: Definitio X. Attributum est modus absolutus, quo quid alicui tanquam termino denominationis absolute tribuitur.

чіе отъ Спинозы, который, сохраняя единство за субстанціею, относилъ разнообразіе къ ея модусамъ и аттрибутамъ, Вейгель дѣлилъ уже субстанцію на три знакомыя намъ категоріи — физическую, моральную и терминологическую [1]) — и противопоставлялъ два послѣдніе вида субстанцій первому какъ искусство природѣ [2]).

Желаніе включить міръ искусства или, какъ еще прежде выражался Вейгель, примѣнительный къ установленію (impositio), въ пантологическую систему и притомъ по аналогіи съ физикою и ordine geometrico заставило его построить своеобразное ученіе о моральныхъ субстанціяхъ. Вейгель различаетъ Ens naturale [3]) и Ens civile [4]). Въ первомъ проявляется природа, предоставленная самой себѣ (Natura sibi relicta). Во второмъ — природа, дополненная привходящимъ человѣческимъ движеніемъ (hominum interveniente motu). Вѣрный сынъ своего вѣка, видѣвшаго во всей духовной и общественной культурѣ людей продуктъ ихъ воли, установленія, Вейгель противопоставляетъ общественный порядокъ „моральному хаосу" (Chaos morale) дообщественнаго состоянія какъ нѣчто созданное путемъ установленія, „какъ бы вторымъ твореніемъ" (quadam creatione secunda). Возникающій такимъ образомъ моральный космосъ онъ всячески

---

[1]) Стр. 16: Philosophicum Ens, h. e. id, quod esse revera tum in natura deprehenditur, tum inter homines constituitur, universalissima ratione distingui potest in Naturale, Morale et Notionale.

[2]) Стр. 19: Naturam autem dicimus Naturam sibi relictam, non, hominum interveniente motu operantem; Artem vero dicimus, Naturam ab hominum interveniente motu velut adjutam

[3]) Стр. 16: Definitio V. Ens naturale est, quod habet Essentiam naturalem.

[4]) Стр. 20: Definitio VI. Ens civile est quod habet Essentiam civilem: s. quod in esse suo dependet a consensuali hominum Socialem vitam ducentium imputatione.

стремится изобразить какъ міръ, хотя и отличный отъ міра физическаго, зато вполнѣ аналогичный ему и, не хуже чѣмъ онъ, поддающійся своего рода геометріи, иначе говоря, имѣющій свое пространство, свои фигуры, свои тѣла [1]), словомъ, свои моральныя субстанціи. Эти субстанціи Вейгель дѣлитъ на моральныя лица и вещи. Гражданская жизнь — это моральное пространство, въ которомъ размѣщаются моральныя субстанціи [2]). Этотъ ихъ Status Вейгель дѣлитъ еще далѣе [3])

---

[1]) Стр. 21: Scilicet, postquam ad vitam humanam eo commodius ducendam alius quidam vivendi modus a naturali distinctus hominibus esset ineundus, nullum humanis necessitatibus commodiorem invenit intellectus, quam Socialem, certis legibus ita constrictum, ut cum homines alioquin seorsim et quasi discreta ratione, quisque pro se, viverent, nec ullus ad alius jussum, et velut impulsum, quicquam quod agat necessum haberet (Chaos morale quispiam dixerit) illis legum vinculis plures, et si fieri possit omnes, ut ad commune societatis bonum subordinatas actiones instituant, invicem adstringerentur, et ita Chaos illud hominum in certos ordines concinna dispositione digestum, motusque voluntarii h. e. arbitrii communis, ad tales actiones exercendas consensuali quadam impressione velut animatum, in pulcherrimum opus morale efformaretur, quod mundo naturali, membrorum suorum ordine et motu pulcritudinem omnem in se complectenti, proportione responderet. Стр. 21 и 22: Quemadmodum igitur intellectus alias omnia per proportionem ad corpus apprehendit,.. ita quoque hoc morali quadam creatione secunda per voluntatem ita constitutum opus, ceu peculiarem quendam Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem, naturali mundo servata membrorum analogia proportionatum, concipit, et in specie Personas et Res mundum hunc constituentes sub forma morali spectatas quasi pro Substantiis moralibus.

[2]) Стр. 22: Abstractus autem Entium civilium Complexus et Commercium illud s consortium personarum et rerum civilium praecise conceptum, quasi Spatium entitativum morale largitur, h. e. Statum illum naturalem Vitam Civilem dictum, in quo res morales locum habere et secundum Prius et Posterius, quod vulgo dicitur Dignitate, se mutuo concernere concipiuntur.

[3]) Стр. 22: Qui Status pro ratione diversarum expeditionum

на церковный, государственный и частный, въ чемъ онъ видитъ аналогію эмпирею, звѣздному небу и подлунному міру [1]). Гражданскія субстанціи [2]) Вейгель дѣлитъ на основныя и дополнительныя [3]). Основныя — это гражданскія лица[4]), публичныя и частныя. Дополнительныя - это вещи [5]). У моральныхъ субстанцій есть разные модусы, т. е. взаимныя положенія, situs [6]), таблицу которыхъ онъ и даетъ [7]).

Какъ общая мысль Вейгелевыхъ моральныхъ субстанцій, такъ и подробности ея выполненія [8]) могутъ показаться

Statarum h. e. non transitoriarum, velut in specialia quaedam spatia, Sphaeras et partes, distingui solet.

[1]) Стр. 22: Qui Status... distingui solet, nim. in Statum. 1. Ecclesiasticum (qui Coeli Empirei rationem habet) in quo divina tractantur: 2. Politicum (qui Coeli Stelliferi similitudinem sistit) in quo reip. communia curantur: 3. Privatum (qui mundum sublunarem refert) ubi privata singulorum expediuntur.

[2]) Стр. 42: Classis Substantiarum civilium. Тамъ же: Ad analogiam substantiarum naturalium concipi possunt ultima denominationum subjecta in Mundo civili, quem alias dicimus Vitam Civilem.

[3]) Стр. 42: Substantia civilis, aut, quod frequentius dici solet, Suppositum Civile, est vel principale vel succenturiatum.

[4]) Стр. 42: Principale Suppositum est Persona civilis.

[5]) Стр. 43: Succenturiatum suppositum civile sunt Res, quae possidentur aut alias pertinent ad personas vitam civilem constituentes, quae sub hac forma morali spectatae dicuntur Possessio, Bonum etc.

[6]) Стр. 63: Definitio XIII. Situs est modus terminativus, quo quodque certa ratione se sistit in complexu s. consortio reliquorum omnium.

[7]) Стр. 81 и слѣд. Tabula Situum Moralium.

[8]) Приведемъ для примѣра его таблицу гражданскихъ лицъ (стр. 42 и 43): Principale Suppositum est Persona civilis, quae est vel publica eaque

1. Politica, Rex, Magistratus
2. Ecclesiastica, Episcopus

странными и даже нелѣпыми. Однако прежде чѣмъ торопиться осуждать Вейгеля за это, необходимо уяснить, что собственно заставило его заняться и притомъ съ такимъ упорствомъ этою проблемою. Тогда, быть можетъ, окажется, что, независимо отъ удачи или неудачи выполненія, замыселъ Вейгеля представлялъ нѣчто въ научномъ отношеніи не совсѣмъ уже нелѣпое. Недаромъ ученіе объ одной категоріи моральныхъ лицъ, именно о составныхъ лицахъ, нынѣ чаще именуемыхъ юридическими лицами, донынѣ распространено среди юристовъ, которые и не подозрѣваютъ, что этою необходимою фикціею они обязаны Вейгелю, а не Пуффендорфу, какъ принято обыкновенно утверждать [1]): въ данномъ случаѣ

3. Scholastica, Rector, Professor

vel 4. privata, quae est

vel mere privata, dicitur κατ' ἐξοχήν Privatus, qui alio quam civis nomine imputativo caret in Republica.

vel conditionata certo

vel Gradu, dicitur Nobilis, qui est

(1) vel sagatus, in quo Fortitudo spectatur, Nobilis κατ' ἐξοχήν.

(2) vel togatus, in quo Scientia spectatur, ut Doctor, Comes Palatinus.

vel Statu, scil. expeditorio, se stata expeditione, unde Persona est

(3) vel officialis, ut Scriba, Monachus, Miles.

(4) vel negotiosa, negotio

vel liberali, ut Studiosus, artifex, mercator, eatenus, quatenus est Arithmeticus.

vel illiberali, ut opifex, operarius, tabellarius.

[1]) Такъ, напримѣръ, Гирке, повидимому, совершенно незнакомый съ Вейгелемъ, приписываетъ Пуффендорфу ученіе о моральныхъ существахъ (entia moralia), которыя создаются путемъ установленія (impositio), въ отличіе отъ творенія (creatio — способъ созданія физическихъ тѣлъ), и которыя конструируются нами по аналогіи съ физическими вещами—ad normam entium

Пуффендорфъ, какъ онъ самъ заявлялъ, былъ не болѣе какъ ученикомъ Вейгеля.

Ученіе Вейгеля о моральныхъ лицахъ и положеніяхъ вызвано двумя потребностями. Одна изъ нихъ—это стремленіе такъ или иначе рѣшить вопросъ о реальности моральнаго міра и моральныхъ отношеній между людьми. Другая, спеціально вызванная общимъ научнымъ духомъ XVII вѣка,— это стремленіе рѣшить этотъ вопросъ по аналогіи съ физикою и геометріею. Вопросъ о реальности моральныхъ отношеній между людьми принадлежитъ къ числу такихъ, къ которымъ можно примѣнить сдѣланное еще бл. Августиномъ замѣчаніе по поводу времени: si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio. Что значитъ, что данный человѣкъ добръ или золъ? Что значитъ, что данные люди помогаютъ или вредятъ другъ другу, что между ними существуютъ извѣстныя отношенія права или обязанности? Въ какомъ смыслѣ все это реально? Если этотъ вопросъ въ практической морали и юриспруденціи, вообще въ житейскомъ обиходѣ не вызываетъ по большей части большихъ затрудненій, то при методической научной постановкѣ онъ становится однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ теоріи познанія. И отвѣтъ на него связанъ съ еще болѣе труднымъ вопросомъ о томъ, что такое реальность вообще. Отъ той или иной постановки именно этого послѣдняго вопроса зависитъ и отвѣтъ на вопросъ о реальности моральнаго міра и моральныхъ отношеній. Если, напримѣръ, признавать реальными только источники чувственнаго воспріятія съ одной стороны и наши субъективныя психическія переживанія съ другой стороны, то изъ этого съ необходимостью вытекаетъ признаніе всѣхъ

physicorum (См. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Zweite Ausgabe, Breslau, 1902, стр 192). Изъ утвержденій Гирке можно заключить, что ему совершенно неизвѣстно то обстоятельство, что, какъ упоминается подробнѣе ниже, все это заимствовано Пуффендорфомъ у Вейгеля.

моральныхъ и юридическихъ отношеній между людьми не болѣе какъ субъективными психическими переживаніями, чему примѣръ въ послѣднее время далъ одинъ выдающійся русскій юристъ. Если понимать реальность шире, если считать, напримѣръ, отношенія логики или математики или же историческіе факты не простыми порожденіями человѣческаго сознанія, а чѣмъ-то объективно истиннымъ и сущимъ, то сравнительно нетрудно уже найти мѣсто и для реальности моральныхъ и юридическихъ отношеній между людьми. Эту послѣднюю реальность Вейгель понимаетъ не метафизически, какъ нѣчто, имѣющее транссцендентное бытіе внѣ и помимо человѣческаго установленія, а какъ продуктъ именно этого установленія (impositio), въ силу своей общепринятости имѣющій не субъективное, а объективное значеніе. Установленіе человѣческое является какъ бы вторымъ твореніемъ, создающимъ надъ физическимъ міромъ особый моральный міръ, создающимъ hoc morali quadam creatione secunda per voluntatem ita constitutum opus, ceu peculiarem quendam Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem [1]). И такъ какъ образцомъ научности для Вейгеля была физическая наука, то онъ и старался изобразить моральный міръ по возможности по аналогіи съ міромъ физическимъ [2]), старался свести всѣ моральныя отношенія или, какъ онъ выражался, положенія (situs), къ равновѣсію или движенію—ad Dyarchiam Statuum et Actuum [3]), старался представить общественную жизнь какъ моральное пространство, въ которомъ можно было бы размѣстить моральные предметы такъ, какъ физическіе предметы размѣщаются въ геометрическомъ простран-

[1]) Corporis Pansophici Pantologia, стр. 21.

[2]) Стр. 21: Pulcherrimum opus morale.. quod mundo naturali membrorum suorum ordine et motu pulcritudinem omnem in se complectenti proportione responderet. Стр. 22: Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem, naturali mundo servata membrorum analogia proportionatum.

[3]) Стр. 124.

ствѣ. Какъ упоминалось выше (см. стр. 358 и слѣд.), вся эта теорія моральнаго пространства и моральныхъ существъ какъ нельзя лучше соотвѣтствовала общему духу методологіи XVII вѣка и потребностямъ ея соціальной физики.

Въ 1674 году появилась книга Вейгеля Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit [1]). Въ этой книгѣ авторъ старается еще детальнѣе, чѣмъ прежде, провести идею моральнаго міра и моральныхъ субстанцій по аналогіи съ физикою. Книга написана по-нѣмецки и разсчитана на сравнительно широкій кругъ читателей. Благодаря этому она чрезвычайно „элегантна" въ томъ безвкусномъ смыслѣ, о которомъ упоминалось выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней кстати и некстати проводится схематизація всего по четыремъ категоріямъ—согласно съ занимавшею Вейгеля странною идеею о tetractys, т. е. замѣнѣ десятичной системы счета системою четверичною [2]). Вслѣдствіе этого книга изобилуетъ сближеніями [3]), сравненіями и образами, по преимуществу разсчитанными на то, чтобы озадачить читателей [4]). Мы находимъ

[1]) Полное заглавіе: Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit von Personen und Sachen worauf das gemeine Wesen bestehet, nach der Pythagorischen Creutz Zahl in lauter tetractysche Glieder eingetheilet, Durch Erhard Weigel, Jena, 1674.

[2]) Вейгель предлагалъ вмѣсто единицъ, десятковъ, сотенъ слѣдующія величины: Eins, Vier, Secht, Schock. См. стр. 11. Мысль Вейгеля о реформѣ системы нашего счета занимала также и Лейбница, о чемъ еще упоминается ниже.

[3]) См., напримѣръ, на стр. 81: Wie man nun sagt dass jedes vermischte Corpus aus vier Elementen, aus Feuer, Wasser, Lufft und Erdreich bestehe; so kan man auch sagen, das eine jede Republiq bestehe aus Europaeischer, Asiatischer, Africanischer und Americanischer Art Leuthen.

[4]) Каждый глава семейства, объясняетъ Вейгель на стр. 46, обладаетъ пирамидою пространства, вершиною которой является центръ земли, а основаніемъ—небо. Указавъ на стр. 7, что публичная власть является центромъ тяготѣнія членовъ общежитія, Вейгель не устоялъ передъ соблазномъ провести эту астрономическую аналогію и далѣе: zu dessen besondern Behuf die gesamten

въ ней знакомыя уже намъ мысли объ особомъ моральномъ мірѣ, или, какъ выражается авторъ, объ особомъ моральномъ участкѣ міра [1]), отличномъ отъ физическаго и терминологическаго, созданномъ человѣческимъ установленіемъ [2]) и подлежащемъ количественному изслѣдованію. Вейгель присоединяетъ къ моральному міру, въ которомъ онъ располагаетъ положительную сторону общежитія, еще особый моральный же „задній міръ" [3]), какъ пространство для размѣщенія всего преступнаго, дурного, вообще отрицательной стороны общежитія [4]). Наказаніе при этомъ разсматривается какъ пере-

---

Hoffpersonen verordnet, unter welchen Luna die Königin mit ihrem Frauenzimmer, Mercurius die Regierung und Cantzley, Venus die Courtisans und Leibbediente, Mars die Kriegsleute, Jupiter die Geistlichkeit и т. д.

[1]) Человѣкъ, объясняетъ Вейгель, живетъ in einem Moralischen Welt Revier... als in einer gewissen Zahlverfassung und ordentlichen Rechenbanck (стр. 7).

[2]) Стр. 20: Im übrigen aber wie die Ziffern in den Rechnungen, wie auch ihre Stellen und Geltungen, nicht so wohl natürliche, als notionalische Dinge (Satzungen, impositiones, entia notionalia) sind; also die Personen im gemeinen Leben, wie dann auch ihr Stand und Geltung, sind nicht natürliche doch auch nicht blosse Notionalische, sondern mächtige Moralische Dinge, (Ordnungen, imputationes, entia moralia) welche dahero besonderer Betrachtung würdig, und weder mit den schlechten notionalischen, noch mit den blossen natürlichen Dingen, ohne Unterscheid zu vermischen.

[3]) Стр. 38 и слѣд.: die Affter-Welt.

[4]) Такъ, напримѣръ, объясняетъ Вейгель, въ этомъ мірѣ деньгами пользуются иначе, чѣмъ въ положительномъ мірѣ: In der Affter-Welt gilt ebendas Geld, welches in der auffrichtigen Welt geschlagen und gemüntzet worden: Aber was mann hier addirt, das substrahirt man dort, und was man hier multipliciret, das dividiret man daselbst. Das ist, hier hilfft einer dem andern, dort schadet einer dem andern, hier samblen sie, dort zerstreuen sie, diese belohnet man dahero mit Geld, jene strafft man umbs Geld, wo nicht gar umb Leib und Leben (стр. 134).

водъ принудительнымъ путемъ изъ отрицательнаго міра въ положительный [1]).

Не лишены интереса въ разбираемой книгѣ разсужденія, касающіяся проблемы экономической цѣнности [2]) и права. Цѣнность и цѣна предметовъ—это одно изъ моральныхъ существъ, происходящее, какъ и весь моральный міръ, путемъ установленія [3]). Въ этомъ установленіи участвуютъ моменты, какъ мы бы теперь выразились, психологическій и соціологическій. Первый моментъ характеризуется Вейгелемъ въ терминахъ, предвосхищающихъ языкъ Фехнеровой психофизики [4]). Характеризуя второй моментъ, онъ предваряетъ нѣкоторыя позднѣйшія экономическія теоріи [5]). Не преминулъ конечно

---

[1]) Стр. 84: So hat man fernerweit auch Laster - Hacken verordnet, nemlich gewisse Strafen, das ist, man hat unbequeme, übelständige, schädliche, verdriessliche Sachen, aus der Class der Real Fühlbarkeiten genommen, wormit man die Miss handlenden ergreiffet, und über Hals und Kopff zurücke schleppet, oder ziehet, damit sie wieder in die rechte Moralische Welt sich finden.

[2]) См. особенно главу VIII: Von der Geltung und dem Werth.

[3]) Стр. 131: So bestehet doch der Werth und der Preiss vornehmlich in der gemeinen Form der Moralischen Essentz, nehmlich in der imputation, und Zurechnung, welche von gesambter Republiq, nechst einer reflexion auff den Consens auch derer andern Repub iquen, geschieht, und entweder ausstrücklich oder stillschweigend beniemet wird. Стр. 132: Weil der Sachen ihr Preiss von Natur nicht eingeschrencket; so müssen wir durch Entgegenhaltung den Preiss beniemen.

[4]) Стр. 133: Ist also der Preiss nichts anders als eine Moralische Qualität einer Sache, dadurch sie die Empfindungs-Krafft auff gewisse Masse gegen andere Sachen rühret, dass sie davor gehalten werden möge. Стр. 132: Man setzet nach Befindung, auff eine so und so grosse, schwere, starcke, geschickte, bequeme, nützliche Sache, einen so und so grossen Preiss, biss man einen mercklichen Unter-cheid verspühret, alsdenn endert man die Rechnung и т. д.

[5]) Стр. 132 и 133: Bey welcher Entgegenhaltung wir vornehmlich auff den Nutzen sehen. Dahero wir einen Acker in eben sol-

Вейгель подчеркнуть значеніе денегъ, какъ мѣрила вещей, переводящаго ихъ цѣну на количественный языкъ [1]).

Особая глава посвящена теоріи права [2]). Отъ природы, учитъ Вейгель, Богомъ заложена въ человѣческой душѣ нравственная таблица умноженія [3]), четыре правила которой — Deum cole, honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue — сводятся къ одному: дѣлай другимъ то, что ты хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали [4]). Таковъ внутренній законъ, отъ

---

chen Preiss halten, als die selbe Wiese, von welcher wir eben so viel Nutzen ziechen können. Offtmals aber siehet man den Nutzen nicht an, sondern nach bloser Moralischer Einbildung oder Empfindung machet man den Preiss Und weil die Menschen vor andern gerne gesehen seyn wollen, so halten sie sehr viel auff rare Sachen die nicht ein jeder sich schaffen kan и т. д.

[1]) Стр. 133: Also hat man auch, den Preiss der Sachen im gemeinen Wesen desto füglicher ausszumessen, ein gewisses bekantes fügliches Mass gesetzt, nehmlich den Preiss des Silbers und Goldes, mit welchen Preiss man aller andern Sachen ihren Preiss zu vergleichen, und aufzumessen pfleget. Und weil der Preis nichts anders ist, als die Geltung, so hat man dieses bekante Mass (famosam mensuram) das Gelt genennet. Увлеченный нѣмецкимъ словомъ zahlen, Вейгель доходитъ до утвержденія, что вообще предметомъ счета являются не физическіе, а моральные предметы: Allhier sehen wir dass der gantzen Rechen - Kunst ihr tägliches Exempel nichts anders sey, als eine Moralische Qualität, und das also die Rechen-Kunst nicht so wohl eine Wissenschaft von natürlichen Dingen, als eine von Moralischen Sachen sey, so gar dass hierauff das Wort zehlen, mit der Ermessung des Geldes zu einen Wort worden, indem das Geld zehlen, als bloss zehlen, nur mit einen gar geringen Unterscheid und Gemerck, zahlen heisset.

[2]) Cap XVII. Von dem Recht und denen Gesetzen.

[3]) Стр. 119: Damit man nun klar und deutlich wissen möge, was die Person gegen jener Person oder gegen eine Sache zu thun vermöge; so findet man aus unsers Herrn und Gottes Rechen-Tafel ein Exemplar vom Einmal-eins jedem Menschen von Natur schon in seinem Hertzen eingepräget.

[4]) Стр. 119: Alles was du wilt das dir die Leuthe thun sollen, das thu du ihnen auch.

природы написанный въ сердцѣ [1]). Съ этимъ закономъ связано и право [2]). Вейгель дѣлитъ его — по происхожденію — на естественное и гражданское, по объекту — на публичное и частное, по внѣшней формѣ — на писанное и неписанное, по количеству — на jus strictum и aequitas [3]). Естественное право дѣлится на первоначальное и вторичное. Первоначальное естественное право (jus naturae primaevum) коренится отчасти въ животной природѣ человѣка, общей съ дикими животными [4]), отчасти же въ его разумной природѣ [5]). Въ первомъ случаѣ оно сводится къ 4 требованіямъ: заботиться о себѣ, защищать себя противъ внѣшней силы, производить дѣтей, кормить дѣтей, пока они сами не въ состояніи кормить себя [6]). Во второмъ случаѣ оно сводится къ приведеннымъ выше четыремъ принципамъ моральной таблицы умноженія и образуетъ, спеціально человѣческое первородное естественное право, которое называется jus gentium primaevum [7]). Вторичное естественное право (jus naturae secundarium или jus gentium secundarium) регулируетъ дѣянія и отношенія хотя и произвольныя, но все же предписываемыя самою природою. Сюда относятся бракъ, собственность, договоры, судъ [8]). Положительное или гражданское право представляетъ не болѣе какъ дальнѣйшее развитіе естественнаго права: сообразно съ условіями даннаго государства оно заполняетъ подробностями

---

[1]) Стр. 120.

[2]) На стр. 123 оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Ist also Jus, das Recht, nichts anders als der Ausspruch und Befehl dessen, was die Richtigkeit vermag.

[3]) Стр. 124.

[4]) Стр. 124: in den animalischen Kräfften des Menschen, welche er gemein hat mit den wilden Thieren.

[5]) Стр. 125: in den rationalischen Kräfften.

[6]) Стр. 124.

[7]) Стр. 125.

[8]) Стр. 125 и 126.

широкія рамки естественнаго права, отмѣчаетъ на его циферблатѣ не только градусы, но и минуты [1]) — съ точностью, дающею полное основаніе называть юристовъ моральными математиками [2]). Такимъ образомъ между естественнымъ правомъ и положительнымъ нѣтъ противоположности, и положительное право—это какъ бы зеркало [3]), въ которомъ отражается право естественное. Кромѣ общаго государственнаго положительнаго права, есть множество нормъ, регулирующихъ всякія стороны человѣческаго быта, какъ серьезныя, такъ и, напримѣръ, игры [4]).

---

[1]) Стр. 126: Das bürgerliche Recht ist nichts anders, als eine weitere Fort—und Ausführung des natürlichen Rechts, nebst einem steten Absehen auff die sonderliche Wolfahrt der Republiq, weswegen es das jenige, was das blosse natürliche Recht nur in weitläufftige Marcken einsch'eust, und also vor sich etwas frey läst, genauer bemarcket, und mit seinen gewissen Minuten (welche doch alle mit einander nicht über den Grad der natürlichen Billigkeit sich belauffen dörffen) bezircket, und zwar wie es in der Arithmetic mit denen theilbaren Sachen zugehet.

[2]) Стр. 130: Inmassen die Rechts-Gelehrten nichts anders sind, als eigentliche Mathematici der Moralischen Quantitäten, Rechenmeister der Civil Zahlen, und Rechts-ermessende Künstler, welche was jedem zu zurechnen, und wieviel das Thun ausstrage, was es vor ein facit gebe, nach genauer Uberlegung der That, (facti) mit seinem Mass, nehmlich mit dem Gesetz und Recht, als mit einer gewissen Richtschnur, beurtheilen und aussprechen.

[3]) Стр. 122.

[4]) Стр. 130: Ausser diesem gemeinschafftlichen Recht findet sich auch mancherley gleichsamb einzeln Recht, welches die Privat-Personen untereinander auffgerichtet, und ihre Willens - Regungen nach demselben einzurichten, sich resolviret haben. Als da... auch zur Lust und in Schertz, als bey den Spielen, dabey vielerley Gesetze, Recht, Satzungen und Statuta sich finden, welche man gemeiniglich viel steiffer, als die ernsthafften Gesetze, zu halten pfleget. Въ данномъ случаѣ Вейгель предвосхищаетъ право дѣтской, право карточной игры и т. д., о которыхъ учитъ Л. І. Петражицкій.

VI.

Послѣднія сочиненія Вейгеля посвящены вопросамъ практической этики и педагогики. Какъ та, такъ и другая построены на обычныхъ предпосылкахъ раціонализма. Поскольку люди являются разумными существами, постольку они въ самихъ себѣ носятъ нравственный законъ, требованія котораго могутъ быть выведены съ математическою точностью путемъ логическаго доказательства. Продолжая традицію Платона, который училъ, что безъ математики нельзя стать человѣкомъ [1]), и что поэтому дѣти, не прошедшія еще математической школы, являются не болѣе какъ чрезвычайно грубыми животными [2]), а также предвосхищая какъ Канта, видѣвшаго въ категорическомъ императивѣ какъ бы математическую формулу [3]), такъ и Бентама съ его нравственною ариѳметикою, Вейгель сводитъ моральную проблему къ своего рода математикѣ. Даже то обстоятельство, что населеніе Мексики и Перу принуждено было подчиниться евро-

---

[1]) Республика, 522Е.

[2]) Законы, 808Е.

[3]) Извѣстно заявленіе, сдѣланное Кантомъ въ предисловіи къ „Критикѣ практическаго разума" по поводу замѣчанія, что категорическій императивъ представляетъ не болѣе какъ формулу: „кто знаетъ, что для математика значитъ формула, которая совершенно точно опредѣляетъ что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы рѣшить задачу, и не ошибиться, тотъ не станетъ считать чѣмъ-то незначительнымъ и лишнимъ формулу, которая дѣлаетъ это по отношенію ко всякой обязанности вообще".

пейцамъ, онъ объяснялъ тѣмъ, что оно пренебрегало математикою; этимъ же обстоятельствомъ онъ объяснялъ жалкую жизнь американскихъ, африканскихъ и азіатскихъ дикарей [1]; не будь математики, люди вели бы скотскую жизнь [2]. Отъ природы каждый человѣкъ является счетчикомъ [3]. И на этомъ строится вся практическая этика.

Первую попытку методически разработать практическую деонтологію Вейгель сдѣлалъ въ сочиненіи: Von der Würckung des Gemüths, die man das Rechnen heist (Jena, 1684). Науку счета авторъ дѣлитъ на абстрактную, или логистику, и конкретную [4]. Послѣдняя дѣлится на науку о числахъ (die Zahl-Wissenschaft) и науку о цѣляхъ (die Ziel-Wissenschaft). Наука о числахъ трактуетъ о всѣхъ вещахъ и опредѣляетъ количественную мѣру всякой вещи [5], отчасти естественную (Scientia numerorum), отчасти гражданскую (Scientia nummorum). Наука о цѣляхъ – Scientia directionum, иначе геометрія—трактуетъ о всѣхъ вещахъ, взятыхъ со стороны ихъ цѣли, ихъ направленія [6]. Въ этихъ двухъ наукахъ

---

[1]) Idea Matheseos universae, стр. 31.

[2]) Pecudum more (тамъ же, стр. 30).

[3]) Ein jeder Mensch ist von Natur ein Rechner (см. Ein Gottseeliges Nativität, Jenae, 1681, стр. 10; Von der Würckung des Gemüths, стр. 2 и 39).

[4]) Стр. 34.

[5]) Стр. 36: Die Zahl-Wissenschaft, scientia numerorum, die von allen Dingen handelt, und die Mass und Weiss bey einem iedem Ding berechnet, nur dem Inhalt und der Einzelkeiten ihrer Ordnung nach, so fern ein iedes, als vor sich ein gantzes, so und so viel an statt nichts darstellt und gegen andere gleich und eben so viel, oder so und so viel mehr und weniger,... austrägt, welcher Einzelkeiten ihrer viel zusammen gegen andere viele so und so, mit ihrer Quantität, in ihrer Ordnung sich verhalten, theils natürlich, welches eigentlich Scientia numerorum heist; theils bürgerlich, und heist Scientia nummorum.

[6]) Стр. 36: Die Ziel-Wissenschaft, Scientia directionum, sonst Geometria, die von allen Dingen, handelt, ihrer Zielung nach auf vorgesetzte Zweck und Würckungen, so fern sie, oder ihre Stücklein und Kräffte, gegen einander so und so gerichtet, figuriret, und gestellet sind und zielen, dass darvon sich eine solche oder andere Würckung in der Welt ereignet.

коренятся всѣ настоящія знанія [1]. Каждый человѣкъ отъ природы является счетчикомъ [2]. Если свобода животнаго тѣла проявляется во влеченіи, то свобода человѣческаго духа проявляется въ разсчетѣ [3]. Сообразно съ этимъ человѣкъ, какъ разумное существо, можетъ и долженъ разсчитывать свои поступки, т. е. согласовать ихъ съ требованіями науки о цѣляхъ и направленіяхъ [4].

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ у Вейгеля надъ онтологическимъ міромъ надстраивается міръ деонтологіи. Онъ и для этого міра ищетъ аналогію въ геометріи. Если Спиноза видѣлъ въ умозаключеніяхъ геометріи выводъ слѣдствій изъ причинъ, изслѣдованіе каузальное, то Вейгель, напротивъ, видѣлъ въ ней телеологическое изслѣдованіе: въ его послѣднихъ произведеніяхъ противопоставленіе Ziel и Zahl, цѣли и числа, является не просто игрою словъ или чисто словесною аналогіею—пріемъ, которымъ Вейгель пользовался и злоупотреблялъ съ успѣхомъ нерѣдко весьма сомнительнымъ [5],—а од-

---

in der Welt ereignet.

[1]) Стр. 36: Welche beyde Wissenschaften sind die Wurtzel aller rechenschaftlichen Wissenschaften.

[2]) Стр. 2 и 39.

[3]) Стр 40: Die Freyfahrigkeit des thierischen Leibs besteht im Trieb; und die Freythätigkeit des menschlichen Gemüths besteht im Rechnen. Umb deswegen auch der Mensch von allem seinem Thun und Lassen Rechenschafft zu geben schuldig. Denn der Mensch in seinem Thun ist Agens liberum rationale, ein rechenschafftlich-freyer Thäter, welcher nichts thut ohne Zweck.

[4]) Стр. 68: Mit Zahlen, als mit Zahlen ohne Zielung handeln, ist ein bloses zehlen zu und ab... Eine iede Rechen-Art führt eine Zielung, als das Haupt-Stück.

[5]) См., напримѣръ, на стр. 3 книги Von der Würckung des Gemüths: Wenn Speiss zu Speiss im Magen eingeschluckt, und ein Stück nach dem andern aus der Schüssel vom gesamten Angerich-

нимъ изъ основныхъ принциповъ его философіи, на которомъ онъ особенно настаивалъ потому, что это давало ему возможность ordine geometrico ставить и разрѣшать вопросъ о нравственныхъ цѣляхъ и вообще строить систему практической этики.

Въ 1685 году появляется новая книга Вейгеля, посвященная математическому, какъ увѣряетъ авторъ, изслѣдованію вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ и о способахъ его устраненія [1]). Источникъ зла—не въ разсудкѣ, а въ волѣ [2]). Воля дика, разсудокъ кротокъ [3]). Воля свободна. Но она подобна магниту, который съ помощью куска желѣза можно отвлекать во всѣ стороны отъ его настоящаго направленія и который возвращается къ этому направленію лишь по устраненіи внѣшнихъ препятствій [4]). Иными словами, воля въ самой себѣ содержитъ свой законъ, свое направленіе. И соо-

teten abgesogen wird, so heist es, dort addirt, hier subtrahirt. Wann man oft schreiten, das ist, Schritt vor Schritt fortgehen, muss, den Weg, wie lang er sey, mit so viel mahlen auszumessen, heists multiplicirt und dividirt.

[1]) Erh. Weigelii Specimen Deliberationis Mathematicae, das ist Rechenschafftliche Forschung, woher so viel Ungerechtigkeit und Bossheit, welche unter denen, sonst in Kirchen - Sachen so wohl unterwiesenen, Christen noch zur Zeit. im Schwang gehet, komme? davon die gemeinen Plagen, Krieg, Pest, Theurung, Angst und Noth im Land, ohne allen Zweiffel sich beschreiben. Darauf Unmassgebliche, besondere, wohl-practicirliche, und in der Prob bestehende, Vorschläge wider beydes angefüget werden. Jena, 1685.

[2]) Стр. 10.

[3]) Стр. 9: Denn unser Will ist wild, hingegen der Verstand ist zahm.

[4]) Стр. 9: Der Will ist frey und muthig, lincks und rechts herum, (gleich wie das Zünglein des Magnets) gar leicht verwendlich, wo er aber einmal, (wie von einem Stücklein vorgestelltes Eisens der Magnet) verzogen worden, davon kan man ihn nicht wieder ab=und zu der rechten Ziehlung bringen, biss man alles, womit er verzogen worden, aus dem Wege räumt.

бразно съ этимъ задача практической морали состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы путемъ внѣшняго принужденія заставлять человѣка поступать такъ или иначе, подобно тому какъ заставляютъ дикихъ жеребцовъ ходить подъ сѣдломъ или медвѣдей плясать, а въ томъ, чтобы человѣкъ дѣйствительно позналъ и дѣйствительно осуществилъ внутренній законъ своей собственной воли [1]). На этомъ принципѣ должно быть основано раціональное воспитаніе дѣтей. Какъ истый раціоналистъ, вѣрующій во всемогущество доказательства, Вейгель дѣлаетъ прежде всего учителей математики отвѣтственными за моральные недостатки ихъ питомцевъ [2]). Но онъ идетъ далѣе и настаиваетъ на томъ, что нельзя ограничиваться одними назиданіями или доказательствами, нельзя дѣйствовать исключительно на разсудокъ и полагаться на всеспасающее значеніе разсужденій. Необходимо дѣйствовать непосредственно на волю путемъ живого примѣра [3]). И это составляетъ обязанность не только учителей, но еще, и притомъ глав-

[1]) Стр. 11 и 12: Denn die Willens - Angewöhnung bey dem Menschen zu dem guten, ist nicht nur ein äusserlicher Zwang, noch eine Hintergehung mit Betrug, wie man ein wildes Füllen zum bereitten, oder einen Bärn zum Tantzen, angewehnt, wiewohl man auch hierzu viel Mühe und Klugheit anzuwenden; sondern ist eine innerliche Lenckung, dass der Will noch frey bleibt (denn sonst wäre es kein Will, es wäre dann ein Mensch kein Mensch) und dennoch in natürlichen Dingen fertig und geschickt sey, dass er, was die recta ratio, die rechenschaftliche Vernunfft dictirt, nicht als von aussen her, aus Zwang, noch aus Befehl, durch das Gesetz, bey Straff des Leidens; sondern als von innen her, aus Hertzens-Grund, aus Lieb zu Gott, und in Betrachtung seiner Güte und Treu, als von sich selbst, bey sich entschliesse, und so offt sich die Gelegenheit darzu ereignet, solches gerne practicire.

[2]) Стр. 18: Nur allein der Mathematicus ist schuld daran, wenn seine Künste, und damit die Tugend-Vorthel, sampt dem Grund der Wissenschaften aus der Schul vertrieben werden, und Er meldet sich nicht an.

[3]) Стр. 15.

нымъ образомъ, родителей: они должны не только тѣлесно любить своихъ дѣтей и ласкать ихъ, какъ обезьяны, но и разумно трактовать ихъ, какъ подобаетъ людямъ [1]).

Рѣзко критикуетъ Вейгель классическую систему образованія. Нельзя умудрять дѣтей древностями [2]). Нельзя утверждать, что „тотъ—идіотъ, кто не выучился склонять и спрягать" [3]). Не слѣдуетъ забывать правило: qui proficit in literis, et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit [4]). Мягкосердечный педагогъ нашей современности, свободный отъ вліянія суроваго раціонализма XVII вѣка, едва ли отнесется сочувственно къ требованію Вейгеля, чтобы дѣти играли „какъ разумныя твари, дѣти Бога, а не какъ неразумныя животныя, часто прямо какъ черти" [5]), чтобы они не мычали, не прыгали, не толкались, потому что они—не кошки, не козлы и не свиньи [6]), или же къ его утвержденію, что только обезьянамъ приличествуетъ цѣловать своихъ дѣтей и прижимать ихъ къ груди.

Въ 1687 году появляется „Вѣнское зерцало добродѣтели [7]), сочиненіе, въ которомъ моральныя идеи Вейгеля об-

---

[1]) Стр. 20: Allso sind nicht Praeceptores, sondern Eltern, Schuld am Ansatz des Muthwillens ihrer Kinder... Sie müssen ihre Kinder nicht nur leiblich, wie die Affen lieben, die sie mit dem Schmatz-Maul immer lecken, und vor Lieb auch an der Brust todt drücken; sondern müssen sie, als Menschen, in der Seele lieben, das ist, mit Vernunfft tractirn.

[2]) Стр. 24: Aber Kinder in den Schulen mit Antiquitäten klug zu machen, reimt sich nicht.

[3]) Стр. 27.

[4]) Стр. 25.

[5]) Стр. 13 и 14.

[6]) Стр. 20.

[7]) Wienerischer Tugend-Spiegel. Darinnen Alle Tugenden nach der Anzahl Derer gleich so vielen Festungs-Linien und Wercken Bey der Weltgepriesenen nunmehr zum andernmal so tapffer wider Türck und Tartarn defendirten Kayserl. Residenz-Stadt Wien

лечены въ очень причудливую форму. По аналогіи съ укрѣпленіями города Вѣны, предназначенными защищать его отъ турокъ, онъ изображаетъ добродѣтели въ видѣ неприступной крѣпости. Онъ старается предусмотрѣть мельчайшія подробности этой своеобразной моральной фортификаціи, чтобы, выражаясь терминами Петровской эпохи, нельзя было строить мины подъ фортецію правды. При этомъ онъ пользуется геометрическими фигурами и сравненіями [1]). Вмѣстѣ съ этою книгою издана „Аретологистика" [2]). Хотя, учитъ Вейгель, человѣческая воля свободна, однако это не значитъ, что для

Zu immerwährendem Gedächtnüs, vorgestellet, und nebenst einer Mathematischen Demonstration von Gott wider alle Atheisten, zum Grund der Tugenden, beschrieben und mit Kupffern vorgebildet werden. Worauf Aretologistica die Tugend-übende Rechen-Kunst sich beziehet. Nürnberg, 1687.

[1]) Такъ, напримѣръ, требованіе, чтобы каждый человѣкъ сообразовался въ одеждѣ и манерахъ со своимъ общественнымъ положеніемъ, поясняется слѣдующимъ образомъ: Das zeigen uns auch die Figuren der Geometrie, die regular sind, an. Die, wenn sie ihren eigenen Um-Strich und Perimeter behalten, alle miteinander, wie auch jede sonders, schön erscheinen, ob gleich ein unsäglicher Unterschied dazwischen fällt. Wenn aber eine niedrige der höhern ihren Umstrich an sich nehmen wolte, zum Exempel, wenn ein Drey-Eck mit vier Seiten prangen; und ein Cirkel eckicht sich aufführen wolte, würde es gar ungeschickt heraus und an den Tage kommen (Стр. 110). Книга вообще изобилуетъ сравненіями, по большей части скорѣе цвѣтистыми, чѣмъ научными. Такъ, напримѣръ, на стр 80 человѣкъ разсматривается какъ микрокосмъ, въ которомъ голова соотвѣтствуетъ небу, глаза—звѣздамъ, горло—воздуху, сердце—огню и т. д.

[2]) Aretologistica, Die Tugend-übende Rechen-Kunst. Darinnen Nichtallein die allgemeine Theorie der zehl-und messbaren Dinge, wie auch der Verstands-und Willens - Würckungen darüber, kurtz beschrieben; sondern auch die Rechen-Prax, wie man zahlmässig rechnen, und dadurch die Tugenden der Jugend fertig angewöhnen möge, mit gewissen Regeln angewiesen wird Nürnberg, 1687.

нея нѣтъ закона [1]). Законъ этотъ устанавливается разумомъ съ достовѣрностью въ своемъ родѣ математическою. Вейгель при этомъ возвращается къ упомянутой выше мысли о телеологическомъ характерѣ геометріи и по аналогіи учитъ о геометрическомъ характерѣ нравственной телеологіи. Онъ различаетъ внѣшнюю и внутреннюю мѣру цѣлей и направленій; первая имѣетъ приложеніе въ физикѣ, вторая — въ этикѣ [2]).

Въ 1689 году Вейгель издаетъ книгу: Grundmässige Aufflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse? Въ этой книгѣ рядомъ со своеобразною для насъ, но не для XVII вѣка, попыткою ordine geometrico доказать, что турецкая опасность не угрожаетъ европейскимъ народамъ, Вейгель принципіально обосновываетъ раціоналистическую этику и дѣлаетъ изъ нея практическіе выводы. Всѣ люди, мужчины и женщины, черные и бѣлые, при различіи состояній, одинаковы въ томъ

[1]) Стр. 88: Was den Willen anbelangt, so ist derselbe an und vor sich zwar gantz frey, mag wollen oder nicht, mag dieses oder jenes wollen. Er ist aber in natürlichen Dingen und in Bürgerlichen Würckungen, an den Verstand so nahe gebunden, dass, wenn Er ein Menschen-Will, nicht eines Viehes Trieb, seyn will, Er in denselben Würckungen nothwendig den Verstand gebrauchen, und nach seiner Weisung, unbeschadet seiner Freyheit, wollen muss, er will auch gern.

[2]) Стр. 80: Das Zielungs-Mass ist auch entweder äusserlich, als Linial, die Norm, das Winckel-Mass, das Schreg-Mass... vollkommen aber der gesamte Um-Creiss, die Magnet-Zung, und dergleichen: Oder ist ein innerliches Mass... als da sind die Haupt-Wahrheiten, die Gesetze, Leges, und Instructiones, welche sind das Zielungs-Mass, nach welchem der Verstand und Will sich richten, und verfahren muss. Dahin auch alle Tugenden sich beziehen. Стр. 124: Die Axiomata und Propositiones Geometricae, mit ihren Demonstrationibus (das sind feste und gewisse Haupt-Wahrheiten zu den Zielungen). Wornach man die Rechnung innerlichen Zielungen per analogiam darnach richtig und gewiss anstellen und verführen kan. Стр. 166: Die Zahlen in der Arithmetic, und Zielungen in der Geometrie.

отношеніи, что они способны считать и разсчитывать. Этимъ они по существу отличны отъ животныхъ, между тѣмъ какъ другъ отъ друга они отличаются только въ степени [1]). Сообразно съ этимъ не только, какъ упоминалось выше, истины науки доступны всѣмъ людямъ, не исключая мальчиковъ и плебеевъ, но также и нравственныя требованія ясны для всѣхъ людей. Значитъ, нѣтъ неустранимыхъ поводовъ для споровъ, для борьбы. Правильный разсчетъ долженъ создать миръ между людьми [2]) и является радостнымъ общеніемъ съ мудростью Бога [3]), заложившаго въ человѣкѣ качества счетчика [4]). Подробнѣе развивая эти положенія, Вейгель между прочимъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ школу своего времени, съ господствомъ цѣлыхъ 45 пороковъ въ ней, подробно имъ перечисляемыхъ [5]), и требуетъ вытѣсненія филологическаго образованія математическимъ.

---

[1]) Axioma I. Wie das gantze Menschliche Geschlecht in unterschiedene Arten nicht zertheilt ist; sondern nur von einerleyer Wesens-Art besteht, (weil ein Mensch wie der andere rechenschafftlich ist, und rechnen kan, er mag Weib oder Mann, schwartz oder weiss seyn, nur dass, unterschiedenen Graden nach, der eine schärffer als der andere rechnet; also steht der Menschen ihre wesentliche Eigenschafft (die Rechenschafftlichkeit) der wesentlichen Eigenschafft der Thiere (der Unrechenschafftlichkeit) hingegen keineswegs nur gradu, sondern specie, ja genere und gantz und gar, als e diametro, entgegen.

[2]) Rechnen stifftet Fried, weil alle Strittigkeiten durch Abrechnung beygeleget werden.

[3]) Axioma II. Das rechte Rechnen anders nichts als eine stete Freuden Conversation ist mit der Weissheit Gottes.

[4]) Observatio I. Daraus erhellt, dass Gott den Menschen wesentlich, dem Haupt-Stück nach, so eingericht, das er ein Rechner seyn, und immer rechnen soll.

[5]) Observatio V.

VII.

Теоріи Вейгеля раздѣлялись многими его современниками и оставили глубокіе слѣды въ философіи и наукѣ XVII вѣка. Изъ знаменитыхъ философовъ этого вѣка его непосредственными учениками были Пуффендорфъ и Лейбницъ. Оба они въ студенческіе годы покинули Лейпцигскій университетъ ради Іенскаго не потому, что und in Jene lebt sich bene, а потому, что ихъ привлекло имя Вейгеля.

На Пуффендорфа произвело сильное впечатлѣніе какъ то, что Вейгель примѣнялъ Эвклидовы пріемы къ логикѣ, такъ въ особенности то, что въ своихъ лекціяхъ на нѣмецкомъ языкѣ по этикѣ онъ распространялъ методу математическаго доказательства на естественное право. Не безъ вліянія на него осталось и стремленіе Вейгеля распространить демонстративную методу также и на богословскія истины [1]). Пуффендорфъ заимствовалъ еще у Вейгеля столь распространенное нынѣ дѣленіе юридическихъ трактатовъ на общую и спеціальную часть, а также ученіе о моральныхъ субстанціяхъ и моральномъ пространствѣ (см. выше, стр. 363 и слѣд.). Особенно сильно отразилось вліяніе Вейгеля на книгѣ Пуффендорфа Elementorum jurisprudentiae universalis Libri II (Hagae-Comitiis, 1660). Какъ планъ книги [2]), тамъ и ея метода заимствованы у Вейгеля, чего и не скрываетъ авторъ [3]). Но современники шли еще дальше и утверждали, что также

[1]) См. выше, стр. 106.

[2]) Сначала Definitiones, затѣмъ Principia, распадающіяся на axiomata и observationes.

[3]) См. Praefatio: Dn. Erhardus Weigelius, amicus meus honorandus. Qui idem primus me hortatus est, ut in isto genere quid conarer, et cujus ingenium in nonnullis facem mihi utilissime praetulit.

и все ея содержаніе цѣликомъ взято у Вейгеля [1]). Самъ Вейгель выражался сдержаннѣе и ограничился замѣчаніемъ, что „господинъ Пуффендорфъ извлекъ изъ Іены Elementa Jurisprudentiae universalis" [2]). Ученіе Пуффендорфа въ этой книгѣ дѣйствительно воспроизводитъ взгляды Вейгеля, причемъ ученикъ, какъ это часто бываетъ, нѣсколько утрировалъ мысли своего учителя. Мы находимъ у Пуффендорфа теорію моральнаго пространства [3]), моральныхъ лицъ [4]) и вещей [5]), попытку

[1]) См. Acta Sarcmasiana ad usum reipublicae literariae in unum corpus collecta a Theodore Crusio, 1711, стр. 20: Elementa illa Juris, quibus suum praescripsit nomen, alium parentem, aliam obstetricem habuerunt, atque putant vulgo. Quisquis vero tandem eorum auctor sit; illud fatendum omnino est, multa ibi subtilius, quam utilius, multa acutius, quam verius, tradita reperiri. Ut vel hoc mihi indico sit, aliquem in pulvere Euclideo Doctorem Erhardum nempe Weigelium iis elucubrandis insudasse. Лейбницъ, когда онъ былъ еще іенскимъ студентомъ, писалъ Якову Томазію 2-го сентября 1663 года: Unus mihi Dominus Pufendorfius notus est, qui tamen sua elementa jurisprudentiae ex Weigelii nostri Ethica Euclidea manuscripta dicitur fere tota efformasse (Die Philosophischen Schriften von G. W. Leibnitz, herausgegeben von C. J. Gerhardt. Erster Band, Berlin, 1875, стр. 8). Впослѣдствіи, въ началѣ XVIII вѣка, Лейбницъ писалъ уже не такъ категорически: Feu M. Erhard Weigel, Mathématicien de Jena en Thuringe, inventa ingénieusement des figures, qui représentoient des choses morales. Et lorsque feu M. Samuel de Puffendorf, qui étoit son disciple, publia ses Elémens de la jurisprudence universelle assez conformes aux pensées de M. Weigelius, on y ajouta dans l'Edition de Jena la sphère morale de ce Mathematicien (Nouveaus essais sur l'entendement humain, L. IV, Ch. III, § 20).

[2]) Quartalische Vorbereitung, am Ende des mit dem 1699 sten Jahr ablauffendem Siebenzehnten seculi. Das Winter-Quartal. Der II Satz, § 5.

[3]) Lib. I, Def. III, § 1: Status dicitur ens suppositivum, quia rebus moralibus positivis velut substernitur, ut in eo suam, quam habent, moralem existentiam quasi ponant, et actiones suas atque effectus

Выноски 4 и 5 см. на слѣд. страницѣ.

измѣрять количественно достоинство людей [1]), экономическую цѣнность предметовъ [2]) и человѣческія дѣянія [3]). Въ послѣднемъ отношеніи Пуффендорфъ вслѣдъ за Вейгелемъ пошелъ такъ далеко, что измѣрялъ уклоненія поступковъ отъ нормы закона особыми радіусами („радіусами намѣренія", „радіусами исполненія") на моральномъ шарѣ—Sphaera moralis [4]). Въ своей позднѣйшей книгѣ De jure naturae et gentium libri octo [5]) Пуффендорфъ опять отмѣчаетъ вліяніе, оказанное на

exserant. Atque ita analogiam quandam habet cum spatio, quod itidem rebus naturalibus velut supponitur, ut in eo suam, quam habent, naturalem existentiam ponant, et motus suos physicos exerceant. § 2: Dividi autem potest status ad analogiam Spatii in Ubicativum et Quandicativum. Ille est, qui involvit respectum ad aliquod ubi morale. § 12: Status quandicativus est, qui respectum involvit ad quando seu tempus moraliter consideratum. Стр. 7, 8, 19).

[4]) Lib. I, Def. IV: Persona moralis est persona spectata cum statu suo, quem habet in vita communi (Стр. 20).

[5]) Lib. I, Def. V: Res moralis est res spectata cum respectu pertinentiae ad personas (Стр. 24).

[1]) Lib. I, Def. IX: Existimatio est valor personarum in vita communi, secundum quam aptae sunt cum aliis personis exaequari aut comparari, eisque vel antehaberi, vel postponi. § 1. Existimatio personarum in vita communi est vel simplex vel intensiva (Стр. 74).

[2]) Lib. I, Def. X: Pretium est quantitas moralis seu valor mercium aut rerum et actionum homini bonarum in vita communi, secundum quod aptae sunt invicem comparari.

[3]) Lib. I, Def. XVIII: Quantitas actionum moralium est modus aestimativus, quo illae dicuntur quantae (Стр. 232).

[4]) Стр. 232 и 233: Mala vero actio quoniam a lege declinat, distantiam aliquam omnino habet a lege, majorem, minorem, unde peccatum majoreitatis et minoreitatis rationem sortitur; quemadmodum una curvitas a rectitudine magis discedit quam altera. Est autem haec a lege distantia neque longitudini, neque latitudini, neque profunditati similis, quae rectitudine mensurari possit; sed habet instar anguli rectilinei, cujus magnitudo arcu circuli ex puncto crurum communi tanquam centro descripti, cruribus dictis intercepto, mensuratur. Схема шара на стр. 234.

[5]) Цитируемъ изданіе 1672 г., Londini Scanorum.

него Вейгелемъ [1]). Здѣсь онъ возобновляетъ ученіе о моральныхъ существахъ [2]) и моральныхъ величинахъ, которыя, хотя и отличны отъ физическихъ величинъ, однако подлежатъ количественному изслѣдованію [3]); поэтому, говоритъ Пуффен-

[1]) Lib. I, Cap. II, § 3: Quae omnia prolixius explanavit Erhard Weigelius in Analysi Aristotelica ex Euclide restituta, quo ex nostratibus de illa doctrina hactenus nemo melius est meritus (стр. 22).

[2]) См. Lib. I, Cap. I: De origine et varietate entium moralium; Lib. I, Cap I. § 12: Entia moralia, quae ad analogiam substantiarum concipiuntur, dicuntur personae morales.

[3]) Lib. I, Cap. I, § 22: Adparet enim in vita communi personas et res aestimari non tantum secundum extensionem substantiae physicae, aut intensionem motus, et qualitatum physicarum, prout consideratur tanquam aliquid ex principiis naturalibus resultans: sed et secundum aliud quantitatis genus, et diversum a quantitate tam physica quam mathematica; quae quantitas ex impositione, et determinatione potentiae rationalis oritur (стр. 18 и 19) Lib. V, Cap. I, § 2: Deprehendimus ergo in vita communi res invicem dici aequales, non solum quod coincidant secundum tres dimensiones, sed et alio quodam respectu. Sic enim dignitates, operae, merces, aequales invicem aut inaequales dicuntur alio intuitu, quam ob coincidentiam dimensionum. Inde necessum est dari aliquam quantitatem praeter physicam et mathematicam, circa quam solam hactenus philosophi videntur soliciti fuisse. Id quod clarius adparebit, si attendamus, quantitatis universim sumtae rationem formalem consistere non in extensione substantiae, sed ut ita dicam in aestimativitate; seu ideo primo res dicuntur quantae, quatenus aestimari possunt, et consequenter inter se comparari, utrum aequales sint, an inaequales. Cum autem res aestimari queant non solum secundum substantiam suam physicam, sed etiam secundum considerationem quandam moralem; consequitur praeter quantitatem physicam dari etiam quantitatem moralem, secundum quam scilicet res aestimantur moraliter (стр. 590 и 591). Lib. I, Cap. II, § 10: Diversa natura quantitatis physicae et moralis. Physicae enim quantitates inter se exactissime comparari, mensurarique ac in certas partes dividi possunt: idque quia repraesentantur in materia sensibus subjecta. Unde accurate licet determinare, quam rationem aut proportionem istae inter se habeant, accedentibus praesertim numeris, quorum ope ista omnia

дорѣъ, Аристотель совсѣмъ напрасно отрицалъ возможность рѣшать моральные вопросы съ математическою точностью.

Не менѣе значительно было вліяніе, оказанное Вейгелемъ на Лейбница. Авторъ упоминавшейся выше (на стр. 491 примѣч. 2) новѣйшей монографіи о философіи молодого Лейбница [1]) В. Кабитцъ оцѣнилъ, наконецъ, это вліяніе со всѣми его весьма крупными послѣдствіями для дальнѣйшаго развитія философскихъ идей Лейбница [2]). До послѣдняго же времени это вліяніе совершенно игнорировалось.

А между тѣмъ оно весьма существенно отразилось на философскихъ исканіяхъ Лейбница. Въ 1663 году Лейбницъ, разочаровавшись въ лекціяхъ профессора математики Кюна (Kühn), перешелъ изъ Лейпцигскаго университета въ Іенскій со спеціальною цѣлью поучиться у Вейгеля [1]), въ которомъ онъ инстинктивно чуялъ родственную натуру. Вейгель тоже оцѣнилъ впослѣдствіи „своего почтеннѣйшаго Лейбница" [2]).

---

subtilissime exprimuntur. Ac sunt praeterea quantitates istae aliquid naturale, eoque immotum et perpetuum. Ast quantitates morales proveniunt ex impositione et aestimatione entium intelligentium et liberorum, quorum judicium atque placitum uti sub suram physicam non cadit; ita quod ista tanquam quantitatem sua impositione concipiunt atque determinant, ad similem mensuram revocari nequit, sed velut libertatem ac laxitatem suae originis retinet и т. д. (стр 33).

[1]) Монографія эта появилась послѣ выхода нашего этюда о Вейгелѣ, первоначально напечатаннаго въ IV выпускѣ Записокъ общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ, изданномъ въ томъ же 1909 году.

[2]) Вейгель, говоритъ онъ, больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, содѣйствовалъ освобожденію его отъ оковъ схоластики; онъ же впервые познакомилъ его съ новѣйшими естественнонаучными идеями (Die Philosophie des jungen Leibniz, Heidelberg, 1909, стр. 9). Далѣе, утверждаетъ Кабитцъ, Вейгель подготовилъ Лейбница къ знакомству съ Гоббесомъ (стр. 11) и внушилъ ему одну изъ основныхъ тенденцій его позднѣйшей философіи: die Grundkonzeption des Systems, nach welcher das Universum ein harmonisches, mathematisch-logisch gegliedertes Ganze ist, Metaphysik und Mathematik daher als die grundlegenden Wissenschaften und die demonstrative Methode als die eigentlich wissenschaftliche Methode zu betrachten sind, war ihm durch Weigel zur festen Ueberzeugung geworden, ehe er Hobbes kennen lernte (стр. 12).

[1]) См. Guhrauer, Gottfried Wilhelm Freiherr von Leibnitz. Eine Biographie, Erster Theil, Breslau, стр. 32.

[2]) Honoratissimus meus Leibnitzius, sagacissimi vir ingenii (Corporis pansophici Pantologia стр. 39).

Онъ отвратилъ молодого философа отъ схоластики. Какъ вспоминалъ впослѣдствіи (въ 1693 г.) Лейбницъ, Вейгель пользовался при этомъ однимъ своеобразнымъ пріемомъ: въ спорахъ съ приверженцами схоластики онъ заставлялъ ихъ переводить на нѣмецкій языкъ ихъ термины; когда при этомъ обнаруживалась вся ихъ безсодержательность, онъ безъ труда поднималъ ихъ на смѣхъ. Далѣе, Вейгель сообщилъ ему одну изъ своихъ основныхъ тенденцій, именно, стремленіе сочетать Аристотеля съ новою естественною философіею [3]). Подъ вліяніемъ Вейгеля Лейбницъ мечталъ объ универсальномъ знаніи математической достовѣрности, которое замѣнило бы споры счетомъ и которое распространялось бы также и на моральный міръ. Въ одномъ недавно изданномъ отрывкѣ Лейбница, написанномъ около 1686 г. [4]), доказывается необ-

---

[3]) Въ этомъ отношеніи еще Брукеръ высказывался очень категорически: Maxime autem plurimum incrementorum ad Leibnizianam eruditi nem accessit ex lectionibus Weigelii... Et huic quoque praeceptori eius tribuendum videtur, quod eo tempore ad syncretismum inter veteres et recentiores philosophos, a quo abhorrebat Thomasius, inclinaverit. Weigelium enim inter Aristotelem et novatores pacisci voluisse, ipse nos docet Leibnizius (Historia critica philosophiae, T. IV, p. II. Lipsiae, 1744, стр. 340). Гинрихсъ отмѣчаетъ мимоходомъ вліяніе Вейгеля на Лейбница въ этомъ отношеніи. См. Geschichte der Rechts-und Staatsprincipien, Band III, Leipzig, 1852, стр. 2.

[4]) Projet et Essais pour arriver à quelque certitude pour finir une bonne partie des disputes et pour avancer l'art d'inventer. См. Opuscules et fragments inédits de Leibniz, par L. Couturat, Paris, 1903, стр. 175 и слѣд.

ходимость установить принципы метафизики, физики и морали съ такою же достовѣрностью, какъ и элементы математики, и затѣмъ перечисляются попытки осуществить эту мечту. Въ этомъ чрезвычайно любопытномъ перечисленіи далеко не послѣднее мѣсто отводится нашему автору [1]). Ученикъ Вейгеля сказался въ попыткахъ Лейбница геометрически демонстрировать моральныя понятія и постулаты: въ одномъ изъ недавно изданныхъ отрывковъ Лейбницъ прибѣгаетъ для этого къ цѣлой системѣ эксцентрическихъ круговъ [2]) (Пуффендорфъ для той же цѣли прибѣгалъ къ треугольникамъ). Когда въ 1669 году Лейбницъ ordine geometrico доказывалъ необходимость избранія на польскій престолъ нейбургскаго пфальцграфа [3]), онъ даже опередилъ своего учителя, который, какъ упомянуто выше, только въ 1689 году, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія Вѣны Яномъ Собѣскимъ ordine geometrico рѣшалъ въ очень успокоительномъ смыслѣ вопросъ о степени турецкой опасности для европейской политики [4]).

Подробнѣе всего высказывается Лейбницъ о Вейгелевой морали въ отрывкѣ Animadversiones ad Weigelium, изданномъ въ 50-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія [5]). Отрывокъ

[1]) Стр. 179 и 180: Il y a un très habile professeur à Jena nommé Mons. Weigelius; qui a publié un bel ouvrage appellé Analysis Euclidea, ou il y a beaucoup de belles pensées pour perfectionner la logique et pour donner des demonstrations en philosophie;... il a aussi donné une sphere morale fort ingenieuse, qui est une maniere d'allegorye d'expliquer toute la morale, par le rapport à la doctrine de la sphere des Astronomes. Cette sphere morale est adjoutée à l'Edition de Jena des Elements de Jurisprudence Universelle de Mons. Pufendorf qui y a mis aussi quelques definitions et Axiomes à la façon des Geometres.

[2]) Тамъ же, стр. 331.

[3]) См. выше, стр. 392.

[4]) Grundmässige Auffl̈osung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse. Jena, 1689.

[5]) См. Nouvelles lettres et opuscules inédits de Leibniz, par A. Foucher de Careil, Paris, 1857, стр. 146—170.

этотъ написанъ по поводу книги Вейгеля Wienerischer Tugend-Spiegel, появившейся въ 1687 году. Лейбницъ отзывается съ величайшимъ уваженіемъ о „знаменитѣйшемъ" [1]) Вейгелѣ и о его „изящнѣйшихъ аналогіяхъ между математическими и моральными предметами" [2]). Вполнѣ присоединяясь къ утвержденію Вейгеля, что всякое строгое разсужденіе есть своего рода счетъ, Лейбницъ выражаетъ намѣреніе подробнѣе развить правила этого счета, пока же восхищается тѣмъ, что уже сдѣлалъ Вейгель [3]). Особенно удачными кажутся Лейбницу слѣдующія опредѣленія Вейгелева „Вѣнскаго Зерцала": крайній избытокъ любви—это обоготвореніе, раболѣпство—это избытокъ человѣчности, заговоръ—избытокъ согласія [4]). Далѣе Лейбницъ присоединяется къ Вейгелевой попыткѣ доказать геометрически бытіе Божіе и выражаетъ надежду сдѣлать это съ большею строгостью. Наконецъ, онъ хвалитъ Вейгеля за то, что тотъ пробилъ ледъ [5]) въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Педагогическія идеи Вейгеля вообще не остались безъ вліянія на Лейбница [6]). Можно предположить,

[1]) Стр. 148.

[2]) Стр. 146: Et elegantissimae sunt illae quibus passim utitur analogiae rerum mathematicarum cum moralibus, aptaeque ad infigendas animis utrasque veritates, ut in actum ipsum, data occasione, prorumpant.

[3]) Стр. 162: Omnem etiam severam ratiocinationem esse computi genus optime inculcatur; qua de re aliquando (Deo volente) dabo nova et ad hunc computum actu ipso exercendum profutura ultra ea quae quis facile suspicetur. Interea elegantibus Weigelii nostri analogiis nos oblectabimus.

[4]) Стр. 162.

[5]) Стр. 146: glaciem frangit.

[6]) Въ 1697 году Лейбницъ писалъ: Was nun meine, über die von ihm gethane Vorschläge habende Meinung betrifft, so ist bekannt, das Herr Weigelius ein in Mathesi sehr erfahrener und gelehrter Mann, und der dabei ein ganz löbliches Absehen zum gemeinen Besten führt, welches er sonderlich in seiner vorgeschlagenen „Tugendschule" zu erkennen gegeben, allwo er darauf treibet, dass die Jugend in den Schulen nicht nur zu Verbal-sondern auch Realwis-

что Лейбницъ былъ членомъ основанной Вейгелемъ societas Pythagorea [1]).

Въ большей степени спорнымъ представляется вліяніе математическихъ идей Вейгеля на Лейбница. Канторъ склоненъ совершенно отрицать его [2]). Э. Кассиреръ мимоходомъ упоминаетъ о вліяніи на юношескія работы Лейбница, особенно на De principio individui, математическихъ идей Вейгеля, именно его примѣненія алгебры къ метафизикѣ [3]). Вліянію Вейгелевой tetractys—замѣны десятеричнаго счета четверичнымъ—можно приписать попытку Лейбница замѣнить его еще болѣе упрощеннымъ счетомъ—calculus dyadicus [4]).

Остается открытымъ вопросъ о непосредственномъ вліяніи Вейгеля на Спинозу. Пока еще намъ не удалось уста-

---

senschaften, und nicht nur zu Wissenschaften, sondern auch zu Tugenden geführt werden möchte. Ich stehe auch in den Gedanken, dass ein und anderes davon gar, wohl in wirkliche Uebung zu bringen wäre (См. Guhrauer, Leibniz's deutsche Schriften, II, стр. 473).

[1]) См. R. Eucken, Beiträge zur Einführung in die Geschichte der Philosophie, Leipzig, 1906, стр. 185.

[2]) Vorlesungen über Geschichte der Mathematik. III Band, zweite Auflage, Leipzig, 1901, стр. 29: Grosse Förderung erhielt Leibniz offenbar nicht durch Weigel, wenigstens sagt er nirgend dergleichen.

[3]) Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, Marburg, 1902, стр. 489.

[4]) Въ письмѣ къ Іоанну Бернулли отъ 29 апрѣля 1701 года Лейбницъ, быть можетъ, изъ авторскаго самолюбія, безусловно отрицалъ вліяніе Вейгеля: scopum diversum a meo diversissimasque hic cogitationes habebat... molitus sum ante multos annos, etiam antequam quicquam constaret de Tetracty illa nuper ressuscitata (Leibnizens mathematische Schriften, herausgegeben von C. J. Gerhardt, Zweite Abtheilung, Band III, Halle, 1856, стр. 660 и 661). Не такъ рѣшительно высказывается Лейбницъ въ Animadversiones ad Weigelium: puto non tantum tetractycam decimali esse praeferendam; sed et ipsi tetractycae rursus praeferendam esse dyadicam quae omnium perfectissima est. Относительно tetractys см. L. Couturat, La logique de Leibniz d'après des documents inédits, Paris, 1901, стр. 473.

новить документальнымъ путемъ слѣды прямого знакомства послѣдняго съ сочиненіями Вейгеля: въ числѣ 160 книгъ, составлявшихъ библіотеку Спинозы, нѣтъ ни одного сочиненія Вейгеля [1]); не упоминаетъ о немъ Спиноза также и въ своей перепискѣ. Трудно однако предположить, чтобы Спиноза, который, несмотря на уединенную жизнь, внимательно слѣдилъ за научными и философскими идеями своего времени и который оставилъ рукопись, озаглавленную Ethica ordine geometrico demonstrata, ничего не зналъ о книгѣ считавшагося тогда знаменитымъ Вейгеля, озаглавленной: Analysis Aristotelica ex Euclide restituta. Естественнѣе допустить, что онъ заинтересовался ею и заодно другими сочиненіями Вейгеля. А тогда является искушеніе утверждать, что Вейгель повліялъ на Спинозу. Если даже признать, что Спиноза, также какъ и упоминавшійся выше Ѳома Англійскій, авторъ книги Euclides metaphysicus [2]), шелъ самостоятельнымъ путемъ или подвергался инымъ вліяніямъ, то за Вейгелемъ всетаки безспорно остается первенство во времени; его Analysis появилась въ 1658 году, между тѣмъ какъ Спинозова Этика вышла въ 1677 году [3]).

---

[1]) См. Inventaire des livres formant la bibliothèque de Bénédict Spinoza, par A. I. Servaas van Rooijen, La Haye, 1889, стр. 119—198.

[2]) См. выше, стр. 452.

[3]) Въ одной книгѣ, появившейся черезъ 10 лѣтъ послѣ „Этики", Вейгель высказывается о ней. Онъ рѣшительно выступаетъ противъ отождествленія Бога съ природою, а также противъ матеріалистической, по его мнѣнію, тенденціи Спинозова монизма: dieses Gantze (ob es gleich extensum wäre) sey selbst Gott, sonst sey gar nichts substantiales, ohne das, was extens ist, und was zehlbare Stücken ausser einander hat, die pur gezehlt, ein Gantzes, eine Summa, ein Gesamtes, kurtz, ein Corpus, geben, diss allein, nichts anders, sey selbständig, wie Spinosa unbesonnen vergegeben (См. Erhardi Weigelii Aretologistica, die Tugend-übende Rechen-Kunst. Nürnberg, 1687, стр. 162).

Замѣченныя опечатки.

На стр.	13	строка	8	сверху	пропущено: правда, не отъ своего собственнаго имени.
„ „	19	„	11	снизу	вмѣсто Ces - Cartes слѣдуетъ Des - Cartes
„ „	67	„	6	снизу	„ horplogii слѣдуетъ horologii
„ „	110	„	10	снизу	„ XVII слѣдуетъ XVIII
„ „	230	„	13	снизу	„ 177 „ 180

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Задача и планъ изслѣдованія 1

Введеніе.

Глава I. Гуманизмъ и XVII столѣтіе. 5

Критическая работа гуманистовъ (7). Недостатки гуманистической учености (11). Образованность XVII вѣка (17). Споръ древнихъ и новыхъ (20).

Глава II. Раціонализмъ XVII вѣка 23

Причины отрицательнаго отношенія историковъ къ раціоналистамъ XVII вѣка: переоцѣнка Бэкона (24) и двойственное отношеніе къ нимъ Конта (29). Задачи позитивнаго раціонализма XVII вѣка: механика физической природы (33), механика моральной природы (33) и механика міра, какъ цѣлаго (35).

Часть I-я. Новое міровоззрѣніе.

Глава III. Моральное міровоззрѣніе 38

Переходъ отъ моральнаго міровоззрѣнія къ физиче-

Стр.

скому (39). Особенности моральнаго міровоззрѣнія: антропоморфизмъ (41), телеологизмъ (43), іерархизмъ (43).

Глава IV. Физическое міровоззрѣніе 46

Отказъ отъ антропоморфизма (47), телеологизма (48) и іерархизма (49). Радикализмъ новаго міровоззрѣнія, теоретическій (53) и практическій (55). Отказъ отъ метафизики (59). Позитивизмъ (60). Физицизмъ (61).

Глава V. Проблема природы 65

Отказъ отъ схоластическихъ „природъ" (65). Свобода природы (68). Ея самосохраненіе (69). Природа, какъ автоматъ (70). Простота природы (71). Ея порядокъ (73), закономѣрность (74) и необходимость (76).

Глава VI. Проблема человѣка 79

Отказъ отъ антропоморфизма (81), телеологизма (81) и іерархизма (82). Отказъ отъ предпосылокъ этики (83). Проблема физической науки о человѣкѣ (85).

Глава VII. Проблема Бога 87

Религіозность XVII вѣка (87). Кризисъ религіозныхъ представленій подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія (89). Обвиненіе въ атеизмѣ Декарта (91) и Спинозы (94). Богъ у Спинозы (96). Разграниченіе науки и богословія (98). Естественное богословіе (101). Богъ, какъ первопричина (107). Деизмъ (108). Теодицея, физическая (113) и моральная (116). Богъ, какъ постулатъ этики (119). Богъ въ „Этикѣ" Гейлинкса (120).

Стр.

Часть II. Новая теорія науки.

Глава VIII. Проблема истины 124

I. Платонъ и діалектическій раціонализмъ 126

Проблема разума (128). Проблема методы (129). Ея неудача (130). Метафизика (134).

II. Аристотель и терминологическій раціонализмъ 136

Аристотель и опытъ (138). Аристотель и схоластика (141).

III. Естествознаніе XVII вѣка и позитивный раціонализмъ 143

Доказательство и реальность (144). Математика (146). Открытіе истины (149). Отказъ отъ эмпиріи (151). Дедукція (151).

IV. Теорія истины въ XVII вѣкѣ 153

Вѣра въ истину (153). Скептицизмъ Паскаля (155). Методическое сомнѣніе (157). Дедукція (158). Тождество мысли и бытія (158).

V. Начало упадка классической теоріи истины въ XVIII столѣтіи . . . 162

Гносеологическій дуализмъ субъекта и объекта (162). Его безвыходность (163). Начало гносеологическаго упадка въ XVII вѣкѣ (165). Локкъ (166). Французскій матеріализмъ XVIII вѣка (167). Метафизическая „природа" (171). Юмъ и Беркли (172). Гносеологія „явленій" (173).

Стр.

VI. Кантъ и продолженіе упадка 174

Кантъ, какъ эклектикъ (177). Элементы его философіи: раціоналистическіе (180), историческіе (181), психологическіе (182), діалектическіе (184), эмпиристическіе (189), метафизическіе (190).

VII. Послѣдствія упадка въ гносеологіи XIX вѣка 192

„Субъективный" разумъ: психологическій антропоцентризмъ Л. Фейербаха (193), мизантропическій эгоцентризмъ М. Штирнера (193), психопатическій метаэгоизмъ Ницше (194). „Объективный" разумъ (195). Гносеологія „оцѣнки" (197). Пуанкаре (197). Джемсъ и прагматизмъ (198). Прагматизмъ и метафизика (201).

VIII. Заключеніе. 204

Историческіе и вѣчные элементы въ гносеологіи XVII вѣка (205).

Глава IX. Методика истины 207

Отношеніе новаторовъ XVII вѣка къ методологическимъ вопросамъ (207).

A. Критика схоластической методологіи 210

I. Силлогизмъ. 210

Недостатки силлогизма: отсутствіе реальнаго познанія (212), отсутствіе однозначной истины (213), антимонистическая тенденція (214). Реальный силлогизмъ (215).

II. Абстракція 217

Стр.

„Эссенціи", логическія (218) и химическія (219). „Спеціи" (220). Отказъ новаторовъ XVII вѣка отъ спецій (221), а также отъ различія эссенціи и эксистенціи (222).

III. Діалектика 224

Отказъ отъ схоластическихъ диспутовъ (224). Причина заблужденій (226).

Б. Методологія XVII вѣка 231

I. Интуиція 234

Знаніе и созерцаніе (234). Интуиція въ философіи Индіи (236), Греціи (236), и средневѣковья (238). Геометрическая интуиція раціоналистовъ XVII в. (240). Интуиція въ философіи Декарта (241), Мальбранша (245), Спинозы (245), Амоса Коменскаго (247), Гоббеса (247), Паскаля (247), Э. Вейгеля (248), Лейбница (248), Маріотта (249). Интуиція у раціоналистовъ XVII вѣка и у Канта (250). Вопросъ о реальности пространства (251). „Чистое созерцаніе" (Anschauung) Канта (256). Интуиція у эпигоновъ Канта (257). Спекулятивная философія XIX вѣка (258). Реставрація интуиціи въ новѣйшее время: Е. Г. Шмиттъ (260) и Н. О. Лосскій (262).

II. Дедукція 265

Дедукція, какъ продолженіе интуиціи (265). Ея позитивизмъ (266).

III. Демонстрація 267

Сочетаніе умозрѣнія и умозаключенія (267). Вырожденіе демонстраціи въ XVIII вѣкѣ (269).

Стр.

IV. Конструкція 270

Геометрія, какъ образецъ конструкціи (272). Декартъ и Вико о предѣлахъ конструкціи (273).

V. Опредѣленіе 275

Опредѣленія, какъ принципы науки (275). Отказъ отъ опредѣленій въ средневѣковомъ смыслѣ (279). Критика опредѣленій по роду и виду (281). Теорія каузальнаго и конструктивнаго опредѣленія (283). Судьба опредѣленій послѣ XVII вѣка (286).

VI. Познаніе причинъ 289

Причинность у раціоналистовъ XVII вѣка (290). Четыре эпохи въ исторіи проблемы причинъ (293). Первая эпоха: причинность до XVII вѣка (293). Слѣды перипатетическаго пониманія причинъ у раціоналистовъ XVII вѣка (294). XVII вѣкъ — вторая эпоха (297). Новое физическое (297), конструктивное (297) и логическое (298) пониманіе причинности. Поглощеніе причинъ закономъ тождества (299). Новая теорія причинъ у Декарта (300), Гоббеса (301), Спинозы (301)—законъ сохраненія субстанціи (303), causa sui (304), — Лейбница (305). Панлогизмъ Лейбница (308). Отсутствіе различія между аналитическими и синтетическими сужденіями (308). Уравненіе причинъ и слѣдствій (310). Третья эпоха - Юмъ и феноменализмъ (313). Шопенгауэрова критика пониманія причинности въ XVII в. (314). Четвертая эпоха— Робертъ Майеръ (316). Реставрація идей XVII вѣка (317).

VII. Анализъ и синтезъ 318

Характеристика анализа и синтеза (319). Предпочте-

Стр.

ніе синтеза анализу въ XVII вѣкѣ (321). Предпочтеніе анализа синтезу въ XVIII вѣкѣ (323). Мнѣніе Кузена (323) и Гете (324). Субъективный синтезъ О. Конта (325). Объективная синтетическая философія Спенсера (327).

VIII. Mathesis universalis 328

Раціоналисты XVII вѣка и математика (329). Ариѳметика (331). Геометрія (333). Геометрія и физика (333). Геометрія и психика (334). Геометрія и искусство (335). Геометрія и религія (336). Сатира Свифта (337). Пантометрія и геометрическая метода (337).

IX. Пантометрія 338

Наука объ „отношеніяхъ" (338). Физическая пантометрія (339). Психическая пантометрія (340). Проблема физической психологіи (340) и психофизики (343). Моральная пантометрія, или этометрія (345). Отношеніе новѣйшей литературы къ соціальной физикѣ XVII вѣка (346). Судьба идей Гоббеса (347). Пантометрія въ правѣ (350). Лейбницъ и правовѣдѣніе (351). Общество, какъ механизмъ (353). Гаррингтонъ (353). Слѣды соціальной механики у Монтескье (354). Механика международныхъ отношеній (355). Механика меркантильной системы (355). Механика экономики (356). Механика движенія населенія (357). Теорія „моральныхъ существъ" (359). Ихъ старое схоластическое значеніе (359). Новое пониманіе моральныхъ существъ (362). Ученіе о нихъ Пуффендорфа (363). Status (364). Сложныя моральныя существа (367). Открытіе Лёвенгука (368). Его

Стр.

вліяніе на философію XVII вѣка (368) и на понятіе юридическаго лица (370). Дома (370), Гоббесъ (371), Спиноза (372), Конрингъ (372). Государство, какъ произведеніе искусства (373). Позднѣйшая судьба моральныхъ существъ (375).

X. Геометрическая метода 377

Распространенность геометрической методы въ XVII вѣкѣ (377). Лейбницъ о геометріи въ римскомъ правѣ (378). Слѣды методы у Монтескье (380). Причина популярности геометрической методы (381). Сущность ея (383). Ея правила (385). Отношеніе къ ней математиковъ и физиковъ (386). Отношеніе къ ней физицистовъ (388). Недостатки методы (390). Геометрическая дедукція вопросовъ текущей политики (391). Растянутость методы (395). Ея отношеніе къ объективной дѣйствительности (397). Ея отношеніе къ человѣческому общежитію (398). Конрингъ (399). Исторія (400). Лейбницъ и исторія (403). Спиноза и исторія (405). Онтологія и деонтологія у Гуго Гроція (406). Отсутствіе этого раздвоенія въ новой физической наукѣ (409). Проблема методической деонтологіи у Канта (410) и въ XVII столѣтіи 411). Декартъ и этика (411). Неудовлетворительность традиціонной этики (413). Математическая очевидность этики (415), особенно у Локка (416). Истины разума и истины факта (416). Методологія новой этики (418). Ея задачи (419). Человѣкъ, какъ свободное существо (420). Свобода и долгъ (422). Необходимость физическая и моральная (424). Этика Гейлинкса (425). Добродѣтель и обязанность (427). Этика и Богъ (428). Геометрическая дедукція адэкватнаго нравственнаго

Стр.

закона (429). Понятіе „адэкватнаго" и его настоящій смыслъ въ XVII столѣтіи (430). Адэкватный этическій императивъ (432). Формула нравственности (433). Судьба этической деонтологіи въ XVIII столѣтіи (433).

Глава X. Систематика истины 435

Радость познанія (436). Терпимость (437). Отношеніе къ личнымъ невзгодамъ (438). Увѣренность въ обладаніи полною истиною (439).

I. Пансофическая проблема 440

Положеніе проблемы до XVII вѣка (441). Бэконъ (441). Появленіе раціональной пансофіи (442). Вѣра въ единообразіе міра (442). Союзъ sive въ философіи XVII вѣка (443). Вѣра въ единообразіе науки о мірѣ (444). Декартъ (444). Чирнгаузенъ (446).

II. Пансофическія системы XVII вѣка . . 447

Бэконъ (447). Амосъ Коменскій (447). Судьба его „Пансофіи" (448). Pansophiae Prodromus (449). Задача пансофіи (450). Вліяніе новаго научнаго духа (450). Постороннія вліянія (451). Ѳома Англійскій (452). Euclides Metaphysicus (452). Эргардъ Вейгель и его пансофическія работы (453). Декартъ и Principia philosophiae (454). Клаубергъ и „Онтософія" (454). Лейбницъ (455). Спиноза (456). Спинозизмъ и проблема научной систематики (457).

III. Причины неудачи пансофическихъ системъ 458

Стр.

1. Несоотвѣтствіе между идеаломъ науки и ея дѣйствительнымъ положеніемъ (458). Истина познанная и непознанная (459). 2. Проблема индивидуальнаго (460). Три возможныхъ типа отношеній между единичнымъ и общимъ: точка зрѣнія Лейбница (460), Шеллинга (461) и Токвиля (462), Виндельбанда (463). Теорія XVII вѣка (464). Проблема индивидуальнаго у Клауберга (464), Мальбранша (464), Спинозы (465)—особенно въ истолкованіи Карла Томаса (465).—Лейбница (466), Конринга (467). 3. Діалектика вселенной (468). Критика Лами (468) и Бэйля (469). 4. Этическая проблема (469). Нравственное безразличіе пансофіи (470). Критика спинозизма со стороны Монтескье (471) и Якоби (472). Деонтологическая этика XVII вѣка (473) и вносимое ею разстройство пансофической системы (474): система теоретическаго и практическаго разума (474).

IV. Судьба пансофіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. 475

Вырожденіе пансофіи (475). Словари—Бэйль, Вольтеръ (476). Появленіе классификаціи наукъ (476). Проблема классификаціи наукъ въ XVII (477) и XVIII (478) вѣкахъ. Вико (479). Даламберъ (479). Проблема систематики въ XIX вѣкѣ (480). Отношеніе къ ней метафизиковъ и скептиковъ: Шеллингъ (480), Ренанъ (480). Вліяніе біологическихъ идей: Контъ (481), Амперъ (481). Неудача Ампера (483). „Іерархія" наукъ (484). Возрожденіе пансофіи у Гегеля (484). Гегель и Спиноза (485).

Стр.

Глава XI. Эргардъ Вейгель, забытый раціоналистъ XVII вѣка. 488

I. Жизнь и труды Вейгеля. 488

Забвеніе, постигшее Вейгеля (489). Ошибочныя сужденія о немъ (489). Біографія Вейгеля (492). Его сочиненія (494). Его манера писать (495). Литературный стиль въ XVII вѣкѣ (495). Игра словъ у Вейгеля (496). Общественное положеніе ученыхъ въ XVII вѣкѣ (497): Кеплеръ (497), Декартъ, Спиноза, Лейбницъ (498). Новый типъ свѣтскаго ученаго (499). Вейгель и религія (500). Раціонализація теологіи (500). Стремленіе къ объединенію наукъ (501). Академическія столкновенія (502).

II. Analysis Aristotelica ex Euclide restituta 502

Теорія реальнаго силлогизма (503). Проблема апостеріорной и каузальной (504) раціональной науки. Соединеніе Аристотеля съ Эвклидомъ (505). Дѣленіе изслѣдованія (506). Три группы предметовъ демонстративной науки (507): предметы абсолютно реальные (507), условно реальные (508), установленные людьми (509). Принципы демонстративной науки (510): разумъ (511) и опытъ (512), чувственный и умственный (512), реальный (513) и относящійся къ установленіямъ (513). Три степени научности (514). Классификація наукъ (514). Метафизика и ариѳметика (515). Геометрія (516). Физика (516). Антропологія (517). Мораль (518): этика (519), политика (520). Словесная философія (521).

Стр.

III. Проблема пантометріи у Вейгеля . . 521

Idea Matheseos Universae (522). Количественный детерминизмъ (523). Моральныя количества (523); оцѣнка экономическая (524), уголовная и соціальная (525). Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica (525). Вейгель и Струве (526).

IV. Пантогнозія 527

Universi Corporis pansophici Prodromus (527). Чувственное и интеллектуальное познаніе (528). Наука и сравненіе (529). Наука и геометрія (530).

V. Пантологія 531

Corporis Pansophici Pantologia (531). Три рода субстанцій (532). Моральныя субстанціи (533). Моральное пространство (534). Вейгелева таблица (535). Причины появленія ученія о моральныхъ субстанціяхъ и пространствѣ (537). Impositio (538). Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit (539). „Задній міръ“ (540). Ученіе объ экономической цѣнности (541) и правѣ (542). Нравственная таблица умноженія (542). Дѣленіе права (543). Положительное и естественное право (543). Бытовыя нормы (544).

VI. Этика и педагогика 545

Нравственность и математика (545). Zahl и Ziel (546). Геометрія и телеологія (547). Свобода воли (548). Раціональное воспитаніе (549). „Вѣнское зерцало добродѣтели“ (550). „Аретологистика“ (551). Книга о турецкой опасности (552).

Стр.

VII. Вліяніе Вейгеля на Пуффендорфа и Лейбница 554

Вейгель и Пуффендорфъ (554). Elementa Jurisprudentiae universalis (554). De jure naturae et gentium (556). Вейгель и Лейбницъ (558): критика схоластики, реставрація Аристотеля, универсальная математика (559). Animadversiones ad Weigelium (560). Вейгелева математика и Лейбницъ (562). Вейгель и Спиноза (562).